

Историческое Наследие Крыма

Едисанская
Орда

Кочевые орды, вассалы
Крымом ханства

Нейтральные земли между
Россией и Османской империей

2016

Государственный комитет
по охране культурного наследия
Республики Крым

Историческое наследие Крыма

Сборник статей

Симферополь
2016

ББК 63
УБК 087
И90

И90 **Историческое наследие Крыма** : сб. ст. / Гос. ком. по охране культ. наследия
Респ. Крым. — Симферополь : ООО «Антиква», 2016. — 250 с. : ил.
ISBN 978-5-9909176-8-2

Редколлегия

Ефимов Сергей Алексеевич, председатель Госкомитета по культурному наследию Республики Крым — главный редактор
Гржибовская Галина Николаевна, главный редактор издательства «Антиква» — заместитель главного редактора

Айбабин Александр Ильич, доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма КФУ имени В. И. Вернадского

Габриелян Олег Аршавирович, доктор философских наук, профессор Таврической академии КФУ имени В. И. Вернадского

Герцен Александр Германович, кандидат исторических наук, профессор Таврической академии КФУ имени В. И. Вернадского

Зарубин Вячеслав Георгиевич, зампредседателя Госкомитета по охране культурного наследия Республики Крым

Киселёв Сергей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент Таврической академии КФУ имени В. И. Вернадского

Лаптев Юрий Николаевич, директор Крымского этнографического музея

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук, врио директора Института археологии Крыма РАН

Мальгин Андрей Витальевич, кандидат филологических наук, директор Центрального музея Тавриды

Могаричев Юрий Миронович, доктор исторических наук, профессор Крымского республиканского института последипломного педагогического образования

Непомящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Таврической академии КФУ имени В. И. Вернадского

Орехова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор Таврической академии КФУ имени В. И. Вернадского

Романько Олег Валентинович, доктор исторических наук, профессор Таврической академии КФУ имени В. И. Вернадского

Сейдалиев Эмиль Исаевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Крымского инженерно-педагогического университета

Хливнюк Александр Витальевич, кандидат исторических наук, директор Научно-исследовательский центра памятникоохранных исследований

Швец Александра Борисовна, кандидат географических наук, доцент Таврической академии КФУ имени В. И. Вернадского

ББК 63
УБК 087

**Редакционная коллегия благодарит авторов за сотрудничество
и просит отправлять статьи для публикации в следующих выпусках
на e-mail: antikva07@mail.ru или monuments@ark.gov.ua**

ISBN 978-5-9909176-8-2

© Государственный комитет по охране
культурного наследия Республики Крым, 2016
© Издательство ООО «Антиква», оригинал-макет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

К 160-летию окончания Крымской Войны 1853–1856 гг.

Г. Н. Гржибовская

Объекты культурного наследия, связанные с событиями Крымской войны, в Республике Крым: проблемы сохранения и восстановления 5

С. В. Ходич

Хроника дня памятных мероприятий 9

В. В. Крестьянников

Врачи Черноморского флота в Крымскую войну 19

Памятники Крыма

Е. В. Неделькин

Чоргунская башня: к вопросу о дате сооружения 38

Т. Э. Саргсян

Село Тополёвка в Крыму и его армянские памятники 48

Исторические портреты

В. Г. Зарубин

К биографии Николая Николаевича Богданова 73

В. В. Калиновский

Воспоминания как благодарность

Мемуарные публикации И. У. Палимпсестова об архиепископе Иннокентии (Борисове) 76

А. В. Майко, В. В. Майко

Крымский Макаренко.

О педагоге П. В. Никольском (1891–1940) 83

В. В. Орехов

Герой Советского Союза Абдуль Тейфук в военной переписке

(по документам из фондов музея истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского) 90

Военная история Крыма

А. В. Мальгин

Завоевание Крыма войсками 2-й армии князя В. М. Долгорукова в 1771 году 98

С. Н. Ткаченко

Глазами начштаба отряда

Воспоминания В. В. Костыркина о партизанской борьбе на Керченском полуострове в 1941 году 117

Перекрёстки истории

М. Б. Кизилов

Письмо польских пленников 1660 года из Бахчисарая как источник по истории работорговли

в Крымском ханстве в раннее новое время 124

П. М. Ляшук

Город мошенников

Французское торговое поселение Камьеш под Севастополем (1854–1856 гг.) 132

М. В. Владимирский

К истории денежного обращения в период Крымской ССР (май – июнь 1919 г.) 140

Д. А. Борисов

Красный спорт в Крыму.

Продолжение истории (1923–1940 гг.) 149

Д. В. Омельчук

Конвейер ГПУ

Книга о репрессиях, написанная в Крыму 160

Историческое краеведение

А. А. Непомнящий

Первая научная систематизация крымских древностей
История создания и судьба собирателя П. И. Кёппена 164

В. А. Мешков

Как Евпатория стала всероссийским курортом
100-летняя история (1915–2015) 178

В. Г. Хлопунов

Из истории народного образования в Крыму (XIX в. — 30-е гг. XX в.) 185

С. А. Андросов

Деятельность Феодосийского охриси (1920–1924 гг.) в документах
Государственного архива Республики Крым 194

История государственного строительства В Крыму

А. С. Кравчук

К истории российского государственного строительства в Таврической губернии
(первая половина XIX века) 207

С. А. Ефимов

Первые опыты крымской государственности
Административно-территориальное деление советских республик
конца 10-х — начала 20-х годов XX века 221

Рецензии

О. В. Романько

Крымская весна 1944-го: как это было
Рецензия на книгу «Крым 1944. Весна освобождения»
(авт.-сост. С. Н. Ткаченко. М. : Вече, 2014. 512 с.) 236

В. В. Майко

События 1475 года в Крыму: новые факты, гипотезы, осмысление
Рецензия на книгу В. Л. Руева «Турецкое вторжение в Крым в 1475 году»
(Симферополь : Антиква, 2014. 308 с.) 238

Голда Ахиезер

Важная веха в исследовании караимизма
Рецензия на книгу Михаила Кизилова «The Sons of Scripture:
the Karaites in Poland and Lithuania in the Twentieth Century» (De Gruyter Open, 2015. 546 p.) 241

Книжная полка ИНК

Н. Н. Колесникова

Крымская война (1853–1856) в периодических изданиях 2015–2016 годов 243

Календарь событий

Н. В. Кармазина

50 лет Крымскому обществу охраны памятников: итоги и перспективы 246

Список сокращений 249

К 160-летию окончания Крымской Войны 1853–1856 гг.

Г. Н. Гржибовская

Объекты культурного наследия, связанные с событиями Крымской войны, в Республике Крым: проблемы сохранения и восстановления

В соответствии со статьёй 4 Закона Республики Крым от 24 декабря 2015 года № 55-ЗРК «О праздниках и памятных датах в Республике Крым» День памяти воинов, павших при обороне Севастополя и в годы Восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов, ежегодно отмечающийся в Крыму 9 сентября, официально внесён в календарь памятных дат Республики Крым. Этому событию предшествовали двадцать лет упорной и планомерной работы крымских патриотов, не желающих и не позволяющих предать забвению историю, навсегда связавшую Крым с Россией. Большую роль сыграли в этом вопросе позиция и деятельность сотрудников Республиканского комитета по охране культурного наследия — ныне Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым. Обо всём этом мы хотим напомнить читателям журнала.

По инициативе депутатов от Русской общины Крыма 21 ноября 1996 года Верховным советом АРК было принято постановление «О Дне памяти воинов, павших при обороне Севастополя и в Крымской войне в 1854–1855 годах, и мероприятиях по сохранению, восстановлению, содержанию и охране захоронений, памятников и памятных мест, связанных с событиями Крымской войны 1854–1855 годов». 8 сентября 1997 года в соответствии с постановлением в Симферополе и других регионах Крыма впервые прошли мероприятия, посвящённые Дню памяти воинов, погибших при

обороне Севастополя и в других сражениях Крымской войны в 1854–1855 годах. За два десятилетия благодаря стараниям активистов русского движения, историков и краеведов, депутатов крымского парламента разных созывов удалось не просто сохранить память о героях и подвигах русской армии на крымской земле, воссоздать мемориальные захоронения, но и установить новые монументы, издать десятки книг.

В настоящее время в Республике Крым на государственном учёте в качестве объектов культурного наследия состоят многочисленные памятники исто-

рии и монументального искусства, непосредственно связанные с событиями Восточной (Крымской) войны. Среди них братские кладбища воинов, погибших при обороне Севастополя, в Бахчисарае, Евпатории, Симферополе, селе Перекоп Красноперекопского района, могилы генерал-адъютанту П. А. Вревскому и генерал-майору П. В. Веймарну в балке Марьям-Дере (район Свято-Успенского монастыря, Бахчисарай), участника Крымской войны, капитана 1-го ранга Л. А. Ергомышина в Феодосии, кладбище и мемориал на поле Альминского сражения (близ села Вилино Бахчисарайского района), здания, где работали хирург Н. И. Пирогов, первые сёстры милосердия (бывшее Дворянское собрание, ныне Крымская республиканская универсальная научная библиотека имени И. Франко и нынешний учебный корпус Крымского медицинского университета имени С. И. Георгиевского в Симферополе), здания, где проживал Л. Н. Толстой (Симферополь), памятник Л. Н. Толстому близ села Лозового Симферопольского района, где он служил в годы войны, памятник участникам первой обороны Севастополя и основателям посёлка Николаевка Андрею Бобырю и Дмитрию Бобырю (посёлок Николаевка Симферопольского района).

Кроме того, существует ряд объектов культурного наследия, также связанных с событиями тех лет, хотя при постановке их на государственный учёт данный факт не отражался. Это, к примеру, бывшие странноприимный дом А. С. Таранова-Белозёрова, дом таврического губернатора, Симферопольская мужская гимназия (Симферополь), Ханский дворец в Бахчисарае, где располагались в годы войны госпитали.

В советский период многие памятники, имеющие отношение к Крымской войне, были либо разрушены, либо пребывали в полном забвении. Трагической оказалась судьба Братского кладбища в крымской столице. В 1930-е годы здесь были разрушены часовня Св. Марии Магдалины, обелиск в память погибших от благодарных симферопольцев, памятник почётному гражданину Симферополя генерал-лейтенанту А. К. Абрамову.

Правда, следует отметить, что после Великой Отечественной войны отношение к Крымской войне несколько изменилось. В 1950 году был сооружён памятник Л. Н. Толстому в селе Лозовом, появились мемориальные доски на зданиях, где проживал Л. Н. Толстой (Симферополь, улица Толстого, 4), работал Н. И. Пирогов (Симферополь, улица Горького, 10, библиотека имени И. Франко). Ряд памятников, связанных с событиями Крымской войны, был поставлен на государственный учёт.

Однако по могильным холмам Братского кладбища в Симферополе в то время проходила трасса мотодрома, а часть территории была отдана под жилую застройку. Памятник на братской могиле в Евпатории просто перенесли с его исторического места на произвольное.

Настоящая волна варварства захлестнула объекты культурного наследия в 90-х годах прошлого века. Спасти ситуацию могло только привлечение внимания к проблеме широкой общественности. С этой целью ежегодно 8 сентября стали проходить мероприятия, связанные с Днём памяти воинов, погибших в Крымской войне (с 2004 года — 9 сентября), была утверждена соответствующая программа сохранения объектов культурного наследия, действовали комиссия Верховного совета Крыма по увековечению памяти воинов, павших при обороне Севастополя и в Крымской войне, комиссия Верховной рады АР Крым по увековечению памяти воинов, павших в Восточной (Крымской) войне 1853–1856 годов (1996–2004 гг.), затем — организационный комитет.

Республиканский комитет по охране культурного наследия возобновил работы по восстановлению Симферопольского братского кладбища, воссоздал памятник Л. Н. Толстому и похищенные мемориальные доски. В 1997 году по инициативе главного редактора издательства «Таврия» Г. Н. Гржибовской был выпущен буклет «Симферопольское братское кладбище русских воинов, погибших в годы Крымской войны (1854–1856)» (автор В. Н. Гуркович), в издании которого оказал содействие Центральный районный совет города Симферополя (председатель Г. А. Бабенко). В 2000 году для привлечения иностранных спонсоров к восстановлению памятников Крымской войны была издана брошюра В. Н. Гурковича «Французское военное кладбище в Севастополе».

Благодаря настойчивости комиссии крымского парламента, патриотической общественности благодарное дело возвращения исторических памятников было продолжено. Депутат Симферопольского городского совета, генеральный директор ЗАО «Симкоммунсервис» В. П. Гончаренко на личные средства и средства этого предприятия начал работы по восстановлению симферопольского Братского кладбища. В 2003 году средства на возрождение храма-часовни перечислены Русским культурным центром Фонда «Москва — Крым»; предприниматель С. Ф. Сундуков профинансировал восстановление фигуры солдата Владимирского полка на поле Альминского сражения и благоустройство мемориала. По инициативе Симферопольской и Крымской

епархии на бывшем доме А. С. Таранова-Белозёрова в Симферополе, где располагался госпиталь, установлена мемориальная доска.

В 2003 году правительство Москвы выделило средства для восстановления храма на кладбище воинов русской армии, погибших в годы Крымской войны, а также на благоустройство территории православного кладбища в Бахчисарае (улица Пушкина), где захоронены воины, погибшие в период Крымской войны.

К сентябрю 2004 года мемориальный комплекс «Симферопольское братское кладбище», включающий храм Св. Марии Магдалины, было полностью восстановлено. Совет министров АР Крым принял постановление о передаче его Симферопольской и Крымской епархии УПЦ МП.

В январе 2005 года на территории кладбища Республиканским комитетом по охране культурного наследия установлена аннотационная доска, были открыты мемориальные доски на зданиях бывших госпиталей, совместно с ЗАО «Симкоммунсервис» восстановлены утраченные мемориальные доски, посвящённые Л. Н. Толстому и Н. И. Пирогову.

В 2006 году Республиканским комитетом по охране культурного наследия по инициативе архитектора Бахчисарайского историко-культурного заповедника В. Н. Борисова на здании, расположенном на улице К. Маркса, 9, в Бахчисарае, появилась памятная доска, посвящённая пребыванию в доме в 1855 году российского императора Александра II, прибывшего для встречи с героическими защитниками Севастополя. Заповедником осуществлён ремонт фасада исторического здания. Республиканским комитетом в память архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (И. А. Борисова), вдохновлявшего русскую армию и население Таврической губернии в период Крымской войны на защиту Отечества, изготовлена мемориальная доска, которая установлена на территории бахчисарайского Успенского монастыря.

В 2007 году Рескомитет по охране культурного наследия продолжил работу по установке мемориальных досок на зданиях, где в 1854–1856 годах находились госпитали русской армии. По инициативе белогорского краеведа В. Н. Киллеса такая доска установлена на бывшем доме врача Залкина в Белогорске (на улице Семашко, 8). По его же предложению на холме Дорт-Куль Белогорским городским советом (городской голова Н. Н. Миранов) при участии Рескомитета по охране культурного наследия установлен памятный знак в память воинов, умерших от ран и болезней в период Крымской войны.

Большим вкладом в популяризацию памятников Крымской войны стало издание книг в серии «Памятники и поля сражений Крымской войны», начатое Русским культурным центром и продолженное Республиканским комитетом по охране культурного наследия. Всего в этой серии вышло более двадцати книг крымских авторов: В. Н. Гурковича, В. Г. Шавшина, П. М. Ляшука, С. В. Ченныка, С. Ф. Сундукова, А. В. Саковича, В. В. Орехова и других исследователей. Историком А. В. Ефимовым подготовлен к печати «Журнал военных действий в Крыму. Сентябрь — декабрь 1854 г.».

Рескомитет, учитывая большое значение памятников периода Крымской войны в деле патриотического воспитания, сохранения культурного наследия, инициировал и организовывал совместно с оргкомитетом и рабочей группой при Верховном совете АРК, с Русской общиной Крыма, органами местного самоуправления, общественностью, православной церковью мероприятия по увековечению памяти павших на полях сражений воинов, продолжал издательскую деятельность. Рубрика «Крымская война» постоянно присутствовала в популярном журнале «Историческое наследие Крыма», учредителем которого являлся Республиканский комитет АРК по охране культурного наследия. Осуществлялась работа по увековечению памяти героев и событий самой кровопролитной войны XIX века. После воссоздания мемориала «Братское кладбище русских воинов, павших в годы Крымской войны» в Симферополе основное внимание уделялось мемориалу «Поле Альминского сражения», где были восстановлены утраченные памятники, обозначены братские могилы, построена часовня.

События весны 2014 года, ставшие судьбоносными для Крыма в связи с его возвращением в Россию, поставили новые задачи перед Государственным комитетом по охране культурного наследия Республики Крым в деле сохранения, восстановления и пропаганды памятников истории и культуры. Но, сохраняя преемственность традиций, Госкомитет по-прежнему уделяет большое внимание увековечению подвигов и событий в период Крымской войны. Так, в 2014 году вблизи места расположения лагерей русской армии, воинов которой в 1855 году приветствовал прибывший в Крым для осмотра войск император Александр II, были установлены памятная доска и памятный знак в сёлах Приятное Свидание и Тополи Бахчисарайского района. Продолжается издательская программа — в 2016 году подготовлен к изданию «Журнал военных действий в Крыму. Январь — сентябрь 1855 г.», который хра-

нятся в фондах Российского государственного военно-исторического архива.

День памяти воинов, павших при обороне Севастополя и на полях сражений в 1854–1855 годах, отмечался 9 сентября 2016 года особенно торжественно. По поручению Совета министров и Государственного совета Республики Крым организато-

ром мероприятий выступил Госкомитет по охране культурного наследия.

Сегодня, подводя итоги за 20 лет, мы ещё раз хотим подчеркнуть историческое значение принятия постановления Верховного совета АРК 1996 года, способствовавшего сохранению памяти о героических страницах в истории российского Крыма.

Мы благодарим всех энтузиастов: общественников, исследователей, меценатов, руководителей государственных органов, предприятий и учреждений, крымских депутатов всех уровней, которые внесли вклад в сохранение бесценного наследия, связанного с событиями Крымской войны, тем самым выполнив свой долг перед будущими поколениями.

С. В. Ходич

Хроника дня памятных мероприятий

*Д*евятого сентября 2016 года в Республике Крым прошли памятные мероприятия, посвящённые Дню памяти воинов, павших в Крымской войне 1853–1856 годов. Представляем нашим читателям хронику всех памятных событий.

В Симферополе в этот день в Государственном совете Республики Крым состоялось торжественное открытие фотовыставки, посвящённой 160-летию со дня окончания самого кровопролитного военного конфликта XIX века. В экспозиции выставки были представлены более сотни фотографий, освещающих одновременно трагические и героические события Крымской войны 1853–1856 годов. Знаменательно, что именно в этот период появилась военная фотография, а значит, и первые военные фотокорреспонденты.

На открытии выставки председатель Государственного совета Республики Крым Владимир Константинов отметил важность событий Крымской войны для истории Крыма и России. За значительный личный вклад в сохранение и популяризацию историко-культурного наследия Республики Крым, многолетнюю работу по выявлению и изучению памятников и памятных мест Крымской войны спикер Госсовета РК вручил заместителю председателя Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым Вячеславу Зарубину, старшему научному сотруднику государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Научно-исследовательский центр крымоведения и охраны культурного наследия Республики Крым» Владимиру Гурковичу и члену региональной общественной организации «Русская община Крыма» Наталье Красновской медаль «За защиту Республики Крым».

По традиции после открытия выставки и награждений собравшиеся отправились к Долгоруковскому обелиску, чтобы возложить цветы и венки, отдать дань памяти воинам, павшим в Крымской войне.

Памятные мероприятия продолжились на мемориальном кладбище воинов, павших в годы Крымской войны, где захоронены более 36 тысяч русских солдат, в том числе и участники знаменитого Альминского сражения. По благословению митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря протоиерей Иосиф и духовенство Симферопольских благочиний провели траурную литию, после чего участники мероприятий возложили цветы к памятнику-кресту «От благодарных симферопольцев павшим воинам» и поставили свечи об упокоении убиенных и усопших воинов Крымской войны в храме Святой равноапостольной Марии Магдалины.

В селе Лозовом заместитель председателя Государственного совета Республики Крым Андрей Козенко, глава администрации Добровского сельского поселения Олег Кирпиченко, председатель совета ветеранов Добровского сельского поселения Александра Емельянова вместе с жителями села и учащимися школ возложили цветы к памятнику великому русскому писателю, участнику Крымской войны Л. Н. Толстому. После торжественного мероприятия состоялась концертная программа с участием СДК села Перевального, в которой нашли отражение героические страницы Крымской войны 1854–1855 годов.

Когда началась война, Л. Н. Толстой служил в Кишинёве и активно добивался скорейшего перевода в действующую армию. 7 ноября 1854 года он прибывает в Севастополь, где его прикомандируют к третьей лёгкой батарее 14-й артиллерийской бригады. В конце 1854 года батарея была переведена в деревню Эски-Орда (ныне село Лозовое Симферопольского района). Проведённый в Крыму год сыграл весомую роль в формировании личности и творческого пути писателя. Именно с «Севастопольских рассказов» началась литературная слава Л. Н. Толстого. Бюст писателя был установлен в 1950 году, и сегодня день рождения писателя, совпавший с Днём памяти воинов, павших в Крымской войне, торжественно отмечается в Крыму.

В Симферопольском районе, в посёлке Николаевка, у могилы героев первой обороны Севастополя — основателей Николаевки местные жители, представители власти и духовенства пришли к братской могиле и отдали дань памяти тем, кто не вернулся из боя. В годы Крымской войны в этих местах шли ожесточённые бои. Здесь же черноморские моряки вырыли первые землянки. Именно с этих событий и началась история посёлка. Торжественное мероприятие в Николаевке посетила депутат Госсовета Республики Крым Светлана Савченко. В селе Каштановом, у здания, где в 1854–1855 годах находился госпиталь русской армии, прошёл митинг, посвящённый Дню памяти воинов, павших в Крымской войне. В годы войны в имении Саблы (ныне село Каштановое) были размещены 120 раненых, а сам господский дом оборудован под госпиталь. Управляющий имением Яков Дахнов 12 сентября 1854 года в письме владельцу имения П. В. Давыдову сообщал: *«Симферопольский госпиталь набит ранеными православными. Я, надеясь на великодушие Вашего Высокоблагородия, именем Вашим предложил главному доктору Симферопольского госпиталя для помещения раненых занять несколько комнат в господском доме. Это я дерзнул сделать без разрешения Вашего Высокоблагородия по двум причинам: во-первых, чтобы в настоящее время оказать хотя бы малую услугу, а во-вторых, что присутствие сих людей будет служить для нас некоторым успокоением...»*

В Армянске в этот день участники памятных мероприятий провели панихиду и возложили цветы к памятнику на месте госпиталя периода Крымской войны. В военные годы город Перекоп с предместьем Армянский Базар был важной тыловой базой русской армии. Здесь располагались склады продовольствия, обмундирования и топлива. На окраине города находился военно-полевой госпиталь, где оказывалась

медицинская помощь солдатам, героически защищавшим Севастополь. Здесь оперировал известный хирург Н. И. Пирогов.

В Евпатории у памятника воинам, павшим в годы Крымской войны, прошёл митинг с участием администрации, депутатов Евпаторийского городского совета, представителей общественных организаций, национально-культурных общин и школьников. На северной грани монумента можно прочесть надпись на иврите. В переводе на русский она звучит так: *«Здесь покоятся богатыри мужественного войска российского, которые отдали жизнь во имя веры, царя и Отечества 5 февраля 1855 года»*. Северная сторона монумента украшена рельефным изображением двух перекрещенных мечей и пальмовой ветви — символа мира. На южной же стороне — три строки: *«И в память грядущему поколению воздвигнут им памятник сей общиной караимов, проживающих здесь, в Гёзлёве, в 1858 год по христианскому летосчислению»*.

В отделе Евпаторийского краеведческого музея «Музей истории Крымской войны» прошёл открытый урок для школьников, посвящённый Дню памяти русских воинов. Сотрудники музея рассказали учащимся о 349-дневной героической обороне Севастополя, которая завершилась 9 сентября 1855 года, о знаменитых героях обороны Севастополя — адмиралах Павле Нахимове, Владимире Корнилове, Владимире Истомино. В памятном мероприятии приняла участие праправнучка героя Севастопольской обороны 1854–1855 годов, легендарного матроса Петра Марковича Кошки — Галина Малышева. Она рассказала о боевых подвигах предка и о его правнучке, своём отце, Дмитрии Бородине, участнике обороны Севастополя во время Великой Отечественной войны, а также представила написанную ею книгу об истории своей семьи.

В Белогорске у памятного знака на холме Дорт-Куль, установленного по инициативе Республиканского комитета по охране культурного наследия, прошли мероприятия с возложением цветов и венков. Здесь нашли упокоение не менее пятисот воинов русской армии, скончавшихся от ран в белогорских госпиталях. Точное количество захороненных нижних чинов и офицеров до сих пор остаётся неизвестным. Раненые поступали в Белогорск не только из оборонявшегося Севастополя, но и из Феодосии, которую обстреливали корабли англо-франко-турецкой эскадры. В этот день в музеях, библиотеках и культурно-досуговых учреждениях Белогорского района были проведены мероприятия, посвящённые Дню памяти воинов, павших в Крымской войне.

Открытие фотовыставки, посвящённой 160-летию окончания Восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов, в Государственном совете Республики Крым. 9 сентября 2016 г.

В. Н. Гуркович, историк, автор книг о Крымской войне; награждён медалью «За защиту Республики Крым»

С. П. Цеков, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от Республики Крым, председатель Русской общины Крыма, вспоминает 20-летнюю историю борьбы за сохранение памяти о героях и событиях Крымской войны

Депутаты Государственного совета РК, руководители Симферополя перед началом памятных мероприятий у Долгоруковского обелиска

Церемония открытия памятных мероприятий, посвящённых Дню памяти воинов, павших в годы Крымской войны, у Долгоруковского обелиска

Театрализованное представление, посвящённое событиям Крымской войны, подготовленное студентами Крымского университета культуры, искусств и туризма

Участники акции «Бессмертный бастион», проведённой по инициативе Русской общины Крыма во всех регионах республики

Продолжение памятных мероприятий на мемориальном кладбище русских воинов, павших в годы Крымской войны

Возложение цветов к памятнику «От благодарных симферопольцев павшим воинам»

Выступление С. П. Цекова перед общественностью города

Вечно живым героям Крымской войны

В Феодосии в этом году жители города присоединились к патриотической акции «Бессмертный бастион», прошедшей по инициативе Русской общины Крыма. Проведению памятного мероприятия предшествовала большая работа по восстановлению постаментов памятника капитана 1-го ранга Льва Андреевича Ергомышева, участника Синопской битвы и первой обороны Севастополя. В годы войны в Феодосии были развёрнуты госпитали. Феодосийский городской врач, коллежский советник Сергей Петрович Розенблюм работал в севастопольском военном госпитале вместе с Н. И. Пироговым — отцом полевой хирургии. Военным комендантом города после войны был капитан 1-го ранга Лев Андреевич Ергомышев, командовавший в Севастополе бастионом и батареями на Бомборской высоте. После его смерти в 1859 году военным комендантом Феодосии стал другой герой севастопольской обороны — вице-адмирал Николай Михайлович Соковнин. В День памяти воинов, павших в Крымской войне к памятнику (надгробию) капитану 1-го ранга Л. А. Ергомышеву и памятнику (бюсту) вице-адмиралу Н. М. Соковнину благодарные жители города возложили цветы, а прилегающую к ним территорию предварительно благоустроили.

На братском кладбище в Русской слободке города Бахчисарая, перед часовней, состоялся митинг-реквием, посвящённый памяти героев Альминского сражения. В селе Тополи Почтовского сельского поселения Бахчисарайского района многолюдно было у памятного знака, посвящённого событиям Крымской войны. Знак был установлен на месте бывшей Альминской почтовой станции, где 28 октября 1855 года Александр II провёл смотр войск второго пехотного корпуса Крымской армии, оборонявшего Севасто-

поль. В мероприятии приняли участие заместитель главы администрации Почтовского сельского поселения Юсуф Исатов, учащиеся и учителя МКОУ «Почтовская СОШ» и жители поселения. Учитель истории Почтовской школы рассказал о событиях тех далёких времён, о героизме и мужестве солдат, защищавших Севастополь. В селе Тургеневка к мемориальной доске на здании, где во время Крымской войны располагался военный госпиталь, куда поступали раненые из Севастополя, Альмы и Инкермана, жители и представители местной администрации возложили венки и цветы. Кроме того, в домах культуры Куйбышевского, Ароматненского, Плотинновского и Тенистовского сельских поселений прошли беседы и тематические уроки, посвящённые Дню памяти воинов, павших в Крымской войне 1853–1856 годов.

Государственным бюджетным учреждением Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» при поддержке Министерства культуры Республики Крым были проведены научная конференция «VI Альминские чтения» и IX Военно-исторический фестиваль «Альминское дело», в котором приняло участие свыше 7,5 тысячи человек.

Героическая оборона Севастополя, Крымская война имели кардинальные последствия для Отечества. Они коснулись практически всех сфер жизни страны и народа: политики и экономики, национального самосознания и культуры, государственных реформ и военного дела. И как говорил великий русский писатель и участник Крымской войны Л. Н. Толстой в своём рассказе «Севастополь в декабре»: «*Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...*»

Традиция отмечать память павших в Крыму русских воинов сложилась давно, но была прервана постыдным периодом почти векового забвения. Однако благодаря русским патриотам она возродилась в нелёгкое для республики время, и мы не сомневаемся, что будет продолжена новыми поколениями крымчан в российском Крыму.

В. В. Крестьянников

Врачи Черноморского флота в Крымскую войну

К 1854 году завершились мероприятия по реорганизации флота Российской империи, начавшейся в 1818 году, когда утвердили штаты флотов (Черноморский флот разделили на 17 экипажей и утвердили их врачебные штаты)¹. В 1831 году была утверждена должность главного доктора (с 1854 г. — генерал-штаб-доктор Черноморского флота, должность занимал действительный статский советник А. Ф. Кибер, умерший в марте 1855 г.). При главном докторе существовала канцелярия в составе правителя (коллежский советник П. С. Любицкий) и врача при Главном управлении Черноморского флота и портов (коллежский советник С. Я. Петрушевский)².

Созданы портовые управления, включавшие должности медицинских инспекторов, в Севастополе (статский советник А. В. Рождественский), Измаиле (коллежский советник И. А. Сызранский, с июня 1855 г. — коллежский советник В. И. Блонский) и Николаеве (эта должность совмещалась с должностью главного доктора Николаевского морского госпиталя — коллежский советник Н. В. Мазюкевич). Медицинский инспектор порта ведал личным составом медслужбы (на берегу все медики флотских экипажей подчинялись медицинскому инспектору) и вопросами медицинского снабжения, подчиняясь при этом командиру порта и генерал-штаб-доктору. Санитарные вопросы Севастопольского порта разрешались городовым (коллежский асессор Н. В. Закревский) и карантинным (надворный советник И. Ф. Мысловский) врачами, которые являлись врачами морской медицинской службы и подчинялись командиру порта.

В организационном отношении флоты делились на дивизии, бригады и экипажи. Черноморский флот был разделён на две дивизии: 4-ю и 5-ю. В каждой дивизии был дивизионный доктор, которому подчинялись экипажные врачи и который одновременно являлся флагманским врачом практических эскадр или эскадр во время военных действий. Так, во время Синопского сражения дивизионный доктор 5-й флотской дивизии коллежский советник Ф. В. Земан являлся врачом штаба эскадры (эскадрой командовал начальник 5-й флотской дивизии вице-адмирал П. С. Нахимов), а дивизионный доктор 4-й флотской дивизии коллежский советник И. О. Смоленский — врачом штаба второго флагмана (начальник 4-й флотской дивизии контр-адмирал Ф. М. Новосильский)³.

Для удобства берегового управления все строевые чины флота делились на флотские экипажи, подчинённые командиру порта, по 1000 нижних чинов каждый (батальон). В 1844 году экипажи были разделены на четыре роты, по штату 1818 года каждый экипаж должен был включать четырёх врачей. Следует отметить, что по штатам 1833 года к пехотным и егерским полкам приписывались один штаб-лекарь (полковой) и четыре младших лекаря (батальонных)⁴. Такое количество врачей в экипажах обусловлено тем, что они комплектовались командами нескольких судов разных классов, которые могли находиться одновременно в разных районах Чёрного, Азовского и Средиземного морей. Также экипажи комплектовались командами пароходов и транспортов разных ведомств.

Ластовые экипажи были переформированы и сведены в бригады в 1851 году.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 44. Ч. 1. № 27279.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 2. Т. 6. № 5019.

³ *Нахимов П. С.* Документы и материалы. М., 1954. С. 329–332.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 8. № 5923.

В состав ластовой бригады ЧФ входили 4-й и 5-й ластовые экипажи. 5-й ластовый экипаж формировал команды Дунайской флотилии и находился в Измаиле, 4-й ластовый экипаж формировал команды ластовых (портовых) судов в Николаеве (1-я и 2-я роты) и Севастополе (3-я и 4-я роты). По штату в ластовом экипаже было два врача: старший и младший⁵.

В Российском флоте существовал целый ряд специальных корпусов: Корпус морской артиллерии (КМА), Корпус флотских штурманов (КФШ), Корпус корабельных инженеров (ККИ), Корпус инженеров морской строительной части (КИМСЧ) и созданный в 1854 году Корпус инженеров-механиков (КИМ). Однако врачи были предусмотрены штатами только в арсенальных ротах КМА и рабочих экипажах КИМСЧ. В составе Черноморского флота находились арсенальные № 6 рота в Николаеве и № 7 рота в Севастополе. По штату в ротах был положен один врач. Рабочие экипажи № 11–16 располагались в Николаеве, а экипажи № 17–19 — в Севастополе. Рабочие экипажи также должны были включать одного врача. В лабораторных, портовых, доковых и арестантских ротах врачи штатами не предусматривались.

Основными лечебными заведениями на Черноморском флоте являлись Севастопольский (СМГ) и Николаевский (НМГ) морские госпитали, подчинённые командиру порта и генерал-штаб-доктору флота. СМГ возглавлял статский советник В. В. Гейнрих, после его смерти, с февраля 1855 года, — статский советник Ф. Г. Белоусов. НМГ возглавлял статский советник К. Г. Тремер, после его смерти, с февраля 1854 года, — коллежский советник Н. В. Мазюкевич. По штату в госпиталях служили помощник главного доктора, старшие и младшие ординаторы.

После снятия гарнизонов крепостей Кавказского побережья суда и сухопутные подразделения флота базировались, кроме Севастополя, и в других портах. В Николаеве и Одессе находились команды строящихся линейных кораблей «Синоп» и «Босфор», четырёх пароходов и девяти парусных судов разных классов. В Керчи-Еникале сосредоточились команды пяти паровых судов и 12 парусных судов Кавказского ведомства. В Севастополь были переведены рабочие экипажи № 11, 12, 15 и 16. Медицинское обеспечение морских чинов в этих портах осуществлялось экипажными врачами. Из 121 известных автору врача Черно-

морского флота в обороне Севастополя участвовали 79 (неизвестно, в каком порту находились ещё восемь).

Врачи ЧФ с первых дней Крымской войны исполняли свой долг во время боевых действий. Так, 5 ноября 1853 года, во время боя с турецко-египетским пароходом «Перваз-Бахри», на пароходо-фрегате «Владимир» находился врач С. К. Франковский⁶, 11 ноября 1853 года, во время боя с тремя турецкими пароходами, на фрегате «Флора» находился врач К. Л. Шпилярский, 18 ноября 1853 года, во время Синопского сражения, на эскадре П. С. Нахимова оказывали помощь раненым врачи А. Г. Белоусов, Ф. И. Зброжек, Ф. В. Земан, К. И. Новицкий, И. С. Оноприенко-Шелковой, В. И. Павловский (делавший операцию раненому Осман-паше), Л. И. Райниш, И. О. Смоленский, Ф. И. Фортман⁷, 16 декабря 1853 года, во время прорыва отряда судов Дунайской флотилии, у турецкой крепости Исакчи отличился врач Н. Я. Евтушевский⁸, на судах Абхазской экспедиции и отряда пароходов контр-адмирала А. И. Панфилова 3–4 марта 1854 года при снятии гарнизонов с укреплений Черноморской береговой линии находились врачи П. А. Верболозов, И. Д. Малинин, А. Шимкевич и Р. А. Загоровский⁹.

После объявления войны Англией и Францией главная база Черноморского флота начала активно готовиться к защите. В марте 1854 года были сформированы из стрелковых партий кораблей первые два десантных стрелковых батальона, всего к 9 сентября в строю находилось 17 морских батальонов¹⁰. Во все батальоны были назначены экипажные врачи. После Альминского сражения, 12 сентября, приказом начальника штаба гарнизона вице-адмирала В. И. Корнилова были учреждены перевязочные пункты, «для гарнизонов укреплений — в самих укреплениях, для войск же, находящихся вне укреплений, — вблизи батарей № 4 и на пароходах»¹¹. В Северном укреплении был также развёрнут перевязочный пункт. Первое назначение врачей на перевязочные пункты состоялось на следующий день приказом командира Севастопольского порта¹². 22 сентября отношением начальника штаба гарнизона командиру Севастопольского порта контр-адмиралу Н. М. Вукотичу был поручен надзор за всеми перевязочными пунктами¹³.

Формирование морских батальонов из экипажей разных судов мешало управлению морскими командами. Поэтому приказом В. А. Корнилова от

⁵ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 26. № 25747.

⁶ МСб. 1854. Т. 12. № 2. Ч. 1. С. 51.

⁷ Нахимов П. С. Указ. соч. С. 315–332.

⁸ МСб. 1854. Т. 11. № 1. Ч. 1. С. 5.

⁹ МСб. 1854. Т. 11. № 3. Ч. 1. С. 97.

¹⁰ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859. С. 131, 206.

¹¹ Николаев Б. Крымская война и медицинская служба флота // Энциклопедический словарь военной медицины. М., 1948. Т. 3. С. 213.

¹² РГАВМФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 6. Л. 696.

¹³ Жандр А. Указ. соч. с. 247.

30 сентября 1854 года морские батальоны были расформированы, весь личный состав экипажей соединён под командой экипажных командиров и распределён по оборонительной линии. На 1-й дистанции находился 33-й экипаж, на 2-й дистанции — 29, 32, 34 и 37-й, на 3-й дистанции — 38, 40, 41 и 43-й и на 4-й дистанции — 35, 36, 39 и 44-й. На Северном укреплении были оставлены 31-й и 42-й экипажи, а 30-й — на корабле «Ягудиил» для охраны гавани¹⁴. После расформирования батальонов врачи вернулись в свои экипажи и вместе с ними ушли на укрепления.

Во время обороны Севастополя морские госпитали и другие морские медицинские формирования сохранили своё отдельное от армии управление. Основой оказания первой медицинской помощи раненым стали перевязочные пункты на укреплениях и четыре стационарных перевязочных пункта. Из-за сильного обстрела Севастополя неприятелем перевязочные пункты постоянно переносились в новые помещения. Так, перевязочный пункт № 1 находился в здании театра, в доме Уптона, в зданиях военно-сухопутного госпиталя (в районе современной площади Восставших, а сам госпиталь по приказу В. А. Корнилова был переведён в помещения Павловской батареи), в здании Благородного собрания и казематах Николаевской батареи. Перевязочный пункт № 2 находился в доме Волохова, после 16 октября 1854 года был переведён в помещение перевязочного пункта № 1. Перевязочный пункт № 3 на Корабельной стороне первоначально был развёрнут в Александровских казармах, а затем переведён в здания продовольственных магазинов на берегу Корабельной бухты. Севастопольский морской госпиталь, где был развёрнут перевязочный пункт № 4 (ниже современной улицы Будищева), в 20-х числах октября был полностью разрушен и перенесён в бараки за Михайловской батареей на Северной стороне. В ноябре 1854 года раненых нижних чинов морского ведомства помещали также на линейном корабле «Императрица Мария» и фрегате «Месемврия». В начале января 1855 года под госпитальное отделение для больных и раненых отданы дома инженерного ведомства и купцов Гущина, Орловского и подполковника Лазарева. Позже отделение госпиталя открылось в Симферополе. Весной 1855 года для лечения легкораненых (матросов и солдат) открылся перевязочный

пункт на эскадре (на линейных кораблях «Императрица Мария», «Чесма» и «Ягудиил»)¹⁵.

В сентябре — ноябре 1854 года в связи с тем, что основу гарнизона составляли моряки, основная тяжесть лечения раненых и больных легла на плечи морских медиков, делавших успешно даже срочные операции. Профессор Н. И. Пирогов писал: «Самый лучший результат от ранних ампутаций получен в начале осады, после первой бомбардировки в октябре. Эти операции были сделаны по большей части на Черноморских матросах, главных в то время защитниках города... Почти все операции сделаны были молодыми хирургами, худыми инструментами, и почти все оперированные оставались в самом городе»¹⁶. Такую же оценку морским врачам дал и профессор Х. Я. Гюббенет¹⁷.

С декабря 1854 года, с прибытием в Севастополь и окрестности новых армейских частей и уменьшения в гарнизоне морских чинов, основная работа по оперированию и лечению стала выполняться армейскими врачами и врачами, прибывшими из Петербурга и Киева под руководством профессоров Н. И. Пирогова и Х. Я. Гюббенета. По свидетельству Гюббенета, «перевязочные пункты начали мало-помалу переходить в руки других врачей и особенно Пирогова, а морские врачи не получали другого назначения, были буквально вытеснены со своих мест и остались без назначения... Наконец, они почти все переместились из Севастополя в Николаев, где и вступили в регулярные служебные отношения»¹⁸.

К концу декабря 1854 года на перевязочных пунктах и в СМГ находилось большое количество больных и раненых офицеров и матросов. Было принято решение об эвакуации их в НМГ. Этим вопросом занимался представитель морского ведомства статский советник Мансуров. В 1855 году в Николаев было направлено 32 транспорта с больными и ранеными — первый транспорт вышел из Севастополя 10 января в сопровождении врача К. И. Новицкого, а последний, 32-й, — в октябре в сопровождении врача И. В. Гудима-Левковича. Каждый транспорт сопровождался офицером (начальник транспорта), морским врачом и двумя или тремя фельдшерами. Врачи Н. А. Поливанов, Ф. И. Фортман и Г. И. Гиммельрейх сопровождали по три транспорта, врачи

¹⁴ Жандр А. Указ. соч. СПб., 1859. С. 275.

¹⁵ Гауровиц И. С. Морские врачи в Севастополе // МСб. 1855. Т. 21. № 5. Ч. 2 ; Земан Ф. В. Некоторые воспоминания из времени осады Севастополя в 1854 и 1855 годах // МСб. 1856. Т. 23. № 9. Ч. 4 ; Извлечение из отчёта статского советника Мансурова по возложенному на него поручению в Крыму, относительно попечения о раненых чинах Черноморского флота и их семейств // МСб. 1856. Т. 21. № 4. Ч. 2 ; МСб. 1855. Т. 16 ; Затлер Ф. О госпиталях в военное время. СПб. : Общественная польза, 1861 ; Соловьёв Н. О перевязочных пунктах Севастополя // Русский вестник. Т. 99. 1872. № 6 ; Николаев Б. Крымская война и медицинская служба флота // Энциклопедический словарь военной медицины. М., 1848. Т. 3.

¹⁶ Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 169.

¹⁷ Гюббенет Х. Я. Заметки о произведённых в Севастополе в 1854–1855 гг. на перевязочных пунктах хирургических операциях. СПб., 1872. С. 6.

¹⁸ Гюббенет Х. Очерки медицинской и госпитальной части войск в Крыму в 1854–1855 гг. СПб., 1870. С. 78.

А. Г. Белоусов, А. Ф. Гринкевич, А. Н. Зимодро и П. К. Турцевич — по два, остальные врачи — по одному транспорту. Было вывезено в Николаев около 6000 больных и раненых морских чинов. Транспорт составлялся из 60–150 подвод или специальных фургонов, нанимаемых у частных лиц через подрядчиков. Один из подрядчиков, бердянский 1-й гильдии купец И. К. Пикин, был награждён золотой медалью на Владимирской ленте для ношения на шее. В наградном документе указано, что награда дана «за существенную пользу, принесённую им для госпитальных наших дел, по принятой им на себя, с значительными для казны выгодами перевозка, в минувшую кампанию, раненых и больных из Севастополя в Николаев»¹⁹.

В связи с резким сокращением морских команд в Севастополе большинство врачей после транспортировки раненых оставались в Николаеве. После оставления Севастополя на Северной стороне на оборонительной линии находились морские врачи: медицинский инспектор Северной стороны коллежский советник М. Г. Лашкевич²⁰, врач 1-го отделения оборонительной линии лекарь К. Л. Карасевич, врач 2-го отделения, городской врач коллежский ассессор Н. И. Закревский и врач 3-го отделения лекарь И. Ф. Муравский²¹.

В ходе Крымской войны медицинская часть Черноморского флота понесла большие потери (см. таблицу).

Потери	1853	1854	1855	1856	Всего
Умерло	1	6	13	4	26 (14 – от тифа)
Прибыло	9	27	12	–	46

Во время боевых действий в Севастополе были контужены четыре морских врача. В октябре 1854 года на 2-м перевязочном пункте разорвавшейся в операционном зале бомбой контужены и на время оглушены врачи: надворный советник А. А. Верболозов и коллежский советник С. К. Франковский²², 5 апреля 1855 года на Корниловском бастионе был контужен в голову и спину лекарь Г. А. Алексеев²³ и контужен лекарь Я. В. Юхницкий²⁴. Обслуживающий персонал СМГ три раза менялся в результате болезней и изнурения²⁵.

Перед войной на Черноморском флоте штат врачей не был укомплектован, а с увеличением численности личного состава (призыв отпускных и дополнительный призыв рекрутов) потребность во врачах увеличилась. Командование медицинской частью Российского

флота старалось уменьшить дефицит врачебных кадров. Так, в 1853 году на ЧФ было отправлено девять выпускников университетов, в 1854-м — 27 (два лекаря сразу уволились), в 1855-м — 11. Из направленных в 1853 году окончили Императорский Московский университет два человека, Императорский Казанский университет — два и Императорский университет Св. Владимира — пять, в 1854 году направлено окончивших Императорский Московский университет — 12, Императорский университет Св. Владимира — 13 и Императорский Дерптский университет — два, в 1855-м направлено окончивших Медико-хирургическую академию — два и Императорский университет Св. Владимира — девять.

Работу морских врачей в Крымскую войну оценили по достоинству. Из 121 известного автору врача 71 был награждён орденами, чинами, подарками по чину, и им выражено монаршее благоволение. Славный доктор СМГ статский советник Ф. Г. Белоусов был награждён четырьмя орденами, штаб-лекарь коллежский советник К. И. Новицкий — двумя орденами и очередным чином. Были отмечены и молодые врачи: титулярному советнику Ф. И. Зброжеку пожаловано три ордена и подарок по чину, лекарю К. Л. Карасевичу — два ордена и подарок, титулярному советнику А. Д. Миштольду — три ордена, в том числе Св. Владимира IV степени с мечами, лекарю А. Н. Новикову — два ордена и благоволение (единственный врач, награждённый орденом Св. Анны IV степени), лекарю Л. И. Райнишу — два ордена и подарок, лекарю К. А. Сибирякову — два ордена и подарок.

В приказе по Севастопольскому гарнизону № 136 от 26 апреля 1855 года, в разгар кампании, отмечалась исключительно большая роль медицинского состава в обороне города: «...оценивая вполне службу медицинских чиновников и сравнивая службу операторов со службой на батареях и в траншеях, я ходатайствую у Главнокомандующего об удостоении заслуженными наградами и изъявляю душевную признательность... и полную благодарность лекарям...» Среди 39 медиков, отмеченных в приказе, 12 — морские врачи: Павловский, Миштольд, Ливинский, Гудим-Левкович, Зброжек, Алексеев, Сибиряков, Пшиборский, Довгялло, Муравский, Смирнов, Загоровский²⁶.

Далее приводим перечень имён врачей Черноморского флота, работавших в период Крымской войны, с краткими биографическими справками.

¹⁹ МСб. 1856. Т. 24. № 11. Ч. 1. С. LXXVII.

²⁰ МСб. 1855. Т. 19. № 11. Ч. 2. С. 100.

²¹ РГАВМФ. Ф. 365. Оп. 1. Д. 33. Л. 210.

²² Земан Ф. В. Некоторые воспоминания из времени осады Севастополя в 1854 и 1855 годах // МСб. 1856. Т. 23. № 9. Ч. 4. С. 67.

²³ МСб. 1855. Т. 16. № 5. Ч. 2. С. 65.

²⁴ МСб. 1856. Т. 26. № 14. Ч. 1. С. X.

²⁵ МСб. 1855. Т. 16. № 6. С. CXLIII–CXLIV.

²⁶ Там же.

1. Абрамов Фёдор Семёнович (?–1882)

В службе с 1837 г., провизор. Служил в СМГ лекарским помощником. «*За отлично усердную и ревностную службу*» награждён в июле 1855 г. бриллиантовым перстнем. В составе Севастопольского гарнизона — с 13 сентября 1854 по 29 июля 1855 г. После Крымской войны переведён в Николаевский морской госпиталь, где служил аптекарским помощником, аптекарем госпиталя. В сентябре 1875 г. произведён за выслугу лет в коллежские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 18 января 1882 г. № 41 исключён из списков как умерший.

2. Адамович Самсон Михайлович (? — июнь 1860)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и с 1835 г. служил на флоте. Во время Крымской войны в чине надворного советника (март 1852 г.) был старшим ординатором НМГ. В 1855 г. награждён орденом Св. Анны III степени и знаком отличия за 15 лет беспорочной службы. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 20 июня 1860 г. № 241 исключён из списков как умерший.

3. Алексеев Гавриил Алексеевич (? — декабрь 1860)

Окончил Императорский Московский университет и в марте 1854 г. назначен младшим врачом в 36-й флотский экипаж. Во время обороны Севастополя находился на Корниловском бастионе, где в апреле 1855 г. был контужен осколками в голову и спину. В марте 1855 г. награждён орденом Св. Анны III степени с бантом «*за примерное усердие и неустранимость, оказанные при делании перевязок под выстрелами неприятеля во время бомбардирования Севастополя англо-французскими войсками и флотом*», а в апреле 1855 г. приказом по Севастопольскому гарнизону ему объявлена благодарность. 30 мая 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 11-й транспорт больных и раненых. В сентябре 1856 г. переведён на Балтику, где служил врачом в машинном рабочем, а затем в 1-м ластовом экипажах, коллежский асессор. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 21 ноября 1860 г. № 259 исключён из списков как умерший.

4. Ангеленко-Орловский Иосиф Григорьевич (ок. 1828 — 18 мая 1854)

В 1852 г. окончил Императорский Харьковский университет и назначен младшим врачом в 29-й флотский экипаж. Умер в Севастополе «*от кровавого удара*», погребён на кладбище Корабельной стороны.

5. Андреев Павел (? — ноябрь 1854)

В 1853 г. окончил Императорский Московский университет и назначен младшим врачом 35-го флотского экипажа. 12 сентября 1854 г. назначен в штаб В. А. Корнилова, и для него был отведён перевязочный пункт на Северном укреплении. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 8 декабря 1854 г. № 302 исключён из списков как умерший.

6. Баранский Карл Иванович (? — январь 1857)

В службе с 1822 г., провизор. Служил аптекарем в Санкт-Петербургском морском военном госпитале. В 1850-х гг. переведён в чине надворного советника управляющим

аптекой НМГ. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 21 января 1857 г. № 97 исключён из списков как умерший.

7. Беатер Николай Георгиевич

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в октябре 1854 г. назначен младшим врачом в 30-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя. В ноябре 1855 г. «*за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя*» награждён подарком по чину. После войны переведён на Балтику, служил врачом в 23-м и 26-м флотских экипажах, с 1859 г. — младшим, старшим ординатором Кронштадтского морского госпиталя. В 1866–1867 гг. защитил диссертацию на учёную степень доктора медицины, в 1869 г. произведён в коллежские советники. В сентябре 1874 г. уволен от службы по болезни с мундиром.

8. Белоусов Александр Григорьевич (? — июль 1881)

В службе с 1830 г., лекарь. Служил врачом на судах 42-го флотского экипажа. В 1833 г. участвовал в Босфорской экспедиции. В чине надворного советника на линейном корабле участвовал в Синопском сражении, награждён орденом Св. Анны III степени. В июле 1855 г. «*за отличное усердие, деятельность и самоотвержение, оказанные при подании пособия и делании операций раненым под выстрелами неприятеля во время первого бомбардирования Севастополя*» награждён орденом Св. Владимира IV степени с бантом. В марте и мае 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 3-й и 10-й транспорты с большими и ранеными. В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1855 по 5 июня 1855 г. После войны продолжал службу на судах Черноморского флота. В начале 1860-х гг. защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора медицины. В 1873 г. произведён в коллежские, а в 1880 г. — в статские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 10 августа 1881 г. № 20 исключён из списков как умерший.

9. Белоусов Фёдор Григорьевич (? — 1879)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в 1826 г. назначен младшим врачом на Черноморский флот. Участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Босфорской экспедиции в 1833 г. В конце 1840-х гг. назначен помощником главного доктора СМГ и инспектором фельдшерской школы, в марте 1849 г. произведён в коллежские советники. В марте 1855 г. назначен главным доктором СМГ. За участие в обороне Севастополя награждён орденами Св. Владимира IV степени с бантом, Св. Анны II степени, Св. Станислава II степени с Императорской короной, произведён в статские советники. В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1854 по 30 июля 1855 г. После войны награждён орденами Св. Анны II степени с мечами и Св. Владимира III степени с мечами. В 1865 г. произведён в действительные статские советники. После закрытия СМГ служил на судах Черноморского флота. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 24 декабря 1879 г. № 1197 исключён из списков как умерший.

10. Биркган Фёдор Иванович

Окончил Дерптский университет и с декабря 1841 г. служил на судах Черноморского флота, старшим ординатором СМГ. В августе 1853 г. произведён в коллежские асессоры. За оказание помощи раненым во время обороны Севастополя награждён орденами Св. Анны III степени с бантом, Св. Станислава II степени с мечами и в 1857 г. произведён в надворные советники. В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1854 по 1 июля 1855 г. После закрытия госпиталя переведён на Балтику и служил судовым врачом в 7-м и 11-м флотских экипажах. В 1874 г. вышел в отставку.

11. Блонский Василий Иоакимович

В службе с 1835 г., лекарь. Служил на судах 40-го флотского экипажа. В марте 1852 г. произведён в надворные советники. В 1854 г. находился на пароходе-фрегате «Бессарабия» и линейном корабле «Императрица Мария». В январе 1855 г. командирован из Севастополя в Николаев сопровождать 2-й транспорт с больными и ранеными. В марте 1855 г. за отличие по службе произведён в коллежские советники, а в июне 1855 г. назначен медицинским инспектором Измаильского порта. В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1854 по 22 января 1855 г. С 1858 г., после ликвидации Измаильского порта, служил врачом на судах Черноморского флота. В 1869 г. произведён за выслугу лет в статские советники, в 1870 г. награждён орденом Св. Владимира IV степени за 35 лет беспорочной службы в классных чинах. В апреле 1880 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам с производством в действительные статские советники.

12. Валяевский Августин Михайлович (1789 — 11 января 1857)

Окончил Виленский университет и в январе 1820 г. назначен младшим врачом 41-го флотского экипажа. В июле 1825 г. назначен карантинным врачом в Севастополе. С 10 сентября 1829 по 10 августа 1830 г. находился в карантинном квартале во время чумы в городе, «за отличную и ревностную службу» награждён перстнем с бриллиантом. В 1846 г. вышел в отставку, но в 1847 г. вернулся на службу в морское ведомство и назначен в чине коллежского советника старшим врачом в 30-й флотский экипаж. Во время обороны Севастополя работал на перевязочных пунктах, в том числе на эскадре. За отличие награждён в июле 1855 г. орденом Св. Владимира IV степени, в ноябре 1855 г. — орденом Св. Станислава II степени с мечами. В составе Севастопольского гарнизона — с 13 сентября 1854 по 7 августа 1855 г. Умер в Севастополе в возрасте 68 лет «от старческой немощи», погребён на городском кладбище.

13. Верболозов Павел Андреевич (?–1882)

В службе с 1834 г., лекарь. Служил на судах 39-го флотского экипажа. Участвовал в крейсерстве у восточного берега Чёрного моря, в феврале 1854 г. ему объявлено монаршее благоволение. В чине надворного советника участвовал в обороне Севастополя, в гарнизоне состоял с 13 сентября 1854 по 27 августа 1855 г. 16 октября 1854 г. на 2-м перевязочном пункте в доме Волохова разорвавшейся в операционной бомбой был контужен и оглушён. 24 октября 1854 г. оказывал помощь раненым в Инкер-

манском сражении. Награждён орденом Св. Владимира IV степени и произведён в коллежские советники. В составе Севастопольского гарнизона — с 13 сентября 1854 по 4 февраля 1855 г. После войны служил на судах Черноморского флота, с 1859 г. — доктор медицины. В сентябре 1872 г. уволен от службы по болезни.

14. Вишняков Николай Прохорович (? — ок. 1888)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в марте 1855 г. назначен младшим врачом в 40-й флотский экипаж. После Крымской войны переведён на Балтику и служил врачом в 1, 3, 11, 7 и 8-м флотских экипажах. С 1863 г. совмещал службу морского врача с работой в дирекции Санкт-Петербургских императорских театров. В 1868 г. произведён в коллежские советники.

15. Воротиляк Илларион Иванович (? — июнь 1855)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в октябре 1854 г. назначен младшим врачом в 36-й флотский экипаж. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 22 июня 1855 г. № 20 исключён из списков как умерший.

16. Гейнрих Василий Васильевич

(Христиан Людвигович; 1803 — февраль 1855)

Окончил Йенский университет со степенью доктора медицины и поступил на русскую службу. Служил врачом на судах Балтийского, затем Черноморского флота. В 1838 г. назначен главным доктором СМГ и медицинским инспектором Севастопольского порта. Во время его службы в госпитале создан плавающий лазарет на 175 больных, женский лазарет на 18 человек, созданы новые отделения: хирургическое, «для горячечных больных, для сифилитиков, чесоточных и глазных больных, аптека с лабораторией». Автор нескольких научных трудов. В марте 1849 г. произведён в коллежские советники, в марте — июне 1853 г. — в статские советники. Умер в Севастополе от брюшного тифа.

17. Гиммельрейх Генрих Иосифович

В службе с 1843 г., лекарь. Служил на судах ЧФ, старшим ординатором СМГ. В феврале 1854 г. произведён в коллежские советники. Участник обороны Севастополя, награждён орденами Св. Анны III степени и Св. Станислава III степени. В мае — августе 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 7, 25 и 31-й транспорты с ранеными и больными. В составе гарнизона Севастополя — с 13 по 20 сентября 1854 г., с 9 января по 9 мая 1855 г. и с 17 по 27 августа 1855 г. После войны продолжал службу на судах ЧФ. В 1869 г. награждён орденом Св. Анны II степени с мечами над орденом, в 1870 г. произведён в коллежские советники, в 1871 г. награждён орденом Св. Владимира IV степени. В июле 1879 г. уволен от службы по болезни.

18. Глушановский Андрей Ефимович

(? — февраль 1856)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в октябре 1854 г. назначен младшим врачом в 37-й флотский экипаж. Находился в Николаеве, в январе 1855 г. прибыл в Севастополь. 18 августа 1855 г. командирован в Николаев, сопровождая 24-й транспорт больных и раненых. В ноябре 1855 г. награждён подарком по чину «за отличное и де-

ательное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя». Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 5 марта 1856 г. № 56 исключён из списков как умерший.

19. Голицинский Михаил Иванович

В службе с 1823 г., лекарь. На январь 1854 г. — надворный советник, старший врач арсенальной № 7 роты в Севастополе. Во время обороны города работал на перевязочных пунктах и на плавучем госпитале для выздоравливающих на линейных кораблях «Императрица Мария», «Чесма» и «Ягудилл». Награждён подарком по чину «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя» и чином коллежского советника. В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1854 по 7 августа 1855 г. В 1859 г. награждён за беспорочную 35-летнюю службу в классных чинах орденом Св. Владимира IV степени. В апреле 1860 г. уволен от службы с полной пенсией и мундиром.

20. Голубкин Дмитрий Акимович (1814–1863)

Из дворян Харьковской губернии. Окончил Императорский Харьковский университет и Императорскую медико-хирургическую академию, назначен в 1836 г. младшим врачом в 44-й флотский экипаж. С 1854 г. назначен помощником главного доктора СМГ. В гарнизоне Севастополя — с 13 сентября 1854 по 29 мая 1855 г. и с 9 июня по 7 августа 1855 г. В 1855 г. произведён в коллежские советники, «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя» награждён орденом Св. Станислава II степени с мечами (в 1859 г. пожалована Императорская корона на орден) и Св. Анны II степени. В 1857 г. назначен управляющим медицинским отделением штаба заведующего морской частью в Николаеве, через несколько месяцев произведён в статские советники. В марте 1861 г. из-за тяжёлой болезни уволен в отпуск на семь месяцев, затем отпуск был продлён ещё на семь месяцев. В апреле 1861 г. награждён орденом Св. Владимира III степени с мечами. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 10 сентября 1863 г. № 400 исключён из списков как умерший. Умер в Севастополе.

21. Гольдман Эдуард Иванович

В службе с 1837 г., лекарь. Служил на судах 36-го флотского экипажа, в 1852 г. произведён в надворные советники. Во время обороны Севастополя с 5 октября 1854 г. и до закрытия работал на 1-м перевязочном пункте. В мае 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 12-й транспорт больных и раненых. В марте 1855 г. «за отличное усердие, деятельность и самоотвержение, оказанные при подании пособия и делании операций воинским чинам, раненым во время бомбардирования Севастополя англо-французскими войсками и флотом» награждён орденом Св. Анны III степени (в июле 1855 г. пожалован бант на орден), в 1856 г. — орденом Св. Станислава II степени. В составе Севастопольского гарнизона — с 13 сентября 1855 по 2 июня 1855 г. После войны служил на судах Черноморского флота. В октябре 1869 г. уволен от службы по болезням с мундиром. Жена — Мария Дмитриевна (урожд. Балзам). Дети: Эмилия (1845 г. р.), Дмитрий (1848 г. р.).

22. Гольцман Павел

Окончил Санкт-Петербургское фармацевтическое училище, провизор. В службе с 15 сентября 1834 г. В конце 1854 г. назначен управляющим аптекой СМГ. В апреле 1855 г. награждён орденом Св. Анны III степени, в октябре 1855 г. произведён в коллежские советники. В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1854 по 30 июля 1855 г. В январе 1857 г. назначен управляющим аптекой НМГ. В январе 1858 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам с мундиром.

23. Гринкевич Александр Францевич (?–1871)

В 1850 г. окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 28-й флотский экипаж. Во время обороны Севастополя утверждён в чине титулярного советника, в марте 1855 г. «за отличное усердие, деятельность и самоотвержение, оказанные при подании пособия и делании операций воинским чинам, раненым во время бомбардирования Севастополя англо-французской армией и флотом» награждён орденом Св. Анны III степени. В апреле и ноябре 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 5-й и 27-й транспорты с ранеными и больными. В августе 1856 г. переведён старшим врачом в 18-й рабочий экипаж. В апреле 1858 г. назначен врачом в Бакинский морской лазарет, в октябре 1869 г. — главным доктором Бакинского морского госпиталя. В марте 1870 г. произведён в коллежские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 18 января 1871 г. № 755 исключён из списков как умерший.

24. Гудим-Левкович Иван Васильевич (1815–1872)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и с июля 1839 г. служил врачом на судах 34-го флотского экипажа. В 1853 г. произведён в надворные советники. Участник обороны Севастополя, ординатор СМГ. В октябре 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 32-й транспорт больных и раненых. Награждён орденами Св. Анны II степени (в ноябре 1855 г. — бант на орден), Св. Станислава II степени с мечами (в 1861 г. — Императорская корона на орден), и приказом по Севастопольскому гарнизону ему объявлена благодарность. В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1854 по 7 августа 1855 г. В августе 1858 г. назначен помощником главного доктора НМГ и произведён в коллежские советники. В октябре 1863 г. назначен помощником начальника медицинской части в Николаеве, но вскоре переведён старшим запасным врачом Черноморского экипажа. В августе 1871 г. вновь назначен помощником начальника медицинской части в Николаевском порту с производством в статские советники. В апреле 1872 г. назначен начальником медицинской части в Николаевском порту и главным доктором НМГ. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 15 мая 1872 г. № 820 исключён из списков как умерший. Умер в Николаеве, погребён на городском кладбище.

25. Диковский Максим Осипович (? — июль 1855)

В службе с 1835 г., лекарь. Плавал на судах 33-го, а затем 28-го флотского экипажа. В августе 1849 г. произведён в надворные советники. В начале 1855 г. переведён в 45-й флотский экипаж. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 27 июля 1855 г. № 25 исключён из списков как умерший.

26. Довгялло Бонифаций (Бонифатий) Игнатьевич

В 1851 г. окончил Императорский Московский университет и назначен младшим врачом 41-го флотского экипажа. В 1855 г. «за отличное усердие, деятельность и самоотвержение, оказанные при подании пособия и делании операций воинским чинам, раненым во время бомбардирования Севастополя англо-французскими войсками и флотом» награждён орденом Св. Анны III степени и бантом к нему; приказом по Севастопольскому гарнизону ему объявлена благодарность. В июне 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 17-й транспорт больных и раненых. В 1856 г. утверждён в чине титулярного советника, в 1857 г. произведён в коллежские асессоры. С 1858 г. служил на Балтике в 13-м и 2-м флотских экипажах, в 1870 г. произведён в коллежские советники. Вскоре переведён старшим судовым врачом в Черноморский флотский экипаж. В мае 1873 г. уволен от службы по болезни.

27. Должанский Николай Петрович (1832–1906)

Родился в семье священнослужителя в Волынской губернии. Окончил Императорский университет Св. Владимира и в мае 1855 г. назначен младшим врачом в 30-й флотский экипаж. Состоял в гарнизоне Севастополя с 4 июля по 27 августа 1855 г., находясь в госпитале на Северной стороне ординатором. В сентябре 1856 г. награждён орденом Св. Станислава III степени, в 1859 г. утверждён в чине титулярного советника. После войны служил врачом на судах ЧФ, младшим ординатором СМГ, после расформирования которого вновь плавал судовым врачом. В мае 1875 г. произведён в коллежские советники. В феврале 1889 г. произведён в статские советники с увольнением по болезни от службы с мундиром. Работал в Николаеве вольнопрактикующим врачом. Жена — Мария Захаровна (урожд. Войнова).

28. Евтушевский Николай Яковлевич

В 1850 г. окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 34-й флотский экипаж. В составе Дунайской флотилии участвовал в сражении под Исакей 16 декабря 1854 г., награждён орденом Св. Анны III степени (в 1856 г. награждён мечами к ордену). В составе флотилии находился до конца Крымской войны. После войны продолжал службу на Черноморском флоте. В 1857 г. произведён в коллежские асессоры, в 1861 г. — в надворные советники, в 1872 г. — в коллежские советники. В январе 1873 г. уволен от службы.

29. Ельфимов Пётр Ларионович

Окончил Императорский Харьковский университет и с 1843 г. плавал младшим врачом на судах 39-го флотского экипажа. В Синопском сражении находился на пароходо-фрегате «Крым». Участник обороны Севастополя, в гарнизоне состоял с 13 сентября 1854 по 11 мая 1855 г. и с 11 по 27 августа 1855 г. В июле 1855 г. переведён старшим врачом в 38-й флотский экипаж, в сентябре 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 27-й транспорт больных и раненых. В апреле 1855 г. награждён орденом Св. Анны III степени, в сентябре 1856 г. — орденом Св. Станислава II степени. После войны служил на судах ЧФ, в феврале 1857 г. произведён в надворные советники, в 1873 г. — в коллежские советники. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В феврале 1879 г. уволен от службы по болезни.

30. Загоровский Рудольф Алексеевич (1827 — октябрь 1866)

В 1851 г. окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 42-й флотский экипаж. В феврале 1854 г. получил монаршее благоволение «за отлично усердное исполнение обязанностей службы во время действия отряда, крейсерствовавшего у восточных берегов Чёрного моря». Участник обороны Севастополя, состоял в гарнизоне с 13 сентября 1854 по 20 июня 1855 г. Награждён в марте 1855 г. орденом Св. Анны III степени (в августе 1855 г. — бантом на орден) и в ноябре 1855 г. — орденом Св. Станислава II степени с мечами. В 1855 г. переведён старшим врачом в 38-й флотский экипаж. После войны в чине коллежского асессора (март — май 1854 г.) служил на судах Черноморского флота. В конце 1864 г. назначен делопроизводителем канцелярии начальника медицинской части Николаевского порта. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 7 ноября 1866 г. № 555 исключён из списков как умерший. Умер в Николаеве, погребён на городском кладбище.

31. Закревский Никифор Иванович (1806 — 11 апреля 1864), коллежский асессор

Окончил в 1828 г. Императорский Харьковский университет, назначен врачом в Черноморский флот и плавал на судах флота. В 1840 г. переведён севастопольским городовым врачом. В сентябре 1855 г. назначен врачом 2-го отделения оборонительной линии Северной стороны. Известный морской писатель, публиковался на страницах «Морского сборника». Умер в Севастополе, погребён на кладбище Херсонесского монастыря Св. Владимира.

32. Залесский Каэтан-Владислав Фёдорович (1833–1891)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в мае 1855 г. назначен младшим ординатором в НМГ. С 1858 г. служил на судах 3, 5, 10 и 7-го экипажей Балтийского флота, участвовал в заграничных плаваниях. В 1861 г. защитил диссертацию на учёную степень доктора медицины. В 1869 г. переведён в систему Военного министерства, надворный советник. На 1880 г. служил в системе МВД. На 1890 г. — вольнопрактикующий врач в городе Виннице Подольской губернии.

33. Зброжек Фома Иванович (1822–1891)

В 1850 г. окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 33-й флотский экипаж. 18 ноября 1853 г. участвовал на линейном корабле «Чесма» в Синопском сражении, награждён орденом Св. Анны III степени. Во время обороны Севастополя работал на 1-м перевязочном пункте, в июне 1855 г. — на главном перевязочном пункте на Михайловской батарее. Награждён орденами Св. Анны II степени, Св. Станислава II степени с мечами (в 1864 г. — корона на орден), перстнем с бриллиантами, в апреле 1855 г. приказом по Севастопольскому гарнизону объявлена благодарность. В гарнизоне Севастополя состоял с 13 сентября 1855 по 28 августа 1855 г. После войны продолжал службу на ЧФ, в сентябре 1859 г. переведён в чине коллежского асессора старшим ординатором в Кронштадтский морской госпиталь. В 1863 г. плавал

на судах Балтийского флота, в феврале 1870 г. произведён в коллежские советники. В августе 1870 г. уволен от службы по болезни. На 1890 г. был вольнопрактикующим врачом в местечке Друзченика Гродненской губернии.

34. Земан Фридрих Вильгельмович
(? — февраль 1858)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в 1828 г. назначен на Черноморский флот. Участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Плавал на судах ЧФ, служил старшим врачом 17-го рабочего экипажа в Севастополе. В 1850 г. назначен дивизионным доктором 5-й флотской дивизии и в октябре 1851 г. произведён в коллежские советники. 18 ноября 1853 г. врачом штаба эскадры участвовал в Синопском сражении, награждён орденом Св. Анны II степени с Императорской короной. Участник обороны Севастополя, в марте 1855 г. назначен на эскадру и с 1 февраля 1855 г. находился на линейном корабле «Великий князь Константин». В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1854 по 14 мая 1855 г., с 17 мая по 20 июня 1855 г. и с 29 июля по 7 августа 1855 г. В ноябре 1855 г. пожалован подарок по чину. В октябре 1856 г. переименован дивизионным доктором дивизии ЧФ. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 3 марта 1858 г. № 140 исключён из списков как умерший.

35. Зимодро Адам Николаевич (1827–1894)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в октябре 1854 г. назначен младшим врачом в 39-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, в июле и сентябре 1855 г. сопровождал из Симферополя в Николаев 21-й и 30-й транспорты больных и раненых. В 1855 г. награждён перстнем с бриллиантом. После войны плавал на судах Черноморского флота. В январе 1863 г. назначен коллежским ассессором, младшим врачом в Каспийскую флотилию, а в 1868 г. переведён в Балтийский флот. В августе 1870 г. в чине надворного советника уволен от службы по болезни. На 1890 г. жил в городе Вильна.

36. Иващенко Михаил Григорьевич
(1825 — 12 марта 1894)

В 1850 г. окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 30-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, в апреле 1855 г. награждён орденом Св. Анны III степени (в августе 1855 г. — бант на орден) и перстнем с бриллиантом. В августе 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 31-й транспорт больных и раненых. В 1856 г. переведён в 40-й флотский экипаж, а в марте 1857 г. — на Балтику, где служил судовым врачом и в то же время работал в системе МВД. В марте 1882 г. произведён в статские советники, в марте 1886 г. уволен от службы по болезни с мундиром. На 1890 г. — действительный статский советник, проживал в Санкт-Петербурге. Умер в Санкт-Петербурге, погребён в Ораниенбауме на Свято-Троицком кладбище.

37. Иллицкий Пётр Яковлевич (1805–?)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в 1835 г. назначен младшим врачом на Черноморский флот. На 1848 г. в чине коллежского советника служил старшим ординатором СМГ и учителем фельдшер-

ской школы. Перед Крымской войной переведён старшим ординатором НМГ. В сентябре 1855 г. награждён орденом Св. Анны III степени. В марте 1856 г. переведён николаевским городовым врачом, в 1862 г. вышел в отставку. Умер в Николаеве, погребён на городском кладбище.

38. Каменецкий Яков Семенович (? — июнь 1855)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в октябре 1854 г. назначен младшим врачом в 40-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 22 июня 1855 г. № 19 исключён из списков как умерший.

39. Казакевич (Козакевич) Иоаким Николаевич
(1810–1895)

В службе с 1835 г., лекарь. В апреле 1852 г. — старший ординатор НМГ, произведён в надворные советники. В сентябре 1855 г. награждён орденом Св. Анны III степени. В 1860-е гг. переведён судовым врачом в Черноморский экипаж, в 1869 г. произведён в коллежские советники. В январе 1872 г. за 35 лет безупречной службы в классных чинах награждён орденом Св. Владимира IV степени. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В марте 1883 г. произведён в статские советники с увольнением от службы по болезни с мундиром. На 1890 г. проживал в Николаеве.

40. Карасевич Константин Леонтьевич
(1832 — 27 марта 1892)

Дворянин Курской губернии. Окончил Императорский Московский университет и в июле 1854 г. назначен младшим врачом в 29-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, работал на перевязочных пунктах. В июле 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 22-й транспорт больных и раненых. В сентябре 1855 г. приказом командира Севастопольского порта назначен врачом 1-го отделения оборонительной линии на Северной стороне. Награждён орденами Св. Станислава III степени с мечами, Св. Анны III степени и золотой табакеркой. После войны служил врачом на судах ЧФ, был в заграничных плаваниях. В 1875 г. произведён в коллежские советники. В 1873–1877 гг. был судовым врачом на императорской яхте «Ливадия», участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1880 г. назначен портовым окулистом Николаевского порта и произведён в статские советники, в 1881 г. назначен помощником начальника медицинской части управления Черноморского флота и портов. В 1885 г. переведён окулистом Николаевского порта. В марте 1888 г. произведён в действительные статские советники, в июле уволен от службы по болезни. Умер в Москве, погребён в Донском монастыре.

41. Кармалей Данило Иванович

В 1827 г. окончил Императорскую медико-хирургическую академию. Участник Русско-турецкой войны 1827–1828 гг., награждён часами и перстнем с бриллиантами. Служил в 13-м ластовом, второй половине 4-го ластового экипажа. В октябре 1853 г. переведён в чине надворного советника старшим врачом в 29-й флотский экипаж. В Синопском сражении был врачом на линейном корабле «Париж», награждён чином коллежского советника. Участник обороны Севастополя, награждён «за отличное усердие, деятельность и самоотвержение, оказанные при подании пособия

и делании операций раненым под выстрелами неприятеля во время первого бомбардирования Севастополя» орденом Св. Владимира IV степени и бантом к нему. В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1854 по 3 февраля 1855 г. После войны продолжал службу на ЧФ. В августе 1860 г. уволен от службы с мундиром. Жена — Екатерина Саввишна, дети: Евгений (1845 г. р.), Вера (1853 г. р.).

42. Карчевский Василий Авдеевич (? — июнь 1865)

В службе с 1833 г., лекарь. Служил на судах 33-го флотского экипажа, с начала 1850-х — в арсенальной № 6 роте КМА. В чине надворного советника участвовал в обороне Севастополя, в 1856 г. награждён орденом Св. Станислава III степени. С 1859 г. служил врачом при главном управлении Черноморского ведомства, старшим ординатором СМГ, младшим врачом 3-го Черноморского сводного флотского экипажа. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 21 июня 1865 г. № 484 исключён из списков как умерший.

43. Кибер Август-Эрих Фёдорович (25 августа 1794 — 29 марта 1855)

Учился в Берлине и Гёттингене. В 1820 г. защитил в Дерпте докторскую диссертацию. Участвовал в полярной экспедиции под командой барона Ф. П. Врангеля, из которой возвратился в 1824 г. С августа 1825 по сентябрь 1827 г. участвовал в кругосветном путешествии Ф. П. Врангеля. Член-корреспондент Академии наук. В 1847 г. в чине главного доктора Кронштадтского морского госпиталя произведён в действительные статские советники. В январе 1848 г. назначен главным доктором Черноморского флота и портов. С июня 1854 г. — генерал-штаб-доктор ЧФ. Был награждён орденами Св. Анны II степени (1841), Св. Владимира III степени (1843), Св. Станислава I степени (1852). Находясь в командировке в осаждённом Севастополе, заразился тифом. Умер в Николаеве.

44. Клонгевич Казимир Варфоломеевич (? — ноябрь 1854)

В службе с 1842 г., лекарь. В 1853 г. в чине старшего ординатора СМГ произведён в надворные советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 24 ноября 1854 г. № 299 исключён из списков как умерший.

45. Красильников Василий Алексеевич (27 декабря 1834 — 22 февраля 1869)

Родился в Севастополе в семье купца. Окончил Императорскую медико-хирургическую академию (вольнослушателем) и в марте 1855 г. назначен младшим ординатором СМГ. В ноябре 1855 г. награждён подарком по чину «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подаании помощи раненым во время обороны Севастополя». В октябре 1857 г. уволен для службы на коммерческих судах. В июне 1860 г. вновь зачислен на службу младшим ординатором СМГ, но уволен в отпуск «для усовершенствования себя в науках за границей на три года». В 1864 г. переведён младшим судовым врачом в 6-й флотский экипаж, защитил диссертацию на учёную степень доктора медицины. В апреле 1866 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам, коллежский асессор с мун-

диром. С 1865 г. — приват-доцент Императорской медико-хирургической академии по кафедре сифидологии и кожных болезней, старший врач Калининской больницы. Умер в Санкт-Петербурге, погребён на Митрофановском кладбище. Жена — Терезия Николаевна (1840–1867).

46. Краснопольский Карл Антонович (1832 — 23 февраля 1895)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в мае 1855 г. назначен младшим ординатором НМГ. С августа 1858 г. служил судовым врачом на Балтийском флоте. В 1869 г. произведён в надворные советники. На 1888 г. — коллежский советник, врач морской тюрьмы в Кронштадте, с 1891 г. — старший врач 14-го флотского экипажа. На 1893 г. — вольнопрактикующий врач в Кронштадте. Доктор медицины, статский советник. Автор статей в «Русском враче», «Военно-медицинском журнале» и др.

47. Крафт Фридрих (? — ноябрь 1854)

В марте — июне 1853 г. в чине помощника управляющего аптекой СМГ, провизора произведён в коллежские секретари. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 24 ноября 1854 г. № 299 исключён из списков как умерший.

48. Кудрин Владимир Сергеевич (15 июля 1834 — 2/15 ноября 1908)

Из дворян Костромской губернии. Окончил Императорский Московский университет и в июле 1854 г. назначен младшим врачом в 31-й флотский экипаж. В ноябре 1856 г. «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подаании помощи раненым во время обороны Севастополя» награждён орденом Св. Станислава III степени с мечами. В марте 1857 г. переведён на Балтийский флот младшим судовым врачом. В 1865 г. произведён в надворные советники, в 1870 г. — в коллежские советники. В феврале 1873 г. назначен флагманским доктором Балтийского флота. В 1876 г. плывал флагманским доктором при начальнике отряда судов в греческих водах. За отличие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. награждён (действительный статский советник) орденом Св. Владимира III степени с мечами. С 1880 г. почётный лейб-хирург Двора Его Величества. В 1880–1881 гг. был флагманским врачом морских сил в Тихом океане. В сентябре 1881 г. назначен флота генерал-штаб-доктором (главный медицинский инспектор флота), в апреле 1886 г. произведён в тайные советники. Награждён орденами Св. Владимира II степени, Белого Орла, знаком отличия за 15 лет беспорочной службы, орденом Александра Невского и бриллиантовыми знаками к нему, В 1898 г. за отличие по службе произведён в действительные тайные советники. Жена — Екатерина Александровна (урожд. Корнилова), сын — Сергей.

49. Кучевский Александр Дмитриевич (Доминикович; ?–1886)

Из дворян, римско-католического вероисповедания. Окончил Императорский университет Св. Владимира и в марте 1854 г. назначен младшим врачом в 42-й флотский экипаж. В мае 1854 г. прикомандирован к НМГ младшим ординатором. В июне 1855 г. командирован в Херсон для кампании на отряд канонерских лодок и пароход «Дарго».

После войны плавал на судах ЧФ, в августе 1858 г. назначен младшим ординатором НМГ. В 1859 г. уволен (коллежский ассессор) для службы на коммерческих судах, а в июне 1862 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам с награждением чином надворного советника. В 1871–1878 гг. — врач севастопольской земской больницы, врач Севастопольского градоначальства. На 1880 г. — коллежский советник. Жена — Виктория Августовна (урожд. Бракер), сын — Станислав-Казимир (1861 г. р).

50. Лаврентьев Андрей Алексеевич (1818–1889)

Окончил Императорский Харьковский университет в 1843 г. Коллежский ассессор (сентябрь 1854 г.), старший ординатор СМГ. Участник обороны Севастополя, с февраля 1855 г. заведывал офицерским отделением Симферопольского госпиталя. В феврале 1855 г. произведён за выслугу лет в надворные советники, в марте 1855 г. награждён орденом Св. Анны III степени (июль 1855 г. — бант на орден) и в 1856 г. — орденом Св. Станислава III степени с мечами. В гарнизоне Севастополя — с 13 сентября 1854 по 2 февраля 1855 г. В 1860 г. переведён старшим ординатором в НМГ. Был инспектором фельдшерской школы и работал врачом при пансионе Николаевской гимназии. В 1869 г. переведён старшим судовым врачом Черноморского флотского экипажа и в 1870 г. произведён в коллежские советники. В 1875 г. назначен помощником начальника медицинской части в Николаевском порту и произведён в статские советники, а в 1881 г. назначен начальником медицинской части в Николаевском порту и главным доктором НМГ с производством в 1882 г. в действительные статские советники. В июне 1887 г. произведён за отличие по службе в тайные советники с увольнением по болезни от службы с мундиром. Умер в Николаеве.

51. Лашкевич Матвей Гаврилович (1805 — 8 июля 1867)

В 1832 г. окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в 1833 г. назначен младшим врачом в 32-й флотский экипаж. С 1840 г. — младший ординатор СМГ, в феврале 1852 г. — надворный советник. В сентябре 1854 г. был врачом при батальоне капитана 1-го ранга Кутрова. С марта по июнь 1855 г. работал на перевязочном пункте на эскадре, на сентябрь 1855 г. — медицинский инспектор на Северной стороне Севастополя. В марте 1855 г. за отличие по службе произведён в коллежские советники, в ноябре 1855 г. награждён орденом Св. Анны III степени с мечами. В составе Севастопольского гарнизона — с 13 сентября 1854 по 7 августа 1855 г. После войны плавал на судах Черноморского флота, в 1858 г. награждён знаком отличия за 20 лет беспорочной службы. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 20 августа 1867 г. № 597 исключён из списков как умерший.

52. Лебедев Павел Иванович (? — февраль 1857)

Лекарь с 1825 (?) г., в 1844 г. произведён в коллежские советники. Награждён орденом Св. Анны III степени и в 1852 г. — знаком отличия за 25 лет беспорочной службы. Старший врач 14-го рабочего экипажа (Николаев). Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 25 февраля 1857 г. № 100 исключён из списков как умерший.

53. Лебер Зенон-Иван Иванович

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в октябре 1854 г. назначен младшим врачом в 40-й флотский экипаж. После Крымской войны служил врачом на судах Черноморского флота, в октябре 1857 г. произведён в коллежские ассессоры, в мае 1875 г. — в коллежские советники. Был в заграничных плаваниях. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1884 г. награждён орденом Св. Владимира IV степени, в апреле 1885 г. произведён в статские советники с увольнением по болезни от службы с мундиром.

54. Леве Фёдор (Фридрих) Иванович (1804–1874)

В 1827 г. окончил Императорскую медико-хирургическую академию (Гёттингенский университет) и с сентября 1829 г. плавал на судах Черноморского флота, в 1833 г. участвовал в Босфорской экспедиции. На 1848 г. и во время обороны — старший врач 18-го рабочего экипажа. Работал на перевязочных пунктах, в том числе на эскадре. Награждён орденом Св. Анны III степени и чином коллежского советника. В гарнизоне Севастополя — с 13 сентября 1854 по 7 августа 1855 г. В 1856 г. переведён старшим врачом в 13-й рабочий экипаж, в августе 1858 г. назначен дивизионным доктором Черноморских флотских экипажей (флагманский доктор ЧФ). В сентябре 1864 г. награждён орденом Св. Владимира IV степени за 35-летнюю беспорочную службу в классных чинах. В 1866–1867 гг. переведён старшим запасным врачом, в апреле 1873 г. произведён за выслугу лет в статские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 16 ноября 1874 г. № 953 исключён из списков как умерший. Жена — Жаннетта Карловна (урожд. Зейб), дети: Карл (1834 г. р.), Эмилия (1842 г. р.), Шарлотта (1844 г. р.), Матильда (1850 г. р.)

55. Левитский (Левицкий) Андрей Ксенофонович (? — ок. 1877)

В службе с 1851 г., лекарь, младший врач 44-го флотского экипажа. Участник обороны Севастополя, с 5 октября 1854 г. работал на 1-м перевязочном пункте, успешно делая сложные операции. В июне 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 15-й транспорт больных и раненых. Награждён орденами Св. Анны III и II степени с мечами, Св. Станислава III степени, в апреле 1855 г. приказом по Севастопольскому гарнизону ему объявлена благодарность. В июле 1856 г. произведён в титулярные советники, в ноябре 1856 г. переведён в Луцкий военный госпиталь военного министерства. На 1867 г. — надворный советник, на 1873 г. — коллежский советник.

56. Левицкий Карп

Лекарь 33-го флотского экипажа, участник обороны Севастополя. В начале 1855 г. командирован из Севастополя.

57. Лисаневич Лев Николаевич (1826–1896)

В 1850 г. окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 31-й флотский экипаж на линейный корабль «Храбрый». С 5 октября 1854 г., во время обороны Севастополя, работал на 1-м перевязочном пункте. Награждён орденом Св. Анны III степени, бантом на орден и подарком по чину. В сентябре 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 28-й транспорт больных и раненых. После войны служил на судах ЧФ. В 1870 г. произведён в кол-

лежские советники, в 1881 г. награждён орденом Св. Владимира IV степени. В июле 1887 г. произведён в статские советники с увольнением от службы по болезни с мундиром.

58. Лобанов Сергей Петрович (? — май 1866)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в июле 1854 г. назначен младшим врачом в 33-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, награждён в ноябре 1855 г. «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя» орденом Св. Станислава III степени с мечами и золотой табакеркой. После войны плавал на судах ЧФ, в 1859 г. произведён в коллежские асессоры. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 1 июня 1866 г. № 531 исключён из списков как умерший.

59. Любичский Порфирий Самсонович (?–1855)

В 1827 г. окончил Императорскую медико-хирургическую академию и направлен на Черноморский флот, участник Русско-турецкой войны 1827–1828 гг. В 1848 г. в чине правителя канцелярии медицинского отделения штаба Черноморского флота и портов произведён в коллежские советники. В 1854 г. награждён знаком отличия за 25 лет беспорочной службы в классных чинах. В 1855 г. исключён из списков как умерший.

60. Мазюкевич Никита Васильевич (?–1859)

В 1821 г. окончил Императорскую медико-хирургическую академию со степенью доктора медицины и назначен на Черноморский флот. Старший ординатор, помощник главного доктора НМГ. В сентябре 1845 г. произведён в коллежские советники. В феврале 1854 г. назначен главным доктором НМГ и произведён в статские советники. В сентябре 1856 г. «за отлично усердную службу» награждён орденом Св. Анны II степени с Императорской короной. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 11 мая 1859 г. № 189 исключён из списков как умерший.

61. Малин Андрей Васильевич (?–1855)

В службе с 1842 г., лекарь. Плавал младшим врачом на судах 35-го флотского экипажа, в сентябре 1851 г. произведён в коллежские асессоры. Участник обороны Севастополя. В начале сентября 1854 г. был в стрелковом батальоне капитана 2-го ранга Коцебу, затем на 2-м перевязочном пункте. В начале 1855 г. командирован в Николаев. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 25 октября 1855 г. № 38 исключён из списков как умерший.

62. Малинин Иван Дмитриевич

В службе с 1843 г., лекарь. Плавал младшим врачом на судах 32-го флотского экипажа, в июле 1853 г. произведён в надворные советники. В феврале 1854 г. объявлено монаршее благоволение «за отлично усердное исполнение обязанностей службы во время действия отряда, крейсерствовавшего у восточных берегов Чёрного моря». Участник обороны Севастополя. В начале 1855 г. был командирован в Николаев, в июле 1855 г. назначен старшим ординатором СМГ. В марте 1855 г. награждён орденом Св. Анны III степени с мечами. В гарнизоне Севастополя — с 13 сентября по 16 октября 1854 г. и с 30 июня по 27 августа 1855 г. В мае 1856 г. произведён в коллежские советники, в сентябре 1859 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам.

63. Мержавитинов Андрей Николаевич (? — февраль 1856)

Окончил Императорский Московский университет и в марте 1854 г. назначен младшим врачом в 29-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, в ноябре 1855 г. «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя» награждён орденом Св. Станислава III степени с мечами. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 19 марта 1856 г. № 57 исключён из списков как умерший.

64. Мицкевич Генрих Викентьевич

В 1851 г. окончил Императорский Московский университет и назначен младшим врачом в 36-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, в гарнизоне состоял с 17 по 27 августа 1855 г. После войны плавал на судах Черноморского флота, в августе 1857 г. произведён в коллежские асессоры, в феврале 1861 г. — в надворные советники, в апреле 1870 г. — в коллежские советники. В феврале 1872 г. уволен от службы по болезни с мундиром.

65. Мицкевич Иосиф Викентьевич

В службе с 1843 г., лекарь. Старший врач 11-го рабочего экипажа (Николаев), коллежский асессор. В феврале 1855 г. уволен от службы по болезни с мундиром.

66. Миштольд Антон Данилович (1826–1906)

В 1850 г. окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 37-й флотский экипаж. В сентябре 1854 г. назначен (врач линейного корабля «Гавриил») на 1-й перевязочный пункт, в июне 1855 г. работал на главном перевязочном пункте на Михайловской батарее. Награждён орденами Св. Анны III степени и бантом на орден, Св. Анны II степени с мечами, Св. Владимира IV степени с мечами. В мае 1856 г. произведён в коллежские асессоры и назначен старшим ординатором НМГ. В 1866–1867 гг. переведён старшим судовым врачом, в 1870 г. произведён в коллежские советники. Участвовал в заграничных плаваниях и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В январе 1881 г. назначен консультантом по хирургии в НМГ, в феврале 1881 г. произведён в статские советники. В мае 1888 г. произведён в действительные статские советники с увольнением от службы по болезни с мундиром. После отставки работал вольнопрактикующим врачом в Николаеве.

67. Модестов Георгий (Юрий) Петрович (?–1854)

В 1836 г. окончил Императорскую медико-хирургическую академию и назначен младшим врачом на Черноморский флот. В августе 1852 г. в чине старшего врача 12-го рабочего экипажа (Николаев) произведён в надворные советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 7 апреля 1854 г. исключён из списков как умерший. Жена — Мария (личная дворянка), дети: Александр (1840 г. р.), Ольга (1845 г. р.), Наталья (1847 г. р.).

68. Муравский Игнатий Францевич (?–1883)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в марте 1854 г. назначен младшим врачом в 45-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, работал на перевязочных пунктах, с 21 мая по 27 августа 1855 г. — на линейном корабле «Париж». В сентябре 1855 г. назначен

врачом 3-го отделения оборонительной линии на Северной стороне. Награждён орденом Св. Станислава III степени с мечами и золотыми часами. В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1854 по 27 августа 1855 г. В 1862 г. назначен в Каспийскую флотилию младшим врачом Астраханского портового экипажа, затем судовым врачом Каспийского экипажа. В 1870 г. произведён в надворные советники, в 1880 г. — в коллежские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 13 июня 1883 г. № 109 исключён из списков как умерший.

69. Мысловский Игнатий Францевич

В 1830 г. окончил университет со степенью лекаря и назначен в Севастопольский военный карантин. Произведён в надворные советники. Во время обороны Севастополя работал на 1-м перевязочном пункте. В 1871 г. в чине статского советника уволен от службы.

70. Нежинцов Александр Иванович (?–1856)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в мае 1855 г. назначен младшим врачом в 29-й флотский экипаж. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 19 марта 1856 г. № 57 исключён из списков как умерший.

71. Незабитовский Степан Андреевич (1829–1909)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в марте 1854 г. назначен младшим врачом в 43-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, в сентябре 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 29-й транспорт больных и раненых. В ноябре 1855 г. *«за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя»* награждён орденом Св. Станислава III степени с мечами. В августе 1856 г. переведён в Каспийскую флотилию. В июле 1864 г. произведён в надворные советники, в 1870 г. — в коллежские советники. В 1870-е гг. служил старшим врачом Астробадской станции, старшим врачом Каспийского экипажа. В 1880-е гг. уволен от службы. На 1890 г. — вольнопрактикующий врач в Баку.

72. Новиков Андрей Николаевич (11 ноября 1829 — 24 апреля 1910)

Окончил Императорский Московский университет и в марте 1854 г. назначен младшим врачом в 38-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, в 1855 г. работал на перевязочном пункте на эскадре. В июне 1855 г. командирован из Севастополя в Симферополь с транспортом больных и раненых и был оставлен в Симферопольском военном госпитале. В июле 1855 г. награждён *«за отличие, оказанное под выстрелами неприятеля, при подании помощи раненым на эскадре во время отражения штурма 6 июня»* орденом Св. Анны IV степени *«с присвоенным ему темляком»*, в октябре 1855 г. *«за отличное мужество и усердие, оказанное во время службы на пароходе «Владимир» на Чёрном море и при обороне Севастополя»* награждён орденом Св. Станислава III степени с мечами, в апреле 1856 г. объявлено монаршее благоволение. В октябре 1859 г. переведён на должность николаевского городского врача МВД. На 1875 г. — коллежский советник. На 1879 г. значится служащим в Духовном ведомстве, врач и смотритель женского духовного училища в Ярославле. Умер в Ярославле в чине действительного статского советника, погребён на Леонтьевском кладбище.

73. Новицкий Карл Иосифович (1819–1898)

Окончил Виленскую Императорскую медико-хирургическую академию и с 1842 г. плавал младшим, старшим врачом на судах 33-го флотского экипажа. В 1854 г. произведён в коллежские советники. На линейном корабле «Великий князь Константин» участвовал в Синопском сражении. Участник обороны Севастополя, работал на перевязочных пунктах. В январе 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 1-й транспорт больных и раненых. Награждён орденами Св. Владимира IV степени и Св. Станислава II степени. В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1853 по 10 января 1855 г. После войны плавал на судах Черноморского флота, в декабре 1862 г. уволен от службы с производством в статские советники. В августе 1872 г. вновь определён на службу старшим врачом Черноморского экипажа. В июле 1887 г. произведён в действительные статские советники с увольнением от службы по болезни с мундиром. После отставки жил в Николаеве.

74. Олевинский Владислав Иванович (?–1862)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и 20 октября 1854 г. назначен младшим врачом в 41-й флотский экипаж. После войны служил на судах Черноморского флота, младшим ординатором НМГ. В августе 1859 г. произведён в коллежские асессоры. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 16 апреля 1862 г. № 329 исключён из списков как умерший.

75. Олехнович Николай Андреевич (? — апрель 1855)

В службе с 1842 г., лекарь. Плавал врачом на судах 38-го флотского экипажа, в 1853 г. произведён в надворные советники. Участник обороны Севастополя, с 5 октября 1854 г. работал на 1-м перевязочном пункте. В феврале 1855 г. командирован с ранеными в Симферополь. В марте 1855 г. награждён орденом Св. Анны III степени высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 4 мая 1855 г. № 12 исключён из списков как умерший.

76. Ольховский Иван Алексеевич (?–1853)

В службе с 1810 г., лекарь. Плавал врачом на судах 29-го флотского экипажа. В 1846 г. произведён в коллежские асессоры, в 1850 г. — в надворные советники. Жена — Мария, дети: Олимпиада (1843 г. р.), Михаил (1844 г. р.), Алексей (1847 г. р.), Александр (1850 г. р.).

77. Оноприенко-Шелковой Иван Симонович

В службе с 1843 г., лекарь. Плавал младшим врачом на судах 40-го флотского экипажа, титулярный советник. 18 ноября 1853 г. на линейном корабле «Императрица Мария» участвовал в Синопском сражении, награждён орденом Св. Анны III степени. В июне 1854 г. переведён в 31-й флотский экипаж старшим врачом и произведён в коллежские асессоры. В сентябре 1854 г. находился на линейном корабле «Храбрый» и на оборонительной линии. Награждён орденами Св. Анны II степени и Св. Станислава II степени с мечами. В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1854 по 7 августа 1855 г. В феврале 1857 г. произведён в надворные советники, в декабре 1858 г. уволен по болезни с мундиром.

78. Пабо Климентий Антонович (1830–1890)

Окончил Дерптский университет со степенью доктора медицины и в марте 1854 г. назначен младшим ординатором СМГ. В октябре 1854 г. уволен от службы по прошению, в ноябре вернулся в Севастополь с профессором Пироговым и работал на главном перевязочном пункте. Приказом начальника Севастопольского гарнизона в марте 1855 г. ему объявлена благодарность. После войны служил в системе МВД и Военного министерства. На 1890 г. — старший врач военного лазарета и инспектор фельдшерской школы в Оренбурге.

79. Павлицкий Владислав Каэтанович (?–1864)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в апреле 1855 г. назначен младшим врачом в 35-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя. В 1860 г. произведён в коллежские асессоры, в марте 1863 г. переведён в 6-й флотский экипаж Балтийского флота. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 11 мая 1864 г. № 435 исключён из списков как умерший.

80. Павловский Василий Иванович (? — июнь 1855)

В службе с 1836 г., лекарь. Врач 41-го флотского экипажа, в 1838 г. плавал на линейном корабле «Силистрия». В 1852 г. произведён в надворные советники. В Синопском сражении находился на пароходо-фрегате «Одесса», награждён орденом Св. Анны III степени. Участник обороны Севастополя, работал в СМГ и перевязочных пунктах Корабельной стороны. Награждён бантом к ордену Св. Владимира IV степени, в апреле 1855 г. ему объявлена благодарность приказом по Севастопольскому гарнизону. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 10 августа 1855 г. № 27 исключён из списков как умерший.

81. Певницкий Александр Иванович (ок. 1787 — 6 декабря 1856)

В службе с 1810 г., лекарь. Служил на Черноморском флоте, на 1854 г. — статский советник, старший врач 13-го рабочего экипажа (Николаев). Имел ордена Св. Владимира IV степени, Св. Анны II степени, Св. Станислава III степени и знак отличия за 40 лет беспорочной службы. Умер от «водяной болезни» в Николаеве и погребён на городском кладбище. Жена — Ольга Захаровна (умерла 18 апреля 1856 г.).

82. Певницкий Виктор Федорович (? — май 1867)

В службе с 1841 г., лекарь. Служил на Черноморском флоте, младший, старший врач 31-го флотского экипажа. В 1853 г. переведён старшим врачом первой половины 4-го ластового экипажа (Николаев) и произведён в надворные советники. В ноябре 1855 г. «в награду полезных трудов и отличной службы» награждён орденом Св. Станислава III степени. После войны служил на судах ЧФ. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 28 мая 1867 г. № 583 исключён из списков как умерший.

83. Петельциц Людвиг Иванович

Окончил Императорский Московский университет и в июле 1854 г. назначен младшим врачом в 32-й флотский экипаж. В ноябре 1855 г. «за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя» награждён орденом Св. Станислава III степени и бриллиантовым перстнем. После войны продолжал службу на судах Черноморского флота.

В январе 1858 г. получил монаршее благоволение «за отличие, оказанное в деле против горцев, 21 июня минувшего года близ укрепления Геленджик». В августе 1858 г. переведён младшим ординатором НМГ, в 1867 г. назначен младшим судовым врачом. В 1875 г. произведён в коллежские советники, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В ноябре 1879 г. уволен от службы по болезни.

84. Петрушевский Севастьян Яковлевич

В службе с 1816 г., лекарь. Участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и подавления восстания в Польше в 1831 г. На 1848 г. — старший врач 12-го рабочего экипажа (Николаев), коллежский советник (1839), на 1854 г. — врач при Главном управлении Черноморского флота и портов. В сентябре 1859 г. уволен от службы по болезни с мундиром, награждён знаком отличия за 40 лет беспорочной службы.

85. Пиотровский Антон Григорьевич

В 1852 г. окончил Императорский Харьковский университет и назначен младшим врачом в 38-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, в июне 1855 г. сопровождал 13-й транспорт больных и раненых. Награждён орденом Св. Станислава III степени с мечами. После войны служил на судах Черноморского флота. В начале 1860-х гг. переведён на Балтику и служил врачом кадра постоянных мастеровых и рабочих при адмиралтейских Ижорских заводах. В 1863 г. произведён в надворные советники, в 1868 г. переведён судовым врачом в 8-й флотский экипаж. В 1869 г. произведён в коллежские советники, в 1870 г. получил учёную степень доктора медицины. В октябре 1873 г. уволен от службы по болезни с мундиром.

86. Поливанов Николай Андреевич

Окончил Императорский Московский университет и в июле 1854 г. назначен младшим врачом в 35-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя. В апреле и июле 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 3-й и 19-й транспорты с больными и ранеными. Награждён орденом Св. Станислава III степени. После войны плавал на коммерческих судах с зачислением во 2-й флотский экипаж Балтийского флота. В июне 1861 г. в чине коллежского асессора переведён сверхкомплектным лекарем в военно-медицинское ведомство. На 1877 г. — действительный статский советник.

87. Попов Иван Павлович (1833–1892)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в мае 1855 г. назначен младшим врачом в 43-й флотский экипаж. В августе 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 23-й транспорт больных и раненых. После войны плавал на судах Черноморского флота. В мае 1858 г. произведён в коллежские асессоры. В 1866–1867 гг. назначен младшим ординатором НМГ, в августе 1875 г. — прозектором и произведён в коллежские советники. В октябре 1879 г. в чине старшего ординатора произведён в статские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 10 февраля 1892 г. № 558 исключён из списков как умерший.

88. Постников Дмитрий Ильич

В службе с 1816 г., лекарь. На 1848 г. — коллежский советник, старший врач 14-го ластового экипажа, в 1854–1855 гг. — старший врач 17-го рабочего экипажа в Сева-

стополе. В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1854 по 15 февраля 1855 г. После войны служил старшим врачом в 5-м ластовом и 33-м флотском экипажах. В сентябре 1857 г. награждён орденом Св. Владимира IV степени с бантом за 30 лет беспорочной службы в классных чинах. В декабре 1863 г. уволен от службы по болезни с мундиром. Дети: Владимир (1845 г. р.), Александр (1845 г. р.).

89. Пучков Владимир Васильевич
(ок. 1825 — 24 октября 1853)

В службе с 1844 г., лекарь, младший врач 43-го флотского экипажа. Умер от «водяной болезни», погребён на кладбище Корабельной стороны в Севастополе.

90. Пшеборский Павел Антонович (1830–1896)

В службе с 1852 г., лекарь. Служил младшим врачом на судах 39-го флотского экипажа. Участник обороны Севастополя. В сентябре 1854 г. переведён с линейного корабля «Святослав» на 2-й перевязочный пункт, затем работал на главном перевязочном пункте на Михайловской батарее. В сентябре 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 29-й транспорт больных и раненых. Награждён орденом Св. Анны III степени и золотыми часами. В 1857 г. произведён в коллежские ассесоры. После войны служил на судах Черноморского флота, участвовал в заграничном плавании на пароходе «Тамань». В 1875 г. произведён в коллежские советники. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., «за труды по эвакуации больных» награждён орденом Св. Владимира IV степени. В феврале 1889 г. произведён в статские советники с увольнением по болезни от службы с мундиром. После отставки жил в Николаеве.

91. Райниш (Рейниш) Леопольд Иосифович

Окончил Императорский университет Св. Владимира и с 1852 г. служил на судах 32-го флотского экипажа. На линейном корабле «Три святителя» участвовал в Синопском сражении, награждён орденом Св. Анны III степени с мечами. Во время обороны Севастополя находился на 2-м перевязочном пункте, затем на Северной стороне. Награждён орденом Св. Станислава II степени с мечами и золотой табакеркой. После войны плавал на судах Черноморского флота. В 1865 г. назначен старшим ординатором СМГ, после расформирования госпиталя служил старшим врачом на судах, участвовал в заграничных плаваниях. В апреле 1870 г. произведён в коллежские советники. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В июне 1887 г. произведён в статские советники с увольнением от службы по болезни с мундиром.

92. Рапчинский Семён Платонович

Окончил Императорский Московский университет и в июле 1854 г. назначен младшим врачом в 34-й флотский экипаж. В сентябре 1855 г. награждён орденом Св. Станислава III степени. В августе 1856 г. переведён в 45-й флотский экипаж Каспийской флотилии. Служил в Каспийском флотском экипаже, младшим ординатором Бакинского морского госпиталя, главным доктором госпиталя и заведующим медицинской частью Каспийской флотилии. В апреле 1884 г. произведён в действительные статские советники. В ноябре 1887 г. уволен от службы с мундиром, 1 января 1888 г. награждён орденом Св. Владимира III степени.

93. Рожественский Арсений Васильевич

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию со степенью медико-хирурга и назначен в 1823 г. на Черноморский флот. Участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., награждён орденом Св. Анны III степени и бриллиантовым перстнем. В 1846 г. старший врач 11-го рабочего экипажа, произведён в коллежские советники. В марте 1850 г. назначен медицинским инспектором Севастопольского порта и произведён в статские советники. Участник обороны Севастополя, в первые дни обороны занимался организацией перевязочных пунктов и распределением врачей. В марте 1855 г. награждён орденом Св. Владимира III степени с мечами, в ноябре 1855 г. «за отличие в обороне Севастополя» произведён в действительные статские советники. В мае 1856 г. назначен управляющим медицинским отделением штаба заведующего морской частью в Николаеве. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 24 апреля 1857 г. № 104 уволен от службы по домашним обстоятельствам с мундиром.

94. Россоловский Антон Фёдорович (1827–1906)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в октябре 1854 г. назначен младшим врачом в 38-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя. После войны переведён на Балтику и служил врачом на судах 9, 7 и 3-го флотских экипажей. В мае 1875 г. назначен врачом при Кронштадтском пороховом заводе и в том же году произведён в коллежские советники. В марте 1886 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам. Умер в Санкт-Петербурге.

95. Сибиряков Ксенофонт Александрович
(1832–1899)

Окончил Императорский Московский университет и в марте 1854 г. назначен младшим врачом в 42-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, работал на перевязочных пунктах, в том числе на главном — на Михайловской батарее. Награждён орденами Св. Анны III степени с мечами, Св. Станислава III степени с мечами и золотыми часами. В августе 1855 г. уволен в отпуск по болезни на восемь месяцев. В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1855 по 27 августа 1855 г. После войны служил врачом на судах Балтийского флота, в Ревельском флотском полужипаже, Морском училище. В 1878 г. переведён судовым врачом в 8-й флотский экипаж и произведён в коллежские советники, в 1884 г. — в статские советники. В 1887 г. назначен старшим врачом Морского училища, в январе 1891 г. произведён в действительные статские советники. В сентябре 1894 г. уволен по предельному возрасту от службы с мундиром. Работал вольнопрактикующим врачом в Санкт-Петербурге. Погребён при Николаевской Волокодержской церкви в Боровичском уезде Новгородской губернии.

96. Скирмунд Пётр Антонович

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в мае 1855 г. назначен младшим ординатором НМГ. В августе 1856 г. переведён на Балтику и служил младшим судовым врачом в 10-м и 6-м флотских экипажах. В 1858 г. произведён в коллежские ассесоры. В сентябре 1869 г. уволен от службы с награждением чином надворного советника с мундиром.

97. Смирнов Василий (? — май 1855)

Окончил Императорский Московский университет и в марте 1854 г. назначен младшим врачом в 41-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя. В апреле 1854 г. назначен на фрегат «Флора», 29 сентября — на пароход «Тамань». Приказом по Севастопольскому гарнизону от 26 апреля 1855 г. ему объявлена благодарность. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 2 июня 1855 г. № 15 исключён из списков как умерший.

98. Смоленский Игнатий Осипович

В службе с 1826 г., лекарь. Служил на ЧФ, в 1845 г. произведён в надворные советники. На 1848 г. — старший врач 12-го ластового экипажа. В 1849 г. назначен дивизионным доктором 4-й флотской дивизии, в октябре 1851 г. произведён в коллежские советники. В Синопском сражении был врачом штаба второго флагмана эскадры, награждён орденом Св. Анны II степени. Участник обороны Севастополя, награждён Императорской короной к ордену Св. Анны II степени. В гарнизоне Севастополя — с 13 сентября 1854 по 18 марта 1855 г. В ноябре 1856 г. переведён старшим ординатором НМГ. В августе 1860 г. уволен от службы с мундиром. В сентябре 1860 г. награждён орденом Св. Владимира IV степени с бантом за 35 лет беспорочной службы в классных чинах. Дочь — Варвара-Лавра (1846 г. р.).

99. Соколов Алексей Егорович (? — июль 1877)

Личный дворянин. Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в 1836 г. назначен на Черноморский флот. Старший врач 35-го флотского экипажа, в августе 1852 г. произведён в надворные советники. Участник обороны Севастополя, в марте 1855 г. награждён орденом Св. Анны III степени с мечами. В июле 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 16-й транспорт больных и раненых. После войны служил на судах Черноморского флота, участвовал в боевых действиях на Кавказе. В марте 1864 г. назначен старшим врачом в Севастопольскую портовую роту. После закрытия Севастопольского порта плавал старшим судовым врачом. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 31 июля 1877 г. № 1085 исключён из списков как умерший.

100. Стацевич Николай Семёнович

В службе с 1847 г., лекарь. В январе 1854 г. переведён Керченский уездный врач, титулярный советник, младшим врачом в 33-й флотский экипаж. В августе 1855 г. произведён в коллежские асессоры. В июне 1858 г. награждён «за отлично усердную и полезную службу во время бывших военных действий в Придунайских княжествах и в воздаяние особых трудов при исполнении аванпостной службы по конец войны 1853–1856 годов» орденом Св. Станислава III степени. После войны плавал на судах ЧФ, в сентябре 1859 г. назначен старшим ординатором СМГ и произведён в надворные советники. В июле 1865 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам с мундиром.

101. Страдомский Василий Андреевич (1 января 1831 — 13 мая 1902)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в мае 1855 г. назначен врачом во вторую половину 4-го ластового экипажа в Севастополе. В январе 1856 г.

«за производство операций и подачи пособия раненым и контуженным под огнём неприятеля во время бомбардирования Северной стороны Севастополя» награждён орденом Св. Станислава III степени с мечами. В мае 1858 г. произведён в коллежские асессоры, в декабре 1862 г. назначен младшим ординатором НМГ. В 1866 г. переведён судовым врачом Черноморского экипажа, был в зарубежных плаваниях. В апреле 1874 г. назначен делопроизводителем в канцелярии начальника медицинской части в Николаевском порту с оставлением в прежней должности. В мае 1875 г. произведён в коллежские советники. В январе 1891 г. произведён (старший врач 1-го Черноморского флотского экипажа) в статские советники с увольнением по болезни от службы с мундиром. В сентябре 1891 г. за 35 лет выслуги в классных чинах награждён орденом Св. Владимира IV степени. В 1892 г. вольнопрактикующий врач принят на должность врача училища для дочерей нижних чинов морского ведомства в Николаеве. Жена — Татьяна Степановна, дочь — Ольга (1878 г. р., в браке Лебединская).

102. Сызранский Иван Александрович

В службе с 1826 г., лекарь. Участник Русско-турецкой войны 1827–1828 гг., награждён орденом Св. Анны III степени. В 1843 г. произведён в надворные советники, в марте 1850 г. в чине старшего врача 9-го ластового экипажа назначен медицинским инспектором Измаильского порта и произведён в коллежские советники. В мае 1855 г. уволен от службы.

103. Таубе Николай Карлович (1810/1814–1874)

Окончил Дерптский университет и в 1837 г. поступил на службу младшим врачом в 31-й флотский экипаж. В августе 1852 г. произведён в надворные советники, в апреле 1854 г. назначен помощником главного доктора НМГ. Участник обороны Севастополя. Награждён орденами Св. Владимира IV степени с бантом и Св. Станислава II степени, в октябре 1855 г. произведён в коллежские советники. В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1854 по 18 февраля 1855 г. В апреле 1858 г. назначен помощником главного доктора Кронштадтского морского госпиталя, в 1859 г. — главным доктором НМГ и произведён в статские советники. С 1860 г. — помощник главного доктора Николаевского порта по медицинской инспекции, а вскоре — начальник медицинской части в Николаеве и главный доктор НМГ. В апреле 1870 г. произведён в действительные статские советники. В марте 1872 г. уволен от службы по болезни с мундиром. Умер в Николаеве, погребён на городском кладбище.

104. Тельшевский Константин-Северин Иванович (?–1855)

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в октябре 1854 г. назначен младшим врачом в 43-й флотский экипаж. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 20 апреля 1855 г. № 11 исключён из списков как умерший.

105. Токаревич Александр Иванович (?–1860)

В 1851 г. окончил Императорский Московский университет и назначен младшим врачом в первую половину 4-го ластового экипажа в Николаеве. В августе 1857 г. произведён в коллежские асессоры. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 20 июня 1860 г. № 241 исключён из списков как умерший.

106. Тремер Карл Густавович (?–1854)

В службе с 1826 г., доктор медицины. В 1848 г. в чине старшего доктора НМГ произведён в коллежские советники. Награждён орденами Св. Станислава III и II степени, Св. Анны III и II степени, Св. Владимира IV степени. В августе 1852 г. произведён в статские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 27 января 1854 г. исключён из списков как умерший.

107. Турцевич Платон Кириллович (1826–1890)

Окончил Императорский Московский университет и в марте 1854 г. назначен младшим врачом в 37-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя. Находился на пароходе-фрегате «Бессарабия», в июне и сентябре 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 14-й и 28-й транспорты больных и раненых. Награждён орденом Св. Станислава III степени с мечами. В январе 1856 г. переведён в гренадерский генералиссимуса князя Суворова полк батальонным лекарем. На 1890 г. — статский советник, старший врач военного лазарета в Смоленске.

108. Уклонский Семён Михайлович (? — 1857/1858)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и назначен на Черноморский флот. В 1852 г. — старший ординатор СМГ, произведён в надворные советники. В июле 1855 г. награждён *«за отличное усердие, деятельность и самоотвержение, оказанные при подании пособия и делании операций раненым под выстрелами неприятеля во время первого бомбардирования Севастополя»* орденом Св. Владимира IV степени, в ноябре 1855 г. *«за отличие в обороне Севастополя»* произведён в коллежские советники. В гарнизоне Севастополя с 13 сентября 1854 по 30 июля 1855 г. Умер в Николаеве. Жена — Анна Афанасьевна (Николаевна), дети: Михаил (1851 г. р.), Семён (1858 г. р.).

109. Уминский Антон Иванович

В службе с 1839 г., лекарь. В августе 1852 г. в чине старшего врача 15-го рабочего экипажа (в Николаеве) произведён в надворные советники. После войны плавал на судах ЧФ. В мае 1866 г. уволен от службы по болезни.

110. Филиппович Константин Михайлович (1828–1878)

Окончил Императорский Казанский университет и в 1853 г. назначен младшим врачом в 33-й флотский экипаж. В 1858 г. произведён в коллежские асессоры. После Крымской войны плавал на судах ЧФ. В 1858 г. — старший ординатор НМГ, получил учёную степень доктора медицины, в 1860–1862 гг. прошёл научную стажировку за границей. В октябре 1863 г. назначен помощником главного доктора НМГ. В 1867 г. произведён в коллежские советники, в 1873 г. — в статские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 7 июля 1878 г. № 1128 исключён из списков как умерший.

111. Фиодорович Иосиф Николаевич (18 октября 1807 — ноябрь 1883)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в 1832 г. назначен младшим врачом в 37-й флотский экипаж. В декабре 1843 г. произведён в коллежские асессоры, в 1848 г. — в надворные советники. Участник обороны Севастополя, в марте 1855 г. за отличие по службе произ-

ведён в коллежские советники. В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1854 по 27 марта 1855 г. После войны служил в 12-м рабочем, 2-м учебном морском экипажах, врачом кадра постоянных мастеровых и рабочих в Николаевском порту, плавал на судах Черноморского флота. В 1868 г. награждён орденом Св. Владимира IV степени за 35 лет беспорочной службы в классных чинах. В апреле 1871 г. назначен делопроизводителем канцелярии начальника медицинской части Николаевского порта. В июле 1882 г. произведён в статские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 5 декабря 1883 г. № 131 исключён из списков как умерший.

112. Фортман Франц Иванович

В службе с 1839 г., лекарь. Плавал на судах 44-го флотского экипажа. В августе 1852 г. в чине старшего ординатора СМГ произведён в надворные советники. На фрегате «Кулевчи» участвовал в Синопском сражении, награждён орденом Св. Анны III степени. Во время обороны Севастополя работал в госпитальном отделении для раненых, в апреле, мае и сентябре 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 6, 9 и 26-й транспорты больных и раненых. В марте 1855 г. за отличие по службе произведён в коллежские советники. В составе гарнизона Севастополя — с 13 сентября 1854 по 12 июня 1855 г. После войны плавал на судах ЧФ. В ноябре 1874 г. уволен от службы с мундиром.

113. Франковский Стратон Карлович (1813–?)

Из дворян Виленской губернии. Окончил Императорскую Виленскую медико-хирургическую академию и с 1827 г. плавал на судах 29-го флотского экипажа. За отличие *«в деле при взятии 5 ноября Турецко-Египетского парохода пароходом “Владимир”»* произведён в январе 1854 г. в коллежские советники. Участник обороны Севастополя, в гарнизоне состоял с 13 сентября 1854 по 1 апреля 1855 г. В октябре 1854 г. во 2-м перевязочном пункте, в доме Волохова, разорвавшейся в операционной бомбой контужен и на время оглушён. В составе Севастопольского гарнизона находился с 13 сентября 1854 по 1 апреля 1855 г. В августе 1855 г. награждён орденом Св. Владимира IV степени с бантом. После войны плавал на судах Черноморского флота, служил старшим врачом в Николаевском портовом экипаже. В мае 1872 г. уволен от службы по болезни с мундиром. Сын — Владислав (1848 г. р.).

114. Фрусевич Иван Игнатьевич (?–1882)

Окончил Императорскую медико-хирургическую академию и в 1827 г. назначен в Черноморский флот. Участник Русско-турецкой войны 1827–1828 гг. В августе 1843 г. произведён в надворные советники, в 1848–1855 гг. — старший врач 16-го рабочего экипажа. Во время Крымской войны был старшим врачом отряда в устье Дуная. В 1858 г. переведён в 11-й рабочий экипаж, в январе 1863 г. уволен от службы с мундиром. В сентябре 1863 г. награждён орденом Св. Владимира IV степени за 35 лет беспорочной службы в классных чинах.

115. Хворов Иван Петрович

Окончил императорский университет Св. Владимира и в марте 1854 г. назначен младшим врачом в 30-й флотский экипаж. В июле 1854 г. приказом управляющего Морским министерством переведён младшим врачом при Черниговских богоугодных заведениях.

116. Хохряков Алексей Харлампиевич

В 1853 г. окончил Императорский Казанский университет и назначен младшим врачом в 43-й флотский экипаж. После войны плавал на судах Кавказского ведомства. В 1858 г. произведён в коллежские ассессоры и переведён на Балтику. Служил на судах 17, 4, 5, 7 и 8-го флотских экипажей. В декабре 1880 г. произведён в статские советники с увольнением от службы с мундиром.

117. Чельцов Фёдор Иванович

В 1853 г. окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 34-й флотский экипаж. Во время обороны Севастополя находился на перевязочном пункте на эскадре на линейном корабле «Париж», в мае 1855 г. списан по болезни в СМГ. В июне 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 18-й транспорт больных и раненых. Награждён орденом Св. Анны III степени. В августе 1856 г. назначен в Каспийскую флотилию, служил в портовых ротах в Астрахани, в 46-м флотском экипаже, в кадре постоянных мастеровых и рабочих в Астраханском порту, плавал на судах Каспийского экипажа. В феврале 1861 г. произведён в надворные советники, в декабре 1863 г. — в коллежские советники, в июле 1887 г. — в статские советники. В 1888 г. уволен от службы с мундиром.

118. Шаланский Владислав Иосифович

В 1853 г. окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 33-й флотский экипаж. В декабре 1853 г. переведён в систему МВД.

119. Шеломов Василий Никифорович

Окончил Императорский университет Св. Владимира и в октябре 1854 г. назначен младшим врачом в 44-й флотский экипаж. Участник обороны Севастополя, в январе 1856 г. награждён *«за производство операций и подание пособия раненым и контуженным под огнем неприятеля во время бомбардировки Северной стороны Севастополя»* орденом Св. Станислава III степени с мечами. В октябре 1859 г. переведён младшим ординатором в Кронштадтский морской госпиталь. С 1863 г. служил судовым врачом, в 1868 г. произведён в надворные советники, в ноябре 1871 г. — в коллежские советники. В марте 1872 г. назначен флагманским доктором Балтийского флота и в 1873 г. произведён в статские советники. В апреле 1882 г. в чине действительного статского советника уволен от службы по болезни с мундиром.

120. Шимкевич Адам (? — май 1855)

В 1853 г. окончил Императорский Московский университет и назначен младшим врачом в 40-й флотский экипаж. В феврале 1854 г. ему объявлено монаршее благоволение *«за отлично усердное исполнение обязанностей службы во время действия отряда, крейсеровавшего у восточных берегов Чёрного моря»*. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 2 июня 1855 г. № 15 исключён из списков как умерший.

121. Шпилярский Калистрат Лукич

В 1853 г. окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 28-й флотский экипаж. 6 ноября 1853 г. на фрегате «Флора» участвовал в бою с тремя турецкими пароходами. В сентябре 1854 г.

находился в стрелковом батальоне капитан-лейтенанта Воеводского, затем назначен на 2-й перевязочный пункт. В июле 1855 г. сопровождал из Севастополя в Николаев 20-й транспорт больных и раненых. Награждён орденом Св. Станислава III степени с мечами. В августе 1856 г. назначен врачом арсенальной № 8 роты в Астрахань. В феврале 1861 г. произведён в надворные советники и в декабре 1861 г. уволен от службы.

122. фон Шредер Эраст (Эрнст) Иванович (23 мая 1830 — 30 июля 1894)

Окончил Дерптский университет со степенью доктора медицины и в феврале 1854 г. назначен младшим ординатором в НМГ. В июле 1857 г. переведён младшим врачом при Александровской больнице в Саратове, но в сентябре того же года переведён старшим врачом в 1-й рабочий экипаж Балтийского флота, служил младшим врачом в Морском училище, в 1860–1862 гг. — помощником делопроизводителя управления флота генерал штаб-доктора. В декабре 1866 г. произведён в статские советники. На 1890 г. — старший делопроизводитель управления медицинского инспектора флота, действительный статский советник, присутствующий член медико-филантропического комитета Императорского человеколюбивого общества. Приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 10 августа 1894 г. № 693 исключён из списков как умерший. Погребён на Смоленском евангелическом кладбище в Санкт-Петербурге. Пожертвовал капитал в 3000 рублей на выдачу процентов с него беднейшим вдовам морских врачей.

123. Юхницкий Яков Васильевич (1828 — февраль 1884)

Выходец из дворян. Окончил Императорский университет Св. Владимира и в 1853 г. назначен младшим врачом в 35-й флотский экипаж. Во время Синопского сражения находился на пароходе-фрегате «Херсонес». Участник обороны Севастополя. В сентябре 1854 г. находился в стрелковом батальоне капитана 1-го ранга Варницкого, затем переведён на 2-й перевязочный пункт. Был контужен, причислен ко 2-му классу раненых. Награждён в ноябре 1855 г. *«за отличное и деятельное выполнение своих обязанностей при подании помощи раненым во время обороны Севастополя»* орденом Св. Станислава II степени с мечами и бриллиантовым перстнем. В августе 1858 г. назначен младшим ординатором НМГ и учителем фельдшерской школы. С 1866 г. плавал врачом на судах Черноморского флота. В 1869 г. произведён в надворные советники, в 1875 г. — в коллежские советники. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 5 марта 1884 г. № 142 исключён из списков как умерший. Умер в Николаеве, погребён на городском кладбище.

124. Яворовский Андрей Михайлович (1829 — 1854/1855)

В 1853 г. окончил Императорский университет Св. Владимира и назначен младшим врачом в 30-й флотский экипаж. Высочайшим приказом по морскому ведомству о чинах гражданских от 19 января 1855 г. № 307 исключён из списков как умерший. Умер в Севастополе. Жена — Александра Ивановна (урожд. Ржевская).

ГАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 28 ; Ф. 11. Оп. 1. Д. 33 ; Ф. 19. Оп. 1. Д. 24 ; Ф. 20. Оп. 1. Д. 152 ; Ф. 22. Оп. 1. Д. 11, 42, 64, 68 ; Ф. 35. Оп. 1. Д. 4.

РГАВМФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 927, 1184 ; Ф. 217. Оп. 1. Д. 6 ; Ф. 365. Оп. 1. Д. 33 ; Ф. 373. Оп. 1. Д. 59 ; Ф. 870. Оп. 2. Д. 433, 464, 504, 518 ; Ф. 920. Оп. 9. Д. 51.

Богданов А. Б. Забытый в Польше и России : шляхтич Августин Валявский — усмиритель чумы в Севастополе // Вестник морского врача. Севастополь : СПД Бакулин В. А., 2008. № 5 (5) ; *Веренкина Т. Н.* Здравоохранение Севастополя. Севастополь, 1996 ; *Витухновская Г. М.* Морские врачи и севастопольская морская библиотека // Севастополь : СПД Бакулин В. А., 2009. № 7 ; Военно-медицинский журнал. СПб., 1847. Т. 49. № 1, № 2 ; 1848. Т. 51. № 2 ; 1848. Т. 52. № 1, № 2 ; 1849. Т. 53. № 2 ; 1850. Т. 55. № 1, № 2 ; 1850. Т. 56. № 1, № 2 ; 1851. Т. 57. № 1 ; 1851. Т. 58. № 1, № 2 ; 1852. Т. 59 ; 1852. Т. 60 ; 1853. Т. 61 ; 1853. Т. 62 ; Гауровиц. Морские врачи в Севастополе. МСб. 1855. Т. 21. № 5. Ч. 2 ; *Губская Т.* Город мраморных ангелов. Николаев: Ирина Гудим, 2010 ; *Гюббенет Х. Я.* Заметки о произведенных в Севастополе в 1854–1855 гг. на перевязочных пунктах хирургических операций. СПб. : Тип. А. М. Катомина, 1872 ; *Земан Ф. В.* Некоторые воспоминания из времени осады Севастополя в 1854 и 1855 годах // МСб. 1856. Т. 23. № 9. Ч. 4 ; *Жандр А.* Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 ; Извлечение из отчёта статского советника Мансурова по возложенному на него поручению в Крыму, относительно попечения о раненых чинах Черноморского флота и их семейств. МСб. 1856. Т. 21. № 4. Ч. 2 ; *Кобак Л. В., Пирютко Ю. М.* Исторические кладбища С-Петербурга. М. : Центр-полиграф, 2009 ; *Крылов-Толстикевич А. Н.* Русские врачи XVIII — начала XX столетий // Проза.ру ; М. П. Лазарев. Документы. М., 1955. Т. 2 ; *Малиновская О. И.* Сотрудники севастопольского морского госпиталя — новые имена // Вестник морского врача. Севастополь : СПД Бакулин В. А., 2010. № 10 (10) ; Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2 ; МСб. 1853–1909 ; П. С. Нахимов. Документы и материалы. М., 1954 ; Ново-

российский календарь на 1840 год. Одесса, 1839 ; Новороссийский календарь на 1872 год. Одесса, 1871 ; *Осадчий А. С., Зубарев А. А.* Из истории Севастопольского морского госпиталя // Вестник морского врача. Севастополь : СПД Бакулин В. А., 2008. № 5 (5) ; П. Б. Иннокентий Таврический. Его последняя поездка в Крым и предсмертные дни. 1857 // Русский архив, 1896. Т. 96. № 9 ; Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 1, 2, 4 ; *Пирогов Н. И.* Исторический обзор действий Крестовоздвиженской общины сестёр попечения о раненых и больных в военных госпиталях в Крыму и Херсонской губернии с 1 декабря 1854 по 1 декабря 1855 // МСб. 1856. Т. 21. № 4. Ч. 2 ; *Пирогов Н. И.* Севастопольские письма и воспоминания. М., 1850 ; *Пономарёва Е. В., Гаврилов И. В.* Врач и общественный деятель В. А. Страдомский : штрихи к портрету // Вестник морского врача. Севастополь : СПД Бакулин В. А., 2009. № 7 ; *Рерберг П. Ф.* Севастопольцы. СПб., [Б/г.]. Вып. 1, 2, 3 ; Российский медицинский список на 1820–1909 ; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1 ; *Соловьёв Н.* О перевязочных пунктах Севастополя // Русский вестник. 1872. Т. 99. № 6 ; Список гражданским чинам морского ведомства первых восьми классов. СПб., 1848. Ч. 1 ; Список гражданским чинам морского ведомства. СПб., 1854. Ч. 1 ; Список гражданским чинам морского ведомства. СПб., 1855. Ч. 1 ; Список гражданским чинам морского ведомства последних пяти классов СПб., 1865 ; Список гражданским чинам морского ведомства первых восьми классов. СПб., 1868. Ч. 1 ; Список гражданским чинам морского ведомства. СПб., 1873 ; *Терецук Н.* Медицинские работники первой половины XIX века в метрических книгах Государственного архива города Севастополя // Вестник морского врача. Севастополь ; СПД Бакулин В. А., 2008. № 5 (5) ; *Терецук Н. М.* Севастопольский военный карантин. Накопление фактологического материала (1-я половина XIX века) // Прошлое Севастополя в архивных документах: сб. науч. ст. соотр. Гос. архива г. Севастополя. Севастополь : ЧП Арефьев М. Э., 2011 ; Энциклопедический словарь «Николаевцы, 1789–1999 гг.». Николаев : Возможности Киммерии, 1999.

Е. В. Неделькин

Чоргунская башня: к вопросу о дате сооружения

В центре села Черноречье (бывшее Чоргунь), которое находится на территории города федерального значения Севастополя, возвышается одно из уникальных архитектурных сооружений Юго-Западной Таврики — Чоргунская башня. Однако специальная научная литература как по истории самого селения, уходящего своими корнями в эпоху Средневековья, так и касающаяся Чоргунской башни, практически отсутствует.

Этот памятник архитектуры исследован слабо, археологические раскопки ни в самой башне, ни по соседству почти не проводились [1]. Лишь в 1889 году историк, архивист и краевед Фёдор Фёдорович Лашков частично зачистил линию керамического трубопровода, который питал цистерну в башне водой с ближайшей возвышенности [2]. В связи с этим гипотезы о времени сооружения башни основываются на результатах визуального осмотра и обмеров архитектурных деталей.

Первой рассмотрим гипотезу, которая восходит к местной легенде, повествующей, что башня была сооружена турецким феодалом.

В 1855 году британский военный художник и корреспондент Вильямс Симпсон побывал в Чоргуне и, опираясь, по всей видимости, на эту легенду, сделал заключение, что Чоргунская башня была построена как убежище для жителей села в те времена, когда Чёрное море «кишело корсарам», которые

вторгались с побережья и грабили «мирные долины Крыма» [3], тем самым повторив вывод английского путешественника Эдварда Кларка, посетившего Чоргунь в 1800 году [4].

Академик Генрих-Карл-Эрнст Кёлер также считал башню турецкой¹ [5], но указал и на оригинальную гипотезу историка и археолога Николая Никифоровича Мурзакевича, полагавшего, что эта «постройка чисто новогреческая, сооружённая архипелажскими выходцами (Албанское войско. — Е. Н.) для отражения татарских набегов» [6]. Позднее гидролог, член гидрологического комитета при Министерстве земледелия и государственных имуществ Николай Васильевич Рухлов высказал гипотезу, что Чоргунская башня, возможно, «служила в своё время водопроводным сооружением» [7].

Точки зрения о турецком происхождении башни придерживался и известный крымский историк, этнограф и краевед XIX века Василий Христофорович Кондараки [8]. Исследователь предполагал, что она «служила прикрытием для турецкого гарнизона, имеющего надзор за Инкерманом и Севастопольскою бухтою». Также В. Х. Кондараки опубликовал легенду, услышанную им от местных жителей о том, что башня была сооружена турецким пашой, «чтобы предоставить возможность жителям укрываться в ней от Черкесского племени Чавка, делающего набеги со стороны южного берега» [9]. Возможно,

¹ Сопровождавший академика Г.-К.-Э. Кёлера в научной экспедиции в Крым К. Кюгельхен запечатлел селение и башню на отдельной литографии (Мальгина М. Р. Виды Крыма первой половины XIX века : каталог литографий из собрания Крымского республиканского краеведческого музея. Симферополь : СОНАТ, 2006. № 15 ; Мальгина М. Р. Виды Крыма в литографиях Карла Кюгельхена // Материалы искусствоведческой конференции «Крымский пейзаж в изобразительном искусстве XVIII — начала XXI в.» (Бахчисарай, 25 сентября 2008 г.). Симферополь : Бизнес-Информ, 2009. С. 83–84).

Чоргунь. Литография К. Кюгельхена. 20-е гг. XIX в.

одну из интерпретаций этого предания приводит и побывавший в Чоргуне в 1833 году путешественник Шарль Монтандон: башня якобы «*была воздвигнута по приказу турецкого паши, который неподатлёку устраивал свою резиденцию*» [10].

Военный инженер, энтузиаст изучения истории и археологии Крыма Александр Львович Бертье-Делагард предполагал, что башня была частью жилья турецкого или татарского вельможи, служившей укрытием для обитателей дома, и «*никакого боевого значения не имела*». Время строительства башни учёный относил к XVI–XVII векам [11]. Перу исследователя принадлежит первое подробное описание этого архитектурного памятника, на основании которого (и позднейших исследований) приводим своё. Башня сохранилась на высоту 22 м. Снаружи она двенадцатигранная (ширина каждой грани около 3,7 м), а внутри — круглая. Внешний диаметр 12,5–14,0 м. Толщина стен 2,85–3,65 м. Башня — трёхэтажная, с открытой боевой площадкой наверху. В её основании (на уровне цоколя) находится цистерна для воды, выложенная из песчаника и оштукатуренная цементным раствором. В восточной и северной гранях нижнего этажа находятся две ам-

бразуры подножного боя. На втором этаже также помещались две бойницы, а на третьем — шесть окон-бойниц. Здесь же устроены ниши для шкафчиков, камин и каменная лестница, которая вела на верхнюю площадку башни. Стены сооружены из бута на известковом растворе в ленточной технике, а углы, откосы, окна, камин, ниши, амбразуры, ступени отделаны тесаным камнем. Этажи разделялись перекрытиями в виде деревянных балок с настилом поверх них. Сообщение между первым и вторым этажами осуществлялось по деревянным лестницам. Третий этаж перекрывался стрельчатым куполом, выложенным из плинфы. Верхняя площадка башни ограждалась парапетом с мерлонами², стоящим на каменных навесных кронштейнах [12]. Более поздней частью башни, относящейся, вероятно всего, ко времени утраты этим сооружением своего стратегического значения, являлась конусообразная крыша, крытая черепицей [13].

Мнение А. Л. Бертье-Делагарда, признанного специалиста в области фортификации, вошло в отечественную научную и научно-популярную литературу. Этой же гипотезы придерживались авторитетные советские археологи Николай Ива-

² Они выступают на 0,6 м; в каждой грани по 5–6 мерлонов.

Чоргунь. Художник К.-Г.-Г. Гейслер. 1794 г.

нович Репников [14] и Давид Львович Талис [15]. Однако «турецкая» гипотеза имеет ряд уязвимых мест. Во-первых, наличие машикулей³ на навесных кронштейнах указывает на время, когда штурмовая артиллерия ещё не получила широкого распространения, так как машикули такой конструкции легко разрушались орудийными выстрелами. Во-вторых, толщина стен башни составляет от 2,8 до 3,6 м, что нехарактерно для сооружения, не имевшего боевого значения [16]. В-третьих, вход в башню находился на уровне второго этажа. Ещё в начале XX века историк, архивист, этнограф и краевед Александр Иванович Маркевич отмечал частичное разрушение арки входной двери и обвал кладки в этом месте [17]. Вполне вероятно, что в районе обвалившейся кладки могла когда-то находиться архитравная плита со строительной надписью, которая не сохранилась. В-четвёртых, турецкий путешественник Эвлия Челеби ибн Мехмед Зилли Дервиш, побывавший в Чоргуне в 1666 году, в своих подорожных записках отмечал: «...перед домами... Мустафы-аги и также Ахмеда-аги, у которых мы гостили, есть большая башня с железными воротами и подъёмным мостом» [18].

Из сообщения Эвлии Челеби следует, что путешественник уже в это время не видел строительной надписи (из тех, которые он неизменно упоминал в

своих записках, если видел их) и не получил от местных жителей никакой информации о времени сооружения башни. Поэтому нам следует обратиться к более ранним данным османских дефтеров (кадастровых налоговых переписей территории Османской империи), в которых значится, что в 1498 году в Чиргуне (Чоргуне) было 25 домохозяйств [19], в 1520 году в селе проживало 25 полных православных греческих семей и семь потерявших мужчину-кормильца (153 человека), а также шесть семей мусульман (30 человек). Материалы более полной переписи 1542 года⁴ содержат данные о том, что в это время православная община села состояла из 25 полных семей, пяти вдовьих и шести взрослых холостяков (145 человек), а мусульманская община — из восьми семей и четырёх взрослых холостяков (40 человек) [20]. По переписи 1634 года, в селе оставалось 10 домов, принадлежавших грекам, а остальные жители исповедовали ислам [21]. Вполне вероятно, что греки, будучи носителями памяти об истории этого селения ещё с доосманских времён, по преданиям, могли что-либо знать о времени и обстоятельствах строительства башни, но уже в 1652 году православного населения среди жителей села не фиксируется [22]. Вероятнее всего, если бы башня была построена турками, Эвлия Челеби упомянул бы об этом, как он говорит о сооружении че-

³ Машикули — навесные бойницы, создававшиеся путём образования у брустверной стенки свесов. Сооружались для ликвидации мёртвого пространства её эспланады (Яковлев В. В. История крепостей. М. ; СПб. : АСТ ; Полигон, 2000. С. 15).

⁴ Этот дефтер датирован 20 Ресев 949 г. х. (30 октября 1542 г. по Р. Х.). Но начало описания в нём относится к 945–946 гг. (1538–1539 гг. по Р. Х.), и, скорее всего, дата, обозначенная на дефтере, — это время окончания его составления (Курникова О. М. Архивные материалы по истории османских владений на территории Крыма (XVI–XVIII вв.) // Восток. 2008. № 3. С. 132).

тырёхпролётного моста через реку Казыклы-Озен (ныне река Чёрная), на котором сохранилась строительная надпись, гласящая о том, что он построен в 1657/58 году Сефиром Гази-агой — визирем Мухаммеда IV Гирая (1641–1644, 1654–1666 гг.) и Ислама III Гирая (1644–1654 гг.) [23].

Севастопольский археолог Олег Яковлевич Савеля, опираясь на вышеупомянутое сообщение Эвлии Челеби, полагал, что Чоргунская башня входила в единый архитектурный комплекс вместе с дворцом, который был разобран в конце XIX века. По его мнению, башня, носившая дворцовый характер, была возведена в 20-е годы XVII столетия в качестве убежища от нападений казаков. Кроме того, исследователь говорил о существовании ещё одной синхронной башни, которая не сохранилась до настоящего времени⁵ [24].

Таким образом, несмотря на очевидные нестыковки, гипотеза об османском происхождении башни является господствующей, но не единственной. Сомнения в её правильности высказывались ещё в конце XVIII века. Академик Петер Симон Паллас сомневался в правдоподобности легенды о том, что башню построил турецкий паша, говоря «*что это скорее работа корсунских греков или генуэзцев*». Он относил время постройки башни к XIV–XV векам [25]. Такой же точки зрения придерживался и итальянский специалист в области военной архитектуры Леоне Андреа Маджиоротти [26]. В пользу этой гипотезы свидетельствует тот факт, что верхняя площадка башни ограждалась парапетом с мерлонами, стоящим на каменных навесных кронштейнах, что вполне определённо говорит о существовании машикулей. В свою очередь машикули на навесных кронштейнах сооружались в Крыму только западноевропейскими фортификаторами [27].

При рассмотрении данной гипотезы определённый интерес представляет вопрос о водоснабжении

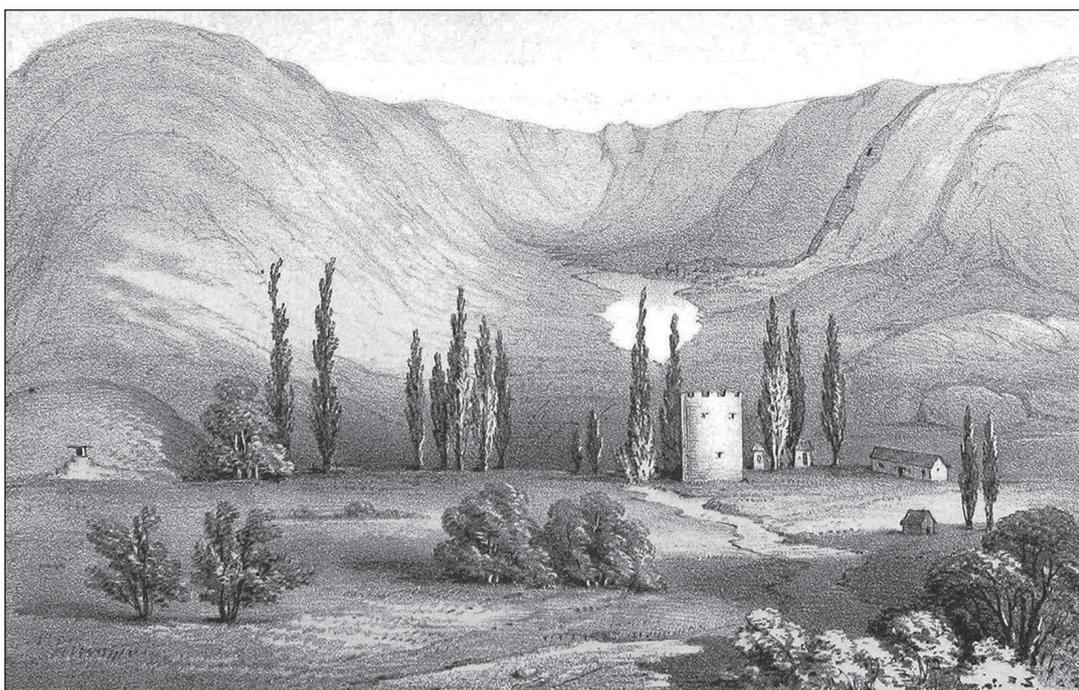

Деревня Чоргунь. Рисунок В. Ф. Тимма. 50-е гг. XIX в.

Чоргунской башни, ранее не привлекавший должного внимания исследователей. Ведь сооружение специального резервуара для хранения стратегического запаса воды и системы водоснабжения для её бесперебойной поставки в крепость и, в частности, в донжон играло важную роль в обороноспособности укрепления. В Таврике такую систему повсеместно применяли и генуэзцы.

В основании Чоргунской башни находится цистерна для воды, выложенная из песчаника и отштукатуренная цемянковым раствором, которая занимает весь цоколь башни [28]. Водой цистерну питал керамический трубопровод с ближайшей возвышенности, расположенной к северу от башни [29]. Аналогичная система хранения стратегического запаса воды устраивалась во всех донжонах крепостей лигурийцев в Таврике, как небольших (например, донжон феодального замка частной лигурийской сеньории Тасили, принадлежавший роду Гваско [30]), так и мощных крепостей (донжон консульского замка [31] и верхней цитадели города Чембало [32]). Система водоснабжения Чоргунской башни аналогична устроенной в Чембало, где родник, снабжав-

⁵ К выводу о том, что в Чоргуне было две башни, автор пришёл, основываясь на русском переводе (в то время ещё не изданном) польского издания 1969 г. (Księga podróży Ewliji Czelebiego: (wybór) / tłumaczyli z języka турецkiego Zygmunt Abrahamowicz, Aleksander Dubinski, Stanisława Plaskowicka-Rymkiewicz; redakcja naukowa, wybór, słowo wstępne i komentarze, Zygmunt Abrahamowicz; Szkic o Ewliji Czelebiem i jego dziele, Jan Reychman. Warszawa : Książka i Wiedza, 1969. XXXVII, 476 s.), которое содержит ряд неточностей. В данном случае в его тексте сказано: «...перед домами Мустафы-аги из Чоргуна, который нас там принимал, а также Ахмед-аги возвышаются две большие башни с железными воротами и подъёмными мостами». Однако перевод списка, наиболее близкого к первоначальному, а возможно, даже автограф самого Эвлии Челеби, гласит: «...перед домами жителей Чоргане Мустафы-аги и также Ахмеда-аги, у которых мы гостили, есть большая башня с железными воротами и подъёмным мостом» (Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) ; пер. Е. В. Бахревского. Симферополь : Доля, 2008. С. 75).

Чоргунь. 1855 г.

ший крепость, находился в верховьях балки Кефало-Вриси (Мане-Тунеро), значительно выше уровня крепости, что обеспечивало высокое давление воды в подводящей керамической трубе [33]. Н. И. Репников и Ф. И. Шмит, говоря в своё время о водоснабжении Чоргунской башни, задавались вопросами: «...самое важное — откуда взялась вода на этой «ближайшей высоте к северу», как она каптирована и почему её больше нет, — всё это остаётся в неизвестности» [34].

Отдельно следует сказать и о системе отопления Чоргунской башни. Для обогрева этого фортификационного сооружения в холодное время года использовались каминны, расположенные на втором и третьем этажах [35]. Они представляют собой простейшие печи с открытой топкой в виде ниши и прямым дымоходом (без оборотов), их теплоотдача была очень низкой (10–20%) [36]. Именно такое устройство отопительной системы характерно для западноевропейских донжонов [37], а в Таврике аналогичные системы обогрева сохранились только на лигурийских памятниках⁶. В частности, такими каминными были оборудованы донжон верхней цитаде-

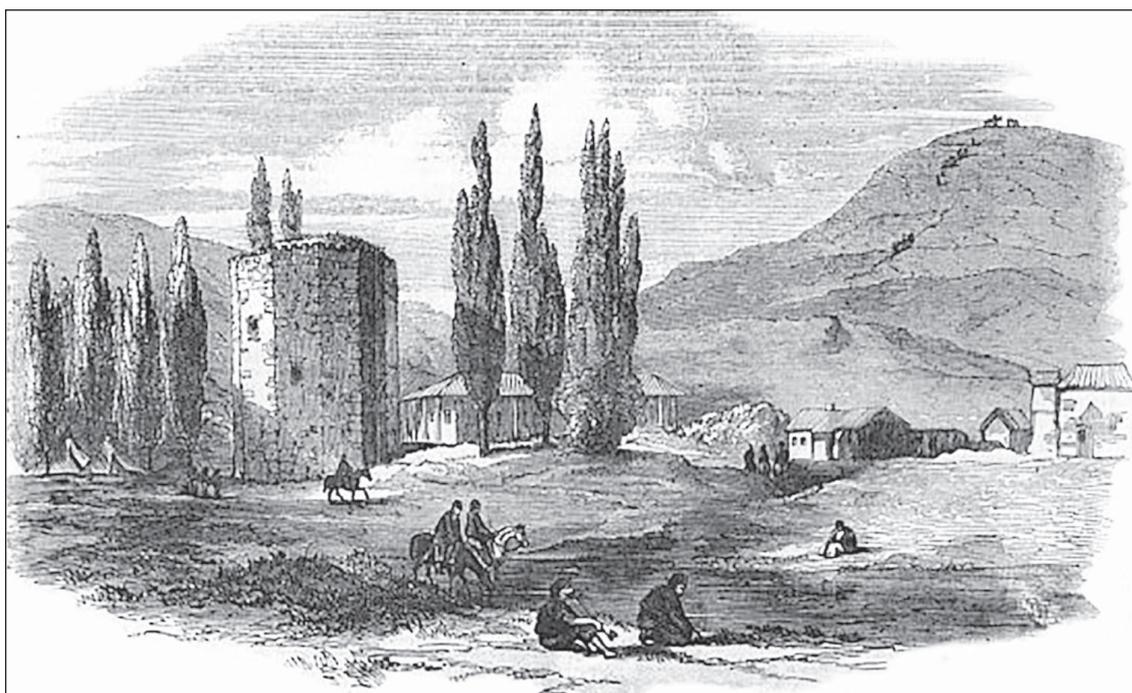
ли Чембало [38], Чобан-Куле (Тасили) [39], донжон консульского замка в Солдаёе [40].

Гипотезу о генуэзском происхождении башни развивает в своих трудах российский исследователь Виктор Леонидович Мыц, предположивший, что более вероятным временем сооружения башни является хронологический промежуток 1434–1441 годов, когда генуэзцы овладели крепостью феодоритов Каламита в устье реки Чёрной, а причиной строительства башни было желание генуэзцев обезопасить свои владения от новых нападений правителей Феодоро [41]. Но В. Л. Мыц указывает и на ряд уязвимых мест «генуэзской» трактовки.

«Генуэзской» трактовки противоречит также обстоятельство, что при строительстве башни использовалась мера длины, соответствующая венецианскому браччо⁷. Необычен и тот факт, что башня находится в пойме реки, окружённой горами, более удобными в стратегическом плане для сооружения укрепления. Лигурийцам, у которых образ восприятия ландшафта и пространственно-визуальный образ окружающего мира родного города сформировали особый строительный менталитет

⁶ В некотором роде исключение представляет феодоритская крепость Фуна, при раскопках донжона которой были обнаружены фрагменты двух одинаковых керамических труб (их размеры: длина около 50 см, диаметр 14–18 см). Данное обстоятельство позволило предположить, что донжон Фуны был оборудован каминном, так как подобные керамические изделия нередко применялись в качестве оголовка для завершения дымоходных каналов в выведенных на крышу печных труб (Кирилло В. П. Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). Киев : Стилюс, 2005. С. 218).

⁷ 1 браччо — 0,683 м (Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли / С. П. Карпов. М. : Изд-во МГУ, 1990. С. 334).

Чоргунь в 1856 г. Illustrated London News

с присущим ему ощущением «господства» и «высо-ты», не было свойственно располагать оборонительные сооружения в низинах [42].

Следует также упомянуть, что после окончания войны между Кафрой и Феодоро и подписания мира в конце ноября 1441 года Каламита и все захваченные генуэзцами земли были возвращены правителю Феодоро Алексею I (Старшему) (1411–1446 гг.) [43] да и сама башня находилась на правом (феодоритском) берегу реки Чёрной.

Третья гипотеза о строителях башни — фео-доритская. В 1837 году академик Пётр Иванович Кёппен предположил, что Чоргунская башня является составной частью цепи укреплений для защиты дорог на Яйлу и Южный берег Крыма. Однако он не выдвинул гипотезы о том, кто и когда её построил [44]. Государственный деятель и гражданский губернатор Екатеринославской губернии Андрей Яковлевич Фабр также не решился определить, кто построил башню, но утверждал, что она была соору-жена для защиты дороги на Южный берег [45]. путеше-ственник, этнограф, краевед и директор училищ Таврической губернии Евгений Львович Марков предполагал, что Чоргунская башня была составной

частью системы замков и крепостей, построенных для защиты северных границ крымской Готии [46].

Вполне вероятно, что это укрепление было воз-ведено Алексеем I, который стремился укрепить границы в условиях сложной военно-политической обстановки 30–40-х годов XV века. Тем более что здесь проходила самая короткая и удобная дорога от столицы Феодоро к морю (отсюда до Феодоро 12 км, а до Чембало — 8 км). Возможно, в этом Алексею I могли оказать помощь его союзники — венецианцы.

На активизацию отношений Феодоро и Респуб-лики Святого Марка в 30-х годах XV столетия косвен-но может указывать решение венецианского сената от 1 июня 1432 года о маршруте движения и дате отпра-вки галей линии Романии: они должны 25 июня вый-ти из Венеции, чтобы, воспользовавшись хорошей погодой, достичь Таны (ныне город Азов) и «выяс-нить, что собирается предпринять господин Алексей, господин Готии, в пользу нашего государства» [47].

О союзнических отношениях между Феодоро и Венецией свидетельствует и один из документов тайной переписки Алексея I (Старшего) с офици-алом Республики Святого Марка — письмо вене-цианского байло⁸ в Константинополе правителю

⁸ Байло (вен. *Bailo* — сокращённое *Baiulus Venetorum in Constantinopoli et in toto imperio Romanie*). Данный титул переводится как «Венецианский легат в Константинополе и всей Романской империи». В венецианской Романии так называли главу подвластной тер-ритории или наиболее важной по значению фактории. В пределах Причерноморья и Верхней Романии этот титул имели только выс-шие магистраты Республики Святого Марка в Константинополе и Трапезунде. В сферу его полномочий входили дипломатическая, торговая, фискальная (собирал небольшие местные налоги) функции, забота о безопасности фактории, руководство строительными работами; байло также был высшим судебным магистратом фактории.

Чоргунская башня. Фото 1943 г.

Готии (1443/44 г.). В нём, помимо сведений о мангупско-венецианской торговле и поражении турок от венгров, содержится информация о болезни Алексея I, об отправке ему отравленных сладостей, а также о политической обстановке в североитальянском регионе. Эта информация носит конфиденциальный характер, «но из-за добрых отношений с князем ему сообщается и будет сообщаться всё необходимое» [48].

В пользу феодоритской гипотезы свидетельствует также типология Чоргунской башни, близкая к типологии «венецианской башни» в Салониках [49]: сложность крепостной структуры и подчёркнутая парадность архитектуры этого массивного сооружения, присущие замкам княжества Феодоро [50].

В данном случае стоит вернуться к тезису, выдвинутому В. Л. Мыцом [51], а впоследствии под-

держанному крымскими археологами Владимиром Петровичем Кирилко [52] и Сергеем Геннадьевичем Бочаровым [53], о существовании в оборонительном зодчестве Таврики XIV–XV веков двух школ — провинциально-византийской и североитальянской. Одна из основных особенностей этих строительных школ — различные подходы к решению объёмно-планировочных структур укреплений. Для провинциально-византийской школы характерно максимальное использование особенностей горного рельефа местности. Укрепления располагались на вершинах скал либо горных мысов, с двух или трёх сторон доступ на эти возвышенности преграждали труднопреодолимые склоны, а незначительное доступное пространство преграждали крепостной стеной с одной или несколькими башнями. Большая часть территории оставалась неукреплённой, иногда вдоль обрывов строили парапет [54]⁹. Эти особенности приёма строительства характерны для всех вышеупомянутых фортификационных объектов княжества Феодоро в Юго-Западной Таврике.

Для североитальянской школы характерно приморское расположение укреплений. Причём предпочтение отдавалось слабым, с точки зрения естественных оборонительных возможностей, объектам (мысам, приморским возвышенностям). Сооружались крепкие законченные замки, в которых весь периметр был защищён стенами, архитектурные формы имели более стройные пропорции, использовались махикули и аркатурные пояса [55].

В архитектуре Чоргунской башни прослеживается как наличие набора характерных признаков обеих строительных школ, так и их симбиоз, что сформировало особую архитектуру этого фортификационного сооружения. На наш взгляд, наличие именно венецианских особенностей в архитектуре башни, о которых говорилось выше, а также общая политическая ситуация в данный период позволяют предположить, что этот фортификационный объект был сооружён феодоритами совместно с венецианскими мастерами.

Подводя итог вышеизложенному, следует сказать, что окончательный ответ на поставленный

⁹ Обычно площадь таких укреплений составляла не более 2,5–3 (до 8) га. Исключением является церковно-феодальный комплекс IX–XV вв., расположенный на горном массиве Бойка. Его площадь — около 1200 га. Комплекс состоит из пяти скалистых высот (Кош-Кая, Караул-Кая, Сотира, Курушлюк, Богатырь) и включает в себя остатки шести поселений, храм Христа Спасителя, два небольших укрепления на хребте Курушлюк. Также были открыты остатки кузнечно-литейной мастерской, углеобжигательные ямы, старые дороги, одичавшие фруктовые сады (Маркевич А. И. Географическая номенклатура Крыма, как исторический материал. Топонимические данные крымских архивов // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2. С. 20–21; Репников Н. И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма // АЛОИА. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 10. Л. 262; Домбровский О. И. Средневековые памятники Бойки // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1968. С. 83–96; Мыц В. Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. С. 131–132; Струкова Е. В., Ушаков С. В. Археологические памятники Бойки: современное состояние, проблемы и перспективы исследования // МАИАСК. 2008. Вып. 1. С. 31–44; Мыц В. Л., Юрочкин В. Ю. Исследования храма Христа Спасителя на г. Бойка в Крыму в 2008 г. // Археологічні дослідження в Україні 2008. Київ; Луцьк: Волинські старожитності, 2009. С. 210–213).

*Чоргунская башня. Вид с северо-востока.
Современное фото*

*Чоргунская башня. Вид с северо-запада.
Современное фото*

вопрос могут дать только археологические исследования башни и соседнего с ней пространства. И в этом смысле как нельзя лучше процитировать А. Л. Бертье-Делагарда, а именно его вывод, сделанный при подведении итогов исследований истории средневековой Таврики: «Понадобится немало исследований по совершенно частным и мелочным вопросам; ещё более окажется необходимым про-

верить уже решённое, причём немало высказанного как простая догадка, но от частого повторения кажущегося истиною, будет отвергнуто; едва ли многое уцелеет из положений, ныне признаваемых несомненными, но загромождающих лишь путь дальнейшему исследованию» [56]. И тогда, возможно, это «таинственное» [57] сооружение начнёт открывать свои секреты.

1. Савеля О. Я. Чоргунская башня // Слава Севастополя. 1968. 22 дек. (№ 251). С. 4 ; Веникеев Е. В., Савеля О. Я. Таинственная башня // Слава Севастополя. 1980. 15 марта (№ 52). С. 4 ; Веникеев Е. В., Савеля О. Я. Башня на реке Чёрной // Крымская правда. 1981. 12 июня (№ 136). С. 4.

2. Отчёт о деятельности Таврической Учёной Архивной Комиссии за 1890 год // ИТУАК. 1891. Т. 12. С. 112.

3. Simpson W., Brackenbury G. The seat of war in the East, from eighty-one drawings made during the war in the Crimea. London : Day & Son, 1902. P. 184–185.

4. Clarke E. D. Travels in Russia, Tartary, and Turkey. London : G. Clark and Son, 1848. P. 316.

5. [Кёлер К. Э.] Донесение, представленное Императорской академии наук академиком Кёлером о путешествии его в Крым в 1821 г. // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 374, 380.

6. [Кёлер К. Э.] Указ. соч. С. 380.

7. Рухлов Н. В. Обзор речных долин горной части Крыма. Пг. : Тип. В. Ф. Киришбаума, 1915. С. 337.

8. Кондараки В. X. В память столетия Крыма. Топографический обзор полуострова. М. : Тип. В. В. Чичерина, 1883. С. 123 ; Кондараки В. X. В память столетия Крыма. История и археология Тавриды. М. : Тип. В. В. Чичерина, 1883. Отд. 1 : Историческая судьба Крымских городов. С. 184.

9. Кондараки В. X. Универсальное описание Крыма. Николаев : Тип. В. М. Краевского, 1873. Ч. 1. С. 116 ; Кондараки В. X. Новый, обстоятельный путеводитель по Крыму с 65 политипажами. М. : Тип. М. М. Борисенко и Ко, 1885. С. 81.

10. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетками и предварённый введением о разных способах проезда из Одессы в Крым ; пер. с фр. Киев : Стилос, 2011. С. 166.

11. *Бертье-Делагард А. Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 250–251.
12. *Бертье-Делагард А. Л.* Указ. соч. С. 248–249 ; *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь : Универсум, 2009. С. 203 ; Памятник архитектуры XV века (охранный № 310) Чоргунская башня в селе Черноречье города Севастополя. Предварительные работы // Гос. архив г. Севастополя. Ф. Р-308. Оп. 2д. Д. 79. Л. 4–5.
13. *Стивен А.* Дела архива Таврического Губернского Правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. Т. 13. С. 49.
14. *Репников Н. И.* Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма // АЛОИА. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 10. Л. 26–27.
15. *Талис Д. Л.* Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М. : Внешторгиздат, 1974. С. 94.
16. *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро... С. 203.
17. Протоколы заседаний Таврической Учёной Архивной Комиссии в 1911 году // ИТУАК. 1912. Т. 47. С. 36 ; *Шаманаев А. В.* Охрана археологических памятников «пещерных городов» Крыма в XIX — начале XX в. // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 310.
18. *Evliya Çelebi Seyahatnamesi / hazırlayan A. Cevdet ve N. Asim.* İstanbul : Orhaniye matbaası, 1928. Cilt VII. S. 582 ; Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.) / пер. и коммент. М. Б. Кизилова. Симферополь : Таврия, 1996. С. 89 ; *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) ; пер. Е. В. Бахревского. Симферополь : Доля, 2008. С. 75.
19. *Beldiceanu-Steinherr I., Berindei M., Veinstein G.* La Crimée ottomane et l'institution du «timār» // Annali dell'Istituto Orientale di Napoli. 1979. Vol. 39. P. 550.
20. *Fisher A.* The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century / A. Fisher // HUS. 1981. Vol. V. N 2. P. 154, 164 ; *Öztürk Y.* Osmanlı Hakimiyetinde Kefe 1475–1600. Ankara : Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 2000. S. 247, 254.
21. *Fisher A.* The Ottoman Crimea in the Mid-Seventeenth Century: Some Problems and Preliminary Considerations // HUS. 1979–1980. Vol. 3/4. P. 220–221.
22. *Ефимов А. В.* Из османской налоговой ведомости. XVII век // Греки в истории Крыма : крат. биограф. справ. / под ред. В. В. Харабуги. Симферополь : Таврия-Плюс, 2000. С. 283–290.
23. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия... С. 75.
24. *Савеля О. Я.* Чоргунская башня — памятник истории казачества в Крыму? // 350-летие Азовского осадного сидения : тез. докл. конф. Азов : Азов. краевед. музей, 1991. С. 41–42.
25. *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах ; пер. с нем. М. : Наука, 1999. С. 56.
26. *Maggiarotti L. A.* Architetti e architetture militari / L. A. Maggiarotti // L'opera del genio italiano all'estero (Media Evo). 1933. Vol. 1. Serie IV : Gli architetti militari. P. 312.
27. *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро... С. 203.
28. *Бертье-Делагард А. Л.* Указ. соч. С. 248.
29. Протоколы заседаний Таврической Учёной Архивной Комиссии: 5 сентября, 1 ноября и 13 декабря 1890 года // ИТУАК. 1891. Т. 11. С. 156 ; Отчёт о деятельности Таврической Учёной Архивной Комиссии за 1890 год // ИТУАК. 1891. Т. 12. С. 112.
30. *Мыц В. Л.* [и др.] Исследования средневекового укрепления Чобан-Куле // АИК. 1993 г. Симферополь : Таврия, 1994. С. 206 ; *Кирилко В. П.* Укрепление Чобан-Куле (по материалам раскопок 1992–1993 гг.) / В. П. Кирилко, В. Л. Мыц // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» : сб. науч. тр. (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кёппена). Киев : Стило, 2004. С. 206.
31. *Аркас З. А.* Описание Ираклейского полуострова и древностей его // ЗООИД. 1848. Т. 2. С. 265.
32. *Веймарн Е. В.* Балаклава : экскурсионный очерк / Е. В. Веймарн // Крым. 1929. № 10. С. 63 ; *Столяренко Е. Н.* Об организации водоснабжения и канализации генуэзской крепости Чембало (XIV–XV вв.) // Материалы X научной конференции «Ломоносовские чтения» 2011 года и X Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2011» / под ред. В. А. Трифонова [и др.]. Севастополь : ООО «Экспресс-печать», 2011. С. 99–100.
33. *Юргевич В. Н.* Донесение о поездке в Крым в 1861 г. // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 980 ; *Столяренко Е. Н.* Об организации водоснабжения и канализации консульского замка и припортового района крепости Чембало в XIV–XV вв. // Проблемы истории и археологии Украины : материалы VII Междунар. науч. конф. (Харьков, 28–29 окт. 2010 г.). Харьков : НТМТ, 2010. С. 91 ; *Столяренко Е. Н.* Новый участок водопровода генуэзской крепости Чембало (XIV–XV вв.) // Древности 2011 : Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков : ООО «НТМТ», 2011. С. 356.
34. *Репников Н. И., Шмит Ф. И.* О технике водоснабжения средневековых городов Крыма // СГАИМК. 1932. № 9–10. С. 50 ; *Репников Н. И.* Указ. соч. // Полимерные трубы. 2014. № 2. С. 80.
35. *Бертье-Делагард А. Л.* Указ. соч. С. 248.
36. *Шепелев А. М.* Кладка печей своими руками. М. : Россельхозиздат, 1983. С. 193.
37. *Шаузи О.* История архитектуры ; пер. с фр. Е. Г. Денисовой. М. : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1937. Т. 2. С. 482–483.
38. *Иванов А. В.* Материалы к реконструкции донжона генуэзской крепости Чембало // *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 году. СПб. ; Симферополь : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 60, рис. 10.
39. *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро... С. 246.
40. *Секиринский С. А., Волобуев О. В., Когонашвили К. К.* Крепость в Судак. Симферополь : Таврия, 1983. С. 79 ; *Опочинская А. И.* Судакская крепость // АН. 1986. № 34. С. 259, рис. 6.
41. *Мыц В. Л.* Машикули в фортификации средневековой Таврики // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова : тез. докл. обл. науч. конф. Омск :

Изд-во ОмГУ, 1987. С. 163–166; *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро... С. 203.

42. *Климанов Л. Г.* Донжон и Кампанила: Forma urbis, урбанистическое сознание и освоение Венецией и Генуей Крыма // *Античный и средневековый город* : тез. докл. VII Сюзюмовских чтений. Севастополь, 25 авг. — 4 сент. 1994 г. Екатеринбург ; Севастополь : Типолаборатория УрГУ, 1994. С. 47–48.

43. *Мыц В. Л.* Война 1433–1441 гг. между Каффой и Феодоро // *АДСВ*. 2000. Вып. 31. С. 355.

44. *Кёппен П. И.* Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб. : Тип. Император. Акад. Наук, 1837. С. 243–244.

45. *Фабр А. Я.* О древних нагорных укреплениях в Крыму // *ЗООИД*. 1844. Т. 1. С. 240; *Фабр А.* Достопамятнейшая древности Крыма и соединенныя с ними воспоминания. Одесса : Тип. П. Францова, 1859. С. 15.

46. *Марков Е. Л.* Очерки Крыма. Картины крымской жизни, природы и истории. СПб. : Тип. К. Н. Плотникова, 1872. С. 483–484.

47. *Jorga N.* Notes et extraite pour servir a l'histoire des croisades au XV siecles // *ROL*. 1898. Т. 6. Р. 116.

48. *Karpov S. P.* New Documents on the Relations between the Latins and the Local Populations in the Black Sea Area (1392–1462) // *Dumbarton Oaks Papers*. 1995. Vol. 49. Р. 38–39; *Карпов С. П.* Регесты документов фонда Diversorum Filze секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // *Причерноморье в средние века*. М. ; СПб. : Алетейя, 1998. Вып. 3. С. 52; *Карпов С. П.* Средневековый Понт. Lewinston ; Queenston ; Lamparter : The Edwin Mellen Press, 2001. С. 335.

49. *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро... С. 207.

50. *Кирилко В. П.* Крепость Фуна в системе укреплений горного Крыма XIV–XV вв. // *Научные чтения, посвященные столетию со дня рождения профессора М. Я. Сюзю-*

мова. 21–23 сент. 1993 г. Екатеринбург : Типолаборатория УрГУ, 1993. С. 14.

51. *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики X–XV вв.. Киев : Наукова думка, 1991. С. 67–68.

52. *Кирилко В. П.* Надвратные башни укреплений Юго-Западной Таврики (XIV–XV вв.) // *АДСВ*. 2001. Вып. 32. С. 299.

53. *Бочаров С. Г.* Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» : сб. науч. тр. (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кёппена). Киев : Стилос, 2004. С. 189; *Бочаров С. Г.* Предварительные итоги археологического изучения средневекового укрепления Учансу-Исар // *Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье* : материалы 11-го заседания Совместных комиссий по истории, археологии, этнографии и фольклористике при Президиуме НАН Украины и Академии Румынии / под ред. С. Г. Бочарова, В. Кожокару. Симферополь : Таврия, 2009. С. 122–123.

54. *Бочаров С. Г.* Заметки по исторической географии... С. 189–190.

55. *Бочаров С. Г.* Заметки по исторической географии... С. 198–190; *Кирилко В. П.* Надвратные башни укреплений... С. 299.

56. *Бертъе-Делагард А. Л.* К истории христианства в Крыму. Мнимое тысячелетие. Одесса : Тип. С. Мерка, 1907. С. 3.

57. *Сосногорова М. А.* Путеводитель по Крыму для путешественников. Одесса : Тип. Л. Нитче, 1874. С. 243; Крым. Путеводитель / под ред. К. Ю. Бумбера [и др.]. Симферополь : Тип. Тавр. губерн. земства, 1914. С. 450; *Крикун Е. В.* Архитектурные памятники Крыма. Симферополь : Таврия, 1977. С. 29; *Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР*. Київ : Будівельник, 1985. Т. 2. С. 269.

Т. Э. Саргсян

Село Тополёвка в Крыму и его армянские памятники

В материальном культурном наследии Крыма солидное место занимают памятники средневекового армянского зодчества и каменной пластики, заметная часть которых сосредоточена в восточной части полуострова. Это в основном церковные здания, хачкары, надгробия, сюжетные и орнаментальные рельефы — редкие уцелевшие образцы архитектурного и декоративного достояния здешней армянской колонии, некогда многолюдной и значительной по масштабу деятельности. Причём слово «уцелевшие» в данном случае имеет весьма условное значение, поскольку весомая доля этих раритетов находится на грани полного разрушения. После Феодосии и Старого Крыма, включая и окружающие их территории, следующее место по количеству армянских древностей занимает Белогорский район полуострова. К нему и относится село Тополёвка вместе со своими армянскими памятниками. Представленные двумя церквями, десятком хачкаров и столькими же литографиями, последние свидетельствуют о пребывании здесь многочисленного армянского населения. В округе существуют и другие бывшие армянские поселения, которые в общности своей издавна формируют самый развитый и обширный в Восточном Крыму район по возделыванию садовых культур.

Известно несколько старых названий села Тополёвка, наиболее ранним из которых является «Топты» (Թոփթի). Употребляемое самими армянами, оно соседями-мусульманами озвучивалось как «Топлы» или «Топлу». После вынужденного пере-

селения крымских христиан, в том числе и армян, в Приазовье в 1778 году и вхождения полуострова в состав Российской империи в 1783-м приближенный к тюркскому произношению этот вариант названия получил официальный статус и удержался до 1948 года. Затем его преобразовали в объяснимую на русском языке версию «Тополёвка».

Турецкий автор Эвлия Челеби, путешествовавший в Крыму в середине XVII века, называет село «Топлу-кёй». Он приводит его описание, имеющее важное источниковое значение: «*Стоянка Топлу-кёй. Это деревня армянских неверных, расположенная в холмистой долине, со ста домами. Все дома здесь похожи на дома Эрзурумской страны¹, построены из сосновых брёвен, с куполами из сосновых брёвен, подобных крыльям ласточки. На одном из холмов есть их церковь — место прогулок²*»³. Итак, в середине XVII века село было однородно армянским, насчитывало сто хозяйств, или же около 500 жителей. Внимание автора привлекли дома этого довольно большого поселения, построенные «из сосновых брёвен, с куполами из сосновых брёвен». Значит, дома эти, похожие на «дома Эрзурумской страны» и увенчанные, надо полагать, перекрытиями «*һазарашен*»⁴, были нечасто встречающимся явлением в Крыму. Челеби упоминает также одну из двух армянских церквей села — ту, которая стояла на его окраине на возвышенности (рис. 1). Вторую церковь он, скорее всего, не видел, поскольку не заезжал внутрь села. Да и на культовые здания неверных-христиан он редко когда обращал внимание.

¹ Вилайет с одноимённым центром на северо-востоке Турции. Бывший Карин в Исторической Армении.

² Видимо, подразумеваются паломнические гуляния.

³ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь, 2008. С. 152.

⁴ Серия конструкций перекрытия из замысловато сложенных брёвен со световым отверстием по центру. Типичные для армянских жилых домов, они позднее были воплощены в камне для перекрытия гавитов (притворов).

Рис. 1. Церковь Сурб Урбат на окраине села Тополёвка. Вид с юго-запада.
Фото 60-х гг. XX в.

А. В. Суворов, который приводит статистику крымских христиан, по инициативе российских властей вывезенных из полуострова в 1778 году, интересующее нас село называет «Татлы». Его сообщение подтверждает, что оно было однородно армянским, но уже с населением 212 человек⁵. К месту отметить, что с переселением армян село опустело. Жители его после долгих скитаний обосновались у берегов Дона, где zaloжили новое одноимённое село — Топты (ныне село Крым в Мясниковском районе Ростовской области). Крымское же село Топты в самом начале XIX века было заселено понтийскими греками⁶, а позднее — русскими. Что касается находившихся в нём армянских древностей, то они, оставшись бесхозяйными, со временем пришли в упадок и большей частью разрушились.

Название «Топты» находим как в армянских позднесредневековых сообщениях, так и в источ-

никах нового времени, в частности в работах авторов XIX века Минаса Бжишкяна и Ованэса Тэр-Абраамяна⁷. Известный наиболее ранний армянский источник, упоминающий его, относится к 1632 году. Это памятная запись, или колофон, помещённая в Четьих минеях: «В году 1081 [= 1632]⁸ я, недостойный иерей Григор, вышел из Тобты и прибыл в Кафу...»⁹ Таким образом, иерей Григор, по всей видимости, бывший служителем армянской церкви в Топты, в 1632 году по каким-то делам прибыл в Кафу (ныне Феодосия) и об этом оставил запись в Четьих минеях.

Топты как одно из наиболее многочисленных и известных армянских сёл в Крыму упоминается и в одном послании к католикосу, датированном 1744 годом. В нём крымские армяне сообщают восседавшему в Эчмиадзине верховному главе Армянской церкви об избрании епископа-богослова Даниела,

⁵ Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения / сост. Н. Дубровин. Т. 2 (1778 г.). СПб., 1885. С. 713.

⁶ Бжишкян М. Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани. Венеция, 1830. С. 262.

⁷ См.: Бжишкян М. Указ. соч. С. 262; Тэр-Абраамян О. История Крыма (на арм. яз.). Ч. 2. Феодосия, 1865. С. 126–128.

⁸ Содержимое квадратных скобок отсутствует в оригиналах и служит для уточнения либо коррекции сказанного.

⁹ Памятные записи армянских рукописей XVII века (на арм. яз.) / сост. В. Акопян, А. Иоаннисян. Ч. 2. Ереван, 1978. С. 487. Исползованные в работе цитаты из армянских источников на русский язык переведены автором — Т. Э. Саргсян.

эчмиадзинского нунция, на пост местного духовного предводителя. Причём послание выражает единодушное мнение всех верующих, входивших в паству монастыря Сурб Хач, а именно жителей городов Кафа, Карасубазар (ныне Белогорск), Бахчисарай, Кеозлев (Евпатория), Ор (Армянск), Акмечит (Симферополь), а также сёл Орталанка (Земляничное), Топты, Камышлы (Опытное), Салы (Грушевка) и Эски Крыма (Старый Крым). О конфессиональной принадлежности составителей этого послания сомневаться не приходится: паству монастыря Сурб Хач (знаменитый монастырь Святого Креста близ Старого Крыма), являвшегося и ныне являющегося престольной святыней крымских армян, составляли приверженцы национальной церкви. Впрочем, в противном случае послание и вовсе не было бы адресовано католику Эчмиадзину: «...мы, народ Крыма, вельможи и меньшие, старцы и юноши, главные и все верующие вообще: жители Кафы и Карасу, Бахчисарая... а также сёл, а именно — Орталанка и Топты, и Камышлы, и Салы... мы, кои изначально состоим в епархии и пастве нашего монастыря Сурб Хач», своим духовным главой провозглашаем епископа Даниела¹⁰.

Конкретное время основания села неизвестно. Ориентиром в этом вопросе служат сведения о том, что истари славящаяся красотой и плодородием долина между городами Сурхат (Крым, Эски Крым, ныне Старый Крым) и Карасубазар стала активно заселяться армянами с начала XIV века. Основано это утверждение на двух армянских источниках второй половины XVII века. Первый из них представляет собой стихотворную историю армян Крыма, сложенную вардапетом¹¹ Мартиросом Крымечи в 1672 году¹², а второй — обширную памятную запись 1690 года от некоего писца Давида. Внесена последняя в Четыри минеи — книгу, скопированную

самим писцом Давидом в том же 1690 году в Кафе¹³. Сведения указанных авторов по интересующему нас вопросу, почерпнутые из передаваемых из поколения в поколение устных сказаний¹⁴, в целом идентичны по содержанию и последовательности повествования, но вполне самостоятельны и не зависят друг от друга ни по словарному составу, ни стило изложения¹⁵.

Мартирос Крымечи и писец Давид сообщают, что к середине XIII века часть жителей города Ани — столицы павшего в 1045 году Армянского царства Багратидов — «по распоряжению татарского хана» переселилась в город Ак-Сарай, что в устье Волги. Затем, на рубеже XIII–XIV веков, они из Ак-Сарая перебрались в Крым и обосновались в Феодосии, Сурхат-Крыме, Карасубазаре и вокруг них. Стало быть, как под непосредственным господством татаро-монголов, так и под контролем итальянцев, арендовавших у первых земли для своих факторий в прибрежном поясе. В итоге не только увеличилось население уже существовавших армянских поселений, отдельных городских и сельских кварталов полуострова, но и появились новые сёла, городские предместья, монастыри и церкви: «Тогда возмужались мы и умножились, и построили села и области; князья и знать, начиная от Карасубазара до Сурхата и Феодосии, горы и равнины переполнили монастырями и церквями. И построили мы домов сто тысяч и церковей тысячу...»¹⁶ Выбор местности между Сурхатом и Карасубазаром для основания армянских поселений был обусловлен удобным расположением на торговом тракте, наличием воды и дивной природой этого уголка горного Крыма, напоминающего некоторые ландшафты Исторической Армении.

Второй источник по этому вопросу излагает следующее:

¹⁰ См.: Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму (на арм. яз.). Ереван, 1964. С. 112 (первоисточник: Архив Матенадарана им. Месропа Маштоца. Фонд Канцелярии католикоса. Папка 1. Док. 43).

¹¹ Учёный-инок, архимандрит.

¹² См.: История страны Крыма, сложенная вардапетом Мартиросом Крымечи в стихотворной форме // Мартиросян А. А. Мартирос Крымечи (на арм. яз.). Ереван, 1958. С. 142–152; см. также: Армянские поэты Крыма XV–XX вв. (на арм. и рус. яз.). Симферополь, 2008. С. 141–151.

¹³ См.: Ереван. Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукоп. 7442. Л. 281а–282б. Русский перевод см.: Айвазовский Г. Заметка о происхождении новороссийских армян // ЗООИД. Т. 6. Одесса, 1867. С. 552–554.

¹⁴ Об этом пишет сам Мартирос Крымечи: «Ибо не имеем предшествующих хронистов, / Записавших очевидную и общеизвестную историю, / То из сказаний наизусть надлежащее и достоверное / Взявши, хочу быть ее летописцем я» (Мартиросян А. А. Мартирос Крымечи. С. 143; Армянские поэты Крыма... С. 142).

¹⁵ Академик Л. Хачикян, хотя и с категорическим недоверием относился к этим источникам, записанным по устным сказаниям, тем не менее вынужден был признать историческую подоплёку основных их сведений. (См.: Хачикян Л. С. Армяне в древней Москве и на путях, ведущих в Москву. Ереван, 2009. С. 30–37. Оригинал работы на армянском языке вышел в свет в 1980 году. См.: Хачикян Л. С. Армяне в древней Москве и на путях, ведущих в Москву // Вестник Матенадарана. № 13. Ереван, 1980. С. 7–108.) Лояльнее к ним относился академик В. Микаелян (см.: Микаелян В. А. История армянской колонии... С. 71–82, 268–276 и т. д.).

¹⁶ Ереван. Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукоп. 7442. Л. 281а.

*А те [= покинувшие Ак-Сарай аниицы],
кои обосновались в Кафе
И в городе Крыме, именуемом Сулхат [= Сурхат],
Переполнили церквями все места
Взамен церквей, что оставили в Ширакаване [= Ани]:
Великолепные монастыри и скиты,
Святылища в пещерах и горах,
Многие из них до сих пор существуют,
В том числе и прославленный монастырь Сурб Ншан^{17, 18}.*

Как показывает сопоставительный анализ источников, переселение армян из Ак-Сарая в Крым могло иметь место в самом начале XIV века, в переломный в истории Золотой Орды момент¹⁹. Собственно к этому периоду и относятся наиболее ранние упоминания Топты. Их находим в записях, сделанных на полях греческого Синаксаря из города Сугдеи (ныне Судак), с которым село, по всей видимости, имело более тесные связи, нежели с Карасубазаром или Сурхат-Крымом. Причём заметим, что в переводе записей с греческого языка на русский название «Топты» получило форму написания «Топти»: «В тот же день скончался раб Божий Анастасий... сын севаста Топти. Год 1304»²⁰.

Но если в данном случае сложно сказать, именем «Топти» назывался сам севаст или же населённый пункт, которым он правил, то следующая запись по этому вопросу даёт более ясные сведения: «В тот же день скончалась раба Божия Тамар, жена Макара севаста Топти. 1305 год»²¹.

В своё время, ориентируясь на имя «Тамар», В. Васильевский сделал предположение о грузинском происхождении этой супружеской четы²². Между тем, как показал Л. Хачикян, указанные имена были употребляемы именно армянами: и если имя «Тамар» было распространено среди армянок уже с X века, то именем «Топты» в Крыму называлось армянское селение, основателем которого, очевидно, был некий Топты²³.

Очень возможно, что рассматриваемое село получило название от имени некоего армянина Топты, сыгравшего важную роль в его истории. Но здесь непонятно другое: если В. Васильевский и Л. Хачикян

рассматривают упомянутое в Синаксаре «Топти» исключительно как имя севаста — и это в случае с первой записью вполне допустимо, — то как же понять пассаж из второй записи: «Тамар, жена Макара севаста Топти»?

А его, думается, следует понимать так: «Тамар, жена Макара — севаста Топти». Как бы громко ни звучал этот титул для сельского главы, приведённая выше вторая запись не оставляет сомнений, что в XII–XIV веках он использовался крымскими греками в значении «начальник населённого пункта», в том числе и сельского поселения. Таким образом, если указанное во второй записи Топти идентично с рассматриваемым армянским селением Топты, то оно в 1305 году уже существовало и имело своего сельского главу по имени Макара, а возможно — Маргар. В таком случае каким образом запись, упоминающая супругов-армян, оказалась в Синаксаре греческого прихода, хранящемся в греко-православной церкви? Ведь представители этой конфессии армян традиционного апостольского вероучения считали еретиками.

С учётом сказанного нельзя исключить того, что Макара, севаст села Топты, и его супруга Тамар могли быть из числа армян-халкидонитов, впрочем, как и остальные армяне, упомянутые в аналогичного содержания записях из того же Синаксаря²⁴. А это значит, что в ранний период своей истории само село Топты могло быть поселением армян-халкидонитов, или цатов. О присутствии последних в Крыму сообщает Мхитар Апаранеци в 1410 году: «Некоторые называются армянами-цатами, которые по языку, письму, племени суть армяне, но по вероисповеданию и всем правилам — греки, во всем им подчинены, как свидетельствуют те, которые проживают в Ерзнке и в остальной стране ромеев [= в Византии], в Кафе, в Крыму и во многих других местах»²⁵. Что касается остальных армян, поимённо упомянутых в Синаксаре, то к их числу следует отнести «армянина Самата» — супруга почившей в 1306 году Ерничу, «Давида... сына Сумбата» из записи 1242 года, умершего в 1301 году Агиаса

¹⁷ Престольный монастырь Сурб Хач в источниках нередко именуется названием своего единственного храма — Сурб Ншан (Святого Знамени). По этому поводу см.: Саргсян Т. Э., Петросян М. В. Сурб Хач (на арм. и рус. яз.). Симферополь, 1998. С. 70–71; Саргсян Т. Э., Петросян М. В. Крым: монастырь Сурб Хач. Симферополь, 2008. С. 27.

¹⁸ Мартirosян А. А. Указ. соч. С. 146; Армянские поэты Крыма XV–XX вв. С. 145.

¹⁹ Саргсян Т. Э. Переселение армян из Аксарая в Крым и его датировка // ИНК. Симферополь, 2007. № 20. С. 172–176.

²⁰ Заметки XII–XV веков, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судак), приписанные на греческом Синаксаре / [публикация — архимандрит Антонин] // ЗООИД. Т. 5. Одесса, 1863. С. 618.

²¹ Заметки XII–XV веков... С. 605.

²² Васильевский В. Г. Труды. Т. 3. Петроград, 1915. С. CLXXXVIII.

²³ Хачикян Л. С. Указ. соч. С. 88–89.

²⁴ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Киев, 2002. С. 185.

²⁵ См.: Бартикян Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас // Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. № 4. Ереван, 1987. С. 186.

Рис. 2. Церковь Сурб Саргис в селе Тополёвка. Вид с северо-востока

(Агаси?), возможно также отошедшего в 1311 году Петроса — «сына севаста Хутлупея»²⁶.

Наряду с этими армянами одна из записей Синаксаря, датированная 1292 годом, сообщает об армянах, которые, «потеряв счёт», праздновали лжепасху²⁷. Она, по справедливому мнению ряда авторов, свидетельствует уже о наличии в тот период в Сугдее и её округе значительного числа армян традиционного апостольского толка, церковный календарь которых расходится с греческим²⁸.

Как утверждают приведённые выше источники, с начала XIV века между Кафой, Сурхатом, Карасу-базаром и Сугдеей существовало много армянских поселений. Об этом свидетельствуют и сохранив-

шиеся здесь памятники армянского зодчества и каменной резьбы. Но категорично связать их всех исключительно с представителями ак-сарайской переселенческой волны было бы неверно: миграция населения из разных областей Исторической Армении в Крым имела место как до этого переселения, так и после него, что, конечно же, повлияло на внутриэтнический и профессиональный состав армян указанной местности. Ярким примером тому является Топты с учётом его возможного армяно-халкидонитского прошлого. При этом следует обозначить верхний хронологический предел Средневековья, до которого основание христианских поселений и духовных центров в Крыму было ещё возможно. Он соответствует установлению турецкого господства в 1475 году. После этого переломного в истории полуострова события появление как первых, так и вторых исключается.

Теперь перейдём к рассмотрению самих памятников.

Церковь Сурб Саргис²⁹, или Святого Сергия, находится в центре села Тополёвка, слева от шоссе Симферополь — Феодосия (рис. 2, 3). Она расположена на левом берегу речки Мокрый Индол, на территории частного домовладения по адресу улица Шоссейная, 2 (Озёрная, 2). Исторических данных о времени сооружения церкви не сохранилось. Датируется она XIV веком, исходя из вышеизложенного о том, что территория между нынешними Белогорском, Старым Крымом, Судакком и Феодосией стала активно заселяться армянами-переселенцами в начале того столетия. Правомочность такой датировки подтверждают хачкары XIV–XV веков, вставленные в стены церкви изнутри, равно как и упоминание самого села в источниках начала XIV века. В качестве дополнительной информации отметим, что Е. А. Айбабина датирует памятник не ранее чем XV веком, указывая на применение в наружной кладке храма строительного материала вторичного использования. Это, как она полагает, надгробные плиты из более раннего памятника — «храма с погребениями», использованные в верхней части кладки стен с наружной стороны, а также цельный

Рис. 3. Церковь Сурб Саргис. Вид с юго-востока

²⁶ См.: Заметки XII–XV веков... С. 603, 610, 618.

²⁷ Там же. С. 609.

²⁸ Василевский В. Г. Труды. Т. 3. С. CLXXXVIII; Кулаковский Ю. А. Указ. соч. С. 185; Микаелян В. А. История крымских армян. Ереван; Симферополь, 2004. — С. 15.

²⁹ В украинском реестре церковь значилась как памятник национального значения. Охранная зона охватывала территорию в радиусе 50 м, зона регулируемой застройки — 100 м.

наличник восточного окна якобы из бывшей раковины крестильной купели³⁰. То есть исследователь считает, что армяне в XV веке воздвигли свою церковь на месте бывшего здесь прежде храма, при этом использовав в кладке стен большие плиты из окружавшего его кладбища и изменив крестильную купель.

О больших плитах в кладке упоминает и В. Д. Смирнов в 80-х годах XIX века: «По пути из Старого Крыма в Карасубазар ещё попадается несколько древних армянских церквей, а именно две в Топлу: одна на горе, другая внизу, возле дома нынешнего помещика Бычковского. Последняя гораздо старше первой: она совершенно вросла в землю, но ещё далека от разрушения, будучи сложена из огромных каменных тёсаных плит»³¹. В противоположность этому сведению О. Тэр-Абраамян в 60-х годах XIX века пишет о преклонившемся здании церкви Сурб Саргис внутри села Топты³². Таким образом, факт ремонта старой постройки между 60-ми и 80-ми годами XIX века очевиден. И что важно отметить, это мероприятие производилось отнюдь не в целях возобновления в ней богослужения: А. И. Маркевич в самом конце XIX века пишет, что находившееся на помещичьей земле церковное здание было превращено в амбар³³. А как оно выглядело до упадка и ремонта, изобразил Д. М. Струков в 50-х годах XIX века (рис. 4)³⁴. На этом рисунке, кстати, известном Е. А. Айбабиной, поскольку она ссылается на него³⁵, похожие на надгробия большие плиты в стенах отсутствуют. Кладка однородная, сложенная из среднего и малого размеров бута. Невозможно, чтобы такая важная составляющая кладки, как двухметровые прямоугольные плиты в её верхней части, ускользнула бы от внимания опытного рисовальщика древностей Д. М. Струкова. Очевидно, что они появились в кладке церкви после означенного ремонта и никак не могут быть привязаны к её датировке. Видимо, именно тогда, при укреплении верхних участков стен, вместо утраченных по каким-то причинам «родных» камней и были внедрены в кладку большие прямоугольные плиты, напоминающие надгробия. Возможно даже, что они были взяты из армянского кладбища, существование которого в окружении этой сельской приходской церкви не исключается.

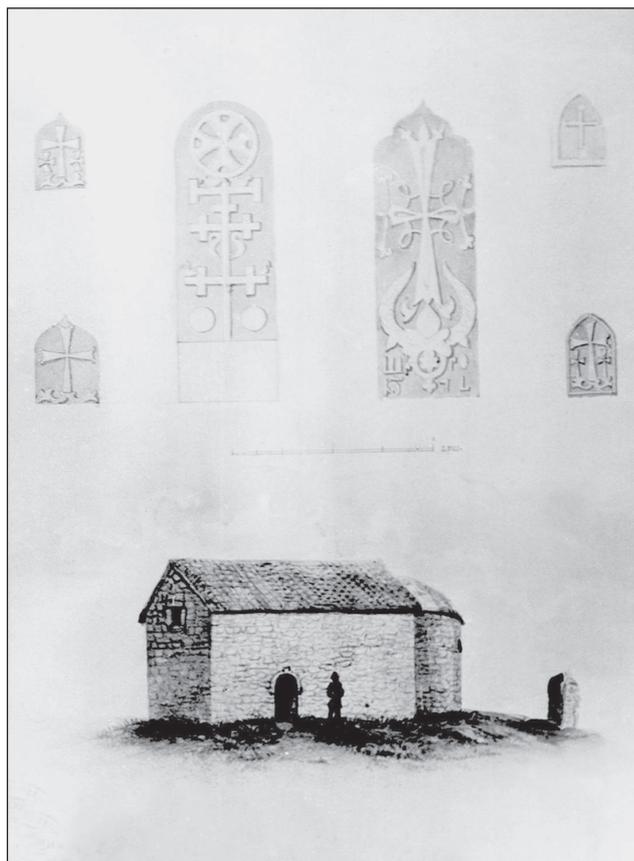

Рис. 4. Церковь Сурб Саргис и хачкары в её интерьере.
Рис. Д. М. Струкова. 50-е гг. XIX в.

Однако проведённый ремонт ненадолго укрепил древнее сооружение. Ю. Кулаковский свидетельствует о его плачевной участи уже в начале XX века: «До недавнего времени существовали две армянские церкви в селении Топлах, которые были разобраны на камень местным землевладельцем»³⁶. Впрочем, не исключено, что Ю. Кулаковский саму церковь не видел и своё сообщение составил на основе гораздо более ранних сведений, относящихся к периоду до ремонта. На эту мысль наводит факт расхищения камней, что и могло стать причиной появления в кладке чужеродных плит.

Самое раннее упоминание и подробное описание церкви Сурб Саргис в селе Топты находим в книге

³⁰ Айбабина Е. А. Рельефы и архитектурные орнаменты средневековых армянских храмов Крыма // ИНК. Симферополь, 2004. № 5. С. 14–15.

³¹ Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Записки Восточного отдела Императорского русского археологического общества. Т. 1. Вып. 4. С. 288.

³² Тэр-Абраамян О. Указ. соч. Ч. 2. С. 127.

³³ Маркевич А. И. Памятники христианства в окрестностях Бахчисарая и Карасубазара // ИТУАК. Симферополь, 1899. № 29. С. 109.

³⁴ Рисунки Д. М. Струкова (120 листов) хранятся в отделе ИЗО Российской государственной библиотеки, в папке «Рисунки древних памятников христианства в Тавриде» (см.: Ларина А. Н. Находка альбома Д. М. Струкова «Рисунки древних памятников христианства в Тавриде» // Москва — Крым : ист.-публицист. альманах. Вып. 4. М., 2002. С. 324–334).

³⁵ Айбабина Е. А. Указ. соч. С. 13.

³⁶ Кулаковский Ю. А. Указ. соч. С. 207.

М. Бжишкяна, написанной в 20-х годах XIX века³⁷. Автор черпал сведения у тех малочисленных крымских армян, которые после вхождения полуострова в состав Российской империи вернулись обратно. Поэтому данное им название церкви — Сурб Саргис — следует считать единственно правильным. Достоверность этого названия подтверждает и тот факт, что жители крымского Топты, обосновавшись у берегов Дона, заложили не только новое одноимённое село, но и новую одноимённую церковь — Сурб Саргис (не сохранилась).

Из краткого описания М. Бжишкяна следует, что в начале XIX века здание церкви находилось в удовлетворительном состоянии. Потолок и стены украшали росписи, а окно в западной стене имело прямоугольную форму. Особое внимание автора привлекли ниши в приалтарной зоне и хачкары, на одном из которых имелась армянская надпись. У входа в церковь стояла полуразрушенная часовня, на арочном своде которой также виднелись росписи³⁸.

Следующим автором, обратившимся к этому памятнику, был Д. М. Струков, подробно изобразивший не только саму церковь, но и шесть её хачкаров. Все они ныне существуют, но со значительными изъянами. Хачкар с двумя смежными композициями, единственный неизвестный Д. М. Струкову, видимо, в момент его посещения оставался под слоем штукатурки.

О. Тэр-Абрамян также пишет о хачкарах в церкви Сурб Саргис и армянских надписях на них. Помимо этого, он утверждает, что росписи ещё сохранились в интерьере разрушавшегося здания³⁹.

О «множестве армянских надписей на стенах» этой церкви пишет А. И. Маркевич. Он сообщает также о стоявшем рядом с церковью фонтане и находившихся у входа остатках «какого-то строения и склепа»⁴⁰. Остатки какого-то сооружения у входа в церковь, видимо фонтана, изображены и на рисунке Д. М. Струкова.

Разрушенное здание церкви Сурб Саргис — ныне единственное строение на этом месте. Упомянутых в источниках фонтана и часовни со склепом уже не видно. Не видно и окружавшего кладбища. Археологических исследований здесь не проводилось.

Постройка церкви представлена небольшим однонефным залом, вытянутым с запада на восток. Ориентированная на восток (рис. 5) единственная полукруглая апсида полностью выступает из общего

прямоугольного объёма здания, оставляя по сторонам узкие «плечики». Обвалившийся свод некогда опирался на три неравномерно отдалённые друг от друга подпружные арки, держащиеся на кронштейнах с широкой двухчастной профилировкой (рис. 6, 7). С учётом стрельчатого очертания апсидной арки, единственной уцелевшей, можно судить об аналогичной конфигурации как несохранившихся подпружных арок, так и свода в целом. Апсида по высоте лишь немного уступала основному зданию, оставляя снаружи обозримой только макушку восточного щипца. Слегка выступающий карниз, обработанный простейшей профилировкой, местами сохранился над апсидой и северной стеной. Кровля основного короба здания была двускатной. На апсидной конхе она имела форму полуконуса⁴¹.

Абсолютные габариты здания по наружному периметру 14,70 × 7,00 м. Высота стен от уровня порога дверного проёма до основания свода — 4,26 м. Стены церкви выложены на известковом растворе из среднего и малого размеров дикого известкового камня с подтёской лицевой поверхностью. Применена техника двухлицевой кладки с внутренней забутовкой. Порядовка соблюдена. В верхних рядах кладки снаружи использованы прямоугольные плиты, достигающие в длину около двух метров. Гораздо больше таких плит использовано в кладке внешнего панциря западной стены (рис. 8), что указывает на его основательное, однако неудачное, восстановление⁴². Он отошёл от вертикального положения и грозит обрушением (рис. 9), в том случае как внутренняя кладка сохранилась в целостности (см. рис. 7). Конха апсиды выполнена из бутового плитового камня. Повсеместно заметны следы штукатурки и копоти. Конструктивно ответственные участки: угловые вертикали, свод, подпружные арки, кронштейны — сделаны из гладко тёсаных блоков более твёрдых известняковых пород. Из какого материала была кровля, неизвестно. На рисунке Д. М. Струкова она изображена черепичной (см. рис. 4).

На вертикальной оси алтарного полукружия помещено окно вытянутого контура, снаружи окаймлённое цельным наличником прямоугольной формы. Прямоугольное окно в щипце западной стены, зафиксированное в описании М. Бжишкяна и на рисунке Д. М. Струкова, не сохранилось. Вход в церковь один, на вертикальной оси южной стены. Промём (ширина 160 см) его увенчан арочным верхом,

³⁷ Бжишкян М. Указ. соч. С. 262.

³⁸ Там же.

³⁹ Тэр-Абрамян О. Указ. соч. Ч. 2. С. 126–127.

⁴⁰ Маркевич А. И. Указ. соч. С. 109.

⁴¹ Отметим, что на рисунке Д. М. Струкова кровля конхи выглядит как 1/4 сферы.

⁴² Айбабина Е. А. Указ. соч. С. 15.

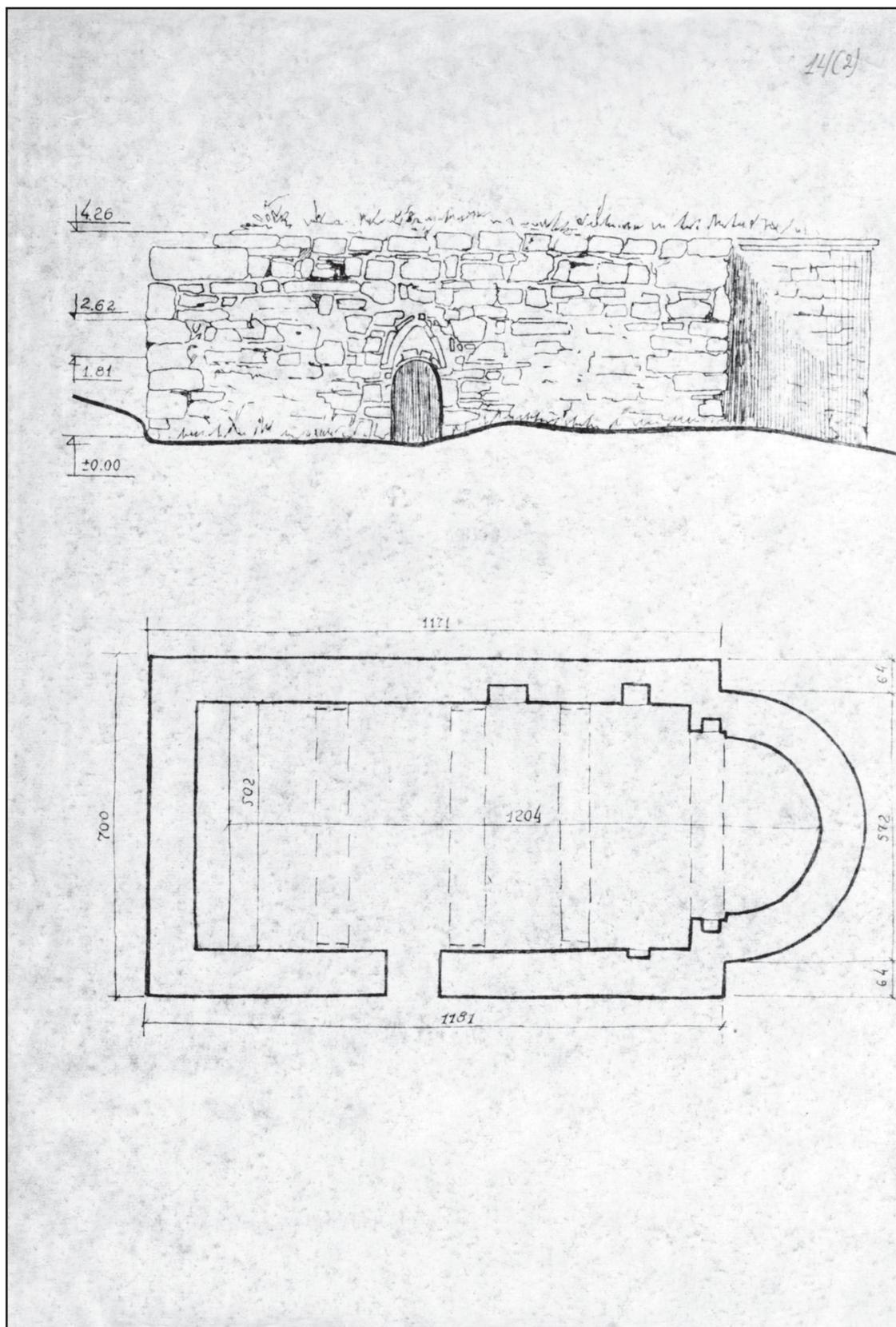

Рис. 5. План церкви Сурб Саргис и обмер её южного фасада
(архитекторы: М. М. Александрова, Р. П. Быкова; Киев, 1956 г.)

Рис. 6. Интерьер церкви Сурб Саргис. Вид на северо-восток

Рис. 7. Интерьер церкви Сурб Саргис. Вид на запад

Рис. 8. Церковь Сурб Саргис. Вид с юго-запада. Фото 60-х гг. XX в.

Рис. 9. Церковь Сурб Саргис. Отошедшая западная стена

Рис. 10. Церковь Сурб Саргис. Портал

а снаружи отмечен скромным люнетом с ложным тимпаном внутри (рис. 10). Люнет обрамлён прямоугольным в сечении простым стрельчатым ободом на небольших профилированных кронштейнах. Он выполнен из тёсаного известняка желтоватого оттенка. Тимпан стрельчатой конфигурации выложен из бута. Поверхность его оштукатурена и, видимо, была покрыта росписью. На рисунке Д. М. Струкова люнет и тимпан отсутствуют: вход увенчан арочным навершием, обрамлённым простым ободом (см. рис. 4). Косяки дверного проёма выполнены из тёсаных блоков того же жёлтого известняка и создают впечатление наличника. Северный фасад здания глухой.

Общее состояние памятника аварийное. Конха наполовину разрушена. По центру апсиды зияет сквозная вертикальная трещина шириной до 20–25 см. Западная стена наполовину руинирована. Свод, подпружные арки и кровля полностью обрушены. Камни от упавших конструкций большей частью расхищены (по словам домовладельца), но некоторые ещё сохраняются в завале внутри. Из-за постоянного нарастания толщи земли пол в церкви не просматривается, а стены выглядят довольно низкими. Не просматривается и алтарное возвышение, обязательное для армянских церквей; высота его, как правило, колеблется от 80 до 90 см. Сохранившиеся элементы декоративной резьбы выветрены, выбиты и выскоблены. Отсутствуют и некоторые хачкары. В тех участках кладки, где они стояли, остались характерные пустоты. Утрачены украшавшие интерьер росписи, а также армянские надписи, высеченные на верхних слоях штукатурки.

Внутреннее убранство церкви представлено профилированными кронштейнами, некогда поддерживавшими подпружные арки, и несколькими резными нишами. Последние устроены ближе к алтарной части интерьера, что обусловлено их использованием как складских мест при совершении богослужения и обрядов. Одна из них, простейшей прямоугольной конфигурации, открыта на западной грани левостороннего (северного) устоя, поддерживающего апсидную арку. Две другие, что открыты визави на боковых гранях устоев апсидной арки, имеют арочные верхи стрельчатого контура. Среди резных ниш выделяется крестильная купель, устроенная в северной стене (рис. 11). По размерам она больше остальных и увенчана трёхлопаст-

Рис. 11. Интерьер церкви Сурб Саргис. Крестильная купель и хачкары 2 и 3

ной аркой. В нижней части купели помещена раковина из цельного каменного блока с крестовидным четырёхлопастным углублением. Внутри купельной арки визави устроены маленькие арочные нишки в качестве складских мест.

На оштукатуренных поверхностях откосов дверного проёма и близлежащей зоне южной стены «хорошо видны рисунки граффити, среди которых особенно чётко выделяются три корабля, три рыбки, лошадка, буквы армянских надписей. Граффити чёткие, сделаны тонкими линиями, рисунки выполнены с мастерством. Рыбки имеют загнутые хвосты, чешуя нанесена перекрещенными линиями, образующими ромбы, в центре их — точки. Лошадка изображена в профиль, пышный длинный хвост — из множества тонких линий»⁴³.

Подчёркнуто скромный и целостный интерьер (рис. 12) когда-то был наполнен росписями и по-

Рис. 12. Интерьер церкви Сурб Саргис. Вид на юго-восток

⁴³ Айбабина Е. А. Указ. соч. С. 14.

Рис. 13. Церковь Сурб Саргис.
Хачкар 1 с двумя крестовыми композициями

минальными хачкарами. Ныне сохранилось лишь шесть хачкаров, вставленных в нижние половины северной и южной стен, ближе к алтарной части. Это обусловлено их поминальным значением — приписываемой им ролью заступников и напоминателей, способных помочь усопшим обрести Небесное царствие. Четыре из шести хачкаров представляют художественную ценность и являются интересными образцами каменной пластики Крыма XIV–XVI веков. Ниже приводится их поочерёдное описание с севера на юг.

Хачкар 1. Встроен в северную стену. Высечен на твёрдой известняковой плите с размерами 50 × 42 см. Резьба неглубокая (рис. 13).

Композиция состоит из двух смежных арочных рам, внутри которых выступает по одному большому кресту, произрастающему из стилизованного дерева жизни. Раздвоившиеся окончания крыльев обоих крестов завершаются простыми одиночными листочками с заострённым пиком. На поверхности левостороннего креста заметны врезные контурные линии, обтекающие его по периметру. Средокрестие отмечено линейным кружочком. Окончания ветвей левостороннего дерева оформлены в виде полупальметт, а правостороннего — побегов с витками по сторонам. Между крыльями левостороннего большого креста выступают четыре маленьких равноконечных крестика. Верхние из них стоят на постаментах и завершаются трилистниками.

Рис. 14. Церковь Сурб Саргис. Хачкар 2

Нижние имеют расширяющиеся окончания крыльев и исходят из листьев дерева жизни. Декор полей между крыльями правостороннего креста несколько отличается. Здесь по обе стороны от верхней вертикали большого креста изображено по одному растительному орнаменту в виде полупальметты на увивающемся стебле. Крестики по обе стороны нижней вертикали исходят из побегов дерева, имеют удлиненные нижние крылья и в окончаниях почти не расширяются.

Ниже двойной композиции, на той же плите, вытесаны четыре простых врезных креста с расширяющимися крыльями. Памятник некогда полностью или частично был покрыт штукатуркой и открылся по ходу её отпадения.

Исходя из орнаментики и техники резьбы, хачкар можно датировать XIV веком.

Хачкар 2. Изготовлен из относительно твёрдого известняка и встроен в северную стену, восточнее предыдущего. Резьба неглубокая. Размеры: ≈ 123 × 52 см. Низ хачкара недоступен для осмотра, поскольку уходит вглубь земляного слоя. На рисунке Д. М. Струкова эта часть изображена условно.

Хачкар вытесан на прямоугольной плите с округлым верхом (рис. 14). Композиция его делится на две основные составляющие. Вверху, в округлой части, изображён взятый в кольцо равноконечный крест, крылья которого начинают расширяться от самого средокрестия. С середины своей длины они делятся на две ветви и, продолжая расходиться, упираются в дугу кольца. Примечательно, что крест всецело отступает от поверхности, между тем как обводящий его по контуру простой узкий жгут, равно как и само кольцо, выступает на уровне поверхности плиты.

В результате при осмотре этого фрагмента на первый план больше выходит образовавшийся между крыльями креста цветочный орнамент из четырёх лепестков, нежели сам заглаблённый крест.

Нижнюю часть композиции занимает необычайно стилизованный крест, сложенный из равных по широте выступающих планок — узких и гладких. Причём вертикальная ветвь креста, тянущаяся по оси композиции, пересекается тремя поперечинами, на которых изображены простейшие фигуры птиц в профиль (похожи на уток и в целом имеют симметричное расположение относительно вертикальной оси). Под нижней поперечиной,

по обе стороны вертикали, изображено по одной круглой розетке с гладкой неорнаментированной поверхностью.

Хачкар имеет общие черты с древним сакральным хачкаром Сурб Хач из одноимённого монастыря близ Старого Крыма⁴⁴, а также с другим хачкаром, найденным на территории бывшей армянской церкви в селе Грушевка⁴⁵. Некогда в церкви монастыря Спасителя близ села Богатого имелся такой же хачкар⁴⁶, который впоследствии был увезён в Императорский музей Санкт-Петербурга⁴⁷. Судьба его неизвестна. Аналогичного очертания крестовая композиция имела и в другой армянской святыне села Тополёвка — в церкви Сурб Урбат (Святой Пятницы, или Параскевы). Их всех объединяет округлый арочный верх с изображением взятого в кольцо равноконечного креста, «утверждённого» на нижней основе в виде удлинённого креста.

Символ взятого в кольцо равноконечного креста, известный ещё с дохристианской культуры как соляной знак, был очень распространён в декоративной резьбе армянских духовных центров этой части полуострова. Облюбованный здешними армянами мотив, часто использованный для украшения духовных сооружений, в данном случае можно рассматривать как своего рода улучшение древнему и почитаемому хачкару Сурб Хач, имеющему-

Рис. 15. Церковь Сурб Саргис. Выскобленный хачкар 3

Рис. 16. Церковь Сурб Саргис. Хачкар 4

ся в Армении композиционные аналоги которого датируются VI–VII веками⁴⁸. Что касается вышеописанного хачкара из церкви Сурб Саргис в селе Тополёвка, то его орнаментика и исполнение позволяют придерживаться датировки XVI века.

Хачкар 3. Встроен в северную стену между предыдущим хачкаром и крестильной купелью, только ниже (рис. 15). Размеры: 30×21 см. Резьба поверхностная. Рисунок не читается, поскольку полностью выскоблен. Можно разглядеть лишь обтекающую композицию простую прямоугольную раму со стрельчатым верхом. Согласно рисунку Д. М. Струкова, внутри рамы выступал слегка удлинённый незамысловатый крест в виде пересечения двух узких гладких жгутов.

Хачкар 4. Высечен на известняковом блоке прямоугольной формы и встроен в нижнюю половину южной стены, в приалтарной зоне. Расположен по левую сторону прямоугольной ниши, возникшей в результате снятия камня из кладки (обычного или украшенного резьбой, неизвестно). Размеры: 50×35 см. Резьба поверхностная (рис. 16, 17). Памятник можно датировать XV веком.

Композиция, несколько смещённая к левому ребру блока, взята в незамысловатую прямоугольную раму со стрельчатым верхом. Внутри рамы изображён крест, раздвоившиеся окончания крыльев которого завершаются

⁴⁴ Переселившиеся в Приазовье крымские армяне в самом конце 1779 г. обосновались в безлюдных степях Дона. Здесь они со временем заложили город Нор-Нахиджеван (Новый Нахичевань), который ныне входит в состав города Ростов-на-Дону, и шесть окружающих деревень, дав им названия своих крымских поселений. Точно так же, в память об оставленных на полуострове святынях, бывшие крымские армяне построили здесь одноимённые новые, которым передали имущество своих прежних церквей и монастырей. Монастырю Сурб Хач, построенному в окрестностях Нор-Нахиджевана, был передан и одноимённый хачкар из крымского престольного монастыря Сурб Хач. Тот, по преданию освящённый апостолом Фаддеем, был привезён из Армении первыми переселенцами. Ныне хачкар хранится и экспонируется там же, в монастыре Сурб Хач Ростова-на-Дону.

⁴⁵ Хачкар из крымского села Грушевка (бывшее село Сала, или Салы) был обнаружен в 2008 г., во время ремонта здешней армянской церкви, которая с начала XIX в. служит русскому православному приходу. В 2009 г. хачкар был тайно вывезен в Ростовскую область и ныне хранится в армянской церкви Пресвятой Богородицы в селе Большие Салы Мясниковского района.

⁴⁶ Бжишкян М. Указ. соч. С. 260; Русский перевод этого отрывка из книги М. Бжишкяна, выполненный Х. Кушнеряном, см.: Армянские древности Таврического полуострова // ЗООИД. Т. 10. Одесса, 1877. С. 445.

⁴⁷ Патканян Р. История основания Нор-Нахиджевана (на арм. яз.). Тифлис, 1879. С. 61–62.

⁴⁸ Саргсян Т. Э. Крым: монастырь Сурб Хач. С. 29.

Рис. 17. Церковь Сурб Саргис. Хачкары 4 и 5 в южной стене

одиночными листочками. Крест исходит из стилизованного дерева жизни. Симметрично расположенные ветви последнего завершаются изящными орнаментами лилии, из которых исходят маленькие простые кресты, по одному с каждой стороны от нижней вертикали креста. Композиция хачкара на 50 процентов выскоблена. По обе стороны верхней ветви основного креста заметны неразборчивые следы орнаментов, возможно крестов. Если бы не последние, хачкар можно было бы идентифицировать с нижним правым хачкаром, изображённым на рисунке Д. М. Струкова. Впрочем, не исключено, что художник застал памятник уже разрушенным и попытался запечатлеть его целостный вид, отказавшись от угадывания деталей.

Ниже композиции, на том же блоке, есть два простых врезных креста, из которых правый еле заметен.

Хачкар 5. Встроен в южную стену, западнее предыдущего. Это правосторонний из двух хачкаров, расположенных по сторонам прямоугольной ниши, возникшей в результате снятия камня из кладки (рис. 18). Размеры: 81×48 см. Композиция вытесана на лицевой стороне прямоугольной известняковой плиты, которую по периметру обегает однострочная армянская надпись. Выполненная выступа-

Рис. 18. Церковь Сурб Саргис. Хачкар 5

ющими заглавными буквами, она большей частью разрушена и выскоблена (см. приложение, п. 1). Читается: «[Святой крест] поставлен в заступничество Арамаису // и родителям его. В лето 830 [= 1381 год]». Наиболее ясно читающиеся последние две строки вытесаны внизу композиции, по обе стороны символического семени, из которого прорастает стилизованное дерево жизни. Здесь буквы такие же заглавные, но не выпуклые.

Г. Григорян предлагает другое чтение этой литографии, которое нельзя считать верным: «.. крест... за Каранета ... и его родителей. В лето 830 [= 1381]»⁴⁹. М. Бжишкян приводит лишь последние две строки надписи, да и то с неверным чтением даты — 1387 год⁵⁰. Его публикация служит явным свидетельством того, что уже в 20-х годах XIX века надпись была разрушенной и с трудом поддавалась чтению. Если прибавить к этому то, что свод церкви в указанный период был ещё невредимым и защищал интерьер от внешнего климатического воздействия, то факт преднамеренной порчи рассматриваемого хачкара на рубеже XVIII–XIX веков станет очевидным. Причём сделанное заключение отнюдь не касается одного-единственного памятника: после переселения крымских армян в 1778 году армянские древности села Топты, оставшись бесхозными, подверглись грабежу и вредительству.

К той же надписи обратился и О. Тэр-Абраамян. Он привёл её в том же виде, что и М. Бжишкян, включая и ошибочное чтение даты⁵¹. Что касается Д. М. Струкова, то на своём рисунке он изобразил лишь орнаментальную составляющую памятника — без обегавшей периметр литографии.

Центральную часть композиции хачкара занимает равноконечный процветший крест, исходящий из стилизованного дерева жизни. Он помещён под трёхлопастной аркой с килевидным пиком. В отличие от арки, высота рельефа которого составляет около 2 см, резьбе креста и дерева свойственна поверхностность. Высота рельефа здесь достигает от силы 0,5–0,7 см. Крылья креста, расширяющиеся сразу от средокрестия, в окончаниях раздваиваются и завершаются парами трилист-

⁴⁹ Ср.: Свод армянских надписей (на арм. яз.) / сост. Г. Григорян. Прак VII (Украина и Молдова). Ереван, 1996. С. 117.

⁵⁰ Ср.: Бжишкян М. Указ. соч. С. 262.

⁵¹ Тэр-Абраамян О. Указ. соч. Ч. 2. С. 127.

ников. Поверхности крыльев украшены выемками, а ближе к окончаниям — жгутовой плетёнкой, входящей за границы крыла в виде ромбовидной витки между трилистниками. Зона средокрестия, в сегментах между исходами ветвей, отмечена такими же одиночными витками, упирающимися в крылья своими жгутовыми концами. Широкие округлые ветви дерева украшены мелкой плетёнкой и обращены к нижнему крылу креста. Завершаются они маленькими округлыми завитушками, по одному с каждой стороны. Из-под ветвей отделяются незамысловатые широкие листовые мотивы. Дерево произрастает из символического семени, которое помещено ниже по центру. Оно изображено в виде взятого в кольцо крупного округлого бутона, повернутого вниз головой. В нижней своей части кольцо переходит в простой трилистник. Хачкар сильно выветрившийся.

Хачкар 6. Маленький и незамысловатый, он встроен в южную стену несколько выше предыдущего (рис. 19). Размеры: 29 × 20 см. Резьба неглубокая.

Рис. 19. Церковь Сурб Саргис. Хачкар 6

Композиция представлена слегка удлинённым выступающим крестом, взятым в прямоугольную рамочку со стрельчатым верхом. Неширокие, ровные, как планочки, крылья креста раздваиваются лишь в окончаниях, завершившись упирающимися в узкие борта рамы одиночными листочками. Ниже композиции заметны два врезных равноконечных креста с расширяющимися крыльями. Хачкар сильно выветрившийся. Датировка затруднительна.

В результате отпадения штукатурки и обнажения нижней части плиты, под композицией хачкара, над упомянутыми двумя врезными крестами частично открылась однострочная (?) армянская надпись-граффити (см. приложение, п. 2). Читается лигатурное обращение к кресту: «Помоги Хачатуру (?)».

Вторая церковь в селе Тополёвка посвящена великомученице Сурб Урбат, или Святой Пятнице (Па-

раскеве)⁵². Находится она на юго-восточной окраине села, на 70-м километре шоссе Симферополь — Феодосия, справа на холме (рис. 20). Церковь расположена в углублении рельефа (рис. 1, 20, 21), почему и снаружи видится невысокой и невзрачной, между тем как изнутри она стройна и величественна (рис. 23, 24). Ныне из-за густых кустарников и зарослей со стороны шоссе (с запада и северо-запада) её почти не видно. Но с юга и юго-востока, со стороны небольшого водохранилища, она продолжает занимать доминирующую позицию в окружающей местности, представленной свободной от застройки живописной холмистой долиной.

В непосредственном окружении памятника просматриваются поросшие травой остатки стен и ограждения, что позволяет предположить о некогда функционировавшем здесь монастыре или же укрепленной церкви. Южнее расположено кладбище с несколькими сохранившимися надгробиями из необработанного камня⁵³. На северном склоне холма, в зарос-

лях, прослеживаются остатки лестницы, ведущей к церкви. В своё время она состояла из 80 каменных ступеней⁵⁴, но по причине строительства автотрассы большей частью была разрушена. Существовавший некогда глиняный трубопровод, снабжавший территорию церкви водой⁵⁵, свидетельствовал о наличии фонтана — неотъемлемого элемента армянских духовных центров.

Исторических данных о времени сооружения церкви Сурб Урбат не сохранилось. Первое её упоминание встречаем у Эвлии Челеби в середине XVII века. Он пишет, что «на одном из холмов» села Топлу-кёй, являвшегося местожительством «армянских неверных», была «их церковь»⁵⁶. Челеби называет её «местом прогулок», скорее всего имея в виду известность и широту паломнических празднеств, устраиваемых у стен церкви.

⁵² В украинском реестре преклонившееся церковное здание значится как памятник национального значения. И тем не менее оно было и есть бесхозным.

⁵³ О кладбище с плитами без надписей упоминает и А. Маркевич (см. его: Памятники христианства в окрестностях Бахчисарая и Карасубазара. С. 109).

⁵⁴ Бжишкян М. Указ. соч. С. 263; Тэр-Абраамян О. Указ. соч. Ч. 2. С. 127.

⁵⁵ Бабков И. И. Очерки по исторической и культурной географии Крыма. Водоснабжение армянского монастыря XV века в Двукорной бухте у Феодосии // Известия Государственного географического общества. Т. 71. Вып. 9. М.; Л., 1939. С. 1046.

⁵⁶ Эвлия Челеби. Указ. соч. С. 152.

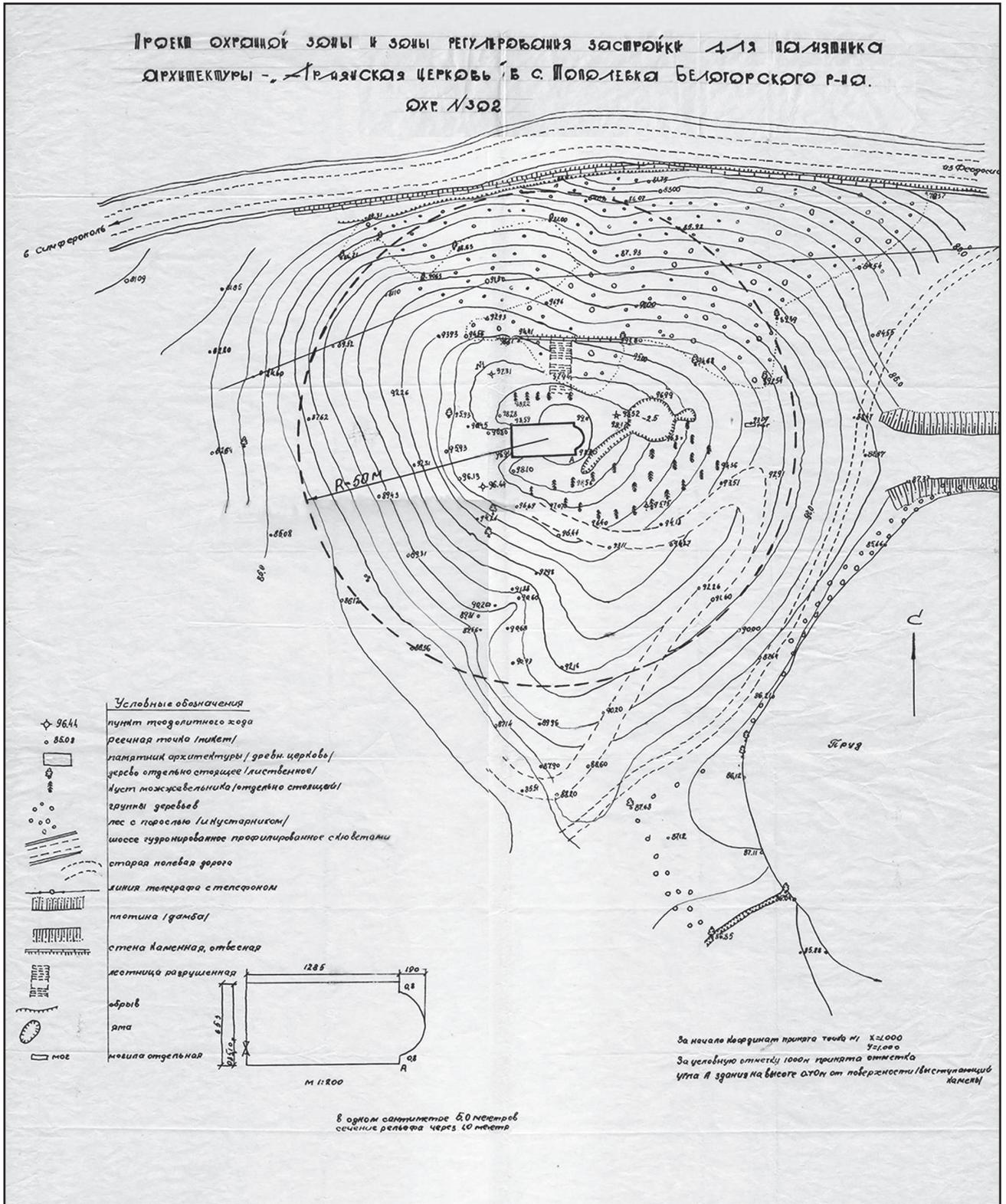

Рис. 20. Церковь Сурб Урбат на юго-востоке села Тополёвка. Ситуационный план

Рис. 21. Церковь Сурб Урбат. Вид с юго-востока

Рис. 22. Церковь Сурб Урбат. Вид с северо-запада

Рис. 23. Интерьер церкви Сурб Урбат. Вид на восток

Рис. 24. Интерьер церкви Сурб Урбат.
Вид на запад

Согласно армянской надписи, что вытесана на прямоугольной плите, встроенной в западный фасад (рис. 25), здание церкви было восстановлено в 1702 году. Надпись состоит из 11 строк (см. приложение, п. 3). Последняя строка не уместилась на положенном месте и была вытесана на бортах плиты — с обеих сторон:

*Сей славный храм Божий,
Что принадлежит армянской общине⁵⁷,
Вновь построен [= обновлён] с основ
Милостивой данью [армян] страны Крым,
Во имя святой девы Пятницы⁵⁸,
И предводителство Аколба — сведущего духовного главы⁵⁹,
И [в управление] магдеси Ованэса
И магдеси Айтына, кои из Кафы,
Руками каменщиков Григора и Тонакана,
В усладу священнику тэр Вардану,
Дьякону Саргису, в лето 1151 [= 1702 год]⁶⁰.*

Восстановление церкви в 1702 году говорит о её фактическом существовании и до этого времени, что подтверждается сообщением Эвлии Челеби. А значит, само основание постройки можно отнести как минимум ко времени активного заселения местности армянами в XIV веке. Дело в том, что позднее, во времена зависимости Крымского ханства от Отто-

манской Порты (1475–1774 гг.), основывать новые христианские культовые здания запрещалось, однако старые церковные постройки можно было восстанавливать, получив соответствующее разрешение властей⁶¹. Обратим также внимание на то, что село Топты было довольно многолюдным. Даже к середине XVII века — в не самое благоприятное время в истории армянской колонии Крыма — оно имело около 500 жителей. Надо полагать, их было гораздо больше в период, когда Крым являлся важным транзитным узлом в товарообмене Восток — Запад. Ведущая роль полуострова обуславливалась деятельностью итальянских факторий на Чёрном море с конца XIII века по 1475 год, крупнейшая из которых функционировала в Кафе. Именно многочисленностью населения села Топты и следует объяснить наличие в нём двух церквей.

На западном фасаде церкви Сурб Урбат, в верхнем северном углу, сохранилась ещё одна армянская надпись (рис. 26). Она состоит из четырёх строк и имеет памятное содержание (см. приложение, п. 4). В противоположность надписи 1702 года, высеченной выступающими, чётко выведенными буквам, эта надпись выполнена во врезной технике: «Я, Ованэс, сын священника Даниэла из Кафы»⁶². Сказанное

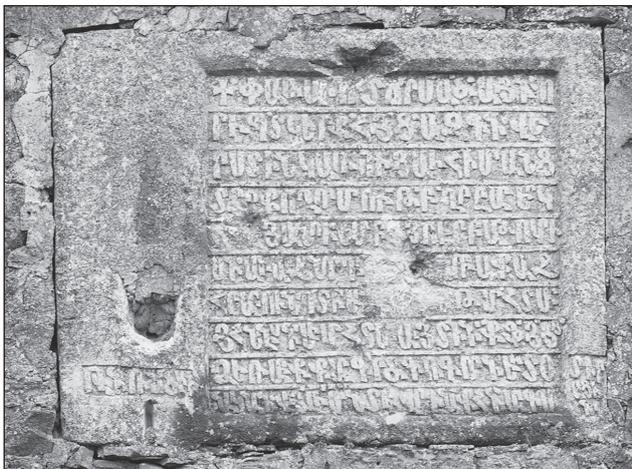

Рис. 25. Церковь Сурб Урбат.
Надпись 1702 г.

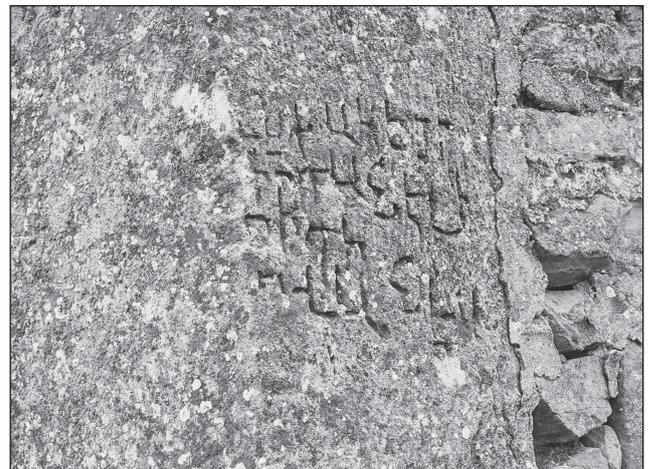

Рис. 26. Церковь Сурб Урбат.
Врезная надпись на западном фасаде

⁵⁷ Этот пассаж пришлось осмыслить заново, поскольку предложенное Х. Кушнеряном и распространённое в литературе понимание «Сей храм славы Божьей, / Что суть образ армянской нации» лишено всякого смысла (ср. с: Армянские древности Таврического полуострова. С. 445–446).

⁵⁸ Дева Пятница, Святая Пятница, Святая Параскева — христианская великомученица III в. Персонифицирует Страстную Пятницу — день распятия и крестных страданий Христа. Согласно житию, родители её особо почитали этот день, поэтому и родившуюся дочь назвали Пятницей.

⁵⁹ Речь идёт об архиепископе Акобе, о котором упоминают многие источники. Он являлся духовным предстоятелем крымских армян и восседал в монастыре Сурб Хач.

⁶⁰ Публикации см.: Бжшукян М. Указ. соч. С. 263; Тэр-Абраамян О. Указ. соч. Ч. 2. С. 127–128; Свод армянских надписей. С. 117–118. Русский перевод ср. с: Армянские древности Таврического полуострова. С. 445–446.

⁶¹ Гордлевский В. А. Стамбул в XVI веке (Страницы из истории Турции) // Избранные сочинения. Т. 4. М., 1968. С. 19.

⁶² Надпись прочтена и опубликована Г. Григоряном, но с неточностями (ср. с: Свод армянских надписей. С. 119).

в надписи следует понимать так: «Я, Ованэс, сын священника Даниэла из Кафы, [оставил надпись в память о себе]».

В центральной части апсиды снаружи также имеется несколько армянских надписей памятного содержания. Так, в нижней половине апсиды, по центру, помещена большая четырёхстрочная врезная надпись (рис. 27), занимающая площадь 31 × 45 см (см. приложение, п. 5). С трудом читается: «Я, Тэван из Кафы, сын Большого Саака, [оставил надпись в память о себе] в лето 1162 [= 1713 год]»⁶³.

Правее высечена двустрочная врезная надпись (рис. 28), занимающая площадь 26 × 8 см (см. приложение, п. 6): «Я, Микаел из Бахчисарая, [оставил надпись в память о себе]»⁶⁴.

Следующая надпись находится выше приведённых двух: в алтарное полукружие встроено фрагмент старой детали из песчаника охристого цвета с остатками старой армянской надписи (видны две выступающие заглавные буквы высотой 5 см). Над ней заметна искажённая царапинами другая армянская надпись из маленьких букв.

Фрагмент обработан вторично (рис. 29). На нём высечен утончённой формы лиственный орнамент, от которого сохранилась нижняя часть (см. приложение, п. 7).

Рядом с орнаментом, справа, поздняя, выцарапанная надпись в шесть строк на площади 32 × 22 см: «Я, Лойс-парон, сын Товмаса, [оставил надпись в память о себе] 1100 [= 1651 год]»⁶⁵.

Церковь Сурб Урбат также опустела в конце XVIII века — после переселения крымских армян. Наиболее раннее её описание составлено М. Бжишкяном в 20-х годах XIX века. Он пишет, что к церкви поднимались по каменной лестнице, выложенной на склоне холма и состоящей из 80 ступеней. Вокруг простиралось кладбище, а ниже — живописные сады и долины. Внутри постройки местами были видны хачкары и остатки росписей. Над входным проёмом имелась арочная ниша, роспись внутри которой изображала Богородицу и младенца Христа⁶⁶.

Описание М. Бжишкяна почти в точности повторяет О. Тэр-Абраамян в 60-х годах XIX века⁶⁷. В целом такие же сведения относительно церкви Сурб Урбат приводит Гавриил, архиепископ Таврический и Херсонский. Однако у него есть важное дополнение: «...при алтарном полукружии справа тоже икона Богородицы, а слева ангела, но какого именно,

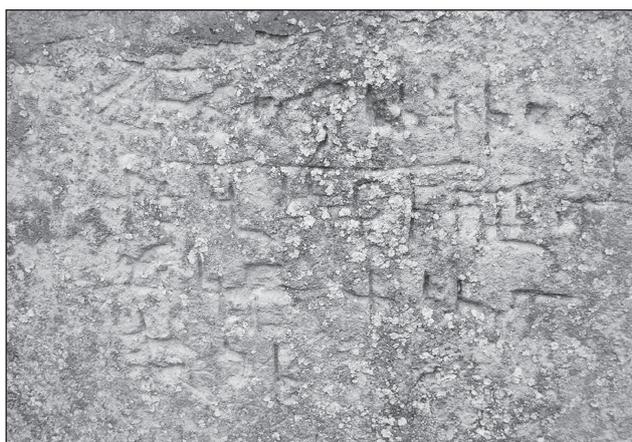

Рис. 27. Церковь Сурб Урбат.
Надпись 1713 г. на апсиде снаружи

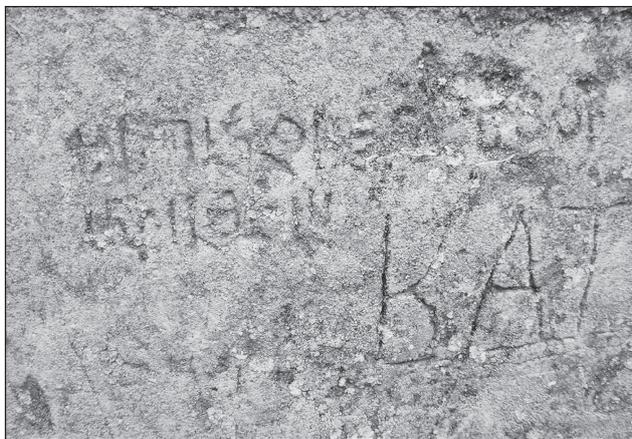

Рис. 28. Церковь Сурб Урбат.
Надпись Микаела из Бахчисарая на апсиде снаружи

Рис. 29. Церковь Сурб Урбат.
Надпись 1651 г. на апсиде снаружи

⁶³ Публикация армянского оригинала надписи нуждалась в исправлении (ср. с: Свод армянских надписей. С. 119).

⁶⁴ Надпись опубликована Г. Григоряном, но неверно (ср. с: Свод армянских надписей. С. 118–119).

⁶⁵ Публикуется впервые.

⁶⁶ Бжишкян М. Указ. соч. С. 263.

⁶⁷ Тэр-Абраамян О. Указ. соч. Ч. 2. С. 127.

определить нельзя»⁶⁸. Скорее всего, в приалтарье была изображена композиция «Благовещение» с Девой Марией и Архангелом Гавриилом, часто встречающаяся в армянских церквях Крыма. Заметим также, что архиепископ Гавриил упоминает две святыни «при деревне Топлу», посвящённые святой Параскеве (Урбат, Пятнице): одна из них — церковь на холме, другая — руина недалеко от первой, близ пруда, на земле помещицы Зотовой⁶⁹. Вокруг второй древности, приписываемой грекам, в третьей четверти XIX века сформировался Топловский женский монастырь Святой Параскевы, возобновивший свою деятельность в первой декаде XXI века. Согласно А. Маркевичу, в конце XIX века армянский храм Сурб Урбат оказался внутри ограды Топловского монастыря⁷⁰. Этим и объясняется присутствие монахины у его входа на одном из старых рисунков (рис. 30), равно как и удаление алтарного возвышения в целях

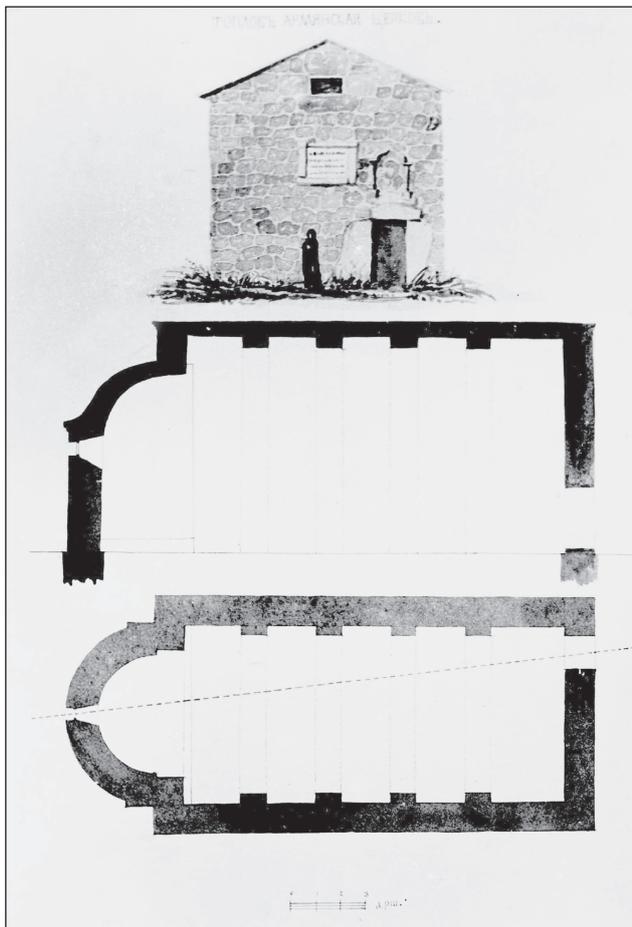

Рис. 30. Церковь Сурб Урбат. План, продольный разрез и обмер западного фасада. 70–80-е гг. XIX в.

приспособления здания к обряду Русской православной церкви. А о том, что алтарное возвышение удалено, свидетельствует чрезмерно высокое и неудобное расположение, в котором оказались ниши в апсиде.

По своей архитектуре церковь Сурб Урбат близка к церкви Сурб Саргис. Это небольшое однонефное здание, в плане имеющее форму вытянутого с востока на запад прямоугольника (рис. 31). Ориентированная на восток единственная полукруглая апсида почти полностью выступает из общего объёма здания, оставляя по сторонам неширокие «плечики». Стрельчатый свод держался на четырёх, равномерно отдалённых друг от друга подпружных арках стрельчатого контура, опирающихся на пилястры. Ещё одна подпружная арка, чуть ниже остальных, разграничивает алтарную апсиду и опирается на боковые пилоны. Двускатная плитовая кровля над молитвенным залом сохранилась в незначительных фрагментах. Над конхой она имеет форму полуколунаса, замыкающего своим основанием полукруглые апсиды. Карниз изготовлен из профилированных известковых блоков. Внутреннее пространство освещалось двумя окнами, помещёнными на продольной оси здания — в шипце западного фасада и в конхе апсиды. Единственный вход, устроенный в западной стене, несколько сминут вправо (на юг).

Абсолютные наружные габариты здания: 14,2 × 6,64 м. Высота западного фасада от уровня порога дверного проёма до основания свода — 5,20 м, до пика шипца — 6,15 м. Толщина стен — 0,9 м. Стены и апсида построены из дикого известнякового камня на известковом растворе. Применена техника двухлицевой кладки с внутренней забутовкой. Порядовка соблюдена. На внешнем панцире кладки имеются вставки из крупных камней с подтёской лицевой стороны. Посредине апсиды, снаружи, тянется целый пояс таких вставок. Конструктивно ответственные части: свод, подпружные арки, пилястры, дверной и оконные наличники — сделаны из гладко тёсаных блоков твёрдых известковых пород. Конха апсиды выполнена из плитового бута.

Южный и северный фасады глухие, восточный — слабо расчленён. На нём выступает полукруглая апсида, на вертикальной оси которой помещено маленькое прямоугольное окно. Апсида по высоте лишь немного уступает основному зданию, оставляя обозримой лишь макушку шипца.

Относительно богаче выглядит решение западного фасада с асимметрично расположенными элементами убранства (рис. 32). Вертикальная ось его под-

⁶⁸ Гавриил, архиепископ Херсонский и Таврический. Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд Феодосийский // ЗООИД. Т. 1. Одесса, 1844. С. 325.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Маркевич А. И. Указ. соч. С. 109.

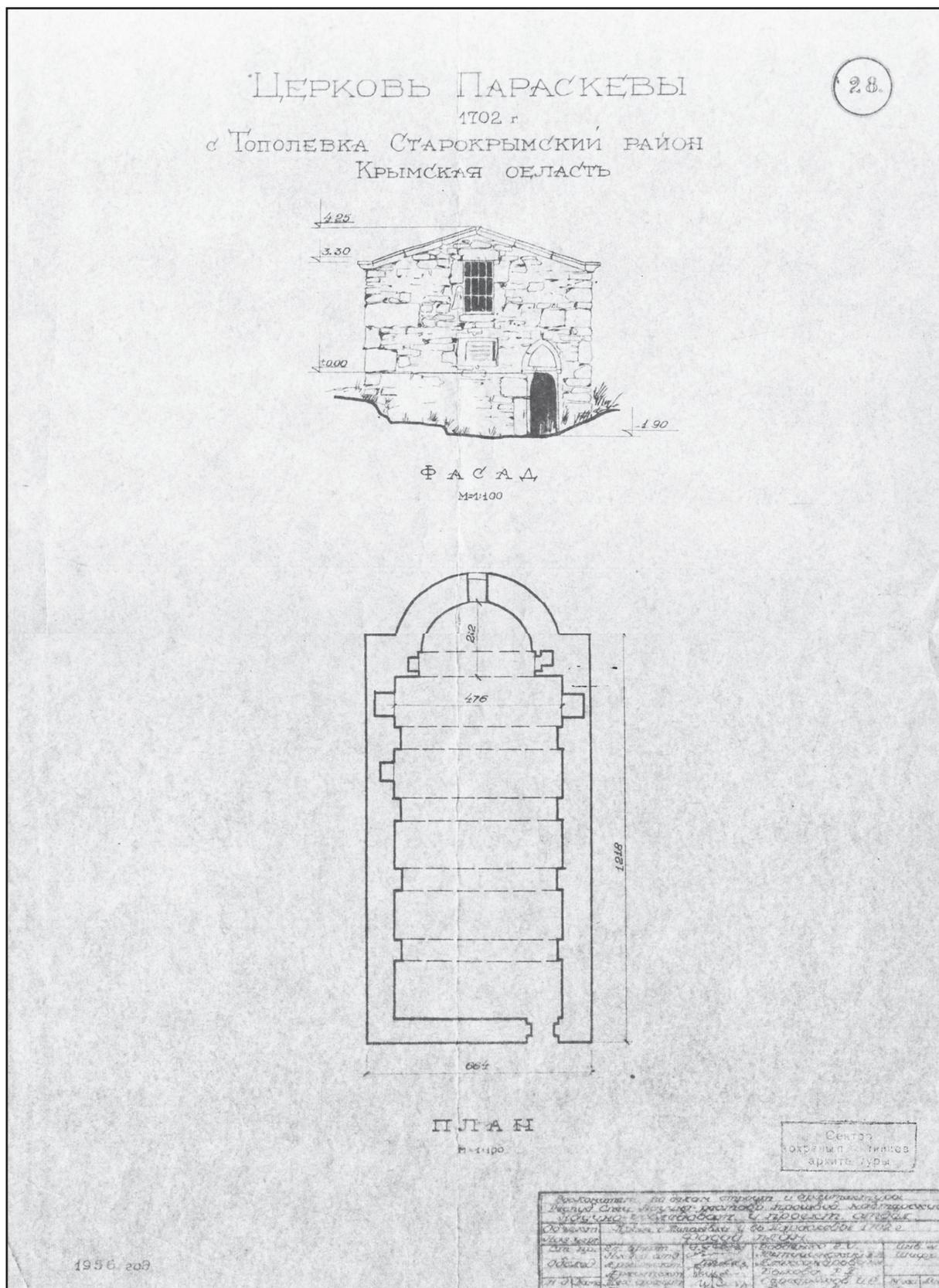

Рис. 31. Церковь Сурб Урбат. План и обмер западного фасада (архитекторы: М. М. Александрова, Р. П. Быкова; Киев, 1956 г.)

Рис. 32. Церковь Сурб Урбат.
Западный фасад

Рис. 33. Церковь Сурб Урбат.
Ниши в приалтарной зоне

чёркнута высоким, прямоугольным окном в щипце, обрамлённым наличником из тёсаных блоков. Входной проём, завершающийся полуциркульным верхом, также устроен в западной стене, но южнее вертикальной фасадной оси. Выше входного проёма, в глухом люнете, установлен выложенный из бута и оштукатуренный ложный тимпан стрельчатого контура. Снаружи он обрамлён прямоугольным в сечении ободом таково же контура, опирающимся на профилированные кронштейны.

Кроме описанных элементов убранства, в западный фасад встроена и прямоугольная каменная плита чёрного цвета с армянской надписью об обновлении церковного здания в 1702 году. Она также

установлена на вертикальной оси фасада, но гораздо ниже окна — на уровне люнета с тимпаном.

Сохранилось графическое изображение западного фасада церкви, выполненное не ранее 70-х годов XIX века (см. рис. 30). На нём отчётливо видно, что в тот период окно в щипце было не только значительно меньше, чем сейчас, но и имело вытянутую вширь конфигурацию. Плита с надписью 1702 года окаймлена широкой рамой в виде скрученных вовнутрь краёв свитка, все борта которой равны по ширине. Причём рама высечена на той же плите, что и надпись, по самому её периметру. Ныне же от прежней рамы сохранился лишь левый борт. И наконец, портал представлен дверным проёмом прямоугольной формы с внушительной по размерам перемычкой сверху. Над проёмом видна неглубокая ниша, обрамлённая стрельчатой аркой с колонками по бокам. В ней изображена роспись «Богородица с младенцем Христом».

Внутреннее убранство церкви отличается подчёркнутой скромностью. Оно ныне представлено поддерживающими подпружные арки четырьмя парами пилястров, замыкающихся слабо профилированными карнизами, и четырьмя небольшими стенными нишами различных размеров в приалтарной зоне (рис. 33). Последние служили для складывания церковных принадлежностей во время совершения богослужения и обрядов. Две из ниш имеют прямоугольную форму, а две другие — резные пятилопастные навершия. Крестильная купель, устроенная в северной стене, ближе к алтарю, также увенчана пятилопастной аркой (рис. 34).

Рис. 34. Церковь Сурб Урбат. Крестильная купель

Рис. 35. Церковь Сурб Урбат.
Фрагмент хачкара 1

Рис. 36. Церковь Сурб Урбат.
Хачкар 2

В её нижней части некогда располагалась каменная раковина для крещения. Ныне она отсутствует. Виден лишь водосток, уходящий вглубь кладки и выходящий за северной стеной здания.

В интерьере местами заметны следы штукатурки, покрытой копотью. Росписи утрачены. Ещё в конце XIX века внутри церкви на стенах было «много армянских надписей и изображений крестов с красивыми орнаментами»⁷¹. Ныне внутри памятника не сохранилось ни одной армянской надписи, а из уцелевших элементов, представляющих интерес, можно назвать лишь три фрагмента небольших, сильно сбитых и выветрившихся хачкаров. Описание их приводится поочередно с севера на юг.

Фрагмент хачкара 1. Изображён на покрытой копотью небольшой плите, установленной над купельной нишей, чуть правее (рис. 35). Размеры: 20 × 30 см. Резьба неглубокая. Подробно описать рисунок хачкара невозможно, поскольку он разрушен на 70 процентов. Тем не менее ясно, что центральной фигурой композиции является взятый в кольцо равноконечный крест.

Хачкар 2. Размеры: 55 × 44 см. Резьба неглубокая. Встроен внутри апсиды, в её южной половине (рис. 36). Прямоугольная плита, из которой изготовлен хачкар, увенчана полукруглым верхом. Композиция взята в арочную раму из простого валика, обтекающего плиту по лицевому периметру. В центре композиции — равноконечный крест с расширяющимися окончаниями крыльев. Нижнее крыло сбито.

Фрагмент хачкара 3. Размеры: 34 × 28 см. Встроен в кладку южной стены (рис. 37). Представляет

Рис. 37. Церковь Сурб Урбат.
Фрагмент хачкара 3

⁷¹ Маркевич А. И. Указ. соч. С. 109.

Рис. 38. Хачкар над купелью. Фото 50-х гг. XX в.

лишь верхнюю половину композиции, взятую под полукруглую арку. Видны верхнее и горизонтальные крылья креста с расширяющимися окончаниями. Между крыльями высечено по одной круглой розетке с простым шестилепестковым цветочным орнаментом внутри.

Некогда близ купели располагалась ещё одна композиция с крестом (рис. 38). Та была встроена в северный борт апсидной арки и лицевой стороной обращена на запад. По мотиву была схожа с фрагментом хачкара 1. В верхней округлой части был вытесан взятый в круг равноконечный крест с расширяющимися крыльями. Соседствующие окончания ветвей у периметра круга приближались друг к другу, образуя вокруг креста цветочный орнамент из четырёх лепестков.

Ещё один взятый в круг равноконечный крест с расширяющимися крыльями был высечен на плите,

встроенной в южную стену интерьера. Ныне из всей композиции просматривается лишь кольцо — остальное стёрто. Рядом с ним, на той же плите, правее и чуть выше, помещена розетка с волной внутри.

Техническое состояние здания церкви Сурб Урбат плачевное. Центральная и западная части свода и кровли, вместе с подпружными арками, обрушились в 2004 году. Сохранность восточной и южной стен удовлетворительная, но западная и северная — аварийные: внешние панцири их изрезаны вертикальными трещинами шириной до 20–25 см. Наблюдаются вывалы блоков карниза. Конха алтаря в удовлетворительном состоянии. Пол просматривается лишь в восточной части здания. Между тем эта многовековая постройка представляет важную историческую и архитектурную ценность. Интерьер его выделяется величиим, стройностью и гармонией. Вход с юго-западного угла открывает внутреннее пространство под ракурсом, что усиливает впечатление его ритмичного построения⁷². Будучи величественной изнутри и весьма скромной снаружи, церковь Сурб Урбат свидетельствует об ущемленном положении армян этого региона в периоды господства Золотой Орды и Крымского ханства, характеризовавшимся жёстким и повсеместным подавлением иноверцев. Невозможность строить выдающееся по внешнему облику христианское культовое сооружение, подтолкнула зодчего вложить свой талант и мастерство в организацию внутреннего пространства церкви. И здесь он проявил себя блестяще. Думается, сказанное определённым образом касается и церкви Сурб Саргис внутри села, о пропорциях и величии которой обстоятельнее можно будет судить после её очистки от завалов.

Представленные выше армянские святыни села Тополёвка нуждаются в срочных противоаварийных, реставрационных и консервационных мероприятиях, а их окружение — в исследовании и благоустройстве. К сожалению, неоднократные обращения по этому поводу в соответствующие организации Крыма, Украины и Армении оставались без внимания. Лишь в 2013 году Союзом армян Украины было решено поддержать инициативу архитектора М. В. Петросяна по спасению храма Сурб Урбат, но из-за изменившейся политической ситуации работы были приостановлены на этапе создания реставрационного проекта (рис. 39). Между тем вышперечисленные меры спасут эти интереснейшие средневековые памятники Крыма и создадут возможность для их использования⁷³.

⁷² Халпахчян О. Х. Архитектура крымских армян (рукоп.) / Личный архив О. Х. Халпахчяна в Москве. Л. 225.

⁷³ См.: Саргсян Т. Храмы разрушает не только время. Армянские древности Тополёвки // Крымское время. 2006. № 96 (2334). С. 21.

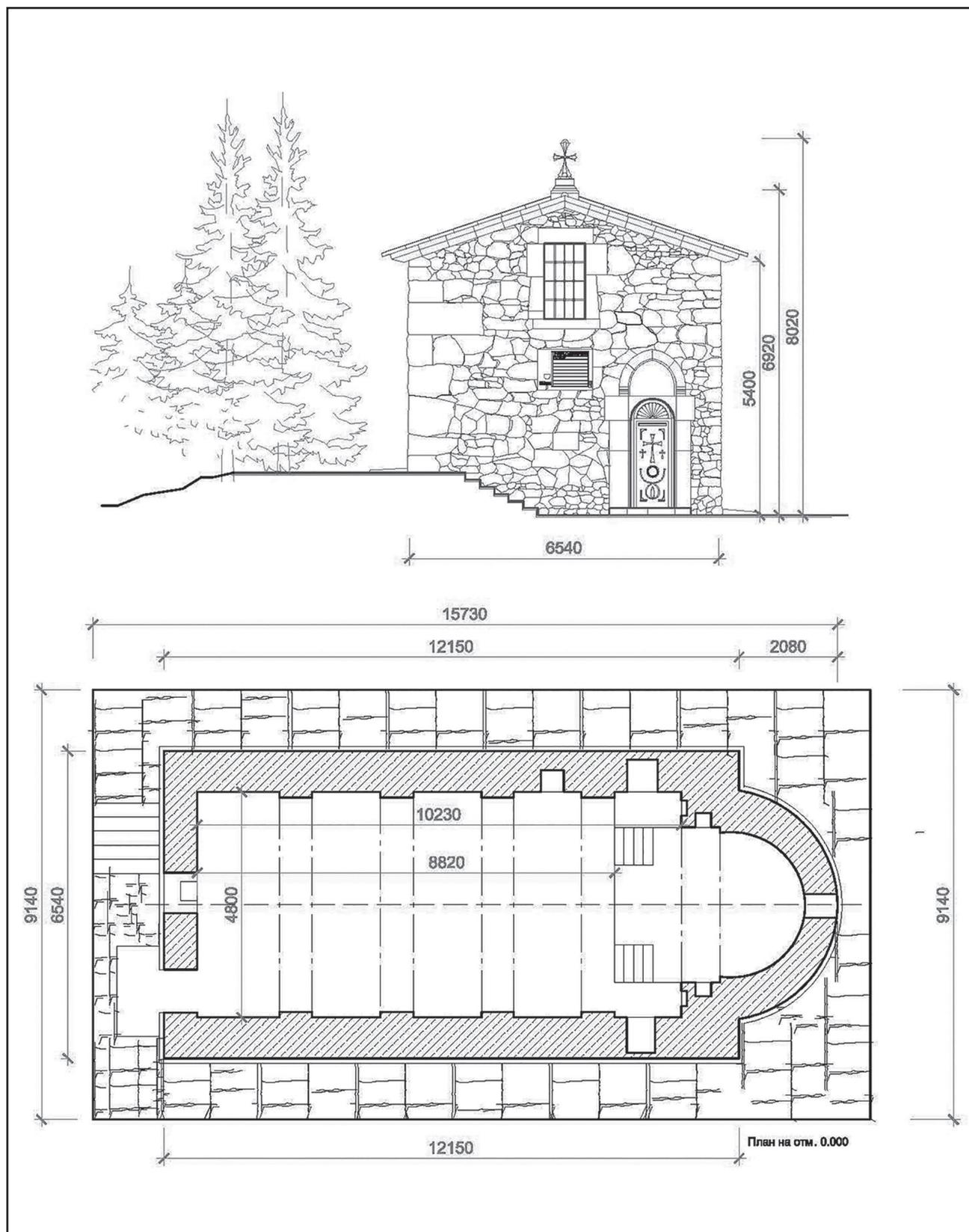

Рис. 39. Церковь Сурб Урбат. План и обмер западного фасада из реставрационного проекта 2013 г. (автор — М. В. Петросян)

Таблица литографий

1. По лицевому периметру хачкара 5, встроенной в южную стену церкви Сурб Саргис изнутри:

ՍՈՒՐՐ ԽԱՉՍ ԿԱՆԿՆԵՅ ԱԻ Ի Բ[Ա]Ր[Ե]Խ[ԱԻ]Ս ԱՐՍ
ԱՅ[Ի]ՍԻՆ Ա////////Յ
//////// ԲՍԷ /// ԱԻՈ ///// Ն
ԱՅ ԻԻ ԲՈՅ
Ի ԹՎ[ԻՆ] ՊԼ[= 1381]

2. Граффити под хачкаром 6, встроенной в южную стену церкви Сурб Саргис изнутри:

աւգնեա խ[ա]չ[ա]տրին (?)
////

3. Надпись 1702 года на западном фасаде церкви Сурб Урбат:

ՓԱՌԱԻՈՐ Տ[Ա]Ճ[Ա]ՐՍ Ա[ՍՏՈՒԱ]ԾԱՅԻՆ, Ո
Բ Է Պ[Ա]ՏԿԵՐՔ Հ[Ա]Յ[Ո]Յ ԱԶԳԻՆ, ՎԵ
ԲՍՏԻՆ ԿԱՌՈՒՑԱԻ ՀԻՄԱՆՑ՝
ՏՐՕՔ ՈՂՈՐՍՈՒԹ[ԵԱՍ]Բ ՂՐԸՄԱ ԵՐԿ
ԸԻՆ, ՅԱՆՈՒՆ ՍՐԲՈՅ ՈՒՐԲԱԹՈ ՎՈՒ
ՄԻՆ, ԱՌԱՋՆՈՐԴՈՒԹԵԱՍԲ ՅԱԿՈՐԱ ՔԱԶ
ՀՐԱԲՈՒՆ[Ա]Պ[Ե]ՏԻՆ ԵՒ ՎԵՐԱԿԱՅՈՒԹ[ԵԱՍԲ] Ս[Ա]ՀՏ[Ե]ՍԻ
Յ[Ո]Հ[Ա]ՆՆԷՄԻՆ ԵՒ Ս[Ա]ՀՏ[Ե]ՍԻ ԱՅՏԻՆԻՆ Ք[Ա]Ֆ[Ա]Յ[Ե]Յ[Ո]Յ,
ԶԵՆԱՍԲՔ ՔԱՐԳ[Ո]ՐԾ ԳՐԻԳՈՐԻՆ ԵՒ ՏՕ
ՆԱԿԱՆԻՆ, Վ[Ա]Յ[Ե]Լ[Ո]ԻՄՆ ՏԷՐ Վ[Ա]ՐԴԱՆ Ք[Ա]Հ[ԱՆԱՅ]ԻՆ, ՍԱՐԳ[Ի]Ս

ԹՎԻՆ ՌՃԾԱԻՆ [= 1702]: ՏԻՐ
ԱՅԻ
ԻՆ

4. Врезная надпись на западном фасаде:

ԵՍ, ԿԱՖ[ԱՅ]ԵՅԻ
Տ[Է]Ր ԴԱՆԷԼԻ
ՈՐԴԻ ՈՎԱՆԷՍ

5. Надпись 1713 года на апсиде снаружи:

ՄԵՃ Սահակի որդի
Թեվանի թիինն
Ճկբ [= 1713] քափ
եցի

6. На апсиде снаружи:

ԵՍ, ՊԱՀՉԵՅ[ՍԱՐ]ԵՅՅԻ
ՄԻՔԱՅԷԼՍ

7. На апсиде снаружи:

Ես, Թով
մապի որ
դի Լոյս
պար
նն
ն
Ճ [= 1651 թիվ]

Исторические портреты

В. Г. Зарубин

К биографии Николая Николаевича Богданова*

Известный общественный деятель Николай Николаевич Богданов (1875–1930), биография которого тесно связана с Крымом, оставил заметный след в событиях 1917–1919 годов на полуострове. Однако расширенная биографическая справка о нём не публиковалась.

Родился он 26 сентября (по старому стилю) 1875 года в Санкт-Петербурге [6, с. 124]. Русский, православного вероисповедания, из обедневших дворян Рязанской губернии. В 1892 году Тамбовским губернским жандармским управлением привлекался к дознанию и тюремному заключению на один месяц за хранение нелегальной литературы. Был подвергнут гласному надзору полиции на два года. В апреле 1894 года освобождён от надзора по собственному ходатайству [6, с. 97]. Поступил в Рижский политехнический институт, но курса не окончил. Из-за политической деятельности был выслан под надзор полиции в качестве «политически неблагонадежного». Под гласным надзором находился в Раненбурге Рязанской губернии, где владел 416 десятинами земли.

Член Раненбургской уездной и Рязанской губернской земских управ (1905) и почётный мировой судья.

С 1906 года — член Рязанских губернского и уездного комитетов Конституционно-демократической партии.

В 1907 году от общего собрания выборщиков Рязанского губернского избирательного собрания избран во II Государственную думу. Вошёл в Конституционно-демократическую фракцию, являлся членом комиссии по народному образованию [2, с. 60].

Наряду с другими кадетскими депутатами упомянут В. И. Лениным в работе «Аграрный вопрос и силы революции» [4, с. 207].

После роспуска Думы, до переезда в Крым на жительство, служил инспектором в Русском страховом обществе при правлении в Санкт-Петербурге. Семья с 1907 года жила в Алушке. В сентябре 1909 года Н. Н. Богданов проживал на даче военного инженера генерал-майора Якова Петровича Семёнова в Новом Симеизе, напротив которой в 1910-м купил два участка земли, где построил собственные дачи «Малый Богдан» и «Большой Богдан»¹. С 1910 года — председатель общества дачевладельцев Симеиза [6, с. 96, 98]. С 1916 года — член Таврической учёной архивной комиссии, авторитетной краеведческой организации.

Николай Николаевич Богданов.
Фото из книги М. М. Винавера
«Наше правительство
(Крымские воспоминания
1918–1919 гг.)» (Париж, 1928)

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-31-10169, а(ц): «История Крыма»).

¹ Ныне корпус санатория «Юность», памятник архитектуры регионального значения с 1990 г. (архитектор Я. П. Семёнов).

*Н. Н. Богданов с тифосом и амфорой.
Фото из книги В. М. Кузьменко «Новый-Симеиз
и его окрестности на Южном берегу Крыма» (М., 1913)*

В 1913 году избран гласным, а затем председателем Ялтинской (позже и Таврической) земской управы. Как политик являлся одним из лидеров крымских кадетов. После Февральской революции стал ялтинским уездным комиссаром, которому было подчинено и Ялтинское градоначальство.

Один из руководителей российского сионистского движения, член кадетской партии, участник Первой мировой войны в качестве военного врача, оказавшийся на излечении в Ялте, Даниил Самойлович (Даниель Бен-Самуэли) Пасманик вспоминал: «Кадет, бывший член Государственной думы по Рязанской губернии, он был общим любимцем даже и среди левых. Как земец, он проявил кипучую деятельность. Как представитель исполнительной власти, он оказался добродушным интеллигентом, искавшим разрешение всех затруднений в компромиссе. Да и мог ли он поступать иначе? Из центра он никакой поддержки не получал, на местах он никакой реальной, попросту говоря, полицейской

силы не имел, ибо новообразованная милиция, составленная из подозрительных офицеров и ещё более подозрительных солдат, повиновалась скорее вожакам «совета» и социалистических партий, чем уездному комиссару» [5, с. 27].

Богданов возглавил Исполнительный комитет общественных организаций, а 27 марта 1917 года сменил на должности таврического губернского комиссара Временного правительства Якова Тарасовича Харченко [3, с. 104]. Его деятельность подвергалась резкой критике со стороны крайне левых политических сил и крымскотатарского национального движения. 4 ноября Н. Н. Богданов ушёл в отставку [3, с. 215].

С началом Гражданской войны, будучи участником первого Кубанского (Ледяного) похода, заведовал финансовой частью Добровольческой армии. Входил в экономический совет Донского войскового правительства. После падения первого Крымского краевого правительства Матвея (Мацея) Александровича Сулькевича, державшегося на германских штыках, с 15 ноября (нового стиля) 1918 года Богданов — министр внутренних дел, с 17 ноября также военный и морской министр второго Крымского краевого правительства Соломона Самойловича (Самуиловича) Крыма² [3, с. 444]. Это коалиционное правительство (кадеты, социалист-революционер, член партии «Единство», беспартийные) опиралось на немногочисленные части Добровольческой армии и стран Антанты.

Вот как описывает Н. Н. Богданова коллега по кабинету С. С. Крыма, министр внешних сношений Краевого правительства, один из организаторов партии кадетов Максим Моисеевич Винавер: «Тучный, широкоплечий, с короткою шеею, с круглым широким лицом — с виду увалень, который лучше всего должен был бы себя чувствовать в покойном кресле, он, однако, был самый подвижный из нас. Даже места постоянного за столом не имел. Всё передвигался: то сядет направо, то налево, где случайно свободный стул окажется. Из заседания непрерывно отвлекался на телефоны. Бумаг никаких с собой никогда не таскал; докладывая свои дела, вытаскивал иногда какую-нибудь официальную бумажку то из одного, то из другого кармана. В докладах был очень краток, деловит и решителен. Столь же решителен был и в действиях. Огромная энергия и смелость совмещались в этом человеке с исключительной мяг-

² С 21 декабря 1918 г. морским министром был назначен адмирал Василий Александрович Канин, а военными вопросами стал ведать генерал-майор Михаил Михайлович Бутчик.

костью и бесконечным добродушием. Старый земец и кадет, он был членом 2-й Гос. Думы от Рязанской губернии и пользовался огромной популярностью среди местного населения. После февральской революции был назначен Комиссаром Таврической Губернии, и о времени его управления сохранились многочисленные рассказы, свидетельствующие о его находчивости и умении мирными средствами справляться с бушевавшей революционной стихией. Когда водворились большевики и пришла весть об образовании Добр. Армии, он отправился в армию и проделал с Корниловым весь ледяной поход, верхом на коне, везя с собой, как казначей, все фонды ДА. Ему было вверено Министрство Внутренних Дел, наиболее тягостное для нашей интеллигентной психологии. Пришлось заново создавать кадры местной стражи, организовывать розыск, охранять внутреннюю безопасность, остерегаясь прибегать слишком часто к помощи несдержанной в своих порывах воинской силы. И всё это он проделал просто, без ужимок, но и без сладострастия, с обычной энергией и с обычной улыбкой своих больших голубых глаз. Этот непрезентабельный грузный человек был, пожалуй, больше всех других любим в нашей среде» [1, с. 74–75].

Попытка создать на крымской земле в условиях военных реалий демократический режим потерпела крах. Под ударами Красной армии члены Краевого правительства 15 апреля 1919 года эвакуируются из Севастополя.

Н. Н. Богданов не захотел вместе со своими коллегами отбывать за границу. Вместе с семьёй он на фелюге отправился в Туапсе, откуда пробрался в ставку главнокомандующего Вооружёнными силами Юга России Антона Ивановича Деникина в Екатеринодар. С мая 1919 года — член Всероссийского национального центра.

Летом 1919 года он послан Деникиным к адмиралу Александру Васильевичу Колчаку в Сибирь. После падения правительства Колчака эмигрировал из Владивостока [1, с. 76; 6, с. 124].

С ноября 1920 года находился в Константинополе, был кооптирован в местное отделение ЦК кадетской партии. Затем жил в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. С мая 1921 года — член бюро Югославянской группы партии, с декабря — председатель Белградской группы. Стронник «новой тактики» Павла Николаевича Милюкова. Член Белградского отделения Всероссийского земского союза [7, с. 124].

В конце 1923 года переехал в Чехословакию, жил в Праге. Являлся хранителем Русского заграничного исторического архива. Вступил в Пражскую демократическую группу сторонников Милюкова. Стал одним из создателей и секретарей президиума Общества по изучению городского самоуправления в Чехословакии. Участвовал в издании журнала «Местное самоуправление» [2, с. 60].

Вместе с семьёй Н. Н. Богданов переселился во Францию. В качестве члена Союза русских литераторов и журналистов в Париже участвовал в работе Российского земско-городского комитета помощи беженцам. Масон, член ложи «Северная Звезда» (Париж). Известно, что в 1928 году он выступал с докладами в Союзе русских эмигрантов. В 1930 году жил на юге Франции, в курортном местечке Ла Фавьер. Автор мемуаров «Крым при Временном правительстве: из воспоминаний»³. Умер в 1930 году [7, с. 124, 1188].

В 1947 году его супруга, Софья Павловна, и дочь, Софья Николаевна, вернулись на родину. Посетив рязанскую землю, переехали в Крым и поселились в Симферополе у родственников по линии сводного брата, Анатолия Петровича Шишкина [8].

1. Винавер М. М. Наше правительство (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.). Париж, 1928.

2. Государственная дума Российской империи: 1906–1917: энцикл. / В. В. Шелохаев [и др.]. М.: РОССПЭН, 2008.

3. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: Антиква, 2008.

4. Ленин В. И. Аграрный вопрос и силы революции. Полн. собр. соч. Т. 15. М.: Изд-во полит. лит., 1972.

5. Пасманик Д. С. Революционные годы в Крыму. Париж, 1926.

6. Петрова М. М. Симеиз: путешествие по старым дачам: очерк-путеводитель. Симферополь: Сонат, 2006.

7. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: энцикл. словарь. М.: РОССПЭН, 2001.

8. Шишкин Д. Молчание старых дач // Республика Крым (Симферополь). 2001. 17 авг.

³ Изданы в журнале «Местное самоуправление» (Вып. 4. Прага, 1927. С. 160–185).

В. В. Калиновский

Воспоминания как благодарность Мемуарные публикации И. У. Палимпсестова об архиепископе Иннокентии (Борисове)

Архиепископ Иннокентий (в миру Иван Алексеевич Борисов; 1800–1857) — выдающийся священнослужитель, деятель государственного масштаба, крупный религиозный писатель и мыслитель.

Без малого десять лет, с 1848 по 1857 год, он возглавлял Херсоно-Таврическую епархию, уделяя значительное внимание Крыму. Именно здесь иерархом был задуман и осуществлён масштабный проект по воссозданию монастырей на местах средневековых обителей, получивший звучное название «Русский Афон».

Живо интересовавшийся историей архипастырь немало сделал для исследования христианских древностей Тавриды: сам занимался историческими изысканиями, был членом Одесского общества истории и древностей, состоял в переписке с известными учёными, такими как Антон Бальтазарович Ашик, Николай Никифорович Мурзакевич, Алексей Сергеевич Уваров и многими другими. Зримыми результатами деятельности архиепископа Иннокентия (Борисова) в Крыму остаются многочисленные храмы и монастыри полуострова, созданные или реконструированные по его инициативе и продолжающие функционировать сегодня. По точному наблюдению выдающегося крымоведа Арсения Ивановича Маркевича, «Таврида всегда была счастлива

своими архипастырями, но среди них с особенной яркостью сияет образ святителя Иннокентия. Его имя будет вечно памятно в Тавриде, и она никогда не перестанет желать, чтобы его дух не переставал пребывать с ней и направлял её жизнь по тому пути, по которому незабвенный архипастырь вёл её во время своего короткого по времени, но высокоплодотворного земного подвига» [1].

Архиепископ Иннокентий (Борисов)

В дни Крымской войны владыка не оставил в беде свою паству. Он поехал на полуостров, посетил осаждённый Севастополь и другие города. Здесь иерарх проводил службы, произносил проповеди, поднимавшие боевой дух армии и населения, а также утешал страждущих раненых воинов. Многие произнесённые тогда в Крыму слова пресвященного Иннокентия и ныне не потеряли своей значимости и актуальности.

Масштабность фигуры архипастыря была очевидна его современникам. Вскоре после смерти Иннокентия известный российский историк, близкий приятель почившего владыки, Михаил Петрович Погодин издал мемориальный сборник «Венок на могилу высокопресвященного Иннокентия, архиепископа Таврического», в котором были собраны воспоминания людей, хорошо знавших иерарха [2]. В знак признания заслуг святителя перед государством его имя было помещено на горельеф знаменитого

памятника «Тысячелетие России» в Великом Новгороде. Несмотря на это, ни одна попытка создать полную научную биографию архиепископа Иннокентия (Борисова) не увенчалась успехом. Богослов Тимофей Иванович Буткевич в своей книге об иерархе осветил все основные этапы служения его, сделав особый акцент на времени пребывания владыки на Харьковской кафедре [3]. Кроме того, исследователю были неизвестны многие важнейшие документы, связанные с деятельностью преосвященного Иннокентия. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии Николай Иванович Барсов, который по поручению душеприказчика владыки Николая Христофоровича Палаузова работал с эпистолярным наследием священнослужителя, планировал создать фундаментальную биографию Иннокентия (Борисова), но ограничился несколькими статьями и публикацией избранных писем из обширнейшей переписки архипастыря [4].

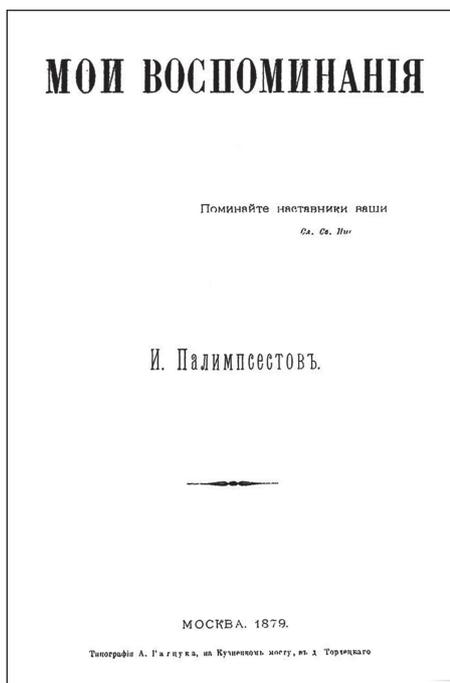
Задача создания полного научного биографического исследования о владыке не решена и сегодня. Для её реализации требуется привлечение максимального широкого круга источников: архивных документов, газетных и журнальных публикаций, эпистолярных и мемуаров. Последняя группа материалов традиционно содержит яркие, хотя и излишне субъективные, оценки описываемых личностей и событий, воссоздаёт дух и колорит эпохи. Известны воспоминания об Иннокентии филолога и первого ректора Киевского университета Св. Владимира Михаила Александровича Максимовича [5], симферопольского педагога религиозных учебных заведений Александра Васильевича Иванова [6], священников из окружения иерарха [7] и другие работы, созданные в этом жанре.

Среди всего корпуса мемуаров об архиепископе Таврическом особое место занимают публикации Ивана Устиновича Палимпсестова. Сегодня это имя практически неизвестно исследователям, а в середине XIX века он считался одним из подвижников развития сельского хозяйства на юге России. Известно о нём крайне мало. Будущий биограф архиепископа Иннокентия (Борисова) родился в 1818 году. Его фамилия указывает на священнические корни, имеет семинарское происхождение и происходит от греческого слова, обозначающего

папирусную или пергаментную рукопись, переписанную на замытой старой. Сообразно фамилии первое образование И. У. Палимпсестов получил в Саратовской духовной семинарии, после чего окончил Горыгорецкий земледельческий институт в Могилевской губернии — одно из первых в Российской империи специализированных аграрных учебных заведений. Квалифицированный специалист вернулся в родную семинарию, где занял должность преподавателя сельского хозяйства и естественных наук.

Кардинальные изменения в жизни Ивана Устиновича произошли в 1851 году. Он переезжает на работу в Одессу. Помимо работы в местной семинарии, агроном читал также теоретический курс в Главном училище садоводства при Императорском ботаническом саде. В 1853 году И. У. Палимпсестов становится преподавателем кафедры сельского хозяйства в Ришельевском лицее, а ещё через некоторое время — профессором Новороссийского университета. В 1868 году он оставляет профессию и полностью посвящает себя делам Общества сельского хозяйства Южной России, в котором на протяжении семнадцати лет состоял секретарём и редактором «Записок» организации [8]. Обладая несомненными литературными и научными талантами, И. У. Палимпсестов на протяжении всей своей жизни публиковал работы самой широкой тематики. Его статьи и очерки появлялись на страницах таких изданий, как «Труды Императорского Вольного экономического общества», «Журнал Министерства государственных имуществ», «Русское слово», «Московские ведомости», «Русский архив» и многих других. Наиболее значимой научной работой, ставшей итогом его многолетних изысканий, стал изданный в 1855 году «Словарь сельскохозяйственных растений» [9]. В эту книгу вошли описания большинства растений, произрастающих в европейской части Российской империи, с указанием способов их возделывания.

В конце 70-х годов XIX века И. У. Палимпсестов впервые испытал свои способности не на аграрной, а на мемуарной ниве. В 1879 году в Москве увидела свет его книга «Мои воспоминания», посвящённая, тем не менее, работе Общества сельского хозяйства Южной России [10]. Архиепископ Иннокентий был

Титульный лист книги
И. У. Палимпсестова «Мои воспоминания»

почётным членом этой организации, поэтому не удивительно, что на значительном количестве страниц указанной работы ему было уделено особое внимание. Собственно, именно святитель во время пребывания на Херсоно-Таврической кафедре подал Ивану Устиновичу идею составить историю сельского хозяйства на юге России. Писатель дал слово заняться этим трудом, но только через десять или более лет. Своё обещание он исполнил лишь через два десятилетия после смерти владыки [11].

Уже на первых страницах воспоминаний И. У. Палимпсестов благодарил преосвященного Иннокентия за содействие в полезных для агронома знакомствах, без которых его карьера в Одессе не была бы столь стремительной. В частности, архипастырь познакомил его со «знатоком края и опытным хозяином-лесоводом», помещиком Виктором Петровичем Скаржинским. Последний был известен своими новаторскими подходами в сфере степного полезащитного лесоразведения и обустройством дендрологического сада и плантаций в своём имении Трикрата. Владыка Иннокентий не раз обозревал это поместье совместно с будущим мемуаристом [12].

По мнению И. У. Палимпсестова, Иннокентий (Борисов) по своему месту в истории Новороссийского края и его значению для края находился на одном уровне с Михаилом Семёновичем Воронцовым и Александром Григорьевичем Строгановым.

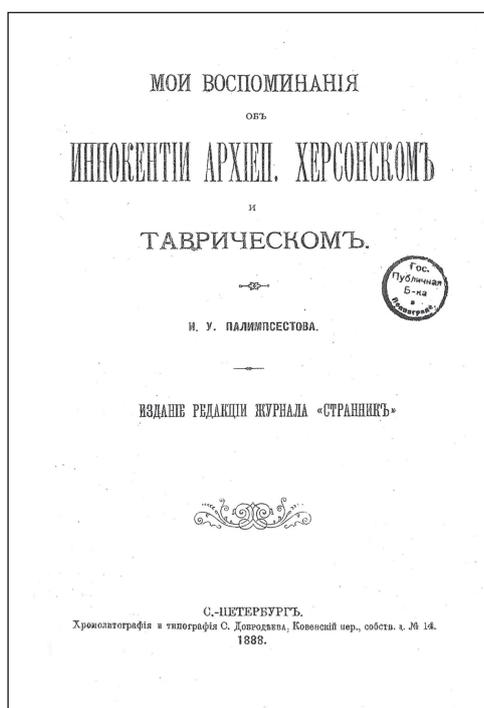
Мемуарист вспоминал несколько памятных для него эпизодов, связанных с взаимодействием этих руководителей с архипастырем. Так, сам И. У. Палимпсестов был представлен князю М. С. Воронцову непосредственно преосвященным Иннокентием, который нарочно для этой цели взял агронома в Крым, в резиденцию губернатора в Алушке [13]. Несколько подробнее освещалась в «Моих воспоминаниях» роль владыки в выстраивании отношений Ивана Устиновича с графом А. Г. Строгановым, который на протяжении многих лет возглавлял Общество сельского хозяйства Южной России. Первоначально И. У. Палимпсестов не воспринял его методов управления организацией, о чём и пожаловался иерарху. Рассудительный архиепископ посоветовал узнать графа

поближе, назвав его «алмазом первой величины» среди людей и вельмож. Время показало правоту владыки: А. Г. Строганов и И. У. Палимпсестов немало совместно потрудились на благо края [14].

Поскольку мемуарист входил в ближайший круг общения архиепископа Иннокентия (Борисова), он мог наблюдать за деятельностью иерарха в самых разных ситуациях. Описывая случаи из его служения церкви и из повседневной жизни, биограф создал объёмный и масштабный портрет святителя. В частности, Палимпсестову запомнились шутки на обедах Иннокентия, куда приглашались лица, пользовавшиеся особым распоряжением архипастыря [15]. Другой яркий приведённый эпизод, к которому Иван Устинович не раз потом возвращался, — это истовая ночная молитва на Чатырдаге, куда преосвященный Иннокентий поднялся, преодолевая все трудности, во время осмотра христианских древностей Крыма [16].

В 1887 году И. У. Палимпсестов начал публиковать свои мемуары непосредственно об архиепископе Иннокентии (Борисове) на страницах духовного журнала «Странник», а в следующем году их издали отдельной книгой [17]. К тому времени появилось несколько биографических работ об иерархе, и писатель хотел дополнить их теми деталями, которые были известны лично ему. Эти воспоминания стали своеобразной формой благодарности владыке, что делало их менее объективными, но более искренними. Иван Устинович писал: «Если я не закопал сво-

их талантов, которых, может быть, на мою долю досталось не более двух; если я не сделал из себя тунядца, — то этим едва ли не всецело обязан Иннокентию» [18]. Сразу же после приезда молодого специалиста-агрария в Одессу весной 1851 года иерарх стал опекать его, поддерживая многие начинания. Душевное расположение было взаимным: Иван Устинович, ещё работая в Саратове, был наслышан о блестящих проповедях владыки и мечтал лично познакомиться с витией. Прочитав научные труды И. У. Палимпсестова, преосвященный Иннокентий сказал ему: «Если будете трудиться, то во мне вы всегда найдёте и советника, и искреннего друга» [19]. Эти слова оказались пророческими — до конца

Титульный лист книги И. У. Палимпсестова «Моих воспоминаниях об Иннокентии, архиеп. Херсонском и Таврическом»

своих дней служитель помогал агроному и своему будущему биографу.

Наиболее яркий эпизод мемуаров И. У. Палимпсестова, связанный с Крымом, — это совместная поездка архиепископа и его спутника в Алупку в сентябре 1851 года. Иннокентий (Борисов) был приглашён в поместье князя М. С. Воронцова на день ангела супруги всесильного «полумилорда, полукупца» Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой. Владыка решил, что стоит взять с собой Ивана Устиновича, чтобы познакомить его с генерал-губернатором Новороссии, а также показать ему красоты любимой Тавриды. Мемуарист справедливо замечал: *«Думается мне, что Иннокентий, желая представить меня такому именитому государственному мужу, каким был и останется в нашей истории светлейший князь М. С. Воронцов, имел в виду придать мне веру в собственные силы и при этой вере заставить трудиться, сознавая при том, что я одна из посредственностей, но посредственностей, не бесполезных для дела»* [20].

За владыкой Иннокентием в Одессу по приказу новороссийского генерал-губернатора приехали пароход «Пётр Великий» — непрезентабельное судно, ни в коей мере не соответствующее громкому имени. Иерарх, не без оснований опасаясь возможной на море качки, решил отправиться в Крым на конном экипаже, а на корабле отплыл И. У. Палимпсестов. В Ялте состоялась встреча Иннокентия (Борисова) с выдающимся собирателем иудейских рукописей, караимским лидером Авраамом Самуиловичем Фирковичем (1787–1874). В рассматриваемых мемуарах эта легендарная личность изображена так: *«Фиркович имел коренастую, очень степенную наружность; взгляд его был не без ума, но и не без подобострастия; седая борода придавала большую смелость говорить с авторитетом знатока края и еврейских древностей»* [21]. Беседа с ним продолжалась около двух часов и касалась преимущественно народов, населявших Таврическую губернию. А. С. Фиркович убеждал архиепископа в том, что караимы являются самыми древними обитателями Крымского полуострова, попали сюда после первого Вавилонского пленения, а следовательно, непричастны к распятию Иисуса Христа. Кроме того, он упомянул, что описание этого события может обнаружиться в разыскиваемых им древних письмах. На

это владыка Иннокентий скептически заметил, что *«пожалуй, обещаемые вами письма и найдутся; но более верно, что их напишут нынешние «писатели». Вы знаете, как искусно нынешние «писания» подделываются под древние хартии»* [22]. Нужно понимать, что уже в то время многие учёные обоснованно подозревали А. С. Фирковича в фальсификации иудейских рукописей, и подобный комментарий архиепископа Иннокентия демонстрирует хороший уровень его знакомства с научными разработками наиболее дискуссионных вопросов прошлого Крыма. Также караимский лидер и православный иерарх обсудили крымских татар, греков и армян. В завершение встречи А. С. Фиркович показал архиепископу несколько свитков древних хартий, в которых Иннокентий (Борисов), по выражению И. У. Палимпсестова, «был человек не несведущий» [23].

Авраам Самуилович Фиркович

Из Ялты владыка и его биограф переехали в Алупку. Пятого сентября там собралось множество гостей, желавших поздравить княгиню и её мужа с семейным праздником. Владыка провёл торжественную службу, после чего вместе с Палимпсестовым посетил завтрак, данный М. С. Воронцовым. Он представил своего спутника генерал-губернатору, и тот пообещал содействовать всем начинаниям Общества сельского хозяйства Южной России. Судя по мемуарам, в это время князя очень интересовало развитие в Крыму виноделия, и всех своих гостей он угощал не французским, а местным шампанским. После приёма архиепископ Иннокентий вместе с агрономом пошли осматривать находящиеся в окрестностях имения деревья и растения. И снова иерарх продемонстрировал свои разносторонние познания, на этот раз в мире флоры «русской Италии» [24].

Выполнив поручение князя, путешественники отправились в сторону Алушты. Их целью было посещение Космодамиановского источника и восхождение на Чатырдаг. Преосвященный Иннокентий ловко передвигался верхом на коне, чему способствовала удобная одежда, которую Иван Устинович описал так: *«Соломенная шляпа, подрясник, охваченный поясом, вышитым гарусом; стало быть, поясом самым простым. <...> Поверх подрясника, довольно короткого, была надета особенного покроя ряса: она едва спускалась за колени и имела довольно узкие (по сравнению с обыкновенными*

рясами) рукава. Вообще эта одежда напоминала одежду, в которой изображают ветхозаветных первосвященников и в которой попросту всегда ходил Иннокентий на своей даче или в доме, принимая даже близких к нему лиц. Не знаю почему, но мне казалось, что великому мужу шла эта простая одежда, при его простоте обращения, да и как-то думалось, что только Иннокентий мог додуматься до неё: покрой остался тот, какой требовался; но здесь выигрши в движениях; а все движения этого пламенного мужа отличались необыкновенной живостью (но не суетливостью), хотя в известные минуты, при известном расположении духа, Иннокентий как бы любил представлять из себя старца, но старца исконно русского, с разговором, даже поговорками народно-русскими, — старца, напоминавшего собой какого-нибудь в простоте сердца священствующего сельского пастыря, или просто старичка-орловца» [25]. Поднявшись на вершину горы, Иннокентий (Борисов) искренне молился и сообщил Палимпсестову о своём желании и далее воссоздавать древние храмы и монастыри по всему Крыму.

Вскоре после возвращения в Одессу деятельный и любознательный архипастырь задумал новую познавательную поездку, куда пригласил и писателя-агронома. Вместе с астрономом Алексеем Николаевичем Савичем он решил понаблюдать за солнечным затмением. Для этого они выехали в одно из сёл Херсонской губернии, но природные условия не позволили в полной мере исследовать природное явление [26]. Завершались воспоминания перечислением отдельных эпизодов из пастырской практики владыки, в том числе в дни Крымской войны, описанием его кабинета и отзывами современников о деятельности преосвященного Иннокентия на Таврической кафедре.

Вскоре после выхода воспоминаний И. У. Палимпсестова отдельной брошюрой было издано небольшое дополнение к ним [27]. В нём Иван Устинович привёл содержание беседы с архиепископом Иннокентием во время своей работы над «Словарём сельскохозяйственных растений». Иерарх рассуждал о роли труда в жизни человека, приводя множество уместных примеров из самых разных областей знаний — от бытовых до сугубо богословских. Мемуаристом подчёркивалась привычка архиепископа

Иннокентия (Борисова) в устной речи быстро переходить с темы на тему, задавая собеседнику самые неожиданные вопросы, что автор называл одним из проявлений острого ума святителя.

При содействии И. У. Палимпсестова в журнале «Странник» были опубликованы другие воспоминания о владыке. Это пронизанные искренним восхищением по отношению к архиепископу мемуары священника Григория Делова [28]. В них описан эпизод приезда иерарха в село Плоское Тираспольского уезда Херсонской губернии. В этом отдалённом населённом пункте жили в том числе старообрядцы, а местные православные никогда не видели архипастыря и не представляли, как именно полагалось его встречать. В село заблаговременно прибыл одесский протоиерей, который попросил не чинить беспорядков и не оскорблять иерарха. Но опасения не подтвердились: владыку приняли хлебом-солью, а после проведённой им службы несколько раскольников решили вернуться в православие. Для этой публикации мемуарист архиепископа Иннокентия написал прочувствованное предисловие.

Митрополит Московский и Коломенский
Макарий (Булгаков)

Впоследствии И. У. Палимпсестов вернулся к сюжету с наблюдением солнечного затмения в статье «Учитель и ученик», опубликованной в журнале «Русский архив» [29]. В ней он сравнивал владыку Иннокентия с другим иерархом, который в своей деятельности объединял научное и духовное начала, — митрополитом Московским и Коломенским Макарием (Булгаковым). Название для статьи также было несчастливым: «Русский Златоуст» был наставником преосвященного Макария во время его обучения в Киевской духовной академии.

Говоря о мемуарных публикациях И. У. Палимпсестова, нельзя не упомянуть его работу, написанную в защиту

памяти покойного святителя. Она стала ответом на изданные в журнале «Русская старина» в 1889 году посмертные записки выдающегося организатора науки, вице-президента Одесского общества истории и древностей Николая Никифоровича Мурзакевича. Исследователь был лично знаком с преосвященным Иннокентием с 1836 года, однако их общение практически не поддерживалось до назначения иерарха на Херсоно-Таврическую кафедру. Их первая встреча в 1848 году была достаточно холодной. Дело

в том, что у учёного установились тёплые отношения с предшественником владыки — архиепископом Гавриилом (Розановым), с которым его сблизило единство интересов в исторических исследованиях Новороссийского края. Назначение Иннокентия в Одессу Н. Н. Мурзакевич связывал с личным желанием святителя занять именно эту кафедру. Секретарь Одесского общества истории и древностей считал, что отличающийся особой ловкостью директор канцелярии обер-прокурора Святейшего синода Алексей Иванович Войцехович уладил дело так, что преосвященного Гавриила под предлогом повышения перевели в Тверь, а архиепископа Иннокентия назначили на его место. Несмотря на это обстоятельство, вскоре Мурзакевич увидел в новом главе Херсоно-Таврической епархии честолюбца (честолюбие — черта, свойственная самому учёному), и отношения наладились. Архиепископ неоднократно показывал авторитетному исследователю своё расположение, прислушиваясь к его мнению по истории церковных древностей и регулярно обращаясь за консультациями. Н. Н. Мурзакевич

Архиепископ Гавриил
(Розанов)

так охарактеризовал годы своего общения с владыкой: «*Девять лет не прерывалась приязнь, сопровождавшаяся доверием по многим вопросам*» [30]. Тем не менее именно учёному принадлежат одни из самых желчных воспоминаний об архиепископе Иннокентии. В них он перечислил такие черты характера и деятельности иерарха: кроме честолюбия, имел страсть к деньгам; всё, что брал, или терял, или присваивал; по прихоти часто перемещал бедных священников; любил связи со знатью и не заботился о расположении к себе простонародья. Мурзакевич считал, что в Одессе владыка Иннокентий брался за многие учёные предприятия, но не завершал их; дар систематической проповеди обращал в лёгкую импровизацию, а семинарию совершенно забыл, едва ли побывав два раза на экзаменах. Вице-президент Одесского общества истории и древностей полагал, что смерть покровителя Иннокентия, графа Николая Александровича Протасова, последовавшая затем

холодность членов Святейшего синода к нему произвели на иерарха сильное впечатление и ускорили его смерть [31].

И. У. Палимпсестов воспринял такие воспоминания об уважаемом архипастыре как навет и посчитал нужным ответить на клевету небольшой брошюрой [32]. В ней он подробно остановился на личности Н. Н. Мурзакевича и характере его отношений с владыкой Иннокентием. Учёный в изложении мемуариста представал человеком с чёрством сердцем и непомерной гордыней. По словам Палимпсестова, «*Мурзакевич не только не мог попасть в число лиц, близких к Иннокентию, но последний прямо чуждался его; и это было невыносимо для воплощённой гордыни, которая иной раз дерзала называть мужа высоких дарований и обширных знаний «мыльным пузырьём», «изнеженным сибаритом»*» [33]. Иван Устинович последовательно опровергал все выпады учёного, ссылаясь на личные воспоминания, свидетельства одесситов и многие опубликованные мемориальные статьи об архипастыре, в том числе на опубликованные в «Венке на

могилу высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического».

Завершая свою работу, И. У. Палимпсестов писал: «*Я счёл святым для себя долгом обличить чёрную неправду, смыть позорное пятно со светлого и чистого образа одного из воистину приснопамятных святителей нашей церкви*» и отмечал, что справился с поставленным заданием [34].

В конце жизни судьба снова символически связала Ивана Устиновича с владыкой Иннокентием. Он оставил Одессу и переехал в Севастополь, где стал старостой Владимирского собора [35]. Известный севастопольский краевед Валерий Васильевич Крестьянников, много лет работавший с местными метрическими книгами, установил, что писатель скончался в 1902 году и был похоронен на кладбище Херсонесского монастыря Св. Владимира — обители, создание которой было невозможно без деятельного участия столь любимого им архипастыря.

1. *Маркевич А. И.* Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // ИТУАК. 1901. № 31. С. 57.
2. Венок на могилу высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического. М., 1864. 268 с.
3. *Буткевич Т. И.* Иннокентий Борисов, бывший архиепископ Херсонский. СПб., 1887. 422 с.
4. *Барсов Н. И.* Архиепископ Иннокентий Борисов, по новым материалам для его биографии (Чит. в собр. Славян. благотвор. о-ва 17 ноября 1883 г.). СПб., 1884. 45 с. ; *Барсов Н. И.* Материалы для биографии Иннокентия Борисова, архиепископа Херсонского и Таврического. Вып. 1–2 / собрал и издал проф. С.-Петербур. духов. акад. Николай Барсов. СПб., 1884–1888. 2 т.
5. *Максимович М.* Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде. СПб., 1871. 154, 2 с.
6. *Иванов А. В.* Воспоминания о высокопреосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. [Б. м.], 1901. 22 с.
7. [*Лебединцев А. Г., прот.*] Воспоминания о преосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом // ХЕВ. 1862. № 1. С. 30–62 ; *Кулпан Н.* Преосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический // ТЕВ. 1900. № 24. С. 1756–1762.
8. А. С. Палимпсестов / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. 22а : Оуэн — Патент о поединках. С. 631.
9. *Палимпсестов И. У.* Словарь сельскохозяйственных растений. Одесса, 1855. 822 с.
10. *Палимпсестов И. У.* Мои воспоминания. М., 1879. 164 с.
11. Там же. С. 7.
12. Там же. С. 2.
13. *Палимпсестов И. У.* Мои воспоминания. М., 1879. С. 13.
14. Там же. С. 12.
15. Там же. С. 19.
16. Там же. С. 21.
17. *Палимпсестов И. У.* Мои воспоминания об Иннокентии, архиеп. Херсонском и Таврическом. СПб., 1888. 224 с.
18. Там же. С. 4.
19. Там же. С. 6.
20. Там же. С. 9.
21. Там же. С. 13.
22. Там же. С. 14.
23. Там же. С. 17.
24. Там же. С. 32.
25. Там же. С. 82.
26. Там же. С. 135–137.
27. *Палимпсестов И. У.* К «Моим воспоминаниям об Иннокентии, архиеп. Херсонском и Таврическом». СПб., 1888. 12 с.
28. *Делов Г.* К воспоминаниям об архиепископе Херсонско-Таврическом Иннокентии / предисл. И. У. Палимпсестова // Странник. 1893. Т. 3, № 10. С. 391–398.
29. *Палимпсестов И. У.* Учитель и ученик // Русский архив. 1896. Кн. 1, вып. 2. С. 270–273.
30. [*Мурзакевич Н. Н.*] Записки // Русская старина. 1889. № 1. С. 235–238.
31. Там же. С. 238.
32. *Палимпсестов И. У.* Опровержение клеветы — ответ на статью об Иннокентии Херсонском в «Русской старине». СПб., 1889. 27 с.
33. Там же. С. 4.
34. Там же. С. 27.
35. *Палимпсестов И. У.* Речь старосты Владимирского собора д. с. с. И. У. Палимпсестова. Севастополь, 1892. 4 с.

А. В. Майко, В. В. Майко

Крымский Макаренко

О педагоге П. В. Никольском (1891–1940)

Посвящается 100-летию гимназии № 9 Симферополя

В 2016 году исполняется 125 лет со дня рождения Петра Васильевича Никольского, одной из ярких и самобытных фигур в истории Симферополя первой четверти XX века. К сожалению, история этого неординарного, многогранного человека до последнего времени была практически неизвестна. Много белых пятен остаётся и сейчас.

Источники по данной теме крайне ограничены. Во-первых, это некоторые архивные документы: послужные списки преподавателей частной мужской гимназии Волошенко в Симферополе, протоколы заседаний ТУАК–ТОИАЭ, на которых выступал с докладами П. В. Никольский, следственное дело (№ 016176). Последний документ, наиболее важный для реконструкции основных моментов биографии, детально обработан и опубликован С. Б. Филимоновым [1]. Ценным источником являются воспоминания педагогов школ и Крымского пединститута, где работал Никольский, а также несколько сохранившихся писем Петра Васильевича. Из-за узости источниковой базы историография изучения его жизненного и творческого пути ограничена всего несколькими работами. Помимо работы С. Б. Филимонова, это статьи Р. И. Ушатовой, где П. В. Никольский упоминается как библиотекарь ТОИАЭ [2], и А. Д. Попова, в которой на основании опубликованных работ Никольского коротко рассмотрена организация экскурсий под его руководством [3].

Данная же работа построена на источнике, ранее ни разу не привлекавшемся специалистами. Это воспоминания Бориса Абрамовича Петрушевского, не только ученика, но впоследствии и близкого друга Петра Васильевича. Они сохранились в виде рукописи, напечатанной на пишущей машинке, и хранятся в архиве гимназии № 9 города Симферополя [4].

Составлены воспоминания уже в 1970-е годы, когда бывший её выпускник — известный учёный-геолог — проживал в Москве. Эти воспоминания позволяют представить Петра Васильевича Никольского прежде всего как педагога. То есть раскрыть ту грань его неординарной личности, которая никогда не освещалась.

По воспоминаниям Б. А. Петрушевского, «*Пётр Васильевич Никольский был высоким, несколько сутулым человеком, очень худым, даже измождённым. Зачёсанные назад тёмно-русые волосы открывали высокий лоб, рыжеватые усы были обращены концами вниз. Он много курил, начатая папироса постоянно была зажата между пальцами его руки <...> взгляд Петра Васильевича — одновременно совершенно открытый и чрезвычайно пытливый, буквально проникающий в душу <...>. Жил Пётр Васильевич с женой Марией Сергеевной в комнате недалеко от базара, находившегося, вероятно, в районе парка Тренёва. Комнату они снимали...*» [5]. По воспоминаниям учеников опытно-показательной школы (в частности, Михаила Гефтера) в конце 20-х годов, это был высокий, «*даже согнувшийся от длины человек, когда разговаривал, дёргал пуговицы у собеседника. Он говорил легко, называл нас всех «мой друг» и никогда не наказывал*» [6].

Коротко напомним, что родился П. В. Никольский в Симферополе в 1891 году в семье священника. Окончил духовное училище и семинарию, а в 1914 году — историческое отделение Варшавского университета. В этом же году началась и педагогическая деятельность будущего директора опытно-показательной школы. В 1914–1921 годах с перерывом в один учебный год (1916/17) он преподавал историю и географию в частной гимназии Воло-

шенко в Симферополе. Кроме педагогической, В. П. Никольский вёл активную научную работу. Уже 1 мая 1920 года, в возрасте всего 29 лет, он был не только членом Таврической учёной архивной комиссии, но и исполнял обязанности секретаря [7]. 13 декабря 1920 года библиотекарем ТУАК избран профессор Таврического университета Пётр Павлович Кудрявцев, а его помощником — преподаватель гимназии М. А. Волошенко. Пётр Васильевич Никольский, утверждённый в должности библиотекаря на заседании Таврического общества истории, археологии и этнографии 6 августа 1922 года, 1 февраля 1925-го был избран библиотекарем Общества, однако в 1926 году из-за длительной болезни был вынужден отказаться от должности [8]. Тем не менее он участвовал в заседаниях ТУАК, затем ТОИАЭ регулярно. В 1916–1930 годах на этих заседаниях им было прочитано девять докладов. Наибольший интерес представляют сообщения, связанные с его работой в ОПШ. Это «Культурно-исторические экскурсии в Бахчисарай», «Окрестности Бахчисарая — Саланчик и Чуфут-Кале: культурно-исторические экскурсии», «Деревня Саблы: к истории русской колонизации Крыма», «Краеведение в школе». Первым серьёзным выступлением Никольского был его доклад «Культурно-исторические экскурсии в Бахчисарай», прочитанный 23 марта 1924 года. Все присутствовавшие на заседании «указали на большое значение заслушанного труда как пособия для экскурсантов и посетителей Бахчисарая и на заслугу его, в смысле привлечения новых материалов <...> в смысле постоянно подчёркиваемой связи с культурно-бытовой историей ханства» [9]. Несмотря на некоторые спорные моменты, получил одобрение и доклад «Деревня Саблы: к истории русской колонизации Крыма» от 27 декабря 1924 года [10]. Интересным было его выступление на тему «Симферопольский городской общественный комитет в 1917 году» на заседании, состоявшемся 21 ноября 1926 года.

Нельзя сказать, что П. В. Никольский не принял революцию. Он искренне надеялся, что советская власть — это совершенно новое время, в котором человечество ещё никогда не жило. Вместе с тем Пётр Васильевич постоянно думал о неизбежных изменениях. Показательными в этом отношении являются уже упоминавшиеся воспоминания Б. А. Петрушевского. Весной 1924 года состоялся знаменательный диалог между ним и Никольским, причём не в школьных стенах, а во время вечерней прогулки по Симферополю. Примечательно, что беседа состоялась в бывшем городском саду, вбли-

зи памятника Екатерине II. Как пишет мемуарист: «И бронзовая царица, и её бронзовые генералы уже давно были сняты с гранитного постамента. На месте Екатерины, наверху, голый мужчина рыжего цвета... замахивался молотом на цепь, обвинявшую рыжий же большой шар, лежавший у его ног». Главным смыслом беседы для Никольского было выяснить отношение Петрушевского к русской революции. Поскольку последний происходил из потомственной русской интеллигенции, причём людей известных в Крыму и России (дед мемуариста по материнской линии был известным российским учёным), Петру Васильевичу было интересно отношение к революции представителей лучшей части интеллигенции (тех немногих, кто остался в России).

Естественно, Борис Петрушевский не мог одобрить того, что творилось у него на глазах в родном городе. Особенно страшный голод зимой 1921/22 года. По воспоминаниям мемуариста: «...около центрального здания помощи голодающим <...> два дома ниже Обкома, я однажды в течение дня несколько раз видел умирающего от голода рослого мужчину. Он лежал на спине, на тротуаре, у крыльца этого здания». А самое страшное — это красный террор в Крыму, после занятия его большевиками. Даже в 1981 году, когда Петрушевский, будучи уже человеком преклонных лет, печатал эти воспоминания, он не боялся, вспоминая беседу, прямо написать: «Когда в двадцатом году Крым стал советским, был организован ревком <...>. Вероятно, в декабре на улицах Симферополя расклеили объявления, в которых именем Советской власти, за подписью ревкома, гарантировалось сохранение жизни всем трудящимся с режимом Врангеля, если они в указанные в объявлении сроки придут и сдадутся. По слухам, пришло их много. Всех расстреляли в январе-феврале двадцать первого в окрестностях Симферополя. Говорят, есть их общице могилы в бывшем имении Крымтаева, по Алуштинскому шоссе». Далее интересна реакция Петра Васильевича. «Знаю, — глухо¹ произнёс П. В., — был там... Не хочется рассказывать». По воспоминаниям Б. А. Петрушевского, П. В. Никольский пытался доказать своему ученику — но, скорее всего, себе самому — необходимость и историческую обоснованность этих чудовищных событий. Его наивность и уверенность в непогрешимости красных вождей была типичной для части русской интеллигенции в первой половине 20-х годов. Многие специально пытались успокоить свою совесть. В заключение этой знаменательной беседы Никольский всё же сказал: «Я не могу оправ-

¹ В рукописи сначала напечатано «негромко», затем исправлено на «глухо», что, вероятно, точнее передавало эмоциональное состояние П. В. Никольского.

дывать этих людей, но понять их я обязан». К сожалению, понял слишком поздно.

Вероятно, зимой 1920/21 года П. В. Никольский перешёл на работу из мужской гимназии Волошенко в мужскую гимназию Жировых. Основанная в 1915 году, именно в это время гимназия была преобразована в ОПШ. При П. В. Никольском школа стала переходить на новые методы обучения. По воспоминаниям старейшего преподавателя ОПШ Петра Васильевича Маслова, излюбленным методом педагогической деятельности стал экскурсионный. Это было не случайно. С 14 по 19 декабря 1924 года в Москве проходила II Всесоюзная конференция по краеведению. Она оказала очень большое влияние на развитие исторического, археологического и краеведческого движения в том числе в Крыму. На заседании ТОИАЭ 1 марта 1925 года П. В. Никольский выступает с большим докладом о принципах построения краеведческой работы в Крыму. Эти принципы он успешно воплощал в жизнь.

При помощи экскурсий пополнялись и расширялись знания по отдельным предметам школьного курса. Данная работа впоследствии была оформлена в нескольких статьях и сборниках школьных экскурсий под редакцией П. В. Никольского [11].

Первой экскурсией стали прогулки по разным районам Симферополя, прежде всего по Старому городу, населённому татарами, евреями, армянами, греками, караимами, цыганами [12]. Обращал внимание педагог на скученность построек, ничтожные размеры земельных участков при домах, почти полное отсутствие зелени, многочисленность микроскопических лавочек и кустарных мастерских. Эти мастерские — жестяные, посудные, табачные — ученики посещали в специальной экскурсии: знакомились с производством, особенностями труда, расспрашивали работающих людей, как они живут. Они писали сочинения на тему увиденного, Пётр Васильевич поправлял их, рассказывал об исторической обусловленности именно такого образа жизни.

Далее — знакомство с административной частью города. По её чистым прямым улицам уже давно ходил трамвай, один из первых в провинциальной России. Вдоль улиц стояли аккуратные, как правило, одно- и двухэтажные дома. Довольно много было зелени, скверов, большой парк, многочисленные деревья у тротуаров, преимущественно белая акация. Затем экскурсия по новейшей части города с его многочисленными особняками, называвшаяся «Новый город». Эта часть была самой зелёной. По воспоминаниям современников, могучие каштаны росли выше крыш трёхэтажных домов. Как раз там и находился дом Жировых, в котором помещалась

Здание гимназии супругов Жировых на улице Луговой (ныне улица Богдана Хмельницкого, 30)

школа. Знакомство с собственным городом продолжалось весь учебный год. Экскурсии в ближайшие окрестности Симферополя были построены по следующему принципу. Посещались и русские сёла, и татарские селения, и немецкие слободы, бедные помещичьи усадьбы, к тому времени ещё сохранявшиеся, и благоустроенные, в частности имение Кеслер на Алуштинском шоссе.

Б. А. Петрушевскому, одному из любимых учеников П. В. Никольского, запомнились его совместные с Петром Васильевичем экскурсии по Симферополю. Начинались они обычно в 10 часов вечера и заканчивались после полуночи. Во время этих экскурсий педагог рассказывал об истории города, выдающихся людях, его посетивших. С особым жаром говорил Никольский о создании в 1918 году в Симферополе университета, о его выдающихся преподавателях, волею судеб заброшенных в Крым. Очень лестно отзывался он и об Арсении Ивановиче Маркевиче, известном крымском историке, «стариннейшем» симферопольце, как он его называл. Естественно, речь заходила и о Константине Андреевиче Тренёве, который был другом литературного критика Абрама Петрушевского, отца автора воспоминаний. К тому же сын Тренёва поступал в тот же класс, что и Борис Петрушевский.

Главным объектом школьных экскурсий и научно-исследовательской работы школьного коллектива в это время являлось село Саблы (ныне Партизанское). Экскурсии обычно подготавливались ранней весной, а иногда и зимой. Устраивались педагогические совещания, на которых подробно разрабатывался и обсуждался план экскурсий. Для определённого предмета намечалось своё особое задание, которое должен был детально разработать каждый

преподаватель — участник экскурсии. Кроме того, проводилась подготовительная работа с учениками. Благодаря усилиям В. П. Никольского, установившего тесные связи с крестьянами села Саблы, те охотно помогали учащимся во всех начинаниях. Особенно в этом отношении выделялось семейство крестьянина А. А. Забияченко и Белоцерковского, местного представителя широко развитого здесь гончарного дела. Обычно выезд в Саблы осуществлялся в мае и организовывался так, чтобы учебный процесс не прерывался. Из каждого класса выделялось по несколько учеников, которые и составляли экскурсионный коллектив. Все они делились на бригады, получавшие определённое задание. На время экскурсии составлялось специальное расписание уроков. Вывозили свою кухню с продуктами, которые нельзя было достать в деревне, и брали с собой даже техническую служащую, выполнявшую обязанности кухарки. Все двенадцать километров, отделявшие Саблы от Симферополя, ученики шли походным порядком. Их сопровождала повозка с багажом, на которой сидели пожилые преподаватели и слабые ученики, а также все, кто нуждался в отдыхе. По приезде в Саблы план экскурсионной работы уточнялся с А. А. Забия-

ченко, человеком толковым и грамотным, хорошо знавшим эту местность.

Бригаде русского языка и литературы, например, поручалось изучить особенности местного наречия, записать наиболее характерные слова, производные общеупотребительных слов и своеобразных предложений. Ставились и этнографические задачи: наблюдать и изучать «внешний вид и внутреннюю обстановку жилищ, местные обряды, особенно связанные с сельскохозяйственным трудом и распространённым в Саблах гончарным производством, особенности одежды местных жителей, детские игры и их происхождение, собрать и записать произведения местного фольклора и, наконец, поупражняться с учащимися в составлении описания местных картин природы, пользуясь изобразительными средствами речи в том именно плане, какой подсказывался... местными жителями» [13]. Собранный материал подытоживался, обобщался, снова намечался конкретный план работы на следующий день. Там, где это было необходимо, ученики делали зарисовки. Затем они обрабатывались и художественно оформлялись под руководством академика Николая Семёновича Самокиша, преподавав-

Во дворе школы Жировых на улице Луговой. В третьем ряду четвёртый справа — П. В. Никольский, рядом с ним — А. И. Жирова. 1925 г.

шего тогда в школе № 9 рисование. Устраивались и выставки обнаруженного материала, проводились итоговые конференции, к которым учащиеся готовили работы.

Как особую разновидность экскурсионной работы следует упомянуть участие учеников школы в археологических раскопках, производившихся в окрестностях Симферополя местными и приезжими археологами. Большую роль среди последних играл Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский, в первые годы советской власти заведовавший отделом охраны памятников искусства и старины Крымского облисполкома. Во время этих раскопок учащиеся не только участвовали в самой работе, но и учились у руководителя датировать найденные предметы. Ученики очень любили эту работу, интересовались ею, а некоторые, пройдя ещё в школе хорошую практику, выбирали специальность археолога. Наиболее известным среди них был Сергей Николаевич Бибииков, впоследствии член-корреспондент Академии наук Украины.

После окончания Гражданской войны раскопки в Крыму проводились Центральным музеем Тавриды [14]. Исследовались палеолитические памятники:

в 1923 году — пещера Кош-Коба, а в 1924-м — соседняя Киик-Коба. Руководили раскопками Николай Львович Эрнст, Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский и Сергей Иванович Забнин. Участие в организации экспедиции принимал также Пётр Васильевич Никольский. Следует отметить комплексные экскурсии в музей Тавриды, проводившиеся преподавателями литературы и рисования.

Запомнились учащимся и экскурсии, организованные к подножию горы Чатырдаг со сталактитовыми и сталагмитовыми пещерами, экскурсии в город Бахчисарай и Чуфут-Кале, на Неаполь Скифский и в пещеру Чукурча. Особо запомнилась экскурсия в Бахчисарай в начале 20-х годов. В то время это был оживлённый азиатский город, которого европеизация коснулась лишь на окраинах [15].

По воспоминаниям Б. А. Петрушевского, благодаря экскурсиям П. В. Никольского даже учащиеся, происходившие из интеллигентных семей и знакомые с историей Крыма с детства, увидели родной для них полуостров совсем в ином свете и вновь открыли его для себя.

Пётр Никольский часто посещал с учениками музей, спектакли в театре имени М. Горького, а затем

Выпуск ОПШ 1926 года.

Выпуск ОПШ 1926 г. Стоит четвёртый слева П. В. Никольский. Сидят слева направо: П. В. Маслов, А. С. Дойч, Р. Ф. Гершельман, Н. С. Самокиш, Ю. Н. Защук, неизвестная, Ф. Ф. Папе, К. Р. Шамиула

разъяснял значение каждой пьесы. Петрушевский отмечал, что педагогический талант и авторитет Никольского особенно ярко проявился после драки детской банды беспризорников с учениками ОПШ. Пытаясь разобраться в случившемся, Пётр Васильевич сам направился в логово банды. Найдя виновного — главаря банды, он переговорил с ним по душам и повёз к себе домой вместе с тремя товарищами для примирения с учениками. Вскоре и «дружки» главаря перешли на сторону педагога. Подготовив семью пострадавшего ученика и педагогов, а также мнение самих учащихся, Никольский добился примирения. Благодаря его таланту ребята не только помирились, но и стали друзьями, нашли общие интересы в футболе. С этого времени «бетонная» банда распалась.

Вероятно, в конце 1929 года Никольский ушёл из ОПШ. С одной стороны, школа переходила на новые методы «производственного обучения», где для экскурсий директора-краеведа уже не было места, с другой — его педагогический талант и известность как краеведа переросли рамки школьного обучения. В 1930 году Пётр Васильевич стал доцентом кафедры методики краеведения Симферопольского пединститута. В 1930–1931 годах он — научный сотрудник Крымплана по социально-культурной

секции и одновременно научный сотрудник первого разряда на кафедре истории Крымского научно-исследовательского института.

В марте 1931 года Никольский был арестован за связи с высланными в Симферополь в административном порядке эсерами и меньшевиками. Три года административной высылки он отбыл в Воронеже, где сблизился с бывшими однопартийцами. В архиве Б. А. Петрушевского сохранилось письмо П. В. Никольского, написанное из Воронежа. К страданиям нравственным добавлялись страдания физические, приходилось ложиться в психиатрическую больницу.

В 1934 году он возвращается в Симферополь, работы найти не может, перебивается частными уроками, готовит к печати книгу «Прошлое Крыма». Однако в 1937 году вновь был арестован и приговорён к заключению на 10 лет в исправительно-трудовой лагерь. Одной из причин этого стали пророческие слова, произнесённые после убийства Кирова: «*Это убийство — акт безумия. Стрелявший принёс больше вреда не большевикам, а всем нам, находящимся на подозрении у большевиков. Этот выстрел резко ухудшит положение всех тех, кто находится в ссылках и изоляторах, кто на плохом счету у ГПУ*» [16].

Выпуск ОПШ 1928 г. В центре — П. В. Никольский

Проводы на пенсию Н. С. Самокиша. 1927 г. Стоят слева направо: П. В. Маслов, Р. Ф. Гершельман, А. С. Дойч, М. Я. Харченко, Д. Г. Клеберг. Сидят: школьный врач, Ф. Ф. Пале, Ю. Н. Зацук, Н. С. Самокиш, А. О. Стефанская, Н. А. Алексеева. Внизу: М. Е. Миллер, В. И. Кефели, П. В. Никольский. Справа наверху: Е. И. Кефели. Слева внизу: С. Б. Ефетов

Последнее известие о П. В. Никольском — жалоба на несправедливость приговора, поданная на имя Берии из Советской Гавани (Хабаровский край) 1 августа 1940 года [17].

28 ноября 1989 года по материалам следственного дела П. В. Никольского прокуратурой Крыма было вынесено заключение о его полной невиновности.

1. *Филимонов С. Б.* Тайны судебно-следственных дел. Симферополь, 2000. С. 70–72.

2. *Ушатая Р. И.* Ведомственные библиотеки Симферополя XIX — начала XX века // *Культура народов Причерноморья*. Т. 2. Симферополь, 1998. С. 30–35.

3. *Попов А. Д.* Пётр Васильевич Никольский — организатор краеведческих экскурсий учащихся Крыма (20-е гг. XX века) // *Збірник наукових праць Харківського національного педагогічного університету ім. Г. Сковороди*. (Серія «Історія та географія»). 2007. Вип. 25–26. С. 227–229.

4. *Петрушевский Б. А.* Воспоминания об Опытноподказательной школе и её главном учителе (рукоп.) // *Архив Общественного музея гимназии № 9 г. Симферополя*. № 28.

5. *Петрушевский Б. А.* Указ. соч. С. 10.

6. История средней школы № 9 (рукоп.) // *Архив Общественного музея гимназии № 9 г. Симферополя*. № 1. С. 15.

7. *Филимонов С. Б.* Хранители исторической памяти Крыма. Симферополь, 2004. С. 119.

8. *Ушатая Р. И.* Указ. соч. С. 34 ; *Гарагуля В. К.* Библиотека ТУАК–ТОИАЭ // *Таврика* : 125 лет основания краеведческой библиотеки Крыма. Симферополь, 1998. С. 14–15.

9. *Филимонов С. Б.* Хранители исторической памяти... С. 169.

10. *Филимонов С. Б.* Хранители исторической памяти... С. 180.

11. *Никольский П. В.* Бахчисарай. Культурно-исторические экскурсии. Симферополь : Крымохрис, 1924 ; *Никольский П. В.* Бахчисарай. Вып. 2 : Чуфут-Кале. Салачик. Симферополь : Крымохрис, 1924 ; *Никольский П. В.* Из практики краеведческой работы Опытной школы НКП // *Педагогическая жизнь Крыма*. 1925. № 9/10. С. 55–62 ; *Никольский П. В.* Из практики краеведческой работы Опытной школы Крымнаркомпроса (продолжение) // *Пути коммунистического просвещения*. 1926. № 1. С. 44–52.

12. *Никольский П. В.* Симферополь и его окрестности. Историко-археологические экскурсии. Симферополь : Крымиздат, 1923.

13. История средней школы № 9 (рукоп.) // *Архив Общественного музея гимназии № 9 г. Симферополя*. № 1. С. 17.

14. *Никольский П. В.* Саблы. Очерк из истории русской колонизации в Крыму // *Педагогическая жизнь Крыма*. 1925. № 6. С. 17–32.

15. *Никольский П. В.* Бахчисарай. Культурно-исторические экскурсии. Симферополь : Крымохрис, 1924 ; *Никольский П. В.* Бахчисарай. Вып. 2 : Чуфут-Кале. Салачик. Симферополь : Крымохрис, 1924.

16. *Попов А. Д.* Указ. соч. С. 72.

17. Там же.

В. В. Орехов

Фронтальная переписка Героя Советского Союза Абдуля Тейфука (по документам из фондов музея истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского)

Перевод с крымскотатарского языка Ш. Э. Юнусова

Абдуль Тейфук родился 24 декабря 1915 года в Партените в семье ветерана Русско-японской войны. У Тейфука было двое братьев (Али и Мустафа) и три сестры (Васфие, Фатъма и Лютфие). После смерти отца в 1921 году шестерых детей воспитывала мама (Айше).

Как следует из автобиографии, в 1932 году Абдуль Тейфук окончил семилетку и поступил в Ялтинский педагогический техникум. По окончании техникума, с 1935 по 1937 год, работал сельским учителем в селе Ускут (ныне Приветное), с 1937 по январь 1938 года — заведующим начальной школой в селе Куру-Узень (ныне Солнечногорское), с января 1938 по ноябрь 1939 года — школьным инспектором в отделе народного просвещения Алуштинского района. Работу Абдуль Тейфук совмещал с дальнейшим обучением: в 1935 году поступил в Крымский пединститут имени М. В. Фрунзе (ныне Таврическая академия КФУ имени В. И. Вернадского), который окончил в 1939-м. В том же году был призван в армию. 12 июня 1941-го окончил Орловское военное пехотное училище. На фронте — с первого дня войны. Воевал на Западном, Юго-Западном, Калининском, Донском, Степном и 2-м Украинском фронтах. Прошёл путь от рядового до командира

батальона. Пять раз был ранен, дважды — тяжело. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, медалями. Звание Героя Советского Союза присвоено 20 декабря 1943 года за мужество, проявленное в боях за Днепр. В битве за Днепр Абдуль Тейфук командовал 2-м стрелковым батальоном 175-го гвардейского стрелкового полка 58-й гвардейской стрелковой дивизии 57-й армии.

Приведём выдержку из наградного листа, составленного командиром 175-го полка гвардии полковником В. И. Былинкиным: «Тов. Абдуль, командуя

Абдуль Тейфук

2 стрелковым батальоном, произвёл 24 и 25 сентября 43 г. умелый манёвр, в результате чего упорное сопротивление противника в р-не Шульговки и Яковлевки Петриковского р-на Днепропетровской области было сломлено. Полк продвинулся вперёд на 10–12 км и прочно закрепился на левом берегу Днепра. 26.9.43 г., имея уверенность в победе и располагая подручными средствами для переправы [Абдуль Тейфук] форсировал р. Днепр без потерь в личном составе и закрепился на Пушкарёвском острове, организовал очистку и броском под прикрытием дымовой завесы с батальоном достиг восточной окраины с. Пушкарёвка.

Благодаря этому полк имел основательный плацдарм на правом

берегу р. Днепр для развития дальнейшего наступления на г. Верхнеднепровск.

В результате ожесточённых боёв было уничтожено до 750 солдат и офицеров противника, 12 миномётов, 42 лёгких и танковых пулемётов, 800 винтовок и выведены из строя 2 орудия».

Сухие формулировки рапорта не могут в полной мере передать современному читателю драматизм тех событий. Потому стоит прибавить несколько подробностей.

1. Захват 2-м батальоном Пушкарёвского острова был вопросом жизненно важным, поскольку позволял значительно обезопасить переправу всего 175-го полка (в том числе техники) на правый хорошо укрепленный противником берег Днепра.

2. «Подручные средства», о которых упомянул полковник В. И. Былинкин и которые позволили Абдулю Тейфуку без потерь добраться до острова, представляли собой не специально подготовленные приспособления, а зарядные ящики и брёвна, наспех собранные в округе и обеспечившие скрытную переправу бойцов.

3. На острове размещался гарнизон противника, который был истреблён переправившимся батальоном Абдуля Тейфука — до единого солдата.

4. Батальон Абдуля Тейфука, не имея достаточного снабжения, оборонял остров 18 суток.

5. Оборона острова от десанта противника перерастала порой в рукопашные схватки, во время которых Абдуль Тейфук воодушевлял подчинённых собственным примером.

6. Дымовая завеса, организованная перед атакой 2-го батальона на восточную окраину села Пушкарёвка, была инициативой самого комбата и единственной возможностью вытеснить с позиций превосходящие силы противника.

7. После описанных сражений в батальоне Абдуля Тейфука в строю оставалось 12 бойцов.

Даже после столь значительных потерь батальон не был расформирован. Он пополнился бойцами и продолжил путь на запад. Командир батальона после днепровских боёв окажется в госпитале, но потом снова вернётся на фронт.

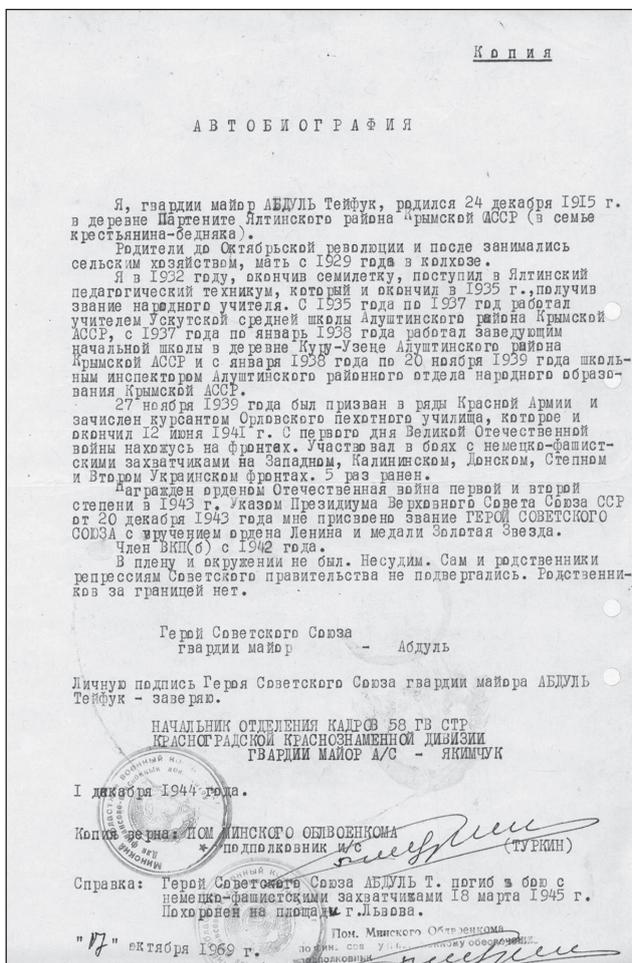
В марте 1945 года на территории Германии командир батальона гвардии майор Абдуль Тейфук лично возглавил разведгруппу. Во время этой операции, 18 марта, он погиб вместе со своими бойцами.

Могила Абдуля Тейфука находится во Львове на Холме Славы¹.

У Абдуля Тейфука остались жена, Мария Степановна Кочкина, и сын Юрий. Мария была лейтенан-

Абдуль Тейфук с сёстрами. Справа — Лютфия

Автобиография Абдуля Тейфука

¹ Биография Абдуля Тейфука реконструирована по следующим источникам: Герои Советского Союза: краткий биографический словарь в двух томах. М., 1987–1988. Т. 1. С. 18; *Рокотов Г. Н.* Холм Славы: путеводитель. Львов, 1974. С. 61–63; *Юрьев П.* Отвлекающий манёвр // Звёзды немеркнувшей славы: Очерки о крымчанах — Героях Советского Союза. Симферополь, 1984. С. 20–24; *Велиев А.* Герои бессмертны. Крымские татары во Второй мировой войне. Т. 1. Симферополь, 2009. С. 62–67; *Пупкова Н.* Три освободителя // Крымская правда. 2014. 28 окт. (№ 196). С. 3; Боевой путь Абдуля Тейфука. URL: <http://anaurt.com/qrt/boevoy-put-abdul-teyfuca>; Наградной лист на звание Героя Советского Союза. URL: <http://pobeda.oper.ru/news/read.php?i=105160625>.

Абдуль Тейфук и его родные: слева — брат Али, в центре — дядя Тейфука, справа — Тейфук, вверху — сёстры (в берете — Лютфие)

том медицинской службы, начальником медицинского пункта полка и стрелковой дивизии Юго-Западного фронта². Видимо, знакомство Абдуля и Марии состоялось на фронте и свадьба прошла в боевых условиях. 12 июня 1944 года у молодожёнов родился сын Юрий, которого Абдуль Тейфук так и не успел увидеть.

Юрий Абдуль по примеру отца стал военным, полковником медицинской службы, доктором медицинских наук.

В мае 2010 года Юрий Тейфукевич Абдуль и его сын Темир посетили родной для Абдуля Тейфука Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (бывший Крымский пединститут имени М. В. Фрунзе, ныне Таврическая академия КФУ имени В. И. Вернадского).

В том же году по инициативе ректора ТНУ Н. В. Багрова у вуза установились крепкие связи с той ветвью семьи Абдуля Тейфука, которая ныне живёт в селе Добром Симферопольского района. Племянница Абдуля Тейфука, Алиме Исмаилова, передала в музей истории ТНУ ряд уникальных документов из семейного архива: восемь подлинников писем, открывающих нам подробности биографии Абдуля Тейфука; оригинал похоронного свидетельства от 4 мая 1945 года, отправленного матери Абдуля Тейфука; более двух десятков фотографий, среди которых есть и фронтовые фотографии Абдуля Тейфука.

Располагая этим бесценным архивом, мы сочли своим долгом ознакомить читателей с содержанием

перечисленных документов, сохраняя особенности лексики, по возможности — грамматические обороты и знаки препинания, использованные в письмах.

Письмо матери и сестре (без даты)¹

Здравствуйте, дорогая мамочка и сестрёнка Лютфие!

Передавая свой тёплый привет Вам и всем остальным — сестре, зятю, семье дяди (по отцу. — Ш. Ю.), Али ага и всем соседям, сообщаю, что чувствую себя прекрасно.

Мама, если спросите обо мне, то знайте, что я чувствую себя очень хорошо и «работую» как и прежде.

После того как выписался из Рязанского госпиталя, был отправлен на Запад. Однако на этот раз нахожусь вдали от врага. Вы за меня не беспокойтесь. Буду писать по мере изменения адреса.

Мама, как только получите это письмо, отступите телеграмму. Не знаю, получите Вы мои письма или нет. Я свой денежный аттестат или 2/3 своих денег переписал на твоё имя. Однако не ведаю, получили ли Вы моё заказное письмо с денежным аттестатом. Если получите, то ежемесячно, начиная с сентября месяца, получайте по 500 рублей. Кроме этого, я отправил 2100 р. из города Рязани. Всего я Вам передал 3 денежных перевода. Отвечая на это письмо, сообщите, сколько денежных переводов Вы получили. На этом своё короткое письмо заканчиваю тёплым приветом... [Ввиду ветхости бумаги и особенностей почерка отдельные слова не прочитываются.]

Из Рязанской области. До востребования Абдуль Тейфук³.

[Приписано сбоку страницы.] *Если не сможете получить отправленный мной денежный аттестат и 2100 руб. денег, сделайте запрос в Рязанский обл. военкомат, поскольку о своём обратном адресе я оповестил Рязан. обл. военкомат.*

Письмо Абдулю Тейфуку от Хатидже Мазиновой⁴ (27 октября 1943 г.)

Привет из Казахстана!

Здравствуй уважаемый воин нашей славной Красной Армии, герой Отечественной войны Тейфук, «Кардашим»⁵!

² Ишутин О. С. Из истории медицинской службы Минского Суворовского военного училища. В связи с 60-летним юбилеем училища // Военная медицина. 2013. № 4. С. 146–152.

³ Текст письма приводится в переводе с крымскотатарского языка.

⁴ Мазинова Хатидже (1911–1990) — педагог, участник национального движения крымских татар.

⁵ Корень слова «кардашим» является общим для многих тюркских народов, буквально — «единоутробник». Так, у ногайцев «кардаш» — «родственник», «брат», «младший брат»; у казахов «кардаш» — «брат»; у крымских татар «кярдаш» — «брат (младший)», «сестра (младшая)» (Отаров И. М. Основные проблемы лексикологии карачаево-балкарского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.06. Нальчик, 1997. С. 25). Слово «кардашим» заимствовано либо из турецкого языка (Kardaşım — «брат»), либо из азербайджанского (Qardaşım — «брат»). В обоих языках «кардашим» зачастую используется в качестве обращения «брат». Учитывая ситуацию, описанную далее в письме, логично предположить, что адресант Абдуля Тейфука, недавно побывав в Азербайджане, заимствовала слово именно из азербайджанского языка.

Поздравляю тебя [с] правительственной наградой и военным званием и желаю ещё больших успехов в твоей военной жизни.

Толя! Я твоё письмо получила 22/X.43 г. и очень-очень обрадовалась. Давно от тебя письма не было. Но я от Нариджан знала, что ты жив-здоров. Я тоже жив[а]-здорова[а].

Толя! мне пришлось очень много пережить. Нам пришлось отступать очень [неразб.]. Немец был 18 км [неразб.]. Чтобы не остаться у зверей, я шла пешком 500 км. Вещей у нас не было. Словом, что было у меня и брата, в том и вышли. Но не дала догнать зверям. В Баку жили 5 дней. Тогда 3 раза звонила в Агдам⁶ узнать об Ахмедовой и поехать к ним жить. Не удалось, и переплыла Каспий — доехала до Юж. Казах. области. Устроилась на работу в д/дом и так работаю. Воспитываю одних мальчиков. Их у меня 36 человек. Работаю днём и ночью, чтобы вырастить и воспитать смелых здоровых воинов. Это письмо пишу в корпусе мальчиков. Они спят — я дежурная и от радости сижу до 2-х часов, пишу письмо другу.

Толя, твоя последняя фраза в письме от 10.9.43 меня очень напечалила. Вот она: «Катя! Если этот раз тоже от тебя письма не будет, то все с вами. Толя». Нет, Толя, ещё не все со мной. Ведь наша дружба — настоящая длительная комсомольская дружба. Она родилась на основе общественной политической жизни нашей страны в мирное время и растёт в дни Отечественной войны. Наша дружба

Абдуль Тейфук в госпитале.
Слева — капитан Афанасьев. 1944 г.

должна помогать и помогает в деле разгрома проклятого врага и победы над фашизмом. Так, Толя! Со мной ещё не все. Мне тоже очень радостно от тебя из фронта письмо получить.

В этом ни я, ни ты не виноваты. Виновата война. Я очень много писала и 3 раза фото послала. Видно, до тебя не дошло. Но я [за] тебя спокойная была. Каждый месяц от Нариджана получала письмо, и [в] каждом письме твой новый адрес был, и [по] каждому адресу я писала 3–4 письма.

Я получаю письмо от Хайрулаева⁷, Джеллилева Ифта⁸ — зав. райфо Алушты. Они находятся в г. Сочи. Адрес ихний [неразб.] Кавказ, Сочи, Крымсовнарком, такому-то.

Письмо получила от Салиева — [в] данное время в армии. В г. Сочи прибыли из Крыма партизаны, и они очень жуткие вещи рассказывают. И наши крымские писатели находятся в г. Сочи, сочинили стихи. На следующем письме напишу ихние тексты.

Тейфук! Как освободим Крым, я дам телеграмму Васфие апте⁹, что ты жив-здоров, и дам твой последний адрес.

Тейфук, «Кардашим»! [Далее текст письма приводится в переводе с крымскотатарского.] Я была уверена в том, что на твоей груди будет государственная награда. Эту награду ты должен был получить в 38 году, однако из-за неповоротливости районных организаций она задержалась (учительская награда).

Абдуль Тейфук с майором Худеевым. Март 1945 г.

⁶ Агдам — город в Равнинном Карабахе, неподалёку от Степанакерта.

⁷ Хайрулаев (Хайруллаев) Исмаил (Изет) родился в 1907 г. в селе Сейтлер-Вакуф (ныне село Разливы Нижнегорского района), умер в 1980 г. в Сухуми. Был председателем Алуштинского райисполкома. В декабре 1943 г. с Большой земли был заброшен в леса Крыма, стал комиссаром 22-го отряда 6-й бригады, затем комиссаром 4-й бригады Южного соединения партизан, член Крымского штаба партизанского движения, отличился в боях (Мальгин А. В. Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос». 1941–1944 гг. Симферополь, 2009. С. 112, 143, 170 ; Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Кн. 3. Симферополь, 2006. С. 17).

⁸ Джеллилев Ифта с 1937 г. возглавлял финансовый отдел Алуштинского райисполкома (райфо Алушты), после войны был в Средней Азии одним из активистов национального движения крымских татар (Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым. Кн. 3. Симферополь, 2006. С. 17), похоронен в селе Чистеньком Симферопольского района.

⁹ «Апте» — в переводе с крымскотатарского «старшая сестра». Речь идёт о сестре Абдуля Тейфука.

Тейфук, если можно, сфотографируйся в новой форме и отправь мне. Я все свои новые фотографии тебе переслала. Получили? Для более близкого знакомства с Нариджан отправила фотографию и ей. Скоро отправлю ещё одну, хотя и не очень красивую. А ты обязательно перешли. Письмо, отправленное тобой из Солнечногорска, до сих пор лежит. Как только поеду в Крым, передам твою фотографию твоей семье.

Жизнь моя идёт своим чередом. Прошлый год выдался сложным. Огород вспахала. Наши д/дом богатый. Нет никакой информации ни от сестры, ни от родных. В Советском Союзе остались только мы с тобой (из родных). Живём победами нашей Красной Армии.

Тейфук! С учётом времени доставки твоего письма ты, видимо, находишься весьма далеко от меня. Письмо шло 40 дней. Если не ошибаюсь, ты уже близко к Берлину [строка не прочитывается, поскольку изогнута бумага]. Я очень хочу вернуться в Крым. Каждый день во сне вижу Крым. А я тебя ещё до получения письма видела в белом одеянии в нашем Алуштинском доме, читающим газету.

Тейфук! Я знаю, что тебе, наверняка, некогда читать письма. Но очень прошу, подробно напиши о себе, о здоровье и изменениях в твоей жизни, пиши, не стеснясь (подробно напиши о награде). Скорее напиши письмо.

Заканчиваю писать, сестра Хатидже Мазинова.

[Дописано сверху последней страницы.] Передавай мой пламенный привет всем-всем бойцам, командирам и т. д.

**Письмо Абдулю Тейфуку
от сослуживца Тантана Ниязи
(29 декабря 1943 г.)**

Привет из фронта.

29.12.43 г.

Добрый день, дорогой брат Анатолий! Во первых строках своего письма я хочу вам написать несколько слов о своём здоровье. Я пока жив и здоров. Желаю тебе такого здоровья, которое имею я в настоящее время. Анатолий! От души поздравляю вас с высокой правительственной наградой. С присвоением вам звания (Герой Советского Союза) с вручением Ордена Ленина и медали Золотой Звезды. Так, на вечере встрече Героев я заменял тебя, напился до пьяна — за ваше здоровье. Скорей выздоравливайся.

Анатолий, первой по списку в газете — твоя фамилия, которое (так в тексте. — В. О.) мне очень обрадовало.

Абдуль Тейфук (справа) и Тантана Ниязи.
Германия. Весна 1945 г.

Анатолий! Сегодня, 28 числа, мы выслали конника до Маруси¹⁰, чтобы получить адрес твой. Вот Шаповалов мне адрес [дал], и я сейчас уже пишу тебе письмо.

Абдуль! Напиши, какова (так в тексте. — В. О.) у вас сейчас здоровья; пропиши, как можешь.

Губанов и Усеев выехали учиться, теперь совсем другие люди. Да, Тейфук, немного не дождал, мы бы погуляли вместе. Позавчера пришлось делать (Янтых¹¹) и долго тебя вспоминали за столом.

Абдуль, я сейчас живу хорошо. Мне на днях из самого высшего хозяйства для того, чтобы [мне] перейти к ним. Два дня спорили, а Былинкин¹² не отпускает. Он им сказал: если его от меня берёте, то убирайте и меня отсюда.

На этом я думаю кончить своё маленькое письмо и желаю тебе хорошей встречи нового 1944 года, [в] который будет окончательный разгром гитлеровской банды и очищение от немецкой нечисти солнечной горы (Аюдага); ещё мы с тобой придём, и нас будут неожиданно принимать [как] самых дорогих гостей. Пока всего хорошего!

С приветом твой двоюродный брат
Тантана Николай
ТН 59217

**Письмо Абдулю Тейфуку от личного состава
операционного взвода (без даты)**

Привет Герою Советского Союза гв. капитану Абдуль Тейфук!!

Тов. Абдуль, мы получили письмо, написанное Вами 23/XII.43, которое нас очень обрадовало, и мы от всей души благодарим Вас, наш дорогой герой.

¹⁰ Возможно, речь идёт о Марии Степановне Кочкиной, жене Абдуля Тейфука.

¹¹ Янтых (янтых) — традиционное блюдо крымских татар: чебуреки, приготовленные на сухой сковородке.

¹² Былинкин В. И. — гвардии полковник, командир 175-го гвардейского стрелкового полка.

Мы очень рады, что Вы не забыли наш единый операционный взвод. Нас очень обрадовало и до глубины души взволновало известие о присвоении Вам Правительством такого высокого звания. Оно по заслугам оценило ваши героические подвиги, которые Вы совершили в боях за свою любимую Родину с извергами рода человеческого. Желаем Вам, наш дорогой герой, быстрейшего выздоровления и скорого возвращения к нам, в нашу родную дивизию, для того чтобы снова вместе с нами в одних рядах окончательно добить фашистского зверя.

Весь личный состав нашего взвода просит Вас написать нам письмо, где сообщить о Вашем здоровье. Жизнь нашего батальона и взвода имеет большие изменения, обо всём этом расскажем Вам [далее строка была зачёркнута карандашом другого цвета, а потом вырвана из письма]...

Тов. Абдуль, прошу по улучшению состояния здоровья выехать в солнечную Грузию в г. Лагодехи¹³ и вместе с моим отцом поднять бокал и произнести тост за наши общие славные дела, за любимого вождя т. Сталина, за славный и кропотливый труд тыла, а также выпить за наш операционный взвод, за его работу по оказанию помощи раненым бойцам и командирам Кр. Армии.

Будьте здоровы. Крепко жмём Вам руку.

С приветом к Вам: [далее следуют 15 подписей].

Письмо Абдулю Тейфуку от сослуживца (12 января 1944 г.)

Здравствуй друг!

Далеко ты сейчас от нас... От всей души поздравляю тебя с заслуженной славной наградой!

Очень часто приходится вспоминать прошедшее. Жаль, что мало пришлось побыть вместе.

Уже по[во]евал немного с твоими друзьями: Усевым, Губановым. Не обижайся, а Усеев[у] далеко от толкового, настоящего командира. Преобладающие личного, перенесение личных обид на подчинённых, зазнайство. Положительное — смелость и кое-что другое, но всё это недостаточно для него. Правда, я не могу ничего плохого сказать о его отношении ко мне. Он меня уважал. Сейчас они оба далеко отсюда — в Москве. В б[атальо]нах все новые. Мне пришлось оставить б-н. Сейчас парторг полка. Кое-что узнал, увидел неприятное. Об этом в следующий раз.

Былинкину теперь намного труднее будет продвигаться. (Говоря о нём, я невольно вспоминаю последние часы, когда ты был ранен.) Чувства к нему как к командиру после этого у меня изменились. О его заместителях — тоже оставим до следу-

ющего письма. Обидно было, что никто не разрешил добраться до тебя, когда ты ещё был в МСБ.

На характер моей работы не могу обижаться, ничего не поделаешь, как говорится — партийная работа, но на кое-кого из начальства — надо бы снизить их в должности. Не заслуживают. Бестолковы и не задумываются над тем, что делают.

Обстановка... О ней Маруся подробнее расскажет.

А теперь прошу сообщить, как ты живёшь, чувствуешь себя. Если бы точно знал, что ты скоро будешь в Тбилиси, кое-что передал бы.

Желаю всего наилучшего.

Выздоровлявай.

Когда-нибудь да свидимся.

С плам[енным] др[ужеским] приветом

Шав [неразб.]

12.1.44. Пиши. Жду.

Р. С. Ещё по твоим рекомендациям принимаем в партию.

Как память храню твой пистолет, единственное, что осталось после тебя. Чуваев (твой ординарец) уже награждён, сам я подписывал боевую характеристику.

Письмо Абдуля Тейфука матери, брату и сёстрам (16 декабря 1944 г.)

Здравствуйте, дорогие родные: мама, брат и сёстры.

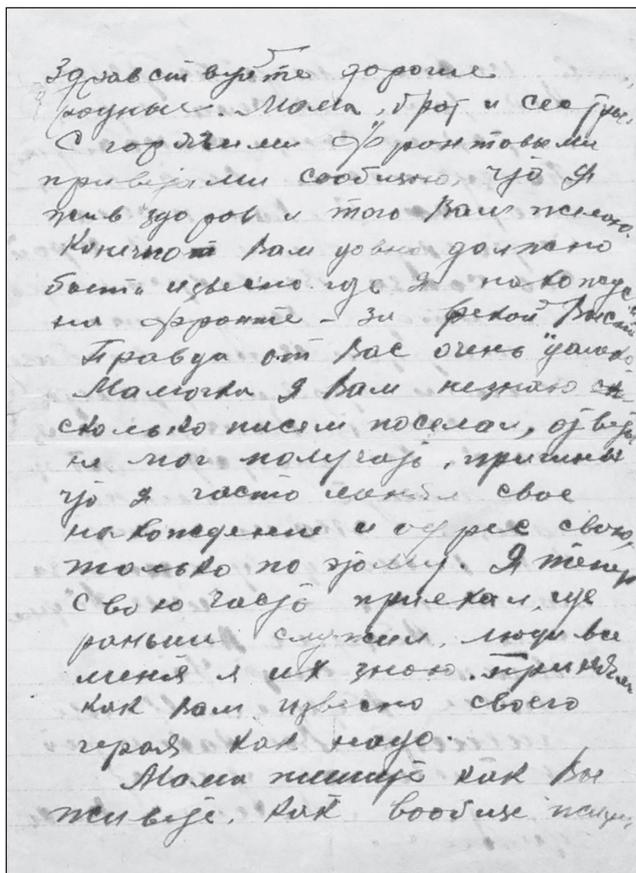
С горячим фронтовым приветом сообщаю, что я жив-здоров и того Вам желаю. Конечно, Вам давно должно быть известно, где я. Я нахожусь на фронте за рекой Вислой. Правда, от Вас очень далеко.

Мамочка, я Вам, не знаю, сколько писем послал. Ответы не мог получать [по] причине, что я часто менял своё нахождение и адрес свой, только поэтому. Я теперь [в] свою часть приехал, где раньше служил. Люди все меня [знают], и я их знаю. Приняли, как Вам известно, своего героя, как надо.

Мама, пишите, как Вы живёте, как вообще жизнь в новом месте жительства. Как к Вам как к семье Героя Советского Союза относятся. Пользуетесь ли Вы военторгом? Я Вам послал справку о том, что я Герой Советского Союза. Вы закрепляетесь за военторгом. Вы должны [получать] по твёрдой цене. Вообще, семьям героев-фронтовиков отпускают каждый м-ц паёк. Вы пользуйтесь от этого.

Вы пишите письма почаще. Мама, пишите, как Ваши документы заполняются: Айше Абдуль или Абдуль Айше? Или же Эмир-Усеинова Айше Абдуль? И ещё пишите, Вы [в] каком районе или же месте

¹³ В то время город Лагодехи, расположенный на берегу одноимённой реки в Кахетинском регионе, ещё имел статус посёлка, городом стал в 1962 г.

Первая страница письма Абдуля Тейфука матери, брату и сёстрам от 16 декабря 1944 г.

[с] братом Алешей¹⁴ находитесь. И ещё пишете, где Васфие, Фатъма¹⁵ и вообще все родственники.

Я несколько дней тому назад послал 1000 рублей. С получением пишете.

С горячим приветом кончаю,
Ваш сын, брат,
Герой Советского Союза
Абдуль Тейфук.

Передайте привет всем родственникам и знакомым.

16.12.44 г.

От Мустафы¹⁶ письма получаете вы или нет? Я нет. Кто пишет с фронта письма, сообщите.

Мой адрес: Полевая почта 18895 «у», Абдуль Тейфук.

Пишите почаще.

Люба где работает?

Пишите Качанову письмо и благодарите за хороший приём меня.

Письмо Тантана Ниязи своей матери с известием о гибели Абдуля Тейфука (26 марта 1945 г.)

Львов. 26.03.1945

Дорогая мама, спешу вам сообщить о том, [что] в настоящее время [я] жив и здоров и передаю привет вам и сестре Д[неразб.]ре и всем сёстрам и Эмирусину...

Дорогая, 18.03.1945 года в Германии погиб мой лучший товарищ и брат Абдуль Тейфук, [я] его привёз из Германии в Советский Союз в город Львов и похоронил его в Лычаковском¹⁷ кладбище.

Я потерял в лице Тейфука самого лучшего брата. Мы всё время были вместе, а теперь я вам высылаю его фото. Фотографировал, когда хоронил и высылаю вам своё фото. На этом заканчиваю своё маленькое письмо и желаю остаться очень здоровой.

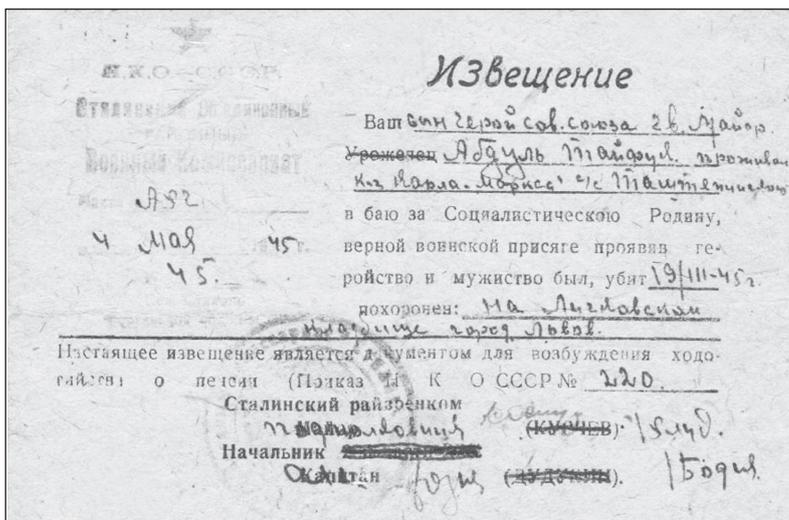
Передавайте привет всем знакомым и родным.

Целую вас, ваш сын Ниязи.

Письмо от сослуживцев Абдуля Тейфука его матери, Айше Абдуль, с сообщением о гибели Героя Советского Союза (26 марта 1945 г.)

Многоуважаемая Айше Абдуль!

Командование и весь личный состав нашей воинской части с глубоким прискорбием извещает вас, что ваш сын Абдуль Тейфук 18 марта 1945 года погиб в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Мы все соболезнуем вам и вместе с вами пере-

Извещение о гибели Абдуля Тейфука, полученное его матерью

¹⁴ Имеется в виду брат Абдуля Тейфука — Али.

¹⁵ Васфие и Фатъма — сёстры Абдуля Тейфука.

¹⁶ Мустафа — брат Абдуля Тейфука, пропал без вести во время битвы за Сталинград.

¹⁷ Лычаковское кладбище во Львове — одно из старейших кладбищ Украины.

Похороны Абдуля Тейфука

живаем эту тяжёлую утрату. Ваш сын любим всеми, он был лучший командир и лучший друг. Тейфук дрался геройски и погиб как герой, идя в первых рядах, он не боялся опасности и беспощадно уничтожал врагов. Вечно останется у нас о нём светлая память. Мы все поклялись над его гробом, что отомстим врагам за его смерть.

Ваш сын Абдуль Тейфук похоронен в городе Львове 24 марта 1945 года на Лычаковском кладбище.

26.III.45

Гвардии майор Комаров

Гвардии мл. лейтенант Тантана Ниязи

Высылаем [лист оборван] его фото.

*Сын Абдуля Тейфука — Юрий,
курсант Суворовского училища. 1954 г.*

М. С. Кочкина на могиле Абдуля Тейфука

Военная история Крыма

А. В. Мальгин

Завоевание Крыма войсками 2-й армии князя В. М. Долгорукова в 1771 году*

В начале Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, главным результатом которой стало отторжение от Порты Крымского ханства и выход России к Чёрному морю, Крым не рассматривался Государственным советом и русским командованием как операционное направление первостепенной значимости. Несмотря на то что Госсовет однозначно высказался за наступательную войну, Россия не предполагала первоначально активных операций против Крыма, сосредоточившись прежде всего на действиях против главной османской армии в Молдавии. В Причерноморье планировалось ограничиться оборонительными действиями (армия П. А. Румянцева, затем П. И. Панина, прикрывавшая это направление так и называлась — «оборонительной») в отличие от «наступательной» армии А. М. Голицына, затем П. А. Румянцева, действовавшей на Днестре и в Молдавии). Против Крыма, правда, был отряжен корпус генерала М. Берга, однако его задачей было лишь тревожить крымцев и препятствовать их нападениям на Украину. Постепенно, с кристаллизацией у членов Госсовета представлений о целях и задачах войны, взгляд на Крым менялся. Обсуждая в ноябре 1769-го план военных действий на 1770 год, Екатерина предположила «сделать нападение на Керчь и Тамань (силами донской флотилии А. Н. Сенявина. — А. М.) и завладеть сими крепостцами, дабы зунд Чёрного моря через то получить в свои руки»¹. В военном отношении это предложение было нереализуемо. Видимо, поэтому председатель Военной коллегии граф Захар Григорьевич Чернышёв через несколько дней предложил проект сухопутного «предприятия на Крым»². Однако он не нашёл поддержки у членов Госсовета. Возможно, они полагали, что без военного вторжения в Крым можно будет вообще обойтись, в случае если усилия командующего 2-й армией графа Петра Ивановича Панина по «татарской негоднати» окажутся успешными и крымцы последуют примеру ногайских орд и самостоятельно отложатся от подданства Оттоманской Порты. Последнего, однако, никак не происходило, и в повестку дня всё настойчивее входило применение силы. 11 ноября 1770 года Государственный совет обсудил планы кампаний на следующий год и «признал за нужно учинить сильное предприятие на Крым, если обитающие на сём полуострове татары ещё останутся в упорстве и не пристанут к отложившимся от Порты оттоманской ордам»³.

В отличие от походов Христофора Антоновича Миниха и Петра Петровича Ласси, теперь речь шла не о разорении «разбойного гнезда», а о более или менее длительной оккупации Крыма. С другой стороны, видоизменился и политический смысл завоевания полуострова: не просто «покоренье» врага, а «освобождение» татар от вековой зависимости от Порты Оттоманской. Всё это делало поход в Крым достаточно специфическим не столько чисто военным, сколько военно-политическим предприятием, где применение силы должно было сочетаться с изощрённой дипломатией.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-31-10169, а(ц): «История Крыма»).

¹ Архив Государственного Совета. Т. 1 : Совет в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1869. С. 340.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 67.

Армия вторжения

Несмотря на то что к крымскому походу 1771 года отечественные исследователи обращались неоднократно⁴, его значение для истории присоединения Крыма к России в XVIII веке по-прежнему остаётся важным предметом исследовательского интереса.

Завоевание Крыма было возложено на 2-ю армию, в командование которой вступил после отставки П. И. Панина генерал-аншеф князь Василий Михайлович Долгоруков.

Что же представляла собой армия, которой надлежало решить эти достаточно простые задачи?

2-я армия была сформирована из подразделений ландмилиций украинского корпуса, преобразованных в полевые полки только с началом Русско-турецкой войны. Ландмилиция, основанная ещё Петром I для обороны южных границ, не была в строгом смысле регулярным войском. Ландмилицийские полки, как пехотные, так и кавалерийские, имели статус поселённых полков, то есть их солдаты имели право заводить семьи и заниматься сельским хозяйством, для чего государство наделяло их землёй.

16 января 1769 года специальным указом ландмилицийские полки были приравнены к регулярным (пехотным и драгунским соответственно). Несмотря на новизну своего статуса и новые задачи, связанные с ведением наступательных действий, эти части хорошо показали себя при осаде и взятии Бендер в 1770 году. Тем не менее потребовалось ещё несколько решений военной коллегии, чтобы в реальности сравнить бывшую ландмилицию с регулярными частями как в обмундировании, так и в денежном довольствии. В частности, переобмундирование полков 2-й армии в полевые армейские мундиры (обмундирование ландмилиций отличалось от армейского) состоялось только к началу крымского похода.

Согласно данным, приведённым в фундаментальном исследовании А. Н. Петрова, армия в 1770-х

годах насчитывала 75 837 человек (боевой состав 70 076 человек) из которых 33 714 — регулярных войск в главной армии, 7124 — в корпусе генерала М. Берга⁴ и 35 тысяч — иррегулярных войск: казаков донских, малороссийских и запорожских, поселённых гусар, пикинер и калмыков. Эти данные приводятся в документе с важной оговоркой: без исключения «больных, находящихся в отлучках и т. д.»,

Василий Михайлович Долгоруков

то есть перед нами не реальная, а номинальная — штатная численность войск. Представление о том, насколько могла расходиться штатная и реальная численность войск, дают хотя бы ведомости первой армии. В 1771 году ни один из пехотных полков 1-й армии не превышал по численности 1050 человек, в основном от 800 до 1000, в то время как, согласно штату, в военное время пехотному полку полагалось иметь 1765 нижних чинов. Остальные определялись как больные, находящиеся в госпиталях, в отлучках в России и т. д. (очевидно, были и другие причины некомплекта в полках — например, недобор рекрутов). Нет никаких оснований считать, что ситуация во 2-й армии чем-то отличалась в лучшую сторону, тем более что в 1770 году армия осуществила осаду и штурм турецкой крепости Бендеры, что было связано с немалыми потерями. К тому же в походе на Крым принимали участие далеко не все подразделения, входившие во 2-ю армию ранее. Например, калмыки, часть которых в 1770 году хан Убаши увёл в Китай, не участвовали в операции.

Действительно, в конце 1770 года численность этой армии составляла не более двух третей от штатной. В решении Госсовета о разделении этой армии на корпус для размещения на зимние квартиры она определялась в 46 645 человек⁶. Согласно данным, приводимым известным военным историком Дмитрием Фёдоровичем Масловским, накануне крымского похода армия Долгорукова насчитывала 48 700 человек регулярных и иррегулярных войск (табл. 1).

⁴ Описание похода князя Долгорукова было опубликовано сразу же по окончании военных действий в виде «Журнала военных действий армий Ея Императорского Величества 1769–1771» (СПб., [б. г.]). Затем к его описанию обращались М. П. Богданович (*Богданович М. П. Походы Румянцева, Потёмкина и Суворова в Турции.* СПб., 1852), А. Н. Петров (*Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год : в 5 т.* СПб., 1866–1874), Д. Ф. Масловский (*Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России.* Вып. 2. СПб., 1894). В 2003 г. были опубликованы записки А. А. Прозоровского (*Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776).* М., 2003). Тем не менее целый ряд материалов остаётся неопубликованным. Часть из них хранится в Фонде Поповых в Государственном архиве Республики Крым, где они изучались покойным А. А. Кротовым, который также обнаружил в РГВИА и опубликовал карту похода Долгорукова, являющуюся на сегодняшний день самой ранней русской картой Крымского полуострова.

⁵ Всего 11 кавалерийских и 17 пехотных полков, а также корпус егерей.

⁶ Архив Государственного Совета. Т. 1. С. 95–96.

Таблица 1

Армия В. М. Долгорукова

Род войск	Количество подразделений	Количество человек
Пехота	33 батальона (2 егерских, 6 гренадерских, 25 мушкетёрских)	До 15 000
Кавалерия	Регулярные – 27 эскадронов	3500
	Гусары – 30 эскадронов	3000
	Пикинеры 2-го полка	1600
	Донские казаки	8400
	Малороссийские казаки	11 200
	Запорожцы	6000
Итого		48 700 ⁷

Согласно плану кампании собственно для «покоренья Крыма», назначалось 13 545 человек пехоты, 6200 — кавалерии, 6100 казаков и ещё 9700 человек войск, которых Масловский определял как «иррегулярные» — всего 27 345 человек. Остальные — более 21 000 человек — определялись для охраны коммуникаций армии в Приднепровье. Вероятнее всего, такое распределение войск было вызвано трудностями снабжения слишком большого корпуса в Крыму.

Состав армии представлен в таблице 2.

Таблица 2

Состав армии

1-я дивизия	Полки	
	кавалерия	пехота
	<i>Гусарские:</i> Чёрный Жёлтый Молдавский <i>Пикинерные:</i> Елисаветградский Днепровский Донские – 2	Черниговский Старооскольский Севский Козловский Орловский
2-я дивизия	Ямбургский карабинерный Борисоглебский и др. Сумской гусарский Донские и малорос- сийские	Егерский корпус 2-й гренадерский полк Владимирский Воронежский Белевский Брянский
3-я дивизия	<i>Гусарские:</i> Изюмский Бахмутский <i>Пикинерные:</i> Донецкий Луганский Астраханский драгунский Малороссийские – 5 Донские – 4	Вологодский Селенгинский Алексеевский Курский Рязский

Хотя, согласно А. Н. Петрову, состав армии в крымском походе был таким же, как в 1770 году, вероятнее всего, и он претерпел изменения. Так, находившиеся в составе армии Орловский пехотный, Елисаветградский и Днепровский пикинерные значатся в 1771 году уже в составе 1-й армии. Зато в составе 2-й армии появился Московский легион — новое соединение, формирование которого только закончилось к моменту начала похода в Крым.

В составе армии был довольно внушительный артиллерийский парк, включавший как полевые, так и осадные орудия. По данным Масловского, он насчитывал свыше 60 пушек.

Важную роль в осуществлении операции по овладению Крымом предстояло сыграть Азовской флотилии вице-адмирала Алексея Наумовича Сенявина, которую по примеру петровских времён решено было в 1768 году построить в Воронеже и спустить вниз по Дону для овладения Азовом и последующих действий на море. Но занятие опустошённого после 1739 года Азова осуществилось без участия флотилии, которая была построена как раз к походу князя Долгорукова.

Флотилия в составе 10 новоизобретённых кораблей, пяти 20-пушечных прамов и двух бомбардирских ботов сосредоточилась на рейде Таганрога. Ей надлежало обеспечить переправу и сопровождение отдельного отряда Фёдора Фёдоровича Щербатова по Арабатской стрелке и далее содействовать с моря занятию Керчи, Еникале и Тамани, препятствовать возможным попыткам турецкого флота помешать захвату Крыма. Несмотря на то что турки имели некоторое количество кораблей на Чёрном море, катастрофа, постигшая турецкий флот под Чесмой в 1770 году, свела их действия к минимуму, и к началу операции господство русское господство на Азовском море было полным.

Татаро-турецкие силы

Как же в этих условиях выглядела оборона Крыма?

Порта также рассматривала его как периферийный театр и не разгадала вовремя намерений России, хотя последние были очевидны, или просто не придавала им значения. Как явствует из записок секретаря турецкого сераскира Ибрагима-паши Мухаммеда Неджати-эфенди, «со стороны Великой державы ни разу не было спрошено о том, каково положение Крыма»⁸.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что должного внимания укреплению этого важнейшего участка уделено не было. Достаточно сказать, что в течение двух с половиной лет войны ханская ставка находилась в Коушанах (Молдавия), что было вызвано турецкой военной диспозицией. В Крыму распоряжался калгасултан, который практически не занимался обороной.

⁷ Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. 2. СПб., 1894. С. 248.

⁸ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. Т. 2. М., 2005. С. 114.

Карта похода в Крым войск князя Долгорукова в 1771 г. Российский государственный военно-исторический архив

Назначенный в декабре 1770 года вместо низложенного Каплан-Гирея новый хан Селим-Гирей III лишь весной 1771-го прибыл морем из Баба-Дага в Крым.

То обстоятельство, что большая часть ногайцев отошла от Турции и Крымского ханства, несомненно, повлияло на численность ханской армии в Крыму. Тем не менее она была довольно внушительной. Русские источники сообщают, что на полуострове хан располагал 60–80 тыс. воинов. Правда, это были кочевники, практически не владевшие огнестрельным оружием и не представлявшие эффективной силы против современной армии. В частности, согласно многим свидетельствам, татары не выносили пушечных выстрелов. Ещё более важным для характеристики ситуации накануне русского вторжения в Крым является картина полной дезорганизации как во взаимоотношениях ханского двора и турецкой военной администрации на полуострове, так и в управлении турецкой армией.

На территории Крыма находился довольно значительный турецкий контингент, в задачу которого входило как обеспечение обороны санджака, зани-

мавшего всю южную часть Крыма, так и проведение совместно с татарами военных предприятий.

Пребывавший в Крыму с начала войны австрийский негодник Николай Эрнст Клеман сообщает, что «с давнего времени» в Кафе находилось более 10 тыс. турок. В ходе войны этот контингент был увеличен. По сведениям, сообщаемым в работе А. Н. Петрова (правда, без ссылки на источники): «Ещё в сентябре в Кафу и Козлов было привезено из Константинополя большое количество разных припасов, гарнизоны же турецкие в Перекопе, Козлове, Бахчисарае, Акмечети, Карасу, Кафе, Керчи, Еникале, Арабате и небольшой цитадели чобасской были усилены до 30 тыс. чел.»⁹ По сообщению секретаря турецкого сераскира Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкие войска в Крыму насчитывали «свыше двадцати тысяч»¹⁰. В своих записках Мухаммед именуется их «Крымская армия». «Сия армия, — сообщает Клеман, — назначена была оберегать Крым и покушаться вторичное (т. е. второе после зимы 1769 г. — А. М.) иметь нападение на Новороссийскую губер-

⁹ Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год. СПб., 1866–1874. Т. 2. С. 355.

¹⁰ Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская Старина. 1894. Апрель. С. 164.

нию»¹¹. 17 июня 1769 года (12 сэфэра 1138 г.) командующим ею был назначен эрзерумский губернатор Ибрагим-паша. Штаб-квартира армии находилась в Кафе. Мухаммед Неджати-эфенди сообщает о составе армии довольно скудные сведения, из которых явствует, что она включала в себя янычарский корпус, некие «египетские войска», отряды кутахийских сипахов-тимариотов и «байраков» — очевидно, ополченцев из Эрзерумской области и Анатолии. Согласно Клееману, пополнение в 1769 и 1770 годах прибывало в Крым через Гёзлёв (Козлов) и Балаклаву.

Осенью 1769 года часть этих войск вместе с татарами под командованием калги совершила нападение на российское приграничье, «*во время которого он (калга. — А. М.) набрал пленных и добычи, сжёг много городов и сёл на пространстве 196 часов*»¹². Этому походу предшествовал инцидент, весьма типичный для взаимоотношений турок и татар в Крыму во время войны. Как сообщает Неджати, для перевозки войск и амуниции из Кафы в Перекоп требовалось 4000 подвод, которые калга-султан и местная знать выделять отказались под предлогом бедности. Под большим нажимом со стороны сераскира татар заставили собрать только 2700 мажар, из-за чего выдвижение к Перекопу затянулось. Записки Неджати полны горьких сетований на поведение татар и татарской знати по отношению к туркам, которое он характеризует как «*изменническое*».

Однако и ситуация в самом турецком корпусе была едва ли лучшей. Жалованье войскам долгое время не выплачивалось, продовольствие не было заготовлено в необходимом количестве (как впоследствии оказалось, оно на самом деле было, но из-за нерадения дефтердара, т. е. казначея, сгнило в необустроенных складах). С целью как-то смягчить недовольство войск, осенью 1769 года сераскир повелел даже продать или заложить свои драгоценности и коней, чтобы заплатить солдатам. Тем не менее янычары всё равно взбунтовались, отказались зимовать в Перекопской крепости, схватили дефтердара и захватили склады продовольствия в Кафе, никого к ним не подпуская и не выполняя никаких приказов главнокомандующего. Клееман сообщает об этом бунте следующее: «*Турецкие солдаты объявляли, что нерадение было их начальников, как в произведении жалования, так и недостатке хлеба. Они напали на их дома и, грабя всё, убили своего начальника, бывшего первостепенным пашою и агою*»¹³. В результате этого янычарского бунта остальная армия на зиму осталась без продовольствия.

Попав в столь тяжёлое положение, турецкие войска занялись «самоснабжением» за счёт местного населения. Значительная часть войска разбрелась по всему Крыму, создавая банды мародёров, грабивших местное, преимущественно христианское, население и купцов. В Гёзлёве местная община вооружилась и изгнала турок из города.

Вызвавший недовольство янычар дефтердар был сменён, новому Эмин-бею в Стамбуле было выдано 100 кошельков для оплаты жалования войскам. Однако когда новый дефтердар прибыл в Крым, оказалось, что он уже истратил 20 кошельков на собственные нужды. На недоумённый вопрос сераскира Эмин-бей ответил, что издержал эти деньги, так как казна задолжала ему большую сумму за прежние поставки.

Лишь наступление весны и приближение в 1770 году к Крыму корпуса генерала М. Берга заставило турецкую армию вновь собраться и выступить к Перекопу. К этому времени база снабжения турецких войск была увеличена путём присоединения эрзерумской провинции к азиатской Карсу, а также был сменён прежний калга-султан. Отдав приказ янычарам и египтянам в Кафу двигаться к Перекопу, сераскир поспешил туда с авангардом. Как явствует из записок секретаря, Ибрагим-паша застал Перекопскую крепость осаждённой гяурами. Причём Неджати подозревал татар в намерении сдать её русским. Секретарь сераскира в преувеличенных тонах описывает «пятнадцатидневную битву» с «московцами», которых сераскир якобы прогнал от стен крепости. Понятно, что в русских источниках всё это не находит подтверждения: малочисленный корпус Берга выполнял только задачу прикрытия южной границы и не имел цели захвата Перекопа.

Между тем, как сообщает Неджати-эфенди, «*новый дефтердар Эмин-бей-эфенди... самым лживым образом с многочисленными клеветами своими воровал и тратил бывшее в его руках казённое имущество, а из главной квартиры не было и следов присылки денег, подкреплений и необходимых военных припасов*»¹⁴. В это время сераскир получил сведения о вторичном движении русских к Перекопу. Он вновь обратился к калге с требованием повозок, но, несмотря на то что калга был новым, результат остался прежним.

В сентябре 1770 года в Кафу прибыл большой турецкий флот, который, по словам Клеемана, «*всё лето ездил по Азовскому морю, не учинив никакого предприятия*»¹⁵. Согласно запискам русского офицера Штрандмана, задачей этого отряда была высадка

¹¹ [Клееман Н. Э.] Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым, с возвратом чрез Константинополь, Смирну и Триест в Австрию в 1768, 1769 и 1770 гг., с приобщением достопамятностей Крыма. СПб., 1773. С. 115.

¹² Записки Мухаммада Неджати-эфенди... С. 126.

¹³ [Клееман Н. Э.] Там же. С. 116.

¹⁴ Записки Мухаммада Неджати-эфенди... С. 182.

¹⁵ [Клееман Н. Э.]. Указ. соч. С. 136.

Крымское ханство в 1768 г.

десанта в Азове и Таганроге, на что турки всё же так и не решились¹⁶.

Клееман насчитал на рейде Кафы 60–70 больших военных кораблей, при этом заметив, что 6 августа 1770 года этот флот, «состоящий тогда в 200 кораблях, претерпел величайшую бурю в то время, когда он стоял на якоре в канале между Арабатом и Яниколем». В результате этой бури 60 галер разбились о берег, а, по уверениям очевидцев, утонуло более 600 человек.

Десантным отрядом командовал в должности сераскира Мегемет-Абазех-паша, которому пришлось в дальнейшем сыграть роковую роль в судьбе Крыма. Но на этот раз прибытие флота оказало стабилизирующее воздействие на ситуацию в Кафе. Штрэндман ошибочно сообщает, что «десантный отряд взбунтовался, убил своего командира, всё бросил и разошёлся». В действительности — и это подтверждает очевидец событий Клееман — буквально на следующий день «морские служители» эскадры предотвратили попытку ещё одного янычарского погрома в Кафе.

Вскоре после этого флот направился в Константинополь (вместе с ним уехал и Клееман). По свидетельству Клеемана, по возвращении капудан-паша был

посажен в темницу за бездеятельность. Что же касается Абазех-паши, то благодаря заступничеству Селим-Гирея, он не только не понёс наказания, но даже был назначен начальником обороны Еникале и Арабата и снова в должности сераскира вместе с Селимом прибыл в Крым весной 1771 года с отдельным корпусом.

Все источники — как русские, так и турецкие, а также свидетельства современников — едины в том, что турецко-татарская оборона Крыма была организована из рук вон плохо, в крымском турецком корпусе царил полная дезорганизация, единого плана кампании не существовало, между ханом и сераскиром отсутствовало надлежащее взаимодействие. Всё это делало судьбу Крыма и будущей военной кампании практически predetermined.

Операционный план кампании

Между тем 7 марта 1771 года командующий 2-й армией В. М. Долгоруков получил именной рескрипт с детальным операционным планом кампании. План, разработанный З. Г. Чернышёвым, предусматривал движение части армии Долгорукова к Перекопу, занятие тремя колоннами во взаимодей-

¹⁶ Штрэндман Г. Э. фон. Записки : пер с нем. // Русская Старина. 1882. Т. 34. № 5. С. 289–318 ; 1884. Т. 43. № 7. С. 55–86 ; № 8. С. 271–288.

ствии с Азовской флотилией основных пунктов на полуострове, изгнание турецких гарнизонов и принуждение крымского хана к заключению мира.

В плане, в частности, отмечалось: «Как... важнейшее ваше попечение состоять будет в изыскании способов к продовольствию и пропитанию вверенных вам войск, то при движениях наиглавнейшие того наблюдать чтобы оные измеряемы были по способам доставления себе продовольствия», а для чего «при вступлении в Крым наистрожайше запретить, чтобы жилища не разорять и не жечь, скота больше не брать как только, что нужно будет для продовольствия, и с жителями обходиться человеколюбиво»¹⁷. Для обнадёживания жителей командующему была дана форма специального манифеста, гарантировавшего спокойствие и безопасность тем, кто не будет чинить сопротивление. Манифест сочинялся «на тех самых политических основаниях, которые до сих пор в переговорах с другими татарскими ордами произвели уже столько много плода»¹⁸. «За основание», то есть результат освобождения Крыма от «турецкого владычества» полагалось «доставить себе гавань на Чёрном море и укрепленный в земле город, для всегдашней с Крымом коммуникации и охранения оного»¹⁹. Всего этого предполагалось достичь путём заключения мирного договора с крымским ханом, на что Долгорукову были даны все полномочия, а к его штабу прикомандирован секретарь «татарской комиссии» Пётр Петрович Веселицкий.

План овладения Крымом состоял в том, что армии предстояло действовать тремя отдельными отрядами: отряд князя Ф. Ф. Щербатова, пройдя по Арабатской стрелке, должен был овладеть крепостью Арабат и затем занять Керчь и Еникале. От главных сил после прорыва Перекопской линии отделялся также отряд генерал-майора М. Брауна для ведения осады Перекопской крепости, если её гарнизон окажет сопротивление и для последующего занятия Гёзлёва. Основная же часть армии под командование Долгорукова имела главной целью Кафу, после захвата которой отдельным частям армии надлежало занять все стратегически важные пункты полуострова.

Авторитетный военный историк Д. Ф. Масловский высоко оценил качество этого плана, отметив его основные особенности: 1) взаимодействие армии и флота; 2) главный предмет действий — не войска неприятеля, а занятие географических пунктов; 3) разделение войск на колонны для скорейшего занятия территории; 4) «образцовое» решение вопросов снабжения²⁰.

¹⁷ Сборник Русского исторического общества. Т. 97. СПб., 1896. С. 232.

¹⁸ Там же. С. 234.

¹⁹ Там же. С. 186.

²⁰ Масловский Д. Ф. Указ. соч. С. 245.

²¹ Там же.

Организация снабжения

Откровенные неудачи или сомнительные результаты прежних русских походов в Крым предопределялись главным образом одним обстоятельством — недостатками снабжения войск, в результате чего они, столкнувшись с тяжёлыми условиями степной войны, нехваткой воды, кормов и продовольствия армии, терпели большие лишения и несли чувствительные потери.

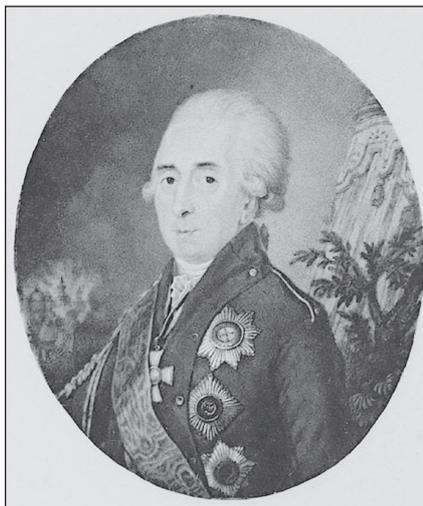
На этот раз вопросам снабжения войск было уделено особое внимание, тем более что концепция похода не предусматривала неконтролируемого «самоснабжения» их за счёт населения завоёванных территорий. Прежде всего, как указывает Масловский, подготовка к Крымскому походу заключалась в перенесении базы действий на 200 вёрст в степь, для чего на этом расстоянии от старой Украинской линии было решено построить новую — Днепровскую — вдоль всей сухопутной границы Крымского ханства: от устья реки Московки, притока Днепра, до устья реки Берды, впадающей в Азовское море.

Все распоряжения относительно строительства линии были сделаны в начале 1770 года, а к маю 1771-го работы в основном закончили²¹. На протяжении 130 вёрст было сооружено семь редутов. Основные продовольственные склады построили во фланговых укреплениях линии — Александровском на Днепре и Петровском на реке Берде, где были сделаны запасы: 20 000 четвертей муки, большое количество сухарей и овса. Эти «магазинны» снабжались из промежуточных складских пунктов Самарского и Азовского укреплений: Александровский — по Днепру, Петровский — по Дону и Азовскому морю судами азовской флотилии. Ниже по Днепру, в 70 вёрстах от Перекопа, близ бывшей турецкой крепости Кизикермен, предполагалось устроить главный складской пункт армии, для его размещения и защиты строилось специальное укрепление — так называемый Шангирейский ретраншенмент. Здесь заканчивался водный путь подвоза продуктов и начинался степной. В этом пункте также делался запас в 20 000 четвертей муки. После занятия Перекопа здесь предполагалось устроить вместительный «магазин». Для подвоза продовольствия из шангирейского «магазина» к армии в Крым нанималась 1000 пар волов. Для избавления заражения войск от некачественной («дурной») воды каждый полк вёз с собой одну бочку сбитня и одну — вина.

Марш по степи

Из главной квартиры в Полтаве армия выступила в поход 20 апреля 1771 года. До Кизикермена она двигалась не отходя нескольких вёрст от Днепра. Впереди на расстоянии дневного перехода шёл авангард из нескольких кавалерийских полков, предводительствуемый генерал-поручиком князем Александром Александровичем Прозоровским. В Царичанской крепости армия простояла несколько дней, ожидая подхода частей, не прибывших к Полтаве. 25 мая армия достигла реки Маячки, где к ней присоединился корпус генерала Берга. Одновременно отсюда для овладения

Александр Александрович
Прозоровский

крепостью Арабат был направлен корпус генерала Щербатова. После этого основная часть армии продолжила движение вдоль Днепра до Кизикермена.

Неспешный темп движения был выбран командующим согласно «Журналу военных действий...» «в рассуждение великой суши», наступившей уже в мае, из-за которой Долгоруков приказал «*быть в походе не более пяти или шести часов и чтобы слабые и необычные кроме ружья [ничего] не несли*». Вследствие этих распоряжений, как повествует «Журнал...», «*все солдаты были веселы и здоровы и больших было очень мало, да и то из рекрут...*»²².

Впрочем, до нас дошли и критические отклики об организации похода. Их оставил Г. Э. Шtrandман. «*Армия шла походом в одной линии, а именно: пехота в центре, кавалерия по флангам, без всяких предосторожностей, даже не были выставлены форпосты. Весь поход сопровождался величайшим беспорядком; случалось даже, что колонны пересекались и сталкивались. Хорошо ещё, что перед нами не было неприятеля*»²³, — восклицал Шtrandман. Свои критические замечания он адресовал Долгорукову: «*Наш состаревшийся в прежних традициях военачальник Долгорукий не хотел изменять этот невыгодный в военное время порядок под тем предлогом, чтобы все части были ближе к воде. Счастье ещё, — пишет Шtrandман, — что за всё время на нас ни разу не напал внезапно какой-либо сильный неприятельский отряд, а то этому упрямому старику пришлось бы весьма нехорошо, когда понадобилось*

бы перестраивать в боевой порядок чрезмерно удлинённую и тонкую линию войск». Однако «упрямый старик» был, в отличие от Шtrandмана, прекрасно осведомлён о том, что в крымской степи ему не угрожает никакая опасность, так как накануне похода даже союзные ногайские орды были уведены на Кубань. Усилия прежнего командующего П. И. Панина по привлечению на свою сторону татар также принесли существенные плоды. Посланный в разведку к Перекопу запорожский полковник Колпак сообщил, что «*травы нигде не вытравлены и колодцы не засыпаны, как то татары прежде дельвали*»²⁴.

Дойдя в начале июня до Кизикермена, откуда предстояло идти не вдоль реки, а через степь, армия на несколько дней остановилась для возведения земляного укрепления и устройства «главного магазейна».

Штурм Перекопа

Армия подошла к Перекопу 10 июня. Перекопские укрепления представляли собой земляную линию (ров и вал) от Каркинитского залива Чёрного моря до Сиваша, в центре которой располагалась земляная же крепость Ор-Капу, лишь ворота крепости, так же как и две батареи на линии у Чёрного моря и Сиваша, были каменными. По русским данным, у хана, стоявшего непосредственно за линией, было 60 тыс. человек войска; состоявший же из турок гарнизон самого Ор-Капу был невелик — 600–700 человек. Артиллерийский парк, был, однако, достаточно внушительным, после штурма в крепости обнаружили 11 мортир, 135 пушек различного калибра; кроме этого, на линии стояло до 50 пушек²⁵.

Согласно «Журналу военных действий...», «*13 числа неприятель покусился сделать нападение, выслав лучшей и отборной своей кавалерии более 3000 чел.*»²⁶, атаковав казачьи аванпосты. «*Татары, — свидетельствует Шtrandман, — привели казаков в совершенный беспорядок, но когда подоспели пикинеры с двумя маленькими пушками, то неприятель, благодаря их отличному действию, был отбит*»²⁷. Шtrandман сообщает интересные подробности событий, свидетелем и участником которых он стал, при этом иногда

²² Журнал военных действий армий Ея Императорского Величества 1769–1771. СПб., [б. д.]. С. 535.

²³ Шtrandман Г. Э. фон. Указ. соч.

²⁴ Журнал военных действий... С. 540.

²⁵ Шtrandман Г. Э. фон. Указ. соч.

²⁶ Журнал военных действий... С. 541.

²⁷ Шtrandман Г. Э. фон. Указ. соч.

его данные расходятся с официальными. В частности, по его рассказу получается, что атака была произведена на день раньше, чем это отмечено в «Журнале...», так как взятые пленные показали, что в крепости находился сам хан с 4000 татар, которые намеревались на следующий день атаковать русских (это число, особенно в сочетании с намерением атаковать, скорее всего, ошибочно, очевидно имеется в виду 40 000). Долгоруков, согласно Штрандману, хотел использовать предполагаемую атаку для того, чтобы выманить противника из крепости, однако на следующий день никакой атаки не произошло и в ночь с 13 на 14 июня был назначен штурм линии.

Согласно «Журналу...», Долгоруков планировал нанести главный удар на правом, черноморском фланге линии (генерал-майор граф В. П. Мусин-Пушкин), а на левом (генерал-квартирмейстер Каховский) — предпринять демонстрацию атаки. Штрандман сообщает и некоторые подробности: для атаки линии было образовано шесть колонн на главном направлении: полковника Философова (четыре роты гренадер), подполковника Долгорукова (сын командующего) с батальоном егерей и гренадерский батальон подполковника Михельсона. Каждой из колонн придавалось для подкрепления также по одному пехотному батальону. Демонстрационную атаку производили батальоны подполковников Ступишина и Ханбаума. Кроме этого, решено было отправить отряд под предводительством князя Прозоровского в обход линии через Сиваш для создания угрозы укреплениям с тыла.

Атака укреплений началась за час до рассвета. Из насыпанной против ворот крепости батареи был открыт сильный артиллерийский огонь, призванный подавить турецкую артиллерию. Предполагая, что отряд Прозоровского уже переправился через Сиваш, командующий левым флангом генерал-майор Каховский «начал город фальшивою атакою с левого фланга штурмовать, бомбардируя оной с великим успехом и приведши на себя всю неприятельскую силу, оставив свободные руки войскам с правой стороны линию переходить»²⁸. Приняв за на-

стоящие демонстрационные атаки на левом, более слабом сивашском фланге, часть обороняющихся переместилась туда, облегчив задачу на главном направлении. Однако здесь обнаружилась трудность, поставившая штурм под угрозу: при переходе пехоты через ров (длиной 18 и глубиной 7 сажен) оказалось, что лестницы, изготовленные для переправы, слишком коротки. В других условиях это могло бы сыграть роковую роль, но, не выдержав сильного огня, татары и турки, оборонявшие линию на этом участке, вскоре, бросив укрепления, бежали. Все три колонны на правом фланге достигли своей цели уже рано утром 14 июня²⁹.

Валентин Платонович Мусин-Пушкин

На левом фланге колонне подполковника Ханбаума удалось обойти турецкую батарею и также прорваться за линию. Главкомандующий 2-й армией В. М. Долгоруков в письме графу Ивану Григорьевичу Чернышёву сообщал: «Хан Крымский с многочисленным своим войском не смогли долго против храбрости наших сил стоять и линию защищать обратился со всеми силами в побег»³⁰. Оставя на произвол судьбы турецкий гарнизон Ор-Капу.

Что касается действий отряда Прозоровского, то он встретил несколько большие затруднения. В его составе находились... и два полка пехоты. Ему надлежало переправиться через Сиваш восточнее левой батареи Перекопской линии и атаковать противника с тыла. «По ночному времени, — как сообщал Прозоровский, — проводник мой сшибся, [а] как при переходе через Сиваш войска до одного растоптали, то такая грязь сделалась, что с великим трудом конница могла переходить»³¹. Это же подтверждает и Штрандман, оказавшийся в составе того отряда: «Переход наш был весьма затруднителен по той причине, что вся дорога, на протяжении 8 или 10 вёрст, представляла собою одну сплошную массу топкой грязи. Артиллерийские лошади устали до такой степени, что, когда мы около 4 часов перешли на ту сторону, при нас оказалось только 4 пушки; остальные завязли в грязи, и чтобы их вытаскивать, пришлось оставить по крайней мере 200 человек»³². «А ящички некоторые,

²⁸ Письмо В. М. Долгорукова к И. Г. Чернышёву о взятии Перекопа. Июль 14 дня 1771 // ГАРК. Ф. 535. Оп. 1. Д. 935. Л. 4, 4 об.

²⁹ Рапорт В. П. Мусина-Пушкина В. М. Долгорукову. От 30 июня 1771 // ГАРК. Ф. 535. Оп. 1. Д. 847. Л. 2.

³⁰ Письмо В. М. Долгорукова к И. Г. Чернышёву // Там же. Л. 4 об.

³¹ Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776). М., 2003. С. 401.

³² Штрандман Г. Э. фон. Указ. соч.

Перекоп в конце XVIII в. Гравюра

как и лазаретные коляски, совсем остаться должны были»³³, — сокрушался Прозоровский. В результате рассвет застал его войска ещё переправляющимися на берег, причём кавалерия вынуждена была спешиться. «Такое... моего корпуса переправление видя, — пишет Прозоровский, — неприятель, не дав мне совершенно переправиться, партиями ко мне оказываться начал». Ещё переправа не была закончена, а Перекопская линия уже находилась в руках Долгорукова. Теперь отступающие ханские войска обрушились на Прозоровского.

«Едва успели мы перейти на тот берег... как пришло известие, что к нам приближается хан, который отступил из крепости со своими татарами», — писал Штрэндман. Пехота выстроилась в два каре, кавалерия, лишь частично построенная, — по флангам и в тылу, а навстречу татарам были посланы казачьи полки. Атаковав казаков, татары опрокинули их. При этом бегущие казаки привели в замешательство и беспорядок только что построенные гусарские полки. Плохо различимой массой бегущие казаки, гусары и татары летели прямо на левое каре пехоты, как раз туда, где батальон Штрэндмана занимал передний фас. Угрожающее положение спас генерал-майор Алексей Борисович Голицын, хладнокровие и распорядительность которого сыграли решающую роль. Пропустив казаков и гусар, пехота встретила татар жесточайшим огнём и обратила про-

тивника в бегство. «Это, — сообщал Штрэндман, — ободрило казаков и гусар, которые повернули назад и пустились преследовать противника». Отступая, он, однако, соединился с новой большой партией татарской конницы «тысяч до 12», как об этом сказано в «Журнале...», и вновь попытался атаковать, «но произведёнными по нём пушечными выстрелами паки приведён в замешательство»³⁴ и вновь был преследуем лёгкими войсками. Наконец построившись, на противника двинулась вся кавалерия Прозоровского. «Неприятель обратил тыл и, не оставившаяся более 20 вёрст, во весь скачок бежал».

«В этом деле, — указывал Штрэндман, — было убито и ранено около ста казаков, из числа которых двух, находившихся перед нашим фронтом, мы убили по нечаянности сами»³⁵. Согласно данным Прозоровского, убито всего пять казаков и один гусар, ранено 30 солдат³⁶. Всего же боевые действия у Перекопа обошлись Долгорукову в 25 убитых нижних чинов и 135 раненых³⁷. Потери противника оказались значительными, однако определить их точно не представляется возможным.

Перекопская крепость была полностью окружена.

«Казалось, — пишет Штрэндман, — что крепость будет ещё долго держаться, как вдруг после полудня она сдалась на капитуляцию». По мнению Штрэндмана, это произошло из-за недостатка у осаждённых боеприпасов и, в частности, пуль. Был

³³ Записки генерал-фельдмаршала... С. 401.

³⁴ Журнал военных действий... С. 544.

³⁵ Штрэндман Г. Э. фон. Указ. соч.

³⁶ Записки генерал-фельдмаршала... С. 402.

³⁷ Журнал военных действий... С. 545.

Одна из батарей на Перекопском валу. Современный вид

пленён 871 человек. Гарнизон получил право отправиться вместе с русскими войсками до Гёзлёва, откуда Долгоруков обещал отпустить его в Варну. *«Туркам позволено было взять с собою всё, кроме оружия»*. 18 июля Долгоруков отделил от главных сил армии особый отряд под командованием генерал-майора Брауна в составе двух пехотных полков и кавалерии для занятия Гёзлёва и конвоирования гарнизона Ор-Капу, а сам двинулся к Кафе.

Через день или два к главнокомандующему явилась депутация татар с предложением о перемирии. В реляции от 14 июня 1771 года Долгоруков сообщает о своей встрече с Перекопским каймаканом и представителями от ряда кланов, которые просили о перемирии и задержании русского наступления на пять дней. Поскольку, согласно основам русской политики относительно крымского ханства, главным противником считались турки (татар важно было лишь привести к умиротворению), формальное перемирие с татарами было заключено. Что же касается прекращения наступления, то Долгоруков заявил о невозможности сделать это, сославшись на приказ императрицы: *«Повеление имею двигаться немедля к Карасубазару и Кефе»*. Долгоруков также *«просил донести до всех знатных, чтобы все б отложились от Порты, стремились и делали это»*³⁸.

Действия отряда Щербатова

В тот день, когда главные силы готовились к штурму Перекопской линии, отряд генерал-майора князя Ф. Ф. Щербатова подошёл к переправе через Сиваш из Геничи на Арабатскую стрелку. Его состав — пехотный полк, две роты гренадеров, пол-

торы тысячи казаков, восемь эскадронов регулярной кавалерии и команда лёгких пехотинцев из ста егерей. Задача организации переправы была возложена на азовскую флотилию вице-адмирала А. Н. Сенявина. 18 мая Азовская флотилия в составе 10 «новоизобретённых» кораблей, одной дубель-шлюпки и одного палубного бота вышла из Таганрога к Геническому проливу. У Бердянской косы к флотилии вице-адмирала присоединился отряд из 37 канонерских лодок с материалами для наведения понтонного моста через пролив.

14 июня, в тот самый день, когда войска Долгорукова, прорвав Перекопскую линию, вошли в Крым, отряд Щербатова также переправился на Арабатскую косу, наведя понтонный дощатый мост на 14 канонерских лодках. Относительно организации переправы в военно-исторической литературе имеется расхождение. Известный историк русского флота Ф. Ф. Веселаго сообщает: *«Задержанный противными ветрами, [Сенявин] не успел подойти к Геническому проливу во время перехода через него отряда Щербатова...»* Отряд переправлялся на подручных средствах. Такая же информация содержится в биографии командира авангарда Щербатовского отряда секунд-майора Степана Даниловича Бурнашова (впоследствии известного писателя, картографа и дипломата). Однако известно, что самостоятельно, не дожидаясь флотилии, переправлялся только авангард. Что касается самого отряда, то его переправа была осуществлена в соответствии с первоначальной диспозицией.

Продвигаясь по Арабатской стрелке, авангард Бурнашова, как явствует из данных «Журнала военных действий...», *«имел ежедневное дело с неприятелем»*. 17 июня корпус Щербатова находился у стен Арабата. Арабатская крепость защищала вход в Крым со стороны Арабатской косы. Она была построена в середине XVII века для защиты от набегов на Крым калмыков и модернизирована в 1703 году, тогда же, когда по заказу Порты некий ренегат-итальянец построил Ени-Кале. Арабат представлял собой пятиугольное земляное сооружение бастионного типа, облицованное камнем. От крепости по флангам в сторону Сиваша и Азовского моря была построена заградительная линия по типу Перекопской, которую А. Н. Петров называет в западной части ретранше-

³⁸ ГАРК. Ф. 535. Оп. 1. Д 842. Л. 3 об. (отрывок из военного журнала 1771 г.).

ментом, а в восточной — баррикадой. Гарнизон насчитывал до 500 турецких солдат, а также около 700 татар.

Щербатовский отряд первоначально выстроился в три линии. Перед крепостью насыпаны две батареи. Штурм был назначен в ночь на 18 июня. Атаковали крепость три колонны. Западная должна была преодолеть укрепления «ретраншемента» и захватить западную батарею крепости. Восточная — прорвать оборону «баррикады» со стороны Азовского моря, а центральная — овладеть главными воротами. Турки встретили атакующих жестоким огнём, однако вскоре ретировались, так что крепость захватили ещё «до света». Конница преследовала противника и обратила в бегство также отряд в 500 человек, который шёл на подмогу Арабату из Кафы. Согласно донесению Долгорукова в Петербург, при штурме Щербатов «побил около 300 человек и во время их бегства ещё 400 человек, захватил 50 гаубиц»³⁹. Потери отряда Щербатова составили 12 человек убитыми и 40 — ранеными. 26 июня кавалерия Щербатова также имела дело с «превосходным» по численности противником, которого отогнала, потеряв убитым офицера и двух казаков ранеными.

Во всё время движения отряда флотилия Сенявина двигалась параллельным курсом вдоль побережья, имея задачу предотвратить возможное нападение турецких кораблей с моря, однако таковые в Азовском море не появились.

Действия отряда Брауна

В соответствии с первоначальным планом для занятия Козлова (Гёзлёва) сразу же после взятия Перекопа Долгоруков отрядил специальный отряд под командованием генерал-майора Брауна. В его состав входили Воронежский и Брянский пехотные, Молдавский гусарский и два казачьих полка с шестью орудиями. Кроме задачи занять важный пункт и гавань — Козлов, отряд Брауна имел ещё одну миссию — переправить из Козлова в Варну турецкий гарнизон Перекопа. Пройдя свыше ста вёрст по степи, отряд достиг 22 июня своей цели.

«Город Козлов, — как сообщает участник этого похода, тот же Штрандман, — был пуст, все жители бежали, захватив с собою всё, что только могли. Говорят, впрочем, что много ещё имущества было оставлено в городе, но что по выезде жителей

Крепость Арабат

пришли туда татары и ограбили всё, что попало под руку». Из действий против неприятеля Браун имел только перестрелку с несколькими заходившими в порт турецкими судами.

После трёхдневной стоянки, оставив в Козлове гарнизон из двух рот с двумя орудиями и 320 казаками, отряд выступил далее, имея задачу соединиться с главными силами в районе Карасубазара. Поскольку посадить турок на корабли не удалось за неимением оных, гарнизон Перекопа Брауну пришлось вести с собой. «Для того чтобы избежать множество дефилий, — пишет Штрандман, — генерал-майор Браун, получивший от князя приказание следовать из Козлова в Тарасбазар, пошёл не по прямой дороге, а несколько влево».

Незадолго до выхода к Салгирскому лагерю и переправе, где находился тяжёлый обоз армии под командой полковника Якоби, Браун был атакован большими массами татарских войск. Согласно донесениям и воспоминаниям Штрандмана, отряд Брауна был окружён войском численностью до 50 тыс. человек. (Штрандман полагал, что предводительствовал войском сам хан, поскольку над отрядом развевалось большое знамя красного и белого цветов. Согласно донесению Брауна, упоминаемому Прозоровским, его отряд был окружён войском калги-султана. В итоговом «Журнале военных действий...» указывалось, что войсками предводительствовал Нурадин-Султан. Браун подвергся со всех сторон четырём массивным атакам, которые продолжались в течение 13 часов, но были отбиты с большим уроном для неприятеля. В один момент, пользуясь сумерками, пленный турецкий гарнизон попытался

³⁹ ГАРК. Ф. 535. Оп. 1. Д 842. Л. 3 об.

бежать, «но капитан Гагарин со своим батальоном вовремя помешал исполниться этому намерению». Посланный к Брауну от Долгорукова сотник со ста казаками увидел «оного совсем окружённым многочисленным крымским войском» и, не рискнув пробиваться, вернулся в главный лагерь, откуда Долгоруков выслал Брауну подкрепление.

Лишь 1 июля Брауну удалось выйти к Салгирской переправе. По словам Штрандмана, «этот 70-вёрстный переход <...> всегда будет служить к нашей чести и будет неоспоримым доказательством как отличной распорядительности генерала Брауна, так и примерной стойкости его подчинённых. Насколько я знаю, это чуть ли не первый пример в новейшей военной истории, чтобы отряд, силою в 18 рот пехоты, при нескольких эскадронах гусар и казачьего полка в 300 всадников, состоявший в общей сложности не более 2500 человек, сделал в три дня переход в 70 вёрст, с утра до ночи отбиваясь от окружавшего его в 40 или 50 000 неприятеля, и ведя с собою до 800 человек пленных турок и татар; чтобы такой отряд был совершенно отрезан от главной армии и, несмотря на все эти препятствия, отряд всё-таки достиг своей цели, не потеряв при этом из своего весьма значительного обоза ни одной фуры. Никому и никогда не желал бы находиться в таком трудном положении, в каком были мы во время этого перехода»⁴⁰, — заключал своё повествование Штрандман.

Несмотря на то что реальные потери Брауна были невелики (в продолжение всего перехода отряд потерял 14 казаков и двух солдат убитыми, а также около 20 человек ранеными), этот поход стал косвенной причиной смерти самого генерала. Заболев во время похода лихорадкой, он внезапно умер в возрасте всего 24 лет.

Действия противника

Отдельные случаи активного противодействия противника действиям второй армии, красочно изображаемые некоторыми очевидцами с русской стороны, не поменяли общей тенденции — серьёзного организованного сопротивления русским войскам ни татары, ни турки в целом не оказали. Турецкие источники, приводимые В. Д. Смирновым, рисуют картину полного рассогласования действий войск крымского хана, сераскира Ибрагим-паши и других турецких отрядов. Последний при подходе русских к Перекопу сосредоточил свои силы в Карасубазаре, чтобы, соединившись с ханом, двинуться к Ор-Капу.

Хан, однако, благодаря наущению придворных, находившихся, по утверждению турецкого источника, в тайной связи с русскими, решил попытать воинского счастья самостоятельно и выдвинулся к Перекопу без турок. Результат действий ханского войска нами уже был описан. Отойдя от Перекопа, Селим-Гирей остановился в местечке Тузла, в шести часах езды от Перекопской крепости, где «выкопал шанцы и приготовился встретить» неприятеля⁴¹. Получив сведения о том, что Перекопская крепость сдана, а вскоре и о том, что «взята Тамань» (скорее всего, имелся в виду Арабат, поскольку именно эта крепость, а не Тамань, находилась в четырёх верстах от Кафы), хан «раздрал на себе воротник вопля и стонов и совершенно ошалел, не зная, что ему делать»⁴². Бывшие под его началом султаны и мурзы, сообщает Смирнов, «разбрелись и рассеялись в разные стороны», после чего и хан удалился в свою столицу Бахчисарай. Различные представители татарской знати пытались заключить с Долгоруковым перемирие независимо от хана, как, например, уже упоминавшийся перекопский каймакан и другие представители местной знати. Долгоруков, однако, вполне отдавал себе отчёт в том, что многие «мирные предложения» выдвигались лишь для того, чтобы выиграть время.

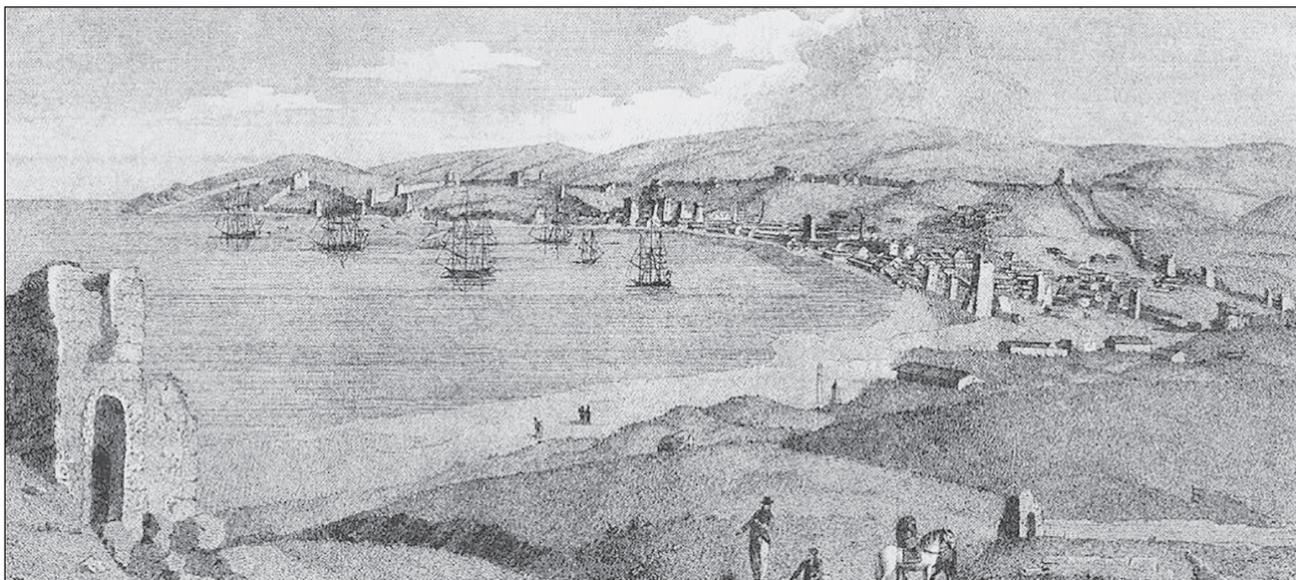
Что же касается турок, то сераскир также посчитал невозможным оставаться в Карасубазаре и отступил в Кафу, надеясь защищаться в её стенах. Здесь он чуть было не застал картину настоящего мятежа в тылу. Дело в том, что ранее «командированный» на охрану Ени-Кале Абазех-паша, заявив, что «со ста двадцатью человеками завоевать целую страну выше человеческих сил», вернулся со своим войском и флотом в Кафу, охваченную паникой вследствие движения русских войск. Военный совет Абазеха был лишён какой бы то ни было достоверной информации о происходящем. В частности, там считали, что сераскир, как и хан, бежал, поэтому Абазех всячески подбивал солдат провозгласить сераскиром его. Появление настоящего сераскира смешало замыслы мятежников, однако вместо того, чтобы вместе с Ибрагим-пашой защищать Кафу, Абазех удалился на свои корабли.

Не оказавший какого бы то ни было противодействия русским, столкнувшись с неприкрытым предательством, Ибрагим-паша сорвал свою злость на местных христианах, вырезав встретившуюся ему на пути депутацию кафинских армян, следовавшую к Долгорукову.

⁴⁰ Штрандман Г. Э. фон. Указ. соч.

⁴¹ Смирнов В. Д. Указ. соч. С. 120.

⁴² Там же.

Е. М. Корнеев. Город Кафа (ныне Феодосия). 1804

Главные силы. Взятие Кафы

Войска Долгорукова неспешно, но неотвратимо приближались к столице турецких владений в Крыму. Движение армии несколько затрудняли прошедшие сильные дожди, сделавшие дороги труднопроходимыми, однако недостатка в воде и корме для лошадей не было. Авангард князя Прозоровского двигался на дневной переход впереди армии⁴³.

23 июня армия переправилась через Салгир и двинулась к Кафе, минуя Карасубазар, покинутый жителями, укрывшимися в горах. Из реляции Долгорукова от 30 июня явствует, что он остановился 28 июня, не доходя до Кафы 10 вёрст.

Кафа — местонахождение сераскир-паши — была большим городом, насчитывавшим около 4 тыс. домов. Однако крепостные стены, построенные ещё генуэзцами, не были пригодны к обороне, поэтому турки выстроили земляные укрепления (ретраншемент) с северной стороны города перед обширным предместьем. *«Сей неприятель стоял лагерем перед форшешетом. А за спиной имел город Кафу»*, — сообщалось в реляции главнокомандующего. С левой стороны турецкий лагерь прикрывали *«высокие горы, а с правой — Чёрное море и стоящие на оном суда, с которых ежеминутно пальба из пушек производится. Перед собой ретраншемент глубиной аришина в полтора, на котором поставлены мешки с песком и более 24 пушек»*. С запада линия ретраншемента упиралась в окружающие город холмы, окружавшие Кафу, с восточной стороны приближалась к морю, где рейдировали около 80 турецких судов, вооружённых пушками (при этом оказалось, что

с левой стороны ретраншемент не был достроен). Гарнизон крепости насчитывал, по данным пленных, от 25 до 30 тыс. солдат⁴⁴. В это число входил, по-видимому, и находившийся на кораблях отряд Абазех-паши.

Долгоруков намеревался атаковать ретраншемент в двух местах: на правом и левом флангах. Для этого он сосредоточил специальный отряд (авангард из пяти батальонов гренадер, трёх егерских батальонов), командование которым было возложено на генерал-майора графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина. Кавалерия располагалась на флангах: князь Прозоровский с лёгкой конницей — на левом, у моря, генерал-майор Зорич с Изюмским гусарским полком — на правом. Генерал-майор Багратион со псковскими карабинерами находился между пехотными колоннами в центре наступающих порядков. Остальная кавалерия (под командованием генерал-поручиков Берга, Эльмпта и Романиуса) обеспечивала прикрытие наступления от возможного покушения со стороны татар. Артиллерию предполагалось выдвинуть на высоты, окружавшие турецкий лагерь.

С рассветом 29 июня 1771 года перегруппировка армии началась. Около 50 конных турок попытались совершить нападение на форпост князя Прозоровского, но были отбиты.

Ещё не все силы пришли в движение, а передовые части уже заняли *«все вышины»* (высоты. — А. М.) *перед лагерем противника»*. *«Усмотрев... что силы неприятеля умножаются»*, главнокомандующий принял решение отрядить ещё пять батальонов пехоты и две бригады артиллерии в подкрепление наступающим.

⁴³ ГАРК. Ф. 535. Оп. 1. Д 842. Л. 7.

⁴⁴ Там же. Л. 12.

Как только батальоны авангарда «в диспозицию пришли», а артиллерия была подвезена, «той час я приказал, — сообщает Долгоруков, — идти [колоннам] на указанные места; одной влево под команду генерал-майора Вульфа, а другой вправо под команду генерала Тургенева, а своему каре между ними выступать»⁴⁵. Артиллерия ещё не открыла огонь, а конница неприятеля «великим числом из своего ретраншементы вышла на правый наш фланг». Гусары Зорича, подкреплённые по приказу Долгорукова Псковским полком, тотчас атаковали противника, который «ретировался в бег». Артиллерия открыла пушечную пальбу, после чего противник начал покидать свои укрепления, устремляясь к городу. «После нескольких пушечных выстрелов, неприятель очистил ретраншемент и отступил к крепости»⁴⁶, — сообщает в своём исследовании Петров. Зорич на правом фланге ворвался в ретраншемент, то же сделала вскоре и кавалерия Прозоровского, обойдя его вал по берегу моря. Таким образом, ретраншемент был захвачен одной кавалерией ещё до подхода пехоты. Некоторая часть беглецов из ретраншемента укрылась за городскими стенами, другие искали спасения среди окружавших город холмов, третьи бросились в море, надеясь вплавь добраться до кораблей, с которых по наступающим войскам вёлся артиллерийский огонь. По приказу Прозоровского на берегу были выставлены батареи, которые открыли ответную пальбу. Вскоре корабли стали уходить в море, невзирая на плывущих к ним беглецов. Никто из них так и не смог спастись. По русским данным, потонуло несколько сотен турок.

Триумф русских, однако, также был омрачён. Уже после захвата ретраншемента внезапно погиб генерал Сент-Марк, возглавлявший всю инженерную службу армии. Во время осмотра крепостной стены около моря и рекогносцировки на него напали три турка и расстреляли в упор.

Несмотря на наступившее ночное время, установленные русскими батареи «по воротам стрельбу из пушек начали», и это однозначно определило судьбу крепости — Ибрагим-паша направил к Долгорукову парламентёров.

Обстоятельства капитуляции трёхбунчужного сераскира Ибрагима-паши на следующий день весьма подробно описывает Долгоруков в своей реляции императрице⁴⁷. Получив от присланного сераскиром чиновника письмо с прошением о принятии его как победителя, русский главнокомандующий через переводчика объявил, «высочайше Вашего император-

ского величества милостию» обнадёжил и даровал сераскиру и его свите жизнь, а также оставил последним всё их имущество, при условии, чтобы последний «тот час из города вышел со всей своей свитой ко мне в форштит...». В сопровождении своей свиты и поддерживаемый по сторонам четырьмя арапами, турецкий сераскир передал Долгорукову свою саблю, которую, однако, главнокомандующий, «уважая его знатность и чин, осмелился именем Вашего императорского величества не принять». По окончании аудиенции с тем же конвоем Ибрагим-паша был отправлен в свой дом в Кафе. Впоследствии он был отправлен как почётный пленник в Россию и по окончании войны в 1774 году вернулся на родину. Его секретарь Неджати-эфенди оставил интереснейшие воспоминания о пребывании его в России, изданные Смирновым. Судьба Абазех-паши сложилась по-другому. За отказ от защиты Керчи и Еникале и пассивность при обороне Кафы Абазех был предан казни.

Вступление Долгорукова в Кафу было обставлено как настоящий триумф. Главнокомандующий въехал в город со своим штабом в сопровождении гренадерского полка «с пушками при игрании музыки». Представители местного христианского населения, сообщалось в реляции Долгорукова, «великими толпами встречали и с жадностью обступали меня. Целовали не только ноги, но и платье. Некоторым за великою теснотью не удалось, то и лошадь. Другие показывали вид, что они христиане, и молились»⁴⁸.

Как и во время прежних действий, при взятии Кафы русские потери были невелики: у Прозоровского убито шесть кавалеристов и один офицер, ранено 24 человека⁴⁹ (всего же 2-я армия потеряла до 55 человек, преимущественно ранеными). Турецкий же урон при взятии Кафы Долгоруков оценивал, на наш взгляд, как фантастические — 7,5 тыс. человек, не считая потонувших. Русским досталось около 700 пленных и большие трофеи. Только в ретраншементе было взято до 30 пушек, но, конечно, главным призом была сама столица турецких владений в Крыму — Кафа. Город весьма обширный и богатый, большой порт, каких ещё не приходилось захватывать русским у турок в идущей войне. Его комендантом Долгоруков назначил генерала Каховского.

Занятие Керчи, Ени-Кале и Тамани

После взятия Кафы Долгоруков отдал приказание корпусу Щербатова двигаться к Керчи и Ени-Кале. 2 июля Бурнашов, командуя авангардом, занял Керчь, не найдя в ней турок, которые, по словам

⁴⁵ ГАРК. Ф. 535. Оп. 1. Д 842. Л. 12 об.

⁴⁶ Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год : в 5 т. СПб., 1866–1874. Т. 3. С. 189.

⁴⁷ Отрывок из военного журнала 1771 г. // ГАРК. Ф. 535. Оп. 1. Д 842. Л. 14.

⁴⁸ Там же...

⁴⁹ Записки генерал-фельдмаршала... С. 406.

местных жителей, узнав о падении Кафы, бежали на кораблях. В этот же день была занята и пустая крепость Ени-Кале (в ней находилось лишь 24 не успевших уехать турка), ключи от которой преподнёс Бурнашову каймакан Гассан-эфенди. В крепости было обнаружено 66 пушек, пять мортир, «довольное число снарядов» и 1500 пудов пороха.

Вскоре к Щербатову явились представители от живущего «близ Тамана» Султана Мехмеда Гирея, а также и «от владетеля Таманского острова» Ахмет-бея с просьбами о принятии в покровительство. Щербатов направил на Тамань две роты гренадер и сотню егерей во главе с майором Раевским. Раевский нашёл старую, почти разрушенную таманскую крепость пустой, так как турецкий ага и 200 человек гарнизона покинули её за три дня до этого. Вскоре туда ненадолго прибыл и сам Щербатов, к которому явились некоторые местные владетели с просьбой о принятии в покровительство. Щербатов распорядился отрядить в Тамань пехотный батальон, однако ещё до его прибытия Тамань подверглась внезапной атаке абазинцев во главе с неким Султаном Багатыг-беём.

Нападавшие заставили русские пикеты укрыться в крепости, захватили предместье и держали крепость в осаде в течение шести часов. Жестокий артиллерийский огонь заставил их с уроном отступить, однако и русские войска понесли потери, причём едва ли не самые чувствительные за время всей крымской экспедиции. Были убиты майор Раевский, 13 солдат, 38 — ранены.

Долгоруков повелел переправиться на Тамань Щербатову со значительным воинским контингентом, что и было сделано. Однако уже к осени ввиду невозможности снабжать таманский гарнизон по морю он был эвакуирован.

Негоциация

При всех военных успехах главной целью похода Долгорукова в Крым было всё же решение определённой дипломатической задачи: отложение Крымского ханства от Порты и заключение с ним соответствующего союзного трактата, аналогичного тем, что были заключены ранее с Бужакской и Едисанской ордами, а также доставление России ряда пунктов на побережье Крыма. Как мы помним, Долгорукову не без усилий удалось отобрать право ведения

Крепость Ени-Кале

переговоров с представителями Крыма у руководителя «Татарской комиссии» слободского губернатора Евдокима Алексеевича Щербинина, которому было оставлено «производство дел» с уже отложившимися ордами. Статский советник П. П. Веселицкий был прикомандирован к главнокомандующему 2-й армией для ведения переговоров в Крыму. Предыдущая переписка с Крымом показала, что значительная часть местной знати склонна принять русские предложения вопреки позиции ханов, которые более или менее твёрдо придерживались турецкой ориентации (как Каплан-Гирей, так и Селим-Гирей). После взятия Долгоруковым Перекопа эти желания только усилились.

Вскоре после ухода Селим-Гирея от Перекопа несколько представителей местной знати обратилось к Долгорукову с предложением перемирия. Как известно, перемирие было заключено на пять дней, однако движение Долгорукова к Кафе продолжалось.

При подходе к главной турецкой крепости Долгоруков прервал негоциацию и возобновил её уже после взятия Кафы. В своих реляциях императрице и государственному совету Долгоруков сообщил о благополучном совершении под стенами Кафы «акта дружбы» с представителями «крымского правительства». Тем не менее это был лишь предварительный договор, который не имел силы «решительного трактата», поскольку последний должен был подписать сам крымский хан. Последний, по сведениям конфиденентов, пытался бежать в Турцию, но, не найдя в Балаклаве корабля, вернулся в Бахчисарай. Здесь он написал письмо главнокомандующему, в котором сообщал, «что также отдаётся в высочайшую протекцию её императорского величества»⁵⁰. Инфор-

⁵⁰ Записки генерал-фельдмаршала... С. 407.

мируя об этом факте посланного для занятия прибрежных постов генерала Прозоровского, Долгоруков, однако, предписывал относиться к Селиму как к князю крови, а не как к владельцу земли, поскольку до получения высочайших на этот счёт распоряжений Долгоруков всё правление оставил в руках «выборных Ширинов»⁵¹.

Этот вопрос стал предметом рассмотрения Государственного совета 28 июля 1771 года. Накануне Екатерина высказала свои соображения относительно направлений дальнейшей неготиации. В частности, получив от Долгорукова прошение крымцев об удалении с полуострова ногайцев, которые, воспользовавшись военными действиями и прикрываясь союзом с русскими, стали грабить оседлых крымских татар, Екатерина заметила, что это пожелание *«доставляет нам удобность разделить их»* и что поэтому необходимо стараться, *«чтобы при избрании крымского хана ногайцы избрали себе другого или остались под нынешним их правлением Джан-Мамбет-бея»*⁵².

В дальнейшем русская политика неоднократно будет возвращаться к этой конфигурации, однако новое сообщение Долгорукова о получении им письма от Селим-Гирея с выражением покорности заставило Государственный совет позабыть об этих предложениях императрицы.

Долгоруков же сообщал не только о согласии Селима на отложение от Порты, но и на прошение *«крымцев иметь его по прежнему ханом»*. Рассудив, Государственный совет постановил: *«Что хотя на хана, как турками возведённого, полагаться не возможно, но по просьбе и уверению крымцев о его искренности, надобно восставить его в сие достоинство и показать тем не только другим державам, но и татарам самим, что, соглашаясь во всём на их желания, доставляем им совершенную независимость»*⁵³.

Этот красивый и политичный жест ни иностранные державы, ни татары оценить не смогли, так как, не дождавшись утверждения в прежнем достоинстве, Селим-Гирей всё же решил бежать в Турцию. Становилось ясно, что окончательное завершение переговоров о «татарской независимости» будет возможно лишь после избрания нового хана. Таким уже в августе 1771 года диван избрал бывшего перекопского каймакана Сахиб-Гирея, а его брата Шагин-Гирея — калгой. Сахиб первым вступил в переговоры с русскими, и это давало надежду на то, что русские условия будут соблюдены, однако в действительности в ходе переговоров возникла масса трудностей.

Занятие побережья. Кинбурн

Помимо ведения переговоров, важнейшей задачей Долгорукова после изгнания турецких гарнизонов стало занятие всех стратегически важных пунктов русскими войсками для более или менее длительной оккупации всего полуострова. Кроме этого, Долгоруков попытался также *«произвести поиск»* против турецкой крепости Кинбурн в устье Днепровского лимана.

Для этого 9 июля от главной квартиры под Кафой к Кинбурну был откомандирован специальный корпус полковника Бринка. Остальные полки занимали посты в Крыму. Небольшой detachment был отряжен вскоре после захвата Кафы для занятия Судака. Эта крепость давно не использовалась: в ней обнаружили лишь две пушки.

Согласно диспозиции главнокомандующего, полкам генерала Щербатова надлежало расположиться между Керчью и Кафой. Для занятия Ак-Мечети, Карасубазара, Бахчисарая, Бельбека, Балаклав и постов на Южном берегу Крыма был выделен отряд под командованием генерал-поручика Прозоровского в составе четырёх пехотных батальонов, двух гусарских, драгунского, пикинерного и трёх донских казачьих полков.

Известие, полученное от Селим-Гирея о принятии русского покровительства, несколько изменило планы Долгорукова. В рескрипте Прозоровскому он приказал последнему не входить в Бахчисарай и даже близко не приближаться к ханской столице, дабы не чинить новым союзникам неудобств. Что же касается бывших турецких владений на побережье, то они подлежали занятию русскими гарнизонами и постами.

Представления русских о географии Крыма были в это время ещё весьма приблизительны, что усложняло действия по занятию побережья. Карты были только у высших офицеров, к тому же они отличались весьма низкой степенью точности. В частности, Прозоровский обнаружил, что Бельбек находится не между Балаклавой и Судаком, как значилось на карте, а между Балаклавой и Козловым. Этим незнанием географии объяснялось и то, что Южный берег предполагалось занимать начиная от Балаклав и двигаться в направлении Судака, хотя более целесообразным было двигаться во встречном направлении. Обнаружилось к тому же, что выделенных войск для этого крайне недостаточно, а также то, что кавалерия явно не годилась для этих функций, поскольку продвигаться приходилось по горному бездорожью. Непосредственная задача занятия побе-

⁵¹ Записки генерал-фельдмаршала... С. 408.

⁵² Архив Государственного Совета. Т. 1. С. 97–98.

⁵³ Там же.

режья была возложена на генерала Чарторижского, который отправил вдоль берега отряд секунд-майора Филиппа Ивановича Фрича. Трудности движения войск заключались в том, что по Южному берегу не было проезжих дорог, по которым постами могло бы доставляться продовольствие. Не меньшую проблему составляли трудности в доставлении пушек. Прозоровский обнаружил, что «от Балаклавы к Судаку ехать горами по берегу моря вёрст 15, а там будет каменная гора, через которую и пешком пройти невозможно»⁵⁴. Как стало известно, для того чтобы провезти пушки из Балаклавы в Ялту, необходимо было воспользоваться дорогой через Бахчисарай, что становилось невозможным без договорённости с татарами. Тогда Прозоровский попытался использовать лодки местных греков. Дойдя до Ялты с небольшим русским отрядом Фрич действительно обнаружил 10 лодок, принадлежавших христианам, однако последние из опасений мести со стороны татар-мусульман никак не соглашались предоставить их русским, а когда Фрич выставил к ним караул, местные татары изрубили днища этих лодок топорами. В конце концов генерал Чарторыжский сообщил, что им найдены ещё четыре лодки, которые отправились с провиантом из Балаклавы в Ялту. Две из них благополучно возвратились, одна исчезла в неизвестном направлении, а четвёртая была ограблена турецким судном, причём находившейся на ней русский гренадер был захвачен в плен. Это означало, что использование лодок для коммуникации с постами по Южному берегу и подвоза продовольствия крайне ненадёжно, во всяком случае они нуждаются в постоянной охране с моря. Между тем отряд секунд-майора Фрича, оставляя посты на пристанях, добрался наконец до Судака, придя при этом в крайнее истощение. «Дороги по сим горам такие, — доносил он, — что те казаки, которые с ним до Судака доходить могли, остались совсем пешие, и это, не видав их, описать невозможно»⁵⁵. «Благосклонность от татар оне нашли почти во всех местах одинакую», — пишет Прозоровский, лишь в Гурзуфе местный старейшина оказал им помощь. Тем не менее постами были заняты важнейшие пристани и промежуточные места: Судак (50 человек), Туак (20), Алушта (40), Ялта (50), Чурук⁵⁶ (30), Байдары (30)⁵⁷. Вскоре в эти пункты были доставлены более значительные воинские контингенты. Для коммуникации между ними были установлены казачьи разъезды и назначены суда Азовской флотилии Сенявина. Аналогичным образом учреждались посты и в других гаванях и пристанях Крыма.

Итак, основные задачи, которые ставила для себя Россия в войне с Турцией были выполнены: разгромлены главные силы османов на театре войны, повержен турецкий флот, занят Крымский полуостров, что стало основанием для отторжения от Турции татарских народов, что, как говорила Екатерина на заседании Государственного совета, «может почесться самым важным приобретением, какое мы от сей войны ожидать имели»⁵⁸.

На османов, напротив, потеря Крыма произвела гнетущее впечатление. Последовало низложение крымского хана и великого визиря за невнимание к организации обороны, казнь Абазеха-паши, однако ситуацию это спасти не могло.

По окончании летней кампании 1771 года 2-я армия предполагалось разделить на три корпуса: крымский под командованием генерал-поручика Ф. Ф. Щербатова оставался на полуострове, резервный под командованием генерал-поручика А. А. Прозоровского размещался на новой Днепровской линии и должен был в случае необходимости подкрепить Щербатова, наблюдательный под началом самого Долгорукова возвращался на старые квартиры по Украинской и частично Днепровской линиям; кроме этого, часть войск определялась для размещения в Польше.

Вывод войск начался к середине августа. Первоначально предполагалось оставить в Крыму на зиму корпус в составе 19 385 человек. Именно такое число приводится в документе штаба Долгорукова «Исчисление сколько войск в Крыму и где именно оставить оным на 10 месяцев считая с 1 сентября сего года по июль 1772 года оным потребно провианта». Однако решением Государственного совета численность Крымского корпуса была определена в 16 622 человека, а в реальности — ещё меньше.

Заключение

Поход армии князя Долгорукова в Крым, отмеченный императорскими наградами его участников и специальным титулом командующего в последующей военно-исторической литературе особого внимания не привлекал. Его заслонили более громкие и эффектные с военной точки зрения предприятия 1-й армии в Молдавии и на Дунае, тем более что именно к этим территориям было привлечено общественное внимание России во второй половине XIX века благодаря событиям на Балканах. Отмечавший ещё в 60-е годы XIX века важность этого похода в военной и политической истории России

⁵⁴ Записки генерал-фельдмаршала... С. 411.

⁵⁵ Там же. С. 422.

⁵⁶ Кучук-Узень.

⁵⁷ Рапорты, уведомления (1771–1774 гг.) // ГАРК, Ф. 535. Оп. 1. Д. 847. Л. 6–10.

⁵⁸ Архив Государственного Совета. Т. 1. С. 97–98.

А. Н. Петров в 90-х высказался о нём несколько уничижительно. *«Действия в Крыму, — написал он, — не дали прочных результатов, тогда как, ограничиваясь только наблюдением Крыма и усилив первую армию насчёт второй, можно было смело перенести наше оружие за Дунай, уничтожить визирскую армию и заставить Турцию заключить мир, не дав ей времени оправиться от погрома»*⁵⁹.

Ничтожные потери, отсутствие кровопролитных сражений как бы преуменьшали в глазах потомков значение этого похода. Впервые, пожалуй, он был по достоинству оценён лишь таким выдающимся отечественным военным историком, как Д. Ф. Масловский, который отмечал: *«Поход ген. князя В. М. Долгорукова в Крым в 1771 году резко отличается от прежних крымских походов основательностью подготовки операции и правильностью поставленной цели действий, — соответствовавшей ей основным условиям степной войны и политической обстановки <...>. Образцовая подготовка к походу кн. Долгорукова, план экспедиции, настойчивое и разумное исполнение основной его идеи, сообразно с обстоятельствами, делают Крымский поход первым поучительным образцом степных войн, ведшихся Россией с XVII столетия»*⁶⁰.

Лёгкость, с которой Долгоруков покорил Крым, конечно, достойна изумления, особенно на фоне тех трудностей, с которыми была сопряжена вся предшествующая трёхсотлетняя борьба России с Крымским ханством и его сюзереном — Османской империей. Существует большое искушение представить это прежде всего как результат глубочайшего внутреннего кризиса как Порты, так и Крымского ханства, который переживали эти государства в XVIII веке.

Все исследования едины в том, что оборона Крыма была организована из рук вон плохо. Тем не менее колоссальная роль в таком результате борьбы за Крым принадлежала русской дипломатии. Успех экспедиции Долгорукова во многом был обусловлен как предшествующей «татарской неготиацией», так и самим характером этого похода, который задумывался и осуществлялся не как карательная экспедиция, а как важная освободительная миссия России. Общественное мнение Крыма было основательно поколеблено работой русских резидентов, так что ни о каком организованном сопротивлении вторжению Долгорукова речь не шла. Екатерининская soft-power, вовремя дополненная hard-power, имела в итоге совершенно блестящий результат, далеко превосходивший все самые смелые ожидания.

Однако значение этого похода далеко выходит за рамки военной истории. Его результатом стал фактический выход из Русско-турецкой войны Крымского ханства и положено начало переходу его под российский протекторат. Весьма показательный факт: поход Долгорукова происходил ровно через 200 лет после сожжения крымским ханом Девлет-Гиреем Москвы в 1571 году. Благодаря экспедиции Долгорукова Россия, установив контроль над турецкими крепостями Керчь и Ени-Кале де-факто, де-юре получила столь необходимый ей выход к Чёрному морю. Тем самым были фактически достигнуты основные цели, которые ставила Россия в войне с Османской империей. Это в свою очередь позволило определить российские позиции на переговорах с Портой, которые начались в 1772 году и окончились подписанием Кучук-Кайнарджийского мира в 1774 году.

⁵⁹ Петров А. Н. Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства : в 2 т. Т. 1 : Война 1769–1774. СПб., 1893. С. 284.

⁶⁰ Масловский Д. Ф. Указ. соч. С. 241.

С. Н. Ткаченко

Глазами начштаба отряда

Воспоминания В. В. Костыркина о партизанской борьбе на Керченском полуострове в 1941 году

Источники личного происхождения относятся к особому виду повествовательных источников. В основном они представлены советскими военными мемуарами. Они — источник личного происхождения и наряду с дневниками, письмами являются в значительной степени субъективными. Их следует изучать только одновременно с другими документальными источниками по этой теме.

Большинство подобных работ в советский период вышло из-под пера военачальников и партийных деятелей среднего звена. К ним относятся бывшие командиры партизанских формирований, начальники штабов и комиссары. Воспоминания рядовых партизан в советский период не издавались вовсе.

В настоящее время в исторической науке наблюдается поворот от событийной истории к истории народной или массовой. Обозначился интерес исследователей к проблеме человека в истории, к истории становления его идентичности и осознания самодостаточности человеческой личности.

Картина войны будет неполной без оценок и интерпретаций определённых событий Великой Отечественной войны их непосредственными участниками и очевидцами¹. В новейших иссле-

дованиях Великой Отечественной войны изучаются источники личного происхождения с целью расширения глобальной картины войны и понимания психологии человека воюющего².

Мемуарная литература по крымскому партизанскому движению 1941–1944 годов довольно обширна. В последнее время она также пополняется издаваемыми воспоминаниями. Однако они почти недоступны рядовому читателю ввиду весьма скромных тиражей. Так получилось и с воспоминаниями В. В. Костыркина, изданными небольшими тиражами за счёт средств самого автора³.

Виктор Владимирович Костыркин — известный в Симферопольском районе виноградарь. Ещё в советское время он активно работал в этой отрасли, ныне пенсионер. Его предки оказались свидетелями и участниками многих ключевых исторических событий XX века. Например, дед Виктор основал хутор в Алтайском крае и участвовал в Русско-японской войне. Отец, Владимир Викторович, — очевидец событий Гражданской войны, один из ликвидаторов басмаческого движения в 1926–1930 годах, в Крыму до Великой Отечественной войны возглавлял несколько совхозов, вывел их в передовые.

*Виктор Владимирович
Костыркин*

¹ Дружба О. В. Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества : Динамика представлений об историческом прошлом. Ростов н/Д, 2000. 212 с.

² Сенявская Е. С. Человек на войне : историко-психологические очерки. М. : Вече, 1997. 195 с.

³ Костыркин В. В. XX век в рассказах моего отца и моей памяти. Симферополь : Самиздат, 2000. 124 с.

И обо всём этом они оставили воспоминания, заботливо записанные В. В. Костыркиным уже в послевоенное время. (Автор настоящей статьи рассказывал об истории этой семьи в крымской прессе⁴.)

Особый интерес представляет та часть мемуаров, которая озаглавлена «Война в Крыму, всё в дыму...». Знакомясь с событиями 1941 года на полуострове, не перестаёшь удивляться двум вещам: мифологии советской послевоенной пропаганды и щемящему чувству ежедневного личного горя. Горя тех людей, в числе которых были и Костыркины. В контексте исследования мы останавливаемся только на воспоминаниях, связанных с организацией партизанского отряда в Маяк-Салыньском районе Крымской АССР. При этом указанные записи снабжены минимальными поясняющими комментариями. Текст был любезно предоставлен самим В. В. Костыркиным для данной публикации.

«...На случай прихода немцев в Керчь был организован партизанский отряд⁵ в Караларских каменоломнях: на глубине десять метров 80-метровая нора с боковыми нишами⁶ — вот и всё. Просто неучи игрались в войну. Задачи отряда: диверсии на желез-

ной дороге (немцы ею не пользовались) и сбор разведданных (на кой чёрт они нужны, если нет рации и связи с войсками?!)⁷.

Руководителям хозяйств было приказано уничтожить всё продовольствие, чтобы немцам ничего не досталось⁸. Из совхоза удалось вывезти практически всё. Когда передовые немецкие танки проскочили по большаку и заняли все перекрёстки дорог, отец открыл совхозный винподвал и выбил чопы из винных бочек — единственное, что не вывезли за ненадобностью.

Тут же набежали женщины, каждая с двумя эмалированными вёдрами, и, не утруждая себя изцеживанием вина из бочек, просто зачерпывали изпод ног для быстроты, чтобы тут же вернуться.

Забегая вперёд, скажу, что был у нас в селе худой старик. У него не гнулась нога в колене. Несмотря на голодное время, он был всегда под хмельком. Увидев отца, он всегда хромал ему наперерез и старался обнять со словами: «Ты мой спаситель, ты меня от смерти спас!» Отец стеснялся и всегда старался незаметно обойти его стороной. Я спросил отца, за что он его благодарит? За то, что коммунисты

⁴ Ткаченко С. Сто лет семьи Костыркиных // Крымская правда. 2011. 21 апр. (№ 73).

⁵ В составе Керченской автономной группы партизанских отрядов (в некоторых публикациях группа именуется VI партизанским районом) должны были действовать четыре отряда. 7 ноября керченские отряды имени Ленина (61 человек) и имени Сталина (41 человек) организовано прибыли в места своего базирования — Аджимушкайские и Старокарantinские каменоломни. Отряд Маяк-Салыньского района в этот же день собрался в Караларских выработках, куда, однако, вместо 96 прибыло только 47 человек. В полном составе — а это 120 бойцов — не прибыл в свой лагерь отряд Ленинского района. Таким образом, группа насчитывала на день выхода 149 человек.

Маяк-Салыньский отряд формировался из истребительного батальона и совпартактива района. Его комплектование было начато с большим опозданием — в конце сентября, а создание баз — только в последних числах октября — начале ноября. Из-за преступно-безответственного отношения партийного и советского руководства района (первый секретарь РК ВКП(б) Туляков) до последнего момента командование отряда не могло получить продовольствие и средства МТО. Избранные для создания баз Караларские каменоломни и Опуцкие скалы не могли быть надёжным укрытием, а отсутствие в них запасов питьевой воды усугубляло этот недостаток. В связи с этими обстоятельствами командование отряда неоднократно просило командира керченских отрядов И. И. Пахомова разрешить базирование в Старокрымских лесах, куда уже было завезено и забазировано семь грузовиков продовольствия, для чего выделено 40 базировщиков из истребительного батальона. В последние дни октября Мокроусов и Смирнов потребовали вернуть продовольствие в Караларские каменоломни, что раскрыло населению место базирования отряда. В результате на сборный пункт 7–9 ноября пришли только 47 человек. Секретарь райкома Туляков не стал разбираться, в чём дело, и спешно выехал в Керчь, вслед за ним отбыл старший Опуцкой группы секретарь райкома Муртазаев, затем он самовольно выехал на Кубань. Член бюро РК ВКП(б) Горшенин, назначенный комиссаром отряда, исполнять свои обязанности отказался и за трое суток до сбора отряда дезертировал из района. Отряд просуществовал с 7 по 17 ноября.

⁶ Караларские каменоломни находятся в 5–5,5 км к северу от ст. Чистополье. Основная часть каменоломен входит в один крупный — более 5000 м — район, который разрабатывался с начала XX в. по 1940-е гг. Ширина района по фронту не более 700 м. В глубину выработка распространяется не более чем на 100 м, постепенно выклиниваясь в западном направлении. Пласт камня падает в южном направлении под углом от 6 до 8°. Большая часть выработок в хорошем состоянии. Высота ходов — от 2,7 до 4,5 м, ширина — около 4 м. Выработка камня производилась вручную, в один-два уступа. Входы представляют собой наклонные штольни, выходящие в борт карьера. Караларские каменоломни находились на территории закрытого в течение длительного времени военного полигона и поэтому были недоступны для исследователей.

⁷ НКВД Крымской АССР должен был обеспечить партизан техническими средствами, подготовленными специалистами и реквизитами для организации устойчивой радиосвязи. Однако в полной мере это не было выполнено, что сделало невозможным для командования партизанским движением управление партизанскими районами и отрядами в реальном масштабе времени, привело к длительным децентрализованным действиям районов и не дало организовать связь с политическим и военным руководством за линией. Отсутствие связи также сделало практически бессмысленным ведение в широких масштабах войсковой и зарождавшейся агентурной разведки, так как добытые ценой неоправданных потерь разведывательные сведения, в том числе и особо важные, оставались невостребованными.

⁸ Эвакуация людей и материальных ценностей являлась частью принятого в связи с вторжением немецко-румынских войск на территорию СССР плана перестройки народного хозяйства на военный лад. По вполне понятным причинам эвакуация не всегда проходила организовано, оперативно, в соответствии с намеченными планами. И когда не удавалось её провести, власти на местах были вынуждены уничтожать народное добро. При этом они руководствовались директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г.: «*Всё ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться*». Другое дело, что процесс уничтожения материальных ценностей имел подчас непродуманный, стихийный характер.

спасли от фашистов? Отец смущённо сказал, что нет, он его просто от смерти спас.

Вернусь к прерванному рассказу. Женщины продолжали носить вино, а отец стоял у входа в подвал и наблюдал, что делается. Появился хромым старик, спустился в подвал и нагнулся, оставив ногу, чтобы пить вино, и нырнул. Отец подождал. Не выныривает. Бегом сбежал по ступенькам в подвал, нащупал (под водой) под вином старика и бегом вытащил его на воздух. Там старик очухался.

Я спросил отца: а разве нельзя просто раздать это вино людям? Отец сказал, что нельзя. Всегда найдётся предатель, который выдаст. Немцы повесят одного-другого для острастки и получат всё сполна.

А то, что предатели есть, это факт. В совхозе оставалось три тонны лука. И вот вырыли яму. Закопали лук, а сверху поставили скирду соломы. Когда немцы пришли, бывший управляющий Собко выдал им лук. Те хлопали его по плечу: «Молодец! Старайся, получишь награду».

Разделавшись с вином, отец сел на заранее оседланного коня и по лоцинному подался в партизанский отряд. По просёлочной дороге пылила эмка (легковая машина). Поравнялась с отцом, остановилась. За рулём сидел Парельский⁹. Поздоровались. Парельский предложил место в машине, чтобы подвезти до переправы.

Караларские каменоломни в Керчи

— Мне в партизанский отряд, — ответил отец.

— Какой партизанский отряд в степи?! Это глупистика! А не ваш ли особый отдел его создал?

— Не наш, а при нас. Мы к этому никакого отношения не имеем¹⁰.

— Ты тоже, — сказал отец Парельскому, — до переправы не доедешь. Все перекрёстки перекрыты немецкими танками. Садись на моего коня и напрямик, через горку, давай на переправу. Я до отряда бегом добежу, здесь три километра.

Подожгли эмку, помог Парельскому взобраться в седло и через горку подался в отряд. Из каменоломни наблюдали за происходящим...¹¹

⁹ Парельский Николай Иванович (17.05.1909 — 26.01.1959) — известный руководитель-хозяйственник, в довоенное время — председатель Маяк-Салынского райисполкома (1939—1941 и 1943—1948 гг.). С его именем связано восстановление народного хозяйства Ленинского и соседнего с ним Приморского (бывшего Маяк-Салынского) районов в послевоенный период (исполнял должность председателя Приморского райисполкома, а с августа 1950 по май 1959 г. — первого секретаря Ленинского райкома партии).

¹⁰ В данном случае отряд формировался партийными органами, но с привлечением сотрудников спецслужб. Оперативное руководство за проведением разработанных мер в целом по Крыму возлагалось на первого секретаря Крымского обкома ВКП(б) В. С. Булатова и заместителя наркома НКВД Крымской АССР, начальника 4-го отдела НКВД майора милиции Н. Смирнова. В частности, на руководимый им отдел были возложены организация и руководство партизанскими отрядами, диверсионно-разведывательными группами и истребительными батальонами. Сотрудники отдела в целом оказывали помощь местным советским и партийным органам в создании партизанских отрядов, снабжении их вооружением, определении районов боевых действий, установлении порядка связи и системы паролей, подборе и инструктаже командного состава отрядов, обучении радистов и минёров, подготовке явочных квартир в городах и населённых пунктах. Однако следует сказать, что к выполнению намеченного руководство внутренних дел республики и местные советские органы оказались не готовы.

В подготовительный период сотрудники 4-го отдела НКВД Крымской АССР в своей деятельности руководствовались указаниями народного комиссара НКВД СССР Л. П. Берии. Так, в телеграмме, подписанной им 22 июля 1941 г., сообщалось: «На случай вынужденного отхода регулярных частей Красной Армии необходимо заранее готовиться к борьбе в тылу врага. При этом своевременно решать вопросы соблюдения строгой конспирации и особенно связи». Директива от 16 сентября 1941 г. «О подготовке к борьбе с оккупантами партизанскими методами» требовала: «Для формирования партизанских отрядов и групп использовать наиболее подготовленных бойцов и командиров истребительных батальонов и местных жителей. Все подготовительные мероприятия проводить строго конспиративно. Кроме отобранных лиц, никто не должен знать о проводимой работе».

¹¹ Отступление частей и подразделений Красной армии и неразбериха при этом описаны в мемуарах как советского периода, так и в современных публикациях дневников, при этом оценки в целом схожи (см.: Первушин А. Н. Дороги, которые мы не выбирали. М. : Изд-во ДОСААФ, 1974. С. 97—100 ; Батов П. И. В походах и боях. 3-е изд. М. : Воениздат, 1974. С. 131—135 ; Ефимов А. В. Дневник командующего Войсками Крыма и его автор Гордей Иванович Левченко (1897—1981) // Крым : иллюстрированный историко-краеведческий альманах. Вып. 2 / сост. А. Ф. Козлов, В. Ф. Козлов. М. : ИЦ «Краеведение», 2013. С. 292—296).

В Караларских каменоломнях

...Вот мчится по степи полторка, снаряжённая смертельным пулемётом, заскочила в котлован каменоломни и заняла позицию для стрельбы. В машине — морячки.

Показался румынский разъезд на конях, семь человек. Моряки подпустили разъезд поближе и как дали по ним из четырёх стволов, так сразу всё смешалось — кони, люди. Выскочили моряки из укрытия, побросали в кузов оружие, документы, сами вскочили в кузов и укатили. Затем появились три цепи немецких автоматчиков. Такое впечатление, что они тянутся от Чёрного моря до Азовского. Идут одна за другой, простреливают каждый бугорок, кустик...

По большаку запыхали войска в пешем строю, колоннами, побатальонно, автомашины, конные повозки, на которых сидели возчики в красноармейской форме: военнопленные или, скорее всего, перебежчики...

В партизанском отряде было 48 человек¹², но не знаю, это те, кто был в катакомбах, или с теми пятью, что были на запасной базе на Опук¹³ и двумя на овцеучастке. Отец был начальником штаба, его друг по работе, агроном Гриша Хорсун, — начальником разведки. В отряде также был начальник химслужбы и т. д., в общем, все — начальники¹⁴. Отец с Гришей ходили на разведку, на сбор сведений.

¹² Только 7 ноября на сборный пункт прибыли восемь человек из истребительного батальона, принимавших участие в обороне Ак-Монайских позиций.

¹³ Опукские каменоломни — самые небольшие, вглубь скалы входят не более чем на 30 м. Нет достоверных данных для определения времени возникновения каменоломни в теле вершинного плато горы Опук — в основном они активно разрабатывались в новое время и в XX в. Однако не исключено, что современные каменоломни возникли на месте древних разработок строительного камня.

¹⁴ То есть командный состав.

¹⁵ Пятнадцать партизан было арестовано СД (пять из них расстреляны), пять отступников пошли на службу к оккупантам и выдали базы отряда.

¹⁶ Важный факт с точки зрения применения химического оружия против крымских партизан в катакомбах.

Зашли в селе Кенегез в один дом, а там располагались возчики в красноармейской форме. Старик, хозяин дома, спрашивает возчиков:

— Не боитесь служить немцам?

— А чего нам бояться?

— Да хотя бы партизан!

— Пускай их боятся немцы. А я как возьму их со своего винтаря, так они как зайцы поскачут!

Смотрят отец с Гришей — вдруг засуетились, забегали возчики. Переглянулись и вышли из дома, затесались среди беженцев. Видят — прибежали немцы-жандармы и начали шнырять по сараям, по огородам, а потом и по степи¹⁵. Отец с Гришей вышли с толпой из села и были таковы. В то время дороги были забиты людьми, сорванными войной с мест.

...Как-то, недалеко от катакомб, на берегу Азовского моря, сделал вынужденную посадку Ю-88. Партизаны к нему подоспели раньше немцев. Около самолёта лежал тяжелораненый немецкий подполковник — инвалид, без ног, весь в крестах и орденах, так что у них тоже были свои мересевы. На вопрос, где экипаж, он махнул пальцем в сторону моря. Лётчики уже надули резиновые лодки иплыли в открытое море. Их перебили партизаны из винтовок. В карманах у них нашли билеты на вечер этого же дня в театр в Мариуполе.

Однажды сбежали из партизанского отряда наружные часовые — Федорченко и Луцин, рабочие совхоза «Мариянталь». Вернулись в семьи под тёплые бока жён. Предатель Собко выдал их, и они были арестованы. Им предложили на выбор: или они всё расскажут и будут награждены, или будут молчать и их повесят, а жён и дочерей определят в бардак, остальных расстреляют. Всё рассказали.

Немцы сунулись в катакомбы с прожекторами, факелами, фонариками, но им так дали, что они всё побросали и выскочили из катакомб. Немцы взорвали бочку аммонала и пробили дырку в катакомбе. Немножко ошиблись: дырка пришлась в нишу рядом со штабом отряда. Через отверстие начали подавать удушливый газ фосген¹⁶. Химик сразу это

определил. Часовые надели противогазы, остальные партизаны расположились вокруг костров. Фосген, нагреваясь, поднимается вверх и от высокой температуры разлагается¹⁷.

После газовой атаки отец проверил все посты, вернулся в штаб. Командир отряда сидит пьяный и, как баба, плачет и причитает: «Всё пропало!» Отец взял со стола бутылку со спиртом, трахнул об стенку и пошёл к партизанам. Те расположились около костра кружком. В середине стояла десятилитровая бутылка со спиртом, ещё не начатая. Отец из пистолета «приговорил» бутылку.

Некоторые с кулаками бросились:

— Ты что сделал?! Всё равно помирать!

— Так что, решили проявить пьяный героизм или принять пьяную смерть?! Объявить общий сбор! — приказал он.

Собрались. Стали думать и гадать, что делать. Учитель местной школы предложил выйти и дать бой. Ему возразили, что Красная Армия отступила с самолётами, танками, пушками, а он выйдет со своей трёхлинейкой и сделает немцам «победю». Решили пробить выход (10 метров — это не расстояние) и по двое-трое уходить в разные стороны, чтобы встретиться на запасной базе Опука¹⁸.

Бывший маркшейдер этой каменоломни сказал, что есть ещё выход, но он завален. Всё же легче разобрать, чем пилить камень. Часа за четыре, постоянно сменяясь, пробрали лаз и ночью разошлись. Отец ушёл вместе с Гришей Хорсуном.

Ночь, безводная степь, пить хочется. Около Мамы Русской заметили огонёк. Подошли. Татарский домик, во дворе лошади возле телеги мерно жуют сено, часовых не видно — значит, немцев нет. Перескочили через высокий забор, подошли к домику. Толкнули дверь, она и открылась. По двум ступенькам спустились в первую небольшую комнату. В комнате были старик татарин и девочка семнадцати лет. На просьбу, чтобы дали воды попить, старик резко и враждебно ответил, что воды нет. Затем подумал и сказал, что сейчас принесёт, и двинулся к двери. Девочка за его спиной пальцем показывала, чтобы его не выпускали. Гриша сел на ступеньки и, помахивая пистолетом, сказал, что воды уже не надо. Татарин вспыхнул: «Что ты команду-

ешь в моём доме?!» — и ушёл в другую комнату. Девочка сказала: «Не выпускайте его, он вас выдаст! За выдачу каждого скрывающегося красноармейца, партизана, коммуниста, еврея немцы платят 50 марок. Он выдал бабу, мать и дочь, евреев, и получил 150 марок. Вы его не убивайте — он мой отец. В доме воды нет — вот только литровая банка есть». Она отдала воду и дала полную сковородку жареной картошки. Когда попили-поели и собрались уходить, вышел татарин. Они его предупредили, что если он до утра выйдет из дома, то его «шлёпнут».

Вышли из дома, перебежали двор, перемахнули через изгородь и побежали в степь. Не успели отбежать и двухсот метров, как татарин загромыхал на бричке в сторону Мамы Русской. Бежали всю ночь, на рассвете на бурьянистом поле залегли. Как только рассвело, появились три танкетки. Они, как челноки, прочёсывали поле. Расстояние между танкетками — метров сто пятьдесят. В люке, выгнувшись по поясу, стоит немец и крутит головой, всё просматривает.

Гриша говорит: «Давай стрельнем!»

«Я был отличным стрелком, — ответил отец, — и то не уверен, попаду ли. А они и стрелять не будут, подадут гусеницами. Вот если обнаружат, тогда стреляй».

Не обнаружили. Пришли в Керчь, к отцовой сестре и «ушли в подполье». В полном смысле этого слова: вырыли под полом окопчик и днём безвылазно сидели в нём. Два-три раза в день проходили обыски немецких патрулей или полицейских. Сидели в подполье со взведёнными курками пистолетов, хотя не знали, смогут ли стрелять, — погибнут ведь хозяйка и её дочь. Сестру послал в район Опука разведать обстановку. На третий день вернулась: «Татары сообщили немцам о партизанской базе на Опуке. Приехало несколько машин с автоматчиками, цепью прочёсывали Опука. Пять партизан, охранявших базу, сели на лодку и вышли в иштормовое море. Больше их никто не видел...»

Базу разграбили татары¹⁹. После войны проводили расследование, но ничего не добились: никто ничего не видел и не знает. Круговая порука.

...Учитель с ещё двумя партизанами после выхода из катакомбы вступил в бой с немцами то ли

¹⁷ Фосген (дихлорангидрид угольной кислоты) — химическое вещество с формулой CCl_2O , при нормальных условиях — бесцветный газ с запахом прелого сена. Обладает удушающим действием. Смертельная концентрация — 0,01–0,03 мг/л (15 мин). Контакт фосгена с лёгочной тканью вызывает нарушение проницаемости альвеол и быстро прогрессирующий отёк лёгких. Антидота не существует. Защита от фосгена — противогаз. При обычной температуре фосген — стабильное соединение. При сильном нагревании он частично разлагается на хлор и окись углерода. Выше 800 °С полностью диссоциирует (распадается на составные части).

¹⁸ Командование отряда растерялось, не выполнило приказ о развёртывании партизанской борьбы и через 10 суток после взрыва, произведённого немецкими сапёрами у главного входа в штольню, распустило партизан для самостоятельного перехода в другие каменоломни. В итоге командир отряда И. И. Шульга и комиссар Д. К. Ткаченко 17 ноября 1941 г. легализовались и дали подписку оккупационным властям о прекращении борьбы.

¹⁹ Продовольствие и имущество вместе с немцами и румынами растащило население с. Маяк-Салынь и окрестных сёл.

намеренно, то ли напоровишься на засаду. Один из партизан был ранен, и поэтому группа лишилась ма-нёвра. Все трое погибли в бою.

Директор соседнего совхоза, Рюмин, удачно вы-шел из каменоломни и устроился грузчиком на мель-ницу в Ак-Монае (теперь Каменское), отпустил бо-роду, весь был белый от муки. Но его опознал быв-ший кулак и выдал немцам, те Рюмина повесили.

Секретарь Керченского горкома партии²⁰ выхо-дил из каменоломни почему-то один. На рассвете забрался в стог сена и уснул. Его выковырнули из стога румынские солдаты, приехавшие за сеном. Связали и доставили в немецкую комендатуру. Немцы били его смертным боем — кулаками, сапо-гами, прикладами. Он терял сознание, они его об-ливали водой и снова били. На лбу вырезали ножом три звезды. Когда он не приходил в сознание, немцы шли в соседнюю комнату и пили водку... Он пришёл в сознание, за тумбочкой сидел часовой и читал во-енный разговорник: «хенде-хох — руки вверх». Это ему казалось смешным, и он громко смеялся. Секре-тарь попросил воды. Часовой с керосиновой лампой подошёл к нему, нагнулся, посмотрел и, сняв остро-рожно головку лампы, облил лицо керосином. Затем сел за свою тумбочку и продолжал смеяться над разговорником.

Его даже не обыскали. Партизан лежал на спи-не на связанных руках. Из заднего кармана брюк с трудом достал перочинный нож, раскрыл его и, на-нося раны на руки, разрезал ременные пуги. Потом из этого же кармана вытащил бельгийский писто-лет, первый номер (забрали у убитых немецких лёт-чиков), подошёл к немецкому часовому и выстрелил ему в затылок. Выскочил во двор — наружного ча-сового не было. Он перебежал двор, перемахнул че-рез забор и побежал по огороду. Но силы оставили его, и он упал. Выскочившие во двор немцы обиа-рили двор, запалили стог сена и, вскочив на мото-циклы, начали шарить по степи, а он шёл следом и говорил: «Давай, фрицы, лучше светите!»

На следующую ночь он пришёл к своему дому. Чтобы не испугать жену, встал напротив окна — там луна лучше его освещала — и постучал легонько пистолетом по стеклу. Из дома раздался выстрел. Пуля прохватила грудь. Он бросился через двор и за-

тесался в сорокасантиметровую щель между сара-ем и забором. Из дома выскочили немцы, подожгли стог сена во дворе, всё перерыли, перевернули вверх дном, но его не нашли.

Под утро вышел по малой нужде сосед-тата-рин, и партизан позвал его:

— Ахмед!

Тот с перепугу чуть не сходил по большой нужде.

— Уходи, в доме засада, тебя ждут.

— Уже дождались. Я ранен.

Ахмед порвал подол своей рубашки, перевязал раны, принёс кувшинчик молока и ломоть хлеба — и так каждую ночь, пока партизан не смог уйти. Ушёл в дальнюю деревню, к дальним родственни-кам, до первого освобождения Керчи...»

Таков взгляд на события осени 1941 года — не-предвзятый, без злобы на советскую власть, предста-вители которой не сумели организовать партизан-скую борьбу, учитывая местные условия. Принимая во внимание, что исследования советского периода, а также сборники документов тех лет не отражают историю организации некоторых отрядов партизан на Керченском полуострове в 1941 году, а современ-ные — весьма фрагментарны, приведённые выше воспоминания могут являться ценным повествова-тельным источником по проблеме. Однако и к ним необходим критический подход, хотя не всё подда-ётся проверке архивными документами ввиду отсут-ствия таковых.

В истории партизанского движения на Керчен-ском полуострове, как и по всему Крыму, есть много противоречий. Идеологизация и схематизация этой страницы войны в послевоенные годы сопровождалась формированием мифологизированного образа этого явления, чрезмерной героизацией действитель-но тяжёлых партизанских будней. Введение в науч-ный оборот неизвестных ранее источников позволит по-новому взглянуть на реалии того времени, дать объективные оценки тому, что происходило в Кры-му в период 1941–1944 годов. Вместе с тем думает-ся, что правда о тех событиях не затмит мужества и стойкости крымчан, которые в чрезвычайно сложных условиях оказывали вооружённое сопротивление не-мецко-румынским захватчикам и их пособникам.

²⁰ Фамилию этого человека установить не удалось. Известно, что первым секретарём Керченского городского комитета ВКП(б) с 1940 по 1945 г. был Н. А. Сирота, но с ноября 1941 по январь 1942 г. он находился в распоряжении ЦК ВКП(б), работал заместителем заведующего оргинструкторским отделом Новосибирского областного комитета партии. По-видимому, упомянутый человек — один из членов горкома, возможно — заведующий каким-либо отделом. С 1937 г. структура Керченского городского комитета партии включала в себя секретариат, отдел партийных кадров, отдел партийной пропаганды, агитации и печати, отдел промышленности и транспорта, советско-торговый отдел, отдел школ и науки, сектор учёта и финансово-хозяйственный сектор. Существовавшие в 1936 г. отдел культурно-просветительской работы и сельскохозяйственный отдел были упразднены.

1. *Батов П. И.* В походах и боях. 3-е изд. М. : Воениздат, 1974. 231 с.
2. Дневник И. А. Козлова из фондов Керченского заповедника / подгот. текста Г. В. Коротковой // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. 2. Керчь, 2008. С. 484–538.
3. *Дружба О. В.* Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества : Динамика представлений об историческом прошлом. Ростов н/Д, 2000. 212 с.
4. *Ефимов А. В.* Дневник командующего Войсками Крыма и его автор Гордей Иванович Левченко (1897–1981) // Крым : иллюстрированный историко-краеведческий альманах. Вып. 2 / сост. А. Ф. Козлов, В. Ф. Козлов. М. : ИЦ «Краеведение», 2013. С. 292–296.
5. *Загорулько М. М., Юденков А. Ф.* Крах плана «Ольденбург»: (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). М. : Экономика, 1980. 393 с.
6. *Картамышев А. И.* Боевые отравляющие вещества. М. ; Ташкент : САОГИЗ, 1934. 112 с.
7. Керчь героическая. Воспоминания, очерки, документы / сост. Н. А. Сирота. Симферополь : Таврия, 1974. 238 с.
8. Керчь и Керченский полуостров в годы войны (1941–1945). Керчь : РИА «Боспор ЛТД», 1994. 78 с.
9. *Короткова Г. В.* К вопросу о планировании и организации подпольного движения на Керченском полуострове в период первой оккупации 1941 года // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. Вып. 1. Симферополь, 2002. С. 103–110.
10. *Короткова Г. В.* Партизанское и подпольное движение в г. Керчи и на Керченском полуострове в первый период оккупации: планирование, организация, итоги // Керчь военная : сб. ст. / Керч. гос. ист.-культ. заповедник ; ред.-сост. В. В. Симонов. Керчь, 2004. С. 101–126.
11. *Костыркин В. В.* XX век в рассказах моего отца и моей памяти. Симферополь : Самиздат, 2000. 124 с.
12. Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Симферополь : Крымиздат, 1963. 376 с.
13. Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. и материалов. Симферополь : Таврия, 1973. 496 с.
14. *Мельничук Е. Б.* Партизанское движение в Крыму. Накануне. Кн. 1. Львов : Гриф Фонд, 2008. 163 с.
15. *Мельничук Е. Б.* Подготовка партизанского движения в Крыму // Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы : [сб.]. 2007. № 4. С. 98–101.
16. Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны : сб. док. и материалов. 1941–1944 гг. / сост. А. В. Мальгин, Л. П. Кравцова, Л. Л. Сергиенко. Симферополь : СОНАТ, 2006. 268 с.
17. *Первушин А. Н.* Дороги, которые мы не выбрали. М. : Изд-во ДОСААФ, 1974. 271 с.
18. *Сенявская Е. С.* Человек на войне : историко-психологические очерки. М. : Вече, 1997. 195 с.
19. *Симонов В. В.* Партизанское движение на Керченском полуострове в ноябре-декабре 1941 г.: организация, возможности, итоги // Пантикапей — Боспор — Керчь. 26 веков древней столице : материалы междунар. конф. Керчь, 2000. С. 214.
20. *Сирота Н. А.* Так сражалась Керчь. Симферополь : Крымиздат, 1961. 150 с.
21. *Ткаченко С.* Сто лет семьи Костыркиных // Крымская правда. 2011. 21 апр. (№ 73).
22. Учебник химиста флота / А. Н. Максимов, В. Г. Марковский. М. ; Л. : Упр. воен.-мор. изд-ва НКВМФ СССР, 1945. 331 с.
23. *Шишов Л. В.* Противохимическая защита бойца. М. : Воениздат НКО СССР, 1941. 64 с.
24. ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 625. Отчёты и доклады начальника партизанских отрядов Керченского полуострова и секретарей Керченского горкома о боевой и политической деятельности отрядов за период с августа 1941 г. по январь 1942 г. со списками личного состава. 22.11.1941 — 10.04.1942. 20 л.

Перекрёстки истории

М. Б. Кизилов

Письмо польских пленников 1660 года из Бахчисарая как источник по истории работорговли в Крымском ханстве в раннее новое время

Торговля невольниками была одним из основных источников дохода экономики Крымского ханства и Османской Турции. В результате грабительских набегов тысячи пленников (преимущественно славянского происхождения, с территории современных России, Украины, Польши и Белоруссии) ежегодно поставлялись крымскими татарами на рынки Крыма, Османской империи и далее на мусульманский Восток. По оценке Д. Колоджейчика, в период между 1500 и 1700 годами крымскими татарами было захвачено в плен около двух миллионов пленников, большая часть из которых славянского происхождения [Kołodziejczyk, 2006, p. 151–152; о работорговле в Крыму см. также: Kizilov, 2007a, p. 1–31; Kizilov, 2007b, p. 189–210]. Приток пленников особенно возрос в середине XVII века, во время участия крымских татар в польско-казацкой войне эпохи Богдана Хмельницкого. Османский путешественник XVII века Эвлия Челеби хвастливо писал о том, что крымский хан Ислам Гирей III (правил с 1644 по 1654 г.) 71 раз вторгался на территорию Польши, захватив при этом в плен 200 тысяч евреев; позднее пленного еврея можно было купить за цену трубки табака [см.: Senai, 1971, s. 64]. По словам путешественника, в 1666 году, для того чтобы уклониться от выплаты дополнительного налога на рабскую силу, введённого ханом Адиль Чобан Гиреем, местные работорговцы продавали трёх

здоровых пленников за одну золотую монету. Общее число рабов в Крымском ханстве в этом же году, согласно Челеби, составляло 920 тысяч [Czelebi, 1969, s. 355, 361]. Несмотря на то что данные путешественника, безусловно, значительно завышены, они дают нам хотя бы приблизительное представление о том, как много пленников находилось на территории Крыма в XVII веке. Для сравнения: в одном из писем пленников упоминается, что в 1660 году в Крыму находилось около 40 тысяч одних только польских невольников [Eszer, 1971, s. 219]. В 1744 году число польских пленников на полуострове составляло около 45 тысяч [Inglot, 2004, s. 198].

Побывавшие в Крыму пленники зачастую оставляли воспоминания о своём пребывании в неволе. Достаточно вспомнить дневники Йоханнеса (Ганса) Шильтбергера, проведшего более 30 лет в плену (с 1394 по 1427 г.), заметки англичанина Астракана, отрывки из воспоминаний пленников, зафиксированные в трудах Н. Витсена и французском переводе реляции Джованни Джулиани да Люкка [Astrakan, 1677, p. 119; de Lucca, 1663, p. 14–23¹; Witsen, 1705, p. 567–587; о сведениях пленников в труде Н. Витсена см. также: Kizilov, 2012, p. 169–187].

Некоторые невольники писали письма — как правило, с просьбами о выкупе. Из подобных источников эпистолярного характера до нас дошли, к примеру,

¹ К французскому переводу заметок да Люкка, изначально написанных по-итальянски, прилагаются подробные замечания польского шляхтича, побывавшего в крымском плену в XVII в.

письма боярина В. Шереметева, В. Грязного, А. Станционе и Ф. Пископо, последнего префекта Второй доминиканской миссии в Крыму [Вторая миссия действовала с 1624 по 1665 г.; о её истории см.: Filamondo, 1695; Loenertz, 1935a; Eszer, 1967; Eszer, 1968; Eszer, 1969; Eszer, 1971; Eszer, 1972; о Первой миссии см.: Loenertz, 1935b]. С 1660 по 1681 год узником Чуфут-Кале был русский воевода Василий Борисович Шереметев. Сам боярин в отчаянии писал царю Алексею Михайловичу об ужасных условиях своего заключения: «*Мухамед-Гирей царь мучил меня. Никого так не мучает, которые есть государевы люди у мурз, у аг и у чёрных татар... Кайдалы на мне больше полпуда, чептыре года заперт я в палату, окна заделаны каменьями, оставлено только одно окно, и свет вижу и ветер проходит только в то окно. На дворе из избы пяди не бывал я шесть лет и нужу всякую исполняю в избе, и от духу и от нужи и от тесноты больше оцёнжал, и зубы от цынки повывадали, а от головных болезней вижу мало, а от кайдалов обезножил, да и оглодел...*» [цит. по: Ветлина, 1955, с. 309; см. также: Герцен, Могаричев, 1993, с. 92]. В другом письме боярин добавляет: «*...в кайдалах великих мучился три годы. Людей своих, да не только своих, ни бусурманов не видал. Не только на дворе, на улице никому мимо двора пройтись не сметь было*» [цит. по: Шапшал, 1993, с. 18]. В одно время с Шереметевым в заключении находился стольник князь Андрей Ромодановский. Оба пленника были выкуплены в 1681 году посольством, посланным для заключения Бахчисарайского мирного договора [Статейный, 1850, с. 63, 152–153]. В той же самой битве под Чудновым, где был пленён Шереметев, в плен попал один из мелких польских челядников, вероломно схваченный татарами, несмотря на союзнические отношения с Польшей в то время. Равно как и Шереметева, судьба занесла этого челядника на Чуфут-Кале (Kale), где он пребывал в неволе у некоего «еврея» (видимо, караима). Там его обнаружил польский посол Владислав Шмелинг [AGAD AKW, 1661a, s. 7]².

О пребывавших в заключении на Мангупе московских пленниках писал в 1578 году Мартин Броневский: «*В то строение³ варварским гневом ханов нередко ввергаются московские посланники и после строго там охраняются*» [Broniovius, 1595, p. 7]. Несомненно, что под «московскими посланниками» Броневский имел в виду двух наиболее известных узников мангупской тюрьмы, соратников Ивана Грозного, Афанасия Нагого (в заключении на Ман-

гупе с 1569 по 1572 г.) и Василия Грязного (1577 г.), выкупленных царём из неволи незадолго до приезда путешественника. С Нагим и его сотоварищем Фёдором во время их пребывания в заключении общался мангупский «ага Магмут» [Карамзин, 1989, с. 75, прим. 252]. В. Грязной слёзно умолял Ивана Грозного выкупить его: «*...[хан] меня отослал в Манкуп, да мало велел ести давати: только б не твоя государская милость застала душу в теле, ино было с голоду и с наготы умерети*» [Карамзин, 1989, с. 124–125, прим. 406]. В течение длительного времени (весна 1632 — осень 1633 г.) на территории Мангупа были насильственно удерживаемы участники посольства П. Соковнина и Т. Голосова. Вследствие отсутствия у них каких-либо средств (сразу по приезде россияне были полностью ограблены), члены посольства вынуждены были «*кормиться работой*», т. е. наниматься в услужение местному населению. Всё это время пленники находились в полной изоляции и не могли послать вестей в Россию [Новосельский, 1948, с. 194].

О заключении в Чуфут-Кале в 1648 году гетманов Николая Потоцкого и Мартина Калиновского, а также ряда других знатных польских шляхтичей пишут крымские хронисты — татарин Хаджи Мехмед Сенаи и армянин Хачатур Кафайеци [Сенаи, 1998, с. 26–27; Schütz, 1975, s. 159; см. также: Baranowski, 1947, s. 44–45]. После освобождения гетманов под залог там же, в Чуфут-Кале, по-видимому, содержался сын Потоцкого, Станислав. В Главном архиве древних актов в Варшаве автором данной работы был выявлен ряд важных архивных документов относительно пребывания в крымской неволе гетманов Калиновского, Потоцкого и его сына [AGAD AKW, 1655/1651, s. 2; AGAD AKW, 1651; AGAD AKW, 1661b]. К сожалению, ни в одном из документов не указывается, в каком именно населённом пункте пребывали пленники; тем не менее свидетельства двух вышеуказанных хронистов прямо указывают на Чуфут-Кале как на место их заключения. В 1657 году в Чуфут-Кале находился трансильванский князь Янош Кемень, описавший в письмах из Крыма «ужасное заключение» в чуфуткальской тюрьме [Schütz, 1977, p. 104; Kemeny, 1959, p. 391–395].

В декабре 1662 года в татарский плен по подозрению в шпионаже попали пятеро доминиканских миссионеров, занесённых в результате кораблекрушения в порт Балаклавы. Закованные в кандалы, четверо из них были высланы в «Мансур» (Мангуп), в то время как префект миссии, Франческо Пископо, был

² Посол указывал на то, что челядник «*mi się ozuwa na Kale i Zyda zaprzედany*» («отзывается с Кале, будучи проданным [находясь в неволе] у еврея»). Интересно, что Б. Барановский, напечатавший статью о чуфуткальских пленниках на страницах журнала «*Myśl Kałaimska*» не только неверно указал исходные данные этого документа, но и процитировал его в несколько «цензурированном» виде, без слова «еврей» [Baranowski, 1947, s. 49].

³ То есть мангупскую тюрьму, находившуюся, по всей видимости, в нижнем этаже цитадели на мысе Тешкли-Бурун.

доставлен в Бахчисарай ко двору Мехмед Гирея IV (правил в 1641–1644 и 1654–1666 гг.), где пленник был вынужден заниматься изготовлением искусственных цветов из шёлка. Попавшие на Мангуп доминиканцы с интересом рассказывали о том, что на праздник Пасхи к ним секретно приходили исповедоваться местные католические невольники и даже одна пленница православной веры [Eszer, 1971, s. 227; Filamondo, 1695, p. 90–107]. Письма пребывавших в неволе до ноября 1663 года доминиканских миссионеров также представляют огромный научный интерес [см. письмо Ф. Пископо (AGAD AKW, 1663); письмо Агостино Станционе от 2 февраля 1664 г. (Eszer, 1971, s. 235–239)]. О десятках монахов-иезуитов, рабочих крымской иезуитской миссии, при тех или иных обстоятельствах побывавших в крымском плену в XVII–XVIII веках, красноречиво свидетельствуют до сих пор практически неизвестные источники архива Римского общества Иисуса (Archivum Romanum Societatis Iesu) [данные архива были частично проанализированы (Inglot, 2004, s. 177–204)].

Несмотря на то что, казалось бы, у историков в распоряжении достаточно сведений о пленниках, находившихся в неволе в Крымском ханстве в раннее новое время, письмо польских пленников из Бахчисарая, датированное 7 декабря 1660 года и публикуемое в данной статье, стоит особняком [AGAD AKW, 1660]. Пожалуй, ни в одном другом источнике нет такого количества информации о быте, повседневной и религиозной жизни польских невольников. Кроме того, это единственное известное в настоящий момент групповое письмо, подписанное сразу 14 невольниками и викарием Бенедиктом Стефановичем. Исходя из того, что пленники могли собраться вместе со святым отцом для написания этого послания, можно предположить, что у них была относительная свобода передвижения в границах Бахчисарая. Данное письмо едва

ли могло быть направлено польскому королю, как это полагали составители каталога архивных документов татарского отдела Главного архива древних актов в Варшаве. На наш взгляд, его адресатом мог быть, скорее всего, один из католических иерархов в Риме, о чём недвусмысленно свидетельствует обращение «его милость преподобный пастырь». Из других архивных источников нам известно, что аналогичные жалобы (видимо, на латыни, а не на польском), также датированные 7 декабря 1660 года, были посланы пленниками в Рим главе Ордена проповедников, а также кардинал-префекту отдела пропаганды веры [Eszer, 1971, s. 220, Anm. 145]. Из документа можно сделать вывод о том, что в самом Бахчисарае находилась небольшая католическая миссия и церковь, куда Рим периодически посылал священнослужителей⁴. Из данного письма и других источников [Loenertz, 1935a, p. 272] нам становится известно, что в октябре 1658 года умирает префект доминиканской миссии в Крыму Раймунд Харжевский, характеризующий пленниками как «добрый пастырь»⁵. Помимо него, в миссии состояли также отцы Лукаш Токаржевский и Йендржей Тушовский. Незадолго до смерти Харжевского в Бахчисарай прибывает молодой австриец Винцентий (Винценц) Пинкельман (в письме пленников Vincenti Pinkielman)⁶, с которым, как явствует из письма, у польских католических пленников установились крайне неудачные отношения. По словам невольников, указанный священник забрал из церкви не принадлежащие ему деньги и вещи, насмеялся над польскими невольниками, часто без предупреждения покидал Крым, однажды погнался с оружием в руках за армянами и даже посещал татарские мечети⁷. Возмущённые поведением Пинкельмана поляки просят в письме о том, чтобы главой миссии в Бахчисарае стал отец Феликс Мондвид⁸, а также викарий Бенедикт Стефанович⁹, один из составите-

⁴ По сведениям Эвлия Челеби, в Бахчисарае в 1665–1666 гг. были церкви армян и греков [Czelebi, 1969, s. 293]. Из других источников мы знаем, что в XVII в. католические храмы, часовни и алтари были в селениях Сююр-Таш (Белокаменка), Фоти-Сала (Голубинка) и Перекопе; в Каффе находилась католическая церковь Св. Петра [Loenertz, 1935, p. 266, 269–270; Eszer, 1971, p. 181, 208, 224]. В 1652 г. Раймунд Харжевский основал доминиканскую миссию в Гёзлэве; тамошние католики обустроили небольшой алтарь с изображением Св. Марии в крипте разрушенной татарами армянской церкви; в 1655 г. Харжевский основал миссию и часовню Св. Гиацинта в Карасубазаре; в 50-е гг. XVII в. он же выстроил католическую церковь и приют в самом Бахчисарае [Eszer, 1971, s. 209, 211]. Кроме того, известно, что католики собирались также в армянской церкви Св. Григория в Бахчисарае [Eszer, 1971, s. 220–221].

⁵ Имя в миру — Ян Харжевский (ок. 1600 – 1658); в 1647 г. был назначен префектом доминиканской миссии в Крыму; в 1648/1649 г. он достиг Каффы, где составил каталог местной доминиканской библиотеки; активный и убежденный миссионер, он основал в Крыму несколько новых часовен, вернул в лоно церкви множество перешедших в ислам христиан; умер в Крыму в октябре 1658 г., оставив о себе память как о подвижнике своего дела, неутомимом миссионере и проповеднике католической веры [см. о его биографии: Loenertz, 1935; Eszer, 1971, s. 201–203, 206–215, 218–221, 232–234; Ozorowski, 1981, s. 279].

⁶ Правильная форма имени — Винценц Бинкельманн (Vinzenz Binkelmann; в источниках известен также как Pincelmann, Pinghirman и т. п.; ок. 1633 — 25 апреля 1661). В 1659 г. покинул Крым и возвратился туда только в 1660 г. Умер в Константинополе, оставив после себя множество долгов. О его биографии см.: Eszer, 1971, s. 213–222.

⁷ Неизвестно, насколько верны все эти обвинения. Из других источников мы знаем, что в Каффе Пинкельман успешно занимался проповеднической деятельностью, вернул в лоно католической церкви одного ренегата, перешедшего в ислам, окрестил четырёх турецких детей, рождённых от матерей-христианок и т. п. [Eszer, 1971, s. 218].

⁸ О Мондвиде (alias Modwid, Monwit) см.: Eszer, 1971, s. 217–218, 220–222, 226.

⁹ О Б. Стефановиче см.: Eszer, 1971, s. 220–221, 223–224, 227–229.

лей данного письма. Из других источников известно, что Бенедикт Стефанович действительно остался в Крыму, в то время как префектом местной доминиканской миссии был назначен Франческо Пископо [Eszer, 1971, s. 227, 234].

Подводя итоги, следует отметить, что письмо польских пленников 1660 года является одним из

важнейших источников относительно положения и быта невольников в Крымском ханстве. Кроме того, сопоставление данного документа с другими источниками по истории Второй доминиканской миссии в Крыму позволяет в мельчайших деталях восстановить подробности нелёгкой работы католических миссионеров в Таврике в XVII веке.

Ветлина В. Крымские путешествия. М., 1955.
Герцен А. Г., Мозгаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Чуфут-Кале. Кырк-Ор. Симферополь, 1993.
Карамзин Н. М. История государства российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9.
Новосельский А. Л. Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948.
Сенаи Х. М. Книга походов. Симферополь, 1998.
 Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова посольства в Крым в 1680 году // ЗООИД. 1848. Т. 2.
Шатиал С. Караимы и Чуфут-Кале в Крыму. Симферополь, 1993.
 AGAD AKW Dz. Tatarskie, k. 61, t. 51, № 193. List p. Franciszka prefekta misji dominikańskiej, wysłanego na Krym. 24.04.1663.
 AGAD AKW Dz. Tatarskie, k. 60, t. 13, № 13. Skarga jeńców polskich z Bachczeseraju (do króla) na tamtejszego misjonarza katolickiego o. Vincentego Pinkielmana, z urodzenia Niemca. Dek. 7. [1660].
 AGAD AKW Dz. Tatarskie, k. 60, t. 106, № 111. List Selihan bint Kaplan — żony Sefer Gazi agi wezyra krymskiego do M. Prażmowskiego. 21.01.1661b.
 AGAD AKW Dz. Tatarskie, k. 60, t. 117, № 122. List Władysława Szmielinga, posła na Krym, do Jana Kazimiera króla polskiego. 24.04.1661a.
 AGAD AKW Dz. Tatarskie, k. 62, t. 117, № 451. List Islam Gireja III chana krymskiego do M. Potockiego. 1651.
 AGAD AKW Dz. Tatarskie, k. 62, t. 58, № 390. [1655/1651]
Astrakan. A Short Description of All the Kingdoms which Encompass the Euxine and Caspian Seas // Tavernier J. B. A New Relation of the Inner Part of the Grand Seignors. London, 1677.
Baranowski B. Dzieje jasyru na Gródku karaimskim // Myśl Karaimska. 1947. Т. 2.
Broniovius M. Tartariae Descriptio. Coloniae Agrippinae, 1595.
Czelebi E. Księga podróży Ewliji Czelebiego (Wybór) / Red. Z. Abrahamowicz. Warszawa, 1969.
de Lucca J. Relation de Tartare du Crim // Relation de Divers Voyages Cureux. Paris, 1663. Pt. 1.
Eszer A. Die «Beschreibung des Schwarzen Meeres und der Tatarei» des Emidio Portelli D'Ascoli // AFP. 1972. № 42.

Eszer A. Die Gemeinde von Čobruči am Dnestr und die II. Krim-Mission der Dominikaner // Angelicum. 1969. № 46.
Eszer A. Emidio Portelli D'Ascoli und die II. Krim-Mission der Dominikaner (1624–1635) // AFP. 1968. № 38.
Eszer A. Giovanni Giuliani da Lucca O. P.: Forschungen zu Senem Leben und zu Seinen Schriften // AFP. 1967. № 37.
Eszer A. Neue Forschungen zur Geschichte der II. Krim-Mission der Dominikaner (1635–1665) // AFP. 1971. № 41.
Filamondo R. M. Raguaglio del viaggio fatto da'padri dell'ordine de'Predicatori, inviati dalla Sagra Congregazione de Propaganda Fide missionarii apostolici nella Tartaria minore l'anno 1662. Napoli, 1695.
Inglot M. Misjonarze jezuitcy na Krymie od początku XVII do połowy XVIII wieku // Polacy na Krymie / Red. E. Walewander. Lublin, 2004.
Kemény J. Önéletírása és válogatott levelei. Budapest, 1959.
Kizilov M. Slave Trade in the Early Modern Crimea from the Perspective of Christian, Muslim, and Jewish Sources // Journal of Early Modern History. 2007a. Vol. 11. № 1–2.
Kizilov M. Slaves, Money Lenders, and Prisoner Guards: The Jews and the Trade in Slaves and Captives in the Crimean Khanate // Journal of Jewish Studies. 2007b. Vol. 58. № 2.
Kizilov M. «Noord en Oost Tartarye» by Nicolaes Witsen. The First Chrestomathy on the Crimean Khanate and its Sources // The Crimean Khanate between East and West (15th–18th Century) / Ed. D. Klein. Wiesbaden, 2012.
Kolodziejczyk D. Slave Hunting and Slave Redemption as a Business Enterprise: the Northern Black Sea Region in the Sixteenth to Seventeenth Centuries // Oriente Moderno. 2006. Vol. 25:1.
Loenertz R. Le origini della missione secentesca dei Domenicani in Crimea // AFP. 1935a. №5.
Loenertz R. Deux eveques dominicains de Caffa // AFP. 1935b. № 5.
Ozorowski E. Charzewski Rajmund // Słownik polskich teologów katolickich / Red. H. E. Wyczawskiego. Warszawa, 1981. Т. 1.
Schütz E. Eine Armenische Chronik von Kaffa aus der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts // AOASH. 1975. № 29.
Schütz E. The Tat People in the Crimea // AOASH. 1977. № 31.
Senai H. M. Historia chana Islam Gereja III / Red. Z. Abrahamowicz. Warszawa, 1971.
Witsen N. Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1705.

Русский перевод письма польских пленников из Бахчисарая (7 декабря 1660 г.)¹

Ясновельможный пан, пастырь и милостивый благодетель

Воззри на рыдающий народ, в тяжком страдании пребывающий, о чём известно всему свету, что промеж такого неверного народа убогий невольник святой католической веры в великом посрамлении остаётся, о чём мы неоднократно ходатайствовали святой апостольской столице, дабы нам пастыря и защитника души наших прислали, ибо после смерти епископа нашего, святой памяти его милости преподобного Мацея Мясковского, ордена Святого Доминика, смерть коего всем нам тяжких прибавила страданий², однако же Бог всемогущий, слёз наших не забывая, снабдил нас другим пастырем, апостольским миссионером преподобным отцом Раймундом Харжевским, того же ордена Святого Доминика, который как добрый пастырь не дал хищным волкам пожирать овец своих, прилагая всяческие усилия, не только душевные, но и телесные. Однако безжалостная парка и этого опекуна нас лишила, когда [тот] при посещении овец своих в Бахчисарае живот свой положил, [и] по смерти оного Бог всемогущий, желая нас испытать и добавить ещё большего страдания и скорби, послал нам non pastore[m] sed mercenarium³, который не только lupor videndo [?] fugit⁴, но также и сам lupus rapax factus est⁵; им является преподобный отец Винцентий Пинкельман, урождённый немец; он тогда по смерти преподобного отца Раймунда Харжевского забрал все вещи и деньги без нашего ведома, потерял завещание, в котором всё целиком было описано, как об этом как на ис-

поведи свидетельствует отец Лукаш Токаржевский, униат Божей церкви и Йендржей Тушовский, которые присутствовали при смерти покойного; они тогда засвидетельствовали, что денег должно было быть золотых польских червонцев⁶, талеров 600, церковных ковриков 10 [?], шёлковое покрывало, пара ковров, чудесный образ Пресвятой Девы, украшенный золотом, серебром и [3] жемчугом и другие церковные убранства⁷; у покойного осталось долгов на несколько десятков талеров, о чём с огромной скорбью и чуть не с кровавым плачем упоминают убогие невольники. Ныне вновь вернувшись, [Пинкельман] без малейшей необходимости из antepedium⁸ платье себе сделать приказал и, взявши с собой в Стамбул остаток [церковных] убранств и самых необходимых книг, без всякого уведомления отъехал. Деньги на выкуп двух польских невольников истратил на немцев, из которых [один] после выкупа перебежал в кальвинизм, а другой стал басурманином. Польских невольников [Пинкельман] часто оскорблял и был рад от того, что Король Его Милость должен был ему запретить, чтобы никто с собой не брал [из неволи] поляка. По этой причине он потому говорил, что «я не для польских пленников, а для сохранения места пребываю послан», отчего вместо укрепления [в вере] не только мы сами, но и басурмане берут дурной пример, а в особенности от того, что он в мечети турецкие ходит и с ними принимает участие в некоторых ритуалах, путём чего он в огромную опасность попадает, ибо уже несколько раз договаривались о нём турецкие священники, чтобы его насильственно побасурманить. Кроме того, он ещё некоторых армян publice

¹ В переводе мы постарались передать особенности стилистики и синтаксиса оригинала, часто не совпадающие с нормами современного русского языка. Спешу выразить отдельную благодарность профессору Д. Колоджейчику (Варшава) за неоценимую помощь в работе с оригиналом письма и многочисленные поправки в черновом варианте перевода.

² Здесь пленники, по-видимому, ошибаются. Из архивных итальянских документов нам известно, что в 1643 г. епископом Херсонским в Крыму был назначен доминиканец Зигмунт Мясковский (Zygmunt Miaskowski). По ряду независимых от него причин Мясковский смог отправиться в Крым только в 1646 г. Достичь Таврики ему так и не удалось вследствие внезапной смерти в Каменце-Подольском в начале 1647 г. [Eszer, 1971, s. 192–195].

³ «не пастора, а торговца».

⁴ «убежал, увидев волка».

⁵ «стал хищным волком».

⁶ Количество «золотых польских червонцев» в тексте почему-то не указано; быть может, они считались вместе с талерами.

⁷ Из других документов известно, что эти предметы Пинкельман перевез частично в Лемберг (Львов), частично в Вену; в другом письме крымские католики обвиняли Пинкельмана в том, что он продал икону жене армянского священника церкви Св. Николая в Каффе. Насколько верны эти обвинения судить сложно, т.к. в других архивных источниках указывается, что чудотворный образ Св. Марии был привезен Пинкельманом из Крыма в Австрию [Eszer, 1971, s. 216–217, 219, 222].

⁸ Богато украшенное покрывало (занавесь) каменной плиты в алтарной части христианской церкви (от лат. ante pedes – «перед ногами» или ante («перед») и pendere («завешивать, ниспадать»)).

*armata tani*⁹ по улице гнал, отчего пребывает великий стыд и позор наш, и того капеллана, которого с собой препроводил в татарскую землю, часто от себя прогонял, в пропитании ему необходимом отказывал, и если бы мы, убогие невольники, опекой рук своих его не подкармливали, он вынужден был бы либо нас оставить, либо от голода умереть. Ныне Бог всемогущий, который взывающих к нему никогда не оставляет, из милости своей послал нам преподобного отца Феликса Мондvida, учителя Священного Писания ордена Святого Доминика, усердие коего в вере святой католической, любовь к страдающим невольникам и иные добродетельные поступки его видя, все единодушным гласом его же пастырем и епископом своим избрали, прося покорно, дабы он это бремя во имя милости Божией и радости нашей на себя принять соизволил. Это всё он на волю Божию и наместника его [4] возлагая, вновь по желанию нашему до столицы святой апостольской возвращается¹⁰, оставив на месте своём преподобного отца Бенедикта Стефановича, богобоязненного и добродетельной жизни священника того же ордена, сотоварища своего, коего он из своих собственных средств жизненными и иными потребностями снабдил; о чём мы униженно молим его милость преподобного пастыря и благодетеля нашего милостивого, дабы он об этом пастыре нашем, нами избранном, святому отцу¹¹ написать

соизволил, чтобы замысел наш исполнен был. А мы об этом Господа Бога, пока душа в теле нашем оставаться будет, о добром здравии преподобного господина нашего милостивого просить должны будем, дабы он здесь блаженным наслаждаясь временем, удачно встретил свой срок в небесном царстве. Бахчисарай, 7-го дня месяца декабря года Божьего 1660.

Господину преподобной милости пастырю и богобоязненному благодетелю от наинедостойнейшего брата Бенедикта Стефановича, викария и сотоварища миссионерского

Ян Сокольницкий
 Антоний Черулик¹²
 Андреас Сарторис
 Агубский Ге[о]ргий
 Альберт Ольшовский
 Ян Чирский [?]
 Мулаж¹³ Валентий
 Симон Леловский
 Симон Янчинский
 Казимир Поляк
 Себастьян Александр Тышка
 Ян Вержбовский
 Станислав Требушовский
 Яцек Анек [?] «навек...[?]»

⁹ «прилюдно с оружием в руках». В другом письме пленники уточняют, что данное событие произошло в Каффе. Пинкельман напал на армяно-католических благотворителей, которые пытались отвратить его от грабежа церковного имущества [Eszer, 1971, s. 219].

¹⁰ То есть в Рим.

¹¹ То есть, по-видимому, папе римскому.

¹² То есть «цирюльник».

¹³ В оригинале «Mularz» (искаженное «Muraz»), т. е. «каменщик».

Оригинал письма польских пленников из Бахчисарая (7 декабря 1660 г.)

Jasnie Wielmozny Panie, P[asterzu] y Dobrodzieiu Miłościwy

Weirzyi na płaczący lud, w cieskiem utrapieniu będący, które jest wiadome wszytkiemu swiatu, isz miedzi takim niewiernym narodem ubogi niewolnik wiary S[więtej] Catholickiey w wielkiem pohanbieniu zostawa, przetosz czestokroc supplikowalismy do stolicze S.[więtej] Apostolskiey, aby nam pasterza y obroncze dusz naszych przysłano, albowiem po smierci Biskupa naszego S.[więtej] pamieci JMW [Jego Miłości Wielebnego]. Macieia Miastkowskiego Zakonu Dominika Swietego, ktorego śmierć nasz¹ wszytkich cieskich nabawiła bolesci, iednakze Bog W.[szzechmogący] lez naszych niezapominajacz, opatrzył nasz drugim pasterzem, Missionarzem Apostolskiem W.[ielebnym] oyczem Raymundem Charzewskim, tegosz Zakonu Dominika S.[wietego] który iako dobry pasterz niedał drapieznym wilkom pozerać owieczek swoich, maiacz wszelakie staranie, nietylko dusne ale y cielesne. Lecz nieuzyta parka y tego nasz pozbawiła opiekuna, gdy przy nawiedzaniu owieczek swoich w Baccessaraiu zywot swoy zapiecentował, po ktorego smierci chcac nasz Bog W. [szzechmogący] nawiedzić² y dodać wieksego utrapienia y zalu zesłał nam non pastore[m] sed mercenarium, który nietylko lupor videndo [?] fugit ale tesz y sham lupus rapax factus est, a ten iest W.[ielebnny] Ociec Vincenti Pinkielman z urodzenia Niemiec, ten tedy po smierci W.[ielebnego] Oycza Raymunda Charzewskiego wszytkie rzeczy y pieniądze bez wiadomosci naszej pobrał, testament zatracił, w którym wszytko czale opisane było, iako swiadczą y zeznaią spowiednie³ ociec Łukasz Thokarzewski, Unit Kosciola Bozego, y Jedrzej Tuszowski, którzy przy smierci nieboscikowskiey obecznemi byli, ci tedy zeznawaia, ze pieniedzy miało być czerwonych zpl⁴, talerow 600, kobierzow koscielnych 10 [?], opona iedwabna, kilemow para, obraz cudowny Panny Przenaswietszey zlotem, srebro[m] y <y>⁵ perlami

ozdobny, y insze apparamenta Koscielne, długow bardzo [3] na kilkadziesiat talerow po niebosciku zostało, o ktore z wielkim zalem y ledwo nie krwawem płaczem upiminaia sie ubodzy niewolnikowie. Teraz znowu powrociwszy sie [Pinkelman], bez zadney potrzeby z antepedium suknie szobie zrobic roskazał, ostatek apparamentow y xiag czo napotrzebniejszych z szoba zabrawszy na Stambol, bez zadney wiadomosci odiecha[t]. Pieniadze na wykupienie dwu niewolnikow polskich na Niemczow obrocil, z ktorych po wykupieniu [jeden] uciekl in Calvinismo, a drugi bissurmane[m] został. Z niewolnikow polskich czesto sie uragał y ztego tryumfował, ze KJ [Król Jego [Miłość]] miał mu zabraniać, aby zadny z soba nie brał Polaka. Stad tedy mowil, ze ia nie dla wiezniow polskich, ale dla zachowania mieiscza zeslany zostawam, skad tedy miasto⁶ zbudowania nietylko my szami, ale y bissurmani bardzo sie gorszymy, a naiwieczey stad, ze do meczetow tureckich chodzi, y niektore ceremonie z nimi odprawuie, przesz czo sie w wielkie wdawa niebespiecentstwo, bo iusz kilka razy zmawiali sie na niego kaplani turecczy, aby go po niewolnie pobissurmanili. Nad to ieszcze Ormianow niektorych publice armata manu po ulicy gonil, skad wielkie zgorszenie y pohanbienie nasze zostawa, y tego kaplana, ktorego z soba wtatarska zaprowadzil ziemie, czesto od siebie odganiał, victu potrzebnego iemu denegował, y gdybysmy ubodzy niewolniczy z pieczy⁷ rak swoich onego nie zywili albo by nasz opuscic, albo od głodu umierac by musiał. Terasz Bog W.[szzechmogący], który do siebie wołaiacznych nigdy nieopuszcza, z miłosierdzia swego zdarzył nam Wielebnego Oycza Felixa Mondvida, Pisma S.[więtego] Lectora Zakonu Dominika Swietego, ktorego widzacz zarliwosc w wierze S.[więtej] Kato-lickiey, miłosc, przeciwko⁸ utrapionym niewolnikom, y insze swiatobliwe postepki iego, wszytczy iednostainym głoszem onegośmy szobie za pasterza y biskupa obrali, upraszaiac pokornie, aby ten ciezar dla miłosci Boskiey y pociechy naszej na sie przyiać raczeł.

¹ В значении «nas».

² Здесь в значении «doświadczyć» (испытать).

³ «zeznaia spowiednie» дописано сверху.

⁴ В значении «złотых polskich»?

⁵ Союз повторен дважды — в конце одной строки и в начале следующей.

⁶ В значении «zamiast».

⁷ В значении «z pieczy».

⁸ В значении «wobec».

Czo on wszystko na wola Boska y namiestnika <iego> [4] iego⁹ skladaiacz, znowu na zadanie nasze do stolicze S[więtej] Apostolskiey powracza, zostawiwszy na miejscu swoim W[ielebnego] Oycza Benedicta Stephanowicza, tegosz Zakonu Kapłana Bogoboynego y swiatobliwego zywota, sociusa swojego, ktorego on z swoiei własney prowizyiei vivenda y inszemi potrzebammi opatrzył, przetosz unizenie upraszamy Wielebnego Jego Miłość Pasterza y Dobrodzieia naszego miłosciwego, abys za tem pasterzem naszym od nasz obranym do Oycza Swietego napisac raczel, aby nasza intentia skuteczna zostala. A my zato przed p[anem] Bogiem, poki duch w cieie naszym zostawać bedzie, za dobre zdrowie Wielebnego pana naszego miłosciwego prosic powinni bedziemy, aby tu szceszlywych zazywaiacz czasow, fortunnego w krolestwie niebieskim dostapil terminu. Dat[um] Baccessaray, die 7ma mense Decemb[ris] Anno D[omi]ni 1660.

Wielmoznosci W[wielebnej?] Miłości Pasterza y Dobrodzieia Bogomodlcza, nainieygodnieysy Fr[ater] Benedictus Stephanowic vicary, y socius missionari

*Jan Sokolnicki
Antony Czerulyk
Andreas Sartoris
Agubski Giergi
Albertus Olszowski
Jan Czirski [?]
Mularz Valenti
Simon Lelowsky
Symon Janczyński
Kazymyr Polak¹⁰
Sebastian Alexander Tyszka
Jan Wierzbowski
Stanisław Trebuszowski
Jacek Apiek [?] in perpetuum a [?]*

⁹ Слово повторено дважды: в конце л. 3 и в начале л. 4.

¹⁰ Вероятнее всего, прозвище, полученное в неволе.

П. М. Ляшук

Город мошенников

Французское торговое поселение Камьеш под Севастополем (1854–1856 гг.)

В окрестностях главной базы Черноморского флота Российской империи города Севастополя 13/25 сентября 1854 года были замечены французские, британские и турецкие войска. Со стороны моря в зоне видимости к мысу Херсонес двигался объединённый флот союзников. Крепость была объявлена на осадном положении, начался отсчёт её 349-дневной обороны.

26 сентября¹ в поисках удобного места базирования британские военные корабли вошли в Балаклавскую бухту, французские — в Камышовую бухту в 7 км к югу от Севастополя. По данным Гидрографического депо Черноморского флота, Камышовая считалась непригодной для стоянки военных судов из-за мелководья. Она врезалась в берег к югу до 3 км, имела ширину на входе около 800 м, посередине глубина составляла от 20 до 15 м и уменьшалась ближе к берегам. К началу Крымской войны земля на побережье бухты находилась в частном владении — в этом районе на карте отмечены пять хуторов севастопольских купцов [1, с. 35; 2].

На следующий день, 27 сентября, на побережье Камышовой бухты вышли первые подразделения французских войск. Низкий, пологий берег и отсутствие явной угрозы со стороны русских позволили экипажам судов и командам различных служб военной администрации сразу начать выгрузку снаряжения и припасов для армии; параллельно приступили к созданию инфраструктуры будущего военного порта. Быстро образовался палаточный лагерь, выставлявший наряды для разгрузки и охраны поступающих припасов и снаряжения. В коррес-

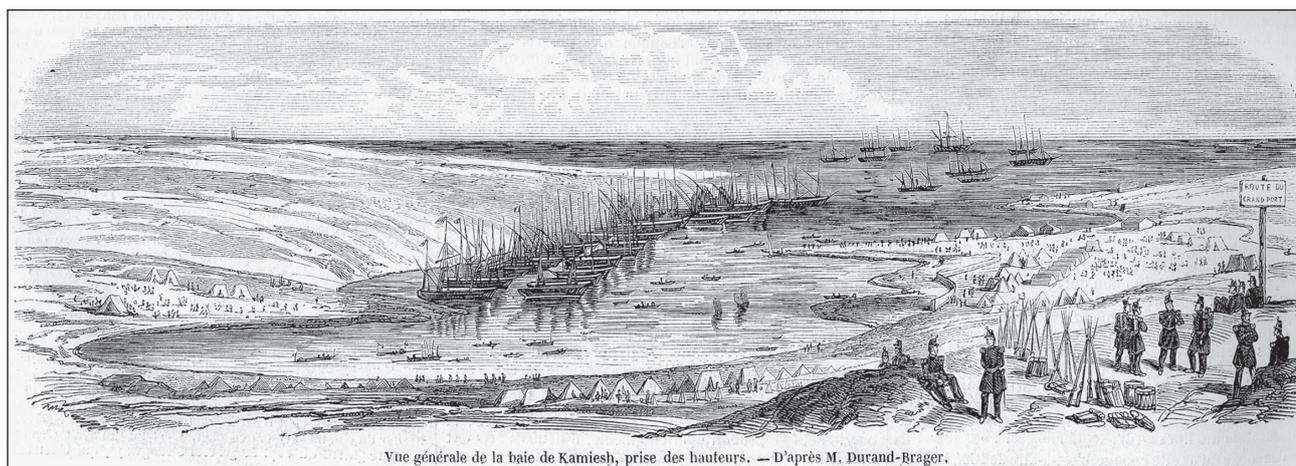
понденциях и официальных донесениях французов из Крыма занятая ими местность и созданный военно-административный район морского базирования получили название «Камьеш» (фр. и англ. *Kamiesh*, *Kamiesch*, рус. *Камыш*) от искажённого и сокращённого русского названия бухты «Камышовая».

Камьеш стал связующим звеном между Францией и её Восточной армией, единственной безопасной транспортной артерией, от успешного функционирования которой зависела жизнь десятков тысяч солдат и офицеров под Севастополем. Поэтому к ноябрю 1854 года вход в бухту был защищён двумя береговыми батареями в 30 и 36 морских орудий, находящимися на мысах², и закрывался каждый вечер молом на сваях с цепями для предотвращения возможности использования брандеров Черноморским флотом. Внутри бухты, по словам французского офицера, «могли найти пристанище часть эскадры и до 300 транспортных судов» [3, с. 119].

Силами французского флота в короткий срок здесь построили три деревянных причала для швартовки кораблей и выгрузки военных припасов, ещё один причал — в виде каменной насыпи — для разгрузки коммерческих судов соорудили в конце бухты. Там же, в конце Камышовой бухты, заканчивался акведук длиной около 800 м, проложенный моряками по дну Камышовой балки от колодца с пресной водой к бассейну для снабжения экипажей кораблей и всех нуждавшихся. На побережье выросли десятки деревянных складских помещений с артиллерийскими и продовольственными припасами, инженерными при-

¹ Далее все даты приведены по новому стилю.

² Построены на месте русских земляных батарей.

Общий вид Камышовой бухты с возвышенностями

надлежностями и обмундированием. К бухте от главной квартиры французской армии вела дорога, переходившая в Большую портовую улицу [4, р. 11–12]. О внешнем виде французского района морского базирования в октябре — ноябре 1854 года можно судить по гравюре «Общий вид Камышовой бухты с возвышенности», опубликованной 25 ноября во французской газете *L'illustration*.

Ещё в начале октября 1854 года на юго-восточном берегу, у оконечности Камышовой бухты, «из нескольких палаток и трёх-четырёх жутких барачков» [5, р. 60] возникает торговое поселение, имевшее вид временного лагеря. Его основателями стали французские маркитанты³, попавшие на полуостров с войсками из Варны. Торговцы заранее зафрахтовали несколько коммерческих судов с товарами и разгрузили их в Камышовой бухте по прибытии [6, с. 84]. Из подручного материала маркитантами были наскоро сбиты деревянные сараи для хранения грузов, ведения торговли и собственного проживания.

В первые недели существования коммерческого поселения жителей в нём было немного, поскольку на страницах европейских газет политики Франции и Британии обещали взять Севастополь и Крым до наступления холодов. Но когда после первого месяца осады стало ясно, что войскам не избежать зимовки под Севастополем, ситуация изменилась. Уже в середине ноября одна из парижских газет (*La Patrie*) информировала читателей: «*Наши частные корреспонденты в Крыму сообщают, что торговцы всех наций разместились в Камышовой бухте и продают союзным армиям множество товаров и предметов, привозимых из Средиземного моря*» [3, с. 211].

Сначала торговля имела вид обычного базара с высокими ценами, куда приезжали французские и британские офицеры в надежде разнообразить скудный рацион из сухарей, сала и сухофруктов несколькими коробками консервированных сардин, овощами и вином. Также приобретались мыло, свечи, бумага и прочие мелочи.

Зимой 1854/55 года, убедившись в большой выгоде первых маркитантов, на разгрузку в Камьеш ежедневно приходили коммерческие суда с продовольствием и другими товарами из разных стран Европы, а также прибывали новые коммерсанты в надежде на скорое обогащение [6, с. 147–148]. Торговый лагерь быстро разрастается и превращается в «базар» из палаток и барачков. 17 февраля 1855 года *L'illustration* публикует гравюру «Базар в Камьеше» [4, р. 104–105].

Это самое раннее из известных нам изображений упомянутого поселения. При детальном рассмотрении гравюры хорошо видна улица, по которой в обе стороны движутся повозки, всадники на лошадях, несколько верблюдов с турецкими погонщиками с грузом и без; по дороге идут французские, английские и турецкие солдаты. По обе стороны улицы показаны два десятка деревянных барачков и больших палаток с развевающимися над ними флагами и закреплёнными на шестах табличками с названием различных заведений. На обочине дороги у палатки на ящике сидит турецкий торговец с трубкой в руках, рядом пасётся несколько овец.

Начиная с декабря 1854 года происходит смещение смысловой нагрузки в топониме «Камьеш»: в частной переписке союзников из Крыма и в быту они всё чаще подразумевают под Камьешем не

³ В западноевропейских армиях мелкие торговцы, обычно съестными припасами, сопровождавшие войска в походах; их деятельность регламентировалась воинскими уставами.

Базар в Камьеше

район морского базирования с соответствующей инфраструктурой, а непосредственно торговый городок. Прослеживается достаточно интересное явление, когда под одним и тем же названием в одно и то же время существуют два разных исторических объекта — коммерческое поселение и военно-административный район, на территории которого оно находилось.

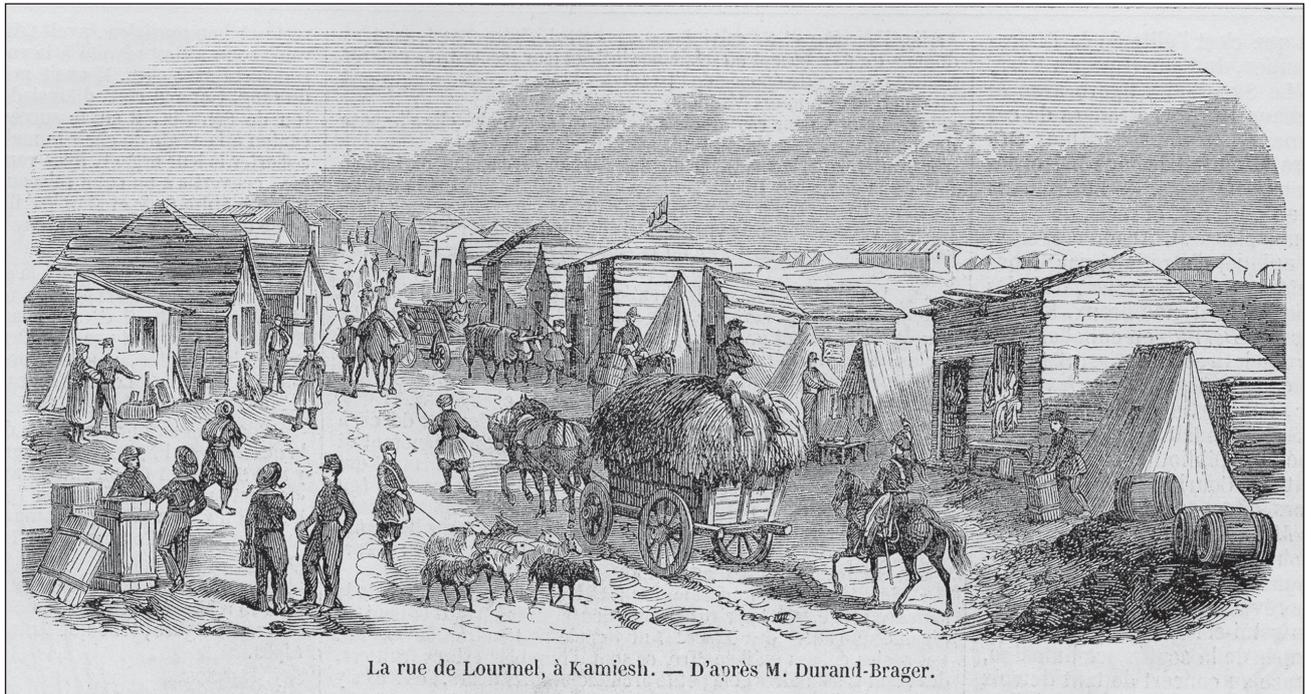
Когда именно поселение маркитантов стало официально именоваться «Камьеш», пока установить не удалось, но доподлинно известно, что во французской армии из-за спекулятивных цен его сразу прозвали «городом мошенников» (Fripoville) [6, с. 131].

Весной 1855 года Камьеш, по словам репортёра, рисовальщика и фотографа Жана-Батиста Анри Дю-

рана-Браже, походил на «ранний Сан-Франциско» и состоял из вытянутых по одной линии барачков, присланных из Франции. Найти и купить у коммерсантов можно было всё что угодно, имелись даже модные магазины, торгующие парфюмерией, чепцами и шляпками для «госпож маркитанток» [5, с. 59; 6, с. 177, 182].

16 июня L'illustration опубликовал рисунок Дюрана-Браже под названием «Улица де Лурмеля в Камьеше» [4, р. 375–376]. Главное отличие от предыдущего изображения заключается в том, что вдоль улицы с двух сторон расположены уже бараки различных размеров и форм, а не палатки.

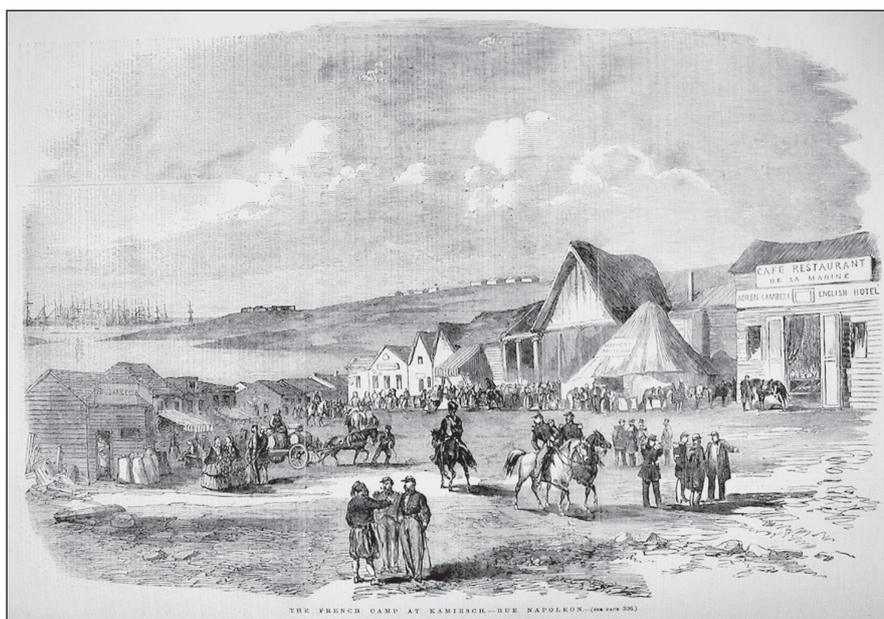
В начале сентября 1855 года из Камышовой бухты ушёл в Константинополь пароход с русскими,

Улица де Лурмеля в Камьеше

взятыми в плен в последний день обороны Севастополя при штурме. На его борту находился помощник командира батареи на гласисе Малахова кургана 18-тилетний прапорщик корпуса морской артиллерии Василий Колчак. Спустя 50 лет Василий Иванович вспоминал: «...Вдоль улиц [Камыша] тянулись ряды деревянных, довольно больших барачков и домов, построенных, большей частью, под лавки и торговлю. Всюду пестрели яркие надписи вывесок. Перед окнами многочисленных кафе и ресторанов сидели перед маленькими столиками представители чуть не всех наций; слышался говор, вскрикивания, женский хохот, звон бутылок и стаканов; дым папирос, сигар и трубок синеватыми кругами расходился в воздухе. По мостовой движется разношерстная толпа, гремят фуры, телеги, несутся дилижансы. Звучат всевозможные языки, не исключая и турецкого. Кое-где группы праздных зевак замедляли на мгновенье непрерывный ход людского потока...» [7, с. 119–121].

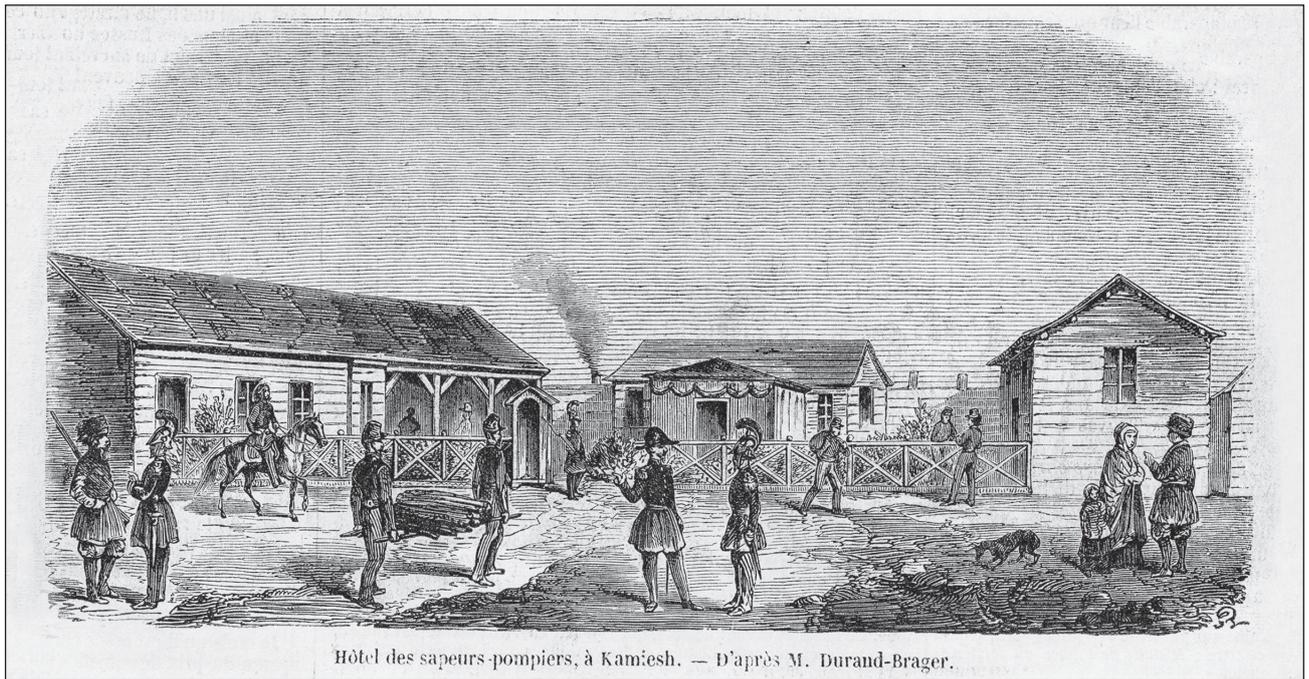

Французский лагерь в Камьеше. Улица Наполеона

После окончания осады Севастополя наблюдается интерес к морской базе французской армии в Крыму со стороны британской прессы: The Illustrated London News публикует гравюру «Французский лагерь в Камьеше. Улица Наполеона», корреспондент Daily-News, побывавший в городке, сообщал, что там «за прилавками магазинов сидят

В. Симпсон. Камьеш

Квартира пожарных в Камьеше

парижане или марсельцы <...>. Берега бухты отделаны деревянной набережной <...> и отсюда начинаются 10 или 12 улиц, составляющих город и проведённых параллельно её берегам. На дощечках выставлены названия улиц...» [8, с. 603]. Были улицы Франции, Славы, Наполеона, генералов Канробера, Де Лурмеля, Альминская улица, Карантинная и прочие [9, с. 631; прим. 1].

Предположительно в то же время британским художником Вильямом Симпсоном был выполнен знаменитый акварельный рисунок с натуры «Камьеш», который лёг в основу широко известной одноимённой цветной литографии, изданной в Лондоне 30 января 1856 года [10, pl. 28]. В комментарии к рисунку художник объясняет, что Камьеш — такая же база флота и центр торговли, как Балаклава и Кадыкой у англичан. «<...> Кабаре, кафе и рестораны чередовались с небольшими магазинами под звучными вывесками «Армейский базар», Grande Maison и сотнями других не менее привлекательных и не менее звучных. <...> Посреди этих хрупких и изящных домов, которые выглядят так, как будто первый же порыв ветра сдует их в море, пёстрое население, собравшееся со всех четырёх сторон света, копошилось, летало, гудело, мелькало наподобие облака мошек в жаркий летний день.

Турки, греки, евреи, итальянцы, французы и англичане: солдаты, матросы и морские пехотинцы; зуавы и фуражиры, офицеры на лошадях и пешком, капитаны транспортных и матросы купеческих

судов, генералы и рядовые встретились на этом клочке земли, и здесь, на этом небольшом пространстве, ощущался истинный дух свободы, равенства и братства.

Разнообразие костюмов, смешанный жаргон дюжины различных языков, яростная восточная и южная жестикация и бесконечная суeta...» — таким предстал перед художником торговый Камьеш [10, р. 9–10].

Баракы маркитантов составляли настоящие деревни, которые французские солдаты с сарказмом называли Filoville («городок жуликов»), Coquinville («городок плутов») и т. п. [11, с. 112, 115].

Протестантский священник французской армии вспоминал о своём посещении Камьеша осенью 1855 года: «<...> Всё здесь дышало страстью к коммерции, и жили здесь только, чтобы заработать денег. <...> Санитарное состояние в Камьеше не было плохим, и наши солдаты презрительно говорили о его жителях: «Эти люди не дают себе времени даже болеть!» [12, с. 193–194].

Торговый Камьеш постоянно развивался и изменялся по плану, утверждённому городским управлением. В городе были созданы своя полиция, пожарная команда, построены гостиницы для путешественников, мостились улицы, у домов устраивались деревянные тротуары. Газета «Одесский вестник» информировала читателей о положении дел в Камьеше на 27 ноября 1855 года: «<...> В Крыму уже выпал снег. Дома в южной части

Севастополя исчезают один за другим; солдаты растаскивают из них всё, что можно: окна, двери, полы, мебель. Всё это идёт преимущественно на постройку барачков в Камышовой бухте, которых уже построено до 800; там возведено и несколько одноэтажных каменных домов...» [13]. В качестве строительного материала активно использовался камень от разрушенных построек загородных усадеб древнего Херсонеса.

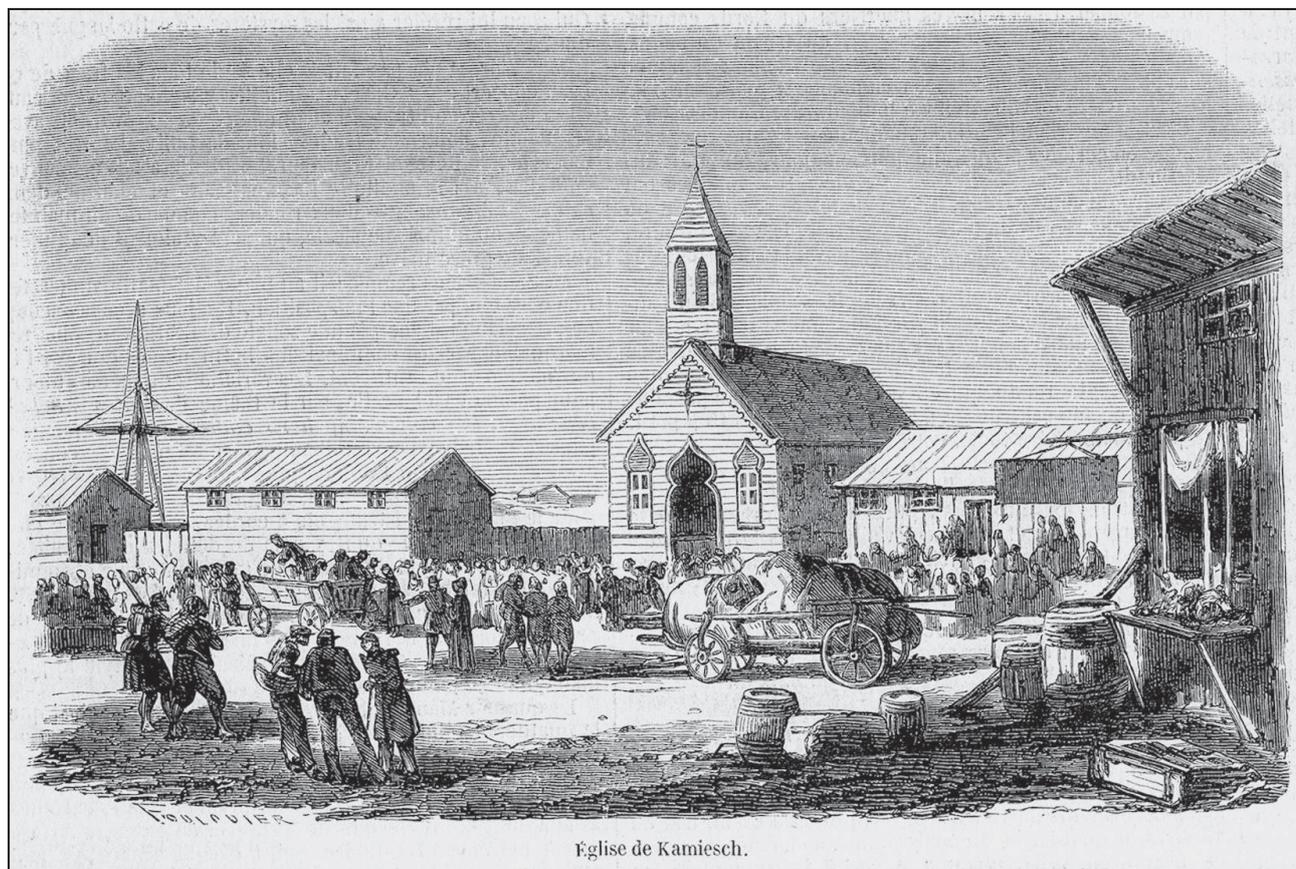
В конце ноября — начале декабря 1855 года в Камьеше освятили католическую церковь, возле которой всегда находился вооружённый часовой [14]. В это же время в Севастополе и окрестностях приступили к фотосъёмкам Дюран-Браже и Лассимон. В 1997 году в «Малом Манеже» в Москве были выставлены две их работы из фондов Музея Армии в Париже: «Камьеш: вид города» и «Камьеш: артиллерийская обозная повозка» [15, с. 7, 30–31].

Союзники продолжали много строить и в начале 1856 года, «казалось, армию оставили на неопределённое время», и в Камьеше, где население, по словам очевидца, «насчитывало десять тысяч душ», возводились третья церковь и театр на 1200 мест для выступлений постоянной профессиональной труппы [12, с. 202; 16, с. 13–14].

После заключения Парижского мирного договора 30 марта 1856 года бывшие противники стали посещать лагеря друг друга. «<...> Камыш, прославленный ими как город, что наши ярмарки, дома выстроены из досок, громкие названия улиц, театр, куча сброду, ничего хорошего, — цены все страшные, везде француженки вертятся перед гг. победителями...» — сообщал в письме один из русских генералов [17, с. 204–205].

Штабной капитан, наоборот, отмечает «изумительную дешевизну товаров» в Камьеше, но критикует «сальные гостиницы» и невкусную еду, приготовленную в основном из консервов [9, с. 631–633]. Неизбалованный армейский офицер радуется чистой постели со всеми принадлежностями в гостинице со щелями в стенах, весёлому ужину, посещению театра и купленным «недурным золотым часам за 200 франков» [18, с. 75–77].

Целый очерк посвятил Камьешу в своих «записках об осаде Севастополя» писатель, поэт, художник и переводчик Николай Васильевич Берг, состоявший при штабе войск Крымской армии и побывавший в городке в апреле 1856 года [19, с. 152–168]. Им были выполнены с натуры рисунки «Улица Наполеона в Камьеше», «Театр в Камьеше», которые

Eglise de Kamiesch.

Улица де Лурмея в Камьеше

Панорама Камьеша весной 1856 г.

хорошо известны исследователям и неоднократно публиковались в изданиях, посвящённых событиям Крымской войны на полуострове [16, № 28, 29].

К июлю 1856 года, моменту возвращения Херсонесского полуострова под контроль русской администрации, активная жизнь на побережье Камышовой бухты практически прекратилась. Деревянные домики (баракы) французы продали симферопольским купцам-караймам, часть построек досталась владельцам хуторов, чьи строения были разрушены союзниками. 5 июля 1856 года жандармский полковник Александр Петрович Щербачёв принял местность, на которой находился военно-административный район Камьеш, от его начальника бригадного генерала Соля. Последние войска Восточной армии погрузились на корабли, и во второй половине дня французская эскадра покинула рейд Камышовой бухты⁴.

На берегу остались 152 «семейства разных торговцев» и здание театра, на которое не находилось покупателя. Генерал Соль предупреждал русского полковника, что большая часть из оставшихся — беспаспортные греки, итальянцы, турки, персы и армяне — люди неблагонадёжные, бродяги и воры, которые не уехали только потому, что им нечем было заплатить за места на пароходах. Для поддержания должного порядка в Камьеше и Балаклавской округе в распоряжение Щербачёва поступили сотня казаков и сотня чинов Балаклавского пехотного греческого батальона, так как, не имея средств к существованию, «иностранныподданные» начали «предаваться воровству, грабежам и даже убийствам».

К 28 августа 1856 года остававшиеся в Камьеше «коммерсанты» были отправлены в Константинополь (Стамбул) за счёт русского правительства или помещены в «острог» как беспаспортные бродяги, а сам городок, точнее, мусорные кучи на его месте, со-

жжены; земля возвращена в собственность владельцам хуторов [20, с. 216–220].

Так прекратил своё существование торговый Камьеш, рождённый «необыкновенной деятельностью и предприимчивостью промышленного класса Западной Европы». Он принадлежал к числу тех возникавших в несколько недель временных коммерческих поселений, необходимость в которых определялась условиями походной жизни и потребностями большой армии.

«Город маркитантов», «крымский Сан-Франциско», «город-барахолка, город мошенников, надувателей, плутов и флибустьеров», навсегда вошёл в историю осады Севастополя 1854–1855 годов [21, с. 320–321]. Население его не было постоянным, вместо умерших или уехавших по разным причинам коммерсантов прибывали новые искатели удачи и авантюристы. В их числе французы, британцы, итальянцы, испанцы, австрийцы, швейцарцы, турки, греки, евреи, армяне, персы... Расцвет поселения приходился на осень 1855 — весну 1856 года, когда количество строений в нём могло превышать 800, а число жителей достигало 10 000 человек. 26 июля 1956 года L'illustration опубликовала «Панораму Камьеша» (гравюра по фотографии, выполненной зимой 1855/56 г.) [5, с. 59–62]. В конце XIX — начале XX века на месте Камьеша находился хутор севастопольского мещанина, по странному стечению обстоятельств носившего фамилию бывшего французского главнокомандующего войсками в Крыму Бориса Романовича Пелисье [20, с. 57].

Сейчас о французском Камьеше в Севастополе ничего не напоминает: на территории бывшего городка торговцев — промзона и порт, лишь иногда при земляных работах нет-нет да попадаются осколки тарелок, бутылок, позеленевшие армейские и гражданские пуговицы и мелкие монеты середины XIX века.

⁴ За исключением нескольких небольших отрядов военной администрации.

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 11. Ч. 2 : Таврическая губерния. СПб., 1849.
2. Карта окрестностей Севастополя. Литографирована в военно-топографическом депо. [Б. м.], 1854 // Нац. музей героической обороны и освобождения Севастополя. Ф. А-19077.
3. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 5 / под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб., 1874.
4. L'illustration. Т. 25. Paris, 1855.
5. L'illustration. Т. 28. Paris, 1856.
6. [Эрбе]. Французы и русские в Крыму. Письма французского офицера к своей семье во время Восточной войны 1853–1855 гг. Минск, 1894.
7. Колчак В. [И.] Война и плен. 1853–1856 гг. Из воспоминаний о давно пережитом. СПб., 1904.
8. Одесский вестник. 1855. 18 окт. № 119.
9. Алабин П. В. Четыре войны : Походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78. Ч. 3 : Защита Севастополя (1854–1856). М., 1892.
10. Simpson W. The seat of war in the East. Ser. 2. L., 1856.
11. Медицинское поручение в Восточную армию (в Крыму) // Морской сборник. 1858. № 3. Отд. 3.
12. Рейнхард М. Воспоминания протестантского священника о французском лагере под Севастополем (1855–1856) // Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников : литература, архивы, пресса / Л. А. Орехова [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Симферополь, 2010.
13. Одесский вестник. 1855. 20 дек. № 146.
14. Одесский вестник. 1855. 22 дек. № 147.
15. Крымская война 1853–1856. Героическая оборона Севастополя: первые фотографии : каталог выставки. М., 1997.
16. Берг Н. [В.] Севастопольский альбом. М., 1858.
17. Семякин К. Р. Выписки из писем покойного генерала от инфантерии К. Р. Семякина к его покойной супруге // Сборник рукописей, представленных ЕИВ Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Т. 3. СПб., 1873.
18. Никифоров Д. И. Кавказ и Севастополь. Воспоминания. М., 1901.
19. Берг Н. [В.] Записки об осаде Севастополя. Т. 2. М., 1858.
20. Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны по архивным данным. Симферополь, 1994.
21. Шавшин В. Г. Имя дома твоего. Кн. 2. Киев ; Севастополь, 2012.

М. В. Владимирский

К истории денежного обращения в период Крымской ССР (май — июнь 1919 г.)

Денежный голод сыграл далеко не последнюю роль в падении экономики многих регионов России во время Гражданской войны. Не исключением был и Крым. Как у любого государственного новообразования, у Красного Крыма в 1919 году проблема с финансами возникла с первых дней существования.

10 апреля, накануне прихода в Симферополь красных, в городе собрался на своё первое легальное заседание Симферопольский ревком. В нём главенствовали большевики, однако финансовый комиссариат (вскоре комиссариаты стали называть отделами) за всё время существования власти возглавляли представители других партий. Сначала Д. Бешевли — единственный дашнак в ревкоме, а затем меньшевик А. Галлоп. Оба они были профессиональными финансовыми работниками. Заметим, что в начале мая Бешевли убрал из ревкома по причине того, что партия «Дашнакцутюн» являлась националистической. Таким образом, финотдел возглавил меньшевик А. Галлоп.

Комиссариатом финансов ревкома были признаны обязательными к приёму «все денежные знаки: российские, украинские, ростовские, крымские». Все эти знаки «охотно принимались населением» [1]. Причём курс украинских карбованцев приравнивался к рублю, хотя при Краевом правительстве один карбованец оценивался в 75 копеек [2].

На заседании ревкома, проходившем 16 апреля, выяснилось, что его финансовые возможности весьма ограничены (около 1 млн рублей), и это при том, что ревкому почти сразу пришлось заниматься не только проблемами Симферополя, но и всего Красного Крыма. На том же заседании для преодоления стремительно надвигавшегося финансового голода были предложены три пути: 1) провести контрибу-

цию; 2) допечатать номера крымских знаков, изготовленных Краевым правительством, и ввести эти знаки в обращение; 3) обратиться за помощью в Москву и Киев. Все три варианта были использованы [3].

Во-первых, ревком постановил контрибуцию для горожан установить в 10 млн рублей. А. Галлоп подсчитал, что она даст следующие суммы: торгово-промышленный класс — 4 млн, домовладельцы — 2 млн, землевладельцы — 4 млн, заметив при этом: «Престиж власти диктует необходимость требовать столько, сколько возможно получить. <...> Важно не столько достать требуемые миллионы, сколько способ их доставания — задача ВРК строго следить за справедливостью обложения: беспощадно для богачей и, соответственно, уменьшая долю для середняков». Было предложено также расширить полномочия Симферопольского ревкома в финансовой сфере на всю территорию Крыма, занятую красными войсками.

Постановление о контрибуции действовало до 15 мая. В этот день Симферопольский ревком выпустил специальное постановление по этому вопросу.

«Всем ревкомам Крыма.

В связи с крайней необходимостью в средствах местными революционными организациями почти повсеместно наложены контрибуции на имущие классы населения. Причём взыскания таковых производились сплошь и рядом без определённого плана и системы. Точка. Ввиду того, что такой неудовлетворительный способ обложения может вредно отразиться на налоговой платёжеспособности населения и даже в корне подорвать поступление прямых налогов, Отдел финансов Крыма постановляет:

(1) Со дня опубликования настоящего постановления в «Известиях» Симферопольского и других ревкомов, наложение каких бы то ни было кон-

трибуций местными органами власти без предварительного разрешения Отдела финансов Крыма воспрещается (выделено мною. — М. В.).

(2) Местным Ревкомам предлагается немедленно собрать и представить в Отдел финансов Крыма сведения о том, где и какие были наложены контрибуции, в каких суммах, сколько поступило в уплату, куда внесены подлежащие суммы и по какому счёту зачислены.

(3) Дальнейшее взыскание уже установленных местными Ревкомами до опубликования настоящего постановления контрибуции может быть продолжено, причём собранные средства должны быть зачислены в фонд общегосударственных доходов. № 53.

Заведующий Финотделом Крыма Галоп» [4].

Во-вторых, допечатали и выпустили в обращение на 3,7 млн рублей и 25-рублёвых крымских знаков с номерами, допечатанными нумераторами.

В-третьих, для переговоров о финансовой помощи Крыму сначала предполагалось послать Галлопа, но потом было решено совместить две задачи: и финансовой, и продовольственной помощи, для чего в Киев поехал другой меньшевик — Б. И. Гельман из продовольственного отдела.

Создание Крымской ССР и Временного правительства Крыма было декларировано 6 мая. Начался переходный период: ревком постепенно сдавал финансовые дела правительству, а 20 мая прекратил свою деятельность, передав остальные сферы городскому совету депутатов [5]. Ломки управленческого аппарата при этом не произошло — финансовый отдел плавно перекочевал в распоряжение общекрымского Совнархоза. Но проблем от этого не уменьшилось. Ситуация с наличием денежных знаков стремительно ухудшалась, несмотря на то что были признаны обязательными к приёму и охотно принимались все денежные знаки: российские, украинские, ростовские (т. е. деникинские), крымские [6]. Первый сигнал о *«недостатке денежных знаков»* последовал уже 8 мая [7].

Новая власть на местах изобретала свои способы пополнения пустой казны. Так, 8 мая Алуштинский волостной ревком отправил всем сельским комитетам своей волости распоряжение № 332: *«Волостной комитет г. Алушты предписывает Сельскому Комитету в суточный срок представить в кассу Волостного Комитета заимообразно...»* Далее перечислены пять деревень и суммы, которые каждая деревня должна внести в зависимости от числа проживающих. Общая сумма развёрстки составляла около 11,5 тыс. рублей. В конце следовало разъяснение: *«Если таковой суммы в Сельском комитете не окажется, то таковые занять у зажиточных граждан Вашей деревни»* [8].

Со своей стороны Симферопольский ревком санкционировал взыскание контрибуции на местах.

Так, на заседании от 29 апреля было предложено [9] Джанкойскому ревкому *«составить список всех буржуа, представить эти списки во все города, куда по сведениям выехала буржуазия Джанкоя, и взыскать с них контрибуцию в этих городах»*.

А Ново-Царицынскому ревкому 27 апреля последовало такое указание: *«Взимание контрибуции в размере 50 тысяч рублей с состоятельных граждан разрешается. Председатель Багат[урьянц]»* [10].

Ещё более жёсткими мерами пользовались чекисты из прифронтовых чрезвычайных комиссий. Привожу одно из объявлений этой организации. Объявление отпечатано в типографии, пунктуация (вернее, её отсутствие) сохранена.

«Пунктовая № 1 Прифронтовая Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией спекуляцией и пресуплениями по должности

Доводит до сведения деревни _____ Симферопольского уезда и его окрестностей что у кого имеется звонкая монета как-то золото, серебро и медь доставить в трёхдневный срок со дня опубликования настоящего объявления в вышеуказанную комиссию на обмен кредитных билетов. По истечению срока если будут обнаружены таковые виновные будут оштрафовываться и объявляться врагами советской власти.

Комиссия помещается на станции _____.

Печать: [Пунктовая Прифр. Чрезвычайн. Ком. по бор. с контр-рев. и т. д.] [11].

Что подразумевало «и т. д.», то есть с чем ещё должна была бороться «Пунктовая ЧК», остаётся неясно...

Одна из причин медленного восстановления местной промышленности — жесточайший денежный голод. Уже 10 мая за подписями председателя Совнаркома Крымской ССР Дмитрия Ульянова и заведующего финотделом Крымского совнархоза Галлопа было выпущено специальное обращение ко всем ревкомам Крыма о том, что в связи с *«катастрофическим положением финансов Крыма»* необходимо максимально сократить все расходы, а главное — отказаться от развития имеющихся предприятий и создания новых [12].

После исчерпания возможностей контрибуций и выпуска в обращение знаков Краевого правительства решено было ввести в обращение сурrogаты денежных знаков. По распоряжению финансового отдела Крымского совнархоза банкам разрешён приём сурrogатов — всех облигаций Займа Свободы номиналом до 100 рублей и всех краткосрочных обязательств Госказначейства — как штемпелёванных, так и нештемпелёванных ранее украинскими финансовыми органами [13].

А вслед за этим пришлось вводить в обращение купоны различных ценных бумаг. Соответствующие сообщения появлялись в газетах вплоть до начала июня [14]. Всё это явно свидетельствует о наступившем денежном голоде.

Городским служащим была сделана прибавка к зарплате на дороговизну в апреле, но уже на следующий месяц «ввиду тяжёлого состояния советской казны» [15] финотдел Крыма распорядился не выплачивать аванс и выдавать майскую зарплату по прежним ставкам (без учёта прибавки на дороговизну). Предполагалось, что после ликвидации денежного голода разница будет возмещена [16]. Последний сигнал о неблагоприятном состоянии с денежными знаками был подан 8 июня: «Совнарком Крыма: из-за недостатка денежных знаков все взаимоотношения между советскими учреждениями осуществлять только безналично» [17].

Но время полумер заканчивалось, дело неизбежно шло к печатанию собственных знаков. Решение о начале работ над советским тиражом крымских знаков было принято 11 мая, когда на очередном заседании ревкома А. Галлоп сообщил о «катастрофическом положении с финансами: напечатанные крымские кредитки исчерпываются» [18], в то время как приближалось время заработной платы, для которой даже по заниженным досоветским ставкам Симферополю потребовалось 2,5 млн рублей, а всему Крыму — 6–7 млн. Решено было наладить срочное печатание крымских кредиток. Пришлось даже предусмотреть сверхурочные работы.

С этого момента можно отсчитывать начало работ по тиражированию новых, чисто советских, крымских знаков. А через неделю было заявлено, что работы над знаками закончатся 26 мая. Открытым текстом сообщение о печати крымских знаков прозвучало из уст председателя Крымского совнархоза Я. Ф. Городецкого, участвовавшего в заседании Ялтинского ревкома 19 мая: «...в Симферополе продолжается печатание крымских денег, которые не позже чем через неделю будут выпущены» [19].

Отличить выпуск Краевого правительства от советского выпуска очень просто: в первом случае банкноты нумеровались нумератором в Краевом банке после изготовления знаков в типографии (серия печаталась вместе с банкнотой), а при советской власти и серия, и номер являлись частью печатной формы, то есть в этом случае номер был контрольным, а не серийным [20].

Существует мнение, что крымские деньги номиналом 25 рублей, отпечатанные во время существования Крымской ССР с литографированным серийным номером продолжали печатать в Крыму и после эвакуации врангелевцев. Но заведующий финансовым отделом Крымревкома в докладе от 3 декабря

1920 года предложил «в интересах объединения денежного обращения всей Республики — аннулировать совершенно эти (крымские) деньги». Поскольку доклад весьма подробно освещает ситуацию с денежным обращением на момент ухода врангелевцев, в приложении 1 приведён полный текст доклада.

Не рассматривалась печать крымских знаков для ликвидации денежного голода и в переписке крымского руководства с Москвой после эвакуации сторонников Врангеля (см. приложение 2).

* * *

Помимо указанных знаков, по заказу правительства готовился ещё один — 250 рублей Крымской ССР, автором которого был симферопольский гравёр М. Л. Грабовецкий [21]. Этот знак сохранился до наших дней, чему послужили весьма грустные обстоятельства. В июле 1919 года (уже при денкинцах) гравёр с несколькими сообщниками был арестован под надуманным предлогом в «приготовлении к изготовлению фальшивых денежных знаков». Конечно, основной причиной его ареста была работа над денежным знаком для Крымской ССР. Поводом к возбуждению уголовного преследования послужила продажа Грабовецким нескольким лицам литографического станка и принадлежностей для печати. Из документов дела следует, что при обыске на квартирах подозреваемых лиц найдены литографические материалы, «пригодные для печатания денежных знаков». Далее в деле имеется фраза о том, что, собственно, и интересуется нас: «При аресте у Грабовецкого изъяты один оттиск и две гравировки денежного знака 250-рублевого достоинства КССР...» Как опытного эксперта по определению подлинности денежных знаков, Грабовецкого не арестовали, а отпустили на свободу под залог.

Дело против М. Л. Грабовецкого было прекращено только через год (уже при Врангеле), причём в прокурорском заключении о прекращении уголовного преследования указано: «Запродажную расписку возвратить Грабовецкому, два рисунка и отпечаток денежного знака — уничтожить...» [22]. Из этих строк, а также из протокола обыска следует, что отпечаток денежного знака существовал в единственном числе, то есть он соответствует каталожному индексу «уникум».

Первое упоминание об этом знаке появилось в каталоге Кардакова 1953 года. У Кардакова этот знак оценён как очень редкий (RRR). Само изображение лицевой стороны 250-рублёвого знака Крымской ССР 1919 года впервые опубликовал московский бонист А. А. Бабенко в стенной газете «Московский бонист» № 3–4 (132–133) за 1981 год. Затем это изображение невысокого качества воспроизводилось в каталогах П. Ф. Рябченко (однотомном и двухтомном) с указанием «образец» и оценкой Р. Наконец, качественное изображение приведено в каталоге М. И. Истомина.

Обратите внимание на то, что в правом нижнем углу лицевого изображения знака есть пометка «ЕТ». Так помечал свои экземпляры коллекционер Евгений Николаевич Де-Тилот. К нему этот знак попал непосредственно от судейских чиновников, которые по решению суда должны были этот знак уничтожить, но отдали, а скорее продали его Де-Тилоту. До 1920 года он жил в Крыму, затем переехал в Одессу. После смерти Е. Н. Де-Тилота бона вместе со всеми остальными перекечевала в коллекцию Яна Львовича Бисельмана. В 2007 году вся коллекция Я. Л. Бисельмана, в том числе и эта бона, была украдена. До сегодняшнего дня коллекция так и не найдена.

Долгое время считалось, что сохранился лишь пробный оттиск лицевой части знака. Между тем в Госархиве Республики Крым имеется гравировка оборотной части, которую мы впервые воспроизводим. Стилистически оборотная сторона резко отличается от лицевой. Она богато орнаментирована, в какой-то степени напоминая романовские знаки крупных номиналов, некоторые их фрагменты использованы автором. Советских символов на оборотной стороне нет. Лишь аллегорическая фигура рабочего, одетого в фартук на голое тело, которая выполнена в древнеримском стиле, в некоторой степени восполняет недостаток революционной атрибутики. Возможно, именно отсутствие советской символики на оборотной стороне не способствовало тиражированию этого денежного знака. А может быть, М. Л. Грабовецкий и не стремился к этому. Знак почти квадратный, ширина его 12 см, высота — 11,5 см. Вся гравюра чёрная, лишь крупное число 250 в центре оранжево-кирпичного цвета. Гравюра была наклеена на клеёную коричневую подложку. Сохранность невысокая — по краям бумага местами потемнела из-за клея [23].

Что касается денежных знаков для Крыма, о ситуации на полуострове знали и в Москве, и в Киеве. И не только знали, но и спешили на помощь. Какие денежные знаки могла направить в Крым советская Украина? Во-первых, это купюры в 10 карбованцев советской печати, декрет о выпуске которых был подписан 15 мая 1919 года народным комиссаром Х. Раковским и заместителем народного комиссара финансов Э. Матчем [24]. А в конце мая в Харьков прибыли из Москвы так называемые пятаковские знаки — кредитные билеты образца 1918 года с подписью Г. Л. Пятакова [25]. Значит, не ранее начала июня они были отправлены в Крым. Вполне возможно, что в Крым поступали и украинские «лопатки» — знаки в 50 карбованцев, печатавшиеся в красной Одессе с апреля по июнь 1919 года [26]. Косвенным подтверждением справедливости этого предположения служит распоряжение Киева одесскому окружному Нарбанку выслать в Крым 50 млн рублей. Сообщение об этом поступило в Крым 3 июня [27].

В общей сложности из Москвы в Крым отправили 300 млн рублей, но эти деньги *«затерялись исключительно вследствие неурегулированности транспорта»*, о чём упоминал Я. Ф. Городецкий (председатель Крымского совнархоза), присутствовавший на заседании Ялтинского ревкома 18 мая. Из того же сообщения следует, что Киев тоже обещал прислать 30 млн рублей [28]. Ялтинские «Известия» писали 7 июня, что глава Крымсовнархоза Городецкий направлен в Киев и Москву *«для окончательного выяснения экономических взаимоотношений»*. Попутно должен был решаться вопрос о Севастопольском порте и заводе.

В отчёте о пленуме Крымского совнархоза, проходившего 11 июня [29], есть сообщение заведующего

Лицевая сторона 250-рублёвого знака

Оборотная сторона 250-рублёвого знака

подотделами Совнархоза Козлова. Он, в частности, сообщил «о доставленных из Харькова 105 млн рублей, которые на время помогли справиться с денежным голодом». Скорее всего, харьковская партия состояла уже из пятаковских знаков, поскольку известно, что в Харьков они поступили не позже 31 мая [30]. Последняя известная нам партия денег для Крыма в 20 млн рублей была отправлена из Москвы примерно 12 июня [31]. О сроках её поступления сведений нет, не исключено, что её вообще не успели доставить до эвакуации красных из Крыма, которая началась 20 июня.

По-видимому, только около 10 июня денежный голод в Крыму закончился. Произошло это благодаря выпуску в обращение крымских 25-рублёвок советской печати, а также поступлению затерявшихся в пути 300 млн пятаковских рублей. Похоже, что они поступили в Симферополь 10–11 июня.

Кризисная ситуация с деньгами и особенно с продуктами обострилась в Севастополе. Не следует забывать, что там находился крупнейший в Крыму завод, на котором работало около двух тысяч рабочих. За май зарплата пошла пятаковскими — по Севастополю и вообще на периферии к 15 июня, по Симферополю — дня на три раньше (11–12 июня).

Косвенным сигналом окончания денежного голода в Крыму можно считать следующую заметку от 11 июня: «Финотдел Крымского СНХ сообщает, что финансовая коллегия признала выпуск в обращение наравне с кредитными билетами майских и июньских купонов процентных бумаг, освобождённых от пятипроцентного сбора, нежелательным» [32].

В отчёте о пленуме Крымского совнархоза, прошедшего 11 июня, есть сообщение того же Козлова. Он, в частности, заявил, что «дефицит по всему Крыму достигает двух миллиардов рублей. Это обстоятельство объясняется переходным временем и невозможностью выяснить доходные части сметы». А далее — важное для нас: «В ближайшем будущем местные средства усилятся печатанием денег на месте...» [33].

Открытым текстом сообщение о печати крымских знаков прозвучало из уст Я. Ф. Городецкого, участвовавшего в заседании Ялтинского ревкома 19 мая. Приводим фрагмент его выступления, опубликованного ялтинскими «Известиями»: «В связи с финансовым кризисом задержана зарплата рабочим государственных именных; Киев обещал 30 млн руб., из Москвы 300 млн затерялись исключительно вследствие неурегулированности транспорта. Кроме того, в Симферополе продолжается печатание крымских денег, которые не позже чем через неделю будут выпущены» [34]. Из этого следует, что крымские 25-рублёвки «красной» печати появились в обращении в первых числах июня 1919 года, и их хождение продолжалось вплоть до занятия Крыма денкинцами. Напомним, что вошли они в Севастополь и Сим-

ферополь 24 июня и появились в крымских городах и отделениях Народного банка (точнее Московского народного банка). Но произошло это в самом конце советского периода [35]. Извещение о начале хождения датировано 18 июня, но практически они не были введены в обращение, поскольку с 20 июня началась поспешная эвакуация советских учреждений.

Так как денежный голод закончился буквально накануне отступления красных из Крыма, это обстоятельство не отразилось на каких-либо серьёзных экономических достижениях.

Особая ситуация с деньгами сложилась в Феодосии, которая, по сути, была в то время прифронтовым городом, так как Ак-Монайский фронт находился в 20–30 км от города. Положение можно проследить по воспоминаниям В. В. Вересаева [36]. В то время он работал в местном отделе народного образования.

В этом городе денежный кризис продолжал проявляться почти до возвращения белой власти, что произошло 20 июня. В местном отделе просвещения «с утра до вечера толпились голодные народные учителя и учительницы, съехавшиеся со всего уезда за получением жалования. Денег не было — все ждали из Симферополя, а их не привозили. Наконец привезли несколько миллионов, но с деньгами обратно не пришли требовательные ведомости, а без них отдел финансов отказывался выдавать деньги». Далее из текста его воспоминаний следует, что выдача этих денег происходила между 18 и 20 июня, по сути, уже в ходе эвакуации красной власти.

Заметим, что в Феодосии «временным комиссаром финансов» был назначен управляющий местного отделения Госбанка Н. А. Лукашевич, никакого отношения к большевикам не имевший [37].

Известно, что после прихода денкинцев в Крым запасы местного казначейства на треть состояли из пятаковских и на треть из керенок советской печати, причём знаки эти к моменту смены власти успели получить широкое распространение [38]. Скорее всего, июньскую зарплату рабочим и служащим выдавали в основном уже пятаковскими знаками. На счетах местных коммерсантов также зафиксированы денежные средства в основном в пятаковских знаках.

Перед эвакуацией Совет обороны Красного Крыма предоставил полтора миллиона рублей на подпольную работу парторганизаций [39]. Из этой суммы полмиллиона было распределено между севастопольской, евпаторийской и ялтинской организациями. Миллион рублей остался в распоряжении руководящей группы, которая по мере надобности должна была снабжать денежными средствами местные парторганизации [40]. Однако в первые же дни занятия денкинцами Крыма советские (пятаковские) деньги аннулировали. Таким образом, подпольная работа большевиков в Крыму усложнилась из-за отсутствия средств [41]. При эвакуации красных из

Крыма довольно значительные суммы были большевиками оставлены, новая власть не сразу однозначно определилась с их судьбой. В конечном счёте эти суммы были переданы уездным земствам, причём с лиц, вносивших контрибуцию по требованию красных властей, очередной властью не снималась обязанность уплаты текущих сборов и недоимок [42].

* * *

Нам удалось выявить ещё один знак, имевший отношение к рассматриваемому периоду. Ранее считалось, что денежный знак Управления национальными именьями в Ливадии и Массандре относится к более позднему периоду — 1921 году [43] или более раннему — 1918 году [44]. Обратимся к архивным документам.

В связи с острейшим денежным голодом и необходимостью выплатить зарплату сезонным рабочим Ялтинский комиссариат национальных имений сообщил 19 мая 1919 года Ялтинскому военно-революционному комитету (№ 746): «Управления национальными именьями Массандра, Айданиль, Кучук-Ламбат и Чукурлар испытывают громадную недостачу денег для оплаты труда подённо-рабочих. Невыплата денег грозит остановкой работ и гибелью доходных культур».

Дабы избежать этого, необходимо временно прибегнуть в спешном порядке к выпуску чеков-бонов, обеспеченных доходами этих имений, которые прошу разрешить в срочном порядке выпустить для оплаты подённо-рабочим чеков-бонов на сумму до 500 000 рублей.

Боны будут образца банковских чеков, снабжённых подписью и печатью. Выпуск обставлен будет всевозможными предосторожностями для предохранения от подделок».

Управляющий [А. П. Никифоров]

Бухгалтер [А. Корляков]» [45].

22 мая Комиссариат национальных имений получил уведомление Ялтинского военно-революцион-

ного комитета о том, что «вопрос о выпуске бонов рассматривается» [46].

В свою очередь об этом предложении сообщила и местная газета — «Известия Ялтинского Военно-Революционного комитета»: «Управление национальными именьями предлагает ввести доходами национальных имений. Объём эмиссии — до 500 тысяч руб. в форме банковских чеков с соответствующими подписями и печатью; необходима и защита от подделок» (24 мая, № 21, с. 4).

Однако почти одновременно с этой публикацией отдел управления Ялтинского ревкома распорядился «ни в коем случае не делать без ведома Отдела Управления и его санкции никаких самостоятельных именуемых характер государственного значения распоряжений, как то: выпуск бон на право хождения...» [47]. Поэтому дальнейшая работа над знаками для национальных имений была прекращена.

К тому же в последних числах мая из Советской России поступили наконец значительные суммы новых денег, главным образом пятаковских. В связи с этим отдел советских хозяйств Крымского комиссариата земледелия начал отчислять средства национальным именьям. Так, 30 мая первая сумма в 25 000 рублей была направлена в Ливадию, 31 мая — 25 000 рублей в Массандру. Затем этим и другим именьям последовали дополнительные выплаты. К 21 июня вся задолженность в 500 000 рублей была погашена [48].

В Госархиве Республики Крым, в делах Ялтинского ревкома и Комиссариата национальных имений, не сохранились ни сам знак, ни какие-либо сведения о художнике, выполнившем эскиз знака.

В заключение хотелось бы поблагодарить В. А. Коломийцеву (Симферополь) и И. А. Рукавицына (Кривой Рог) за исчерпывающие консультации в ходе написания данной статьи.

Денежный знак Управления национальными именьями в Ливадии и Массандре

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

**Доклад заведующего финансовым отделом
в Ревком Крыма от 3 декабря 1920 года**

Д О К Л А Д

В числе денежных знаков, обращавшихся в Крыму до установления Советской власти, имелись между прочим украинские «карбованцы» и «гривны», а также денежные знаки б[ывшего] Крымского правительства (Крымские деньги). Как те, так и другие денежные знаки были признаны Советской властью в Крыму в 1919 г., причём выпуск крымских и украинских денег продолжался самой Советской властью из экспедиций в Симферополе и Одессе.

В связи с аннулированием денег Врангеля и донских и создавшегося крайнего недостатка в денежных знаках, от местных Ревкомов и Финотделов поступил целый ряд срочных запросов относительно того, признаётся ли обязательное обращение на территории Крыма карбованцев и крымских денег, фактически, до последнего времени принимаемых во многих городах Крыма.

В настоящее время положение вопроса о денежном обращении в Крыму представляется в следующем виде.

- Врангелевские и донские деньги безусловно аннулированы; с другой стороны имеют законное хождение деньги Советские и керенки (всех достоинств); что же касается остальных денежных знаков, обращавшихся в Крыму, то относительно них вопрос остаётся открытым.

- Имея в виду создавшееся положение, я считаю необходимым получить руководящие указания Ревкома также относительно судьбы прочих денежных знаков, находившихся в обороте в Крыму, и в первую очередь относительно украинских и крымских денег, как имевших наибольшее распространение.

- В отношении украинских денег (гривен и карбованцев), я должен отметить, что главная масса их была выпущена вне Крыма, на Украине, — а потому я считал бы наиболее правильным решить вопрос о признании этих денег в Крыму в зависимости от того, признаны или аннулированы в настоящее время эти деньги Советской властью на Украине.

- Что же касается крымских денег, то вопрос о признании или непризнании этих денег не затрагивает материальных интересов широких слоёв населения, так как последних было выпущено всего на сумму около 150 000 000 р. и только мелкими купюрами, не свыше 25 рубл. достоинства, и теперь большая часть их уже пришла в негодность и вышла из обращения. Поэтому я считал бы возможным в интересах объединения денежного обра-

ния всей Республики — аннулировать совершенно эти деньги.

Об изложенном докладываю на распоряжение Ревкома.

Завфинотделом /подпись/

20 декабря 1920 года

[ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 22. Л. 69–69 об.]

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**Переписка Симферополя с Москвой
(декабрь 1920 — апрель 1921 года)**

11 декабря 1920 года. «Бела Кун. Обнаружен миллиардный запас денежных знаков английской заготовки двадцати пяти рублевого достоинства образца Керенского ещё не выпущенных Врангелем в обращение. Точка. Прошу разрешения и указания: можно ли проштемпелевать эти знаки и выпустить в обращение под строгим контролем Крымревкома. Точка. Номер 754. Предкрымревкома Бела Кун» [РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 5929. Л. 6].

Примечание. 25-рублёвые знаки заготовлены американской, а не английской компанией.

6 декабря 1920 г. «В Симферополь Предревкома Бела Куну

На Ваш 754. Кроме высланной крупной суммы советских знаков далее будем поддерживать регулярно снабжение, поэтому выпуск знаков английского производства излишен. Точка. Прошу предать их уничтожению, выслав [в] Москву образцы. 170. Замнаркомфин [Чуцаев]» [Там же. Л. 5].

Конец января 1921 г. Завфинотделом Крыма Каменский — Наркомфину

«Согласно телеграмме за № 170 замнаркомфина Чуцаева на имя Предревкома Крыма все обнаруженные в Крыму запасы денежных знаков английского и американского изготовления, имеющими быть выпущенными правительством Врангеля при предполагавшейся в Крыму унификации, подлежали уничтожению.

Между тем постановлением Крымревкома от 27 января сего [1921] года решено было указанные денежные знаки, отпечатанные в тёмных тонах, уничтожить путём их утилизации; к таковому, однако, приступлено не было за неимением способов их утилизации и денежными знаками оказались перегружены кладовые Крымфинотдела» [Там же. Л. 19].

16 апреля 1921 г. № 373. Завфинотделом Крымревкома Каменский сообщает Наркомфину об отправке в Москву партии образцов аннулированных знаков и просит разрешения сжигать их на месте, поскольку их не удаётся утилизировать [Там же. Л. 18].

1. ГАРК. Ф. П-150. Оп. 1. Д. 51. Л. 50.
2. Постановление № 1 Комиссариата Финансов // Известия Севастопольского революционного комитета. 1919. 29 мая. № 28. С. 3.
3. ГАРК. Ф. Р-1733. Оп. 1. Д. 173. Л. 9.
4. Там же. Ф. П-150. Оп. 1. Д. 51. Л. 113, 118; Ф. Р-1733. Д. 10. Л. 144, 145.
5. Таврический коммунист. 1919. 23 мая. № 36. С. 4.
6. ГАРК. Ф. П-150. Оп. 1. Д. 51. Л. 50–51.
7. Известия (Харьков). 1919. 11 мая. № 110. С. 2; сообщение из Ялты от 8 мая.
8. ГАРК. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 1. Л. 75.
9. Там же. Ф. Р-1733. Оп. 1. Д. 169. Л. 40.
10. Там же. Д. 178. Л. 7.
11. Там же. Д. 169. Л. 420.
12. Полный текст обращения, подписанного председателем Совнаркома Д. И. Ульяновым и заведующим финотделом Совнархоза А. Г. Галлопом: *«Катастрофическое положение финансов Крыма повелительно требует впредь до получения денежного подкрепления принятия Ревкомами решительных мер к сокращению на текущий месяц всех расходов, ограничиваясь в производстве таковых лишь безусловно необходимыми на поддержание существующих учреждений и предприятий, отказываясь от каких бы то ни было расходов, направленных на развитие или образование новых. Точка. Ввиду остроты положения настоящее распоряжение подлежит строжайшему и неукоснительному исполнению Ревкомами [ГАРК. Ф. Р-2467. Оп. 1. Д. 13. Л. 20].*
13. Из газеты «Прибой» (Севастополь. 1919. 17 (4) мая. № 448. С. 2): *«Севастопольский Совет народного хозяйства на основании отношения Финансового отдела Крыма от 22 мая с. г. № 3477, настоящим доводит до всеобщего сведения, что наравне с денежными знаками имеют хождение и обязательны к приёму всеми властями, советскими и частными учреждениями и частными лицами:*
 - 1) *Облигации (листы) Займа свободы в 20, 40, 50 и 100 р. как штемпелёванные так и нештемпелёванные и притом безразлично с купонами при них или без купонов.*
 - 2) *Обязательства Государственного казначейства без пробивных знаков (пробивка «ГБ») Государственного банка всех достоинств как штемпелёванные, так и нештемпелёванные.*

Обязательства Государственного казначейства с пробивными знаками б. Государственного банка, но только достоинством в 1000 и 5000 руб. и обязательно снабжённые штемпелем Народного (государственного) банка о хождении обязательства наравне с кредитными билетами.»
- Логично предположить, что денежных знаков из центра к этому моменту в Крыму ещё не было.
14. Известия (Ялта). 1919. 22 мая. № 19. С. 2; Известия (Севастополь). 1919. 4 июня. № 32. С. 4.
15. Известия (Севастополь). 1919. 21 мая. № 21. С. 2.
16. Известия (Ялта). 1919. 21 мая. № 18. С. 3.
17. Известия (Ялта). 1919. 8 июня. № 33. С. 3.
18. Протокол заседания Ревкома № 18 от 11 мая // ГАРК. Ф. Р-1733. Оп. 1. Д. 173. Л. 116.
19. Известия (Ялта). 1919. 21 мая. № 18. С. 3.
20. *Истомин М. И.* Выпуски Крымского Краевого правительств Самуила Крыма (Неймана) // Нумизматика и фалеристика, 2005. № 1; Крымский коллекционер (Симферополь). 1923. № 1.
21. Грабовецкий Мордух Лейб (Марк Львович) (ок. 1876 — 13 декабря 1941). Родился в Вильно, где получил образование по специальности «гравёр-литограф». В начале XX в. переехал в Симферополь. Там женился на Марии Розенфельд. У них было трое детей. Накануне Первой мировой войны заказал в Германии станки для типографии. В начале революции жена заболела, семья переехала в Феодосию. Там Марк Львович работал в частной литографии. В 1918 г. жена умерла, и семья вернулась в Симферополь. Марк Львович остался с тремя детьми. Создал собственную небольшую типографию, которая изготавливала этикетки и рекламные проспекты для местной продукции (табачных фабрик, винодельческих заводов и пр.). В типографии работали и его дети, и наёмные помощники.
- Когда в 1941 г. началась война, его сын Эммануил писал ему с фронта о зверствах фашистов и просил эвакуироваться. В доме у М. Л. Грабовецкого много лет жил немец-литограф, с которым он очень дружил. И, считая немцев культурной нацией, которая не допустит никаких зверств, Марк Львович эвакуироваться не захотел. 13 декабря 1941 г. М. Л. Грабовецкого, а также нескольких его родственников расстреляли как евреев в пригороде Симферополя.
22. ГАРК. Ф. 483. Оп. 4. Д. 1312. Л. 15 об.
23. Там же. Л. 2.
24. Известия (Киев). 1919. 15 мая. № 42. С. 2; Известия (Харьков). 1919. 16 мая. № 114. С. 2.
25. Известия (Харьков). 1010. 31 мая.
26. *Артемов Ю.* Эмиссия украинских «лопатонок» в Советской Одессе. Первый выпуск советских «лопатонок» (06.04 — 24.08.1919) // Коллекционер. 2003. № 38–39. С. 307–315.
27. Известия (Севастополь), 1919. 4 июня. № 32. С. 4; Известия (Ялта), 1919. 7 июня. № 32. С. 2–3.
28. Известия (Ялта), 1919. 21 мая. № 18. С. 3.
29. Известия (Севастополь), 1919. 12 июня. № 38. С. 2.
30. Известия (Харьков), 1919. 31 мая. № 125.
31. Об отправке этой суммы в Крым сохранился следующий документ.
*«12 июня, Москва
 № 6196/6198 В Финансово-счётный отдел
 Копия : Департамент Государственных казначейств
 № 14/39
 Президиум В. С. Н. Х. предлагает Вам срочно перевести 20 000 000 руб. в Крым, по адресу Крымского Совета Народного Хозяйства на его операционные и производственные нужды, списав эту сумму по ст. 14 параграфа 55 сметы В. С. Н. Х. первого полугодия 1919 г.
 Председатель Высшего Совета народного хозяйства [Рыков А. И.]
 Член коллегии Финансово-Экономического отдела (подпись)
 Секретарь (подпись) [Печать ВСНХ]» [РГАЭ, Ф. 2324 (Народный банк). Оп. 9. Д. 33а. Л. 215].*

Для сравнения укажем, что на второе полугодие 1919 г. Наркомфином РСФСР выделено Волынской губернии 77 млн рублей, Черниговской губернии — 70 млн рублей, Донской области — 150 млн рублей [Там же. Д. 5. Л. 67 об., 68].

32. Известия (Севастополь). 1919. 11 июня. № 37. С. 2.

33. Известия (Севастополь). 1919. 12 июня. № 38. С. 2.

34. Известия Ялта). 1919. 21 мая. № 18. С. 3.

35. Извещение о начале работы Московского народного Банка в Симферополе:

«Циркулярно

[Штамп типографский:] Симферопольское Отделение

[Штамп мастичный чёрный:] Московского народного

Банка МОСКОВСКИЙ

(Кооперативное отделение № 12962 18 июня 1919

НАРОДНОГО БАНКА) НАРОДНЫЙ БАНК

[Симферополь], Салгирская, 21

Июнь 1919 г.

У. Т. [Уважаемые товарищи]

Настоящим уведомляем Вас, что Симферопольское Отделение Московского Народного Банка (ныне Кооперативное Отделение Народного Банка) открыло свои действия и производит операции, разрешённые уставом.

Управляющим отделения состоит ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ АФАНАСЕНКО, Бухгалтером АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ АРТЁМОВ и Кассиром ФЁДОР АНАНЬЕВИЧ ГОЛОЛОБОВ.

Все денежные обязательства Отделения должны быть снабжены подписями Управляющего, Бухгалтера и Кассира, а все письма и прочие документы за подписью Управляющего и Бухгалтера.

Ниже помещённые подписи просим заметить.

Кооперативное отделение

НАРОДНОГО БАНКА в Симферополе.

(Бывший Московский Народный Банк)

(А. С. Артёмов)

Будут подписывать:

Е. Н. Афанасенко (подпись)

А. С. Артёмов (подпись)

Ф. А. Гололобов (подпись) [РГАЭ. Ф. 2324. Д. 132. Оп. 4. Л. 7].

36. Вересаев В. В. Воспоминания. М.: Правда, 1982. С. 540.

37. Приказ № 4 // Известия Военно-Революционного комитета Феодосии. 1919. № 9. 7 мая.

38. 19 июня (ст. ст.) 1919 г. таврический губернатор Никита Алексеевич Татищев докладывал в финансовый отдел (управление финансов) Особого совещания: «...в настоящее время общая наличность Отделения Государственного Банка и Казначейства в Симферополе не превышает 3 800 000 рублей, из них 1 900 000 керенскими, 1 300 000 советскими кредитными билетами образца 1918 г. (т. е. пятаковскими. — М. В.) и приблизительно 600 тысяч Крымскими Краевыми денежными знаками» [ГАРК. Ф. Р-2235, Д. 24. Л. 3].

39. Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными организациями. Т. 8. М., 1972. С. 582.

40. ГАРК, Ф. П-150. Оп. 150. Д. 158. Л. 57.

41. Чирва И. С. Большевицское подполье в Крыму в период денкинщины и вренгелевщины // Борьба большевиков за упрочение советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма. Симферополь: Крымиздат, 1958. С. 87.

42. Южные ведомости (Симферополь). 1919. 31 июля (13 августа). № 102. С. 2.

43. Рябченко П. Ф., Бутко В. И. Полный каталог бумажных дензнаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769–1999 гг.) К., 1999. Т. 2. С. 227.

44. Истомин М. И. Каталог денежных знаков Гражданской войны в России. Т. 3. Харьков, 2009. С. 171–172.

45. ГАРК, Ф. Р-2424. Оп. 1. Д. 28. Л. 19.

46. Там же. Л. 22.

47. ГАРК. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 1. Л. 100.

48. Там же. Л. 34.

Д. А. Борисов

Красный спорт в Крыму

Продолжение истории (1923–1940 гг.)

Большинство историков в области спорта не усматривают того факта, что в развитии некоторых видов спорта наблюдался огромный подъём в одних районах земного шара, в то время как в других они оставались едва известными. Однако упомянутое явление не может рассматриваться как случайное, впрочем, как и тот процесс дифференциации, который привёл к появлению таких видов современной гимнастики, как выступления на снарядах, вольные упражнения и акробатика.

1. Деятельность окружных советов физкультуры и спорта

Крымский областной ЦИК на своём заседании (под председательством В. Ибраимова), проходившем 5 июля 1923 года, рассмотрел вопрос «Об утверждении Положения об окружных советах физкультуры». В протоколе № 23 зафиксировано: «Положение, выработанное Крымским советом физкультуры утвердить. Разослать на места» [1]. Заметим, что на протяжении первого полугодия 1923 года это было третье рассмотрение подобного вопроса и третье решение об утверждении Положения.

В данном Положении об окружном совете физической культуры при президиумах окрисполкомов закреплялось, что «*окружной совет физической культуры, являясь межведомственным органом, объединяющим и корректирующим деятельность всех местных ведомств в деле планомерной организации физкультуры и спорта имеет своими задачами:*

1. *Общее руководство научной, учебной и организационной деятельностью в области физкультуры в пределах округа.*

2. *Объединение и содействие организации научно-исследовательских и учебных учреждений и работ по физической культуре»* [2].

ОСФК является руководящим органом в области физической культуры, издаёт распоряжения и постановления по физической культуре, обязательные к исполнению для всех ведомств, организаций и учреждений [3].

Помимо организационных вопросов, был утверждён вопрос финансирования Совета физкультуры, когда было принято решение о выдаче Крымскому совету физкультуры 25 000 рублей на орграсходы: «*Выдать из средств КрЦИК в счёт сметы 25 000 руб.*» [4].

В программном плане работы Крымского совета физической культуры на летний период 1923 года содержались только организационные вопросы. Для улучшения функционирования этого совета были сформированы организационная, школьно-педагогическая и научно-медицинская секции [5].

9 июня 1926 года на заседании малого президиума КрЦИК был заслушан доклад комиссии по обследованию Высшего совета физической культуры Крыма. В протоколе указано: «*Президиум КрымЦИК считает, что физкультура Крыма за последнее время улучшается и укрепляется как по линии охвата физкультурой организаций и новых членов, так и по линии улучшения качества работы имеющихся физкультурных организаций*».

Однако отмечают следующие недостатки:

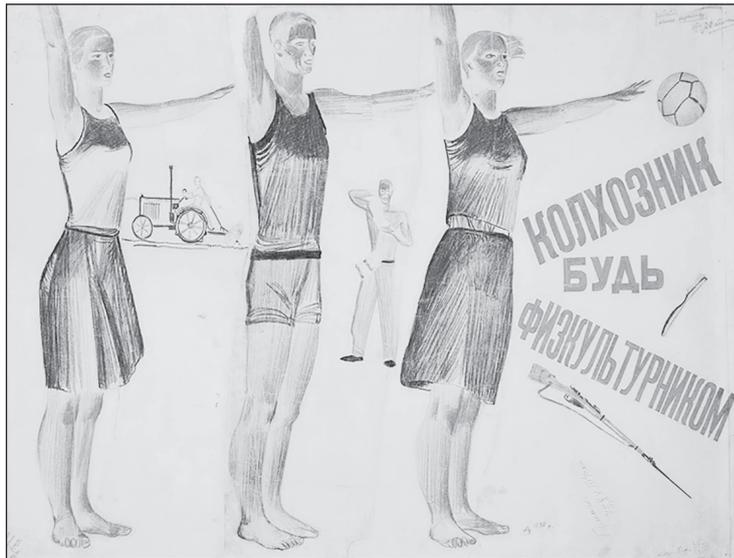
1. *Недостаточно систематически поставленного руководства физкультурой со стороны ВСФК;*

2. *Отсутствие заинтересованности в работе ВСФК ведомств и организаций;*

3. *Отсутствие планового руководства»* [6].

Было решено «*создать при КрымЦИКе деловой работоспособный совет физкультуры.*

Начать плановую подготовку физкультурного актива, в первую очередь для деревни, главным образом для татар и нацменьшинств.

Плакат А. А. Дейнеки. 1930 г.

Создать осенью всекрымские курсы физкультуры для подготовки работников для села. Усилить работу по ликвидации физкультнеграмотности, лекции, доклады, литература.

Тов. Красникова отозвать из Севастополя и назначить на должность Отвсекретаря ВСФК Крыма.

Создать Дом физкультуры, который должен стать организатором научно-медицинских исследований среди физкультурников» [7].

11 июня 1928 года в Крым приходит циркулярное письмо ВЦИК об организации летом 1928 года «смотря наших достижений в области физической культуры — Всесоюзной Спартакиады» [8].

Во исполнение этого циркулярного письма 27 июня 1928 года на заседании ЦИК КрАССР принимается решение о проведении Всекрымского праздника физкультуры и участия во Всесоюзной спартакиаде, победителей соревнований в Крыму [9].

Постановление КрымЦИК своим протоколом № 68 утверждает постановление Президиума ВСФК Крыма о посылке на Всесоюзную спартакиаду 120–130 физкультурников.

Для финансирования планируется «отпустить дополнительный сверхсметный кредит в сумме 1000 р. на расходы по поездке Крымской группы физкультурников на Всесоюзную спартакиаду» [10]. Было решено расширять информацию о развитии физкультурного движения в Крыму и для этого «предложить ВСФК Крыма регулярно освещать подготовку и ход Всекрымского праздника физической культуры и Всесоюзной спартакиады в Крымских газетах, предложить редакции газеты «Красный Крым» помещать физкультурный материал, направляемый в редакцию» [11].

К сожалению, в архиве не удалось обнаружить документы о результатах выступления крымских

спортсменов на Всесоюзной спартакиаде в 1928 году.

В стране набирает обороты физкультурное движение, и в марте 1929 года принимается решение о проведении 1-го Всекрымского национального праздника по физкультуре.

В деле имеется протокол заседания президиума Высшего совета физической культуры (№ 4 от 21 февраля 1929 г.). На данном заседании присутствовали: Кубаев — председатель, Эмин, Симаков, Сорокин, Грачёв, Михайлов, Османов, Витолин, Красников. Отсутствовали: Каневский, Ландсман, Бойко, Оледзевский, Лысенко [12]. Примечательно, что все члены президиума указаны в документах без инициалов.

На заседании президиума Высшего совета физической культуры был утверждён план летней работы на 1929 год.

В плане, в частности, предусмотрены следующие мероприятия:

«Апрель.

2. Провести энергичную подготовку к первомайским торжествам: разучивание массовых движений, общерайонные репетиции и т. д.

8. Составить районные календари соревнований, принимая во внимание Всекрымские соревнования:

а) национальный всекрымский физкультурный праздник — 23 мая;

б) профсоюзный 2-недельный праздник физкультуры — вторая половина июня;

в) общий всекрымский праздник в августе.

Май.

10. Провести майские торжества, ознаменовав их массовыми выступлениями, демонстрациями, пробегами, эстафетами, соревнованиями, выездами в подшефные сёла и т. д.

11. Всмерно развернуть работу следующих секций: спорт-игр, лёгкой атлетики, прикладной гимнастики, водной секции и секции велоспорта, продолжать работу в секциях по тяжёлой атлетике, фехтованию, спортивной гимнастике.

13. На весенний период 1929 года общекрымскими нормами считать:

- для мужчин: бег 1000 м — 4 мин; длина с разбега — 3 м 50 см; ядро — 6 метров; подтягивание с земли — 3 раза; плавание любым стилем 100 м или продержаться на воде 2 минуты;

- для женщин: бег 500 м — 3 мин; длина с разбега — 2 м 50 см; ядро — 4 метра; подтягивание с земли — 1 раз; плавание любым стилем 50 м или продержаться на воде 1 минуту.

14. Разработать календарник экскурсионно-туристических маршрутов в различных пунктах своего района, Крыма,

с проведением военизированных маршей, кроссов, стиплчезов» [13].

Праздник решено было проводить в Бахчисарае как национальном центре крымскотатарского населения КрАССР.

2. Проведение 1-го Всекрымского национального праздника по физкультуре

17 мая 1929 года Высший совет физической культуры КрАССР проводит инспекцию работы Бахчисарайского совета физической культуры по вопросу подготовки к 1-му Всекрымскому национальному празднику по физкультуре и летнему спортивному сезону. Результаты инспекции нашли своё отражение в «Выводах по просмотру работы Бахчисарайского СФК». Приведём выдержки из этого документа.

«2. Подготовка к летней работе поставлена слабо.

а. Уже начало лета, а нет никакой программы летней работы.

б. Ничего не сделано по вопросу оборудования спортивных площадок. Хотели провести воскресенье 19.04, но сорвалось.

4. Подготовка к 1 Всекрымскому национальному празднику по физкультуре слабая.

а. Подготовительная работа проведена только среди школьников, это явление ненормальное.

5. Предложить Райсовету физкультуры усилить агитационную пропагандистскую работу среди кустарной и крестьянской молодёжи и взрослых путём докладов и бесед, сопровождая их физкультурными выступлениями.

6. Поставить вопрос перед РИКом об отводе комнаты для СФК, т. к. отсутствие таковой отрицательно сказывается на физкультурной работе среди населения» [14].

Плакат В. Б. Корецкого. 1935 г.

Как видим, место проведения 1-го Всекрымского национального праздника физкультуры не было подготовлено. Но его тем не менее провели, как и запланировали, 23 мая 1929 года. Результаты были запротоколированы, представлены также сведения об участниках праздника.

Интересен анализ состава участников (табл. 1).

Таблица 1

Сведения об участниках
1-го Всекрымского национального праздника физкультуры (май 1929 г.) [15]

Район	Город	Деревня	Мужчины	Женщины	Возраст		
					16–23	23–30	+30
Симферополь	17		13	4	15	2	–
Джанкой	1	3	4	–	1	2	1
Карасубазар	12		10	2	12	–	–
Евпатория	11		9	2	11	–	–
Бахчисарай	12	11	17	6	15	3	5
Ялта	–	12	11	1	9	3	–
Феодосия	2	16	14	4	8	7	3
Судак	1	6	7	–	1	4	2
Представители судебной коллегии	10	–	8	2	–	9	1
Всего	66	48	93	21	71	30	12

Физкультурное движение на заре СССР

В социальном составе наибольшую группу составляют бедняки — 36 человек, середняки — 18, рабочие — 11, батраки — 19, служащие — 27, кустари — 5. Комсомольцев — 55, коммунистов — 5, беспартийных — 54.

Интересен подбор спортивных состязаний, в которые были подобраны и национальные виды спорта, а также национальные танцы и музыка.

Приведём результаты данных соревнований.

«1. Легкоатлетическое троеборье. Виды соревнований»

Мужчины: бег 2450 м, ядро, прыжок. Победитель — Османов Ниметулла (Симферополь) с результатом: бег — 8,44 м, ядро — 8,94 м, прыжок — 4,97 м.

Женщины: бег 350 м, ядро, прыжок. Победитель — Халлиева Айше: бег — 21,04 с, ядро — 5,52 м, прыжок — 3,72 м.

2. Бег в мешках в 30 метров. Победитель — Касибов (Бахчисарай) с результатом 10,7 с.

3. Музыка. Победитель — Бекир Османов (Симферополь) [16].

4. Велосипедные соревнования 10 км по шоссе. Мемет Эммин (Симферополь) — 32,25\$ Абдул Га-

зиев (Феодосия) — 32,48; Муждабаев (Симферополь) — 35,36 [17].

5. Национальные татарские танцы (женщины). Победитель — Курмашева София (Симферополь).

Национальные татарские танцы (мужчины). Победитель — Менасанов Умер (Феодосия).

6. Татарская борьба. 16–19 лет: победитель — А. Эмиров (Карасубазар); 19–23 года: победитель — Д. Алиев (Симферополь); 23 года и выше: победитель — Анадов Идрез (Симферополь)» [18].

Итоги 1-го Всекрымского национального праздника физкультуры были подведены не только на самих соревнованиях, но и на заседании президиума ЦИК КрАССР 29 мая 1929 года.

«1-й Всекрымский национальный праздник физкультуры показал сравнительно высокие спортивно-технические данные в общих и национальных видах спорта и выполнил свои основные задачи: противопоставил празднику религиозному «Курбан-Байрам» праздник пролетарской физкультуры, несмотря на попытки духовенства и националистов сорвать революционно-культурное творчество национальных масс» [19].

Как видим, спорт и физическая культура выполняли в то время идеологические функции и были призваны отвлечь народные массы от религии (праздник физической культуры противопоставлялся религиозному празднику Курбан-байрам, который проводился также 23 мая).

В итоге было решено: *«...шире развернуть физкультурную работу в деревне и среди татар, организовав ряд национальных и деревенских кружков физической культуры».*

Спортивные национальные праздники проводить ежегодно, включая в программы праздников национальных видов физупражнений и при обязательном использовании общих видов упражнений, как-то: лёгкая атлетика, игры и тяжёлая атлетика.

При подборе и посылке участников праздников Ф.[физической] к.[культуры], как нац.[национальных], так и общих, самое серьёзное внимание обращать на классовый состав участников» [20].

Непонятно, в чём проблема с классовым составом, ведь, как видно из сводной таблицы, бедняки составили 36 человек из 114 участников, служащие — 27, а кустари — всего 5 человек. Видимо, имелась в виду партийность участников соревнований, так как беспартийные составили 54 человека, или 47% от числа спортсменов. Таким образом, ставилась задача на следующих национальных соревнованиях увеличить количество членов КСМ и ВКП(б).

После проведения 1-й Всекрымского национального праздника физкультуры перед Высшим советом физической культуры встаёт вопрос о расширении физкультурного движения и отправке команды пионеров Крыма на пионерскую Всесоюзную спартакиаду.

В связи с этим 6 июня 1929 года проходит заседание президиума Высшего совета физической культуры КрАССР под председательством Красникова, на котором присутствовали Бондаренко, Михайлов, Ткаченко, Фельдман, Османов, Генкина.

На заседании слушали вопрос о пионерской Всесоюзной спартакиаде, после выступления докладчика постановили: «...для выявления кандидатов на Всесоюзную Спартакиаду провести районные и Всекрымские слёты. В состав команды Крыма включить коллективы отрядов, выигравшие первенство по тому или иному виду физупражнений. Для создания общих условий соревнований считать целесообразным провести Всекрымские слёты пионеров — по водной части в Севастополе, а остальные виды в г. Симферополе» [21].

Не обошлось в 1929 году и без странных приказов из центра. Так, например, на заседании президиума Высшего совета физической культуры 27 июня 1929 года в составе Дивлетова, Сорокина, Симакова, Красникова, Османова, Бойок, Витолина, Семёнова рассматривали вопрос о «запрещении ВСФК РСФСР проведение 6-го всекрымского праздника физкультуры» [22].

Неизвестно, с чем связано данное запрещение, но было принято постановление, в котором говорится, что «Постановление Секретариата ВСФК РСФСР принять к руководству. 6-й Всекрымский праздник физкультуры отменить, взамен его проведя в августе деревенский праздник физкультуры, а также Крыма по мото-вело и водному спорту» [23].

3. Первые Всекрымские соревнования по различным видам спорта (1929 г.)

В 1929 году впервые после начала физкультурного движения в КрАССР были проведены 1-е Всекрымские соревнования по различным видам спорта.

Среди документов Высшего совета физической культуры Крыма сохранились протоколы этих соревнований, которые, несомненно, представляют интерес для истории крымского спорта.

Так, одними из первых в феврале 1929 года были проведены соревнования по тяжёлой атлетике. Они включали в себя две дисциплины: поднятие штанги и борьбу. Результаты зачитывались как индивидуальные, так и командные от городов Крыма. Причём командные очки шли в зачёт Всекрымской спартакиады.

Приведём результаты соревнований по тяжёлой атлетике (табл. 2) [24]. В этих состязаниях команда Севастополя заняла первое место. И видно, что не все города Крыма выставили команды, что говорит о недостаточной спортивной работе в 1929 году.

Таблица 2

Результаты соревнований по тяжёлой атлетике

Город	Штанги	Борьба	Всего очков	Место
Севастополь	13	16	29	1
Симферополь	8	3	11	3
Феодосия	6	1	7	4
Евпатория	8	15	23	2
Ялта	2	3	5	
Джанкой	0	0	0	
Карасубазар	0	0	0	
Керчь	0	0	0	
Бахчисарай	0	0	0	

Соревнования по пятиборью и поднятию тяжестей тоже шли в зачёт Всекрымской спартакиады, и тут результаты были следующими (интересно обратить внимание на весовые категории, которые применялись в 1929 году) (табл. 3) [25].

Таблица 3

Результаты соревнований по пятиборью и поднятию тяжестей

Фамилия спортсмена	Место	Город
<i>Вес мухи</i>		
Корюхин	1	Симферополь
Лысый	2	Евпатория
<i>Вес пера</i> (всего 4 человека)		
Ахинштейн	3	Евпатория
Хазон	1	Феодосия
Сидориди	2	Севастополь
<i>Вес легчайший</i> (всего 2 человека)		
Соловей	1	Севастополь
Аргутинский	2	Симферополь
<i>Вес лёгкий</i> (всего 6 человек)		
Жонсон	1	Симферополь
Каменский	2	Евпатория
Гайко-Белый	3	Ялта
<i>Вес средний</i> (всего 6 человек)		
Харченко	1	Севастополь
Омельченко	2	Севастополь
Аларьев	3	Евпатория
<i>Вес полутяжёлый</i> (всего 6 человек)		
Дубровский	1	Симферополь
Доц	2	Евпатория
Влижблок	3	Ялта
<i>Вес тяжёлый</i>		
Липовицкий	1	Севастополь
Шабаршин	Вне конкурса	Севастополь

Помимо того, что борьба входила в общий зачёт в соревнованиях по тяжёлой атлетике, она была и отдельным видом спорта, по которому шла индивидуальная борьба.

Сохранился протокол этих соревнований (результаты по борьбе приводим ниже).

Таблица 4

Результаты всекрымских соревнований по борьбе [26]

Фамилия спортсмена	Место
<i>Вес мухи</i> (всего 2 участника)	
Лысый	1
Кричевский	2
<i>Вес пера</i> (всего 5 человек)	
Стрелянов	2
Зверев	3
Дикий	1
<i>Вес лёгкий</i> (всего 7 человек)	
Коптуненко	1
Чаун	3
Шкуро	2
<i>Вес легчайший</i> (всего 4 человека)	
Соловей	1
Сидоренко	3
Бодров	2
<i>Вес средний</i> (всего 7 человек)	
Распутный	3
Омельянченко	2
Фесенко	1
<i>Вес полутяжёлый</i> (всего 5 человек)	
Куха	2
Куинджи	1
Доц	3
<i>Вес тяжёлый</i> (всего 2 человека)	
Липовецкий	1
Старцев	2

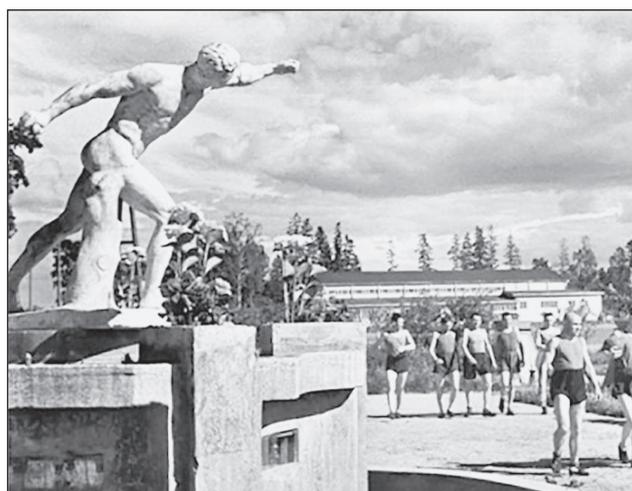

Фото А. В. Устинова. 1930 г.

В марте 1929 года впервые в Крыму состоялись соревнования по спортивной гимнастике. Они включали шесть элементов: вольные движения, брусья общие и индивидуальные, турник общий и индивидуальный, лазание по канату, опорный прыжок и прыжки в длину и высоту.

Таблица 5

Результаты всекрымских соревнований по спортивной гимнастике. Командное первенство [27]

Город	Всего очков	Место
Севастополь	299,8	1
Симферополь	157,4	4
Евпатория	174,1	3
Феодосия	206,6	2
Карасубазар	72,5	5
Джанкой		

Как в командном, так и в индивидуальном первенстве верх одержали спортсмены из Севастополя. Приводим результаты индивидуального первенства.

Таблица 6

Результаты всекрымских соревнований по спортивной гимнастике. Индивидуальное первенство [28]

Фамилия	Город	Вольные движения	Брусья индивидуальные	Турник	Лазание по канату	Опорный прыжок	Прыжки Д-В	Всего очков	Место
Темников	Севастополь	9	19,1	16,8	8	9	9,5	89,7	1
Золотарёв	Севастополь	7	16,8	15,1	0	9	6,5	70,1	2
Шлюс	Симферополь	7	0	12,5	3	9	6	53,4	3

Впервые в 1929 году прошли соревнования по фехтованию, состав видов в котором отличается от современных. Были включены военно-прикладные виды фехтования: мужской эспадрон и мужской штык.

Таблица 7

Результаты командных соревнований по фехтованию [29]

Город	Женская рапира	Мужская рапира	Мужской эспадрон	Мужской штык	Всего очков	Место
Севастополь	2	2	3	3	10	1–2
Симферополь	3	3	2	2	10	1–2
Евпатория						
Феодосия						
Карасубазар						
Джанкой						

Удивляет, что вновь участвовали команды Симферополя и Севастополя, между которыми и развернулась главная борьба. Команды Евпатории, Феодосии, Карасубазара и Джанкоя не приняли участия.

Победители в индивидуальном первенстве по фехтованию приводятся в таблице 8.

Таблица 8

Результаты индивидуальных соревнований по фехтованию [30]

Женская рапира	Мужская рапира	Мужской эспадрон	Мужской штык
Давидович (Симферополь)	Юровский (Севастополь)	Юровский (Севастополь)	Тарновский (Севастополь)
Тернауцкая (Севастополь)	Титов (Симферополь)	Каневский (Симферополь)	Каневский (Симферополь)

Команды и участники команд, которые не достигли необходимого спортивного мастерства, приняли участие в состязаниях по фехтованию вне зачёта. Командное первенство (вне зачёта) по фехтованию выглядело следующим образом:

- 1 м, Севастополь — 8 очков;
- 2 м, Ялта — 7 очков;
- 3 м, Симферополь — 4 очка;
- 4 м, Карасубазар — 3 очка [31].

6–8 августа 1929 года состоялись соревнования по водному спорту на первенство Крыма.

Программа соревнования по водным видам спорта была следующей: «Мужское плавание зачётное: вольным стилем на 100, 400 и 1500 метров, 50 метров в одежде, на груди 200 м, на боку 300 метров, на спине 100 метров, комбинированная эстафета 4×100.

Женское плавание зачётное: вольным стилем на 100 и 1000 метров, на груди 100 метров, на боку 100 метров.

Прыжки обязательные: «Ласточка» для мужчин с 10-метровой вышки и для женщин — с 5-метровой.

Участвовали районы: Севастопольский, Ялтинский, Феодосийский» [32].

Результаты первенства по плаванию и прыжкам в воду опять показывают преимущество спортсменов Севастополя [33].

Таблица 9

Результаты первенства по плаванию и прыжкам в воду

Команда	Очки	Место
Севастополь	26	1
Ялта	36	2
Феодосия	46	3

Помимо плавания, в этих соревнованиях прошло первенство Крыма по водному поло, где опять победила команда Севастополя [34].

Таблица 10

Результаты первенства по водному поло

Команда	Очки	Место
Севастополь	6	1
Ялта	3	2–3
Феодосия	3	2–3

Август 1929 года оказался насыщенным по спортивным состязаниям. Одним из ярких событий стал матч по лёгкой атлетике и баскетболу среди городов Керчь, Симферополь и Севастополь, который состоялся 11, 12 и 13 августа 1929 года в Керчи.

Таблица 11

Результаты соревнований по лёгкой атлетике между городами Керчь, Симферополь, Севастополь (женщины)

Город	Пятиборье	Шведская эстафета	Очки	Место
Севастополь	1	1	2	1
Керчь	2	2	4	2
Симферополь	3	3	6	3

Таблица 12

Результаты соревнований по лёгкой атлетике между городами Керчь, Симферополь, Севастополь (мужчины) [35]

Город	Пятиборье	Шведская эстафета	Бег 800 м	Очки	Место
Севастополь	1	1	3	5	1
Симферополь	2	2	2	6	2
Керчь	3	3	1	7	3

Таблица 13

Результаты мужских и женских соревнований по лёгкой атлетике [36]

Город	Мужские соревнования	Женские соревнования	Очков всего	Место
Севастополь	5	2	7	1
Симферополь	6	6	12	3
Керчь	7	4	11	2

В конце 20-х годов XX века баскетбол становится популярным в СССР. В Крыму результаты соревнования показывают преимущество севастопольской команды по баскетболу.

Таблица 14

Результаты матчей по баскетболу среди мужских команд [37]

Город	Севастополь	Симферополь	Керчь	Победы	Поражения	Место
Севастополь		44:10	Неявка	2	–	1
Симферополь	10:44		72:3	1	1	2
Керчь	Неявка	3:72		–	2	3

Таблица 15

Результаты мужских и женских соревнований по баскетболу [38]

Город	Мужские соревнования	Женские соревнования	Очков всего	Место
Севастополь	1	1	2	1
Керчь	3	2	5	2–3
Симферополь	2	3	5	2–3

В конце августа 1929 года в Крыму также прошло первенство по веломотоспорту. К сожалению, мотосоревнования не состоялись, о чём свидетельствует протокол заседания судейской коллегии от 31 августа 1929 года: «Постановили мотоциклетное первенство, за отсутствием представителей городов считать неразыгранным» [39].

Возможно, соревнования по мотоспорту сорвались из-за слабого развития этого вида спорта в целом и неоснащенности мототехникой крымских спортсменов.

Что касается велосипедных соревнований, они проходили на алуштинской трассе в нескольких видах — 1000 метров, с места заезд на 10 и 50 километров.

В протоколе велосипедных соревнований приводятся результаты заездов велосипедистов. В общем зачёте победу одержала команда из Симферополя.

Таблица 16

Результаты велосипедных соревнований (ГИТ 1000 м) [40]

Ф. И. О.	Город	Время	Место	Место коллектива
Кешишев	Симферополь	1.8.8	1	1
Чёрный	Симферополь	1.9.4	2	1
Кожин	Севастополь	1.10.4	3	2
	Джанкой			3

Таблица 17

Результаты велосипедных соревнований. Мужчины. Заезд на 1 км с места

Ф. И. О.	Город	Время	Место
Кешишев	Симферополь	1.20.5	1
Чёрный	Симферополь	1.20.6	2
Кузнецов		1.24.9	3

Таблица 18

Результаты велосипедных соревнований. Женщины. Заезд на 1 км с места

Ф. И. О.	Город	Время	Место
Куницина	Симферополь	1.29	1
Староверова	Севастополь	1.35	2
Толарпова	Симферополь	1.37	3

Таблица 19

Результаты велосипедных соревнований. Командные результаты

Город	Мужчины	Женщины	Место
Симферополь	1	1	1
Севастополь	2	2	2
Джанкой	3	3	3

Как видим, 1-е Всекрымские спортивные соревнования отличались разнообразием видов спорта. В частности, впервые проводились соревнования по баскетболу и велосипедному спорту. Массовостью отличались соревнования по тяжёлой атлетике, пятиборью и борьбе. Во многих видах спорта в общекомандном зачёте победу одерживала команда Севастополя.

Никаких шансов севастопольская команда не оставляла соперникам в водных видах спорта. Это можно объяснить тем, что Севастополь — город военных моряков, у которых спорт был одним из обязательных элементов подготовки. К тому же близость к морю давала возможность регулярно тренироваться. В то время как во многих городах Крыма

заниматься плаванием было проблематично из-за отсутствия бассейнов.

При проведении соревнований не указывалась принадлежность спортсменов к спортивным обществам — в 20-е годы ещё только шло их становление. Поэтому многие спортсмены представляли прежде всего свои города.

В дальнейшем физкультурное и спортивное движение получит своё развитие.

4. Развитие физкультурного и спортивного движения (1930-е годы)

В начале 30-х годов физкультурное движение в Крыму переживает своеобразный подъём. Для планирования деятельности и подведения итогов физкультурного движения была проведена Первая Всекрымская конференция физкультурников, которая состоялась 16–17 февраля 1930 года.

В её работе приняли участие 73 делегата. Среди обсуждаемых проблем одной из главных стала борьба с такими негативными явлениями, как «чемпионство, рекордсменство, перебежки из кружка в кружок» [41].

В протоколе заседания президиума Высшего совета физической культуры 2 апреля 1930 года, на котором присутствовали Велиулаев (председатель), Бондаренко, Красников, Михайлов, Симаков, Каневский, Грибков, Кангипалов, Сикора, Гаевский, рассматривались вопросы о работе национальных деревенских курсов [42].

Интересен разбор негативных явлений в работе данных курсов. Так, из Керчи курсанты прибыли 20 марта вместо 15-го, из Карасубазара вместо 16 марта один — 23-го и двое — 28-го числа.

Отмечалось в протоколе и невыполнение разрядок по национальному признаку: «По развёрстке должны были выставить: Карасубазар — одного татарина, одного русского и одного проч., из них одну женщину. Представили же трое русских мужчин. Судак — одного татарина — представили русского» [43].

На этом заседании было решено всекрымские соревнования по гимнастике провести с 15 по 17 апреля.

Физкультура и спорт в Крыму в рассматриваемый период финансировались довольно слабо. Этому есть подтверждения в архивных материалах.

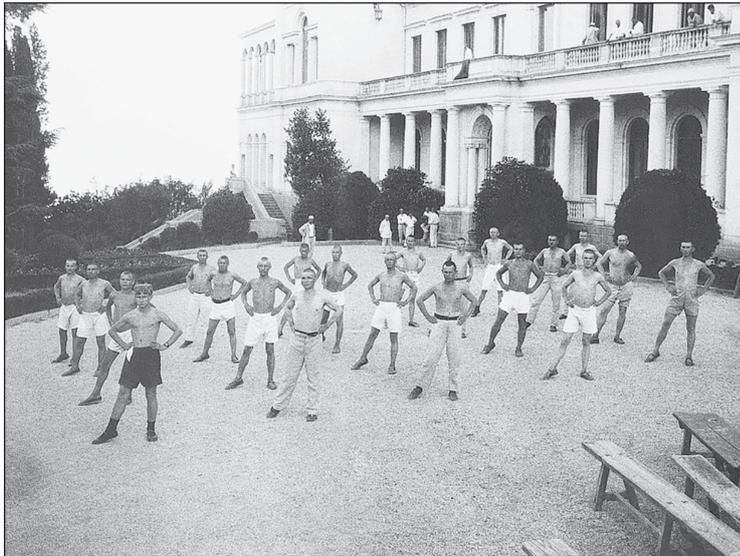
В протоколе № 8 от 23 апреля 1930 года решался вопрос о приёме физкультурбригад из Института физической культуры имени Лесгафта (Ленинград). Было решено ввиду отсутствия средств от приёма отказаться. По такой же причине решили отказаться от посылки делегата на 4-ю сессию ВСФК РСФСР [44].

Единственное положительное решение на этом заседании следующее: «Принять участие в письменном турнире по шахматкам (так в тексте. — Д. Б.)» [45].

Фото А. В. Устинова. 1930 г.

Интересный документ, характеризующий проблемы в физкультурном движении. Это протокол заседания президиума Высшего совета физической культуры № 12 от 24 сентября 1930 года, на котором подводились итоги межведомственных соревнований по лёгкой атлетике, водному поло и спортиграм. Было решено «отметить срыв праздника по спортиграм и отчасти по лёгкой атлетике, с одной стороны, по вине профсоюзов, доказавших этим ещё раз свою несостоятельность в физкультурной работе, вследствие незаинтересованности в последней и Армии, не принявшей совершенно участия, вследствие халатности со стороны инспектора физподготовки Крымской дивизии тов. Каневского, не сумевшего своевременно провести подготовительную работу и доставить коллективы по л/атлетике и спортиграм. С другой стороны, сделавшего ошибку, перебросив проведение праздника: по водному спорту из Ялты в Севастополь и спортигр из Севастополя в Керчь, что отразилось на участии в последнем, из-за материальных ресурсов Флота и запоздании в прибытии профсоюзной команды и части игроков команды «Динамо».

Утренняя зарядка в крестьянском санатории

В дальнейшем отказаться от проведения межведомственного праздника, как не оправдавшего себя по вышеуказанным причинам, в будущем 1931 году провести Всекрымский праздник по районному принципу, с участием Флота, Армии и «Динамо» на правах районов» [46].

Не обошлось в физкультурном движении в 30-е годы и без скандалов, подобных современным. Так, во время футбольного матча произошёл конфликт между командами «Керчь-Горняки» и «Сталино». Было вынесено жёсткое решение в отношении виновников, а именно: «За исключительную невыдержанность капитана команды горняков Кислевского, ударившего голкипера команды Сталино во время игры, не допускать к играм до окончательного решения вопроса по линии ВСФК УССР о команде Сталино.

По части вратаря команды Сталино, ударившего т. Кислевского, просить ВСФК УССР наложить дисциплинарное взыскание, вплоть до дисквалификации, придав этому делу общественную огласку... [47]

В отношении заметки в «Красной Керчи» о проявлении антисемитизма со стороны команды Сталино, просить ВСФК УССР детально разобрать это дело в порядке общественного суда над игроками, уличенными в антисемитизме, сообщить о принятых мерах Кр ВСФК [48].»

В 1931 году анализировались вопросы состояния и оживления физкультурной работы. Для этого было издано постановление о состоянии физкультурных организаций. Оно было утверждено секретариатом ОК ВКП(б) приказом № 43 от 26 апреля 1931 года.

Был заслушан доклад ВСФК при ЦИК в КрАССР о состоянии физкультурного движения в Крыму.

Состояние физкультурной работы в Крыму было признано неудовлетворительным [49].

Среди причины были названы следующие:

«а) недостаточно осуществляется живое руководство со стороны ВСФК периферией, ведомствами и организациями;

б) слабое продвижение физкультурной работы в сельских и национальных районах по охвату коренного населения и наименьшинств, особенно взрослых трудящихся массовыми формами физкультурного движения;

в) недостаточный охват физкультурным движением рабочих масс Крыма;

г) неудовлетворительное состояние с кадрами работников к. ф. к., клубов и учебных заведений.

д) наличие недооценки физкультурного движения со стороны ведомств и организаций;

е) недостаточное внедрение в физкультуру военно-прикладных навыков, способствующих обороноспособности в условиях все нарастающей угрозы интервенции» [50].

И в результате было принято постановление, в котором закреплялось, что необходимо:

«1. Установить поворот физкультурного движения лицом к хозяйственно-политическим задачам, мобилизовать массы физкультурников на выполнение 3-го решающего года пятилетки.

2. Продолжать перестраивать физкультурное движение по производственному принципу, решительно преодолевая сопротивление враждебных элементов в и узко-спортивных дельцов» [51].

В марте 1932 года ЦК КП(б) принято постановление «О состоянии физкультуры на Украине», в котором подчеркивалось, что физическая культура и спорт и в дальнейшем должны быть поставлены на службу государственным, общенародным интересам [52].

В постановлении ЦК КП(б) РСФСР 1934 года рекомендовалось регулярно проводить соревнования, кроссы, пробеги, военизированные эстафеты, усилить работу по подготовке значкистов физкультурного комплекса ГТО.

Одна из первых республиканских спартакиад 1933 года была посвящена 10-летию физкультурной организации Армении. В 1936 году в союзных республиках были проведены колхозные спартакиады, способствовавшие вовлечению в спорт женщин. В газете «Правда» (8 сентября 1936 г.) рассказывалось о работе инструктора физической культуры Рахматовой, сумевшей вовлечь в постоянные занятия физкультурой 48 женщин Симферополя и района, которые до тех пор ходили под паранджой. Эти женщины встретили республиканскую спартакиаду сдачей норм комплекса ГТО.

В 1936 году стали проводиться соревнования на Кубок СССР по футболу, а по нечетным годам — чемпионаты, а которых принимали участие крымские команды «Спартак» и «Пищевик».

В целях чёткого и оперативного руководства работой по физической культуре и спорту в производственных коллективах, учреждениях, учебных заведениях и в потребительской кооперации очень важно было иметь специальный управленческий аппарат. Совнарком СССР (1936 г.) признал целесообразным организацию спортивных обществ по от-

раслям производства и при центральных комитетах профсоюзов.

Перед ними ставилась задача — укрепить основное звено физкультурного движения — КФК. Секретариат ВЦСПС в июне 1936 года утвердил первые ДСО: «Авангард», «Буревестник», «Медик», «Металлург», «Нефтяник» «Пищевик» и др.

Начало 40-х годов ознаменовалось тем, что в соревновательной форме проводились всесоюзные испытания по комплексу ГТО, парады физкультурников и смотры-конкурсы КФК.

1. ГАРК. ф. Р-663. Оп. 1. Д. 104. Л. 7.
2. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 104. Л. 8.
3. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 104. Л. 9.
4. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 104. Л. 2.
5. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 104. Л. 7.
6. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 538. Л. 3.
7. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 538. Л. 4.
8. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1153. Л. 21.
9. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1153. Л. 16.
10. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1153. Л. 16.
11. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1153. Л. 20.
12. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 1.
13. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 68.
14. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 20.
15. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 15.
16. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 16.
17. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 17.
18. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 18.
19. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 10.
20. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 18.
21. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 21.
22. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 20.
23. Там же. Л. 20.
24. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 3.
25. Там же. Л. 4.
26. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 5.

27. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 7.
28. Там же.
29. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 8.
30. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 8.
31. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 8.
32. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 26.
33. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 37.
34. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 36.
35. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 42.
36. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 42.
37. Там же. Л. 42.
38. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 43.
39. Там же. Л. 44.
40. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 46.
41. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 2.
42. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 10.
43. Там же. Л. 10.
44. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 11.
45. Там же. Л. 11.
46. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 51.
47. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674. Л. 52.
48. Там же. Л. 52.
49. ГАРК, Ф. Р-663. Оп. 3. Д. 26. Л. 43.
50. ГАРК, Ф. Р-663. Оп. 3. Д. 26. Л. 44.
51. ГАРК, Ф. Р-663. Оп. 3. Д. 26. Л. 43.
52. Красный Крым. 1932. 24 марта. С. 4.

Д. В. Омельчук

Конвейер ГПУ

Книга о репрессиях, написанная в Крыму

Работы, разоблачающие репрессии времён сталинизма, как правило, появились уже после смерти «вождя народов». Преимущественно это мемуары уцелевших, то есть людей, не понаслышке знающих предмет описания. Работ же, написанных о репрессиях в годы жизни Сталина, совсем немного. Это, в частности, книги Ивана Солоневича и Виктора Мальцева. Произведение И. Солоневича было издано за границей и специалистам известно. Брошюра В. И. Мальцева «Конвейер ГПУ» даже исследователям сталинизма малоизвестна. Ссылаются на неё крайне редко. Причина — практическое отсутствие источника.

Книга «Конвейер ГПУ» была написана в первой половине 1942 года в оккупированной нацистами Ялте, ими же издана тиражом в 50 тысяч экземпляров и разослана во все подконтрольные районы. Понятное дело, что после освобождения мало нашлось желающих хранить у себя такое издание. Подавляющая часть тиража была уничтожена, сохранилось незначительное количество экземпляров лишь в недрах самого НКВД. Второй причиной такого отношения к этой книге является личность автора.

Виктор Иванович Мальцев — пример классического выдвиженца советской системы. Родился в 1895 году в крестьянской семье. В 1918 году добровольцем вступил в Красную армию. Окончил курсы военных лётчиков, участник Гражданской войны. Служил на разных должностях в советской авиации. С 1937 года — начальник Туркменского управления гражданского воздушного флота, полковник. В марте 1938 года был арестован по обвинению в участии в антисоветской организации. Провёл в застенках НКВД полтора года, освобождён за недоказанностью обвинения, получил назначение начальником санатория «Аэрофлот» в Ялту. Там его застала война. Как бывшего «врага народа», Мальцева в армию

не призвали. По его же собственным словам, он «решил твёрдо остаться в Ялте и вернуть свою жизнь Германскому командованию. По занятии Германскими войсками г. Ялты, в полной военной форме явился к командованию и объяснил причины, побудившие меня остаться»¹.

О том, как развивались события дальше, Мальцев пишет в своей книге. Узнав, что он побывал в застенках НКВД, немцы заказали ему книгу. Там же, в Ялте, с января по июнь 1942 года он написал брошюру «Конвейер ГПУ». Есть сведения, что автору немцы выдали гонорар — 500 марок. Сумма небольшая, если учесть, что бухгалтер в городской управе получал 300 марок в месяц. А Мальцев работал не сам — ему помогала жена, Юлия Яковлева, выполняя корректорскую работу. Бесследно для неё это не прошло. В 1951 году она была арестована и осуждена Крымским областным судом по ст. 50-10 ч. 2 УК РСФСР к десяти годам лишения свободы². Именно в её архивно-следственном деле в качестве вещественного доказательства хранится экземпляр книги «Конвейер ГПУ».

Такую версию развития события излагает сам В. Мальцев. На самом же деле взаимоотношения

¹ Мальцев В. Конвейер ГПУ. [Ялта, 1942]. С. 47.

² Архив Главного управления Службы безопасности Украины в Крыму. Д. 020553. Л. 68 (время доступа — 2010 г.).

с оккупантами складывались у бывшего советского полковника далеко не так безоблачно. Сохранился уникальный документ — дневник ялтинской девочки Зои Хабаровой, семья которой была хорошо знакома с Мальцевым. Этот дневник сегодня опубликован, и достоинства общественности стали многие новые факты, проливающие свет на события тех лет³.

В. Мальцев действительно пришёл в комендатуру в военной форме полковника и предложил свои услуги новой власти, заявив о готовности бороться с большевиками. Немцы поначалу не оценили порыв души предателя и посадили В. Мальцева вместе с другими военнопленными в здание школы. Режим на первых порах в этом месте содержания военнопленных был не очень суровым. «Люди ходят кормить пленных и многих забирают, — пишет Хабарова. — Мы тоже ходили к Виктору Ивановичу. Он жаловался, что его никак не выделяют среди других пленных. Папа предложил ему уйти. Папа вышел без пальто, а ему отдал своё. Я с Виктором Ивановичем вышла, никто нас не остановил»⁴.

Есть все основания считать, что инициатива написания книги исходила от самого В. Мальцева. Свидетельство тому — три записи в упоминаемом дневнике. Первая — от 20 января 1942 года — о том, что Виктор Иванович пишет книгу и они сильно голодают⁵. 5 марта — запись о том, что Виктор Иванович «пишет книгу о ГПУ»⁶. Запись от 15 марта гласит, что работа завершена и Мальцев хочет её издать. Теперь его старания оказались востребованными.

И не только благодаря факту издания книги В. Мальцева назначили городским головой Ялты⁷. Как складывалась его карьера на новом поприще — информации мало. Хабарова свидетельств тоже

Командующий ВВС РОА генерал-майор В. И. Мальцев

не оставила — переехала с родителями в Симферополь. Известно, что на этой должности полковник долго не продержался — уже в мае 1942 года он был смещён как бывший член коммунистической партии. Но без работы не остался. В. Мальцев приезжал к Хабаровым в Симферополь в марте 1943 года уже в немецкой форме и, с его слов, занимался формированием подразделений из русских добровольцев. Впоследствии он связал свою жизнь с генералом Власовым и в 1946 году вместе с другими активистами Русской освободительной армии (РОА) был казнён.

Что же касается самой брошюры, то требования текущего момента автором были учтены в полной мере. Как и другим изданиям времён оккупации, «Конвейеру ГПУ» присущ просто патологический антисемитизм. Кроме того, автор слишком часто воздаёт хвалу германским войскам и уничтожающе критикует Сталина. Как и во всей нацистской пропаганде, нет плохого слова о Ленине. Плюс ко всему В. Мальцев очень грамотно противопоставляет в рукописи коммунистов остальному народу. Последний у него хороший, умный, а все коммунисты наделены отнюдь не лучшими качествами, особенно те, что при власти.

Книга В. И. Мальцева использовалась в немецкой пропагандистской работе

А в остальном это, безусловно, интересный материал человека, лично испытавшего на себе все «прелести» деятельности сталинских карательных органов. Нынешнему поколению, знакомому с многочисленными фильмами и книгами на эту тему, возможно, описание технологии следствия уже знакомо, но читателю тех лет — и это учитывал автор — должно быть в новинку. Другое дело, верили ли ему? Ведь делалось для немцев и на немецкие деньги...

Сравнивая факты, приведённые В. Мальцевым, с имеющимися дру-

³ Дневник Зои Хабаровой. Детская книга войны. Дневники 1941–1945. М. Аргументы и факты. С. 371–406.

⁴ Там же. С. 381.

⁵ Там же. С. 385.

⁶ Там же. С. 388.

⁷ Там же. С. 389.

В. И. Мальцев инструктирует пилотов

гими опубликованными источниками и архивными материалами, можно сделать вывод, что его описание ареста, содержания под стражей, хода следствия, в главном вполне реалистичны.

Правдоподобна сцена ареста. В массовом сознании слово «арест» чаще всего ассоциируется с появлением глубокой ночью незваных гостей, возможно, в кожанках, обыск и путешествие в чёрном «воронке» в тюрьму. Автор описывает иной, тоже часто применявшийся приём: его попросил заехать нарком НКВД Туркмении, в приёмной Виктор Мальцев и был арестован. Другими словами — сам явился⁸.

Мало чего нового добавили авторы в последующие годы и в описание состояния первых часов после ареста: шок, полное непонимание происходящего, смутное ощущение, что всё это происходит не с тобой, что всё это ошибка, которая вскоре прояснится. Эта иллюзия скоро рассеется. Так бывает у всех. Отметим, что такие ощущения у впервые подвергшихся аресту, видимо, будут всегда. Один из наших современников, арестованный по сфальсифицированному делу в начале 90-х годов уже прошлого века, написал книгу «Как выжить в тюрьме». Ощущение после задержания те же, что и у поколения времён Большой чистки.

Описание действия «конвейера» в тюрьме Ашхабада удивительно похоже на «стойку», которую применяли чекисты в других районах необъятной страны, в том числе и в Крыму.

Не вызывают сомнений в правдивости и описанные автором порядки в камере № 11, где сидел В. Мальцев. Там на 35 квадратных метрах размещалось 109 человек⁹.

⁸ Мальцев В. Конвейер ГПУ. С. 5.

⁹ Там же. С. 30.

Возможно, ему принадлежит пальма первенства в описании особенностей пребывания на допросах. Человека истязали до того момента, пока он не начинал давать необходимые следователю показания. Потом его отправляли в камеру ждать своей участи. Какой она была в 1937–1938 годах, общеизвестно — высокая мера наказания или десять (реже восемь) лет лишения. Из тех, кто получил сроки в те годы, мало кто уцелел. Условия в лагерях нам известны по воспоминаниям немногих уцелевших, например Евгении Гинзбург.

Как вели себя люди в ходе следствия? Одни «шли на сотрудничество со следствием» и подписывали любые самые невероятные признания. Это не спасало их во многих случаях от расстрела. Другие ломались сразу при применении мер физического насилия, некоторые держались дольше. Немногие умудрялись выстоять. Часть погибала на допросах. В. Мальцев оказался среди тех, кто выстоял и не был забит до смерти.

Есть основание полагать, что и в его судьбе знаковую роль сыграла смена наркома НКВД, ознаменовавшая собой окончание Большого террора. Вот только никто из уцелевших не пишет, как они об этом узнали. Что изменилось в ходе следствия? Не сообщает об этом и В. Мальцев, хотя замечает, что следователи сразу стали вежливее, прекратились избиения. Но его язвительное замечание по поводу того, что врагов народа оказалось больше, чем оставшихся на свободе, хотя и является преувеличением, но всё же впечатляет, равно как и оценка Н. Ежова, которого считали в своё время правой рукой И. Сталина. «Но, как видно, лучше уж отрубить свою правую руку и сохранить мудрую голову...» — отмечает В. Мальцев.

Не всё в брошюре достоверно — есть и явные проколы. Например, автор пишет, что на просьбу выдать карандаш и бумагу он получил внушительный пинок надзирательским сапогом, тогда как в предыдущей строке говорится только об открывшейся форточке в двери. Не вяжется. В другом месте, описывая результат работы конвейера, В. Мальцев отмечает, что «ряды врагов народа росли, а с ними вместе росли и холмы над могилами невинно замученных людей». Хорошо известно, что ни о каких холмах не могло быть и речи. Могил-то как таковых не было. Но не будем слишком строгими к таким де-

татам — автор мог этого и не знать. Не соответствует реальности и утверждение, что 22 июня 1941 года советские газеты сообщили о начале войны¹⁰. В первый день войны пресса ещё писала о мирных буднях Советской страны. Первые материалы о войне были напечатаны только 24 июня, во вторник. В понедельник газеты традиционно не выходят, а специальной команды никто не давал.

В любом случае он оставил интересные, хотя во многом, как указывалось выше, тенденциозные воспоминания о том, что реально пришлось испытать самому. Поэтому есть все основания считать эту публикацию вкладом в историографию массовых репрессий в СССР.

При этом показательна судьба самого Виктора Мальцева. К немцам он пришёл сознательно. Служил оккупантам верой и правдой. И наказан был по заслугам.

Однако нельзя исключить того, что, не оказавшись В. Мальцев на оккупированной территории, его жизнь могла сложиться совсем иначе. Обиды на советскую власть у него были вполне обоснованы, но возможности протеста отсутствовали. Так, вероятно, и дожил бы до глубокой старости в статусе заслуженного ветерана. В критической же ситуации

осени 41-го года В. Мальцев сделал свой осознанный выбор.

Верил ли бывший полковник в иллюзорную перспективу «свободной России» без коммунистов при помощи немцев? Скорее всего, нет. Хабарова приводит в дневнике разговор отца с В. Мальцевым в 1943 году, где тот жаловался, что «немцы нас кинули», «держат как пушечное мясо»¹¹. Но это никак не повлияло на позицию полковника. Путь назад уже был отрезан. Он продолжал служить нацистам и прошёл с ними этот путь до конца...

По вполне понятным причинам, в отличие от многих других жертв политических репрессий, реабилитации В. Мальцев не подлежит.

И сегодня, когда предпринимаются попытки пересмотра итогов войны, появляются публикации новой, иной версии Великой Отечественной, где предатели стали «борцами со сталинской тиранией», а кое-где даже пытаются исключить сам термин. Не стоит забывать, что поражение СССР в войне с фашизмом могло бы привести сталинизм к гибели, но ни в коей мере не приблизило нас к освобождению от тирании, демократии и торжеству закона. И те, кто пошёл на службу «новому порядку», стали пособниками врага. И должны были понести за это заслуженное наказание.

¹⁰ Мальцев В. Конвейер ГПУ. С. 47.

¹¹ Дневник Зои Хабаровой. С. 405.

А. А. Непомнящий

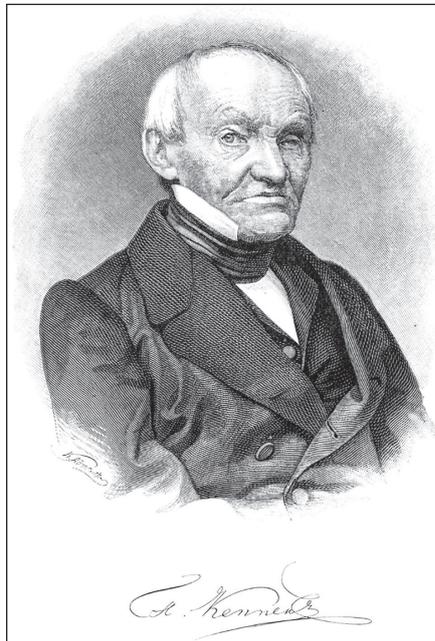
Первая научная систематизация крымских древностей

История создания и судьба собирателя П. И. Кёппена

О создании так называемой крымской энциклопедии говорят давно. Мы знаем несколько нереализованных проектов её подготовки, относящихся к XX веку. То ли был не тот размах, то ли оказалась не та эпоха, однако Республика Крым одна из немногих в Российской Федерации, которая так и не имеет собственной региональной энциклопедии. Хотя два крымских города: Севастополь и Судак — имеют опыт подготовки энциклопедических словарей, а профессор Григорий Михайлович Буров смог издать «Энциклопедию крымских древностей» (2006), которая, вероятно, задумывалась в ином жанре, но была преобразована в формат крымоведческого справочника с огромным количеством археологических терминов, не имеющих отношения к заявленной на титульном листе проблеме. Далеко от идеала и наполнение названных справочников. Вместе с тем история крымоведения знает варианты подготовки универсальных изданий, которые, появившись ещё в первой половине XIX века, до настоящего времени остаются востребованными и могут быть отнесены к классике жанра.

Из классического крымоведческого наследия XIX века выделяются труды крупнейшего из осно-

воположников научного изучения полуострова Петра Ивановича Кёппена (1793–1864), который олицетворяет собой целую эпоху в изучении края. Учёный проводил исследования в области археологии, библиографии, географии, статистики, этнографии.

Пётр Иванович Кёппен

Необходимость систематизации трудов П. И. Кёппена ощущалась уже в середине XIX века. В связи с юбилейной годовщиной научной деятельности историка был опубликован «Список сочинений П. И. Кёппена до 29 декабря 1959 г.» [1]. В него вошли только основные 27 трудов учёного, что лишает этот указатель особой библиографической ценности.

Первой попыткой систематизации всех сочинений П. И. Кёппена является библиография, опубликованная спустя четыре года после смерти Петра Ивановича историком, старшим хранителем Эрмитажа и сотрудником Археографической комиссии Аристом Аристовичем Куником (1814–1899). Она насчитывает 142 пункта с указанием известных рукописей [2].

Работы П. И. Кёппена были разбиты исследователем на разделы: география, этнография, статистика, библиография, археология, биография и история. Хотя перечень трудов и неполный (в част-

ности, отсутствует немаловажный раздел творчества П. И. Кёппена, а именно рецензии), следует отметить достаточно высокий для середины XIX века уровень библиографического описания. А. А. Куник заметил во введении, что большое значение для науки, прежде всего этнографии, имело бы издание аннотированного указателя трудов П. И. Кёппена о народах России. Тем самым составитель признавал наличие отдельных пробелов в этой части своего указателя.

Основные труды Кёппена перечислены и в справочных очерках о нём, опубликованных в энциклопедических словарях [3]. Его биография выгодно отличается от других в анонимном библиографическом словаре по крымоведению, выявленном в разряде «Таврическая губерния» в Архиве Русского географического общества [4]. В нём помещён хотя и неполный, но аннотированный список трудов, включающий и некоторые статьи в периодической печати, которые не встречаются в других указателях. Далека от полноты и рукописная библиографическая справка об исследователе, составленная известным отечественным библиографом Сергеем Дмитриевичем Полторацким (1803–1884) [5].

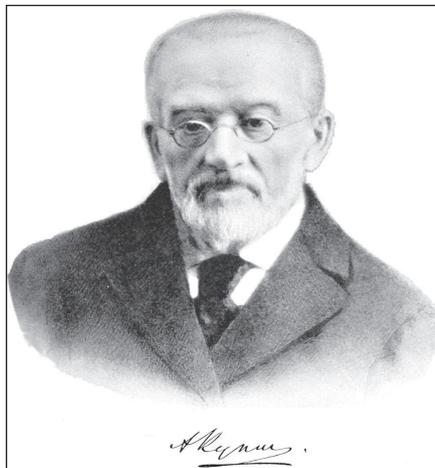
В связи с тем что одним из важных аспектов научной работы Петра Ивановича было изучение истории и этнографии народов Крыма, выделение его крымоведческих сочинений в отдельную группу представляет особый интерес. Впервые опыт такого списка был представлен Арсением Ивановичем Маркевичем (1855–1942) [6] и включал лишь основные труды П. И. Кёппена о Крыме. Более обстоятельно они учтены в изданных этим же краеведом в 1894–1902 годах трёх выпусках библиографического издания «Гаугиса», где была произведена их систематизация по разделам [7]. Однако выпущенными из виду остались многие работы, прежде всего опубликованные в периодической печати, в том числе рецензии. Очевидно, данная систематизация стала основной для составления списка крымоведческих трудов П. И. Кёппена, изданных в 1999 году, где названы лишь основные публикации. К тому же эта систематизация содержит ряд погрешностей [8].

Первый обстоятельный очерк жизни и деятельности учёного был составлен его сыном, Фёдором Петровичем Кёппеном (1833–1908) [9]. Вместе с тем крымоведческий аспект биографии учёного позволяет более подробно раскрыть его сохранившиеся дневники, содержащие путевые записи, очерки статистики, археологии и истории Крыма, впечатления от встреч, знакомств и его переписка с деятелями местной исторической науки, а также рукописи трудов о Крыме [10].

Пётр Иванович Кёппен родился в Харькове 19 февраля 1793 года. Его отец — немец из Касселя, доктор Магдебургского университета — был одним из приглашённых Екатериной II в 1786 году в Россию врачей. Он служил заведующим медицинской частью в Харьковской губернии [11]. В Харькове прошли детство и юность Петра Ивановича. В раннем возрасте он был вынужден начать работать и в 1806 году устроился в Харьковскую губернскую чертёжную подканцеляристом, где под руководством землемеров занимался межеванием и изготовлением планов [12]. В том же году был произведён в канцеляристы и губернские регистраторы. Практические навыки, полученные здесь в дальнейшем, существенно помогли П. И. Кёппену в его научной работе. 31 декабря 1809 года он получил чин коллежского регистратора [13].

Одновременно со службой юноша посещал подготовительный класс при Харьковском университете. В 1809–1810 годах он стал студентом этого вуза, в 1812-м получил степень кандидата, а в 1814-м, после защиты диссертации «De reparatione damni per bellum illati» («Возмещение ущерба, нанесённого во время войны»; осталась неопубликованной) окончил университет со степенью магистра правоведения. В этом же году П. И. Кёппен переехал в Санкт-Петербург, где начал службу в почтовом департаменте.

В это время Пётр Иванович увлечённо занимался изучением широкого круга лингвистических, библиографических, этнографических и исторических проблем. В первой четверти XIX века видный российский государственный деятель Николай Петрович Румянцев (1754–1826) объединил вокруг

Арист Аристович Куник

Николай Петрович Румянцев

себя блестящую плеяду учёных, куда был приглашён и П. И. Кёппен, заняв там особое место.

Молодой чиновник быстро вошёл и в круг столличных литераторов. Особенно сблизился он с семьёй историка и библиографа Фридриха (Фёдора) Павловича Аделунга (1768–1843), на дочери которого женился. В 1816 году П. И. Кёппен был одним из учредителей Вольного общества любителей российской словесности [14]. В 1818 году, помимо основной работы, он получил также должность второго редактора газеты «Северная почта» [15]. К этому периоду относится начало его ежегодных поездок по российским провинциям.

В 1819 году Пётр Иванович Кёппен получил задание провести ревизию почтовых станций по Белорусскому тракту до Крыма и Кавказа. С этой командировкой связано первое его посещение Южного берега Крыма, который произвёл на учёного неизгладимое впечатление [16]. На полуострове Кёппена заинтересовали многочисленные археологические памятники. Интерес вызвали и этнографические особенности населения.

Итогом первого знакомства с Крымом стали несколько его публикаций. Первая из выявленных крымоведческих работ П. И. Кёппена посвящена описанию Туакской пещеры (1821 г.). В очерке своего пребывания в селениях Туак и Кучук-Узень Пётр Иванович не только описал пещеру, где местные жители постоянно находили остатки первобытных древностей, но и указал, где ещё в Крыму им выявлены подобные памятники, дал этнографическую характеристику крымским татарам и крымским грекам, проживавшим в местах его экспедиции [17]. Более обстоятельное описание найденных в Крыму древностей с характеристикой их происхождения Кёппен опубликовал в 1822 году в Вене [18]. Спустя год в австрийском журнале «Jahrbücher der Literatur» («Литературный ежегод-

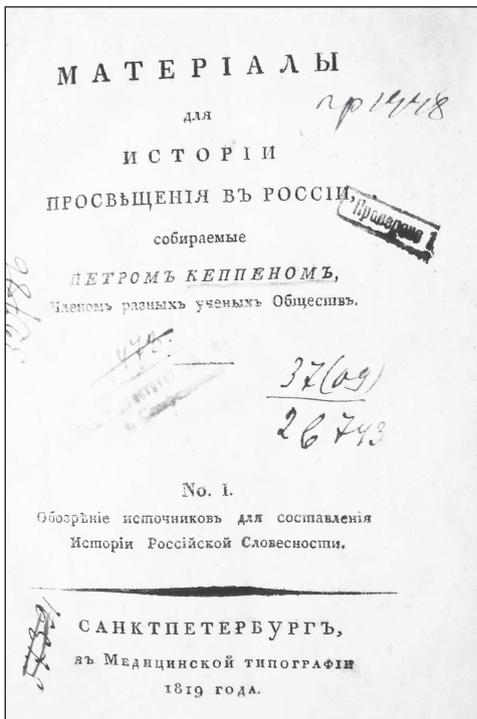
ник») и в Санкт-Петербурге отдельным изданием на немецком языке было опубликовано его исследование «Alterthümer am Nordgestade des Pontus»

(«Древности Северного берега Понта») [19]. Данное сочинение, посвящённое описанию древностей Северного Причерноморья, фактически являлось рецензией на труд известного французского историка Дизиере Рауля-Рошета о греческих древностях Босфора Киммерийского [20]. Однако, в отличие от кабинетных рецензентов, исследователь основывался на собственных материалах, накопленных во время поездок по этому региону. В работе он предложил ряд собственных исторических трактовок происхождения древних памятников. Сочинение состоит из трёх частей. Первая посвящена общему описанию Крыма, населяющих его народов и исторической заметке о перемещении народов в Северном Причерноморье в эпоху раннего Средневековья. Вторая часть содержит анализ нумизматических, а третья — эпиграфических памятников. На основе анализа трудов античных писателей, современной ему западноевропейской литературы и сочинений российских путешественников учёный изложил своё видение различных этапов прошлого Северного Причерноморья и Крыма.

В только начинавшем развиваться отечественном антиковедении данная работа не могла остаться незамеченной. Она вызвала резко негативную оценку у наиболее авторитетного русского учёного-антиковеда Егора Егоровича Кёлера (1765–1838), который возглавлял экспедиции Академии наук в Крым, был не понаслышке знаком со многими древностями и имел свои взгляды на их историю. В специальной рецензии Е. Е. Кёлер вскрыл неточности, допущенные П. И. Кёппеном [21]. Пётр Иванович пытался отстаивать свои трактовки исторических событий и ответил на эту рецензию специальной брошюрой [22]. Хотя авторитет Кёлера был велик, некоторые исследова-

Фридрих (Фёдор) Павлович Аделунг

Титульный лист сочинения П. И. Кёппена

тели — например, автор заметки в «Ostsee-Provinzen-Blatte» («Газета остзейских провинций»), помещённой без подписи и без названия, — находили приведённые Кёппеном аргументы заслуживающими внимания [23].

Егор Егорович Кёлер

Полемика Кёппена с Кёлером и Рауль-Рошеттом была продолжена в работах, опубликованных в 1823 году [24]. За ней внимательно следил весь немногочисленный в то время круг крымоведов. Так, Иван Алексеевич Стемповский (1789–1832), служивший в Одессе председателем комиссии, учреждённой для проверки счетов и других дел Ришельевского лицея, писал П. И. Кёппену 27 июня 1827 года: «С дивнейшим любопытством прочитал я изданные Вами книжки, и приношу искреннюю благодарность за сей знак дружбы Вашей. Ответ Ваш на буйную критику почтенного нашего старшины (Е. Е. Кёлера. — А. Н.) нахожу я очень умеренным в сравнении с жестокою выступкою противу Вас и всех других, осмелившихся заниматься древностями Понтийскими. Жаль, что через сие история здешнего края, и без того довольно темная, ещё более затемняется и запутывается, что многие памятники в достоверности коих нет никакого сомнения, одним словом г-на Кёлера вписываются в число подложных» [25].

В 1822 году П. И. Кёппен принял решение уйти в отставку из почтового департамента. Ему было нужно свободное время для поездки за границу. Путешествие было связано с воплощением начертанной Н. П. Румянцевым программы знакомства со славянскими архивами, библиотеками, учёными и общественными деятелями. Кандидатура Кёппена для этой командировки была выбрана не случайно. Ещё в 1815 году будущий учёный пытался получить какую-нибудь должность в Европе, но тщетно. Желание ближе познакомиться с европейской общественной жизнью постоянно проявлялось у него и в последующие годы [26]. Через Киев и Галицию П. И. Кёппен проехал Словению —

Вену — Германию, откуда возвратился в Санкт-Петербург [27].

В 1824 году Кёппен вернулся на службу, теперь по ведомству Министерства народного просвещения [28]. С этим периодом жизни учёного связана организация им издания в Санкт-Петербурге «Библиографических листов», которые выходили в 1825–1826 годах. Задачу журнала издатель видел в том, чтобы дать обзор литературы, выходящей как в России, так и за её пределами, посвящённой истории Отечества.

Христиан Христианович Стевен

Благодаря изданию «Библиографических листов» П. И. Кёппен прочно вошёл в отечественную историографию как «известный библиограф» [29]. В журнале выявлена лишь одна крымоведческая статья учёного — «Древности» [30]. Она не вошла в библиографические списки его трудов. Атрибуция её стала возможной по публикации И. А. Стемповского [31]. П. И. Кёппен поместил описание найденной им в Крыму монеты, сравнивая свои догадки по поводу её происхождения с нумизматическими исследованиями Е. Е. Кёлера и И. А. Стемповского. Первые научные публикации в области истории древнего Причерноморья принесли учёному заслуженное признание в европейской науке. В 1825-м в Тюбингенском университете он получил степень доктора философии, а в следующем году Российская академия наук избрала его своим членом-корреспондентом [32].

Иван Алексеевич Стемповский

Дальнейшие изменения в служебной карьере Кёппена были связаны с назначением его друга Христиана Христиановича Стевена (1781–1863) главным инспектором шелководства Юга России. Желая служить в ведомстве Х. Х. Стевена [33], Кёппен в 1827 году перевёлся в подотдел МВД, который занимался вопросами сельского хозяйства, и переехал в Крым [34].

В 1829 году П. И. Кёппен получил давно желанную должность помощника главного инспектора шелководства, садоводства и виноделия [35]. В круг

служебных обязанностей Петра Ивановича теперь входил сбор сведений об успехах шелководства, виноделия и садоводства в Южной России, что было сопряжено с многочисленными разъездами и сбором статистических сведений об урожае, о ценах на плоды и вино. Ежегодно объезжая огромные территории от Волги до Днестра, он скрупулёзно собирал информацию по географии, естествознанию, истории и этнографии этого региона.

Одним из ближайших знакомых Кёппена в Крыму стал бывший таврический губернатор Андрей Михайлович Бороздин (1765–1838) [36], в чьём имении Кучук-Ламбат, на Южном берегу Крыма, он был частым гостем. При посредничестве губернатора Пётр Иванович в 1827 году приобрёл в двух вёрстах от Кучук-Ламбата, в живописнейшем уголке Южного берега Крыма, имение Карабах («чёрный виноградник»). В письме к своей будущей жене в Санкт-Петербург он сообщал: «Я нашёл и приобрёл место, где дам отдых странническому моему посоху, где проведу остаток дней моих и довершу на досуге хотя бы некоторые из начатых мною, за долгие годы перед сим, литературных занятий» [37].

Переселение П. И. Кёппена в Крым способствовало появлению нового корпуса его крымоведческих сочинений. Специально для путешествующих по Крыму учёный опубликовал статью «О крымских пещерах», где описал свою поездку 28 апреля 1828 года из Кучук-Узения в Туак и ещё раз остановился на достопримечательностях Туакской, или Штеговой, пещеры [38]. В 1827–1830 годах, во время многочисленных поездок по полуострову, краевед работал над составлением «Списка селениям Таврической губернии. С заметками и примечаниями. С названиями на русском и татарском языках, со списком изуродованных названий» [39]. Данное сочинение, чрезвычайно интересное в качестве исторического источника, осталось неопубликованным. По роду службы Пётр Иванович особенно интересовался развитием виноградарства и виноделия в Крыму, которое стало объектом исследования в его специальных статьях. В них вместе с описанием современного автору положения дел в отрасли помещены исторические этюды о виноградарстве в Тавриде и перечислены мероприятия в области виноделия, предпринимаемые правительством с момента присоединения Крыма к России [40]. В 1828 году в Москве была опубликована на русском языке работа учёного «Alterthümer am Nordgestade

Андрей Михайлович Бороздин

des Pontus» («Древности Северного берега Понта») в переводе Камашева.

Важной вехой деятельности П. И. Кёппена в Крыму стала борьба с эпидемией холеры, охватившей полуостров в 1830 году. После объявления карантина учёный был вызван в Симферополь и назначен попечителем 42-го жилого квартала по реке Салгир, где проживало около 120 человек. Затем по просьбе таврического губернатора Александра Ивановича Казначеева Кёппен переселился в Бахчисарай, где жил в Ханском дворце и занимал пост председателя местного попечительского комитета, учреждённого для принятия мер против холеры. На этом посту ему пришлось приложить немало сил для организации медицинского обслуживания заболевших и необходимых предосторожностей при захоронении. Но его инициативы постоянно встречали упорное противодействие со стороны крымских татар по причине религиозных обычаев. Воспоминания об этих событиях Пётр Иванович опубликовал в отдельной статье [41].

Дальнейшие исследования учёного в области отечественного виноделия нашли отражение в монографии «О виноделии и винной торговле в России» [42], значительная часть которой была посвящена Крыму. Краевед привёл обстоятельную историческую справку о том, как эту отрасль хозяйства развивали на полуострове древние греки, генуэзцы и крымские татары. В исследовании подробно изложены меры, вводимые Григорием Александровичем Потёмкиным для развития виноделия в Крыму после 1783 года, проанализированы проекты о привлечении европейских колонистов (прежде всего французских) для развития виноделия, приведены статистические сведения о крымском виноделии. Несмотря на столь широкий спектр затронутых вопросов, сочинение имеет вид набросков для более обстоятельной работы. Рецензенты отмечали, что с интересом ожидают продолжения столь полезного исследования [43]. Хотя работа и была представлена на соискание престижной Демидовской премии, комиссия признала, что она «не может претендовать на полную премию», так как было желательно увидеть более подробное «местное описание виноделия в Тавриде и других местах» [44].

В это время краевед сотрудничал в одном из наиболее популярных справочных изданий той эпохи — «Энциклопедическом лексиконе», издаваемом в 1835–1841 годах Адольфом Александровичем Плю-

шаром. Установлено, что именно Кёппен является автором статьи «Бларамберг Иван Павлович» [45]. Ранее авторство этой статьи приписывалось Глебу Ивановичу Соколову [46]. Атрибутировать её удалось по автографу Кёппена в одном из его «Альбомов», где указано: «Жизнеописание гн. Бларамберга я поместил в Энциклопедическом лексиконе» [47]. Очевидно, в справочном издании А. А. Плюшара имеются и другие статьи учёного, которые, как и эту, он опубликовал без подписи. Атрибутировать их пока не удалось.

Внимательно наблюдая за новинками крымоведческой литературы, П. И. Кёппен откликнулся рецензиями на наиболее существенные издания. Так, на перевод и издание Андреем Яковлевичем Фабром, «*мужем по любознанию достойного всякого уважения*», «Аррианова Перипла» и путешественные записки Фредерика Дюбуа де Монпере Пётр Иванович поместил обстоятельный отзыв, где акцент был сделан на их роли в развитии дальнейших исследований в области истории полуострова [48].

По заданию новороссийского и бессарабского генерал-губернатора Михаила Семёновича Воронцова в 1833 году Кёппен начал работу над проектом первого фундаментального историко-этнографического описания Крыма. Издание планировалось осуществить в четырёх томах. Первый том предполагалось посвятить каталогизации древностей Южного берега Крыма и Крымских гор; во втором — дать перечень селениям Таврической губернии; в третьем — топографическую информацию о Южном берегу Крыма и горной части полуострова, а в четвёртом — поместить историко-географические материалы: список крымских ханов, указатель температур крымских рек и ключей, шкалу высот над уровнем моря и ряд других очерков [49]. С подготовкой этого труда связан ряд опубликованных и оставшихся в рукописи путешественных записок П. И. Кёппена [50]. Сохранилась его переписка с М. С. Воронцовым, где исследователь сообщал о ходе работ по подготовке издания [51].

По поручению генерал-губернатора непосредственную помощь в подготовке книги Петру Ивановичу оказывал таврический губернатор Александр Иванович Казначеев [52], который приложил все

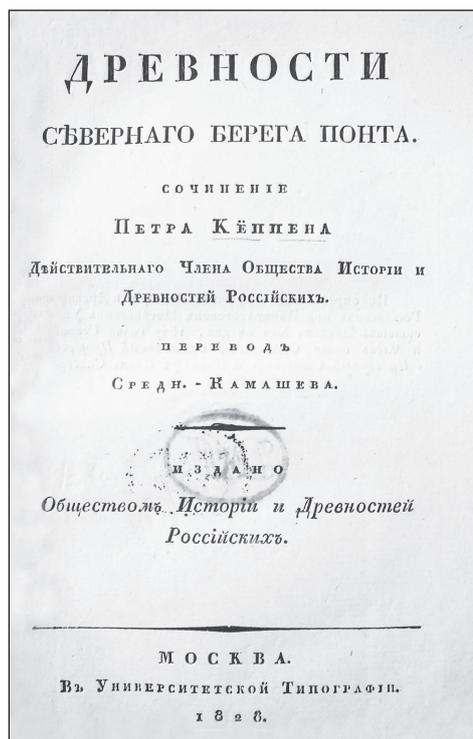
усилия для «*приведения в исполнение чрезвычайно полезного мероприятия*» [53]. Благодаря архивным разысканиям А. И. Маркевича, в 1914 году была опубликована переписка П. И. Кёппена с А. И. Казначеевым (конец 1835 — 1836 г.), где речь идёт о сборе материалов для этой книги [54]. А. И. Казначеев принимал активное участие и в редактировании рукописи. Он занимался проверкой правильного написания названий селений, рецензировал «Указатель» к карте Южного берега Крыма. Карта готовилась как отдельное издание. С приложением «Указателя» она увидела свет в 1836 году. Её появление было чрезвычайно актуально, так как предыдущий

тираж общедоступной карты Крыма, составленной генерал-майором Мухиным, датировался 1817 годом [55]. Она была полна неточностей в написании названий населённых пунктов. Текст, сопровождавший предлагаемую П. И. Кёппеном новую карту, включал алфавитный и географический указатели, а также перечисление ошибок, допущенных в карте Мухина [56]. На выход в свет карты и указателя откликнулась главная газета Новороссийского края «Одесский вестник», в публикации которой были отмечены высокий уровень издания и скрупулёзная работа, проведённая составителем по проверке правильности географических и административных названий [57].

Очевидно, М. С. Воронцов оказался не готов профинансировать издание столь объёмного

сочинения, каким его видел П. И. Кёппен. В итоге свет увидел лишь первый из планируемых четырёх томов, который получил общеевропейскую известность как «Крымский сборник». Это общее название было напечатано на его обложке. Согласно же титульному листу, книга называется «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» [58]. К оставшимся в рукописи многочисленным материалам учёный смог вернуться лишь в последние годы своей жизни, но так и не успел их издать.

Вспоминая историю создания книги, автор отмечал во введении: «*Объезжая Россию с 1810 года, я в 1819 году имел случай проехать по Южному берегу Крыма и тогда же родилось во мне желание сделать некогда постоянным жителем сей прекрасной страны. В 1827 году я по службе пересе-*

Титульный лист книги П. И. Кёппена

лился в Крым и с того времени ему преимущественно посвящая свой досуг. Для пополнения собранных в разное время археографических и топографических сведений о Южном берегу Крыма М. С. Воронцов до- ставил мне в 1833 году все нужные средства. <...> Двойное заглавие моей книги доказывает, что я не желал бы остановиться на том, что доныне могло быть напечатано. Если исследование о древностях Южного берега Крыма заслужит одобрения — в со- став «Крымского сборника» войдут сведения топо- графические, физические, которые при новых объез- дах будут мною дополнены» [59].

Условно «Крымский сборник» можно разделить на несколько разделов. В первом — «Древности» — приведены описания археологических памятников, сохранившихся в Тавриде, с ука- занием сведений о них, встреча- ющихся у античных и средневе- ковых авторов. Далее следуют очерки по истории введения хри- стианства в Крыму, деятельности Готфийской епархии с указанием древних христианских памятни- ков на полуострове, очерк по раз- витию Южного берега Крыма под властью Оттоманской империи в Средние века и обзор генуэзской эпохи в истории края. Книга содер- жит алфавитный и географический указатели.

Исследование стало первым обстоятельным систематическим описанием археологических па- мятников Крыма, их местона- хождения и состояния. По их географическому положению историк смог указать на характерную для Средневековья конфронтацию кочевой степи и оседлых земледельцев горных до- лин. Этим он объяснил выбор места для поселений с учётом возможности организации своей безопасно- сти за счёт неприступных гор. Автор привёл первое в литературе сравнительное архитектурно-археоло- гическое обследование христианских культовых со- оружений в Крыму (греческих и армянских), зафик- сировал существовавшие средневековые некрополи. Последние факты имеют для современных исследо- вателей особое источниковедческое значение, так как именно эти памятники более всего пострадали вследствие хозяйственной деятельности [60].

В «Крымском сборнике», как и в других рабо- тах учёного, проявился характерный для него метод археологического картографирования. Первосте- пенное значение при этом уделялось предвари- тельному тщательному осмотру местности, где находились древние памятники. Систематизируя

информацию о древностях, П. И. Кёппен опреде- лил крайнюю южную границу распространения ка- менных надкурганов изваяний половецкого типа, которая документирована памятниками в нижнем течении реки Качи, близ Бахчисарая. До сих пор это свидетельство остаётся решающим при опреде- лении глубины проникновения команов в Тавриду в XI–XVIII веках [61].

«Крымский сборник» получил несколько положи- тельных рецензий, в которых подчёркивались науч- ная значимость сочинения, его важность для разви- тия археологии и топографии, отмечалась необычная широта охвата источников и высказывались пожела- ния автору продолжить свой труд последующими выпусками [62]. Высокую оценку изданию дали ко- рифеи отечественного крымове- дения — современники автора и

Сергей Семёнович Уваров

представители последующих по- колений исследователей [63]. Так, Бернгард Васильевич Кёне отме- тил, что книга содержит «превос- ходные известия о Крыме» [64]. А. И. Маркевич писал в 1914 году, что «Крымский сборник» «до сих пор представляет незаменимое пособие для всех, занимающихся древностями и историей Крыма» [65]. По мнению Феоктия Авра- мовича Хартаха, сочинения Кёппена «не имели себе подобных на русском языке в литературе Крымского полуострова и дол- жны стать настольными книгами всякого, занимающегося исто- рией Крыма» [66]. Один только

В. Х. Кондраки умудрился назвать Кёппена «мало- дарным тружеником» [67].

В 1840 году свет увидел немецкий сокращён- ный вариант «Крымского сборника», вышедший под названием *Taurica*. Он содержал описание наи- более выдающихся археологических памятников полуострова [68].

В 1834 году по приглашению министра народно- го просвещения Сергея Семёновича Уварова Пётр Иванович вернулся на службу в Санкт-Петербург, где основной объём его деятельности сосредоточил- ся на редактировании «*St.-Peterburgische Zeitung*» («Санкт-петербургские ведомости») [69].

В 1837 году П. И. Кёппен был избран адъюнктом Академии наук по кафедре статистики (в 1840-м — экстраординарным академиком) и прикомандиро- ван к пятому отделению Собственной Его Импера- торского Величества канцелярии. В 1837 году он получил задание «*обревизовать государственные имуществва Таврической губернии*» [70] и сложные

отношения поземельной собственности крымских татар. 4 июня 1837 года он прибыл в Симферополь и обратился к таврическому губернатору Матвею Матвеевичу Муромцову с просьбой сообщить ему новейшие сведения о числе жителей в городах Таврической губернии, приготовить двухвёрстные уездные карты казённых селений, выделить переводчика для общения с крымскотатарским населением. Сохранилась обстоятельная рукопись «Результаты ревизии государственных имуществ Таврической губернии, произведённых в 1837 и 1838 годах академиком П. И. Кёппеном при содействии Н. А. Милютина» [71]. Особую её ценность представляют заключения учёного о величине участков, отдаваемых в оброчное содержание в интересах выгоды казны, и о сроках этой аренды. Результат этой скрупулёзной работы не был опубликован. А ведь двухтомная рукопись представляет несомненный интерес как уникальный источник по различным вопросам развития Тавриды в первой половине XIX века. Её издание было бы чрезвычайно интересно. В печати появились лишь отдельные историко-статистические материалы о Крыме, собранные краеведом в ходе ревизии [72].

Во время поездки по Крыму П. И. Кёппен собирал копии крымскотатарских и греческих грамот эпохи Крымского ханства, монеты. В 1838 году от Ивана Степановича Андреевского, служившего в Симферополе помощником председателя Таврической казённой палаты, Пётр Иванович получил в дар коллекцию планов различных местностей Крыма и рисунков крымских видов [73].

После возвращения в столицу Пётр Иванович поступил на службу начальником отделения в Министерство государственных имуществ [74]. Среди его краеведческих публикаций в этот период большая часть посвящена наблюдениям за состоянием природы и вопросам этнографии. К этому периоду относятся и рецензии академика на сочинения Аполлона Александровича Скальковского и Антона Балтазаровича Ашика.

Рассматривая «Опыт статистического описания Новороссийского края» А. А. Скальковского, П. И. Кёппен назвал эту работу «началом пространного статистического труда о Новороссийском крае». Автор рецензии продемонстрировал хорошие народоведческие познания, указывая одесскому историку на ряд погрешностей в этнографических описаниях [75]. Рецензию П. И. Кёппена на книгу А. Б. Ашика «Воспорское царство...» нам удалось выявить благодаря изучению переписки краеведов (1833–1848 гг.). Из писем явствует, что П. И. Кёппен проявлял постоянное внимание к деятельности Керченского музея древностей и в путеводителе по Крыму, который он готовил [76], предполагал по-

местить очерк о его коллекциях. Эти планы остались нереализованными. А. Б. Ашик отсылал Петру Ивановичу описания новых памятников, найденных в Керчи, и рукописи своих сочинений, в частности «Воспорское царство...», на которое просил сделать отзыв и провести через Академию наук решение о финансировании издания. Переписка даёт богатый материал к биографии А. Б. Ашика, а также представляет непосредственный интерес для восстановления отдельных страниц развития исторической науки в Крыму [77]. Хвалебный в целом отзыв П. И. Кёппена был опубликован без подписи с целью способствовать распространению книги в Европе [78].

Аналогичную информацию о ходе раскопок в Керчи содержит переписка П. И. Кёппена с И. А. Стемповским 1823–1831 годов [79]. Вопросы развития исторического краеведения Крыма превалировали в его переписке с директором Керченского музея древностей Иваном Павловичем Бларамбергом за 1821–1829 годы [80], профессором Ришельевского лицея в Одессе Филиппом Карловичем Бруном [81], историком-краеведом Василием Васильевичем Григорьевым в 1847–1857 годах [82], помощником директора музея древностей Эрмитажа Бернгардом Васильевичем Кёне в 1843–1857 годах [83], секретарём Одесского общества истории и древностей Николаем Никифоровичем Мурзакевичем в 1842–1856 годах [84], председателем Общества истории и древностей российских Александром Дмитриевичем Чертковым в 1835–1845 годах [85], профессором Нефштательской академии Фредериком Дюбуа де Монпере [86]. В письмах к своим коллегам П. И. Кёппен задавал большое количество библиографических вопросов, просил уточнить выходные данные отдельных публикаций в периодической печати, что свидетельствует о его постоянной работе в области крымской библиографии. Особое значение для современного краеведения имела бы публикация переписки учёного с историком искусства Дмитрием Михайловичем Струковым в 1860–1861 годах, где представлено описание древних христианских памятников Крыма [87].

В 1843 году П. И. Кёппена избрали ординарным академиком по разряду статистики. Являясь признанным специалистом в этой области, он попытался объединить вокруг себя единомышленников. В 1843–1845 годах на квартирах неких учёных Санкт-Петербурга проходили собрания статистиков и путешественников, подготовившие почву для возникновения в 1845 году Русского географического общества [88]. Информация об этих собраниях содержится в неопубликованных записках Кёппена, который предложил организовать у себя раз в две недели встречи статистиков и путешественни-

ков, чтобы лучше ознакомиться с положением дел в России. Встречи также должны были, по его замыслу, содействовать «сближению просвещённых чиновников, имеющих влияние на администрацию» [89]. Весной 1845 года, работая в должности члена Центральной комиссии уравнивания государственных крестьян в денежных сборах, П. И. Кёппен принял самое деятельное участие в учреждении Русского географического общества. По замечанию председателя РГО Фёдора Петровича Литке, «почти не было ни одного учёного предприятия, которое обошлось без его (Кёппена. — А. Н.) содействия или совета» [90].

В этот период П. И. Кёппен отошёл от археологических исследований. Об этом свидетельствуют и строки его письма к крымским деятелям. Так, 1 октября 1847 года в письме к А. Б. Ашику он отмечал: «Хоть академические и другие занятия по службе не позволяют мне следить за новыми открытиями по части древностей, однако же я сердечно радуюсь, что результаты добросовестных археологических разысканий более и более доводят до общего сведения и сохраняют для потомства» [91]. 24 октября 1848 года уже более категорично он отвечал Антону Балтазаровичу: «Отказавшись по Академии решительно от всего, что не относится до предметов моих должностных занятий, я в археологическом отношении уже не могу и не хочу иметь никакого голоса» [92].

В течение этих лет Пётр Иванович пытался реализовать свою задумку о создании общего этнографического описания империи. Он ставил перед собой задачу определить в губерниях с преобладающим русским населением и нанести на карту населённые пункты, где проживали малые народы. Эта работа особенно активизировалась после занятия П. И. Кёппеном должности управляющего отделением статистики Русского географического общества. Он вёл обширную переписку с губернаторами, исправниками, местными служителями культа, многочисленными корреспондентами РГО, указывая им на уже известные ему факты о расселении инородцев в губерниях, с просьбой дополнить или исправить имевшиеся сведения. Систематический сбор материала, послужившего основой для составления карты, продолжался более десяти лет при активном содействии Петербургской академии наук. Собира-

емые сведения наносились на листы «Специальной карты Западной части Российской империи», которая состояла из 59 целых и трёх полулистов масштаба 1:420 000 и «Подробной карты Российской империи и близлежащих владений» (использовались 39 листов карты масштаба 1:840 000). Впоследствии листы обеих карт составили специальный этнографический атлас, который был изготовлен в трёх экземплярах — для П. И. Кёппена, Академии наук и Русского географического общества. Внимательно

изучая все губернские ведомости, Пётр Иванович делал вырезки этнографических корреспонденций и собрал таким образом обширный материал о каждом народе, этнографическом составе каждой губернии [93].

Результатом многолетних сборов статистических и этнографических данных о народах России стало издание «Этнографической карты Европейской России», на которой впервые показано расселение 38 народностей, населявших эту территорию [94]. В апреле 1846 года совет Русского географического общества утвердил представленный П. И. Кёппеном план издания и отпустил на это средства. В черновом варианте карта была готова в 1848 году [95] и вышла в свет в 1951-м. Уже

через год тираж был распродан, что заставило осуществить второе (1853 г.), а затем и третье (1855 г.) издание. К карте прилагался специальный пояснительный текст, изданный отдельно на русском и немецком языках [96].

Работа, будучи первой такого рода в Российской империи, получила высокую оценку. Составитель был награждён Константиновской медалью за исследования в области этнографии и премией Жукова за статистические исследования. Труд был высоко оценён и в кругах европейских учёных [97]. Через рецензентов П. И. Кёппен обратился ко «всем друзьям отечественной этнографии и статистики» с просьбой прислать свои замечания и поправки [98]. Хотя издание и признавалось многими специалистами как труд «в высшей степени замечательный по самой задаче своей и по той заинтересованности, с которой задача эта выполнена автором» [99], как важный вклад в развитие отечественной этнографии [100], современники всё же находили в нём немало неточностей [101].

Логическим продолжением этнографической карты стало издание академиком «Хронологиче-

Фёдор Петрович Литке

ского указателя материалов для истории инородцев в Европейской России» (1861). Учёный отметил во введении: «При изготовлении этнографической карты России я убедился, что в подтверждение моих показаний не излишне было бы издать если не вполне все ведомости об инородцах, мною официально и частным путём собранных, то по крайней мере извлечения из оных по каждой губернии и уезду. <...> Вместе с тем полезным казалось соединить в одно целое все в напечатанных сочинениях и обнародованных актах рассеянные сведения об упоминаемых народах» [102]. Крымоведческие материалы в этом сборнике занимают значительное место. Это сведения о евреях в Крыму, караимах, крымских татарах [103] с краткими очерками их истории, развития образования, этнографических особенностей.

В 50-х годах XIX века началось составление полного списка населённых пунктов Российской империи. О необходимости этого мероприятия Пётр Иванович говорил ещё в 20-х годах. В основу издания были положены собранные им материалы [104].

Часть материалов по этнографии народов Крыма, собранных П. И. Кёппеном, сохранилась в рукописном виде. В их числе неопубликованные зарисовки сцен быта, физиологических особенностей, строения тела крымских армян, греков, караимов, крымских татар, цыган; перечень сведений, имеющихся о них в литературе; статистические данные о народах Крыма, присланные таврическим губернатором Владимиром Ивановичем Пестелем [105].

В Крыму учёный проживал в 1852–1853 (в связи с заболеванием чахоткой), 1858–1859 и 1860–1864 годах. Относительно датировки окончательного переселения Петра Ивановича в Крым представляет интерес его письмо к Николаю Григорьевичу Тройницкому (в Одессу) от 5 августа 1860 года, выявленное нами в фонде «Одесское общество истории и древностей», отложившемся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского НАН Украины. П. И. Кёппен сообщал: «С величайшего соизволения навсегда переселяюсь в Крым, где буду жить в моём Карабахе на Южном берегу под Бююк-Ламбатом. Туда, или лучше сказать в Ялту, я отправил морем всё моё имущество, тринадцать более или менее грузных ящиков <...> через Одессу» [106].

Значительный интерес представляют появившиеся в это время публикации учёного на страницах «Таврических губернских ведомостей». Нами найдены две статьи краеведа: «Христиан Христианович Стевен» [107], опубликованная без указания авторства, и «Для истории Ливади» (подпись: «Кпн») [108]. Атрибуция их возможна благодаря упоминанию об этих публикациях в некрологе Петру Ивано-

вичу Кёппену, написанному Францем Мартыновичем Домбровским [109].

Значительно расширяют наше представление о крымоведческих исследованиях П. И. Кёппена выявленные в различных архивных фондах исторические рукописи учёного (прежде всего в фонде Одесского общества истории и древностей, хранящемся в Киеве [110], и личном фонде учёного, отложившемся в Санкт-Петербурге). Это «Хронология важнейших событий в Крыму от 7 века до н. э. до 1794 года» [111], «Список крымских ханов 1475–1775» [112], «Дела крымские: Хронологический список событий крымской истории» [113], статьи «Южный берег Крыма — византийская провинция» [114], «Генуэзцы» [115], хронология царей Боспорского царства [116], статья «Древности Керчи» [117]. Сохранились и черновые записи учёного по составлению общего очерка истории Крыма, многочисленные выписки и вырезки из газет, касающиеся истории Крыма, сделанные им собственноручно копии грамот крымских ханов на крымскотатарском языке с переводом, другие документы [118].

Среди неопубликованных работ академика особый интерес представляют «Материалы для ближайшего познания горной части Крыма: Путевые заметки П. И. Кёппена» (1833–1834 годы) [119]. Археологическая часть этих материалов легла в основу «Крымского сборника». В последние годы жизни, уже понимая, что довести этот труд до конца ему не удастся, учёный попросил своих дочерей переписать его черновики, которые представляют собой наброски разделов задуманного ещё в середине 30-х годов XIX века капитального крымоведческого сочинения. Среди них до сих пор актуален для переиздания раздел «Tatarica» [120], включающий географические термины, употреблявшиеся крымскими татарами в первой половине XIX века; названия урочищ, рек и их объяснения; анализ перехода букв и ударений в названиях; указания волн миграции населения в Крыму.

После смерти учёного 26 мая 1864 года в своём имении Карабах оставшиеся после него рукописные материалы были переданы в Библиотеку Академии наук в Санкт-Петербурге. А. И. Маркевич и А. А. Куник в своих трудах приводят перечень некоторых переданных документов. Последние составили 30 единиц хранения [121]. В дальнейшем они переданы в Архив Академии наук, где были присоединены к другим документам в сформированном личном фонде учёного [122]. Часть собранных П. И. Кёппеном в Крыму рукописей на крымскотатарском и турецком языках сохраняется в собрании «Тюркские документы» отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) [123].

Если значительная часть рукописей академика была спасена и сохранилась в различных архивах до наших дней, то судьба библиотеки П. И. Кёппена сложилась печально. Как свидетельствует «Отчет Ялтинского музея краеведения за 1929–1930 гг.», направленный в Главнауку Наркомата просвещения РСФСР, в ходе этнографических экспедиций музея была предпринята «попытка спасти остатки библиотеки Куппена» [124]. В тексте была именно так названа фамилия известного крымоведа. Причём это не описка. В такой же транскрипции эта фамилия была повторена в тексте ниже [125].

В документе далее сообщается: «Библиотека находилась на хуторе Карабах близ Б[шюк] Ламбата и сохранялась родственниками Куппена, жившими в

этом доме до 1927 г. После землетрясения дом пришёл в негодность и был покинут жителями. Книги и рукописи расхищены. Значительная часть книг была вывезена Б[шюк] Ламбатской избой-читальней. Остатки книг и рукописи — полностью уничтожены» [126].

Научное наследие академика Петра Ивановича Кёппена и сегодня является бесценным кладом информации для специалистов разных отраслей знаний. А сохранившиеся в его личном архивном фонде рукописные материалы всё же должны быть опубликованы как вариативный материал к собранию справочных сведений о культурном наследии Крыма, и не имеет значения, будет ли это энциклопедия или список-справочник памятников.

1. Юбилей Петра Ивановича Кёппена 29-го декабря 1859 года. СПб., 1860. С. 8–13.

2. Куник А. А. Литературные труды П. И. Кёппена // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., 1868. Т. 2, прил. № 6. 36 с.

3. Б-о А. Кёппен (Пётр Иванович) // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1895. Т. 28 (16А). С. 946–948; Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и учёных, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Берлин, 1880. Т. 2. С. 129–130; Кёппен Пётр Иванович // Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. : Ибак — Ключарёв. С. 616–619.

4. АРГО, разряд 39. Д. 20. Л. 58 об. — 61.

5. РГБ ОР. Ф. 233, картон 5. Д. 9. Л. 43–44.

6. Маркевич Арс. И. Пётр Иванович Кёппен // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии : Симферополь и его окрестности / сост. Ф. Ф. Лашков. Симферополь, 1890. С. 212–214.

7. Маркевич Арс. И. «Таугіса» : Опыт указателя книг и статей, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // ИТУАК. Симферополь, 1894. № 20. С. 1–395; 1898. № 28. С. 92–185; 1902. № 32/33. С. 47–128; № 347–350, 1470–1478, 2066–2071, 2599–2611, 6406, 6434, 6817.

8. Ена В. Г. Академик П. И. Кёппен и Крым // Академик Пётр Иванович Кёппен (1793–1864) : материалы науч. конф. / Феодос. краевед. музей. Феодосия, 1994. С. 12–13.

9. Кёппен Ф. П. Биография П. И. Кёппена // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. 1911. Т. 89, № 5. С. 1–170; То же. Отдельно. СПб., 1911. 170 с.

10. См. подробнее: Модзалевский Л. Б. Дневники акад. П. И. Кёппена // Вестник Академии наук СССР. 1932. № 12. Стб. 68–70.

11. Замечательные уроженцы и деятели Харьковской губернии // Харьковский календарь на 1886 г. Харьков, 1885. Отд. 9. С. 137.

12. Сухова Н. Г. Пётр Иванович Кёппен как географ : К 200-летию со дня рождения // Известия Русского географического общества. 1993. Т. 125. Вып. 5. С. 2.

13. Обед, данный по случаю пятидесятилетнего юбилея академику П. И. Кёппену // ЖМНП. 1860. № 2, отд. 8. С. 98–99.

14. Козлов В. П. Колумбы российских древностей. 2-е изд. М. : Наука, 1985. (Серия «Страницы истории нашей Родины»). С. 25.

15. РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 490. Л. 49 об. — 50.

16. Кёппен Ф. П. К столетнему юбилею рождения П. И. Кёппена // Русская старина. 1893. № 4. С. 90.

17. Кёппен П. И. Описание Туакской пещеры в Крыму // Труды высочайше утверждённого Вольного общества любителей российской словесности. 1821. Ч. 14. С. 220–249; То же. СПб., 1821.

18. Koeppen P. Ueber Alterthum und Kunst in Russland. Wien, 1822. 32 s.

19. Köppen. Alterthümer am Nordgestade des Pontus // Jahrbücher der literatur. 1823. Bd. 20. P. 259–351; То же. Saint-Petersburg, 1823. 54 s.

20. Raoul-Rochette. Antiquités Grecques du Bosphore-Simmerien publiées et expliquées. Paris, 1822. [4], 236, XIV p.

21. Koehler. Beurtheilung einer Schrift «Alterthümer am Nordgestade des Pontus» // Heidelberg Jahrbücher der literatur. 1823. № 70/71. P. 1130–1134; То же // Bibliothecae Universellae. 1824. Sept.

22. Köppen P. Nachhall vom Nordgestade des Pontus: Ein Schreiben an den Herrn Staatsrath und Ritter H. v. Köhler, zur Würdigung seiner Beurtheilung der im Schrift: Alter thümer... Von dem Verfasser derselben Sahre 1822 in XX band der «Wiener Jahrbücher der literatur». Wien, 1823. 16 p.

23. Ostsee-Prowinzen-Blatte. 1824. № 20. P. 88; См. также: Непомнящий А. А. Противостояние столичного и провинциального антиковедения в России (первая половина XIX в.) // Культура и интеллигенция России между рубежами веков : Метаморфозы творчества. Интеллектуаль-

- ные ландшафты (конец XIX в. — начало XXI в.): материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 10-летию Сибирского филиала Рос. ин-та культурологии МК РФ (Омск, 29 сент. — 3 окт. 2003 г.) / Омск. гос. ун-т. Омск, 2003. С. 16–18.
24. [Köppen P.] Nouvelle Inscription contenant un decret du senat et du peuple d'Olbia / пер. с нем. Малго-Брэн // Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire ou Recueil. Paris, 1823. Vol. 19. P. 132–142 ; Köppen P. Nachricht von einigen in Ungern, Siebenbürgen und Polen befindlichen, und bisher nur ivenig oder gar nicht befaunten Alterthümern. Wien, 1823. 42, 2 s.
25. ПФАРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 282. Л. 5–6.
26. *Потепалов С. Г.* О роли П. И. Кёппена в истории русско-славянских культурных связей в 20–30-х годах XIX века // Вопросы славянского языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Вып. 6. С. 177–214.
27. См. подробнее: *Потепалов С. Г.* Путешествие П. И. Кёппена по славянским землям // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–22 ; *Францев В. А.* Из переписки гр. Н. П. Румянцева : Гр. Н. П. Румянцев и П. И. Кёппен // Записки Общества истории, филологии и права при императорском Варшавском университете. 1914. Вып. 7. С. 57–114.
28. РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 490. Л. 22 об.–23.
29. [Языков Д. Д.] Пётр Иванович Кёппен // Библиограф. 1893. Вып. 1. С. 104–105. Изд. под псевд.: Летописец Дмитрий. Атрибутировано по изд.: История исторической науки в СССР : Дооктябрьский период : библиография. М.: Наука, 1965. № 4994.
30. [Кёппен П. И.] Древности // Библиографические листы. 1825. № 39. С. 572–573.
31. *Стемпковский И. А.* О древнейших монетах царей Воспора Киммерийского // Отечественные записки. 1826. № 75. С. 129–136.
32. РНБ ОР. Ф. 347. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.
33. Переписка Х. Х. Стевена с П. И. Кёппеном за 1821–1844 гг. хорошо сохранилась (см.: ПФАРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 264–281). Она является прекрасным биографическим источником о деятельности двух крупных учёных. В письмах также содержится материал по истории Никитского ботанического сада и истории Крыма первой половины XIX в.
34. РНБ ОР. Ф. 347. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
35. РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 490. Л. 23 об.–24.
36. См. об А. М. Бороздине: *Непомнящий А. А.* Ж.-Ф. Гамба и его записки о путешествии по Крыму // Крымский архив. 1999. № 4. С. 35–37.
37. *Кёппен Ф. П.* Биография П. И. Кёппена... С. 139.
38. *Кёппен П. И.* О крымских пещерах : Дополнение к описанию Туакской пещеры // Русский зритель. 1828. № 5/6. С. 132–136.
39. ПФАРАН. Ф. 30. Оп. 2. Д. 117. Л. 1–26.
40. *Кёппен П. И.* О виноделии на Южном берегу Крыма // Северный муравей. 1830. № 23. С. 193–198 ; *Кёппен П. И.* Об успехах виноделия на Южном берегу Крыма // ЖМВД. 1831. Кн. 6. С. 128–175.
41. *Köppen.* Vactschisarai zur Zeit der Cholera 1830 // Russische Merkur. Saint-Petersburg, 1831. № 12. S. 186–196 ; № 13. S. 205–217 ; То же. Saint-Petersburg, 1831. 33 s.
42. *Кёппен П. И.* О виноделии и винной торговле в России. СПб., 1832. XXXI, 263, VIII с., табл.
43. [Рецензия] // ЖМВД. 1833. № 2. С. 209–223. Рец. на кн.: *Кёппен П. И.* О виноделии и винной торговле в России. СПб., 1832. XXXI, 263, VIII с., табл.
44. Отчёт императорской Санкт-Петербургской Академии наук о втором присуждении премий, учреждённых П. Н. Демидовым за 1832 год. СПб., 1833. С. 26.
45. Энциклопедический лексикон / сост. А. А. Плюшар. СПб., 1836. Т. 6. С. 102–103.
46. *Мурзакевич Н. Н.* Григорий Иванович Соколов // ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 522–527.
47. Тункина И. В. Автографы археологов в альбоме П. И. Кёппена // Советская археология. 1987. № 4. С. 223.
48. *Кёппен П. И.* О Чёрном море и Кавказе // ЖМНП. 1836. № 12. С. 465–484.
49. *Кёппен Ф. П.* Биография П. И. Кёппена... С. 158.
50. См. об этом: *Непомнящий А. А.* Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII — начало XX века) / Ин-т укр. археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. К., 1999. (Серия «Научно-справочные издания по истории Украины» ; вып. 46). С. 49, 104.
51. ПФАРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 328. Л. 23–26 ; Оп. 3. Д. 50. Л. 1–7.
52. См. об А. И. Казначееве: *Шарана В. Ф., Непомнящий А. А.* Таврический губернатор А. И. Казначеев // Культура народов Причерноморья. 1997. № 2. С. 226–229.
53. *Маркевич А. И.* К биографии академика П. И. Кёппена // ИТУАК. 1914. № 51. С. 223.
54. Там же. С. 223–240.
55. Военно-топографическая карта полуострова Крыма / сост. Мухин. СПб., 1817.
56. *Кёппен П. И.* Указатель к карте Южного берега Крыма, принадлежащей к Крымскому сборнику. СПб., 1836. 70 с.
57. *А. Т.* О новой карте Крыма // Одесский вестник. 1837. 24 марта.
58. *Кёппен П. И.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. 12, 409 с. Назв. обл.: Крымский сборник.
59. Там же. С. 5–6.
60. См. переиздание этой книги П. И. Кёппена и «принадлежащей» к ней «Карты Южного Крыма» и «Указателя» к карте (ИНК. 2003. № 1. Прил. ; № 2. Прил. ; 2004. № 3/4. С. 143–196).
61. *Непомнящий А. А.* Крымоведческое наследие П. И. Кёппена : опыт биобиблиограф. характеристики // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. 2000. № 13 (52). Т. 1. С. 97–106.
62. *Коркунов М.* [Рецензия] // ЖМНП. СПб., 1837. № 4, отд. 4. С. 126–140. Рец. на кн.: *Кёппен П. И.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. 12, 409 с. Назв. обл.: Крымский сборник ; Schott. Ueber Köppen's Alterthümer der Südlichen Krym // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Berlin, 1842. Bd. 2. S. 105–117. Рец. на кн.: *Кёппен П. И.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. 12, 409 с.
63. *Мурзакевич Н. Н.* Пётр Иванович Кёппен // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 490–492.

64. Кёне Б. В. Исследование об истории и древностях города Херсонеса Таврического. СПб., 1848. С. 1.
65. Маркевич А. И. К биографии академика П. И. Кёппена... С. 232. См. также: Чествование памяти П. И. Кёппена // Крымский вестник. 1893. 23 февр.
66. Хартахай Ф. Христианство в Крыму // Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом. Вып. 1 / под ред. К. В. Ханацкого. Симферополь, 1867. С. 51.
67. ИРНБУВ. Ф. 5. Д. 763. Оп. 1. Л. 2.
68. Кёппен П. Taurica: Als Fortsetzung der Krym'schen Sammlung = Крымский сборник. Saint-Petersburg, 1840. 39 s.
69. См. подробнее: Непомнящий А. А. Из истории изучения Крыма в Петербурге в XIX веке // Невский архив : ист.-краевед. сб. СПб. : Лики России, 2001. Вып. 5. С. 186–212.
70. РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 490. Л. 37–47.
71. ПФАРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 334. Л. 1–341; д. 335. Л. 1–230.
72. Кёппен П. И. Список волостям и селениям Таврической губернии с показанием числа жителей каждой деревни к 1 января 1837 г. СПб., 1837.
73. ПФАРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 332. Л. 1–11.
74. Там же. Д. 348. Л. 4–5.
75. Кёппен П. Разбор сочинения г. редактора (Одесского) Главного статистического комитета статск. советн. А. А. Скальковского, под заглавием: Опыт статистического описания Новороссийского края (рукоп. и карта) // Восемнадцатое присуждение учреждённых П. Н. Демидовым наград. СПб., 1849. С. 179–197.
76. ПФАРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 6. Л. 6–7.
77. РГАЛИ. Ф. 1348. Оп. 2. Д. 9. Л. 1–2. См. об этом: Непомнящий А. А. Відомий та маловідомий Антон Ашик // Україна модерна і сучасна : Історія, історіографія та джерелознавство : матеріали наук. читань, присвяч. заслуженому діячу науки і техніки України, доктору історичних наук, професору Г. К. Швидько (6 трав. 2004 р.) / Нац. гірнич. ун-т. Дніпропетровськ, 2004. С. 68–80.
78. [Кёппен П. И.] Aschiks Buch uber das Bosporische Reich // Das Ausland. 1848. 31 мая.
79. ПФАРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 282. Л. 1–33.
80. Там же. Д. 23. Л. 1–3.
81. Там же. Д. 32. Л. 1–13.
82. Там же. Д. 70. Л. 1–6.
83. РГБ ОР. Ф. 141, картон 1. Д. 28. Л. 1–2 ; ПФАРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 111. Л. 1–6.
84. ИРЛИ. Ф. 603. Д. 121. Л. 1 ; ПФАРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 473. Л. 114 ; оп. 3. Д. 185. Л. 1–23.
85. ГИМ ОПИ. Ф. 445. Д. 305. Л. 59–60, 65–66, 105, 108, 232–233, 252, 258, 274, 279, 308, 316.
86. ПФАРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 473. Л. 332 ; оп. 3. Д. 83. Л. 1–53.
87. РГИА. Ф. 695. Оп. 1. Д. 168. Л. 1–19.
88. Вальская Б. А. Собрания статистиков и путешественников в Санкт-Петербурге в 40-х годах XIX в. // Известия Русского географического общества. 1992. Т. 124. Вып. 2. С. 117.
89. ПФАРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 174. Л. 7–32.
90. Юбилей Петра Ивановича Кёппена 29-го декабря 1859 года. СПб., 1860. С. 1.
91. ИРЛИ. Ф. 615. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.
92. Там же. Л. 5. См. также: [Переписка П. И. Кёппена с А. Б. Ашиком] // Известия имп. Русского археологического общества. 1877. Т. 8. Вып. 5. Стб. 559–561.
93. Семёнов П. П. История полувековой деятельности императорского Русского географического общества, 1845–1895 : в 2 ч. СПб., 1896. Ч. 1. С. 42.
94. Кёппен П. И. Этнографическая карта Европейской России. СПб., 1851. 4 л.
95. Красникова О. А. Об истории создания этнографической карты Европейской России П. И. Кёппена // Из истории Санкт-Петербургской губернии : новое в гуманитарных исследованиях. СПб., 1997. С. 84–96; Красникова О. А. Этнографический атлас П. И. Кёппена // Петербургские чтения 98–99 : материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб. : Петерб. ин-т печати, 1999. С. 405–407; Токарев С. А. История русской этнографии: Дооктябрьский период. М. : Наука, 1966. С. 218–219.
96. Об этнографической карте Европейской России Петра Кёппена. СПб., 1852. 40 с. ; То же. 2-е изд. СПб., 1853 ; То же. 3-е изд. СПб., 1856 ; Köppen P. Ueber die Anfertigung der Ethnographischen Karte des Europäischen Russland // Mélanges Russes tires du Bulletin etc. 1852. Т. 2, livr. 2. P. 137–164 ; То же // Bulletin de la Classe de sciences historiques, philologiques et politiques. Saint-Petersburg, 1852. Т. 9. Стб. 316–323.
97. Rittch A. Aperçu général des travaux ethnographiques en Russie pendant les trente dernières années. Kharkoff, 1878. 36 p.
98. Бергхаус. Этнографическая карта России Кёппена // Москвитянин. 1853. № 6, отд. 5. С. 53.
99. Милютин В. А. [Рецензия] // Современник. 1852. № 9, отд. 3. С. 12. Рец. на кн.: Кёппен П. И. Этнографическая карта Европейской России. СПб., 1851. 4 л.
100. Латам Р. О третьем издании этнографической карты Европейской России // Вестник имп. Русского географического общества. 1856. Ч. 16. С. 83–95.
101. Тиханов Е. И. Замечания на «Этнографическую карту России» академика П. И. Кёппена // Известия имп. Русского географического общества. 1866. Т. 2, № 2. С. 57–64.
102. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России / сост. П. И. Кёппен. СПб., 1861. С. II–III.
103. Там же. С. 184–257, 429–477.
104. См. также: Непомнящий А. А. Крымоведческое наследие П. И. Кёппена : дополнения к известному // Культура народов Причерноморья. 2001. № 25. С. 70–79.
105. АРГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 193. Л. 1–26.
106. ИРНБУВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3024. Л. 1.
107. [Кёппен П. И.] Христиан Христианович Стевен // Таврические губернские ведомости. 1863. 11 мая.
108. [Кёппен П. И.] Для истории Ливадии // Таврические губернские ведомости. 1863. 14 сент. Изд. под псевд.: Кпп.
109. [Домбровский Ф. М.] Пётр Иванович Кёппен // Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1864. 20 июня. Атрибутировано по изданию: Русские ботаники. М., 1852. Т. 4.
110. См. подробнее: Попельницкая Е. А. Документы П. И. Кёппена в собрании Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. Вернадского // «О

древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» : по материалам конф. в честь 210-летия со дня рожд. Петра Ивановича Кёппена : сб. науч. тр. Киев : Стилос, 2004. С. 72–73.

111. ИРНБУВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 867. Л. 3–8 об.
112. Там же. Л. 2; ПФАРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 323. Л. 2–6.
113. ПФАРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 323. Л. 8–27.
114. Там же. Д. 345. Л. 64–68.
115. Там же. Л. 80–87.
116. Там же. Л. 69–70.
117. Там же. Л. 82 об. — 84.
118. *Непомнящий А. А.* Историчне кримознавство (кінець XVIII — початок XX століття) : біобібліогр. дослідж. Сімферополь : Бізнес-Інформ, 2003. С. 148–161.
119. ПФАРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 343–345.
120. Там же. Д. 345. Л. 1–50.
121. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 2 : XIX–XX века. С. 13.
122. Архив Академии наук СССР. Обзорение архивных материалов. Труды Архива. Вып. 1 / под ред. Г. А. Князева. Л. : Изд-во АН СССР, 1933. С. 133–136.

123. *Лебедев В. В., Васильева О. В.* Восточные рукописные фонды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Материалы Всесоюзного рабочего совещания по проблемам восточной археологии. Ленинград, 1–4 марта 1988 г. / Всесоюз. ассоц. востоковедов. М., 1990. С. 114–117.

124. ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 15. Д. 62. Л. 36.

125. Это характеризует уровень нового руководства музея. В конце марта 1929 г. с поста директора Восточного музея в Ялте был уволен Якуб Меметович Якуб-Кемаль как «политически неустойчивый элемент». Уже 1 января 1930 г. Восточный музей был объединён с Ялтинским музеем краеведения (бывшим музеем Крымского горного клуба). К руководству соответственно пришли «политически устойчивые», «в доску» советские кадры с «хорошим» знанием основ крымоведения. См. также: *Мусаева У. К.* Подвижники крымской этнографии, 1921–1941 : историографические очерки / под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего ; Тавр. нац. ун-т им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2004. (Серия «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 2). С. 178–179.

126. ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 15. Д. 62. Л. 36.

В. А. Мешков

Как Евпатория стала всероссийским курортом 100-летняя история (1915–2015)

В 1915 году в связи с войной российское общество вынуждено было вспомнить о своих курортах. Евпатория получила официальное всероссийское признание, и только тогда — железно-дорожное сообщение и государственную помощь.

О перспективах Евпатории как курорта было авторитетно заявлено на всероссийском уровне после того, как 29–30 августа 1883 года в городе на экскурсии побывали делегаты VII съезда русских естествоиспытателей и врачей. Рано утром они прибыли на пароходе «Великая княгиня Ольга» из Одессы, где проходил съезд, и с помощью хозяев — местных врачей и представителей городской управы — стали знакомиться с Евпаторией и окрестностями, изучать природные богатства и осматривать медицинские учреждения.

Врач Павел Андрианович Добычин поделился своими впечатлениями от этой экскурсии во всероссийской газете «Врачебные ведомости» (октябрь — ноябрь 1883), в подробном очерке, в котором отметил «целебные средства» Евпатории [1]. А руководитель медицинской секции съезда, председатель Одесского бальнеологического общества¹, известный русский учёный и врач Осип Осипович Мочутковский в 1888 году опубликовал отчёт [2], в котором рассказал о встрече 1883 года с представителями городской и земской управ, врачами и общественностью, на которой он выступил с предложениями по развитию курортного дела в Евпатории. Поблагодарив гостеприимных хозяев от имени экскурсантов за радушный приём, Мочутковский обратил внимание на реальные перспективы развития Евпатории, указав на её громадное значение «как лучшей станции для морских купаний на берегах Чёрного

моря». Но для того, чтобы она «сделалась русским Биаррицем, евпаторийцы должны серьёзно подумать о предоставлении приезжим больше лучших удобств и даже комфорта. Прежде всего необходимы хорошие купальни, мостовые, возможно более обширное разведение растительности, устройство гостиниц и пансионатов, перенесение базара на другое место, очистка артезианского колодца и проч. Вот те условия, при которых возможно благосостояние города и при которых он может занять достойное место в ряду русских курортов. Что касается Мойнакского озера, то оно вполне заслуживает устройства на нём грязелечебного заведения, и нет сомнения, что при инициативе евпаторийцы найдут у себя необходимые для этого средства».

Евпатория в то время ещё не оправилась от Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, было много разрушений после бомбардировок с моря, население города составляло всего около 8 тыс. человек.

Тем не менее последующие годы Евпатория хоть и медленно, но следовала плану, намеченному Мочутковским. Он отмечал через четыре года: «В Евпатории на берегу Мойнакского озера построено прекрасное заведение для грязевых и солёных ванн со всеми вспомогательными службами и приспособлениями и купальнями в озере. Туда проведена уже пресная вода, строятся курзал и гостиница». Имеется в виду первое в городе частное лечебное заведение врачей Ходжаша и Цеценевского, которое построили в 1886 году, и в полную силу оно заработало на следующий год. С ростом курорта увеличивалось население города, а также число приезжающих на отдых и лечение.

Однако без реальной помощи государства, за счёт только местных ресурсов, этот процесс шёл

¹ Создано в 1876 г. в целях развития санаторного и курортного лечения на юге России.

медленно. Первая здравница (Приморская санатория) появилась в Евпатории в 1905 году, и то на средства художника академика Николая Дмитриевича Лосева. В последующие годы открылось ещё несколько санаториев, появились лечебные пляжи.

Для популяризации курорта и Мойнакской грязелечебницы немало сделали автор и издатель путеводителей по Евпатории и Крыму Василий Григорьевич Пьянков [3] и учёный-химик Валерий Александрович Гемилиан [4].

Семён Эзрович Дуван, городской голова Евпатории (1906–1910 гг.), в конце своего пребывания в должности издал под псевдонимом *А. Я.*

брошюру «Евпатория как курорт и климатическая станция» с описанием всех местных природных богатств. Авторство Дувана легко устанавливается по аналогичной статье в сборнике «Целительные силы курорта Евпатории», изданном два года спустя Евпаторийским обществом курортного благоустройства. Это общество сыграло большую роль в развитии курорта, а его членами были не только евпаторийцы, но и петроградские жители врач Абрам Моисеевич Брамсон и юрист Илья Абрамович Дынин.

Несмотря на то что городские власти всегда поддерживали идею развития курорта, согласия в том, какими путями и средствами это должно осуществляться, не было. Сторонниками Дувана и его плана являлись в основном предприниматели, которые быстро богатели с ростом благосостояния города. Их противники: врачи, инженеры и представители интеллигенции — выдвинули и избрали городским головой начальника таможи Абрама Исааковича Неймана, а после его досрочного ухода этот пост занял врач Моисей Маркович Ефет.

Поэтому в 1911–1915 годах развитие Евпатории проходило во многом иначе, чем предлагал в своё время на заседаниях городской думы Дуван. В частности, вместо выкупа в городскую собственность Мойнакской грязелечебницы дума решила выкупить электрическую станцию, принадлежавшую сторонникам Дувана. На её основе создали сеть городского электрического освещения, а 31 июля 1914 года была открыта линия регулярного трамвайного движения.

Семён Эзрович Дуван

При этом вместо кредита в 2 млн рублей, который предлагал взять Дуван, обошлись в несколько раз меньшим [5].

Началась Первая мировая война, и уже вскоре встал вопрос нового отношения государства к своим курортам и «лечебным местностям». К этому времени в Петрограде И. А. Дынин, хороший знакомый М. М. Ефета, фактически стал доверенным лицом городского головы «по евпаторийским делам». 14 сентября 1914 года он присылает в Евпаторию вырезку из газеты с информацией о том, что Медицинским советом МВД создана комиссия по упорядочению отечественных курортов.

В этой заметке, в частности, говорилось: «*Медицинский совет МВД ввиду современного политического положения, при котором представляется невозможным для русских людей, не поступаясь национальным достоинством, пользоваться заграничными курортами Австрии и Германии, а также ввиду того, что многие русские воины могут нуждаться предстоящим летом лечением на курортах, озабочиваясь приведением российских лечебных местностей в такое состояние, при котором они могли бы служить для принятия возможно большего количества больных предстоящим летом, образовал комиссию...*» [6, л. 116] Далее предлагалось высылать сведения, в том числе о количестве больных, которых курорты смогут принять, председателю комиссии профессору Николаю Петровичу Симаковскому по адресу: Петроград, улица Фурштатская, 41.

Евпатория. Вид с моря. Открытка начала XX в.

Евпатория. Вид на набережную. Открытка начала XX в.

Позже, в письме от 19 сентября 1914 года, И. А. Дынин сообщал городскому голове М. М. Ефету, что «беседовал с членом комиссии Симаковского и заручился его обещанием обратить особое внимание и уделить Евпатории возможно больше средств». 24 сентября Дынин пишет: «Медицинский совет остановился на мысли созвать в Петрограде Съезд представителей отечественных курортов. Положение о Съезде сейчас выработывается, и сам Съезд предполагается собрать в половине ноября» [6, л. 117–118]. Вскоре из Петрограда для обследования Мойнакского и Сакского озёр от Медицинского совета был направлен профессор гигиены, действительный статский советник Григорий Витальевич Хлопин. О его приезде Ефета известили из Таврического губернского правления с поручением подготовить описание Евпатории в соответствии с приложенным планом и перечнем вопросов. Подготовку этих материалов Ефет взял на себя.

При этом в разделе «Географические сведения о Евпатории и местности» им было отмечено: «Ближайшая ж. д. станция — 60 вёрст, сообщение с ней автомобилями и экипажами. Две пассажирских пристани, но мелководные — пароходы не пристают, доставка пассажиров паровыми катерами и лодками. При волнении моря пароходы не обслуживают Евпаторию и проходят мимо.

Вообще сообщение с Евпаторией как сушей, так и морем нельзя признать удобным, и потому является настоятельной необходимостью в проведении ж. д. и устройстве порта» [6, л. 17].

О поездке Хлопина знал и Дынин, уже 27 октября 1914 года пославший Ефету письмо, в котором указал, что «будет весьма признателен за сообщение возможно полных данных о результате пребывания у Вас Г. В. Хлопина и равно за присылку всех тех ма-

териалов, которые Вы передали профессору» [6, л. 119]. Дынин тоже собирался участвовать в предстоящем съезде «на стороне Евпатории».

14 ноября 1914 года управление главного врачебного инспектора МВД разослало циркуляр губернаторам, начальникам областей и градоначальникам о том, что Медицинский совет решил созвать 14–16 декабря текущего года «съезд по улучшению отечественных лечебных местностей». Так он именовался в отпечатанной «Программе занятий съезда».

27 ноября от председателя Медицинского совета поступило приглашение на съезд в евпаторийскую управу, городскому голове М. М. Ефету. Такое же приглашение получила уездная земская управа, председателем которой был С. Э. Дуван. Сообщалось, что представить тексты докладов необходимо до 15 декабря, чтобы можно было отпечатать их к началу мероприятия. Кроме того, информировалось о новой дате открытия съезда — 7 января 1915 года в 14 часов, закрытие — 11 января [6, л. 121].

Доклад Ефета был им представлен 3 декабря в Евпатории на совещании с участием Общества курортного благоустройства для учёта замечаний и предложений. В охранную курортную местность предлагалось включить всё побережье города с пляжами, дачную местность в западной части Евпатории и Мойнакское озеро с грязелечебницей.

В докладе С. Э. Дувана, хранящемся в крымском архиве, в качестве «лечебных местностей» Евпаторийского уезда (кроме Сак и Евпатории) предлагалось признать следующие:

- береговой участок в районе села Тузла (оно же Ивановка);
- Пересыпь, между Сассык-Сивашским озером и Чёрным морем;
- побережье моря у сёл Ак-Мечеть и Караджи;
- Тебизское соляное озеро у Киркинитского залива [6, л. 161–163].

В установленный срок состоялось торжественное открытие съезда.

Мероприятие проходило под «Высочайшим Государя Императора Покровительством», а почётным председателем съезда был министр внутренних дел гофмейстер Николай Алексеевич Маклаков. Съехались многочисленные делегаты, представлявшие курортную, лечебную, туристическую сферы городов и других населённых пунктов. Много было участников из Крыма, в том числе из Евпатории.

Побывавший в Евпатории и Евпаторийском уезде профессор Г. В. Хлопин, кроме обобщающего доклада «Общие меры по улучшению санитарного состояния отечественных лечебных местностей», сделал на съезде доклад «Саки и Мойнак». Доклад М. М. Ефета имел название «Евпатория как лечебная местность».

От Евпатории в работе съезда принимали участие Семён Эзрович Дуван как председатель Евпаторийской земской управы, и Борис Ильич Казас, доктор медицины, старший врач земской больницы и врач Мойнакской грязелечебницы. Александр Иванович Фомин, действительный статский советник, представитель Приморской санатории, доложил «*о состоянии и деятельности Приморской санатории в Евпатории, основанной Лосевым по системе д-ра Ламана*».

И. А. Дынин выступил с докладом «По вопросу об улучшении условий сообщения с нашими курортами», где обращал внимание именно на развитие железнодорожного сообщения. Эти пожелания поддерживались на съезде представителями Министерства путей сообщения К. М. Деметьевым и доктором М. А. Заусайловым. В их докладе отмечалось: «*Ввиду имеющегося уже опыта железных дорог и наличия у них крупных технических сил, а равно и заинтересованности дорог в развитии и процветании отечественных лечебных местностей, железные дороги должны быть привлечены к непосредственному активному участию в предстоящих делах*» [6, л. 208–242]. Сюда же примыкал доклад профессора Михаила Андреевича Шателена «К вопросу снабжения лечебных местностей электрической энергией и телефонным сообщением».

Можно заключить, что съезд показал большие возможности и ресурсы Российской государственной науки для поддержки такого необходимого дела. До этого на протяжении десятков лет огромные средства вывозились из России на зарубежные курорты. Издание «Курорты и лечебные места», анонсируя свои альманахи на 1915 год, тогда отмечало: «*225 000 000 рублей ежегодно русские оставляют на Германских и Австрийских курортах. ПОРА знакомить с нашими Отечественными курортами и лечебными местами. По целебности наших вод и красоте природы никакие заграничные курорты не могут равняться с русскими*» [7, л. 20–21].

Прошло 100 лет, и мы имеем подобную ситуацию: снова огромные средства вывозятся за границу в ущерб своим курортам и санаториям.

Сразу по окончании съезда, 12 января 1915 года, И. А. Дынин сообщил М. М. Ефету в Евпаторию о совещании в Петрограде в составе С. Э. Дувана, Б. А. Бобовича и членов Общества благоустройства Анны Васильевны Левицкой, Георгия Георгиевича Постика и самого Дынина [6, л. 165]. Они постановили: подать статс-секретарю Александру Васильевичу Кривошеину докладную записку о нуждах Евпатории. Прилагая копию, Дынин спросил, не превысил ли он свои полномочия, тоже подписав докладную записку. Видимо, он знал, что Дуван и Ефет во многих вопросах были противниками, и опасался, что последний не одобрит его сотрудничества с Дуваном. Однако благополучие Евпатории противники постановили выше своих споров. На этом письме стоит резолюция Ефета: «*Написать благодарность за все хлопоты. 20/1–1915*».

Окончательные итоги съезда подводились Медицинским советом. 21 марта 1915 года И. А. Дынин сообщил в письме из Петрограда в Евпаторию городскому голове М. М. Ефету: «*Медицинским Советом одобрены и получили движение нижеследующие Постановления и Пожелания Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей 7–11 января 1915 г.*», касающиеся Евпатории:

ст. 124. Признать Евпаторию курортом, имеющим общегосударственное значение;

ст. 125. Евпатория должна быть безотлагательно присоединена к общей железнодорожной сети;

ст. 126. Евпатория должна быть субсидирована казной для осуществления неотложных курортных нужд — замощения всего города, устройства канализации и водопровода;

ст. 127. Евпатории должен быть предоставлен долгосрочный дешёвый кредит в деле осуществле-

Евпатория. Бульвар. Открытка начала XX в.

ния намеченных в докладе [Ефета] мероприятий по благоустройству курорта в целях дальнейшего его развития и процветания;

ст. 128. Желательно такой же кредит предоставить лечебным заведениям для их расширения и улучшения, а также отдельным лицам, желающим строить квартиры для приезжих;

ст. 130. Минеральная грязь не должна быть выбрасываема после употребления её для лечебных ванн в целях сбережения целебных источников от истощения;

ст. 133. [Из постановления о Саках] Поддержать ходатайство о крайней необходимости соединить гг. Симферополь и Евпаторию через Саки ширококолейным рельсовым путём для движения трамвая с электрической тягой;

ст. 197. Необходимо ходатайствовать об охране в законодательном порядке пляжа в Крыму в тех местах, где имеются лечебные местности, от расхищения там песка с пляжей для технических целей» [6, л. 245].

Что касается статьи 133, то её положение соответствовало идее С. Э. Дувана и его сторонников о том, каким образом осуществить трамвайное движение в Евпатории. 30 ноября 1909 года, в конце своего первого срока как городского головы, он, излагая в думе планы развития Евпатории, предлагал «устройство трамвая новейшего типа [фирмы «Симменс и Гальске»], с вагонами, имеющими каждый самостоятельный двигатель и не нуждающимися в получении энергии от особой станции». Однако Дуван и его сторонники, как видно, мало разбирались в технике, и этот план городского головы был отвергнут, а сам он не был переизбран в 1910 году на новый срок. Подобные «вагоны» либо требовали мощных аккумуляторов электроэнергии, либо использования топлива. Трамвай в Евпатории был построен по одноколейной линии с питанием электроэнергией от подвесных контактных проводов [5]. Это был именно тот путь, по которому пошло развитие трамвая и электрификации железнодорожного транспорта.

План С. Э. Дувана, не пригодившийся в Евпатории, очевидно, не мог быть реализован и в масштабе сообщения Симферополь — Саки — Евпатория. В правительстве с этим разобрались, и положение статьи 125 осуществилось в 1915 году.

Понятно, что для этого нужны были поддержка и настойчивость не только властей города Евпатории,

но и властей Таврической губернии. Впоследствии Дуван признал это заслугой таврического губернатора (с 14 ноября 1914 г.) свиты Его Величества генерал-майора Николая Антониновича Княжевича: «Среди заслуг его перед Евпаторией на первое место следует поставить содействие проведению Евпаторийской железной ветки, которая была сооружена со сказочной быстротой. Железная дорога имела для Евпатории исключительное значение: на наших глазах в самый короткий промежуток времени Евпатория выросла до размеров первоклассного всероссийского курорта» [8, л. 1–3].

Действительно, уже 15 апреля 1915 года организуется строительное управление для постройки ветки Сарабуз — Евпатория.

Были проведены изыскательские работы, на станции Сарабуз создали техническую базу и стали вести земляные работы на трёх перегонах одновременно. К 20 августа начали укладку рельсов, и 20 октября линия была доведена к Евпатории. 21 октября 1915 года состоялось открытие рабочего движения по новой железнодорожной линии. Первый поезд состоял из семи пассажирских и одного служебного вагонов. Среди пассажиров были строители дороги, комиссия по приёмке и таврический губернатор генерал Н. А. Княжевич. По прибытии в Евпаторию состоялась торжественное открытие.

Николай Антонинович
Княжевич

Через два месяца, 21 декабря 1915 года, началось регулярное движение пассажирских и грузовых поездов между Евпаторией и Симферополем.

Новый «старый» городской голова С. Э. Дуван официально занял должность 7 января 1916 года, выступив с большой «программной речью» (как он сам её назвал): «Евпаторией интересуются. В Петрограде читаются доклады о Евпатории и демонстрируются снимки. Теперь не преувеличивая можно сказать, что Евпатория станет мировым курортом. Сказка уже претворяется в действительность.

Общество Курортного Благоустройства, так много делавшее до сих пор в улучшении курорта, и впредь придёт нам на помощь. Председатель Общества Г. Г. Постика и Петроградские его члены д-р А. М. Брамсон и И. А. Дынин не перестают энергично и настойчиво работать на пользу курорта, скажу больше, они работают так, как никто из коренных граждан не работает. Их помощь будет служить большим подспорьем для города» [9, л. 119].

С 1 мая 1916 года стали ходить поезда Москва — Евпатория и Петроград — Евпатория.

Первый поезд от Симферополя до Евпатории. Остановка вблизи Евпатории, где были сооружены временная платформа и арка, а также перетянута лента. 1915 г.

Момент перерезания ленты супругой губернатора, Е. Б. Княжевич, во время остановки вблизи Евпатории у временной платформы и арки. 1915 г.

16 мая 1916 года город посетила царская семья, которую встречал весь город.

Если ранее в Евпатории отдыхали и лечились 10–15 тыс. человек, то в сезон 1916 года — 40 тыс. Евпатория получила от государства средства для дальнейшего развития, и уже к 15 июня 1916 года железная дорога была продлена к будущему центру города, к новому курортному вокзалу, от которого проложили к морю проспект Княжевича (ныне улица Фрунзе).

По инициативе Княжевича началось строительство Всероссийской грязелечебной санатории имени Наследника Цесаревича. По словам Дувана, «санатория эта будет обладать образцовой грязелечебницей, громадной гостиницей и курзалом и обширным парком, всё это для нас представляет собою разрешение средствами государства той очередной для Евпатории как курорта задачи, которую нашими силами, быть может, нескоро ещё удалось бы осуществить» [8, л. 1–3]. Действительно, Княжевич добился от казны выделения 2 млн рублей на железную дорогу и 2,5 млн на новую грязелечебницу.

Однако 1916 год стал последним в поступательном развитии не только Евпатории, но и всего Российского государства. Грянули революции и Гражданская война, оккупации и грабежи Крыма. В со-

ветский период Крым и Евпатория дважды восстанавливались как курорты (сначала в 1920-е годы, затем после освобождения от немецкой оккупации 1941–1944 годов) и развивались дальше с помощью государства. Парадоксально, но теперь, после мирного периода в составе Украины не только Евпатория, но и весь Крым во многом оказались в ситуации 100-летней давности, вновь требующей решительных и срочных мер со стороны государства.

В 1915 году в связи с войной российское общество вынуждено было вспомнить о своих курортах, Евпатория получила официальное всероссийское признание, и только тогда — железнодорожное сообщение и государственную помощь. Сегодня, как и в 1915 году, вновь необходимо официальное признание Евпатории и других «лечебных местностей» Крыма курортами общегосударственного значения с выделением им помощи и материальных средств: сначала для восстановления до советского уровня, а затем для дальнейшего развития до современного мирового уровня.

Использованы сведения и фото из «Памятной книжки Таврической губернии 1916 г. (Симферополь, 1916)

Автор благодарит за помощь Евпаторийскую ЦГБ имени А. С. Пушкина и её сотрудницу Янину Станиславовну Грошеву

1. Добычин П. А. Экскурсия в Крым VII съезда естествоиспытателей и врачей. СПб., 1883. (Отдельный оттиск из «Врачебных ведомостей»).

2. Мочутковский О. О. Отчёт Одесскому Бальнеологическому Обществу о Крымской экскурсии членов съезда русских естествоиспытателей и врачей. Одесса, 1888. Отдельный оттиск.

3. Грошева Я. С., Мешков В. А. Автор и издатель первой русской книги в Евпатории В. Г. Пьянков как просветитель и журналист // XIV Таврические научные чтения (Симферополь, 31 мая 2013 г.) : сб. науч. ст. Ч. 1. Симферополь, 2014. С. 63–72.

4. Мешков В. А., Грошева Я. С. В. А. Гемилиан и крымское грязелечение // Там же. Ч. 2. Симферополь, 2014. С. 4–11.

5. Мешков В. А. Последний из могикиан. Евпаторийскому трамваю — 100 лет // Обозрение крымских дел (Евпатория). 2014. № 12. 23–30 мая. С. 20–21.

6. ГАРК. Ф. 681. Оп. 2. Д. 567.

7. ГАРК. Ф. 681. Оп. 2. Д. 593.

8. ГАРК. Ф. 681. Оп. 2. Д. 660.

9. ГАРК. Ф. 681. Оп. 2. Д. 577.

10. Памятная книжка Таврической губернии 1916 г. Симферополь : Изд. Тавр. губерн. стат. ком., 1916.

В. Г. Хлопунов

Из истории народного образования в Крыму (XIX в. — 30-е гг. XX в.)

Отсчёт создания целостной системы переподготовки учительских кадров берёт своё начало от рубежной даты 5 августа 1875 года. Именно этим днём датируется утверждение Министерством народного просвещения Российской империи правил о временных педагогических курсах для учителей и учительниц начальных народных училищ. Статья I этого положения, в которой определяются цели утверждаемых курсов, говорит, что они создаются для «ознакомления мало подготовленных учителей и учительниц с лучшими способами обучения, а также обновления и пополнения их сведений с преподаваемыми ими предметами и вообще усовершенствования их в деле начального обучения» [1].

Логично было и то, что этот первый регламентирующий данную сферу документ министерства был обращён к учителям низшего (но не по значимости) начального звена учреждений образования. Именно они занимали в последней трети XIX века, как, впрочем, и в начале XX столетия, доминирующее место и в складывающейся тогда системе просвещения.

1. Переподготовка учительских кадров в Крыму в годы Российской империи (XIX — начало XX в.)

После отмены крепостного права в России, что дало серьёзный импульс развитию капиталистических производительных сил, начинающая работать в режиме расширенного воспроизводства экономика страны требовала кадрового обеспечения. И в конце XIX века наряду с начальными школами стали появляться различные политехнические учебные заведения (технические училища первого и второго разрядов, позднее реальные), которые готовили в том числе будущих студентов для открывавшихся в то время высших профильных учебных заведений. Возросло и число создаваемых в городах губерний гимназий.

Ещё в 1839 году издаётся положение о реальных классах при гимназиях и уездных училищах и о реальных отделениях гимназии, цель которых предоставлять производительному классу новые возможности и средства для приобретения технических знаний. В принципе, это положение предусматривало

с четвёртого класса преподавание естественной истории, химии, технологии, механики, товароведения, бухгалтерии, коммерческого счетоводства, коммерческого законовещения. Намечалось открытие ряда средних и низших сельскохозяйственных технических и коммерческих учебных заведений, но это произойдёт позже [2].

Необходимо подчеркнуть, что местные органы управления, передовая часть крымской интеллигенции, учитывая значительное в процентном отношении наличие в социальной структуре полуострова крымских татар, постоянно держали в поле своего зрения вопросы подготовки квалифицированных кадров из их числа. При этом в процессе реализации данной прогрессивной и своевременной во всех отношениях задачи её инициаторам приходилось сталкиваться с серьёзными сложностями, проистекающими из многовековых традиций этого народа. Надо было постоянно преодолевать некую косность мышления значительной части крымскотатарского населения по отношению к светскому образованию и в новых условиях жизни выходить за устоявшиеся рамки только религиозного обучения.

Уже в 1870-х годах были открыты татарские классы при уездных (Симферопольском и Феодосийском) и приходских (Бахчисарайском и Карасубазарском) училищах. Было учреждено отделение для детей татарских мурз в Симферопольской гимназии. Впоследствии решено было учредить в своём роде учительскую семинарию, где бы татарские дети могли получать среднее образование и такую подготовку, чтобы стать учителями в низших татарских школах и обучать детей на русском языке.

Мысль о важности открытия такого заведения высказал в своё время директор Симферопольской гимназии Евгений Львович Марков. Для решения этого вопроса в Симферополе была учреждена комиссия под председательством губернатора Григория Васильевича Жуковского.

Как результат, 12 декабря 1872 года татарская учительская школа была открыта в составе четырёх классов. К январю 1888 года в ней обучалось 39 учеников. Позднее были открыты подготовительные классы. Характерно, что школа содержалась за счёт казны, доленое участие в её функционировании принимало губернское земство. Дети обучались магометанскому вероучению, русскому, татарскому языкам, математике, истории, географии в объёме курса городских училищ и подготавливались к званию учителей народных училищ [3].

Достаточно быстрый численный рост татарских учителей в конце XIX — начале XX века отразился и на переподготовке преподавательских кадров.

В большинстве периферийных городов империи, в том числе губернского значения (например, Симферополь), в предреформенный период XIX века гимназии и училища делали первые организационные шаги. Их материальная база была явно недостаточной, ощущалась нехватка кадров, как, собственно, и средств для полноценного учебного процесса. Это приводило к тому, что учебные заведения среднего звена, особенно в уездных городах, были весьма слабыми. Творческий учительский состав в большинстве из них, как правило, не превышал трёх-четырёх человек. Поэтому самостоятельная система переподготовки учительства среднего звена сформировалась одновременно с изменением количественного и качественного содержания этих учебных заведений лишь в начале XX века. Тогда как для начального обучения она приобрела свои организационные формы ещё в конце XIX века.

Складывающаяся система переподготовки учительских кадров как для начального, так и для среднего образования изначально не ограничивалась только рамками узкопрофессиональных интересов. Она давала возможность учителям получить не только передовые знания по предметам преподавания, но и в других сферах человеческой деятельности.

В этом изначально были сила и вся значимость подобной системы.

В частности, на курсах для слушателей начальных народных училищ, проводимых под патронажем инспектора народных училищ Симферопольского района, читались не только лекции по методике преподавания русского языка, арифметики, рисования, чистописания, но и по «педагогической психологии, истории, новейшей русской литературе, гигиене, географии, естественной истории Крыма, археологии и истории Тавриды» [4].

Курсы проводились, как правило, в летний период. Длительность их составляла полтора месяца. По тем временам они были достаточно посещаемыми. Начало курсов определялось наличием не менее 70 слушателей, собравшихся из всей губернии. Наиболее многочисленными стали курсы, проведённые в 1909 году, — на них присутствовало 150 слушателей.

К подбору лекторов Таврическое земство относилось очень серьёзно. Он осуществлялся посредством обращения в лекционное бюро Московской комиссии по организации домашнего чтения, состоявшей при обществе распространения технических знаний. Уровень квалификации привлечённых к чтению лекций был высоким. Это были преподаватели, в том числе профессора и доценты МГУ, Московских высших женских курсов, Московской практической академии и т. д. [5].

Потребности достаточно быстро развивающейся экономики конца XIX — начала XX века настоятельно требовали дальнейшего усиления политехнической направленности в системе просвещения. Ещё в 1885 году Министерство земледелия и государственного имущества издало особые правила об устройстве в подведомственных этому министерству заведениях летних бесплатных сельскохозяйственных курсов для народных учителей, а также для окончивших курсы в учительских семинариях. Впоследствии циркулярное предложение данного министерства от 24 февраля 1885 года № 4387 по согласованию с Министерством народного просвещения было распространено на всю систему российского образования. Согласно статье I данного предложения, «*означенные курсы устраиваются в целях распространения в населении при посредстве народных школ правильных познаний по сельскому хозяйству преимущественно (садоводство, огородничество, пчеловодство)*».

Таврическое земство инициативу соответствующих министерств энергично поддержало и стало своеобразным координирующим органом в реализации этого полезного начинания. На первых совместных курсах для народных учителей Симферопольского уезда, проведённых в 1902 году на базе ка-

зённого имения Салгирка, обучалось 45 слушателей. Устроителями этих курсов являлось Симферопольское земство при содействии губернского департамента земледелия.

В программу входили как теоретические, так и практические занятия, а также проводились экскурсии. Теоретическая часть состояла из лекций по ботанике, анатомии и физиологии растений, энтомологии. Главную часть программы, разумеется, составляло практическое пловодство. Учитывая хозяйственную специфику Крыма, акцент был смещён на виноградарство, цветоводство и огородничество. Это было тем более важно, что практически каждая школа в Крыму к тому времени имела не менее десятины земли, выделенной им земством и «являвшейся по существу полигоном для практической реализации знаний в этой области» [6].

Крымское земство кровно было заинтересовано в распространении сельскохозяйственных знаний и на проведение подобного рода курсов не жалело средств. При подведении итогов было решено устраивать курсы по данной тематике и в последующие годы.

Все курсы народных учителей различных ступеней были очень насыщенными, а значит, проходили в крайне интенсивном режиме. Занятия проводились с 8:30 до 13:00 (теоретическая часть) и с 17:00 до 21:00 (практическая часть). Согласно правилам губернского земского собрания от 4 марта 1906 года, курсы не могли размещаться в учебных заведениях, и помещение для них было отведено и приспособлено в здании губернской земской управы.

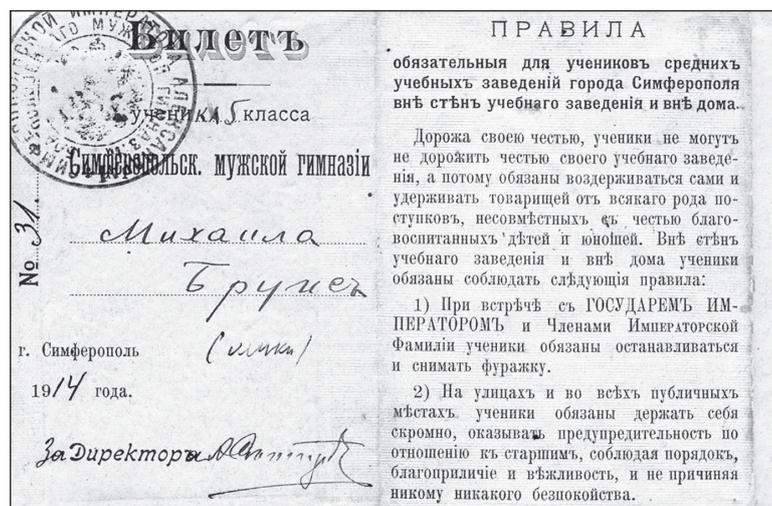

Симферопольская мужская гимназия. Открытка начала XX в.

Для преподавателей старших классов, предметников, курсы проводились на базе наиболее авторитетного по уровню преподавания и методическому обеспечению учебного заведения Симферополя. Это прежде всего старейшее среднее учебное заведения города да и всей Таврической губернии — Симферопольская мужская гимназия, которая была открыта ещё в царствование императора Александра I, в тяжёлую годину Отечественной войны, 1 сентября 1812 года. (К слову, первое учебное заведение в Крыму — Главное народное училище — было открыто ещё в 1793 году. После преобразования в 1809 году в уездное оно осуществляло обучение детей столярно-токароному, слесарно-кузнечному, малярному, сапожному и другим ремёслам.)

В год открытия Симферопольской гимназии в ней было всего 17 детей, до 1835 года их количество не превышало 51 ученика. Но в 1865 году в ней обучалось уже 318 учеников, а в 1883-м — 434. Позднее численный состав этого учебного заведения стал постоянным — 285 человек [7].

Большую роль в организационном и методическом оформлении гимназии сыграл институт почётных попечителей. Среди них следует отметить Фёдора Карловича Мюльгаузена, Христиана Христиановича Стевена и Нестора Филипповича Гротена. Благодаря их пожертвованиям были оборудованы гимназические библиотеки и кабинеты. Это было особенно важно для первых лет становления гимназии, когда средства на её содержание первоначально были весьма незначительными. С течением времени материальные возможности постоянно

Билет гимназиста Симферопольской мужской казённой гимназии

Симферопольская женская гимназия. Открытка начала XX в.

возрастали, и к концу XIX века необходимое учебное оформление гимназии было завершено. К рассматриваемому периоду, помимо библиотеки и специализированных кабинетов, в Симферопольской гимназии имелся археологический музей, в коллекции которого насчитывалось более двух тысяч монет и других предметов древности. В 1886 году в гимназии был создан особый отдел (краеведческий), он содержал книги по истории, археологии, географии Крыма и работал при фундаментальной библиотеке «Таврика».

Таким образом, Симферопольская гимназия вступала в следующее столетие как достаточно серьёзный, оборудованный всем необходимым, опорный пункт, на базе которого можно было продуктивно и качественно осуществлять работу по переподготовке учительских кадров для любого звена системы просвещения того времени.

Подобную роль в этом ответственном деле играла и Симферопольская женская гимназия, которая явилась правопреемником частной школы грамотности для девиц, учреждённой 1 августа 1865 года. В 1868 году, после соответствующей реорганизации, она получит статус женского училища первого разряда. А после выхода в свет положения 1870 года о женских гимназиях с семигодичным курсом будет реформирована в женскую гимназию. В 1872-м (год преобразования училища в гимназию) здесь обучалось 224 ученицы, а в 1899-м — более трёхсот. К началу XX века это было отлично оборудованное для того времени учебное заведение, имеющее необходимые условия для эффективного проведения учебного процесса, а также свой собственный штат и состав преподавателей [8].

Преподавателям этих гимназий вменялось в обязанность оказывать консультацию и проводить

лекторско-методическую работу со слушателями.

Одним из недостатков работы всех названных курсов являлось отсутствие системности при их проведении. Как правило, курсы собирались по мере надобности по инициативе того или иного учебного заведения посредством обращения их в губернское земское собрание. Дело же совершенствования переподготовки учительских кадров, связанное с выходом в целом народного просвещения страны в первые годы XX столетия на качественно новый уровень, постоянно требовало создания постоянно функционирующего органа, координирующего инновационные наработки в области

методики и научной мысли новаторов-педагогов, которые успешно осуществляли свою подвижническую работу в различных регионах страны.

Хотелось бы отметить роль учительских институтов, которые стали возникать в Российской империи после принятия соответствующего положения от 1872 года. В Таврической губернии подобного рода учебное заведение для подготовки учителей городских училищ было открыто 21 января 1877 года в Феодосии. Несмотря на то что общеобразовательная подготовка в учительских институтах была ниже, чем в гимназиях, не достигала уровня общеобразовательной средней школы, педагогическая и методическая (теоретическая и практическая) база была в них достаточно высокой. В этом отношении учительские институты сыграли большую роль в разработке в пореформенной России педагогики и методики преподавания различных учебных предметов. Из числа преподавателей этих институтов формировались лучшие российские методисты начала XX века.

Таким образом, в обозначенный период была создана весьма плодотворная научная и практическая основа для всестороннего совершенствования профессиональной переподготовки учительских кадров, в том числе в Крыму.

Нужен был центр, который бы процесс переподготовки учителей перевёл в плоскость чёткой организационной, методической и научной системы.

Определённая предпосылка чисто организационного характера решения этой проблемы закладывалась ещё в 1875 году, когда приказом министра народного просвещения от 31 августа 1874 года была утверждена общая для всех гимназий программа. До этого времени преподавание всех предметов велось по программам, разработанным педагогичес-

кими советами и утверждаемым попечителем округа. Постепенно унифицировались учебные программы и в других звеньях системы просвещения.

Однако реализовать задумку о едином центре, которая становилась всё более актуальной, удалось уже в другой исторической действительности.

2. Первые десятилетия послереволюционных преобразований (1920–1930-е гг.)

В отличие от губерний бывшей Российской империи, на территории которых существовала на протяжении длительного по критериям того революционного времени политическая власть, в Крыму эта пусть зыбкая стабильность напрочь отсутствовала на протяжении всех лет, по сути, гражданской войны. Напомним основные этапы крымского политического калейдоскопа этих лет. Апрель 1917 — январь 1918 года — период острейшего политического противостояния на полуострове, точнее, политическое безвременье: январь — апрель 1918 года — Советская Социалистическая Республика Тавриды; май — ноябрь 1918 года — немецкая оккупация; ноябрь 1918 года — апрель 1919 года — военная интервенция Антанты; апрель — июнь 1919 года — Крымская Советская Социалистическая республика; июнь 1919 — март 1920 года — администрация правителя юга России (деникинщина); апрель — ноябрь 1920 года — правление генерала Врангеля. И только к осени 1920 года в Крыму устанавливается советская власть, которая на многие десятилетия станет главным политическим фактором, определяющим судьбу полуострова, как и всего созданного несколько позднее нового государственного образования — СССР.

В этих реалиях стремительных властных видоизменений говорить о внедрении в практику важнейшего аспекта совершенствования системы образования, каким является переподготовка преподавательских кадров, было достаточно сложно. Видимо, предметно речь могла идти в это время о путях определения принципиально новых форм и методов функционирования послереволюционного просвещения в стране и в частности в Крыму.

Отметим, что все (архивные материалы говорят об этом) администрации, побывавшие у руля крымского корабля, несущегося в стихии бушующего исторического моря, прекрасно понимали значимость проблемы подготовки необходимых кадров как в настоящем того дня, так и в отдалённой перспективе. И в рамках отведённого им историей времени в той или иной мере занимались их решением.

Проиллюстрировать это можно хотя бы примером учреждения в такое нелёгкое время Таври-

ческого университета, фактом оказания помощи крымской власти в сохранении учреждений системы народного просвещения. Характерно, что уже в первый период реализации властных полномочий большевиками в Крыму, за три с небольшим отведённых им месяца, сформированным в феврале 1918 года Комиссариатом просвещения была проведена определённая организационная работа. Подчеркнём, что для этого типа политической власти дело было совершенно новое и неисследованное. Несмотря на оторванность, изолированность Крыма от центральных учреждений страны, курирующих эти вопросы, пришедшая к руководству полуострова новая политическая сила всё же изыскала возможности для получения инструктивных документов, разработанных уже к этому времени московским ведомством.

Народный комиссариат РСФСР достаточно оперативно, в кратчайшие сроки, направил в Крым два документа, представляющих сами по себе исключительно большой интерес для истории просвещения. Эти документы были присланы под названием «Общий план организации дела народного образования» («протокол» и «объяснительная записка к нему»).

В конце документа было сказано, что ввиду того, что этот проект является логическим завершением всего того, что до сего времени сделано государственной комиссией по ресурсам народного образования, Комиссариат просвещения считает долгом обратить внимание на необходимость немедленного проведения проекта в жизнь. Подписали документ народный комиссар просвещения РСФСР А. Луначарский и секретарь Д. Лещенко. И такая работа в Крыму была развёрнута, о чём будет сказано чуть ниже [9].

Во второй период восстановления советской власти на полуострове (май — июнь 1919 года) Народный комиссариат просвещения провёл ещё более значительную работу. В частности, был облегчён доступ к поступлению детям грудящихся в школу путём отмены платы за обучение. Восстанавливалась в это время деятельность педагогических советов, принимались меры к созданию условий для развития внеклассной и внешкольной работы для учащихся. Комплектовались учебные пособия в преддверии нового учебного года. Трудно обойти вниманием и тот факт, что в названные короткие промежутки времени новая власть проводит громадную работу по ликвидации на полуострове безграмотности. Для этого в спешном порядке во всех городах и некоторых крупных сёлах открывались бесплатные классы и при них школы грамотности для популяризации научных знаний. Для этой цели все педагоги низших, средних и профессиональных учебных заведений были обязаны не менее двух часов в день работать в них, причём вознаграждение за труд выдавалось лишь тем педагогам, которые в летние каникулы не

получали жалование. Такова была своеобразная форма развёрстки интеллектуального труда [10].

Оценивая же в целом этот период и рассматривая его прежде всего через призму деятельности советской власти, её органов, которая вскоре будет определять стратегию, в том числе просвещения в стране и в Крыму, можно прийти к следующему выводу. Сформулированные в годы Гражданской войны основные принципы формирования системы народного образования, которые на многие годы будут определять суть советского просвещения: демократичность, доступность и светскость школы, — позволят в кратчайшие сроки в полной мере задействовать нереализованные в предшествующие эпохи генетические кладовые народа. Этот прорыв к безбрежным народным возможностям в конечном счёте стал определяющим в составной того поразившего весь мир созидательного чуда, который явил собою Советский Союз.

Попутно можно отметить и то, что попытки соответствующих органов тех или иных администраций, приходивших периодически к руководству полуостровом, сохранить в неприкосновенности привилегированный, сословный, принцип образования, наглядно говорил об исторической исчерпанности прежних отношений, существовавших в распавшейся к этому периоду стране.

В этом отношении деятельность большевистской власти в деле становления образования на новых принципах шла в контексте прогрессивных общемировых тенденций и должна была способствовать успешному решению приоритетных созидательных задач, которые ставились после Гражданской войны.

Разумеется, развитие советской школы всех ступеней, в том числе системы переподготовки преподавательских кадров, происходило не на голом месте. Она впитала в себя всё то лучшее, прогрессивное, отвечающее потребностям нового времени, из серьёзных наработок предшествующей эпохи. Пригодился, особенно в первые, наиболее трудные и полные драматической напряжённости восстановительные годы, приобретённый первый опыт организации народного образования в Крыму.

Решались лавинообразно возникающие проблемы достаточно революционно, в соответствии с целесообразностью, характерной для той эпохи. Уже к вечеру 16 ноября 1920 года (в этот день ликвидировали последний опорный пункт белых войск в Крыму) было объявлено о создании органа новой власти на полуострове в лице Крымского революционного комитета. Наряду с другими в его структуре был создан отдел народного образования со следующими подотделами: школьный, внешкольный, общественного воспитания, высших школ, снабжения, национальный, искусств.

Школьный подотдел имел секции: школы первой ступени, школы второй ступени и профессионального воспитания. Подотдел общественного воспитания имел ещё большую секционную градацию: детские приюты, дома, трудовые комнаты, мастерские, детские клубы, очаги и сады.

30 ноября 1920 года, то есть через две недели после установления советской власти, Крымревком издаёт приказ о перестройке работы учебных заведений. В частности, первый пункт его гласил: «*Все учебные заведения Крыма — частные, общественные, профессиональные и национальные — переходят в ведение Социалистической Советской Республики*». Отменялась плата за обучение. Все учебные заведения Крыма объявлялись светскими. Вся полнота непосредственной организационной работы по этому приказу передавалась школьным советам (они должны были сформироваться в течение трёх дней после публикации упомянутого документа).

И наконец, в конце ноября 1920 года губернский Военно-революционный комитет издаёт приказ, в котором говорится: «*Всем учебным заведениям Крыма: начальным, средним и высшим, музыкальным, драматическим и художественным училищам, специальным школам немедленно возобновить в полном объёме занятия*».

Динамика открытия школ в этот чрезвычайно сложный для новой власти период впечатляет. Если в декабре 1920 года только в Симферополе работали 34 школы первой ступени, то в январе 1921-го открылись ещё 14 новых школ. Всего же к концу 1921 года в Крыму насчитывалось 1150 школ первой ступени и 82 школы второй ступени, в которых обучался 58 681 человек [11].

К мероприятиям общегосударственной значимости, особенно в контексте наступившего в стране тяжелейшего голода 1921–1922 годов, можно отнести организацию ещё в конце 1920 года во многих школах полуострова общественного питания. Эта мера оказалась просто спасительной для большого числа крымских детей. Разумеется, льгота бесплатного школьного питания распространялась прежде всего на учащихся, потерявших обоих кормильцев, и детей, отцы которых находились в рядах действующей армии. Результатом этой работы явилось то, что к концу 1921 года бесплатное питание получали 14 000 беднейших детей, было организовано 150 детских домов, садов и иных учреждений, где на полном государственном довольствии содержались дети-сироты [12].

Достаточно быстрое расширение сети общеобразовательных учебных заведений мотивировалось новой властью, в том числе в Крыму, пониманием путей и перспектив развития создаваемого общества. Но вся логика этой деятельности в конечном счёте

подчинялась задаче превращения страны в могучую производственно-техническую державу, сформулированной политическим руководством страны ещё в 1919 году на VIII съезде РКП(б) при принятии Программы партии. Диктовалось это и другой стратегической целью — потребностью ликвидации неграмотности. Данные российской дореволюционной действительности показывали, что процентное соотношение числа безграмотных в том же Крыму более чем наполовину превышало число тех, кто обладал элементарными навыками грамотности. До революции на каждые 1000 человек на полуострове приходилось 555 неграмотных.

Быстро расширяющаяся сеть учебных заведений диктовала острую потребность в воссоздании нарушенной в годы Гражданской войны системы подготовки и переподготовки преподавательских кадров.

Подавляющая в численном отношении часть российского учительства с пониманием относилась к тем процессам, которые происходили в стране. Однако невосприятие их наблюдалось со стороны некоторой части преподавателей средних и высших учебных заведений, которые в предшествующий период находились в привилегированном материальном отношении по сравнению к остальным учителям. Но и они активно привлекались к их основной деятельности, особенно для работы преподавательского состава в высших учебных заведениях, посредством разработанной новым политическим руководством системы соответствующего материального поощрения.

В этом смысле первоначальный, исходный резерв к созданию новой школы в стране, в принципе, существовал. Однако новая школа требовала если не тотально новых, то по крайней мере максимально отвечающих иным условиям и задачам методов обучения, а следовательно, и новых, соответствующих образом подготовленных учителей. В том числе усвоивших новые мировоззренческие подходы к определению путей развития отечественного просвещения.

Для этих целей в центре Крыма и в некоторых периферийных городах, где для этого имелись материальные и кадровые возможности, создавались специальные курсы, на которых учителя знакомились с новыми педагогическими подходами к учебному процессу и получали необходимые знания по общественно-политическим дисциплинам. Курсы пользовались большой популярностью. Были случаи, когда учителя из глухих, отдалённых селений сами, по своей инициативе, приходили в город пешком и просили записать их на подобные курсы. В 1923 году через них прошли 1473 человека, или 61% от общего количества учителей, из них 636 работников сельских школ. Не меньшей популярностью пользовались учительские конференции. Здесь слушались

и обсуждались доклады, рефераты, а также отчёты отдельных школ о проделанной работе. Учителя по-прежнему дополняли инновациями выработанные к тому времени программы обучения в школе.

Основным звеном в системе переподготовки учительских кадров в первые годы после Гражданской войны, как и в предреволюционный период, была определённая, особенно в районных центрах, образцовая школа, на базе которой и проводились соответствующие курсы. Диапазон работы этих опорных пунктов был достаточно широк и насыщен в плане профессионально-отраслевой подготовки учителей. Если проанализировать учебный план единой семилетней трудовой школы на 1921/22 учебный год, то он говорит о высокой содержательной планке, которая изначально была взята народным просвещением страны. Это план выглядел следующим образом: 1) родной язык и литература; 2) обществоведение, история; 3) естествознание (мировоззрение); 4) математика; 5) искусство (пение, музыка, риторика); 6) рисование; 7) физическое воспитание; 8) иностранный язык; 9) физика; 10) химия; 11) география; 12) география; 13) астрономия. Понятно, что насыщенность программы требовала напряжённой работы по переподготовке соответствующих предметников [13].

Реализация в жизнь Новой экономической политики (НЭП) предопределяла дальнейшее углубление политехнизации советской школы. Осуществлялась она как через создание так называемых сельхозшкол, за которыми закреплялся экспериментальный земельный участок, так и через включение в программы единых трудовых семилетних школ I и II ступени (I ступень — 1–4 классы), кроме общих и специальных дисциплин, таких, как товароведение, счетоводство, бухгалтерия, столярное дело, сапожное, переплетённое, огородничество и садоводство, рукоделие. Всё это также усиливало значение подготовки и переподготовки этой категории работников образования. Всесторонняя политехнизация всей системы образования будет постоянно усиливаться в связи с курсом на индустриализацию и коллективизацию страны.

Итоги работы учреждений крымского образования, в том числе складывающейся новой системы переподготовки преподавательских кадров, подвёл Первый съезд работников просвещения, проходивший 15 февраля 1923 года. В преддверии съезда газета «Красный Крым» (от 2 февраля 1923 г.) опубликовала подборку материалов под рубрикой «Народное образование в Крыму». Основная мысль размещённых в этой газете публикаций сводилась к тому, что «положение школ улучшается». В частности, в них отмечалось как крайне положительное то, что «процент посещаемости к концу 1922 года до-

ходит до 90,1 учащимися и до 92,5 учащими». Тем самым можно было констатировать, что основная масса детей школьного возраста охвачена учебным процессом (исключение составляли дети самых дальних хуторов, был здесь и религиозный фактор), а наличие учителей в школах приближалось к необходимому 100%.

Важнейшим фактором оживления работы школы, как отмечалось в помещённых в газете статьях, было значительное улучшение материального положения школьных работников. Улучшение это достигнуто путём повышения тарифных ставок и своевременной ежемесячной выплаты жалования. «Сравнительная материальная обеспеченность школьных работников, с одной стороны, и внимательное отношение их, а также учащихся к делу обучения, с другой, способствуют установлению в нашей школе нормальных и благоприятных условий школьного образования». В частности, о постоянном увеличении ассигнований на развитие просвещения, в том числе Крыму, говорят такие показатели. Если в 1922/23 учебном году на нужды образования из крымского бюджета было выделено 2 645 726 тыс. рублей, то в 1924–1925 годах — уже 3 359 697 тыс. Как видим, прирост за неполных два года составил 713 971 тыс. рублей. А учитывая, что проведённая в начале 20-х годов денежная реформа сделала советский рубль конвертируемой валютой, можно говорить о достаточно значительных средствах, которые направлялись государством в эту сферу даже в условиях чрезвычайной послевоенной разрухи. О росте расходов на просвещение свидетельствует и то, что если в 1913 году (как известно, самом благополучном в экономическом отношении для страны) на душу населения приходилось 1,2 рубля, то в 1938-м — 118 рублей, или в 98 раз больше [14].

Несомненно, Первый съезд работников просвещения Крыма явился этапной вехой в совершенствовании всей системы образования на полуострове. Сам процесс подготовки этого съезда (проведённые повсеместно конференции, выборы делегатов на форум) явился важнейшим фактором консолидации крымских учителей. Работа съезда убедительно показала возросшую профессиональную, социальную активность и заинтересованность специалистов учебных заведений Крыма в поиске новых путей развития этого важнейшего государственного дела.

В основу работы съезда были положены такие фундаментальные вопросы, как текущий момент и задачи народного просвещения: профессиональное образование, социальное воспитание, просвещение среди нацменьшинств и т. д.

Характерно, что учительство в целом с большим удовлетворением оценивало результаты работы этого высшего органа в области образования авто-

номии. Покидая Симферополь, группа севастопольских и ялтинских делегатов в опубликованной в газете «Красный Крым» статье «Голос учительства» так оценили мобилизирующие их итоги прошедшего съезда: «Впервые за два года Советской власти в Крыму на первом всеукраинском съезде работников просвещения присутствовала объединяющая их педагогическая мысль. Впервые разрозненные, разбитые объективными условиями, собрались мы, все работники просвещения Крыма. Деловой характер съезда, внимательный отклик к нашим нуждам внушил нам уверенность, что этот съезд — залог будущей творческой жизни школы».

Индустриализация страны (как важнейшая политическая составляющая преобразования общества на принципиально новых началах) остро поставила на повестку дня вопрос подготовки необходимых народному хозяйству квалифицированных кадров. Директивой руководства страны была поставлена задача улучшения работы школы II ступени, с тем чтобы оканчивающие её были подготовлены к учёбе в высших учебных заведениях. Постановлением СНК СССР от 5 февраля 1929 года было решено ввести десятилетний курс для школ II ступени.

На главное место в эти годы для советской школы вышли постепенный переход к введению всеобщего семилетнего образования, увеличение внимания к подготовке кадров, повышение продолжительности обучения для средней школы, соответственно, расширение сети школ и особенно бурный рост национальной школы.

Что же касается последнего, а именно подготовки национальных кадров, в частности, в Крыму, в тот период все вопросы решались предельно динамично и, что самое главное, в высокой степени эффективно. Приведём данные в подтверждение сказанного. В 1928 году в Крымском педагогическом институте из 654 студентов, обучающихся на всех факультетах вуза, представители русского этноса составляли 354 человека (54%), евреи — 154 (23,1%), а крымские татары, достаточно многочисленная этническая группа (в довоенный период более 20% населения полуострова) — только 31 человек, или 4,7% от общего числа обучающихся. Для выравнивания данной ситуации решением Совнаркома Крыма от 1931 года за татарами на квотной основе было закреплено уже 319 мест (русским оставалось 73 места) [15].

Именно в эти предвоенные годы был заложен высокий кадровый потенциал крымскотатарского народа, который у них сохраняется и в настоящее время.

Если говорить о количественном показателе роста учебных заведений на полуострове, то здесь наблюдался воистину стремительный размах. Разумеется, это было связано со стабильным демографическим благополучием, которое являлось реальностью, осо-

бенно в последнее предвоенное десятилетие в целом в стране и в Крыму.

После 1931 года в городах Крыма, а с 1932/33 учебного года и в сельской местности стало вводиться семилетнее обязательное обучение. О том, насколько быстро шёл этот процесс, можно судить по количеству школ II ступени. Если в 1928 году таких школ было только 72, то в 1932-м — уже 179, а в 1933-м — 188. Как видим, прирост за пять лет приблизился к трёхкратному показателю. Всего же школ I и II ступени было 1279, и в них обучалось 126 100 учащихся. Соответственно, к концу 1930-х годов количество учителей возросло до 7411 и превысило дореволюционный показатель в 4,5 раза [16].

Количественные показатели должны были идти в ногу с качественной стороной процесса. Постоянно усложняющиеся народнохозяйственные задачи, решаемые страной в преддверии надвигающегося военного противостояния, требовали внимания всех заинтересованных сторон общества к развитию системы народного просвещения, воспитательного процесса как такового, а значит, и к повышению качества переподготовки преподавательских кадров.

Ещё в ноябре 1932 года КрымЦИК принял постановление «О состоянии всеобщего обучения и политехнизации в массовой школе». Этим постановлением в школах полуострова были введены новые программы, учебные планы и твёрдое расписание занятий. В этом же году в школах были установлены единый учебный год, часы занятий, каникулы, раз-

работаны мероприятия по укреплению дисциплины и по максимальному обеспечению ведущей роли учителя в учебно-образовательной и воспитательной работе.

Все эти организационные меры способствовали повышению сознательной дисциплины, улучшению успеваемости учащихся, создавали благоприятные предпосылки к совершенствованию учебно-методической работы.

В 1938 году состоялось Всесоюзное совещание по методической работе. Оно рекомендовало восстановить методические объединения и разработать положения о методической работе в школе, о кустовом методическом объединении учителей, о районном педагогическом кабинете. На нём была одобрена практика проведения областных методических совещаний, районных учительских конференций, были указаны недостатки в работе инструкторов-методистов, в недостаточной степени осуществляющих организацию самостоятельной работы по повышению квалификации учителей.

В этих условиях главным недостатком в деле переподготовки учительских кадров вновь называлась явная недостаточность охвата учительства различными переподготовительными формами, отсутствие системы и необходимого координирующего органа, отвечающего непосредственно за важнейшую сторону деятельности образования страны. Ответом на сформировавшийся социальный заказ стало создание Института усовершенствования учителей.

1. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 60. С. 62.
2. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 60. С. 100.
3. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 64. С. 8.
4. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 86. С. 1, 2.
5. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 148. С. 241.
6. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 60. С. 63.
7. *Лашков Ф. Ф.* Историческая записка о Симферопольской мужской гимназии с основания её 1 сентября 1812 г. по 1 июля 1881 г. Симферополь, 1881.
8. *Матушевский К.* К истории открытия Таврического Епархиального женского училища // ТЕВ. 1903. № 1–6.
9. Народное образование СССР 1917–1967 гг. М., 1968.
10. ГАРК. Ф. 1739. Оп. 2. Д. 14. С. 4.
11. ГАРК. Ф. 1739. Оп. Д. 23. С. 6.
12. ГАРК. Ф. 1739. Оп. Д. 35. С. 10.
13. *Балич С.* Народное образование в Крым АССР к десятилетию Октябрьской революции // Пути коммунистического просвещения 1927. № 9–10.
14. ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1870. С. 25.
15. ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1303. С. 50.
16. ГАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2007. С. 10–11.

С. А. Андросов

Деятельность Феодосийского охриса (1920–1924 гг.) в документах Государственного архива Республики Крым

Обилие в Крыму памятников истории и культуры, являющихся свидетелями практически всех этапов формирования человеческой цивилизации, дало основание пролетарскому писателю М. Горькому назвать полуостров «золотым дном» для исторической науки. Вместе с тем Крым можно считать своего рода научным полигоном, через который прошло не одно поколение отечественных археологов и историков, отвоёвывавших шаг за шагом у легендарной крымской земли оберегаемые ею тайны.

Охрана этого многообразного культурного наследия прошлого имеет давние традиции. Изучение положительного опыта в сфере сбережения культурных ценностей, накопленного в том числе в первые годы после окончательного установления в Крыму советской власти, особую актуальность приобретает в наше время, когда вновьоявленные вандалы грабят древние некрополи, распахивают курганы, ведут несанкционированные строительные работы в охранных зонах памятников архитектуры, оскверняютobelisksи героям Великой Отечественной войны.

С конца 1920 по 1927 год в структуре органов сначала ревкомовской, а затем советской власти в Крыму функционировало специальное учреждение, занимавшееся охраной историко-культурного наследия, — Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства, природы и народного быта (Крымохрис). Основные направления его работы получили освещение в публикациях Александра Ивановича Полканова, Владимира Фотиевича Козлова, Александра Витальевича Хливнюка [49, с. 171–180; 50, с. 93–123; 43; 44, с. 81–89; 45, с. 126–156; 51, с. 7–17; 52]. До сих пор недостаточно исследованной продолжает оставаться история подведомственной сети Крымохриса, состоявшей

из шести окружных секций (охрисов), учреждённых в Бахчисарае, Евпатории, Керчи, Севастополе, Феодосии, Ялте. В этой связи исключением можно считать выполненную по материалам, выявленным в Государственном архиве Российской Федерации, в отделе письменных источников Государственного исторического музея, в Государственном архиве Севастополя совместную работу Марии Владимировны Бойцовой и Елены Евгеньевны Онучиной по истории музейного строительства в Севастополе в 1920-е годы, в контексте которого были рассмотрены и осуществлённые в то время мероприятия в сфере сохранения памятников истории и культуры данного региона [4]. Ещё одна исследовательница музейного строительства в Крыму в послереволюционные годы — Улькера Казимовна Асанова — опубликовала в 2010 году статью с многообещающим названием «Новые документы по истории музейного дела в Крымской АССР в 20-е годы XX века из фондов Государственного архива Российской Федерации». Однако в указанном исследовании, подготовленном на основании изучения лишь семи дел и почему-то только одного фонда Главнауки Наркомпроса РСФСР, что несколько диссонирует с самим названием статьи, о феодосийских музеях не сказано почти ничего, кроме упоминания о необходимости экстренного ремонта в 1923 году стены здания картинной галереи имени И. К. Айвазовского [1, с. 10–21]. Следует также обратить внимание на публикацию профессора Таврической академии КФУ имени В. И. Вернадского Элеоноры Борисовны Петровой, посвящённую Екатерине Елисеевне Пирлик-Шоститко-Маявской, внесшей заметный вклад в сохранение культурных ценностей Юго-Восточного Крыма и коллекций Феодосийского музея древностей в первые послереволюционные годы [48, с. 12–18].

Вместе с тем документы по истории охраны культурного наследия и музейного строительства в Крыму, хранящиеся в Государственном архиве Республики Крым, остаются ещё не в полной мере востребованными исследователями. Именно материалы этого архива, отложившиеся в фондах Крымского и Феодосийского уездного ревкомов, КрымЦИК, КрымСНК, Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции Крымской АССР, Феодосийского краеведческого музея, а также личные документы заведующего Крымохрисом Александра Ивановича Полканова послужили основной для подготовки предлагаемой статьи. Её хронологические рамки охватывают 1920–1924 годы, то есть непосредственно период деятельности Феодосийского охриси.

К середине ноября 1920 года с разгромом врангелевцев в Крыму окончательно утверждается большевистский режим. 14 ноября на совместном заседании членов Реввоенсовета Южного фронта и Крымского обкома РКП(б) формируется Крымский ревком. В последующие две недели создаются уездные, районные, волостные и сельские ревкомы. Приказом Крымревкома от 16 ноября 1920 года был учреждён Феодосийский уездный ревком. В сферу деятельности ревкомов, а затем сменивших их в 1921 году советов попадают самые различные вопросы хозяйственного и культурного строительства, в том числе сохранения культурного наследия.

21 ноября 1920 года при подотделе искусств отдела народного образования Крымревкома (Крымнаробраз) была организована секция охраны культурных ценностей во главе с археологом и этнографом Глебом Анатольевичем Бонч-Осмоловским [47, с. 6]. В соответствии с распоряжением Наркомпроса РСФСР от 23 мая 1921 года она реорганизуется в Крымохрис [9, л. 74]. В первоначальном плане его работы, составленном Г. А. Бонч-Осмоловским, предусматривалось осуществление неотложных и систематических мер по сохранению историко-культурного наследия [7, л. 197], а именно: назначение лиц, следящих за состоянием памятников архитектуры (заведующих музеями в данном

городе), описание исторических зданий, запрещение их использования для пастоя войск и других надобностей, приведение в известность имеющихся уже

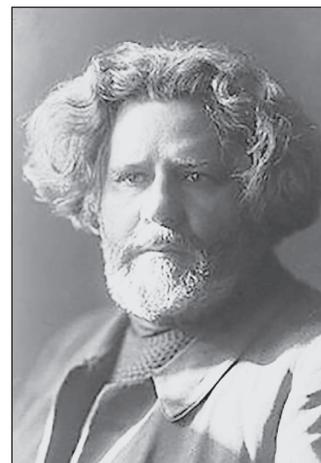

*Глеб Анатольевич
Бонч-Осмоловский*

музеев и организация новых, изъятие предметов искусства, брошенных на произвол судьбы. Систематические меры включали в себя: учреждение специальной коллегии для производства подробного описания с обмерами, чертежами и фотоснимками всех находящихся в Крыму памятников; научную реставрацию архитектурных объектов; планомерную организацию в Симферополе центрального, а в уездах — городских местных музеев по естествознанию, этнографии, археологии; изъятие всех культурных ценностей из частного владения; сбор этнографических коллекций, проведение археологических раскопок.

Успешное выполнение намеченной программы во многом зависело от оперативной и чёткой организации работы на местах. Буквально с первых дней вступления частей Красной армии в Феодосию в подотделе искусств отдела народного образования Феодосийского уездного ревкома создаётся музейная секция во главе с художником Герасимом Афанасьевичем Магулой [21, л. 345; 36, л. 69]. После его смерти, последовавшей 17 октября 1923 года от паралича сердца, немногим более года Феодосийским охрисом руководил Николай Степанович Барсамов [42, л. 113–113 об.].

К компетенции охриси были отнесены вопросы музейного строительства и охраны культурных ценностей на обширной территории от Феодосии до села Арабат. Разумеется, их решение, учитывая малочисленность состава охриси, было невозможно без привлечения, зачастую на общественных началах, компетентных специалистов в сфере культуры. И таковые нашлись. Дело в том, что в то время на дачах в Коктебельской и Судакской долинах проживал ряд видных представителей русской интеллигенции, оказавшихся впоследствии причастными к делу сохранения исторических и художественных реликвий Крыма. Среди них прежде всего следует назвать поэта и художника Максимилиана Александровича Волошина [17, л. 25; 21, л. 346; 34, л. 34].

*Максимилиан Александрович
Волошин*

Охрана культурных ценностей в Новом Свете была поручена бывшему архитектору Московского удельного округа Вячеславу Владимировичу Шейману [41, л. 2 об.; 22, л. 247 об.]. Деятельное участие в работе Феодосийского охрима также принимали художники Константин Фёдорович Богаевский и Владимир Александрович Успенский. В 1922 году непродолжительное время Феодосийский археологический музей возглавлял известный искусствовед, член Всеукраинской академии наук Алексей Петрович Новицкий.

Последствия ожесточённой классовой борьбы, вылившейся в длительную Гражданскую войну, сопровождавшуюся массовым исходом с полуострова владельцев особняков и дворцов и переделом собственности, пагубно сказались на состоянии многих памятников. Порча их началась сразу же после отступления белогвардейцев из Феодосии и возникшей в то время паники.

В докладе о работе музейной секции, направленном 12 апреля 1921 года в отдел управления Феодосийского ревкома, отмечалось: «...два дня дома эмигрантов представляли из себя картину полнейшего разгрома: сдвинутая и опрокинутая мебель, раскрытые чемоданы и корзины, разбросанный вокруг хлам, изорванные документы <...>. Среди всего копающиеся фигуры местных мародеров. По вступлении советских войск квартиры занимались

учреждениями, первое время часто менявшими помещения. Так, например: дача А. Грамматикова, заполненная до «бегства» офицерами Врангеля, была занята два дня санитарным составом 29-го госпиталя, затем 89-м госпиталем 30-й дивизии. Санитары успели за своё короткое пребывание изорвать обивку старинной мебели, кое-что поломать, много загадить, полировку столов красного дерева испортить котелками, чайниками и унести зеркало и текинский ковёр (ковёр удалось впоследствии отобрать у них) <...>. Художественная библиотека частью расхищена <...>» [21, л. 375–376 об.]. Колоссальный ущерб в результате воинских постоев был нанесён именным Судакского района. Погибло много старинной мебели, картин, фарфора, редких книг.

Вернувшийся в конце декабря 1920 года из двухнедельной поездки по Феодосийскому уезду М. А. Волошин информировал Феодосийский уездный отдел народного образования: «...состояние художественных ценностей в уезде трагическое. Особенно в винном районе Отуз, Судака. Проходящие части жгут дорогие вещи, крутят «цигарки» из старинных манускриптов. Необходимо энергичное вмешательство военных властей, без чего грозит уничтожение всех культурных ценностей уезда» [21, л. 355 об.].

В Отузах сгорел один из домов археолога и этнографа Никандра Александровича Маркса, его археологические коллекции оказались разрознены, рукописи растрепаны, книжные шкафы личной библиотеки взломаны. Никакие слова о заслугах профессора перед советской властью не смогли урезонить мародёров, отвечавших, мол, знаем, был белогвардейским шпионом [41, л. 2 об.].

Красноармейцы, проходившие через экономию винодела и ботаника Эдуарда Андреевича Юнге в Коктебеле, уничтожили собранный учёным гербарий крымской флоры, оригинальные рисунки художника и медальера Фёдора Петровича Толстого, на которых показано оформление ворот храма Христа Спасителя в Москве.

Константин Фёдорович
Богаевский

Феодосийский археологический музей

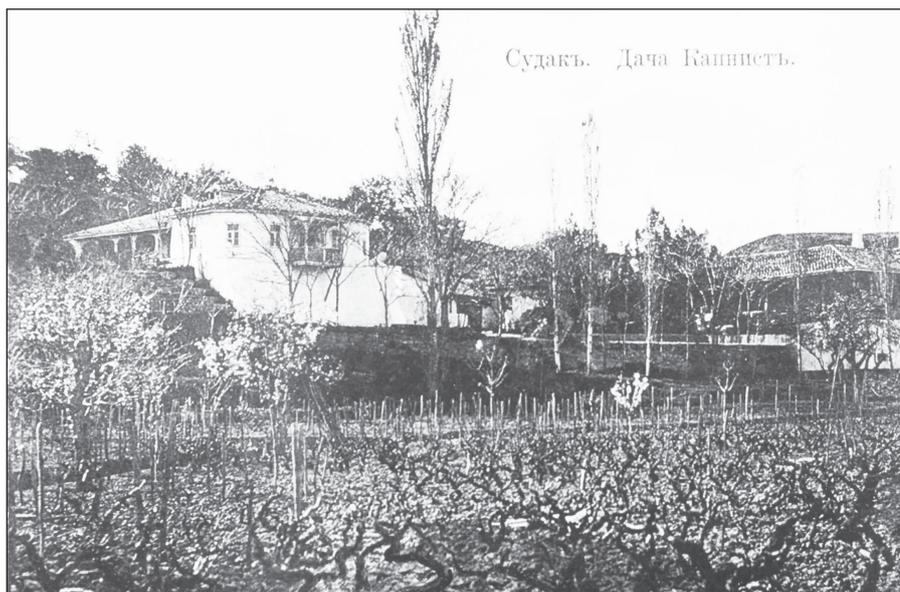
В судакском имении Капнистов был разрушен старый дом, из библиотеки реквизирована вся литература на русском языке, огромный родовой архив XVIII–XIX веков, включавший переписку екатерининских времён, в том числе автографы поэта Гавриила Романовича Державина, заметки, дневники, сожжён.

Разгрому подверглась дача Хорвата в Копселе, где хранились уникальные собрания китайских и японских ваз, нефритов, фарфора, клуазоне, акварели Альберта Николаевича и Александра Николаевича Бенуа, картины Евгения Евгеньевича Лансере, Зинаиды Евгеньевны Серебряковой.

Сравнительно мало пострадала от военных постояльцев Карадагская биологическая станция, если не считать материального убытка в виде 400 вёдер разлитого и выпитого вина.

Подобного рода случаи побудили командующего 4-й армией Южного фронта Владимира Саламановича Лазаревича под давлением Крымревкома 31 декабря 1920 года издать приказ, предписывавший всем воинским частям, дислоцированным в Крыму, бережно относиться к предметам искусства и культуры, а военкомам немедленно сообщать о них в секцию по охране памятников старины и культурных ценностей Крымнаробраза или уполномоченным на местах [31, л. 23]. В совместном приказе председателя Реввоен трибунала Русакова и начальника особого отдела побережья Чёрного и Азовского морей Чернобрового от 11 января 1921 года варварское отношение к предметам искусства, литературы, науки квалифицировалось как преступление, «*подрывающее в корне всякую возможность культурного развития народа и наказуемое самым суровым образом*» [30, л. 2].

На начальном этапе работа Феодосийского охриса сводилась главным образом к регистрации, изъятию из частного владения и концентрации в специальных коллекторах наименее защищённых с точки зрения сохранности движимых памятников истории и культуры: произведений живописи, скульптуры, бронзы, старинной и художественной мебели, оружия, монет, посуды и домашней утвари, ковров, украшений, редких книг. Правовым обеспечением для её проведения послужили приказы Крымревкома от 24 ноября 1920 года о национализации памятников, музеев, коллекций и от 14 февраля 1921 года об

Дом Капнистов в Судаке

учёте памятников и предметов старины [7, л. 1; 25, л. 123]. Постановлением Феодосийского наробраза от 6 декабря 1920 года учреждениям и частным лицам предлагалось в трёхдневный срок предоставить подробные сведения об имеющихся в их ведении художественных ценностях [20, л. 4 об.].

Сначала учёт произведений искусства проводился лишь в Феодосии, что обуславливалось по меньшей мере двумя обстоятельствами. Во-первых, сказывалась нехватка сотрудников. Личный состав Феодосийского охриса, в который входили в основном служащие музеев, насчитывал всего восемь человек. К тому же всякая командировка в уезд до середины 1922 года вследствие бандитского разгула в Крыму была сопряжена с риском лишиться не только имущества, но и жизни. Во-вторых, существовала проблема вывоза ценностей из-за отсутствия транспортных средств. «*Для получения подводы на 2–3 часа, — указывал в докладе о работе за первый квартал 1921 года заведующий Феодосийским охрисом Г. А. Магула, — приходилось употреблять громадные усилия*» [21, л. 375; 23, л. 12].

Феодосийский ревком взял под свою охрану прежде всего крупные хранилища и частные собрания предметов искусства и старины, а именно археологический музей, картинную галерею имени И. К. Айвазовского, бывшую дачу «Денгиз-Сарай» Грамматиковых, мастерские художников Богаевского и Магулы, квартиру известного государственного и общественного деятеля Соломона Самойловича Крыма, собрание зарисовок орнаментов крымско-татарского шитья учительницы Александровского женского училища Александры Михайловны Петровой [21, л. 347; 36, л. 14].

Заведующий Крымохрисом Г. А. Бонч-Осмоловский телеграфным предписанием от 1 февраля 1921 года обязал Феодосийский охрис немедленно принять на хранение справочные материалы по древностям Крыма, путеводители, печатные объявления, распоряжения местных властей и вырезки из газет за 1917–1920 годы, находившиеся в квартире бывшего заведующего Феодосийским музеем древностей Вениамина Давидовича Геймана [36, л. 18].

В апреле 1921 года сотрудники охриса А. К. Магула и Е. Е. Пирлик-Малаявская провели регистрацию художественных ценностей в доме Айвазовского на улице Виноградовской, 2. Само здание галереи первоначально было отведено под хранилище для концентрации национализированных раритетов, а впоследствии там предполагалось устроить Дворец искусств.

Ввиду отсутствия средств для перевозки даже в пределах городской черты часть взятых на учёт ценных коллекций приходилось оставлять на месте, подвергая риску разграбления. Только упрятав в погреб, удалось спасти саксонский фарфор, хрусталь, 22 картины, ковры, бронзу, старинное серебро александровской и николаевской эпох самой богатой по количеству художественных ценностей в Феодосии дачи «Денгиз-Сарай».

В соответствии с постановлением Крымревкома от 29 ноября 1920 года передаче Крымохрису подлежали также археологические и художественные предметы, обнаруженные при вскрытии банковских сейфов [27, л. 17 об.; 28, л. 280]. В Феодосийском отделении Народного банка хранился переданный из Петроградского международного банка ящик с юбилейными подношениями И. К. Айвазовскому, выполненными в виде серебряных художественных изделий. Учитывая сложности переживаемого времени, по согласованию с отделом финансов Феодосийского уездного ревкома приняли решение их не изымать, снабдив банк свиде-

тельством от охриса в том, что находящиеся в его сейфе вещи, принадлежавшие ранее великому маринисту, представляют культурную ценность республики и объявляются неприкосновенными [36, л. 4].

Действия ревкомов по борьбе с расхищением произведений искусства в Феодосийском уезде в большей степени сводились к изданию указаний и предписаний, которые не всегда давали ожидаемый результат. Так, распоряжением от 27 ноября 1920 года Феодосийский наробраз обязал Цюрихтальский ревком принять немедленные меры по охране художественных ценностей в имениях Шейх-Мамай, Субаш, Эссен-Эли, Баран-Эли, Бассалак [36, л. 155]. В Субаше было учтено 20 этюдов маслом художника Михаила Пелопидовича Латри. В Баран-Эли находились его же картины и этюды, библиотека по керамике, склад керамических изделий, фарфор, старинная мебель. Лишь несколько картин М. П. Латри поступило в Феодосийский художественный музей, библиотека погибла, керамика пошла на хозяйственные нужды уездного земельного отдела, а взятый во временное пользование отделом культурно-просветительной работы Цюрихтальского ревкома фарфор исчез бесследно.

На основании приказов Крымревкома от 18 ноября и от 14 декабря 1920 года из частного владения были изъяты все имения Южного берега Крыма, от Судака до Севастополя включительно, и переданы в ведение Управления южнобережских советских хозяйств в Крыму (Южсовхоз) [24, л. 118]. Управление начало свою деятельность 1 декабря 1920 года с составления описей и актов приёма имений. Ответственность за сохранность взятого в них на учёт имущества возлагалась на уездные и волостные ревкомы при ближайшем содействии бывших владельцев или управляющих и рабочих комитетов, учреждённых в национализированных усадьбах.

Весьма показателен в этом отношении препровождённый в Феодосийский уездный наробраз протокол проведённого 2 декабря 1920 года общего собрания рабочих и служащих имения Новый Свет, свидетельствовавший об их высокой ответственности за судьбу доставшегося им культурного наследия. Приведём фрагмент из него: «...имение *Новый Свет* является крупной национальной собственностью в двояком отношении: во-первых, как научная база для русского виноделия, во-вторых, как живописный уголок, где собрано значительное количество ан-

Дом И. К. Айвазовского в Феодосии

Константин Алексеевич
Коровин

тикварных произведений искусства. Бывший владелец имения Голицын соорудил в Новом Свете образцовые подвалы, заполнил их обширной коллекцией вин и принёс их в дар государству в 1912 году <...> мы рабочие и служащие имения <...> считая необходимым сохранить достояние народа, приняли все меры, зависящие от нас меры охраны упомянутых подвалов <...>. Наряду с этим мы считаем нужным озаботиться

охраной <...> находящихся в Новом Свете произведений искусства, а именно: старинной мебели, статуй, бронзы, фарфора, библиотеки, хрустала и картин <...>. Ввиду лучшей охраны их <...> мы считаем нужным собрать в одно место <...> всё имеющее действительную художественную ценность, и устроить музей, доступный для обзора его всеми любителями старины и искусства» [22, л. 23].

Однако, чтобы выяснить реальное положение дел с охраной памятников на местах, одной переписки было явно недостаточно. Поэтому охрису приходилось время от времени отрывать в различные уголки Феодосийского уезда собственных эмиссаров для оказания местным отделам народного образования практической помощи в сбережении ценностей. 5 января 1921 года М. А. Волошин телеграфировал начальнику Управления южсовхозов Никонову:

«В Феодосийском уезде благодаря катастрофическому положению, обусловленному воинскими постоянными и недостатком подвалов, культурные ценности переносятся с согласия владельцев в центральные помещения, намеченные в Судак, Старом Крыму, Отузах, Новом Свете, Карадаге, Коктебеле, Шейх-Мамае, и регистрируются там. Метод вызван практическими требованиями момента» [36, л. 214]. По результатам состоявшегося 4 марта 1921 года совещания музейной секции подотдела искусств Феодосийского наробраза было принято решение командировать в уезд И. Морозова.

Евгения Казимировна Герцык

В ГАРК, в фонде Феодосийского краеведческого музея, имеется фрагмент безымянного отчёта о поездке в Судакский район. В нём приведена информация о проведённых там мероприятиях по спасению произведений искусства бывших частных имений [41, л. 1–2 об.]. Под коллекторы для концентрации художественных ценностей дач Отузской долины были определены старый дом Н. А. Маркса в Нижних

Софья Яковлевна
Парнок

Отузах и помещение Карадагской биологической станции. Мандаты на вывоз ценностей, описание и охрану получили учитель Александрович, артист Русаков и помощник директора станции В. Н. Вучетич. «К художественным катастрофам, — с горечью констатировал автор отчёта, — нельзя не отнести неутверждение писателя Вересаева заведующим Коктебельским подотделом искусств» [41, л. 1].

Художественная студия и библиотека М. А. Волошина, включавшая до шести тысяч томов по искусству, собрание картин, акварелей и архив, сохранились, несмотря на многочисленные попытки взломать двери, чтобы попасть в дом. Но в его личную комнату всё же проникли через окно, унесли документы, кое-какие вещи, сожгли много черновых рукописей.

Главой комиссии по охране культурных ценностей в Судак был назначен заведующий отделом нар-

образа местного ревкома Гюрджманц. Для регистрации произведений живописи, оставшихся на дачах Стевена, Меранвиля, Пружанского, Капона, Гриневича, А. П. Скопник, были привлечены архитекторы Шейман и Долгополов, художник Константин Алексеевич Коровин, директор гимназии Краснов, а для учёта книг — писательница Евгения Казимировна Герцык и поэтесса Софья Яковлевна Парнок. Все учтённые ценности свозились на дачу Романовских, где сохранилась нетронутая обширная библиотека. В отчёте о деятельности Феодосийского наробраза за сентябрь 1921 года указывалось: «...переве-

зены ценности искусства и старины из Шейх-Мамай и приняты в музей искусств. Производится проверка наличия ценностей в музее. Откомандирована в Судак хранительница археологического музея Пирлик для производства описи художественных ценностей в Судаке и Новом Свете» [21, л. 361–361 об.]. К началу 1922 года Феодосийским охрисом было собрано всего около одной тысячи предметов искусства [45, с. 142].

Усадьбам, признанным памятниками истории и культуры, выдавались специальные охранные грамоты. Следует заметить, что советская власть считала недопустимым национализацию предметов художественно-исторического значения, принадлежащих здравствующим представителям творческой интеллигенции (учёным, писателям, композиторам, артистам, художникам или их наследникам), до момента превращения домов и квартир, где они проживали, в мемориальные музеи. Сотрудники охриса обследовали такие коллекции, составляли на них опись в двух экземплярах. Первый сдавался в охрис, а второй оставался у владельца. После этого имущество не подлежало конфискации, владелец же отвечал за его сохранность. Большая часть охранных грамот выдавалась, как правило, по прямому указанию отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР. Свидетельство тому — телеграмма, отправленная 2 декабря 1920 года в адрес Феодосийского ревкома за подписью заведующей музейным отделом Натальи Ивановны Троцкой: «Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса сообщает, что картины и предметы искусства мастерской художника Богаевского находятся в ведении Коллегии, изъятие и вывозу не подлежат. Коллегия предлагает назначить Богаевского хранителем» [36, л. 3]. Охранными грамотами объявлялось неприкосновенным имущество С. Я. Елпатьевского, Т. Л. Щепкиной-Куперник, Е. К. Герцык, композитора А. А. Спендиарова, художников И. К. Айвазовского, М. А. Волошина, К. А. Коровина, Холодовского, инженера-конструктора Шемунского [18, л. 305; 19, л. 203; 29, л. 252–252 об.; 41, л. 2 об.].

Однако наличие охранных свидетельств отнюдь не всегда являлось надёжной гарантией защиты имущества имений от реквизиций. 22 января 1921 года управляющий имением Новый Свет Александр Петрович Глонти, кстати, которому было выдано подобное свидетельство, доводил до сведения М. А. Волошина: «...в имении был произведён обыск, и при обыске взяты относящиеся к старине предметы. Кроме того, арестована Н. Л. Голицына¹, обвинённая в укрывательстве ценностей. Прошу Вас принять меры к её освобождению» [36, л. 28–28 об.].

Осуществлённая в начале 1920-х в Крыму национализация культурных ценностей наряду с положительной стороной, связанной с пополнением музейных фондов, имела и отрицательную. Массовые изъятия из имений раритетов привели к обесцениванию их как памятников усадебной культуры, где органично соединялись удивительная крымская природа, утопающая в зелени парков и садов архитектура построек, а также живопись, скульптура, стильная мебель, образцы декоративно-прикладного искусства, служившие украшением их интерьеров. Дробились цельные художественные коллекции, а многие вещи за бесценок уходили за границу. Дело в том, что 7 февраля 1921 года СНК РСФСР принял постановление «О составлении Государственного фонда ценностей для внешней торговли». Советское государство предпринимало попытки налаживания экономических связей с капиталистическими странами. В марте 1921 года они увенчались подписанием торгового договора с Англией. Поскольку экспортные возможности страны были весьма ограничены, так как экономика находилась на стадии восстановления после разрухи, то продажа предметов роскоши за границу придавалось особое значение. Наркомвнешторгу РСФСР поручалось создать на местах экспертные комиссии в целях отбора, классификации, оценки и учёта «могущих служить для экспорта предметов художественных и антикварно-исторических, а также предметов роскоши» [18, л. 205].

С апреля по август 1921 года в Крыму под председательством управляющего делами Крымревкома В. П. Бугайского работала «Комиссия по изъятию ценностей из дворцов и совхозов для создания товарообменного фонда и передачи в Крыммузей». В её состав вошли командированные из Москвы сотрудники ВЧК Касимов, Керимов, Полищук, заведующий Крымохрисом Бонч-Осмоловский, эксперт-археолог Николай Львович Эрнст, директор Ялтинского художественного музея Анатолий Григорьевич Кореньев, директор Восточного музея Иосиф Александрович Роджеро, художник Владимир Константинович Яновский [35, л. 26]. Деятельность комиссии ограничилась Южным берегом Крыма, причём к сотрудничеству с ней был привлечён и Феодосийский охрис [21, л. 371]. Согласно мандату, выданному 8 сентября 1921 года наркомом внешней торговли РСФСР Леонидом Борисовичем Красиным, Бонч-Осмоловскому поручалось в срочном порядке организовать сбор, вывоз и сосредоточение в музеях и экспертных комиссиях Внешторга предметов искусства, старины и роскоши, находящихся во всех учреждениях Крыма.

Ударные темпы, которыми проводилась первая масштабная реквизиция культурных ценностей име-

¹ Голицына Надежда Львовна (1876–1949) — дочь винодела князя Льва Сергеевича Голицына.

ний, сказались на её качестве. 14 января 1922 года по поручению Крымского обкома РКП(б) КрымСНК создал очередную комиссию по учёту, охране, концентрации и выделению ценностей дворцов, дач и совхозов Крыма во главе с В. П. Бугайским [10, л. 29–29 об.]. Перед ней ставились три основные задачи: а) проведение учёта и описи всех ценностей бывших имений; б) концентрация раритетов в минимальном количестве базисных помещений, обеспеченных охраной; в) распределение изъятого имущества между фондами КрымСНК, Крымвнешторгом, Крымнаркомфином и Крымохрисом. Работа комиссии вызвала решительный протест А. И. Полканова, назначенного в сентябре 1921 года заведующим Крымохрисом вместо убитого в Москву Г. А. Бонч-Осмоловского. И на то были веские причины. В докладной записке от 3 марта 1921 года, представленной в КрымСНК, он указывал на допущенные ею ошибки [14, л. 207–207 об.]. Главная из них заключалась в том, что состав комиссии не отличался компетентностью, а Крымохрис поначалу в ней вообще не был представлен. Вследствие этого при распределении изъятого имущества между различными ведомствами допускалось доведённое до абсурда дробление не только коллекций, но и отдельных вещей, изготовленных из разных материалов вроде передачи статуэтки Крымвнешторгу, а подставки от неё — Крымохрису. Крымнаркомфину передавались все предметы, имевшие хоть немного золота или серебра, несмотря на то что они являлись придатком основного изделия, извьянного из другого материала. 4 апреля 1922 года КрымСНК, заслушав вопрос о работе комиссии В. П. Бугайского, вынес постановление: «а) Работу комиссии на территории Ялтинского уезда считать законченной, б) Комиссии срочно приступить к работе в Новом Свете (Феодосийского уезда)» [12, л. 1].

ВЦИК и СНК РСФСР 8 марта 1923 года издали декрет «Об учёте и регистрации предметов искусства и старины». Для выделения предметов, имевших исключительно музейное значение, предлагалось произвести перерегистрацию собраний и отдельных памятников искусства, состоящих на учёте Главнауки Наркомпроса РСФСР. Исполнение декрета подвергло бывшие южнобережные усадьбы очередным реквизициям со стороны государства.

22 мая 1923 года президиум КрымЦИК постановил: «...произвести полное изъятие из дворцов, имений, санаториев, домов отдыха и совхозов Ялтинского и Феодосийского округов, в чьём бы ведении они ни находились <...> всех художественных ценностей» [15, л. 1]. Выемка поручалась комиссии из представителей КрымЦИК и Крымохриса с участием экспертов. Предметы искусства распределялись между крымскими музеями, а менее ценные вещи

передавались в центральную комиссию по борьбе с последствиями голода при КрымЦИК.

Охвативший в 1922 году весь Крым голод, вызванный небывалой засухой и ошибочной аграрной политикой периода «военного коммунизма», побудил местные власти реквизировать в обменный фонд для закупки продовольствия за границей не только ценности бывших частных имений, но и изготовленные из золота, серебра, драгоценных камней предметы религиозного культа, находившиеся в храмах различных конфессий. Представители Феодосийского охриса, являясь членами межведомственной комиссии по отделению церкви от государства, принимали участие в осмотре и описании имущества Топловского женского и Кизильташского мужского монастырей, Судакской армяно-католической церкви [36, л. 174; 39, л. 12]. Голод вынуждал часть местного, главным образом татарского населения, жертвовать семейными реликвиями, чем не преминули воспользоваться различного рода дельцы. Возникла реальная угроза утраты многих этнографических памятников.

С введением новой экономической политики в приморских портах Крыма появились чёрные рынки, на которых шла бойкая торговля антиквариатом. 10 февраля 1922 года заместитель наркома рабочекрестьянской инспекции Крымской АССР М. Азовский докладывал в Крымский обком РКП(б): «Ко мне поступают сведения из Севастополя и Феодосии, что большое количество исторических и художественных ценностей появилось на рынке и усиленно скупается спекулянтами и импортерами. Часть этих ценностей вывозится на север <...> часть вывозится за границу. По-видимому, появившиеся на рынках Севастополя и Феодосии ценности привезены из дворцов Южного Берега и часть непосредственно из ценностей, имеющихся в распоряжении Наробразов вышеуказанных городов, в особенности, с момента сокращения штатов в Наробразе учёты и хранение их поставлены там неудовлетворительно <...>. Необходимо принять меры как по изъятию ценностей, находящихся уже на рынке, так и должной охране имеющихся налицо ценностей путём концентрации <...> в определённом месте, установленном должного учёта и контроля» [11, л. 15].

24 мая 1922 года КрымСНК принял постановление «О запрещении вывоза за границу художественных ценностей». Данным постановлением частным лицам и учреждениям воспрещался вывоз из пределов Крымской республики за границу и порты Чёрного моря художественных произведений и предметов старины, признанных Крымохрисом подлежащими особой охране со стороны государства.

С середины 1923 года в деятельности Феодосийского охриса наблюдается некоторая переориентация. В связи с завершением в основном работы по регистра-

Мечеть в селе Колечь-Мечеть Феодосийского района

ции коллекций и отдельных предметов художественного назначения главный упор делается на выявление и учёт стационарных памятников — археологических и архитектурных объектов. Утверждённый приказом Крымревкома от 11 августа 1921 года № 450 первый реестр национализированных музеев и памятников культуры был далеко не полным и нуждался в существенном уточнении. В частности, по Феодосийскому уезду в него вошли лишь дом И. К. Айвазовского с картинной галереей, развалины генуэзских крепостей в Феодосии и Судак, ханского дворца в Старом Крыму, мечетей в сёлах Колечь-Мечеть и Карагоз [26, л. 65 об.]. В 1923 году Феодосийский археологический музей завершил составление археологической карты Феодосии с путеводителем к ней и приступил к сбору материалов для изготовления аналогичной карты по округу, что приобретало особую актуальность в связи с начавшимся оживлением хозяйственной деятельности, сопровождавшейся активным освоением земельных участков, на которых находились памятники археологии, а также практиковавшейся перестройкой архитектурных памятников, занятых различными учреждениями [38, л. 166 об.].

Например, Феодосийским городским отделом коммунального хозяйства была обезображена пристройкой открытой сцены генуэзская башня Константина [49, с. 118]. В Старом Крыму процветал традиционный, снискавший печальную славу ещё с дореволюционного времени опыт по добыче камня из вала золотоордынского периода на мощение улиц. Всё это

свидетельствовало о необходимости законодательной защиты культурного наследия прошлого. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1924 года «Об учёте и охране памятников искусства, старины и природы» ремонт, реставрация, переделка, слом и использование взятых на государственный учёт памятников зодчества допускались только с разрешения музейного отдела Наркомпроса РСФСР. Во исполнение указанного декрета президиум Феодосийского горрайисполкома 22 декабря того же года принял постановление «Об охране памятников искусства и старины», которым потребовал от всех домовладельцев и арендаторов, заведующих жилищными товариществами в недельный срок подать сведения об имеющихся на территории домовладений исторических памятниках, будь то церковь, мечеть, фонтан, старые бани, остатки крепостных стен или башен, старые плиты с надписями или орнаментом [39, л. 21].

Постановка на государственный учёт того или иного памятника накладывала определённые обязательства по обеспечению его охраны и поддержанию в надлежащем состоянии, что неизбежно влекло за собой финансовые затраты. В перечень объектов, требовавших неотложного ремонта, были включены остатки стен и крепостных ворот на Карантине, армянский фонтан в Феодосии, мечеть Бейбарса, церковь Св. Анны, медресе в Старом Крыму, мечеть в селе Колечь-Мечеть, четыре башни генуэзской крепости в Судак, мечеть в селе Ак-Моная.

Однако далее составления смет дело не пошло. Скучные ассигнования, выделенные в то время Феодосийскому охрису на памятникоохранительную работу, позволили лишь провести в 1922 году необходимый ремонт здания картинной галереи имени И. К. Айвазовского, а также выполнить в 1924 году небольшой объём ремонтно-реставрационных работ на татарской мечети в селе Колечь-Мечеть Феодосийского района и нанять сторожа для охраны Судакской крепости [36, л. 246; 39, л. 4, 11; 40, л. 26].

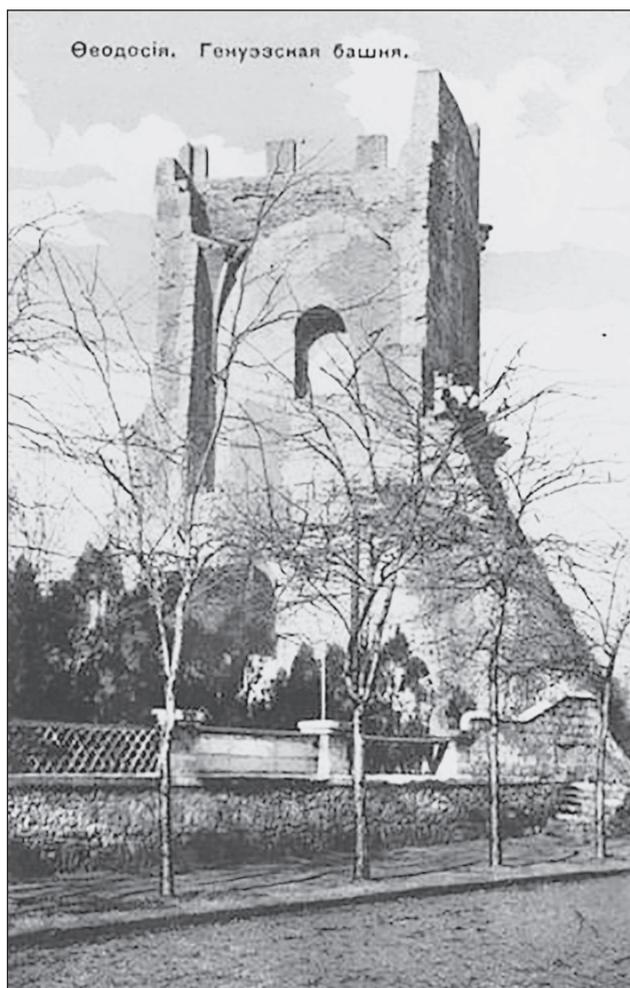
Невозможность обеспечить наружную охрану памятников из-за отсутствия финансирования вынудила прибегнуть пока только к их графической фиксации. В 1924 году по заданию Крымохриса художник К. Ф. Богаевский исполнил 36 акварельных зарисовок архитектурных памятников Феодосии, Судака, Старого Крыма, Арабата [40, л. 55; 16, л. 4; 3, с. 28; 6, с. 108].

Одним из важнейших направлений деятельности Феодосийского охриси являлось пополнение уже существовавших и открытие новых музеев. Практически весь контингент его служащих состоял из музейных работников. Согласно выявленной в ГАРК требовательной ведомости на зарплату за январь 1922 года, он выглядел следующим образом: Г. А. Магула — заведующий охрисом и одновременно хранитель галереи Айвазовского, В. А. Успенский-сотрудник охриси, Е. Е. Пирлик-Маляевская — хранитель археологического музея, А. К. Магула — сотрудник музея художественных ценностей, Е. Н. Шевченко — сторож археологического музея, Ф. И. Дорменко — сторож галереи И. К. Айвазовского, И. Ф. Притуленко — сторож музея художественных ценностей, П. Алхимова — уборщица [37, л. 1]. Упомянутым выше приказом Крымревкома от 24 ноября 1920 года в ведение охриси перешли функционировавшие до революции Феодосийский музей древностей, переименованный в археологический, и картинная галерея имени И. К. Айвазовского. Социалистическая идеология внесла изменение в само содержание понятия «музей». Из полузакрытых хранилищ собраний и коллекций, чем фактически музеи были раньше, им предстояло превратиться в центры научно-исследовательской работы и прежде всего просвещения народных масс.

На деле же заведующему Феодосийским охрисом Г. А. Магуле пришлось вести продолжительную борьбу за освобождение дома И. К. Айвазовского от присутствия посторонних учреждений. Первоначально Феодосийскому охрису в этом здании принадлежали одна комната и два зала. Однако уже 10 января 1921 года комната и один из залов были реквизированы под читальню и библиотеку гарнизонного клуба. Помимо клуба, в доме размещались театр и кинотеатр «Звезда», Феодосийская ЧК, ударная тройка по ликвидации белогвардейского артиллерийского склада, а в помещении под деревянной лестницей проживала семья из трёх человек. Главным препятствием открытия галереи для всеобщего обозрения являлись отсутствие необходимых экспозиционных площадей и невозможность обеспечить надлежащие условия хранения экспонатов. На втором этаже в зале квартиры М. Х. Лампси находились вывезенные из бывших частных домов Феодосии и имений уезда ценности для местного художественного музея и ковры, отобранные Крымвнешторгом для реализации за границей.

Телеграфным распоряжением от 5 февраля 1921 года Заведующий Крымнаробразом И. К. Фирдевс потребовал от Феодосийского ревкома в срочном порядке ввиду огнеопасности освободить дом Айвазовского от всех занимаемых его учреждений и передать его отделу искусств для организации музея [36, л. 21].

Башня Константина в Феодосии

11 мая 1921 года Феодосийская районная рабоче-крестьянская инспекция, ревизовавшая галерею, нашла охрану ценностей крайне неудовлетворительной, указав на ряд недостатков, а именно: а) один не запирающийся даже ночью общий вход с улицы в часть здания, занимаемую галереей и сотрудниками ЧК; б) эксплуатация помещения под деревянной лестницей в качестве жилья с неизбежным использованием для освещения керосинок и коптилок; в) плохие запоры вообще и отсутствие таковых во многих дверях.

26 мая 1921 года вследствие возгорания будки кинематографа в галерее возник пожар, к счастью, вовремя потушенный. Созванная на следующий день Г. А. Магулой комиссия в составе архитекторов Г. Л. Кейля, В. А. Рогозинского, художника К. Ф. Богаевского, осмотрев здание, признала, что оно находится в опасности из-за устройства на хорах галереи кинематографа и плохого состояния электрической проводки [21, л. 376].

Только 26 июля 1921 года полномочная комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма вынесла окончательное постановление об освобождении дома

И. К. Айвазовского от частных жильцов, складов и прочих учреждений как военного так и гражданского ведомств, с тем чтобы использовать его для целей исключительно художественно-научного назначения [19, л. 203]. Феодосийскому уездному ревкому совместно с отделом наробраза поручалось взять на учёт все оригиналы картин И. К. Айвазовского, находившиеся как у частных лиц, так и в ведении разных учреждений. Кроме того, было принято решение о создании компетентной комиссии для срочной проверки наличия картин Айвазовского, перемещённых в сарай во дворе дома в связи с ремонтом помещения галереи. Феодосийский ревком охранной грамотой, датированной 29 августа 1921 года, закрепил музейный статус дома И. К. Айвазовского [33, л. 3]. По завершении ремонта 14 декабря 1922 года картинная галерея распахнула свои двери для посетителей [2, с. 52]. В ее фондах насчитывалось 173 полотна Айвазовского и других известных мастеров живописи [47, с. 15]. Там же в 1923 году была развернута экспозиция Феодосийского художественного музея, созданная на основе предметов искусства и старины, рекувизированных в домах эмигрантов [36, л. 185, 212]. Указанный музей наряду с созданными в 1921 году Судакским художественно-историческим и Новорусским художественно-бытовым музеями, по сути, являлись хранилищами бессистемного музейного материала, добытого в процессе массовой национализации, и просуществовали недолго [29, л. 252–252 об.; 5, с. 35]. Значительная роль в популяризации культурного наследия прошлого отводилась старейшему в Крыму Феодосийскому археологическому музею.

В докладе о работе Феодосийского наробраза, составленном 28 декабря 1920 года, о нём упоминалось довольно лаконично: «...функционирует музей древностей, посещаемый экскурсантами красноармейцами <...>» [21, л. 355 об.]. Более полная информация о его деятельности в послереволюционный период представлена в музейном отчёте за 1923 год, подготовленном по запросу Крымохриса. В нём нашли отражение такие вопросы, как структура и штаты музея, способы поступления экспонатов, важнейшие проведённые мероприятия [38, л. 166–167].

Первоначально в построении музейной экспозиции был сохранён прежний принцип классификации экспонатов по народностям. Все коллекции располагались в одном зале с разделением на отделы: эллинский, византийский, генуэзский, армянский, турецко-татарский, еврейский, русский. В перспективе предстоявшего изменения профиля музея на краеведческий намечалась перегруппировка коллекций с учётом разбивки экспозиции на три отдела: отдел эллинской культуры (античная Феодосия), отдел генуэзской культуры с татарско-турецким, армянским и еврейским подотделами (средневековая Кафа) и отдел

современной Феодосии со времени присоединения Крыма к России. Предполагалось с возможной полнотой осветить производственную и бытовую сторону каждой эпохи с демонстрацией вспомогательного иллюстративного материала в виде карт, планов, таблиц.

Нуждалась в пополнении нумизматическая коллекция музея, изрядно оскудевшая после вывоза в 1918 году в Москву большевистски настроенными матросами около 2000 разных, в том числе золотых монет. В 1923 году в музей поступили девять монет, купленных у частных лиц, три эллинские амфоры, одна из раскопок кургана у села Барак, остальные найдены при прокладке водопровода у села Кринички.

Полностью были закончены каталогизация музейных коллекций с их научным описанием, инвентаризация экспонатов и составление путеводителя по музею. По состоянию на 3 октября 1923 года в инвентарной описи числилось 1348 музейных предметов, а в научной библиотеке — 1240 книг [38, л. 164].

Культурно-просветительская работа в основном сводилась к экскурсионному обслуживанию посетителей. Заведующей музеем Е. Е. Пирлик-Маявской по заявкам Феодосийского районного бюро профсоюзов для учащихся проводились лекции по истории Феодосии с использованием экспозиционных материалов. По окончании лекций слушатели, обычно в сопровождении членов организованного при музее кружка «Юный археолог», отправлялись на экскурсии по местным достопримечательностям. Удалённость от центра города расположенного на горе Митридат музея, с одной стороны, отрицательно сказывалась на его посещаемости, а с другой — в обстановке захлестнувшего полуостров бандитизма делала его уязвимым с точки зрения охраны.

В своей статье А. И. Полканов отмечал, что «нельзя назвать ни одного музея в Крыму, который не подвергался бы налетам в промежутке между 1921–1923 гг.» [50, с. 99]. Не избежал этой участи и Феодосийский музей. 14 марта 1921 года Г. А. Магула писал начальнику Феодосийского уездного отделения милиции: «Отдел искусств просит Вас назначить охрану при Археологическом музее, находящемся на Митридате, так как были неоднократные попытки вторжения в музей. В случае, если невозможно поставить часового, просим выдать нашему сторожу» [23, л. 14]. Аналогичное обращение было направлено Феодосийским ревкомом в Феодосийский уездный военкомат. К сожалению, эти просьбы остались без удовлетворения. 23 декабря 1922 года грабители взломали замок и похитили из музея три картины, одна из них — «Древняя Феодосия» кисти И. К. Айвазовского [38, л. 166].

Тяжёлое финансовое положение, в котором оказалась Крымская АССР в 1923 году, заставило ввести жесточайший режим ограничения расходов, вслед-

ствие чего прекратилось финансирование учреждений Крымохриси из республиканского бюджета. Снятие с госбюджета крымских музеев, имевших общегосударственное значение, ставило под угрозу само их существование, так как большинство из них, за исключением Алушкинского и Ливадийского дворцов, Панорамы обороны Севастополя, не могли функционировать на основе самоокупаемости. Предстояли поиски выхода из сложившейся ситуации. Декретом СНК РСФСР от 19 апреля 1923 года «О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей» учреждениям, подведомственным Наркомпросу РСФСР, разрешалось получение доходов от взимания входной платы, продажи изданий, сдачи в аренду земельных участков, строений, не имевших историко-художественного значения, но связанных с музеями. Прежде всего Крымохрис установил твёрдую входную плату во все музеи. Посещение галереи Айвазовского стоило 30 копеек, Феодосийского археологического музея — 15 копеек [8, л. 35]. Однако введение платного посещения не дало ожидаемого эффекта. Например, за ноябрь 1923 года в галерее Айвазовского было продано всего 89 билетов, а в археологическом музее — 19 [38, л. 10]. Тем не менее поступление дополнительных средств дало возможность археологическому музею произвести неотложный ремонт помещения, приобрести несколько экспонатов, осуществить обследование памятников в Феодосийском округе.

И всё же Крымохрису пришлось решать наиболее болезненный вопрос, касавшийся очередного сокращения штатов работников музейных учреждений. Состоявшаяся 27 сентября 1923 года конференция представителей окружных охрисов в принятой резолюции сочла необходимым в целях сокращения управленческих расходов пересмотреть музейную сеть. Подлежали ликвидации Феодосийский, Судакский и Новосветский художественные музеи. Вновь назначенный заведующий Феодосийским охрисом Н. С. Барсамов получил мандат на вывоз всех экспонатов Судакского и Новосветского музеев в Феодосию [13, л. 643]. Феодосийский археологический музей предстояло объединить с картинной галереей, переместив его экспонаты в дом Айвазовского, что вызывало определённые сложности. О них 24 октября 1924 года Н. С. Барсамов сообщал в Феодосийский горисполком: «Ввиду значительного сокращения в предстоящем году ассигнований по госбюджету на содержание музея Уполномоченным Крыммузея (А. И. Полкановым. — С. А.) предложено перевести Археологический музей из имеющегося здания в подвальное помещение Художественного музея, а обслуживающий его личный состав уволить. Ввиду того, что Археологический музей существует больше, чем сто лет, что специально соору-

жённое строение представляет большую ценность, что коллекции музея весят более 600 пудов, многие из них вделаны в стены строения, что подвальное помещение, куда предлагается поместить музей, плохо освещено и заливается ливневыми водами, — перевозка ценностей представляется нецелесообразной и дорого будет стоить, тем более что здание музея, оставленному без охраны, угрожает разрушение. Ввиду изложенного прошу постановить об оставлении музея в отведённом под него помещении и принять его содержание на местный бюджет» [38, л. 169–169 об.]. Однако, судя по всему, городские власти тогда оказались не в состоянии профинансировать отдельно расходы музея.

Через год такое перемещение всё же произошло, при этом изменилось не только местонахождение музея, но и его профиль — с археологического на краеведческий [40, л. 39, 59]. Сокращения коснулись не только штатов музеев, но и управленческого аппарата Крымохриси.

К началу 1925 года ликвидируется институт его уполномоченных по округам, что, собственно говоря, и привело к свёртыванию деятельности окружных охрисов [46, с. 45]. Их функции по охране памятников истории и культуры перешли непосредственно в компетенцию местных музеев.

Таким образом, в деятельности Феодосийского охриси можно выделить два периода. В первый период (1920–1922 гг.) основное внимание уделялось учёту и изъятию из частного владения художественных ценностей. Концентрация произведений искусства в уже существовавших и вновь созданных музеях позволила защитить их от уничтожения и разграбления, которым они подвергались особенно во время постоев в имениях Феодосийского уезда частей Красной армии. Вместе с тем нельзя не обратить внимания и на негативную сторону национализации. Массовое изъятие из дворцов и особняков раритетов, одна часть которых поступила в музейный фонд, а другая пошла на продажу за границу, обесценило их как комплексные памятники усадебной культуры. Во второй период функционирования Феодосийского охриси (1923–1924 гг.) основные усилия его сотрудников были направлены на выявление, регистрацию и графическую фиксацию археологических и архитектурных памятников, а также непосредственно на музейную работу, связанную с инвентаризацией коллекций и их научной обработкой, перестройкой экспозиции и экскурсионным обслуживанием посетителей. Недостатком памятникоохранительной деятельности этого времени явилось слабое финансирование, не позволившее осуществить необходимый ремонт памятников и приведшее в конечном итоге к сокращению музейной сети, штатов музейных работников и ликвидации самого Феодосийского охриси.

1. Асанова У. К. Новые документы по истории музейного дела в Крымской АССР в 20-е годы XX века из фондов Государственного архива Российской Федерации // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (серия «Исторические науки»). Т. 23 (62). № 1 : спецвып. «История Украины». 2010. С. 10–21.
2. Барсамов Н. С. 45 лет в галерее Айвазовского. Симферополь : Крым, 1971.
3. Бащенко Р. Д. Константин Фёдорович Богаевский. Симферополь, 1963.
4. Бойцова Е. Е., Онучина М. В. Музейное строительство в Севастополе в 1920-е годы. Севастополь : Рибэст, 2011.
5. Вишневская Е. Б. Концепция развития музеев в ретроспективе нашей истории (20-е годы XX в.) // IX Таврические научные чтения. Ч. 1. Симферополь, 2009. С. 34–51.
6. Воронкова О. Над Понтом Эвксинским. М., 1982. С. 108.
7. ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 1.
8. ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАРК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1442.
10. ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 21.
11. ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 113.
12. ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 120.
13. ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 208.
14. ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 372.
15. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 102.
16. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 321.
17. ГАРК. Ф. Р-1025. Оп. 1. Д. 4.
18. ГАРК. Ф. Р-1025. Оп. 1. Д. 49.
19. ГАРК. Ф. Р-1025. Оп. 1. Д. 78.
20. ГАРК. Ф. Р-1025. Оп. 1. Д. 103.
21. ГАРК. Ф. Р-1025. Оп. 1. Д. 107.
22. ГАРК. Ф. Р-1025. Оп. 1. Д. 110.
23. ГАРК. Ф. Р-1025. Оп. 1. Д. 203.
24. ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 3.
25. ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 13.
26. ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 15.
27. ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 20.
28. ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 42.
29. ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 164.
30. ГАРК. Ф. Р-1202. Оп. 3. Д. 114.
31. ГАРК. Ф. Р-1627. Оп. 2. Д. 14.
32. ГАРК. Ф. Р-3814. Оп. 1. Д. 173.
33. ГАРК. Ф. Р-3814. Оп. 1. Д. 177.
34. ГАРК. Ф. Р-3814. Оп. 1. Д. 180.
35. ГАРК. Ф. Р-3814. Оп. 1. Д. 339.
36. ГАРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 1.
37. ГАРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 2.
38. ГАРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3.
39. ГАРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 4.
40. ГАРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 5.
41. ГАРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 24.
42. ГАРК. Ф. Р-5043. Оп. 2. Д. 100.
43. Козлов В. Ф. Источники об охране и использовании памятников истории и культуры в Крыму. 1917–1928 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : МГИАИ, 1984.
44. Козлов В. Ф. Обзор документов ОПИ ГИМ о музейном деле и охране памятников истории и культуры в Крыму в первые годы Советской власти // История и источниковедение архивного дела в СССР : межвуз. сб. М., 1984. С. 81–89.
45. Козлов В. Ф. Охрана исторических памятников в Крыму (1920–1941 гг.) // Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация. М. : ГОСНИИР, 1994. Вып. 15. С. 126–156.
46. Марти Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.
47. Отчёт первого съезда Крымского областного комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (Крымохрис) в г. Севастополе. 5–9 октября 1922 г. Бахчисарай, 1922.
48. Петрова Э. Б. Феодосийский музей древностей в начале 1920-х годов: Е. Е. Пирлик-Шоститко-Маляевская // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. 8 (III). Серия А : Античность и средневековье. Избранные материалы IX Международной конференции «Лазаревские чтения». Севастополь : Филиал МГУ в Севастополе. 2011. С. 12–18.
49. Полканов А. И. Охрана памятников в Крыму за советский период // ИТОИАЭ. Симферополь. 1928. Т. 2. С. 171–180.
50. Полканов А. И. История музейного дела и охрана памятников культуры за десять лет Советской власти в Крыму // ИТОИАЭ. Симферополь. 1930. Т. 4. С. 93–23.
51. Хливнюк А. В. Из истории охраны культурных ценностей в Крыму в 20-е годы XX века: по материалам Центрального муниципального архива Москвы // ИНК. Симферополь : Антиква. 2007. № 20. С. 7–17.
52. Хливнюк О. В. Охорона культурної спадщини в Криму (1887–1941 рр.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 26.00.05. Київ : Центр пам'яткознавства НАН України та УТОШК, 2009.

История государственного строительства в Крыму

А. С. Кравчук

К истории российского государственного строительства в Таврической губернии (первая половина XIX века)

Современные исторические процессы заставляют нас обратиться к истокам российского государственного строительства в Крыму, к процессу интеграции полуострова в состав империи.

Создание Таврической губернии было связано с общеимперской административной реформой, проводимой Александром I на заре его царствования. В ходе реформы Новороссийскую губернию, оформившуюся при Павле I, разделили на три новые: Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую. Уже 17 мая 1803 года Николаевская губерния была переименована в Херсонскую по причине переноса административного центра: *«По сведениям, от местного начальства доставленным, находя неудобным оставить губернское управление в Николаеве, как по трудностям отопления, так и потому, что Морское управление, там ещё находящееся, составляет само по себе часть обширную. Мы признали за благо губернскому управлению быть в Херсоне, и вследствие того, губернию Николаевскую теперь именовать Херсонскою»* [1].

Особый интерес вызывает указ о создании новых административных единиц на юго-западе Российской империи, датированный 8 октября 1802 года. Николаевская и Екатеринославская губернии создавались на основании *«Учреждения о губерниях 1775 года»*. Для Таврической же губернии и некоторых городов края были оговорены иные условия. Административное устройство Таврической губернии описывалось довольно подробно: *«Поелику Таврическая губерния представляет в положении своём*

особенные виды к населению её и расширению торговли, то предполагаем со временем сделать в пользу её особенные учреждения и дать ей приличные коммерческие выгоды и льготы» [2].

По указу от 8 октября 1802 года администрация Таврической губернии разделялась на два органа: Таврическое губернское правительство и Таврический гражданский и уголовный суд.

Основной функцией Таврического губернского правительства был разбор казённых и губернских дел: *«Дела в Таврическом губернском правительстве разделяются на две экспедиции — исполнительную, к коей принадлежит всё, что по «Учреждению о губерниях» относится к губернскому правлению, и на казённую, в коей ведаются все дела казённые и экономические, на том же основании, как в казённых палатах. В первой из сих экспедиций председательствует губернатор и присутствуют два советника. Второй экспедицией управляет вице-губернатор, заседают два советника и губернский казначей»* [3]. Особое устройство просуществовало до 4 октября 1838 года, указ Правительствующего сената гласил: *«...переименовать экспедиции Таврического губернского правительства исполнительную — в губернское правление, а казённую — в казённую палату. Принять к сведению и с сего времени правительству именоваться Таврическим губернским правлением»* [4].

Все дела, поступающие в губернское правительство, разделялись по специальным экспедициям. Эти органы губернского управления должны были

собирать необходимые сведения и, если дело не требовало вмешательства вышестоящих инстанций, выносили решение. В противном случае дело представлялось на рассмотрение общего собрания правительства, в котором губернатор выступал как президент, а вице-губернатор — как вице-президент. Советники и губернский казначей входили в общее собрание. Дела решались на основании законов, большинством голосов. Жалобы на принятие решений должны были направляться в Сенат. Кроме того, в распоряжении губернатора находились два ассессора, которые должны были отправляться на места для сбора информации, ревизии дел и присутственных мест. В Таврическом правительстве существовала должность прокурора 6-го класса в соответствии с «Учреждением о губерниях 1775 года».

Проведя анализ и сравнение административного устройства Таврической губернии и губерний, созданных на основании «Учреждения о губерниях 1775 года», в частности Херсонской и Екатеринославской, следует сделать следующие выводы. Основные функции Таврического губернского правительства соответствовали губернскому правлению и казённой палате. Различался их численный состав. Так, в Таврическом губернском правительстве было на одного ассессора 8-го класса больше. Кроме того, в Таврической казённой экспедиции присутствовали четверо присяжных из отставных гвардии или от армии унтер-офицеров с окладом по 80 рублей в год. В казённых палатах Екатеринославской и Херсонской губерний такие посты предусмотрены не были. Обычно на эти должности назначались по два чиновника — из крымских татар и русских. Делалось это для привлечения местного населения к управлению губернией. Их функции носили совещательный характер.

Второй орган, Таврический гражданский и уголовный суд, «производит и решает дела на основании и для палат гражданских и уголовных. Разделяет их по существу каждого в канцелярском только приготовлении. Присутствие суда состоит из одного председателя, двух советников и двух ассессоров» [5].

При выборе заседателей в нижние земские суды нужно было руководствоваться следующим предписанием: «...при земском исправнике полагается 4 заседателя, определяемых на общих правилах по выбору от дворянства, но так как из татарских дворян мало ещё таких, кои бы знали русский язык и могли отправлять дела, то в каждом нижнем земском суде должны быть 2 заседателя из дворян российских. Если на первый случай окажется в оных недостаток, то губернское правительство может определять на оные места от себя достойных людей» [6]. Такая мера привела к явно нежелательным последствиям. Губернатор, назначая чиновников

в нижние земские суды, фактически полностью контролировал их деятельность [7]. Кроме того, малочисленность дворянства в Таврической губернии привела к ещё большему развитию бюрократизма и массовым злоупотреблениям чиновников. На многие выборные должности назначались государственные служащие, большинство из которых уклонялись от прямых обязанностей. Такая ситуация привела к всплеску жалоб, поступающих в Сенат. Вот что по этому поводу писал 17 июня 1816 года херсонский военный губернатор и градоначальник Одессы Александр Фёдорович Ланжерон: «*До Её Императорского Величества дошли сведения, что чиновники Таврической губернии, долженствующие служить по выборам, уклоняются от сей службы. Поэтому требую наказать нерадивых по всей строгости законов, прошу покорнейше доставить мне сведения, какие где есть чиновники и по каким причинам не вступили в должности или с какого времени уклоняются от оной. А между тем предложить губернскому правительству сделать распоряжение, чтобы все сии чиновники находились при своих местах и действовали бы со всем усердием по долгу службы*» [8].

При выяснении всех обстоятельств обнаружилось: злоупотребления были настолько серьёзными, что возникла необходимость создания специальной следственной комиссии: «*Вследствие злоупотреблений, существующих по Таврической губернии, по предметам, касающимся министерства полиции и министерства финансов, нужно создать специальную комиссию и для обнаружения истины командировать туда от сих министерств по одному чиновнику*» [9]. Комиссия начала работу в июле 1816 года и состояла из семи человек [10]. Результатом её деятельности стало отстранение целого ряда государственных служащих в Таврической губернии. Особенно много смещений последовало в Днепровском и Мелитопольском уездах.

Уездные суды при учреждении губернии создавались только в Мелитопольском и Днепровском уездах. Жалобы на решения этих судов должны были поступать в Таврический гражданский и уголовный суд. По причине недостатка дворян в этих уездах заседатели назначались губернатором. На самом полуострове создание уездных судов откладывалось умышленно, так как считалось, что это затруднит жизнь колонистов, прибытие которых ожидалось в большом количестве.

В Тмутараканском уезде не предусматривалось создание ни уездного, ни нижнего земского суда: «*потому что Войско Черноморских казаков по пожалованному ему грамотам состоя на особых правах, кои ныне остаются неприкосновенны. По содержанию указа 25 февраля 1802 года имеют у себя*

особенное войсковое правительство, Таврическому губернскому правительству подчинённое» [11].

Приказом общественного призрения в Таврической губернии должен был управлять губернатор, а губернский предводитель дворянства выступал в роли советника. Такое устройство было характерно для большинства губерний [12]. Городская и сельская полиция напрямую подчинялась губернатору, а воинский инспектор, хотя и не был непосредственным подчинённым руководителя губернии, должен был содействовать ему.

Городничие, в функции которых входило следить за полицией, назначались в уездные города: Симферополь, Перекоп, Евпаторию, Феодосию — и самые крупные города Крыма: Севастополь, Бахчисарай, Карасубазар (ныне Белогорск), Керчь-Еникаль. В Перекопе, кроме городничего, находился комендант. Основной функцией городничего было наблюдение за порядком в соседнем городе Армянский Базар (ныне Армянск).

Предусматривалось два уездных казначея — в Симферополе и Перекопе. Во всех присутственных местах вводилась должность переводчика. Медицинская управа создавалась также на основании «Учреждения о губерниях 1775 года». Сохранялся учреждённый в 1794 году Духовный магометанский суд, но он переносился из Карасубазара в Симферополь. Ликвидировался созданный в 1797 году Консулат для покровительства торговле, так как функции, возложенные на него, выполняли губернатор и Таврическое губернское правительство.

Торжественное открытие губернии состоялось 8 октября 1802 года: «По указу Его Императорского Величества Таврическое губернское правительство

по исполнительной экспедиции приказали: в 8 день октября 1802 года в городе Симферополе открыть губернские места: губернское правительство, состоящее из 2 экспедиций — исполнительной и казённой; гражданский и уголовный суд; приказ общественного призрения и врачебную управу» [13]. При открытии губернии присутствовал Николаевский военный губернатор генерал-лейтенант Сергей Андреевич Беклешов (1752–1803), который отдал распоряжение как можно скорей направить всех необходимых чиновников в уездные присутственные места. Штаты губернских и уездных чиновников были утверждены 13 марта 1806 года, этим же указом подтверждалось разделение губернии на семь уездов [14].

Создание Таврической губернии не обошлось без сложностей [15]. Одним из спорных вопросов стало определение границ новых губерний, особенно остро происходило разграничение между Таврической и Херсонской губерниями, происходившее летом-осенью 1804 года. Для этой цели создавалась специальная комиссия. Основная часть границы должна была пройти по пределам существовавшей ранее Таврической области. Сложность заключалась в выборе естественных рубежей между Херсонской и Таврической губерниями. Таврический губернатор Д. Б. Мертваго и руководитель специальной комиссии губернский землемер Иван Неклин настаивали на том, чтобы границей стала река Днепр. Херсонский военный губернатор Андрей Григорьевич Розенберг настаивал на реке Конке (Конская). Ситуацию осложнял и личный конфликт между херсонским военным губернатором и его подчинённым в Симферополе.

К. Боссоли. Вид на Симферополь. 1856

Герб Евпаторийского уезда

В результате принято компромиссное решение. Граница шла в основном по реке Днепр и частично по реке Конке. Такой выбор аргументировался следующим: «1-е — если бы река Днепр отошла в Херсонскую губернию и сделалась границею речка Конка, то состоящие между реками плавенные места, особенно во время весны и по осени, были бы отрезаны. Само собою разумеется, власть и сила земской полиции со стороны губернии Херсонской на той немалой части слабо может действовать, а чрез то бродяги и разбойники в оных землях пристанище и прожитие имеют могут. Именно так и было до недавнего времени. Со стороны Таврической губернии управлять сими землями удобнее. 2-е — жители уездов Днепровского и Мелитопольского получают от реки Днепр строевой и дровяной лес; деревянную и глиняную посуду; а за неурожаем — хлеб и всё к прожитию нужное. 3-е — от домашних же своих избытков и рукоделий привозят на берега реки Днепр для свозки по оной на продажу в разные города и Черноморские порты. Если река Днепр в другую губернию отойдёт, не смогут они иметь таких удобств, коими до сего пользовались» [16].

При создании губерния была разделена на семь уездов: Днепровский — уездный город Олешки (ныне город Цюрупинск Херсонской области); Евпаторийский — уездный город Евпатория; Мелитопольский — уездный город Орехов (ныне город в Запорожской области); Симферопольский — уездный город Симферополь; Перекопский — уездный город Перекоп; Феодосийский — уездный город Феодосия; Тмутараканский, к нему также относились земли Войска Черноморского.

Герб Симферопольского уезда

Территория Войска Черноморского была разделена на четыре округа, каждый из которых имел свой административный центр: Екатеринодарский — окружной центр в селе Медведовском; Таманский (Фанагорийский) — окружной центр в крепости Тамани; Бейсугский — окруж-

ной центр в селе Брюховецком; Ейский — окружной центр в селе Щербиновском [17]. По указу Правительствующего сената от 25 февраля 1802 года для управления территорией Войска Черноморского создавалось Войсковое правительство, которое по военным делам подчинялось инспектору Крымской инспекции, по гражданской части состояло в ведомстве таврического гражданского губернатора. Отменялось присутствие специального генерала, а в канцелярии должен был служить прокурор седьмого класса, находящийся в подчинении губернского прокурора. Административный центр Войска Черноморского переносился из Екатеринодара (сейчас город Краснодар) в Тамань: «По совершенно нездоровому местоположению города Екатеринодара войсковую канцелярию перевести в Тамань, предоставляя жителям Екатеринодара полную свободу оставаться на месте, или переселиться в Тамань. Составление штата для Войсковой канцелярии препоручить генералу Дашкову» [18].

Каждый округ имел своё сыскное начальство — орган военно-административного управления, в ведении которого находились военные, гражданские, судебные, административные и финансовые дела и полицейский сыск. В эти начальства поступали распоряжения Войскового правительства, на основании которых они осуществляли свою деятельность. В судебном отношении сыскные начальства выполняли функции уездных и земских судов, а также земской полиции. Жалобы на их приговоры подавались в Войсковое правительство как высшую судебную инстанцию области. Сыскным начальством руководили окружной начальник и два члена. Округа состояли из куренных селений во главе с куренными атаманами, избиравшимися на эту должность казаками из своих рядов. Куренной атаман составлял наряды на различные «общественные тягости», на внутреннюю по войску службу и на действительную службу.

Всего в Войске насчитывалось 40 куренных селений, которые имели такие же названия, как и в Запорожской Сечи [19]. Город Екатеринодар был отдельной административной единицей со своим градоначальником. 17 апреля 1820 года Черноморское войско и Таманский гарнизонный полк причислили к составу войск Отдельного Грузинского корпуса [20]. С этого времени Тмутараканский уезд как административная единица Таврической губернии прекратил своё существование.

Рост численности населения края и стремление улучшить управление Южным берегом Крыма привело к созданию 15 апреля 1838 года Ялтинского уезда. К этому времени этот регион Таврической губернии становится местом концентрации имений российской знати. В конце XVIII — первой половине XIX века земли на берегу Чёрного моря по-

купают такие видные деятели своего времени, как Н. С. Мордвинов (в Ялте), А. М. Бороздин (в Кучук-Ламбате), А. Э. Ришелье (в Гурзуфе), М. С. Воронцов (в Алушке и Массандре), граф Л. С. Потоцкий (в Ливадии), князя Голицыны (в Кореизе и Гаспре). С 1825 года начинают строить свои имения в Крыму члены императорской фамилии. Император Александр I по пути из Ялты в имение М. С. Воронцова остановился в Ореанде, где позже приобрёл большой участок земли. После его смерти имение Нижней Ореанды перешло по наследству к Николаю Павловичу.

Развитие инфраструктуры и строительство дорог способствовало административным преобразованиям: «Приняв во внимание особенное местное положение южного берега полуострова Таврического, быстрое возрастание там населения и приметное между жителями распространение промышленности, признали Мы за благо, для устранения неудобств, происходящих от накопления дел в присутственных местах уезда Симферопольского, учредить в Таврической губернии новый уезд. Вследствие ходатайства местного начальства и согласно с представлением Министра внутренних дел, в Государственном совете рассмотренным, повелеваем: из части нынешнего Симферопольского уезда, заключающей в себе, сверх Южного Берега Крыма, три по эту сторону гор волости и греческие селения, составить новый уезд, под названием Ялтинского. Переименовать местечко Ялту городом, и определив границами сего уезда: с юга Чёрное море, а с прочих трёх сторон уезды: Симферопольский и Феодосийский, по черте, на прилагаемой при сём карте означенной» [21].

Указ предусматривал создание в Ялте уездных и городских органов управления: «По прилагаемому при сём штату учредить в Ялте городское и уездное управление. Рассмотрение судебных дел Ялтинского уезда, впредь до умножения в нём населения, поручить Симферопольскому уездному суду. Наименовать оный Симферопольским и ялтинским окружным судом. Избрание окружного судьи производить, на общих основаниях, дворянству Симферопольского и Ялтинского уездов, а заседателей от дворянства и поселян избирать от каждого из сих уездов по одному. Дела по имениям малолетних дворян Ялтинского уезда поручить заведыванию Симферопольской Дворянской опеке, наименовав и её Окружную симферопольскую и ялтинскую. Председателю оной, который также должен быть избираем дворянством обоих уездов, именоваться предводителем дворянства симферопольского и ялтинского» [22].

Создание некоторых городских органов управления откладывалось до тех пор, пока население Ялты

не достигнет нужной численности: «Об учреждении в Ялте магистрата, думы и сиротского суда, представить местному начальству войти с особым представлением, когда сие по местным обстоятельствам будет признано возможным и нужным. До того времени купцам и мещанам города Ялты иметь суды и расправу

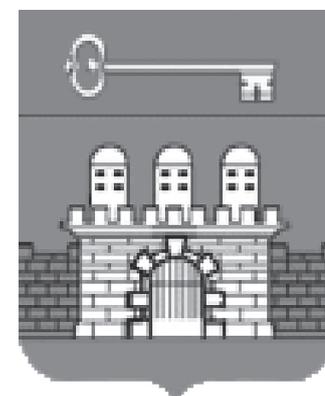
в Симферопольском магистрате и дела сирот недворянского происхождения заведовать в тамошнем сиротском суде» [23].

Официальное открытие присутственных мест Ялтинского уезда произошло 14 июня 1838 года: «В минувшем году, во время посещения императорской фамилиею Крымского полуострова, государю императору благоугодно было изъявить высочайшую волю свою о наименовании местечка Ялты городом и об учреждении Ялтинского уезда. Этой новою милостью монарха предупреждено общее желание и намерение гласного местного начальства. Указом 23-го марта нынешнего года утверждены границы нового уезда и штаты присутственных мест и дарованы некоторые льготы городу, возникающему на Южном Берегу Крыма» [24].

На торжественных мероприятиях присутствовали новороссийский и бессарабский генерал-губернатор М. С. Воронцов и таврический гражданский губернатор М. М. Муромцов: «В 10 часов утра, по окончании торжественной литургии в Ялтинской церкви, начался церковный ход в дом, назначенный для присутственных мест, где совершено было освящение и принесено благодарственное господу молебствие о сохранении всего Августейшего Дома. При возглашении многолетия раздались пушечные выстрелы с прибывшего в Ялту с Абхазских берегов военного судна. По окончании церемонии дан был обеденный завтрак у графа М. С. Воронцова в имении Его Сиятельства Массандре в 4 вёрстах от Ялты. Вечером город был иллюминирован. Таким образом, этот памятный день был общим праздником для жителей

Герб Мелитопольского уезда

Герб Перекопского уезда

Ялты. Прежде незначительное местечко, которое за шесть лет до этого состояло из нескольких грязных хижин, украшается теперь рядами красивых домов, гостиницами, трактирами, без сомнения будет улучшаться и богатеть» [25].

Указ о создании города Ялты гласил: «Ведение городскими доходами и расходами возложить на городскую полицию, с назначением для сего двух в оную депутатов от местных жителей всех состояний. Даровать новому городу Ялте все права и преимущества, городским положением предоставленные, и наделить оной двухвёрстною пропорциею выгонной земли. По примеру городов Бобруйска, Динабурга (ныне город Даугавпилс в Латвии. — А. К.) и Ново-Александровска (Ставропольский край. — А. К.), освободить Ялтинских купцов от платежа за право торговли, а мещан от взноса в казну мещанского оклада в течение пяти лет. В продолжение того же срока не подвергать города Ялты воинскому postoю» [26]. Кроме того, указ предусматривал создание герба и поиск в городе зданий для размещения уездной администрации.

Следующие преобразования произошли в 1841 году. В первый день этого года был создан новый город — Бердянск: «Признав полезным, согласно представлению Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, рассмотренному в Министерстве внутренних дел и Государственным советом одобренному, учредить в Бердянском порту более ответственное положению его полицейское управление, а для поощрения торговли даровать новые к тому удобства и облегчения. Бердянский порт именовать городом» [27]. Для управления полицейским ведомством в помощь портовому начальнику определялся пристав полицейских дел с канцелярией. Управление хозяйственной и судебной частью возложили на ратушу, при которой создавался сиротский и словесный суды. Финансирование полицейского управления и канцелярии ратуши должно было производиться из казначейских ассигнований, пока город самостоятельно не смог бы себя обеспечивать.

Вводился ещё целый ряд нововведений: «Вменить главному местному начальству в обязанность, согласно существующими постановлениями, улучшить хозяйственную часть города, внося предложения свои по сему предмету на рассмотрение Министерства внутренних дел. Не-

медленно составить для вновь учреждаемого города план и герб, кои представить по порядку на утверждение. Предоставить как водворившимся уже доселе в Бердянском порту лицам, так и тем, кои после сего по-

лучат в оном прочную оседлость, те же самые льготы и на тот же срок, какие дарованы были указом 18 января 1821 г. городу Нагайску» [28].

Спустя год, 7 января 1842 года, город Бердянск стал административным центром одноименного уезда, образованного путём разделения Мелитопольского и Днепровского уездов на три новые административные единицы. Центр Мелитопольского уезда перемещался из города Орехова в город Новоалександровку, последний переименовывался в Мелитополь: «Днепров-

ский и Мелитопольский уезды Таврической губернии разделить на три, наименовать вновь образуемый уезд Бердянским и установить границы оных согласно с прилагаемой картою. Уездными городами назначить в Мелитопольском уезде казённое селение Новоалександровку, наименовав оное Мелитополь; в Бердянском — портовый город Бердянск; для Днепровского же оставить, впредь до усмотрения, уездным городом Алешки» [29]. Только после переноса уездного центра из Орехова в Мелитополь в отношении этого населённого пункта перестают использовать название Новоалександровка.

Эти административные нововведения повлекли за собой ещё целый ряд изменений: «С учреждением в портовом городе Бердянке уездного управления подчинить оный в полицейском отношении ведомству таврического губернского начальства на общем основании. Находящиеся ныне в городе Орехове места городского и уездного управлений и суда перевести во вновь учреждаемый город Мелитополь. Возложить на местное начальство составление герба и плана для города Мелитополя. Оные вместе с предложениями по устройству хозяйственной части представить на утверждение установленным порядком. Даровать городу Мелитополю все права и преимущества, городским положением установленные, с наделением узаконенною пропорциею выгонной земли» [30]. Город Мелитополь получил ряд экономических преимуществ, что должно было способствовать его экономическому росту: «По примеру городов Новоалександровска и Грайворона освободить купцов

Герб Феодосийского уезда

Герб Ялтинского уезда

Мелитополя от платежа гильдейских повинностей, а мещан от взноса мещанского оклада в казну в течение пяти лет. В продолжение того же срока не подвергать сего города воинскому постою, освободив от сего и город Бердянск. В пользу Мелитополя отпускать ежегодно из Государственного казначейства по одному проценту с поступающего с сего города питейного дохода» [31]. Город Орехов получил статус заштатного, а жителям города разрешалось по желанию переселиться в Мелитополь.

Одной из формальных процедур оформления уездов губернии было утверждение гербов, произошедшее 17 ноября 1844 года.

Наличие градоначальств являлось одной из особенностей административного устройства новообразованных губерний. Ещё досоветских историков и правоведов интересовал вопрос особого положения этих административных единиц [32]. Вот как их характеризовал известный русский историк права и государствовед И. И. Дитятин: «Градоначальства находились в исключительном ведении во всех отношениях» и имели «особое полицейское устройство» [33]. Несколько иной подход в определении градоначальств предлагал известный профессор права А. Д. Градовский. Он рассматривал их как «особые административные единицы, к которым относились портовые города, имеющие значение для администрации флота и отчасти для целей торговых» [34]. Кроме

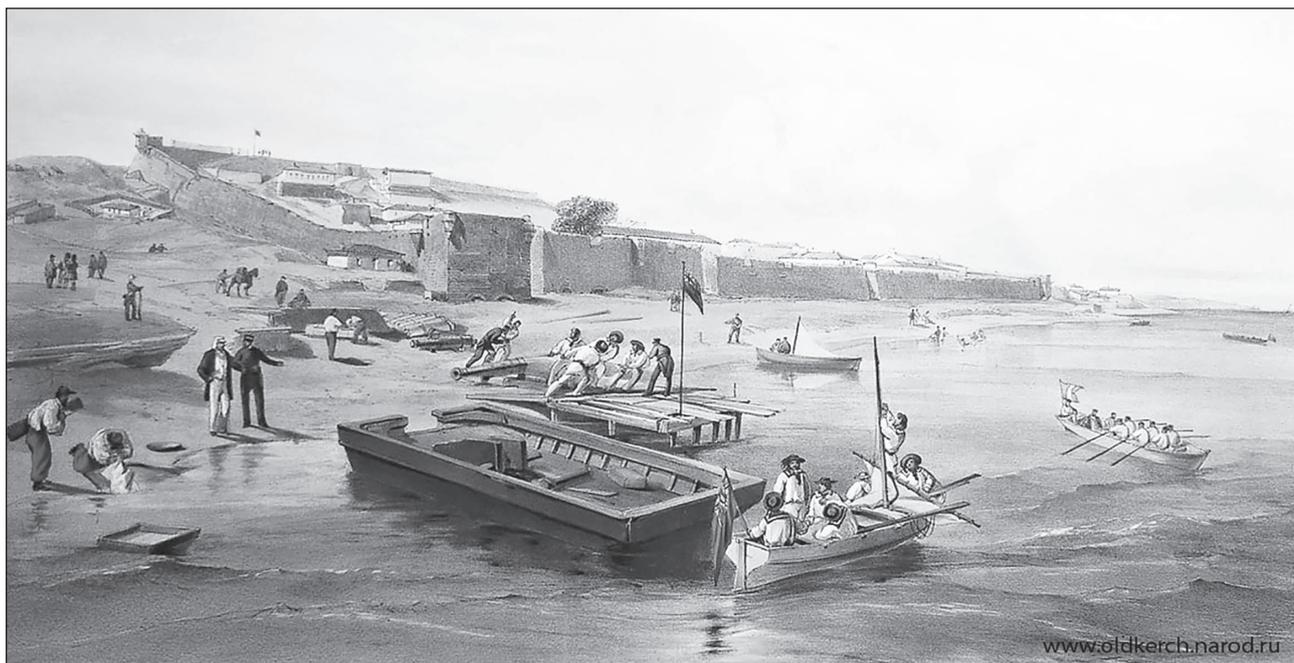
того, градоначальства создавались в целях концентрации власти в руках градоначальника для более качественного управления торговлей и карантинами в портовых городах Чёрного и Азовского морей [35].

Герб Бердянского уезда

По указу о создании новых губерний на юго-западе Российской империи на особых условиях выделялись четыре города, «из коих Одесса и Херсон значатся в Николаевской губернии, Таганрог в Екатеринославской, а Феодосия (Кефа) в Таврической. Сии портовые города снабжены будут в пользу торговли особыми преимуществами. Между тем в каждом из них, сверх положенных по штатам для отправления правосудия и полицейского надзора мест и чинов, должен быть определён из чиновников высших классов особенный градоначальник. Коему до составления подробнейшей инструкции вверяется не только следить за полицией в сих городах, но понуждать магистраты к скорейшему решению дел; доставлять обывателям всякого подobia защиту. По делам коммерческим относиться к Министерству коммерции. По гражданским, до управления касающимся, к министру внутренних дел. По тяжёлым же и судным к генерал-прокурору. Сношение с губернским начальством, требование в нужных случаях его помощи и взаимное оно доставление без всякого, однако, ему подчинения» [36].

В Таврической губернии в первой половине XIX века существовали градоначальства в Феодосии

У. Симпсон. Крепость Еникале, май 1855 г.

(8 октября 1802 — 6 августа 1829 г.) и Керчь-Еникале (10 октября 1821 — 1917 г.) [37]. Многие из градоначальников, положительно проявившие себя на занимаемой должности, впоследствии становились губернаторами [38]. Градоначальство в Феодосии создавалось с целью возродить былое значение города. По поводу даты основания Феодосийского градоначальства существуют разные мнения. Указом от 8 октября 1802 года вводилась должность феодосийского градоначальника; видимо, эту дату стоит считать основанием данной административной единицы [39]. Первый градоначальник был назначен в 1804 году. Им стал Андрей Семёнович Феньш (1757–1828). Феодосийское градоначальство было ликвидировано 6 августа 1829 года. Указ «Об упразднении должности феодосийского градоначальника» гласил: «Упраздня должность феодосийского градоначальника, повелеваем таврическому гражданскому губернатору заведовать всеми её отношениями, близости Феодосии к губернскому городу» [40]. За время существования Феодосии как отдельной административной единицы должность градоначальника занимали девять человек.

Создание Керчь-Еникальского градоначальства состоялось 10 октября 1821 года. Сам М. С. Воронцов выступал в роли его покровителя. Он видел стратегически более выгодное положение города по сравнению с Феодосией. Географическое положение Керчи позволяло контролировать судоходство в Азовском море и увеличить объёмы торговли с Кавказом. С этой целью в Керчи создавались карантин и таможня. После ликвидации Феодосийского градоначальства сюда перенесли коммерческий суд, а феодосийскую таможню переподчинили керчь-еникальскому градоначальнику. Градоначальство включало в себя следующие территории: «Керченский округ будет составлять пространство с одной стороны пролива от Еникаля до Камышбуруна, а с другой от противоположного Еникалю пункта до Багаза включительно, и потом в сей округ войдут карантин и таможня керченские, Бугазский меновый двор, таманская и еникальская карантинные заставы» [41]. Контроль над торговлей поручался херсонскому военному губернатору. Округом должен был управлять градоначальник с теми же полномочиями, что и в Феодосии

и Таганроге. Его утверждал в должности император по представлению министра внутренних дел. Круг полномочий градоначальника не отличался от сферы управления его коллег: «Керчь-Еникальский градоначальник, распоряжаясь по всем предметам, ему вверенным на основании существующих постановлений, по зависимости его от Херсонского военного губернатора, представляет ему о всех обстоятельствах, на кои нет законных постановлений и о всех чрезвычайных случаях и происшествиях. Военный губернатор или разрешает их, если предметы не заключают в себе особой важности, или обращает с мнением своим на разрешение министров по принадлежности. Вообще Керчь-Еникальский градоначальник по всем действиям поставляет в такую же зависи-

мость Херсонского военного губернатора, в какой состоят начальники губерний, управлению его вверенных. В тех важных случаях, коих разрешение требуется безотлагательно и в коих медленность может произвести стеснение торговли или опасность внесения чумы, градоначальник представляет прямо от себя министрам по ведомству каждого и испрашивает разрешений, донося в то же время о том и Херсонскому военному губернатору» [42].

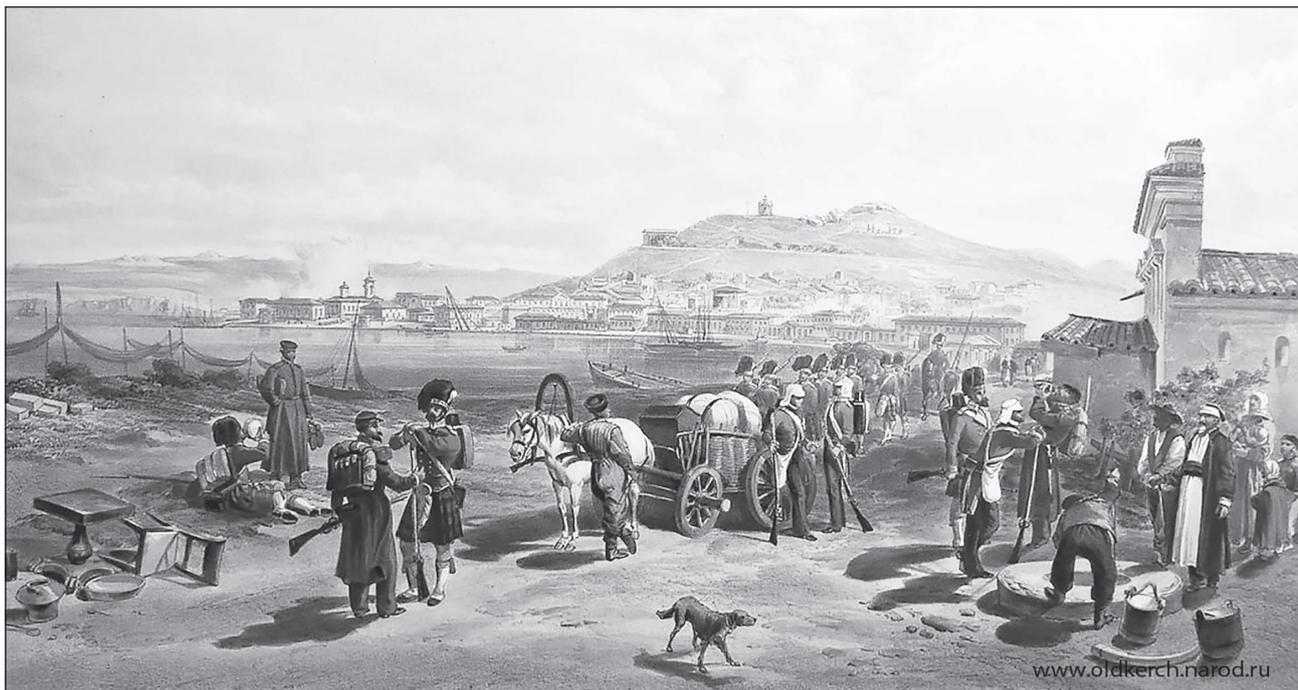
Все градоначальства Новороссийского края подчинялись херсонскому военному губернатору с момента их создания. Но формально их подчинение было закреплено указом от 10 октября 1821 года: «Для общей связи в делах торговли, карантинных предосторожно-

стей и для единообразного и удобнейшего надзора за действиями в оных портах Чёрного и Азовского морей, повелеваем: градоначальников одесского, таганрогского и феодосийского подчинить херсонскому военному губернатору, на том точно основании, на каком подчиняется ему Керчь-Еникальский градоначальник по утверждённому ныне постановлению о Керченском порте» [43].

В первые десятилетия XIX века губернаторы часто не понимали специфики градоначальств. Самые напряжённые взаимоотношения возникли между таврическим губернатором и феодосийским градоначальником. Вызвано это было тем, что Феодосия, являясь градоначальством, была и административным центром одноимённого уезда. Нередко губернаторы обращались к руководителям Феодосии с указами,

Герб Керчь-Еникальского градоначальства

У. Симпсон. Вид Керчи с севера, 18 июля 1855 г.

что в свою очередь вызывало возмущение последних. Из-за этого губернаторам приходилось обращаться за разъяснениями в Министерство внутренних дел. Вот что писал 23 августа 1804 года глава этого ведомства Виктор Павлович Кочубей второму таврическому губернатору Д. Б. Мертваго: «По силе высочайших повелений полиция города Феодосии состоять должна в точном и независимом управлении градоначальника феодосийского. Таврическое губернское правительство не может посылать к ней указы, а должна сноситься сообщениями. Лучшие и удобнее, если бы ваше превосходительство приняли на себя сноситься по сей части непосредственно с господином феодосийским градоначальником» [44]. Ратуша как орган, управляющий доходами, относилась к ведомству градоначальника. В таком же положении находился и городской карантин.

Чтобы наглядно объяснить положение Феодосийского градоначальства, В. П. Кочубей использовал следующую аналогию: «Словом, город Феодосия с принадлежащим к нему карантинном и на всём пространстве городской черты есть место для Таврического правительства внешнее и как бы в другой губернии лежащее. Уезд Феодосийский, то есть всё то, что лежит за чертой города и что управляется и судится уездным и земским судом, подлежит точному ведомству губернского начальства» [45]. Почти каждый таврический губернатор после своего назначения сталкивался с этой проблемой, а Министерство внутренних дел вынуждено было разъяснять тонкости административного устройства губернии [46].

Образование градоначальств являлось своеобразным экспериментом, целью которого было создание достаточно самостоятельных административных единиц, что должно было способствовать процветанию портовых городов. Но на практике выделение градоначальств из-под ведомства губернаторов создавало целый ряд трудностей. Ярким примером этого может служить разразившаяся в 1812 году чума в Феодосии. Необходимость взаимодействовать с градоначальником через херсонского военного губернатора и Министерство внутренних дел приводила к тому, что принимаемые меры были запоздалыми [47]. В городе начался голод [48]. Из-за неэффективного взаимодействия губернатора Андрея Михайловича Бороздина и феодосийского градоначальника Семёна Михайловича Броневского чума распространилась на Феодосийский уезд. В этой связи губернатор просил перевода в регулярную армию, но получил отказ. В результате чумы 1812–1814 годов Феодосия пришла в запустение, которое удалось преодолеть только к концу 1820-х годов.

Однако то, что город имел экономические льготы, было очевидно. Именно поэтому в начале 20-х годов XIX века таврический губернатор Александр Николаевич Баранов и командующий Черноморским флотом и военный губернатор Севастополя и Николаева Алексей Самуилович Грейг попытались распространить эти льготы на остальные портовые города Таврической губернии, но их инициатива не получила поддержки в высших правительственных кругах. Осенью 1822 года последовал указ министра

финансов: «В Севастополе нет особых привилегий, купечество несёт государственные и городские повинности наравне с купцами внутренней России. Сверх того, и само поселение иностранцев в Севастополе, яко военной гавани воспрещено, то и не следует вопреки общих законных постановлений допустить в нём к торговле иностранцев, производимой в Феодосии на особых правах <...>. Высочайше дарованные городу Феодосии льготы не могут быть распространены на прочие города Таврической губернии» [49].

Кроме градоначальств, губернатор не подчинялся и город Севастополь. Руководство этой административной единицей осуществлял командующий Черноморским флотом и военный губернатор Севастополя и Николаева. Что интересно, только 29 марта 1826 года Правительствующий сенат, по представлению генерала от инфантерии князя Д. И. Лобанова-Ростовского, запретил использовать название «Ахтиар» в отношении Севастополя и «Козлов» в отношении Евпатории [50].

Таврическая, Херсонская и Екатеринославская губернии считались пограничными, поэтому на этих землях, кроме гражданских губернаторов, существовала должность генерал-губернатора. Л. М. Лысенко в монографии «Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII — начало XX века)» отнесла Новороссийский край к окраинам Российской империи с преобладанием славянского населения. Именно этот факт определял подход к способу государственного строительства. Таврическая губерния выделялась среди двух других регионов этого края, так как значительную численность населения в Крыму составляли крымские татары. Кроме того, губерния считалась перспективной с экономической точки зрения. Благоприятный климат, обилие удобных портов и свободных земель должны были способствовать экономическому процветанию.

Анализ административной системы Российской империи показывает, что наличие должности военного губернатора или генерал-губернатора обеспечивало функционирование вместе с отраслевой системой гражданского управления региональной. Так, таврический гражданский губернатор, с одной стороны, был чиновником Министерства внутренних дел, а с другой — должен был согласовывать свои действия с херсонским военным губернатором. «Военные губернаторы, управляющие гражданской частью, везде признаны в той же степени власти, какую имели генерал-губернаторы, а посему все губернские места в отношениях своих к ним должны распоряжаться не иначе, как на основании учреждения о губерниях; от военного губернатора лично или от представления его к высшему начальству должно зависеть определение и удаление чиновников, и во-

обще значащее распоряжение в губернии не может быть произведено в действие без его утверждения, а и того менее без его сведения. Действие власти его не останавливается тем, когда он будет вне одной из вверенных ему губерний или в порученных ему инспекциях разве бы особенным предложением губернского начальства уполномочил он его во время отлучки делать прямо свои представления» [51].

Должность херсонского военного губернатора просуществовала с 9 сентября 1801 до 11 мая 1822 года. Создавалась она на основании указа Правительствующего сената «О восстановлении пяти губерний и о подчинении пограничных губерний военным губернаторам» [52]. Следующий шаг в реорганизации градоначальств был осуществлён именным указом «О именовании главноначальствующего Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерний Новороссийским генерал-губернатором», который гласил: «...признали Мы за благо, для общей связи в делах торговли и карантинных предосторожностей, для удобнейшего надзора за действиями оных в портах Чёрного и Азовского морей, подчинить Главному управлению херсонского военного губернатора, градоначальства: Одесское, Таганрогское, Феодосийское и Керчь-Еникальское. Мы повелеваем главноначальствующему в губерниях: Херсонской, Екатеринославской и Таврической именоваться впредь Новороссийским генерал-губернатором» [53]. 29 февраля 1828 года в сферу управления новороссийского губернатора включили Бессарабскую область. С этих пор высшее административное лицо на юго-западе Российской империи именовалось новороссийским и бессарабским генерал-губернатором [54].

Херсонский военный губернатор был управляющим по гражданской части в Херсонской и Таврической губерниях и одесским градоначальником. В 1814 году из-под его подчинения была изъята Екатеринославская губерния. С 1822 года ему подчинили Бессарабскую область и вновь — Екатеринославскую губернию. Местом пребывания херсонского военного губернатора в 1801–1803 годах был город Екатеринослав, в 1803–1805 годах — Николаев, а с 1805 года — Одесса. Факт пребывания военного губернатора в Одессе оказывал значительное влияние на быстрое развитие этого города.

Отношения между таврическим гражданским губернатором и его непосредственным начальником складывались по-разному. Некоторые из них были друзьями, как, например, А. Э. Ришелье, Д. Б. Мертваго и А. М. Бороздин. Другие же часто имели серьёзные конфликты. Личные взаимоотношения напрямую отражались и на служебных отношениях. Например, между херсонским военным губернатором А. Г. Розенбергом и таврическим губернатором

Д. Б. Мертваго существовал конфликт, послуживший поводом к отставке херсонского военного губернатора. Сложными были взаимоотношения М. С. Воронцова и А. И. Казначеева. Конфликт друзей, работающих вместе в Одессе, привёл к охлаждению в отношениях и определению последнего сначала фео-досийским градоначальником, а позже таврическим губернатором. Назначение в Таврическую губернию воспринималось А. И. Казначеевым как ссылка.

В случаях, когда военный губернатор находился в отлучке, он передавал свои полномочия на места. Вот что писал по этому поводу 20 июля 1809 года А. Э. Ришелье «Выступая с сверенною мне дивизией из Одессы, я долгом поставляю уведомить о том ваше превосходительство (таврического губернатора Д. Б. Мертваго. — А. К.), предоставив вам управление вверенной вам губернии. А ко мне относиться в делах только чрезвычайных, доставляя в обыкновенное время для сведения моего известия о происшествиях» [55]. Известия о происшествиях доставлялись два раза в месяц.

Ревизия уголовных дел по Херсонской и Таврической губерниям была возложена на военного губернатора. Но уже в 1805 году А. Э. Ришелье обратился с просьбой передать ревизию уголовных дел гражданским губернаторам. Такая просьба была вызвана «большим количеством дел, на военного губернатора возложенных, и из-за частых переездов с места на место, коим будет он всегда подвержен, ревизия

дел может быть затруднена, от чего сами дела будут останавливаться» [56]. Эта мера способствовала ускорению работы судов. Военный губернатор просто физически не мог вникать во все уголовные дела, а у гражданских губернаторов в этом отношении было больше возможностей.

Известен также случай, когда таврического губернатора указом министра внутренних дел от 24 апреля 1806 года подчиняли командующему Черноморским флотом. Мера эта была связана с Русско-турецкой войной 1806–1812 годов и носила временный характер: «По начальству над войсками в Крыму, вверенному адмиралу маркизу де Траверсе, поручаю вам в отращении всякой медлительности исполнять все распоряжения его» [57].

При назначении на должность таврического губернатора херсонские военные губернаторы снабжали их наставлениями. Один из таких документов выявлен нами в Государственном архиве Республики Крым. Подробное наставление отправил Александр Фёдорович Ланжерон 23 сентября 1816 года А. С. Лавинскому. А. Ф. Ланжерон рекомендовал сначала объехать всю Таврическую губернию и обращал внимание только что назначенного губернатора на проблемы, требующие немедленного решения: «Я имел уже честь доставить вам, милостивый государь мой, некоторые сведения о Байдарской долине, они распространяются и гораздо объяснятся при личном вашем обозрении сего

Карта Черноморья 1858 г.

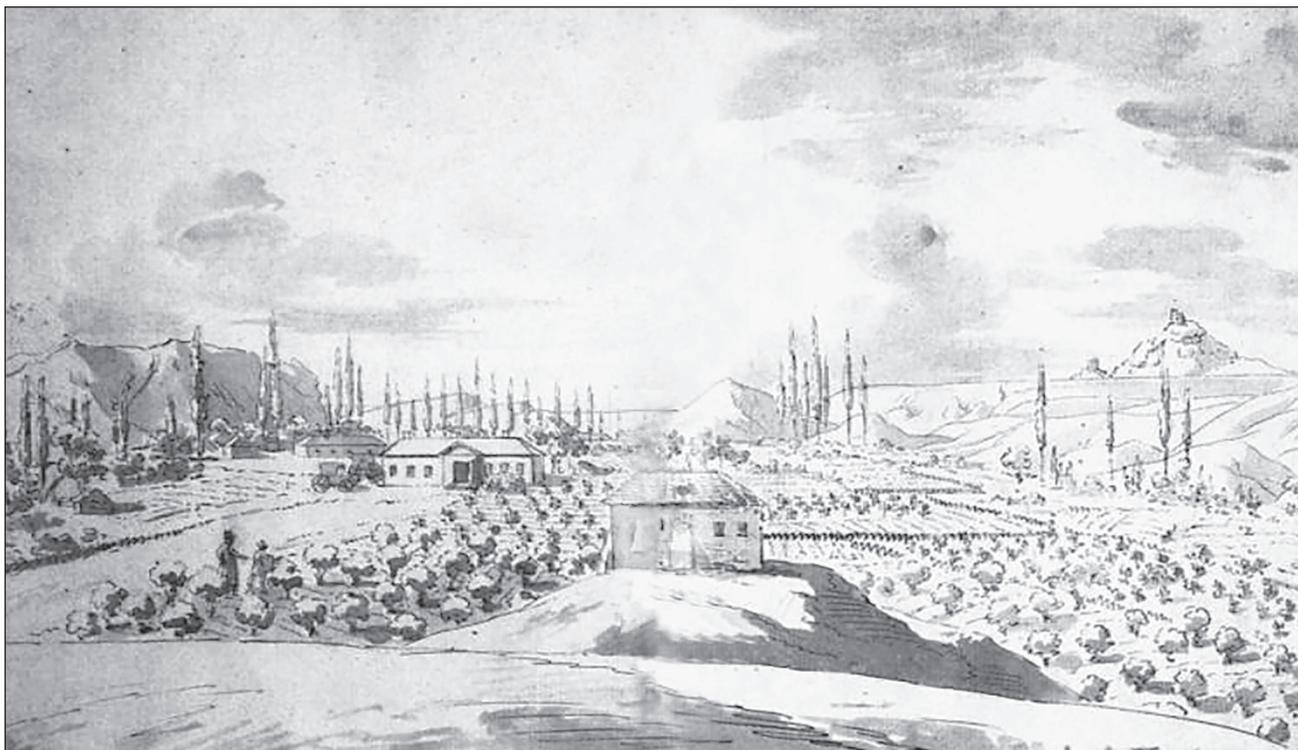
вместилища неоконченных споров. Весь Южный берег, а особенно казённый Никитский сад, Судакская долина, на которой устроено училище виноградарей и крымская соляная промышленность займут вас и раскроют пред начальником свои нужды свои и недостатки» [58]. Кроме того, документ содержит целый ряд рекомендаций по усовершенствованию карантинного устройства крымских городов.

Административные изменения, проводимые Александром I на юго-западных рубежах империи, были востребованы временем. Этот регион имел важное стратегическое значение, страна испытывала крайнюю необходимость в быстром освоении этих территорий. Причиной тому служила необходимость утвердить свои права в этом районе, путём его освоения и заселения. Нужно было в кратчайшие сроки создать плацдарм для дальнейшего продвижения в районе западного побережья Чёрного моря.

Политика, проводимая после присоединения Крыма к Российской империи, привела к запустению края. Происходил массовый отток крымскотатарского населения. Условия, существовавшие в Крыму, не способствовали освоению пустовавших земель. Высшие администраторы империи, пытаясь остановить сокращение численности населения, стремились создать благоприятные условия для колонистов. Именно для более эффективного управления краем было проведено разделение Новороссийской губернии на более мелкие административные единицы. Создание Таврической губернии на особых началах подчёркивало особый статус полуострова. Сама идея привлечения местного населения к управлению и наделение Таврической губернии широкой экономической автономией должны были способствовать скорейшей интеграции края в общероссийское пространство. Но на практике оказа-

Карта Таврической губернии с планом Севастополя. 1853 г.

Е. М. Корнеев. Вид Судакской долины. 1804 г.

лось, что за новыми названиями губернских органов управления фактически оставались те же полномочия, что и в других губерниях империи. Экономическую свободу получили лишь градоначальства, а попытки губернаторов распространить эти привилегии на другие города не увенчались успехом.

Существование на законодательном уровне региональной структуры управления, подчинённой напрямую императору в обход министерств, в лице херсонского военного губернатора, а позже новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, урезало полномочия таврического гражданского губернатора. Но на практике он обладал фактически тем же набором рычагов управления, что и его коллеги в рядовых губерниях. На высшую административную должность края обычно назначали чиновников близких к императору. Это обеспечивало определённую свободу действий как ему, так и таврическому губернатору. От взаимодействия этих двух администраторов напрямую зависел успех развития края. И если в рядовых губерниях практика поставила губернаторов в полную зависимость от Министерства внутренних дел и других министерств, то на юго-западных рубежах империи высшие администраторы обладали большей самостоятельностью [59]. Бурный экономический рост свидетельствует о том, что административные органы на юго-западе Российской империи действовали достаточно успешно.

Об эффективности работы административного аппарата Таврической губернии в первой половине XIX века свидетельствует и тот факт, что за этот период была назначена лишь одна сенатская ревизия. Эта проверка, проводимая в 1822 году В. И. Брозиным в Таврической и Екатеринославской губерниях, была направлена на поиски путей к улучшению продовольственного положения населения [60] и не была связана с проверкой деятельности органов управления. Как известно, сенаторские ревизии начали проводиться с XVIII века, но при этом они не носили систематический характер. Первоначальной их целью заключалась в надзоре Сената за подчинёнными ему учреждениями, но уже с начала XIX века они служили средством надзора не только для Сената и императора, но и для Комитета министров. Ревизии были направлены на выявление недостатков в местном управлении и для общего обзора деятельности государственных учреждений, касаясь всех видов управления губернией [61]. Нужно учитывать и роль военного, а позже генерал-губернатора, их авторитет был настолько велик, что проверки на вверенных им территориях происходили только в крайних случаях. С увеличением численности христианского населения в Крыму началась унификация системы управления губернией. Фактически к началу Крымской войны административная система губернии была приведена к общероссийскому стандарту.

1. ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 505. Л. 2–3.
2. ПСЗРИ. Т. 27. № 20449.
3. ПСЗРИ. Т. 27. С. 289.
4. [Б/а] О переименовании губернского правительства в правление, а казённой экспедиции в палату // Таврические губернские ведомости. 1838. № 43. 28 окт.
5. ПСЗРИ. Т. 27. С. 289.
6. ПСЗРИ. Т. 27. С. 290.
7. Блинов И. А. Губернаторы : ист.-юрид. очерк. СПб., 1905. С. 171.
8. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2406. Л. 130–134.
9. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2405. Л. 27–28.
10. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2406. Л. 130–134.
11. ПСЗРИ. Т. 27. С. 290.
12. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 539. Л. 48–54.
13. ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 503. Л. 40–43.
14. ПСЗРИ. Т. 29. № 22063.
15. История Крыма / Рос. воен.-ист. о-во ; Е. Е. Бойцова [и др.]. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 184–186.
16. ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 524. Л. 48–52.
17. Певнев А. П. Кубанские казаки. Екатеринодар, 1911. С. 36.
18. ПСЗРИ. Т. 27. № 20156.
19. Калинин С. Е. Черноморское казачье войско в эпоху Наполеоновских войн 1805–1815. Режим доступа: <http://www.museum.ru/museum/1812/army/Kalinin3/index.html>
20. ПСЗРИ. Т. 37. № 28235.
21. ПСЗРИ. Ч. 2. Т. 13. № 11080.
22. ПСЗРИ. Ч. 2. Т. 13. № 11080.
23. ПСЗРИ. Ч. 2. Т. 13. № 11080.
24. [Б/а] Об открытии Ялты // Таврические губернские ведомости. 1838. № 26. 1 июля.
25. Там же.
26. ПСЗРИ. Ч. 2. Т. 13. № 11080.
27. ПСЗРИ. Ч. 2. Т. 16. № 14141.
28. ПСЗРИ. Ч. 2. Т. 16. № 14141.
29. ПСЗРИ. Ч. 2. Т. 17. № 15193.
30. ПСЗРИ. Ч. 2. Т. 17. № 15193.
31. ПСЗРИ. Ч. 2. Т. 17. № 15193.
32. Потаев А. Ф. К историографии института градоначальства в Российской империи // Исторические, филологические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2014. № 2 (40) : в 2 ч. Ч. 1. С. 144–148.
33. Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 23–24.
34. Градовский А. Д. Начала русского государственного права // Градовский А. Д. Собр. соч. СПб., 1904, Т. 9. С. 184–274
35. Ерошкин Н. П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800–1860). М., 1985. С. 58–59.
36. ПСЗРИ. Т. 27. № 20449.
37. ПСЗРИ. Т. 37. № 28776.
38. Дмитриев В. В. Градоначальства юга Украины в XIX — в начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 2003.
39. ПСЗРИ. Т. 2. № 20449.
40. ПСЗРИ. Ч. 2. Т. 4. № 3071.
41. ПСЗРИ. Т. 37. № 28776.
42. ПСЗРИ. Т. 37. № 28776.
43. ПСЗРИ. Т. 37. № 28774.
44. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 542. Л. 135–136.
45. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 542. Л. 135–142.
46. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2865. Л. 1–2.
47. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 805. Л. 170–171.
48. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 805. Л. 200.
49. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2265. Л. 118–120.
50. ПСЗРИ. Ч. 2. Т. 1. № 222.
51. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 542. Л. 190–193.
52. ПСЗРИ. Т. 26. № 20004.
53. ПСЗРИ. Т. 38. № 29031.
54. ПСЗРИ. Ч. 2. Т. 3. № 1834.
55. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 573. 378–379.
56. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 568. Л. 40–43.
57. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 714. Л. 129–130.
58. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2406. Л. 241–242.
59. Блинов И. Указ. соч. С. 266.
60. История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 4. С. 505.
61. Бикташева А. Н. Казанские губернаторы в материалах сенаторских ревизий первой половины XIX века // Проблемы истории Казани : современный взгляд : сб. ст. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. С. 264–269.

С. А. Ефимов

Первые опыты крымской государственности

Административно-территориальное деление советских республик конца 10-х — начала 20-х годов XX века

Исследованию истории крымской государственности в границах полуострова, начавшейся в 1918 году с ССР Тавриды, посвящено немало работ [3, 6, 20, 21, 22]. Вместе с тем до сих пор за кадром оставались вопросы административно-территориального устройства первых общекрымских государственных образований. Восполнению этого пробела призвана способствовать настоящая публикация.

Состоявшийся 30 января 1918 года Чрезвычайный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Таврической губернии в качестве единого высшего губернского органа революционной власти образовал Таврический центральный комитет Советов [4, с. 196].

После проведённых в феврале выборов в волостные, уездные и губернские земельные комитеты [4, с. 206], перевыборов всех Советов, а также частичных перевыборов военно-революционных комитетов [4, с. 216–217] 7–10 марта состоялся I Учредительный съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и поселянских-мусульманских депутатов, всех земельных и военно-революционных комитетов Таврической губернии. Созданный им Центральный исполнительный комитет уже 19 марта объявил Таврическую губернию в составе восьми уездов «Тав-

рической республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» установил, что «во главе Таврической Советской Республики стоит Таврический Совет Народных Комиссаров», ответственный перед ЦИК, и утвердил двухпартийный большевистско-эсеровский состав Совнаркома под председательством А. И. Слуцкого¹ [12].

Однако спустя три дня — 22 марта — ЦИК, вновь основываясь на решении I Учредительного съезда Советов Тавриды, внёс существенные коррективы в принятое накануне решение, объявив «территорию Крымского полуострова в составе Симферопольского, Феодосийского, Ялтинского, Евпаторийского, Перекопского уездов Советской Социалистической Республики Тавриды» [11].

Такое двукратное территориальное «ужатие» (рис. 1) позволяло избежать конфликтов с Цент-

¹ **Слуцкий Антон Иосифович** (1884, Варшава — 24 апреля 1918, Алушта) — большевистский политический деятель. В революционном движении с 1905 г., неоднократно подвергался арестам и ссылке. После Февральской революции 1917 г. — партийный организатор на Обуховском заводе в Петрограде, член Петербургского комитета РСДРП(б). Делегат 6-го съезда РСДРП(б). На 2-м Всероссийском съезде Советов избран членом Всероссийского центрального исполнительного комитета. С марта 1918 г. — председатель Совета народных комиссаров Советской Социалистической Республики Тавриды. Вместе с другими руководителями республики расстрелян крымскотатарскими националистами.

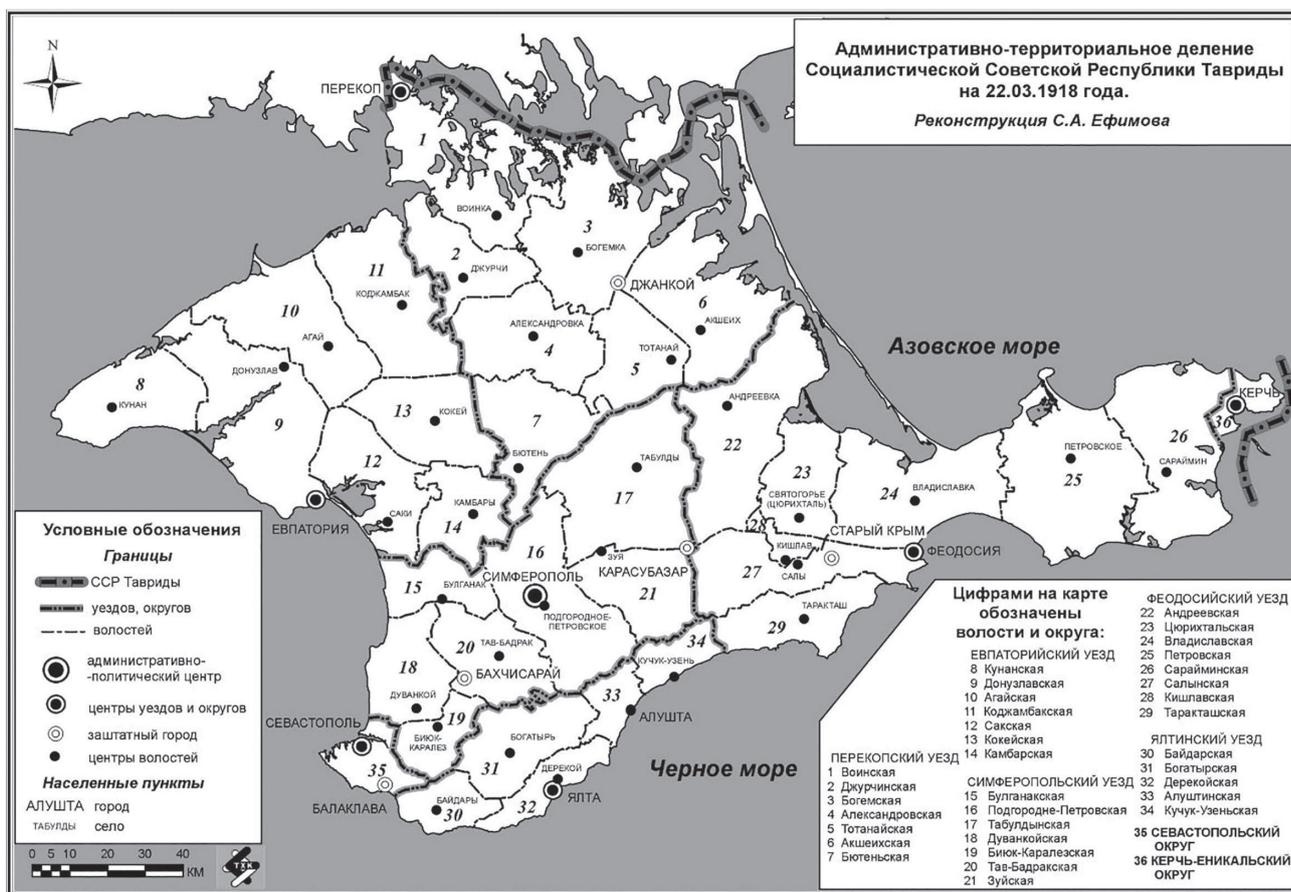

Рис. 1. Карта административно-территориального деления Советской Социалистической Республики Тавриды на 22 марта 1918 года

ральной радой, включившей северные уезды Таврической губернии в состав Украины, и обеспечить решение главной задачи — создать государственно-правовые предпосылки для недопущения оккупации Крыма войсками Четверного союза.

В тот же день Таврический совнарком довел до сведения Совнаркома России, что «Советская Республика Тавриды принимает и считает для себя обязательными условия мирного договора, заключённого между правительствами центральных империй и Совета Народных Комиссаров Федеративной Советской Республики России» [4, с. 228]. Одновременно аналогичная информация была доведена до сведения правительств Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии [4, с. 228–229].

Истории создания и деятельности ССР Тавриды посвящено достаточно много работ. При этом преимущественно позитивная тональность публикаций советского периода с исходом СССР с политической карты сменяется чрезмерной и не всегда обоснованной критичностью.

Так, например, автор наиболее обстоятельной работы последнего времени по истории ССР Тавриды Ю. В. Дубко, формулируя в начале своей моногра-

фии гипотезу о том, что «республика была провозглашена не для закрепления нейтралитета Крыма, а для вовлечения её в войну с Центральной Радой и поддержавшими её войсками Германии и Австро-Венгрии» [14, с. 11], на протяжении практически всей книги доказывает обратное, приходя к выводу о якобы имевшей место авантюристности большевистского государственного строительства.

В работе А. Г. Зарубина и В. Г. Зарубина отмечается: «...о придании хотя бы вида законности при провозглашении Республики Тавриды, видимо, вообще не думали. Её создавали с явными отступлениями от положений Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа (какими именно — остаётся загадкой. — С. Е.). Ни Таврический ЦИК, ни Совнарком даже не ставили вопроса о флаге, гимне и гербе новоиспечённого образования. Не шла речь и о Конституции Республики Тавриды» [20, с. 329]. Не полемизируя с последним тезисом, подчеркнём лишь, что на обретение всех этих атрибутов государственности в мирных условиях конца XX века четвёртая крымская республика затратила более полутора лет; первой же крымской республике — Советской Социалистической Республике

Тавриды — на существование было отведено только полтора месяца.

По мнению А. Л. Копыленко, ССР Тавриды представляла собой «совсем не бутафорскую государственность», которая «в отличие от крымскотатарской Конституции, базировавшейся на «историческом праве» одной нации, конституировалась на территориальном принципе» [21, с. 17]. Автор обращает внимание на декреты ССР Тавриды об организации Комиссариата по военно-морским делам, об объявлении недр земли и моря народным достоянием, наличие института гражданства, а также на то, что «страны Антанты *de facto* признавали Республику Тавриды, что подтверждается направлением к ней английской миссии, а также продолжением работы консульских учреждений Греции и Бельгии» [21, с. 18, 19].

Тем не менее, несмотря на принимавшиеся руководством ССР Тавриды усилия, подкреплявшиеся дипломатической поддержкой Советской России, к маю 1918 года немецкие войска оккупировали Крым, досрочно завершив опыт первой крымской государственности.

Тем временем на оккупированной немцами Украине пришедший к власти в результате переворота гетман П. П. Скоропадский² активно взялся за включение Крыма в состав Украинского государства. Как объяснял он позже в своих воспоминаниях: «Украина не может жить, не владея Крымом, это будет какое-то туловище без ног. Крым должен принадлежать Украине, на каких условиях, это безразлично, будет ли это полное слияние или широкая автономия, последнее должно зависеть от желания самих крымцев, но нам надо быть вполне обеспеченными от враждебных действий со стороны Крыма. В смысле же экономическом Крым фактически не может существовать без нас. Я решительно настаивал перед немцами о передаче Крыма на каких угодно условиях, конечно принимая во внимание все экономические, национальные и религиозные интересы народонаселения. Немцы колебались, я настаивал самым решительным образом» [31, с. 262].

А. В. Мальгин высказывает следующую точку зрения: «Поскольку это противоречило условиям Брест-Литовского мирного договора Германии с РСФСР, согласно которому границы Украинского государства определялись по III Универсалу Центральной Рады, германское правительство не пошло навстречу укра-

инской стороне. Оно инициировало создание на полуострове самостоятельного кабинета во главе с генерал-лейтенантом М. А. Сулькевичем³» [25, с. 65].

Свои намерения сформированное Сулькевичем правительство обнародовало в Декларации, определив главной задачей «сохранение самостоятельности полуострова до выяснения международного положения его и восстановления законности и порядка».

Отметим, что правительство Сулькевича продолжило административно-территориальный эксперимент ССР Тавриды: Крымский полуостров в географических границах, разделённый на пять уездов и два округа, уезды в свою очередь были разделены на 34 волости.

Его «Декларация...» [9] не содержала имени собственного создаваемого государственного образования. На протяжении всего текста употреблялись термины «Край», «Крым», «Крымское Краевое Правительство», «Крымское Правительство», «Краевое Правительство», что впоследствии создало определённые сложности для исследователей этого периода, вынужденных пользоваться данным мнением (в историко-административно-территориальных сводках между «ССР Тавриды» и «Крымская ССР» чаще всего упоминаются «Крымское Краевое Правительство» или «Территория, подчинённая Крымскому Краевому Правительству»). Полагаем, что следует уходить от этой неопределённости путём использования термина «Крымский Край» для обозначения созданной на полуострове государственности в отличие от термина «Крым» как географического понятия. На это указывает текст присяги на верность Крымскому краевому правительству, составленный Сулькевичем 31 июля 1918 года: «Честью моей клянусь и торжественно перед всеми согражданами обещаюсь всемерно в своих суждениях и деяниях блюсти благо **Крымского Края** (выделено мною. — С. Е.) и повиноваться Крымскому Краевому Правительству не только за страх, но и за совесть, памятуя, что в исполнении этого моего обета лежит ныне залог сохранения достоинства и благополучия Края и личного благополучия его гражданина» [цит. по: 17, с. 303]. Отметим, что термин «Крымский Край» также используется в отчёте о деятельности делегации Крымского правительства в Киеве [23, с. 71–73].

Наличие во главе правительств Украины и Крыма двух бывших генерал-лейтенантов русской импера-

² Скоропадский Павел Петрович (3 [15] мая 1873, Висбаден, Германия — 26 апреля 1945, Меттен, Бавария, Германия) — военачальник, генерал-лейтенант [1916]. В 1917 г. — командир 34-го армейского корпуса, 1-го Украинского корпуса. Украинский военный и политический деятель, гетман Украины с 29 апреля по 14 декабря 1918 г. В период правления Скоропадского была создана Украинская академия наук. После ухода немцев с Украины эмигрировал в Германию.

³ Сулькевич Матвей (Матей) Александрович (20 июля 1865, имение Кемейшы Лидского уезда Виленской губернии, ныне деревня Вороновского района Гродненской области, Беларусь — 15 июля 1920, Баку, Азербайджан) — военачальник, генерал-лейтенант [1916]. Из литовских татар. В октябре 1917 г. был выдвинут на пост командира 1-го Мусульманского корпуса, который планировал сформировать Временное правительство. С 25 июня 1918 г. — премьер-министр, министр внутренних и военных дел первого Крымского краевого правительства. В период правления Сулькевича был создан Таврический университет. С декабря 1918 г. — в Азербайджане, с марта 1919 г. — начальник Генштаба ВС Азербайджана. В мае 1920 г. арестован ВЧК. Расстрелян за «контрреволюционную деятельность».

торской армии — Скоропадского и Сулькевича — во многом предопределило характер взаимоотношения между двумя государственностями Юго-Запада бывшей империи. Не позволяя более юному крымскому правительству мало-мальски организовать управление, украинские пограничники 7–8 июня заняли Перекоп и произвели смену администрации. Вооружённое противостояние на перешейке не без участия оккупантов удалось прекратить лишь спустя два месяца. В июле пограничной вартой Украины была занята северная часть Арабатской стрелки протяжённостью 40 вёрст (напрашивается, кстати, историческая параллель: практически сразу после включения Крымской области в СССР по решению отнюдь не идейных наследников Скоропадского сельсоветы на севере стрелки были причислены к Геническому району Херсонской области). Квазиевровые аннексионные начинания дополнялись таможенной войной и экономической блокадой Крыма со стороны Украины [23, с. 74] (таким образом, можно говорить о легальности ещё одной исторической параллели).

Как с горечью писал впоследствии В. А. Оболенский⁴, это была *«никому не нужная борьба между двумя частями России, борьба, от которой страдает население»*, борьба, которая *«представляется величайшей нелепостью»* [28, с. 17].

Такой ход событий перестал в конце концов устраивать и германское командование, по ультимативному настоянию которого начались переговоры о *«политическом соединении Крыма с Украиной»*. Сразу обнаружилось принципиальные различия в подходах сторон. Если Киев полагал, что *«Крым соединяется с Украиной на правах автономного края под единой Верховной властью Его светлости Пана Гетьмана»*, то Симферополь считал, что *«Крым, опираясь на декларацию Своего Краевого Правительства от 12/25 июня 1918 года»*, заключает с Украинской державой федеративный союз [23, с. 71, 73].

Понятно, что для сближения столь дистанцированных друг от друга позиций требовалось как время, так и желание договаривающихся сторон. Обоим генералам, жёстко проводившим политику суверенизации, не доставало ни того, ни другого. Не хватало им и умения консолидировать политические элиты своих государственных образований. Последнее и предопределило их уход с политической арены одновременно с исходом стоящей над ними третьей силы — германского оккупационного командования.

Вопросы административно-территориального устройства Крымского края были отрегулированы

непрофильным нормативным актом — постановлением Совета министров Крымского краевого правительства об утверждении *«Положения об учреждении управления Крымской Краевой Внутренней Стражи, окружных, уездных, городских и судебно-уголовных отделов и отделений названной Стражи»* [30, с. 131–150]. Данный документ устанавливал, что *«деление Крымского полуострова на уезды: Симферопольский, Евпаторийский, Перекопский, Феодосийский и Ялтинский остается прежнее; округа Севастопольский и Керчь-Еникальский остаются в существующих границах»*, центры уездов и округов располагаются в одноимённых городах [30, с. 132]. Статус Симферополя, кроме того, определялся как *«краевой город»* [30, с. 140, 148].

Постановлением совершенно однозначно зафиксировано, что в Крыму появился четырнадцатый город: статус безуездного города был придан Алушке [30, с. 133, 138, 145]. Данный публикуемый факт в известном смысле является открытием: до этого и в советской, и в постсоветской литературе [36, с. 13] считалось, и в постсоветской литературе [36, с. 13] считалось, что Алушка стала городом лишь в 1938 году. Добавим к этому, что уже весной 1918 года юрисдикция Алушкинского совета распространялась на близлежащие населённые пункты (Кекенеиз, Лимены, Кучук-Кой, Симеиз, Мисхор, Кореиз, Гаспра и др. [4, с. 223–224]). Полагаем, что с учётом вышеизложенного историко-географические аспекты территориально-организующей роли города Алушки нуждаются в переосмыслении.

Кроме того, правительством была выделена новая специфическая единица административно-территориального устройства, аналогичная безуездному городу, — курорт Гурзуф [30, с. 133, 139, 145]. Это можно рассматривать как предвосхищение появления в ходе подготовки Всесоюзной переписи населения 1926 года новой категории населённых пунктов — посёлков городского типа.

Впервые за всю историю уездного деления Крыма правительство Сулькевича пошло на оптимизацию пространственно-административных связей, разместив центр управления внутренней стражей Перекопского уезда не в «медвежьем углу» уездного города Перекоп, а в безуездном Джанкое как наиболее близком к географическому центру уезда городе [30, с. 132, 133, 140, 141, 147, 150].

Первое Краевое правительство осуществило ещё одну интересную административную инновацию, подчинив Бахчисарай непосредственно краевым структурам, минуя уездный уровень. Таким образом,

⁴ **Оболенский Владимир Андреевич** (1869, СПб — 1950, Бюсси-ан-От, Франция) — князь, депутат 1-й Госдумы от Таврической губернии. Член ЦК Конституционно-демократической партии (1916, февраль), секретарь ЦК (1917, март). С апреля 1918 г. — председатель Таврической губернской земской управы, гласный Симферопольской городской думы. Летом 1920 г. назначен П. Н. Врангелем членом Предварительной комиссии по выработке основных положений земельной реформы. С ноября 1920 г. в эмиграции.

этот безудельный город, в отличие от Алупки, Алушты, Балаклавы, Карасубазара и Старого Крыма, стал городом «краевого подчинения» [30, с. 132, 133, 140, 148, 150]. Эта наработка, утраченная в годы Гражданской войны, была реанимирована в 1930 году и дожила до наших дней в виде городов республиканского подчинения. Однако Бахчисарай, блеснув в начале XX века новыми административными возможностями, к этому статусу больше не возвращался.

Тем временем калейдоскоп Первой мировой завершал свой последний оборот: 12 ноября начат вывод германских войск из Крыма, 14-го числа оккупационное командование уведомило краевую земскую управу об устранении правительства М. Сулькевича, а 15-го он уже лично довёл до населения, что «*правительство, мною возглавляемое, передало управление Краем правительству, возглавляемому председателем Таврического земского собрания С. С. Крымом*⁵» [цит. по: 20, с. 403].

Своё кредо второе Крымское краевое правительство, в отличие от преемственников, видело не в развитии крымской государственности как таковой, а во всемерном «споспешествовании» процессам воссоздания единой страны на основе развития демократических институтов: «*Наступает конец мировой войны, но нет единой великой России, образовавшейся в течение тысячелетней исторической жизни. Россия распалась на части, и на значительном её пространстве преступные силы, разжигающие взаимную ненависть и низменное своекорыстие, продолжают дело разрушения культуры, основ права, правды и всего человеческого общежития. В таких условиях первым патриотическим долгом каждого гражданина и национальной задачей, выше всех стоящей, Правительство признаёт стремление к возрождению единой России*» [10]. Но создание в Крыму прообраза будущей демократической России в условиях разгорающейся Гражданской войны было обречено на провал, и закономерным итогом деятельности кабинета С. С. Крыма стал его исход при приближении большевиков в апреле 1919 года [22, с. 124].

28–29 апреля в Симферополе состоялась III Крымская областная конференция КП(б)У, одобрявшая

принятое в ЦК РКП(б) решение о создании Крымской Социалистической Советской Республики, и текст «Декларации Временного Рабоче-Крестьянского правительства», опубликованный 6 мая 1919 года [5, с. 144–148]. Декларация не содержала никаких упоминаний об автономной принадлежности КрССР ни к РСФСР, ни к УССР, при этом в ней заявлялось о «*полной неразрывной связи с Советскими Республиками России и Украины*». По мнению Т. Б. Быковой, это свидетельствовало о замысле создания КрССР «*как буфера против Антанты*» [3, с. 95].

На двойственность «автономно-самостоятельного» характера КрССР-1919 обращали внимание многие исследователи. С одной стороны, полагает большинство историков, она на автономных началах входила в состав РСФСР. Об этом свидетельствует оперативное переподчинение в начале мая большевистских парторганизаций Крыма непосредственно Центральному Комитету РКП(б) и однозначная впоследствии реакция правительства КрССР на различные поступающие из Совнаркома УССР указания, заключающаяся в том, что «*все вопросы Крыма согласно постановлению ЦК РКП(б) решаются исключительно Москвой*» [3, с. 99; 5, с. 148]. С другой стороны, наркомат иностранных дел КрССР провёл успешные переговоры с Грецией, добившись нейтралитета последней [22, с. 127], активно рассылал ноты странам Антанты, президенту Вильсону, международной конференции в Версале [21, с. 54]. В декрете ВЦИК от 1 июня 1919 года «Об объединении советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом» Крымская ССР хотя и не упоминалась в названии документа, но провозглашалась полноправным членом военно-политического союза советских республик.

Т. Б. Быкова обращает внимание и на то, что в некоторых документах, которые подписывал в том числе и исполнявший обязанности председателя Временного рабоче-крестьянского правительства Д. И. Ульянов⁶, Крымская ССР именуется «Крымской Советской Федеративной Республикой», «Крымской Социалистической Советской Федеративной Республикой»

⁵ **Крым Соломон Самойлович** (25 июня 1867 [по другим данным, 25 июля 1868], Феодосия — 9 сентября 1936, собственное имя Крым под Тулоном, Франция) — политический деятель, предприниматель, меценат, учёный-агроном. Депутат I и IV Государственной думы, возглавлял Таврическое губернское земство. В 1917 г. — комиссар Временного правительства, заведовал бывшим удельным ведомством в Крыму. Один из инициаторов создания и председатель попечительского совета Таврического университета. С 15 ноября 1918 по 15 апреля 1919 г. — председатель Совета министров и министр земледелия второго Крымского краевого правительства. После — в эмиграции. Основатель (1923) и председатель (впоследствии — почётный председатель) Караимского общества во Франции [19].

⁶ **Ульянов Дмитрий Ильич** (4 [16] августа 1874, Симбирск — 16 июля 1943, Горки Ленинские) — российский революционер, партийный и государственный деятель, младший брат В. И. Ленина. В 1901 г. окончил медицинский факультет Юрьевского (Тартуского) университета. В 1903–1914 гг. совмещал революционную деятельность с работой врача. В Первую мировую войну — военный врач. После Октябрьской революции вёл активную борьбу за советскую власть в Крыму. В апреле — июне 1919 г. — нарком здравоохранения и социального обеспечения, и. о. председателя Совнаркома Крымской ССР. С 1921 г. жил и работал в Москве: в Наркомздраве, Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, Коммунистическом университете трудящихся Востока, в научном секторе поликлиники Сануправления Кремля, в Центральном музее В. И. Ленина.

[5, с. 152]. По её мнению, это был способ подчеркнуть своё равноправие с РСФСР [3, с. 98].

Как отметил А. Копыленко, невзирая на различные обстоятельства, КрССР имела формальные признаки государственности, продолжая традицию, заложенную ССР Тавриды, и «поддержанную» двумя краевыми правительствами, несмотря на их абсолютно противоположные социально-экономико-политические основы. Но «если лидеры Советской Тавриды осознанно стремились проводить свою линию, правительство Сулькевича держалось на немецких войсках, правительство С. Крыма балансировало между добровольцами и Антантой, то Крымская ССР твердо «ориентировалась» на Советскую Россию» [21, с. 52].

Ряд исследователей обращает внимание на то, что созданная в 1919 году республика именовалась «Крымской». По их мнению, исключение из названия упоминания о Таврической губернии свидетельствует об окончательно сформировавшейся установке большевиков на принадлежность Бердянского, Днепровского и Мелитопольского уездов Советской Украине [22, с. 126].

КрССР унаследовала административно-территориальное деление Крымского края (рис. 2). Важной

особенностью на протяжении всего периода её существования было то, что территория Керченского полуострова оставалась подконтрольной Вооружённым силам Юга России. Временное рабоче-крестьянское правительство изменений в сетку админделения не вносило. Однако ещё одна реально представленная в Крыму сила в лице наркомвоенмора республики П. Е. Дыбенко, сосредоточившего в своих руках командование всеми частями Красной армии, руководствовалась собственными соображениями, переводя волости из одного уезда в другой, в том числе выходя за пределы полуострова. Это встретило резкий отпор со стороны предсовнаркома УССР Х. Раковского, отправившего 6 июня в адрес П. Е. Дыбенко телеграмму: «Ваш политком Жигалкин вмешивается в дела, превышающие его компетенцию, выделяя волости из одного уезда и присоединяя их к другому. А ведь границы Крыма распространяются на север лишь до Перекопского перешейка» [цит. по: 3, с. 99–100].

Возникший территориальный спор был прерван наступлением белогвардейских войск: 8 июня создаётся совет обороны Крымской республики как высший орган власти, объявивший 11 июня в Крыму военное положение. Тем не менее к 26 июня 1919 года объ-

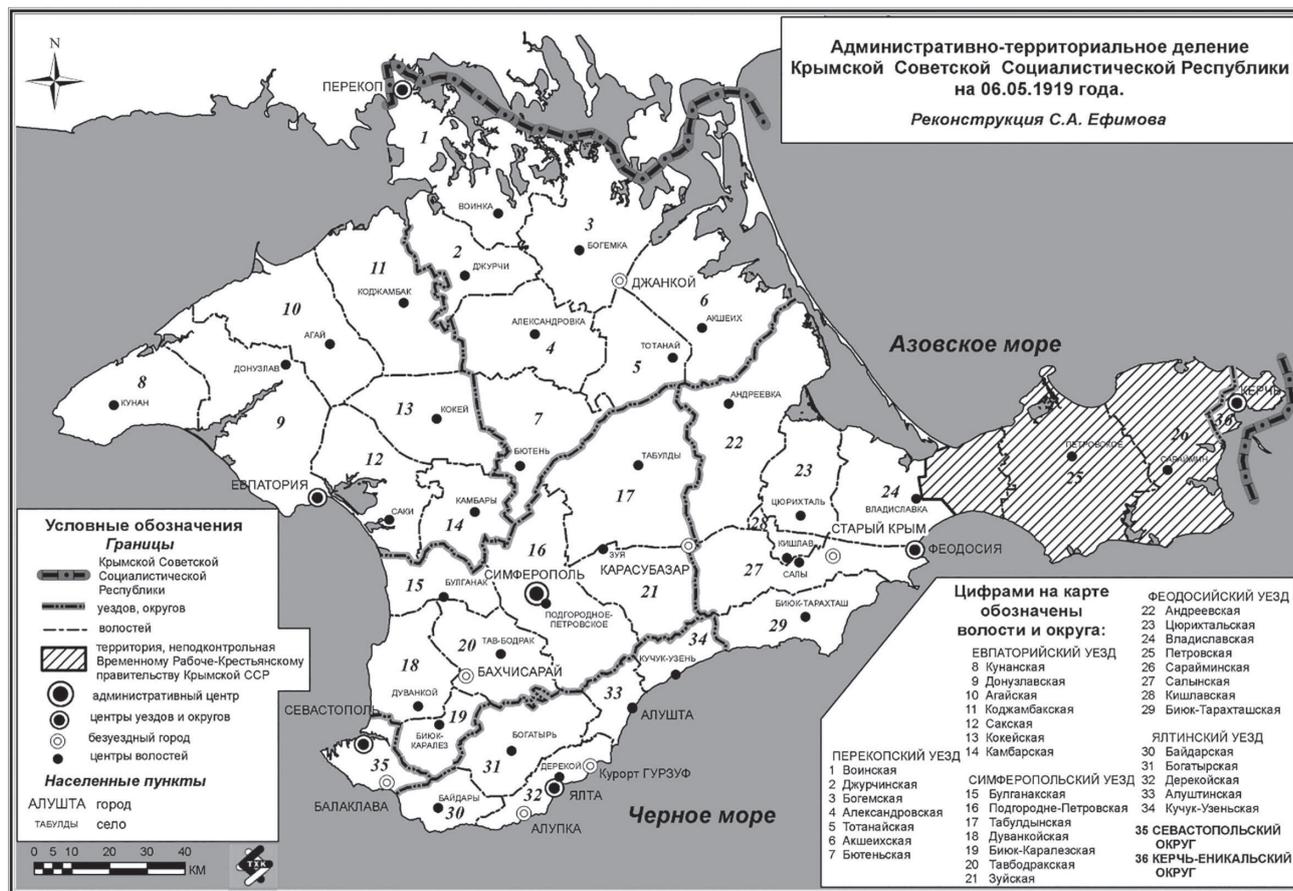

Рис. 2. Карта административно-территориального деления Крымской Советской Социалистической Республики на 6 мая 1919 года

единённые войска Антанты и Добровольческой армии заняли всю территорию полуострова, Крымская ССР прекратила своё существование [3, с. 105–106].

А. Деникин⁷, будучи сторонником «единой и неделимой России», включил Крым в состав возрождённой Таврической губернии, которая в свою очередь, наряду с Херсонской и Одесской губерниями, была включена в состав образованной им Новороссийской области. Однако к осени следующего года маятник военного успеха качнулся в сторону Красной армии. 16 ноября М. В. Фрунзе телеграфировал В. И. Ленину о ликвидации Южного фронта.

В третий раз большевикам предстояло решать проблему административно-территориального статуса Крыма.

Несмотря на уже имевшийся опыт функционирования двух советских республик, ЦК РКП(б) не стал развивать заложенные в декрете ВЦИК от 1 июня 1919 года наработки, оставив данный вопрос открытым для его дополнительного изучения.

Вся полнота власти на полуострове с 16 ноября 1920 года «*впредь до избрания рабочими и крестьянами Крыма Советов*» [цит. по: 20, с. 669] перешла к образованному двумя днями ранее реввоенсоветом Южного фронта и Крымским обкомом РКП(б) Крымскому революционному комитету (Крымревкому) во главе с Б. Куном⁸.

Отметим на полях, что неопределённость статуса полуострова (область, губерния, республика?..) в этот период не мешает большинству историков включать его без достаточных на то оснований во временной сегмент, относящийся к Крымской АССР. Можно было бы называть возникшее протогосударственное образование «Крымревкомией», но для этого ревкомовцы не оставили, к сожалению, необходимых документальных оснований.

Хотя работа по определению административно-политического статуса Крыма, включавшая соответствующую дискуссию среди работников партаппарата и партактива полуострова, растянулась почти на год, окончательное установление власти (правда, пока ещё без избранных Советов, а в виде системы разнорядных ревкомов) положило начало череде динамичных административно-территориальных инноваций.

Унаследованное трёхзвенное (Крым — уезд — волость) административное устройство стало оперативно реформироваться под новые управленческие потребности. Обеспечению единого подхода к базовому уровню способствовало выделение Севастопольского (15 декабря 1920 г.) и Керченского (25 декабря 1920 г.) уездов.

Уже 8 января 1921 года — спустя лишь два (!) месяца после начала своей деятельности — Крымревком утвердил принципиально новое, четырёхзвенное (Крым — уезд — район — сельревком) административное разделение Крыма на семь уездов, 20 районов и 298 сельревкомов (впоследствии — сельсоветов), базировавшееся на экономическом районировании с учётом национального состава населения (рис. 3). Эта колоссальная, проведённая в крайне сжатые сроки работа предвосхитила утверждённые в марте «Общие положения об установлении границ административно-хозяйственных районов», разработанные административной комиссией ВЦИК РСФСР (в «Общих положениях...» указывалось, что проведение нового административно-территориального переустройства — дело неотложное; его надлежало производить, учитывая численность населения, национальный состав, сосредоточение промышленности, тяготение населения к промышленно-распределительным пунктам, направление и характер путей сообщения) [15, с. 182].

В новых границах были реформированы семь уездов, на базовом уровне образовано двадцать административных районов (в Джанкойском уезде — Армянский, Джанкойский и Курман-Кемельчинский районы; в Евпаторийском уезде — Ак-Мечетский, Бакальский и Евпаторийский; в Керченском уезде — Керченский и Петровский; в Севастопольском уезде — Балаклавский и Бахчисарайский; в Симферопольском уезде — Биюк-Онларский, Карасубазарский, Подгорно-Петровский и Сарабузский; в Феодосийском уезде — Владиславовский, Ичкинский, Старо-Крымский и Судакский; в Ялтинском уезде — Алуштинский и Ялтинский районы). Территории районов в свою очередь были разделены на 298 сельревкомов, составивших первичный уровень административно-территориального устройства. Иными словами, как отмечает

⁷ Деникин Антон Иванович (4 [16] декабря 1872, пригород Влоцлавека, Царство Польское, Российская империя — 7 августа 1947, Энн-Арбор, Мичиган, США) — русский военачальник, политический и общественный деятель, писатель, мемуарист, публицист и военный документалист. Генерального штаба генерал-лейтенант (1916), командующий Западным и Юго-Западным фронтами (1917). Один из основных руководителей Белого движения в годы Гражданской войны, его лидер на Юге России (1918–1920). Главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России (1919–1920). С апреля 1920 г. — эмигрант. Автор воспоминаний «Очерки русской смуты», «Старая армия» и ряда других произведений.

⁸ Кун Бела (Бела Морисович Кун; 20 февраля 1886, деревня Леле близ г. Силадьчех [сейчас Чеху-Сильваниэй, жудец Сэлаж], Трансильвания — 29 августа 1938, Москва) — венгерский и советский коммунистический политический деятель и журналист. В марте 1919 г. провозгласил Венгерскую советскую республику. С октября 1920 г. — член Реввоенсовета Южного фронта, с 16 ноября 1920 г. — председатель Крымского ревкома, с 1921 г. — член Исполкома и Президиума Коминтерна. В 30-х гг. работал в издательстве «Гослит», занимался переводами с венгерского. Арестован в 1937 г. 29 августа 1938 г. приговорён Военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу. В тот же день расстрелян. Реабилитирован 2 июля 1955 г.

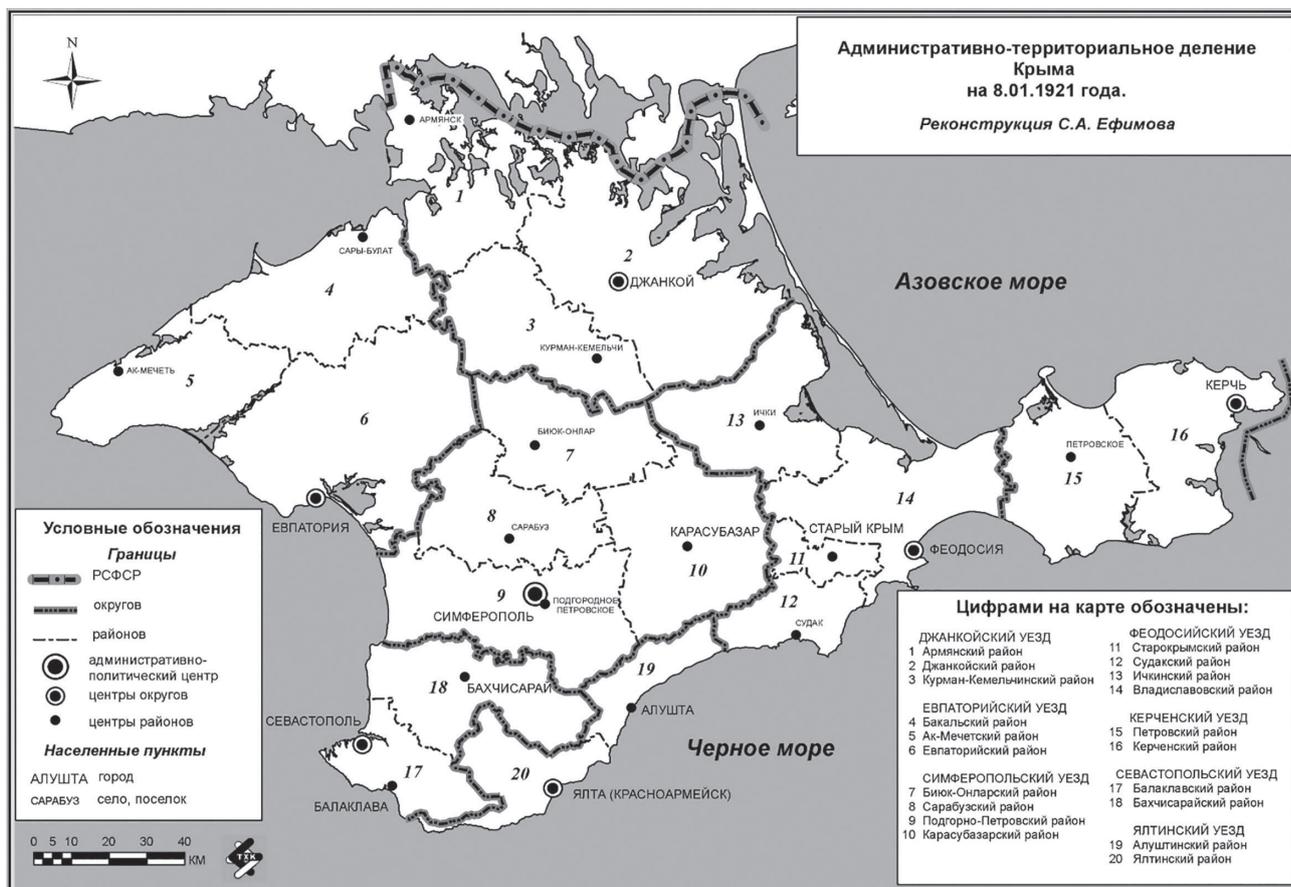

Рис. 3. Карта административно-территориального деления Крыма на 8 января 1921 года

один из разработчиков осуществлённой реформы П. Софийский: «Дореволюционное деление, преследовавшее главным образом фискальные цели и основанное на численности населения и естественных границах (горы, реки, дороги и пр.) административных единиц, было заменено в 1921 г. делением, произведённым по принципу экономического районирования. Основными районообразующими признаками при этом служили однородность производственно направленного хозяйства, тяготение населения к определённым экономическим и культурным центрам и однородность национального состава населения» [32, с. 38].

Отдельно укажем, что в описываемый период в Крыму была осуществлена и первая топонимическая инновация: в январе 1921 года Крымревком переименовал Ялту в Красноармейск, однако 25 августа того же года городу было возвращено историческое имя (подробнее об этом см.: [20, с. 673]). Данную инновацию профессор П. М. Полян ошибочно связал с депортацией крымских татар в 1944 году [29, с. 127].

11 апреля из Ялтинского района был выделен двадцать первый район — Коккозский (рис. 4). Все

последующие изменения административно-территориального устройства Крыма базировались в основном на районировании 1921 года, настолько удачным и продуманным оказался предложенный им базовый уровень.

18 октября 1921 года длительная многотрудная работа по определению политико-правового статуса Крыма была завершена принятием постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об автономии Крымской Советской Социалистической Республики» [24, с. 254–256]. Данным постановлением предписывалось: «1. Образовать Автономную Крымскую Социалистическую Советскую Республику, как часть РСФСР, в границах Крымского полуострова из существующих округов: Джанкойского, Евпаторийского, Керченского, Севастопольского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского». Таким образом, крымские уезды переименовывались в округа. Отметим, что на известную карту «Крым. Административное деление к маю 1921 года и районы экономического тяготения» [33, с. 1] из «Статистико-экономического атласа Крыма», изданного

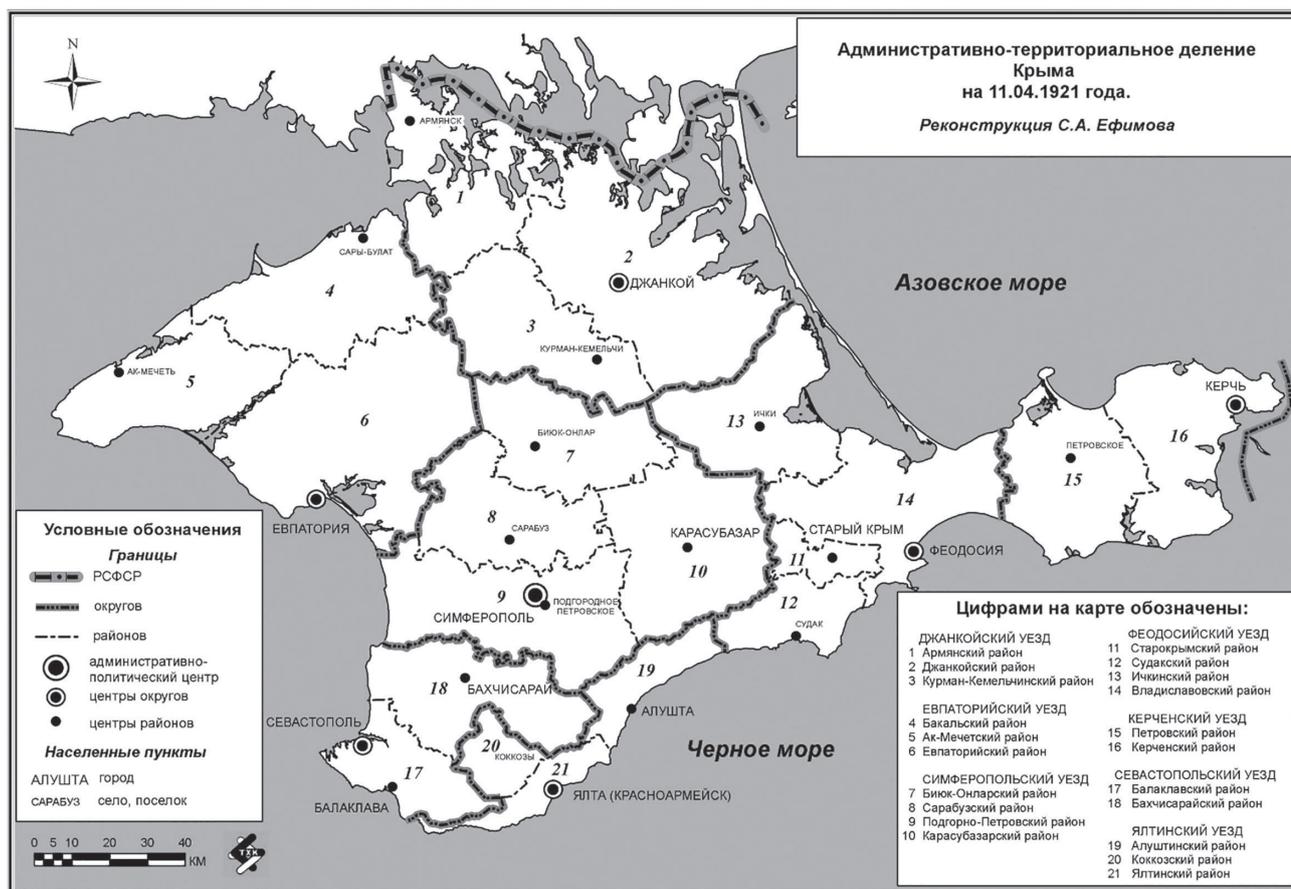

Рис. 4. Карта административно-территориального деления Крыма на 11 апреля 1921 года

в 1922 году, сведения о наличии округов вместо уездов внесены задним числом.

В примечании к ст. 1 данного постановления указывалось: «Для разрешения вопросов о северных границах Крыма образовать комиссию в составе представителей НКВД РСФСР, У.С.С.Р., Кр.ССР и Наркомнаца, решение которой утверждает ВЦИК». В связи с этим отметим, что ещё на подготовительном этапе комиссия по выработке Конституции Крымской республики 25 июня 1921 года констатировала необходимость присоединения части территории, непосредственно примыкающей к Крыму, а именно: Чонгарского полуострова и района, расположенного севернее и западнее его, включая город Геническ, общей площадью 89 809 десятин (1 десятина = 10 925,4 м² = 1,0925 га). В качестве мотивов данного подхода указывались необходимость концентрации в Крымском совнархозе вопросов добычи соли по всему Сивашскому соляному бассейну и необходимость увеличения продовольственного потенциала полуострова за счёт включения хлебородной территории. Данное предложение комиссии, направленное на согласование во Всеукраинский ЦИК,

не встретило поддержки. Ещё один проект расширения КрССР, который предусматривал присоединение уже вчетверо большей территории (площадью 375 000 десятин) с населением до 90 000 человек, подготовленный Комиссией по административно-экономическому районированию, образованной постановлением КрымЦИК и КрымСНК от 3 октября 1922 года, также не был поддержан. Руководство Советской Украины твёрдо стояло на позициях III Универсала Центральной рады.

Окончательное политико-правовое оформление третьей крымской республики осуществил 1-й Всекрымский учредительный съезд Советов, принявший 10 ноября 1921 года «Конституцию Крымской Социалистической Советской Республики» [24, с. 256–262]. Особо отметим, что как в официальном названии, так и в тексте Конституции отсутствовало указание на «автономный» характер республики, но особый акцент делался на том, что «КрымССР заявляет о своей твёрдой решимости остаться одной из составных частей общей федерации великой Российской Республики на началах теснейшего и полного политического и экономиче-

ского объединения для совместной борьбы за торжество коммунистической революции. Исходя из этого, КрымССР принимает и вводит в действие на всей территории Крыма все действующие законодательные акты РСФСР, как опубликованные доньше, так и издаваемые впоследствии, оставляя за собой право видоизменять их согласно условиям и особенностям Крыма».

Укажем также, что широко используемое название «Крымская АССР», неявно распространяемое большинством исследователей на весь период существования третьей крымской республики, начало появляться лишь во второй половине 1925 года и окончательно было закреплено лишь в Конституции, принятой 5 мая 1929 года VI Всекрымским съездом Советов.

Вернёмся, однако, в начало 20-х годов. В апреле 1922 года Алуштинский район из Ялтинского округа был передан в Симферопольский; Коккозский район присоединён к Бахчисарайскому, а последний в своём новом составе выделен из Севастопольского округа и также включён в Симферопольский округ (рис. 5). Данное решение носило вынужденный ситуативный характер из-за необходимости более эф-

фективного обеспечения населения продовольствием в условиях разразившегося голода [2, с. 27].

В 1923 году существенные трудности, связанные с невозможностью формирования значительного количества бездефицитных местных бюджетов, повлекли укрупнение административных единиц: были ликвидированы округа и образованы пятнадцать районов: Ак-Мечетский (объединённый с Бакальским районом), Алуштинский, Армянский, Бахчисарайский, Джанкойский (объединённый с Курман-Кемельчинским), Евпаторийский, Карасубазарский, Керченский (объединённый с Петровским), Сарабузский (объединённый с Биюк-Онларским), Севастопольский, Симферопольский (бывший Подгорно-Петровский), Старо-Крымский, Феодосийский (объединивший Владиславовский и Ичкинский районы) и Ялтинский (рис. 6).

Вскоре на административное структурирование территории вновь оказал мощное воздействие финансовый фактор: многие районы и большинство сельсоветов при существовавшей тогда системе налогообложения опять оказались неспособными сформировать свои минимально полноценные местные бюджеты. Наиболее дефицитными оказались бюд-

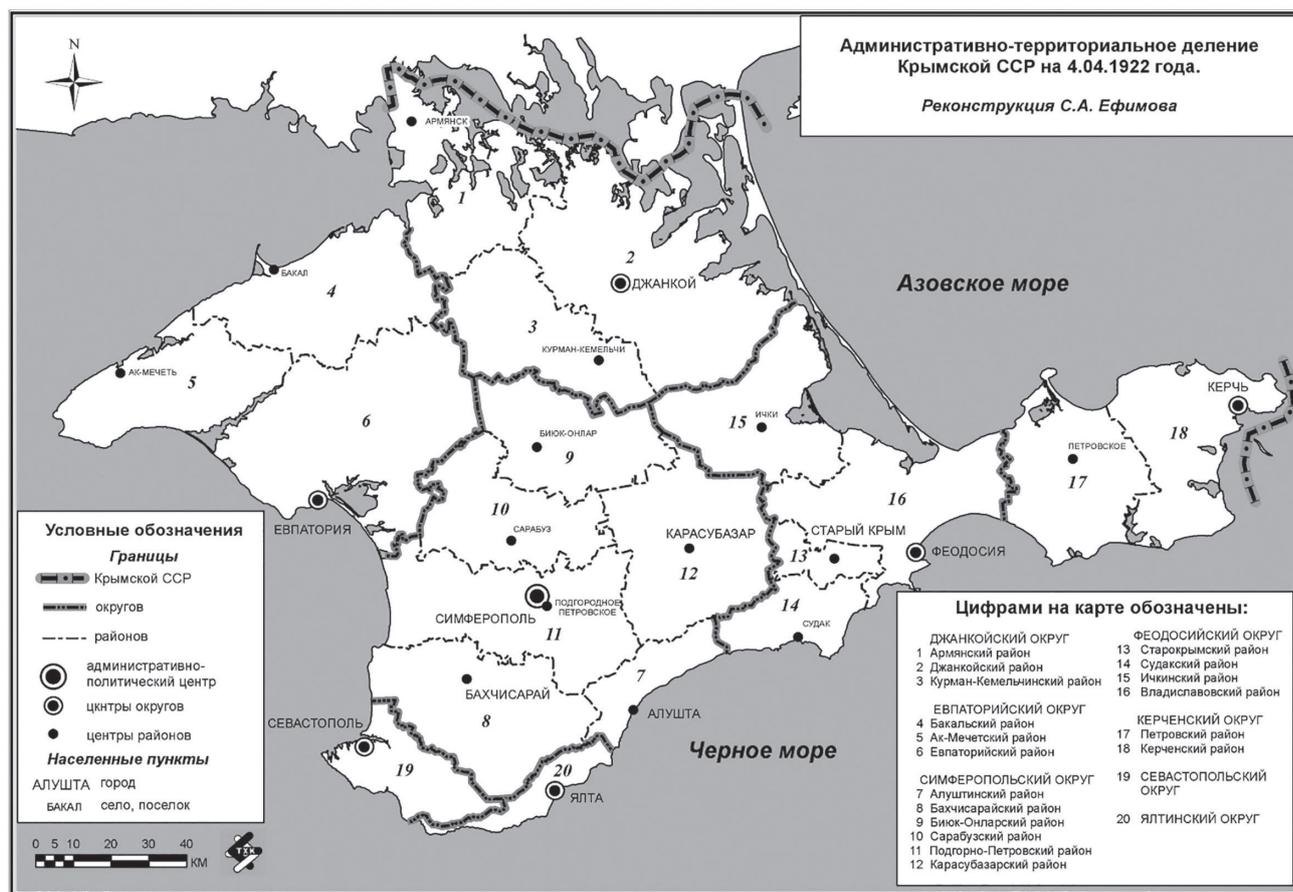

Рис. 5. Карта административно-территориального деления Крымской ССР на 4 апреля 1922 года

жеты южнобережных районов. Приемлемые варианты решений виделись в очередном укрупнении районов. Но этот процесс существенно ограничивал возможности учёта этнического фактора. По свидетельству П. М. Софийского, если объединение Ялтинского и Алуштинского районов, «однородных в экономическом и национальном отношении», выглядело естественным, объединение степных районов «по национальным соображениям также не представляло затруднений ввиду отсутствия в них компактной национальной массы», то районы Бахчисарайский, Карасубазарский и Судакский, «несмотря на их бюджетную дефицитность, вследствие национальной однородности и невозможности слияния их с соседними районами, должны были остаться самостоятельными» [32, с. 405].

В итоге 4 сентября 1924 года Президиумом Всероссийского ЦИК на основании ходатайства ЦИК Автономной Крымской ССР принято решение об упразднении пяти районов и включении территории ликвидируемых единиц в состав других районов (Ак-Мечетского — в Евпаторийский, Армянского — в Джанкойский, Сарабузского — в Симферопольский, Старо-Крымский (за исключением селений

Эльбузлы-Шах-Мурза и Каргалык, присоединявшихся к Судакскому району) — в состав Феодосийского, Алуштинский (за исключением селения Ускут, присоединявшегося к Карасубазарскому району) — в состав Ялтинского района (рис. 7). При этом ВЦИК указал «КрымЦИКу на нецелесообразность частого административного перекраивания границ» [1, с. 305]. Столь жёсткое замечание обеспечило стабильность административно-территориальных единиц базового уровня: они сохранились неизменными вплоть до начала 30-х годов XX века (см. рис. 7).

Сеть сельсоветов после многих изменений, преимущественно в сторону укрупнения, также сократилась с 298 в 1921 году до 143 в 1924-м и представляла собой неоднородную структуру разновеликих объектов, объединявших в степных районах до двадцати населённых пунктов (при среднем расстоянии до центра сельсовета в 10 вёрст), а в предгорных районах — до десяти (при среднем расстоянии до центра сельсовета в 5 вёрст) [18, с. 105].

Вместе с тем потребности управления и задачи усиления партийного влияния на население требовали приближения партийного и советского аппарата к селу, к крестьянским массам.

Рис. 6. Карта административно-территориального деления Крымской ССР на ноябрь 1923 года

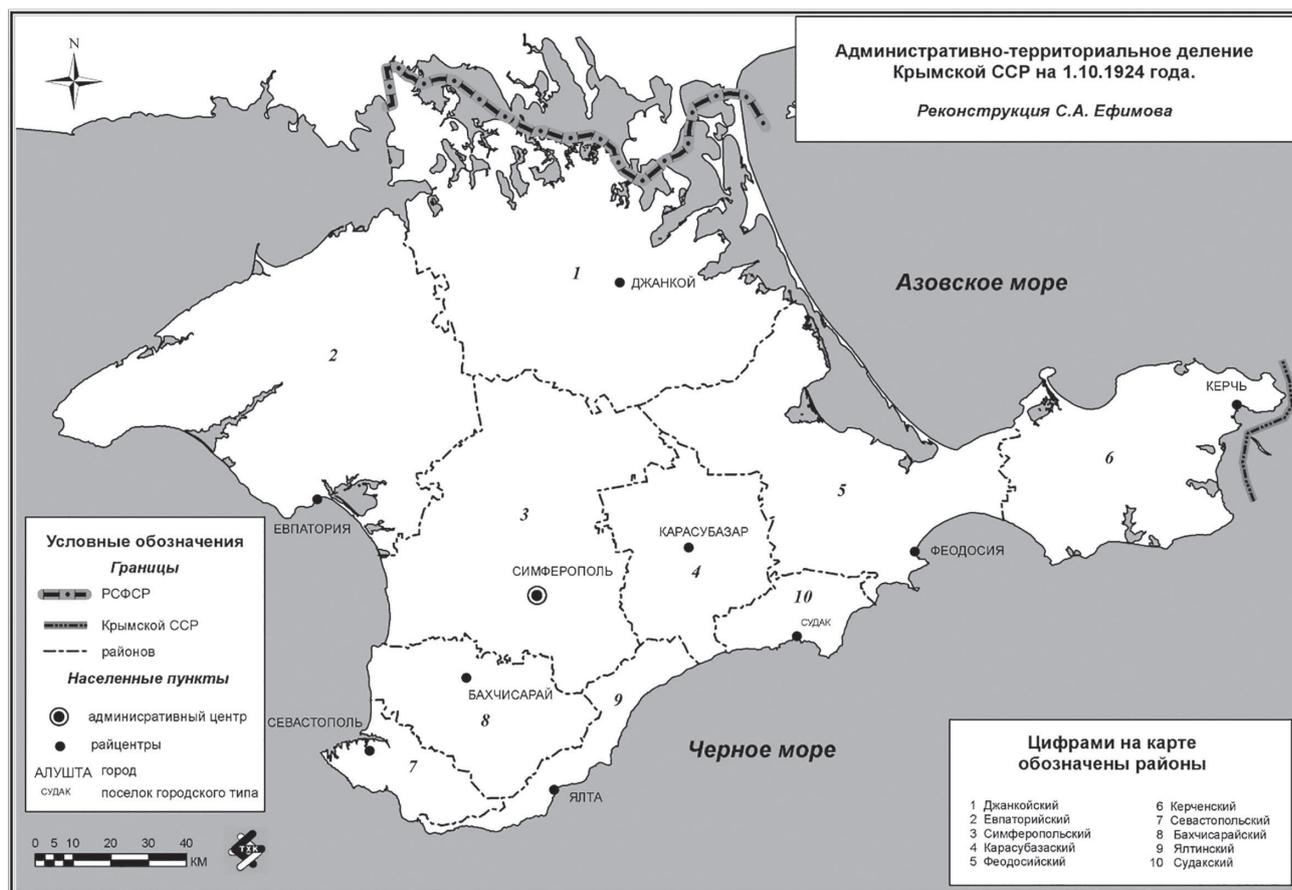

Рис. 7. Карта административно-территориального деления Крымской ССР на 1 октября 1924 года

В апреле 1925 года совещание по советскому строительству при Президиуме ЦИК СССР отметило, что осуществлявшееся в силу бюджетных затруднений укрупнение сельсоветов привело к неадекватному увеличению их территорий, вследствие чего создались неудобства для населения, низовые органы советской власти отделились от людей, ослабились возможности вовлечения сельского населения в повседневную практическую работу советов. Признано необходимым приступить к разукрупнению сельсоветов, с тем чтобы расстояние от центра сельсовета до крайнего селения, как правило, не пре-

вышало трёх вёрст. В развитие этого решения Административная комиссия ВЦИК дополнила основания разукрупнения указанием на необходимость обязательного учёта национального состава населения при построении сети сельсоветов.

Предварительно предполагалось, что новая сеть разукрупнённых сельсоветов будет состоять из 550–600 единиц [17, с. 97]. На практике, однако, их количество не превысило 443 (1934 г.).

Сведения о развитии в предвоенные годы в Крыму сети сельсоветов, в том числе национальных, приведены в таблице [18, с. 106].

Развитие сети сельсоветов в Крыму в 20-е годы XX века

Дата	Количество сельсоветов												
	всего по Крыму	в том числе											
русских		украинских	татарских	немецких	болгарских	греческих	еврейских	армянских	чешских	эстонских	смешанных	прочих	
1924	143	57		51	26	6	1				1	1	
1925	345	112		135	29	7	5	1	1			55	
1926	345	102		145	29	7	5	1	1	1	1	53	
1929	418		3	141	32	9	8	5	2	1	2		
1930	427	106	3	145	27	8	6	14	1		3	114	

Таким образом, административно-территориальные инновации 20-х годов озаменовались следующим:

- сокращено количество уровней управления;
- последовательно осуществлялось укрупнение административно-территориальных единиц базового уровня;
- на уровне сельсоветов — двукратное укрупнение их территорий в 1922 году с лихвой компенсировано последовавшим разукрупнением в 1926 году.

Впоследствии процессы социально-экономического и национально-государственного строительства вызвали к жизни новую волну административно-территориальных инноваций, начавшуюся в 1930 году [15, с. 186].

* * *

Заключая повествование о первых опытах крымской государственности, необходимо отметить, что начиная с 90-х годов прошлого века в научной и научно-популярной литературе достаточно широко распространяется миф о существовании Крымской Народной (Демократической) Республики, которая якобы была создана 13 декабря 1917 года курултайем крымских татар. Это, пожалуй, можно объяснить так, с одной стороны, *«жаждой исторических открытий», которая была особо оцутима после дезинтеграции СССР, так и, с другой стороны, желанием упредить исторический фундамент зарождавшейся в конце 90-х годов XX века системы “курултай — меджлис”»*.

Действительно, в этот день курултай сформулировал так называемые основные законы крымских татар. Впервые данный документ, представлявший собой перевод текста, опубликованного в 1952 году в монографии Эдиге Кырымала на турецком и немецком языках, был введён в широкий научный оборот М. Н. Губогло и С. М. Червонной в 1992 году [8]. Как указывает С. М. Червонная, сделанный ею перевод сопоставлен *«с прежними переводами текста на французский, польский и русский языки. При этом устранены некоторые неточности, имевшие место в прежних публикациях на русском языке и нередко искажавшие смысл статей “Национальной конституции”»* [8, с. 25].

Однако многократные переводы с переводов не способствовали достижению поставленной цели — устранению неточностей и, согласно эффекту «испорченного телефона», нашли своё отражение как в названии («Национальная конституция. Основной закон крымскотатарского народа»), так и в тексте. Обратим внимание читателя на заключительную часть ст. 16: *«Поэтому Курултай признаёт и провозглашает Демократическую Крымскую Республику»* [8, с. 25], т. е. даётся посыл на имя собственное (все слова с большой буквы), при этом в разделе «а» статьи 8 речь идёт о *«Крымской демократической республике»*.

Новый вектор в понимании итогового документа курултай-1917 зафиксировал составитель сборника документов «Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг.» [7] А. Г. Зарубин, включивший в сборник текст «Объявления крымско-татарского Национального Правительства», первоначально опубликованного в газете «Голос Татар» от 20 декабря 1917 года. В отличие от М. Н. Губогло и С. М. Червонной, он не разрывал единый текст «Объявления» на два документа. Однако, хотя в разделе А ст. 8 говорилось о *«крымской демократической республике»* [7, с. 25], в заключении ст. 16 речь уже идёт о *«Крымской Демократической республике»* [7, с. 27]. При этом по непонятным причинам публикации «Объявления...» предпослан заголовок «Конституция Крымской Народной Республики» [7, с. 24]. Так, с лёгкой руки составителя это название вошло в обиход.

Интересно, что в «Национальной конституции...», переопубликованной из сборника М. Н. Губогло и С. М. Червонной в сборник «Депортировані кримські татари, болгарі, вірмени, греки, німці», в ст. 16, речь идёт уже о *«Демократической Крымской Республике»*, а переопубликованное отсюда же, также отдельно от основного текста, объявление под названием «Обращение (Прокламация) татарского национального правительства», видимо, для пущей солидности снабжено сообщением о наличии под ним подписей никогда не существовавших должностных лиц — *«Президент и члены Правительства»* (как известно, в татарское правительство входили директор во главе с председателем совета директоров. — С. Е.) [13, с. 10–14].

Итоговый документ курултая в редакции, предложенной С. М. Червонной, в силу совершенно неправомерного применения ею в качестве ключевого термина слова «конституция», абсолютно не использовавшегося в 1917 году его создателями, приобрёл не присущую ему изначально общеобязательную контекстность. Эта микродеформация текста породила макроожидания исследователей при его анализе: *«Именно противоречие между внутренне-татарским назначением Конституции и её претензией на то, чтобы стать нормативной основой для жизни всего полуострова, составляют основную проблему этого документа»*, — указал в своей монографии А. Л. Копыленко [21, с. 12], пришедший к выводу о том, что *«Демократическая Крымская Республика так и осталась на бумаге»* [21, с. 14–15].

Обращаем столь пристальное внимание читателя на детали, ибо, как известно, именно в них кроется дьявол. Ведь не случайно с лёгкой руки первоиздателя у определённой части исследовательского сообщества продолжают укрепляться представления о принятии курултай-1917 некоей «конституции» и создании некоей «Крымской Демократической

(вариант: Народной) Республики». Приверженцы этого подхода, по-видимому, полагают, что термин «конституция» эквивалентен словосочетанию «крымско-татарские основные законы».

Отметим, что ещё в 1992 году А. В. Мальгин, анализируя крымский исторический контекст конца 1917 года, в статье с однозначно трактуемым названием «Республика, которой не было» [26] обосновал, что курултай не создавал никакой крымской государственности, а лишь предвосхищал её.

Спустя почти два десятилетия к этому выводу, основываясь на собственном исследовании, пришёл Айдын Шемьи-заде, опубликовавший в междисциплинарной газете «Авдет» статью «В 1917-м году не могло быть провозглашения Крымской народной республики!».

Приведём несколько цитат из этой небезынтересной работы. «Довольно часто, — пишет А. Шемьи-заде, — разные авторы упоминают о «провозглашённой в ноябре 1917-го года независимой Крымской Народной Республики». С одной стороны, можно сочувственно отнестись к желанию этих людей поверить в хоть недолгое существование такой «независимой республики». Но, с другой стороны, можно ли поощрять веру в никогда не существовавший фантом?»

Утверждение, что Курултай учредил Крымскую Народную республику, на самом деле не возмечивает события знаменательных ноябрьских дней, а принижает образ первого национального Парламента. При серьёзном подходе современные авторы должны бы осознать, что не могли мудрые и образованные лидеры Курултая пойти на такой страный шаг, как одностороннее провозглашение политического устройства на Полуострове в ноябре 1917-го года» [37].

Далее Айдын Шемьи-заде обращает внимание современных исследователей на статью 6 Крымско-татарских основных законов, в соответствии с которой татарский парламент был «ОБЯЗАН ВЫРАБАТЫВАТЬ ЗАКОНЫ ДЛЯ ТАТАР по вопросам народного просвещения, религии, юридическим, военным, финансовым, политическим торгово-промышленным

и земледелия». «Конечно, — продолжает автор, — утверждающим, что имело место провозглашение «республики», надо бы внимательнее ознакомиться с высказываниями участников тех событий. Джафер Сейдамет, который очень подробно излагает события 1917 года и рассказывает даже о том, как он подарил Челебиджихану зимнее пальто, не упоминает о таком событии, как «провозглашение Крымской Народной Республики». В его повествовании речь идёт только о необходимости принятия законов, которые легли бы в основу будущей народной республики. И он в отдельном разделе «Анауасанин кабули» пишет о принятии 13 декабря такого Основного Закона — и только! Никакого «провозглашения независимого государства» не было!» — резюмирует А. Шемьи-заде.

Не стремясь закрыть дискуссию по этой теме в целях обеспечения конструктивности дальнейших изысканий, обращаем внимание исследователей на ещё один источник, выявленный А. В. Мальгиным: текст объявления татарского национального правительства в ежедневной газете Таврического губернского земства «Южные ведомости» № 108 (273) от 23 декабря 1917 года [38], который введён в научный оборот в [16, с. 211–213].

Разделяя приведённые мнения о том, что Крымская Народная (вариант — Демократическая) Республика никогда не существовала, а решения курултая 1917 года только предвосхитили формирование государственности на Крымском полуострове, полагаем, что «основные законы крымских татар» надо рассматривать не с позиций создания государственности, а с позиций формирования на полуострове национально-персональной автономии крымских татар.

Приведённые в статье карты (рис. 1–7) составлены на основе картосхем из [27; 33]. При этом границы административно-территориальных единиц уточнены по спискам населённых пунктов по уездам «Статистического справочника Таврической губернии» [34; 35] с учётом орографии Крымского полуострова, а также по карте Крыма Крымского статистического управления 1922 года.

1. Административно-территориальные преобразования в Крыму, 1783–1998 гг. : справочник / председатель редкол. С. А. Ефимов. Симферополь : Таврия-Плюс, 1999. 464 с.

2. Административно-территориальное устройство Крыма в документах и картографических образах XVIII–XXI вв. / А. Г. Шевчук [и др.] / Регион. филиал Нац. ин-та стратег. исслед. в г. Симферополе. Симферополь : Таврия, 2006. 72 с.

3. Бикова Т. В. Створення Кримської АСРР (1917–1921 рр.) / відп. ред. С. В. Кульчицький. Київ : Ін-т історії України НАНУ, 2011. 247 с.

4. Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы / отв. ред. П. Н. Надинский. Симферополь, 1957. Т. 1 (Март 1917 г. — апрель 1918 г.). 320 с.

5. Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы / отв. ред. М. М. Максименко. Симферополь, 1961. Т. 2 (Май 1918 г. — ноябрь 1920 г.). 364 с.

6. *Владимирский М. В.* Красный Крым 1919 года. М. : Изд-во Олега Пахмутова, 2016. 304 с.
7. Вопросы развития Крыма. Вып. 3 : Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. / сост. А. Г. Зарубин. Симферополь, 1996. VII + 89 с.
8. *Губогло М. Н., Червоная С. М.* Крымскотатарское национальное движение. Т. 2 : Документы. Материалы. Хроника. М. : Центр по изучению межнац. отношений, 1992. 340 с.
9. Декларация Крымского Краевого Правительства от 12/25 июня 1918 года // Центральный музей Тавриды. КП-11978_99_Д-666.
10. Декларация Крымского Краевого Правительства, сформированного согласно резолюции Краевого Съезда Губернских Гласных от 18 октября 1918 г., с дополнениями от 10 ноября т. г. // Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства. 1918. № 10. 1 дек. С. 232–233.
11. Декрет Центрального Исполнительного Комитета Республики Тавриды об объявлении Крымского полуострова Советской Социалистической Республикой Тавриды от 22 марта 1918 г. // Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы... С. 227–228.
12. Декрет Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Таврической Республики об объявлении Таврической губернии Советской республикой и организации Совета Народных Комиссаров от 19 марта 1918 г. // Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы... С. 225.
13. Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці : Документи. Факти. Свідчення (1917–1991) / упоряд. Ю. Білуха, О. Власенко. Київ : Муз. Україна, 2004. 464 с.
14. *Дубко Ю. В.* Советская Республика Тавриды: авантюра большевистского государственного строительства / под ред. В. А. Зайцева. Симферополь : Таврида, 1999. 208 с.
15. *Ефимов С. А.* Административно-территориальные инновации 20-х годов XX века в Крыму // Проблемы и перспективы инновационного развития экономики : материалы XIX междунар. науч.-практ. конф. Симферополь ; Алушта : Крым. акад. наук, 2014. С. 181–186.
16. *Ефимов С. А.* Административно-территориальные преобразования и опыты крымской государственности в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и Крым : сб. ст. Симферополь : Антиква, 2015. С. 194–219.
17. *Ефимов С. А.* Этнические аспекты административно-территориального устройства Крыма 20–30-х годов XX века // Этничность, религия и политика. Симферополь : ИТ «Ариал», 2015. С. 94–105.
18. *Ефимов С. А.* Этнический вектор административно-территориальных инноваций в XX веке в Крыму // Проблемы и перспективы инновационного развития экономики в XXI веке : материалы XX междунар. науч.-практ. конф. Симферополь ; Алушта : КИПУ, 2015. С. 104–111.
19. *Ефимов С. О.* Крым Соломон Самійлович // Енциклопедія Сучасної України. Т. 15. Київ, 2014. С. 424.
20. *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Изд. 20-е, испр. и доп. Симферополь : Антиква, 2008. 728 с.
21. *Копиленко О. Л.* Автономна Республіка Крим: проблеми правового статусу. Київ : Таксон, 2002. 342 с.
22. *Кративенцев М. Ю.* История трансформации политико-правового статуса Крыма в 1917–1921 годах : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2014. 231 с.
23. Краткий отчет о деятельности делегации Крымского Правительства в Киеве с 26-го сентября по 16-е октября 1918 г. / коммент. А. В. Мальгина // Крымский архив. 1996. № 2. С. 69–74.
24. Крымская АССР (1921–1945) / сост. Ю. И. Горбунов. Симферополь : Таврия, 1990. 320 с.
25. *Мальгин А. В.* «Ненужная борьба между двумя частями России...» К истории украино-крымских отношений в 1918 году // Крымский архив. 1996. № 2. С. 64–68.
26. *Мальгин А. В.* Республика, которой не было // Таврические ведомости. 1992. № 5, 6, 7, 8 (февр.).
27. Материалы по описанию кирпично-черепичных заводов и цементных мастерских в разных волостях Таврической губернии / Страховой отдел Тавр. губ. зем. управы. Симферополь : Тип. Тавр. губ. земства, 1912. Прил. : картосхема.
28. *Оболенский В. А.* Крым при немцах. «Война Крыма и Украины» // Крымский архив. 1996. № 2. С. 14–28.
29. *Полян П.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР М. : Изд-во «ОГИ-Мемориал», 2001. 328 с.
30. Постановление Совета Министров Крымского Краевого Правительства об утверждении Положения об Учреждении управления Крымской Краевой Внутренней Стражи, окружных, уездных, городских и судебно-уголовных отделов и отделений названной Стражи // Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства. 1918. № 7. Отдел первый. С. 131–150 / Фонд Центр. музея Тавриды, КП 11978/364.
31. *Скоропадский П.* Воспоминания: конец 1917 года по декабрь 1918 года // Скоропадский П. Спогади: кінець 1917 — грудень 1918. Київ, 1995. 495 с.
32. *Софійський П.* Новое административное деление Крымской АССР // Экономика и культура Крыма. 1930. № 2. С. 37–49.
33. Статистико-Экономический атлас Крыма. Вып. 1. Симферополь : Крымстатупр. ; Крымиздат, 1922. 104 с.
34. Статистический справочник Таврической губернии / Статбюро Тавр. губ. земства ; сост. Ф. Н. Андриевский ; под ред. М. Е. Бененсона. Ч. 1 : Статистический очерк Таврической губернии. Симферополь : Тип. Тавр. губ. земства, 1915. VI + 104 с.
35. Статистический справочник Таврической губернии / Статбюро Тавр. губ. земства ; сост. Ф. Н. Андриевский ; под ред. М. Е. Бененсона. Ч. 2 : Список населённых пунктов по уездам. Вып. 3–8. Симферополь : Тип. Тавр. губ. земства, 1915.
36. Україна : Адміністративно-територіальний устрій (станом на 1 січня 2012 р.) / Верховна Рада України. Київ : Парламент. вид-во, 2012. С. 13.
37. *Шемь-заде А.* В 1917-м году не могло быть провозглашения Крымской народной республики! // Авдет. 2001. 19 дек. (№ 51).
38. Южные Ведомости : ежеднев. газ. Тавр. губерн. земства (Симферополь). 1918. 23 дек.

Рецензии

О. В. Романько

Крымская весна 1944-го: как это было*

Рецензия на книгу «Крым 1944. Весна освобождения»
(авт.-сост. С. Н. Ткаченко. М. : Вече, 2014. 512 с.)

Освобождение Крыма весной 1944 года относится к числу важнейших наступательных операций Великой Отечественной войны, третьему из десяти так называемых сталинских ударов. Разгромив крымскую группировку немецко-румынских войск, Красная армия решила не только чисто военную задачу по уничтожению и пленению живой силы противника. В мае 1944 года Германия потерпела серьёзное стратегическое поражение, которое поставило под угрозу весь южный фланг её Восточного фронта. Имело это поражение и далеко идущие политические последствия для позиций Болгарии и Румынии — немецких сателлитов в регионе, а также для несостоявшегося союзника — Турции. Наконец, Крымская наступательная операция интересна с точки зрения военного искусства как образец блестящего планирования и исполнения полководческих замыслов.

Об этих событиях начали писать практически сразу после окончания Великой Отечественной войны. Тем не менее, несмотря на значимость этой темы с научной точки зрения, о ней до сих пор нет отдельных работ. И в отечественной историографии, и в немецкой комплекс исследований о «третьем сталинском ударе» ограничен несколькими статьями и отдельными главами

в обобщающих монографиях. Поэтому закономерно, что любая новая работа о Крымской наступательной операции вызывает интерес у научного сообщества и всех, кто интересуется данной темой.

В связи с этим нельзя не отметить вышедшую в 2014 году в московском издательстве «Вече» монографию «Крым 1944. Весна освобождения», подготовленную коллективом научно-исследовательской лаборатории «Крым во Второй мировой войне 1939–1945 гг.»¹. Исследователи и краеведы, входящие в эту организацию, уже выпустили целый ряд работ и сборников статей, в которых вполне научно и квалифицированно дали оценку некоторым событиям из истории нашего полуострова периода войны и нацистской оккупации². А их руководитель и автор-составитель монографии — С. Н. Ткаченко — не так давно защитил кандидатскую диссертацию по проблемам партизанского движения на территории Крыма³.

Многие авторы, которые писали о Крымской наступательной операции 1944 года, рассматривали, как правило, только её определённые аспекты. Это или военные действия на суше и на море, или десанты на Керченский полуостров, или характеристика активности немецкой стороны и т. п. Исходя

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-31-10169, а(ц): «История Крыма»).

¹ Крым 1944. Весна освобождения / авт.-сост. С. Н. Ткаченко. М.: Вече, 2014. 512 с. (здесь и далее все страницы указаны по данному изданию).

² См., например: Крымфронт: проблемы истории и памяти. 70 лет спустя : сб. работ науч.-практ. конф. Симферополь : ДИАИПИ, 2012. 367 с. ; Научное творчество крымских исследователей : сб. осн. науч. докл. 2-го и 3-го симпозиумов молодых учёных. Симферополь : ДИАИПИ, 2013. 208 с.

³ Ткаченко С. М. Дії радянської авіації в інтересах партизанських формувань Криму (1942–1944 рр.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук: 20.02.22 / Нац. ун-т оборони України ім. Івана Черняховського. Київ, 2013. 20 с.

из сказанного, авторы монографии вполне обоснованно поставили перед собой цель: системно осветить события апреля — мая 1944 года, показать в комплексе как военные, так и политические факторы, приведшие в результате к разгрому немецко-румынских войск (с. 5–6).

В работе использован широкий спектр этих публикаций и статей по проблеме, опубликованных главным образом на русском и украинском языках. Литература на английском или немецком языке отсутствует, если не считать таковой некоторые переводные издания. Ознакомление с текстом монографии даёт представление о тех источниках, которые привлекли авторы. Для достижения поставленной в своём исследовании цели они использовали опубликованные документы, воспоминания и дневники, прессу, а также фонды Государственного архива Республики Крым и Государственного архива Российской Федерации. И если документальные коллекции крымского архива представлены довольно разнообразно, то в архиве РФ, судя по научно-справочному аппарату, проанализировано только одно дело. Всё вышесказанное, на наш взгляд, обусловило систематизацию материала автором не по проблемно-хронологическому принципу, а в форме сборника статей и материалов.

Структурно «Крым 1944. Весна освобождения» состоит из вступления и двенадцати разделов. Разделы написаны отдельными авторами и повествуют о том или ином аспекте Крымской наступательной операции. В целом можно выделить следующие тематические блоки данного исследования.

1. Общие вопросы, связанные с планированием, проведением и итогами операции по освобождению Крыма. В этих разделах дан анализ общей обстановки на полуострове и подступах к нему накануне операции, рассмотрены силы и средства сторон, показан прогресс советского военного искусства по сравнению с предыдущими периодами. Тематически к этим разделам примыкает материал об Отдельной Приморской армии, её силах и организационных возможностях (с. 10–37, 59–77, 484–501).

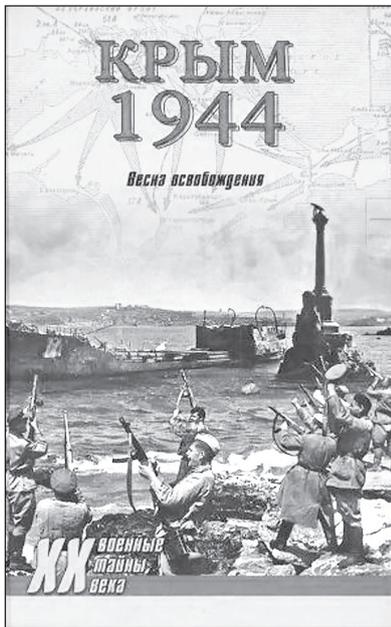
2. Разделы о деятельности отдельных частей и соединений Красной армии до начала операции и в ходе неё. Здесь читатель может узнать информацию о десантах на Керченский полуостров в январе 1944 года, боевой работе авиации Черноморского флота и действиях подводных лодок на примере одной из них — Щ-216 (с. 38–58, 78–170, 240–408).

3. Материалы, посвящённые некоторым аспектам внутренней ситуации в Крыму. А именно нацистскому оккупационному режиму и его проявлениям (главным образом Холокосту), партизанскому движению, силам и средствам вермахта, предназначенным для обороны Керченского полуострова (с. 171–239, 409–483).

Не совсем понятна роль заключительного, 12-го раздела монографии, в котором авторы М. Ш. Гольденберг и М. А. Гольденберг ведут полемику с украинским историком В. Гриневичем о том, было ли освобождение Украины действительно освобождением или новой оккупацией. В первых, в этом тематическом блоке отсутствует крымский материал. Во вторых, если это своего рода заключение монографии, оно должно содержать выводы и обобщения по вышеприведённым фактам (с. 502–509).

Кроме того, говоря о структуре работы, нельзя не отметить, что четыре из двенадцати разделов представляют чисто справочный материал, состоящий из разнообразных списков и таблиц. На наш взгляд, целесообразнее было бы не помещать эти сведения между разделами с текстовыми материалами, а выделить их в самостоятельные приложения в конце книги (с. 59–170, 240–324, 409–458). Там же следовало поместить унифицированный справочный аппарат, полный перечень использованных сокращений и сведения о всех семи авторах.

Тем не менее следует признать, что указанные недостатки не носят системный характер. Авторский коллектив монографии «Крым 1944. Весна освобождения» проделал значительную работу по сбору и систематизации документальных материалов по заявленной проблеме. Правда, литература, изученная исследователями, источниковая база, структура и содержание не позволяют в целом назвать эту монографию академическим трудом. Однако её научная ценность заключается в другом. Авторы задают направления дальнейших научных поисков, а также указывают на проблемы и лакуны, существующие в изучении истории Крымской наступательной операции. Наконец, собранный ими фактический материал уже сам по себе представляет научную ценность и может служить отправной точкой для дальнейших исследований. Всё сказанное, безусловно, позволяет считать монографию «Крым 1944. Весна освобождения» несомненным вкладом в историографию Великой Отечественной войны, которая, на наш взгляд, вызовет широкий интерес не только у специалистов, но и у всех тех, кто занимается историей этих трагических событий.

В. В. Майко

События 1475 года в Крыму: новые факты, гипотезы, осмысление

Рецензия на книгу В. Л. Руева
«Турецкое вторжение в Крым в 1475 году»
(Симферополь : Антиква, 2014. 308 с.)

Средневековый период в истории Крымского полуострова отличается своей многогранностью, насыщенностью событиями и деятельностью различных исторических личностей. Изучением этого весьма сложного исторического контекста на протяжении десятилетий занимается плеяда отечественных и зарубежных учёных. При этом количество опубликованных трудов, посвящённых османскому периоду в истории Крыма, нельзя назвать значительным. Именно поэтому любой новый труд, и тем более новое законченное исследование по истории отдельной проблемы средневековой истории Крыма, привлекает внимание и сразу же становится площадкой для дискуссий.

Подобное исследование посвящено событиям турецкого вторжения в Крым в 1475 году молодым крымским историком, кандидатом исторических наук В. Л. Руевым в 2014 году в Симферополе. С учётом высокой значимости заявленной тематики необходимо детально рассмотреть основные аспекты исследования В. Л. Руева, уровень разрешения затронутых им проблем и остановиться на значимости основных выводов автора. Рецензируемая книга состоит из семи глав, введения, заключения, резюме на русском и английском языках, а также списка источников и литературы из 334 наименований.

Во введении автор начинает выстраивать чёткую и понятную структуру внешней агрессивной политики Османской империи во второй четверти XV века. На знаковые для всемирной истории годы правления султана Мехмеда II Завоевателя (1444–

1446; 1451–1481) приходится завершение формирования фундамента Османской империи, на котором его последователи — Баязид II (1481–1512), Селим I (1512–1520) и Сулейман I (1520–1566) — выстроили мощную государственную машину, в границы которой входили покоренные земли в Европе, Азии и Африке. Несмотря на достаточно обширную историографию, посвящённую жизни и деятельности Мехмеда II, В. Л. Руев выделяет в его завоевательной политике в качестве отдельного направления борьбу Османской империи за контроль над торговыми путями в бассейне Чёрного моря, разделяющуюся в свою очередь на четыре отдельные кампании — Византийскую (1452–1453), Крымскую (1454–1475), Трапезундскую (1456–1461), Валахско-молдавскую (1462–1484). Подобное структурирование определяет место Крымской кампании в общем процессе внешней агрессивной политики Османской империи во второй половине XV века. Структурный подход исследователя заставляет читателя относиться к турецкому вторжению в Крым в 1475 году не просто как к отдельному историческому явлению, а как к составной части средневековых геополитических процессов, охвативших сразу несколько континентов.

В первой главе своей книги исследователь делает обзор источниковой базы по вторжению османов в Крым в 1475 году, которую он разделяет на два типа: письменную и материальную. Письменные источники группируются в подтипы — в зависимости от происхождения: османские, итальянские, русские, ар-

мянские, польские, германские. Подробный разбор происхождения и содержания каждого из имеющихся источников даёт возможность определить их степень значимости. Следует отметить, что В. Л. Руев использовал практически весь спектр известных на сегодняшний день письменных источников по истории турецкого вторжения в Крым. При этом, если его предшественники руководствовались в своих выводах данными только письменных источников, то в его книге появляются материалы многолетних археологических исследований. Участвуя в составе Мангупской археологической экспедиции под руководством известного крымского археолога А. Г. Герцена, автор выделил в числе материальных источников артефакты, которые использовались завоевателями в 1475 году, а именно наконечники стрел, пушечные ядра и пули к ручному огнестрельному оружию. Простая и обоснованная классификация археологических находок, а также их происхождение из закрытого археологического комплекса позволили автору не только датировать артефакты в пределах августа — декабря 1475 года (подобная точность для археологии является поистине уникальной!), но сделать, исходя из датировки, весьма весомые выводы, отличающиеся от выводов предшественников. Методология исследования В. Л. Руева является весьма показательной в плане комплексного использования и взаимопроверки сведений письменных и материальных источников.

Анализ историографии и истории археологического изучения османской экспансии в Крым в 1475 году, осуществлённый во второй главе, убеждает, что автор прекрасно знаком с выводами и достижениями своих предшественников. При этом сквозь призму историографического обзора становится ясно, что степень изучения причин, военных действий и итогов турецкого вторжения в Крым до написания книги находилась на недостаточном уровне, хотя ряд специалистов осуществили серьёзные шаги в разработке определённых проблем.

Исследование убеждает, что автор не только перепроверил выводы своих предшественников, но и предложил свои предложения по разрешению исторических вопросов, которые, на наш взгляд, имеют высокую степень научного обоснования. По ряду проблем высказаны весьма перспективные гипотезы, а в ключевых вопросах (хронология, причинно-след-

ственные связи, особенности военных действий) наметились серьёзные прорывы. Историческая картина, нарисованная В. Л. Руевым, отличается от представлений его предшественников, что, собственно, и является одной из сильных сторон исследователя и вкладом в историческую науку.

В следующей, третьей главе выделены предпосылки вторжения османов в Крым. В. Л. Руев отметил в контексте общей исторической ситуации основные этапы продвижения османов в Крым, которые он сравнивает с постепенным удушением удавом своей жертвы не только военным, но и экономическим путём на фоне бесполезных попыток европейских государств создать антиосманский союз и дать эффективный отпор турецкой угрозе.

В четвёртой главе автор книги рассмотрел условия и причины османской экспансии в Крым в третьей четверти XV века и сделал вполне аргументированный вывод, что, несмотря на стратегическую значимость Крымского полуострова для Османской империи, турецкое вторжение в Крым летом 1475 года носило вспомогательный характер в

контексте османско-молдавского противостояния. Однако после неудач под Мангупом 2-й молдавский поход 1475 года автоматически стал Крымским — с самостоятельным статусом. Комплексное рассмотрение внешнеполитических условий и политических противоречий внутри правящей верхушки Крымского ханства приводит к максимально объективному пониманию тех самых истоков, которые привели к почти 300-летнему господству османов в Северном Причерноморье.

В пятой главе, анализируя состояние вооружённых сил Османской империи во второй четверти XV века, учёный достаточно смело берётся считать численность османского экспедиционного корпуса, используя при этом различные данные письменных источников и материалы о численности выдвинутой к крымскому побережью турецкой эскадры. Полученный вывод — 20 тыс. участников экспедиции — можно считать достаточно обоснованным.

Последние две главы книги посвящены непосредственно ходу военных действий в Крыму. Здесь автор полностью реализовал своё видение ситуации и создал её реконструкцию. Целый ряд выводов достаточно смелые и идут вразрез со сложившимся традиционным пониманием ситуации. Так, он комплексно

представил причины быстрой сдачи Кафы туркам, обосновав бесполезность её дальнейшего сопротивления. Рассуждая об археологических материалах Судакской крепости, В. Л. Руев приходит к выводу о сдаче города османам, тем самым опровергая принятую версию о её длительном и героическом сопротивлении. Отпор туркам из южнобережных генуэзских крепостей оказали лишь защитники Чембало. Все остальные покинули крепости либо морским путём, либо встали на защиту стен Мангупа. Таким образом, исследователь в полной мере продемонстрировал возможности взаимопроверки сведений, представленных письменными и материальными источниками.

Ключевой эпизод турецкого вторжения в Крым — осаду и захват Мангупа, столицы княжества Феодоро, — В. Л. Руев представил на основании новейших исследований. Он не только использовал научные достижения своего наставника А. Г. Герцена, но и самостоятельно дал ответы на ключевые вопросы

о последних днях Мангупа. Остатки полевого османского лагеря, закрытый комплекс с артефактами августа — декабря 1475 года, археологическое подтверждение легенды о хитрости турок в прорыве в город — это результаты ключевых научных открытий, на базе которых автор создаёт свою историческую реконструкцию. Теоретические выводы, сделанные на основе своих исследований, также полностью укладываются в логические рамки понимания исторических реалий 1475 года.

Книга В. Л. Руева практически лишена слабых сторон. Безусловно, можно оспаривать какие-либо выдвинутые автором гипотезы, однако это уже не будет иметь принципиального значения для созданной исторической картины. При этом картина эта закончена, понятна и полностью аргументирована, что даёт возможность констатировать: историческая наука пополнилась ещё одним современным и качественным исследованием.

Dr. Golda Akhiezer,

Senior lecturer at the Ariel University, The Israel Heritage Department, Israel

Голда Ахиезер,

PhD, старший преподаватель, Ариэльский университет (Израиль)

Важная веха в исследовании караимизма

Рецензия на книгу Михаила Кизилова
«The Sons of Scripture: the Karaites in Poland
and Lithuania in the Twentieth Century»
(De Gruyter Open, 2015. 546 p.)

Книга Михаила Кизилова «The Sons of Scripture: the Karaites in Poland and Lithuania in the Twentieth Century» («Сыны Писания: караимы Литвы и Польши в XX веке»), вышедшая в свет в издательстве De Gruyter Open в 2015 году, является важной вехой в исследовании караимизма, а также в истории евреев Восточной Европы в целом.

Следует отметить, что различные аспекты истории восточноевропейского еврейства между двумя мировыми войнами представлены в научных публикациях довольно подробно. Вместе с тем исследования по истории, культуре, а также идентичности караимов Польши и Литвы этого периода крайне малочисленны. Более того, значительная часть изданий на эту тему отражает мнения и мировоззрение, возникшие на базе идей таких восточноевропейских караимских авторов XIX века, как, например, Мордахай Султанский, Соломон Бейм и прежде всего Авраам Фиркович. Их целью было создание новой караимской истории и традиции для получения равенства в правах с нееврейским населением Российской империи. Книга М. Кизилова заполняет эту важную в историческом и культурном смысле лауну, воссоздавая современную историю караимов, о которой, как ни странно, мы знаем довольно мало.

Во введении к книге, а также в первой главе автор представляет проблематику караимских

штудий, коренным образом отличающуюся от исследований многих других сфер и тем. Речь идёт в первую очередь о весьма значительном по объёму материале, включающем устные предания, опубликованные упомянутыми караимскими лидерами в рамках изучения собственной истории, результаты исследований по физической антропологии, заметки путешественников и т. д. Значительная часть этих источников, на которые опирались как любители древностей XIX века, так и многие современные нам исследователи (не станем подвергать их критическому анализу), является крайне проблематичной в силу ряда обстоятельств. Многие предания, изложенные упомянутыми авторами XIX века, включая те из них, которые опирались на караимский фольклор и, возможно, содержали в себе историческое зерно, являются в большой степени плодом вымысла этих авторов. Их целью было продемонстрировать властям автохтонность караимского населения в восточноевропейских землях, особое отношение к ним правителей, а также вклад караимов в развитие стран, в которых они проживали.

Исследования столь модной в Европе в начале XX века физической антропологии не выдерживают никакой критики с точки зрения современной науки; тем не менее на эту тему до сих пор было крайне мало критических публикаций. Записки же путешествен-

ников о караимах, которые М. Кизиллов впервые собрал почти в полном объёме в более ранних исследованиях (см. его книгу «Karaites through the Travelers' Eyes», вышедшую в Нью-Йорке в 2003 году), также опираются по большей части на свидетельства самих караимов и относятся к позднему периоду, в который создавались их псевдонаучные теории. М. Кизиллов подвергает научной критике все эти и другие источники, что позволяет ему прийти к важным выводам как в области источниковедения, так и собственно караимской истории Восточной Европы.

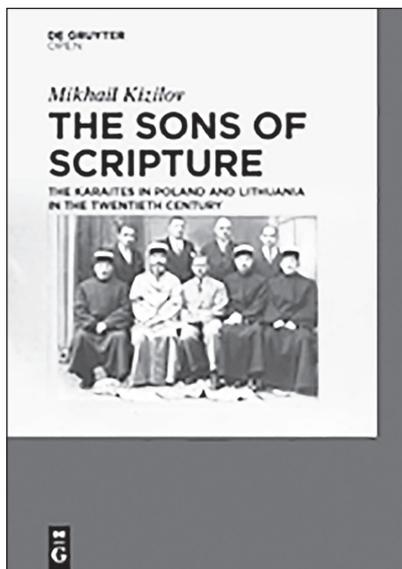
Автор затрагивает целый ряд тем, не получивших должного освещения в научных исследованиях. Среди них — состояние общин Польши, Литвы и некоторых других регионов за пределами Восточной Европы в период между двумя мировыми войнами, их религиозная, политическая и культурная жизнь, пресса, литература, научные исследования и многое другое. Автор пишет также о деятельности некоторых малоизвестных широкому читателю представителей общины, газзанах, издателях, поэтах, политических активистах и т. д. М. Кизиллов уделяет особое внимание одной из ключевых политических фигур, лидеру восточноевропейских караимов Серайе Шапшалу (1873–1961), оказавшему решающее влияние на процесс тюркизации караимов в Восточной Европе в XX веке. Автор рассматривает истоки его «тюркской» идеологии, ма-

лоизвестные сферы его биографии и деятельности, включающую изобретение аутентичных символов и фольклора, а также последствия его влияния на восточноевропейские караимские общины до и после Второй мировой войны.

Особую ценность исследованию М. Кизилова придают многочисленные архивные материалы, собранные автором на протяжении многих лет его работы в библиотеках и архивах различных стран, которые он широко использует в своей книге. Крайне важными источниками являются также караимская пресса, публикации по истории и антропологии, официальные документы различных чиновников, заметки путешественников, исследователей, политиков и многое другое. Все эти источники написаны на караимском, иврите, польском, русском, немецком, итальянском, французском и некоторых других языках,

владение которыми позволило автору осуществить столь разностороннее и фундаментальное исследование и написать этот важный труд.

Книга М. Кизилова является важнейшим вкладом в изучение современной истории и культуры караимов Литвы и Польши. Она, вероятно, повлияет на все последующие исследования специалистов по караимизму, привлечёт внимание историков восточноевропейского еврейства, а также широкой публики, интересующейся еврейской культурой, историей и литературой.

Н. Н. Колесникова

Крымская война (1853–1856) в периодических изданиях 2015–2016 годов

Александров С. К вопросу об артиллерийском вооружении англо-турецких редутов в сражении при Балаклаве 25 октября 1854 г. / С. Александров // *Military Крым*. — 2016. — № 2 (27). — С. 18–22.

Анохина А. Ю. Причерноморье в Крымской войне. Героическая оборона Севастополя 1854–1855 гг. / А. Ю. Анохина // *Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства : к 75-летию начала Великой Отечественной войны*: сб. науч. ст. / ред. А. В. Баранов ; М-во образования и науки РФ ; Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 2016. — С. 95–98.

Артюхин Ю. В. Бомбардировка эскадрой англо-французских канонерок побережья Азовского моря в разгар Восточной войны 1853–1856 гг. / Ю. В. Артюхин // *Крым в войнах России : материалы Всерос. науч. конф.* (Ростов н/Д, 19–21 окт. 2015 г.) / ред. Г. Г. Матишов, А. В. Венков, С. И. Лукьяшко ; Федер. агентство науч. орг. ; РАН ; Юж. науч. центр. — Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2015. — С. 99–107.

Бабинов Ю. А. Гражданское мужество святителя Иннокентия (Борисова) в годы Крымской (Восточной) войны / Ю. А. Бабинов // *Иннокентьевские чтения, посвящённые 215-летию святителя Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического : тез. докл. и сообщений* (Севастополь, 6–9 июня 2015 г.) / ред. В. В. Майко [и др.] ; ГБУК г. Севастополя НЗ «Херсонес Таврический» ; ГБНУ РК «Институт археологии Крыма» ; Симферопольская и Крымская епархия. — Севастополь, 2015. — С. 5–6.

Банникова У. К. Крымская война: Москва — Севастополю : по страницам газеты «Московские ведомости» той поры / У. К. Банникова // *Московский журнал*. — 2015. — № 9 (сент.). — С. 8–17.

Бахчисарай периода Крымской войны (1853–1856) в литературе и искусстве XIX — начала XXI века // *Бахчисарай в литературе и искусстве* / [авт.-сост.] И. Б. Арбитайло ; ред. Э. Б. Петрова. — Симферополь : Бизнес-Информ, 2015. — С. 66–74.

Быковская Н. В. Керчь после Крымской войны / Н. В. Быковская // *Керченская старина : научно-популярные статьи по истории города и его окрестностей*. — Вып. 1 / ред.-сост. Н. В. Быковская, Н. В. Небожаева, В. Ф. Санжаровец ; *Вост.-Крым. ист.-культ. музей-заповедник*. — Симферополь : Бизнес-Информ, 2015. — С. 47–57.

Быковская Н. В. Неизвестная война / Н. В. Быковская // *Керченская старина : научно-популярные статьи по истории города и его окрестностей*. — Вып. 1 / ред.-сост. Н. В. Быковская, Н. В. Небожаева, В. Ф. Санжаровец ; *Вост.-Крым. ист.-культ. музей-заповедник*. — Симферополь : Бизнес-Информ, 2015. — С. 29–46.

Вакулова Т. В. Цивилизационное измерение Крымской войны / Т. В. Вакулова // *Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства : к 75-летию начала Великой Отечественной войны* : сб. науч. ст. / ред. А. В. Баранов ; М-во образования и науки РФ ; Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 2016. — С. 85–90.

Варнашова Е. Ф. Подвиг Севастополя, русской армии и флота в православной традиции / Е. Ф. Варнашова // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства : к 75-летию начала Великой Отечественной войны : сб. науч. ст. / ред. А. В. Баранов ; М-во образования и науки РФ ; Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 2016. — С. 90–95.

Вахонеев В. В. Гибель союзнического флота Крымской кампании у берегов Евпатории (по результатам подводных исследований 2013 г.) / В. В. Вахонеев // Военно-исторические чтения : материалы II междунар. науч.-практ. конф. (Керчь, 17–19 февр. 2014 г.) / ред. Т. В. Умрихина [и др.] ; Керч. ист.-культ. заповедник ; Керч. гос. мор. технол. ун-т ; ГБУК КК «Краснодар. гос. ист.-археол. музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына». — Симферополь : Бизнес-Информ, 2015. — С. 49–51.

Голиков А. ...И двуглавый орёл накрыл садком турецкую индюшку : Карикатура как жанр информационной войны за Босфор и Дарданеллы / А. Голиков // Родина. — 2016. — № 4. — С. 98–102.

Дмитриева В. В. К проблеме реформирования Морского министерства во второй половине XIX века / В. В. Дмитриева // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства : к 75-летию начала Великой Отечественной войны : сб. науч. ст. / ред. А. В. Баранов ; М-во образования и науки РФ ; Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 2016. — С. 113–117.

Конеев А. Н. Дунайская военная флотилия в Крымской войне (1853–1856 гг.) / А. Н. Конеев, А. О. Вербовой // Военно-исторический журнал. — 2015. — № 7. — С. 27–28.

Крымская мемуаристика времён осады Севастополя (Комаровский Е. Е. Записки о крымском поручении в 1855 году) / сост. Р. Цуркан // Православие и медицина. — 2015. — № 1–2 (22–23). — С. 88–107.

Лесли О. Н. «Фельдмаршалский жезл» полковника Безобразова. О герое Первой обороны Севастополя Василии Васильевиче Безобразове (ок. 1833–1879) / О. Н. Лесли // Московский журнал. — 2016. — № 2. — С. 70–76.

Лучинский Ю. В. Джон Дилейн и информационная политика газеты «The Times» в период Крымской войны / Ю. В. Лучинский // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства : к 75-летию начала Великой Отечественной войны : сб. науч. ст. / ред. А. В. Баранов ; М-во образования и науки РФ ; Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 2016. — С. 103–106.

Ляшук П. М. Из истории французского торгового городка Камьеш под Севастополем в 1854–1856

гг. / П. М. Ляшук // Military Крым. — 2015. — № 1 (26). — С. 3–9.

Ляшук П. М. Письма мичмана Иванова / П. М. Ляшук // Military Крым. — 2015. — № 1 (26). — С. 10–11.

Матвеев В. А. Исторический опыт России противостояния угрозе разрушению государства после завершения Крымской войны / В. А. Матвеев // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства : к 75-летию начала Великой Отечественной войны : сб. науч. ст. / ред. А. В. Баранов ; М-во образования и науки РФ ; Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 2016. — С. 8–12.

Миргородский А. Гибель «Джаспера» (1855 г.) / А. Миргородский // Military Крым. — 2016. — № 4 (29). — С. 3–11.

Новикова Е. В. Учебные заведения в годы Крымской войны / Е. В. Новикова // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства : к 75-летию начала Великой Отечественной войны : сб. науч. ст. / ред. А. В. Баранов ; М-во образования и науки РФ ; Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 2016. — С. 110–113.

Носкова Э. А. Последствия Восточной (Крымской) 1853–1856 гг., Великой (Первой мировой) 1914–1918 гг., Великой Отечественной 1941–1945 гг. войн в истории Катерлезского Свято-Георгиевского монастыря / Э. А. Носкова // XVI Таврические научные чтения : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. «Великая Отечественная война и культурное наследие России». — Ч. 2 / отв. ред. Т. И. Казакова, Е. Б. Вишневская ; ред.-сост. Н. В. Аникин ; М-во культуры РФ ; М-во культуры РК ; ФГБУК «Гос. центр. музей совр. истории России» ; ГБУ РК «Центр. музей Тавриды». — М. : ГЦМСИР, 2016. — С. 79–91.

Первых Д. К. Политическая карикатура и лубок периода Крымской войны (на материале журнала «Современник» 1854–1856 гг.) / Д. К. Первых, В. В. Первых // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского : науч. журн. Сер. Филологические науки. — Т. 1 (67). — 4 / ред. Г. Ю. Богданович. — Симферополь : КФУ, 2015. — С. 73–79.

Пинчук С. А. Защитники Балаклавы стойко сражались в течение 5 часов, «быв окружены со всех сторон неприятелем из 30 тысяч англо-французов... в 300 раз сильнее...» / С. А. Пинчук // Военно-исторический журнал. — 2015. — № 9. — С. 3–11.

Пинчук С. А. Рапорт командира Балаклавского греческого пехотного батальона. Малоизвестные подробности боя 14 (27) сентября 1854 г. за Балаклаву / С. А. Пинчук // Military Крым. — 2015. — № 1 (26). — С. 25–36.

Поляков Г. «Их слава так чиста, их жребий так возвышен...». Почему каждый россиянин должен побывать на Братском кладбище Севастополя / Г. Поляков // Родина. — 2016. — № 1 (январь). — С. 26–31.

Родионов А. А. Обострение Восточного вопроса и начало Крымской войны в общественном мнении США / А. А. Родионов // Труды междисциплинарной научно-практической конференции «III Феодосийские научные чтения» (21–22 мая 2015 г.) / авт.-сост. А. А. Евсеев, А. А. Родионов; МБУК «Феодос. музей древностей муницип. образования город округ Феодосия РК»; СПб. филиал ФГБУН Ин-т океанологии им. П. П. Ширшова РАН. — Феодосия, 2015. — С. 44–48.

Роковое: «Начинайте...»: рукописные заметки (из записок Берга) о штурме Севастополя (1855 г.) и взятии Малахова кургана в том же году (по материалам Государственного архива Рязанской области) // Military Крым. — 2016. — № 4 (29). — С. 12–14.

Рыбак И. В. Концепция Крымской войны в русской дипломатии XIX в. / И. В. Рыбак // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства: к 75-летию начала Великой Отечественной войны: сб. науч. ст. / ред. А. В. Баранов; М-во образования и науки РФ; Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 2016. — С. 106–110.

Смирнов А. А. «Севастопольская страда»: Крымская кампания 1854–1856 годов / А. А. Смирнов // История Крыма / Рос. воен.-ист. о-во. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. — С. 197–247.

Смолин Н. Гладко только на бумаге: о форменном обмундировании государственного Подвижного ополчения / Н. Смолин // Military Крым. — 2015. — № 1 (26). — С. 12–24.

Степаненко С. А. Оборона станицы Петровской азовскими казаками в 1855 г. / С. А. Степаненко // Крым в войнах России: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов н/Д, 19–21 окт. 2015 г.) / ред. Г. Г. Матишов, А. В. Венков, С. И. Лукьяшко; Федер. агентство науч. орг.; РАН; Юж. науч. центр. — Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2015. — С. 78–86.

Тикиджьян Р. Г. Участие донских казаков и армян в обороне Приазовья и г. Таганрога в период Крымской (Восточной) войны 1853–1855 гг. / Р. Г. Ти-

киджьян, Е. В. Ведяшкина // Крым в войнах России: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов н/Д, 19–21 окт. 2015 г.) / ред. Г. Г. Матишов, А. В. Венков, С. И. Лукьяшко; Федер. агентство науч. орг.; РАН; Юж. науч. центр. — Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2015. — С. 93–98.

Урушадзе А. Т. Крымская война на Кавказе: противостояние на два фронта? / А. Т. Урушадзе // Крым в войнах России: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов н/Д, 19–21 окт. 2015 г.) / ред. Г. Г. Матишов, А. В. Венков, С. И. Лукьяшко; Федер. агентство науч. орг.; РАН; Юж. науч. центр. — Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2015. — С. 87–92.

Филаткина Н. А. Василий Александрович Кокорев (1817–1889): очерк жизни и деятельности / Н. А. Филаткина // Московский журнал. — 2015. — № 8. — С. 28–46.

Хорошилова О. Как крестьянский валенок победил дворцовые аксельбанты / О. Хорошилова // Родина: российский историч. журнал. — № 3. — М., 2015. — С. 62–65.

Шадская М. В. «Лев Николаевич много рассказывал о войне» / М. В. Шадская // Военно-исторический журнал. — 2015. — № 6. — С. 56–57.

Шпакова И. Е. Некрополи Севастополя периода Восточной (Крымской) войны — национальные духовные святыни / И. Е. Шпакова // Военно-исторические чтения: материалы II междунар. науч.-практ. конф. (Керчь, 17–19 февр. 2014 г.) / ред. Т. В. Умрихина [и др.]; Керч. ист.-культ. заповедник; Керч. гос. мор. технол. ун-т; ГБУК КК «Краснодар. гос. ист.-археол. музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына». — Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. — С. 241–245.

Щербинина Ю. В. Крымская война 1853–1856 гг. и мобилизационные ресурсы русской армии в середине XIX в. / Ю. В. Щербинина, П. П. Щербинин // Крым в войнах России: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов н/Д, 19–21 окт. 2015 г.) / ред. Г. Г. Матишов, А. В. Венков, С. И. Лукьяшко; Федер. агентство науч. орг.; РАН; Юж. науч. центр. — Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2015. — С. 73–77.

Эрлихман В. Крымская война доктора Пирогова / В. Эрлихман // Историк. — 2016. — № 4 (апр.). — С. 24–29.

Календарь событий

Н. В. Кармазина

50 лет Крымскому обществу охраны памятников: итоги и перспективы

История сохранения культурного наследия в Крыму хорошо прослеживается в деятельности Крымского общества охраны памятников истории и культуры, которому в 2016 году исполнилось 50 лет.

Культурное наследие — это духовный, экономический и социальный капитал огромной ценности, который, наравне с природными богатствами, является главным основанием для национального самоуважения и признания России в мировом сообществе. Наследие во многом формирует менталитет, утверждает преемственность гуманитарных ценностей и сохраняет традиции. Сохранение культурного наследия — основа дальнейшего развития общества, это конституционная обязанность каждого гражданина страны. Памятники истории и культуры представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия.

В Крыму Общество охраны памятников истории и культуры (как областное отделение Украинского общества охраны памятников истории и культуры) начало функционировать в 1966 году. Оно сразу стало региональным центром, консолидирующим общественно-профессиональные силы в сфере сохранения, реставрации, изучения, пропаганды памятников истории и культуры полуострова, а также контроля за соблюдением законодательства об их охране и использовании.

На протяжении своего существования Крымская областная организация внесла весомый вклад в выявление и сохранение историко-культурного насле-

дия Крыма. При участии Крымской организации были отреставрированы памятники архитектуры — церковь Иоанна Предтечи в Керчи, усадьба Палласа и Петропавловский собор в Симферополе, мечеть Джума-Джами в Евпатории, церковь Иоанна Златоуста и Армянская церковь в Ялте, фонтан Айвазовского в Феодосии и другие. По инициативе общества изготавливались охранные знаки, сооружались монументы, проводились реконструкция и благоустройство мемориальных мест.

В разные годы Крымскую организацию возглавляли: историк Сергей Анатольевич Секиринский, зампреда председателя Крымского облисполкома Р. Н. Чепурина, а с 1986 года председателем Крымской организации стала зампреда председателя Крымского облисполкома Т. А. Красикова.

Историко-филологический факультет Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе стоял у истоков создания Общества, и сегодня исторический факультет Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского вновь принимает активное участие в жизни его воссозданной структуры. Осуществляется научно-исследовательская работа по изучению объектов археологии, вопросов становления и развития в Крыму системы охраны культурного наследия, архивного и музейного дела, проводятся работы по выявлению, обследованию и популяризации объектов культурного наследия. Научно-педагогические работники участвуют в организации и проведении охранно-спасательных археологических исследований на выявленных объектах археологического на-

следования в связи с реализацией проекта «Сооружение электросетевого Энергомоста “Российская Федерация — полуостров Крым”».

Крымское республиканское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее ВООПИиК) было учреждено в апреле 2014 года с целью вовлечения в свои ряды подвижников охраны культурного наследия в городах и районах Крыма, содействия органам государственной власти в реализации единой памятникоохранной политики и совершенствования законодательства, осуществления государственной охраны, контроля и надзора, популяризации объектов культурного наследия, сотрудничества с ведущими общественными и политическими движениями региона.

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры — единственная всероссийская общественная организация, уставными задачами которой являются осуществление функции общественного органа охраны наследия и профессиональное содействие государству в деле охраны, сохранения, современного использования и популяризации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. ВООПИиК работает в тесном контакте с федеральными органами власти, государственными органами охраны памятников в регионах, Общественной палатой России, Союзом архитекторов России и другими творческими союзами и общественными объединениями.

Аварийное состояние значительной части объектов культурного наследия, градостроительные скандалы и ошибки приводят к уничтожению аутентичности исторических городов. Отсутствие единой в национальных масштабах стратегии сохранения культурного наследия требует постоянного взаимодействия органов государственной власти с общественностью для достижения общественного компромисса в сфере развития исторических городов, выработки эффективных мер по сохранению культурного наследия.

Площадкой, консолидирующей крымскую общественность для поиска совместных с госорганами решений по сохранению памятников истории и культуры, является Общественный совет при Госкомитете по охране культурного наследия Республики Крым. В его состав входят представители Крымского республиканского отделения ВООПИиК, Общественной палаты Республики Крым, Союза реставраторов Крыма и Севастополя, рабочей группы по культурному наследию Общероссийского народного фронта и др. На заседаниях Общественного совета обсуждаются актуальные проблемы сохранения богатого культурного наследия полуострова, организовано взаимодействие с комиссиями, комитетами и про-

чими структурами Совмина и Госсовета РК, проводится независимая антикоррупционная экспертиза принятых нормативных и правовых документов, осуществляется контроль реализации федеральной целевой программы в части, касающейся объектов культурного наследия Республики Крым, рассматриваются проекты генеральных планов городов.

Крымской общественностью активно организуется взаимодействие с общеобразовательными организациями, профессиональными образовательными организациями. Значительное внимание уделяется вопросам популяризации культурного наследия в рамках культурно-просветительской деятельности со студенческой молодёжью: проводятся различные массовые мероприятия, круглые столы, научно-практические конференции.

Сегодня при содействии членов Крымского республиканского отделения ВООПИиК формируется система непрерывного профессионального образования в сфере градостроительства, реконструкции и реставрации объектов культурного наследия на базе Академии строительства и архитектуры ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» с целью подготовки профильных специалистов. Разрабатываются программы повышения квалификации, профессиональной переподготовки, осуществляется работа по раннему профессиональному самоопределению и выбору образовательной траектории в сфере культурного наследия, а также уделяется внимание вопросам вторичной профессиональной ориентации бакалавров академии. Всё это позволяет совершенствовать систему профессионального образования в области изучения, охраны и популяризации культурного наследия.

Члены КРО ВООПИиК инициировали открытие новых междисциплинарных образовательных программ: «Управление пространственным развитием городов» и «Реконструкция и реставрация градостроительных объектов» по направлению подготовки «Градостроительство» в Академии строительства и архитектуры для подготовки кадров для сферы реставрации и архитектуры, которые получают навыки эффективного сохранения исторической застройки, музеефикации историко-архитектурного наследия.

Традицией Крымского республиканского отделения стало ежегодное проведение научно-практической конференции «Актуальные проблемы охраны и использования культурного наследия Крыма» с целью популяризации историко-культурного наследия Крыма, привлечения учёных, представителей органов государственной власти, учащейся молодёжи к проблемам охраны и эффективного использования памятников истории и культуры полуострова.

По инициативе КРО ВООПИиК всероссийская научно-практическая конференция состоялась в Гурзуфе 7–9 октября 2016 года. В ней приняли участие сотрудники Научно-исследовательского центра крымоведения и охраны культурного наследия Республики Крым, Государственной архивной службы Республики Крым, научно-педагогические работники исторического и юридического факультетов Таврической академии, архитектурно-строительного факультета Академии строительства и архитектуры КФУ имени В. И. Вернадского, Крымского республиканского отделения ВООПИиК и республиканской организации профсоюза работников народного образования. Среди подавших заявки для участия в конференции — краеведы, музейные работники, преподаватели, представители общественных организаций Москвы, Новгорода, Самары, Санкт-Петербурга, Симферополя и Севастополя.

Доклады были посвящены современным проблемам охраны, использования и популяризации объектов культурного наследия России и Крыма, вопросам истории охраны и использования культурного наследия России и Крыма, вкладу выдающихся деятелей науки и культуры в сохранение культурного наследия России и Крыма. Отдельные выступления освещали вопросы популяризации культурного наследия средствами массовой информации, поднимались проблемы реконструкции и реставрации объектов культурного наследия Крыма, нормативно-правового регулирования этой деятельности в Российской Федерации, обсуждался опыт общественно-государственного партнёрства в области сохранения культурного наследия в России.

Первый заместитель председателя Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры Артём Демидов рассказал об опыте работы по охране культурного наследия в различных регионах Российской Федерации, об интересных молодёжных проектах в этой области, а также вручил памятные награды крымским подвижникам сферы охраны культурного наследия.

Решением президиума Центрального совета ВООПИиК за большой личный вклад в дело сохранения историко-культурного наследия Крыма были награждены медалями «За заслуги в сохранении наследия Отечества» заместитель председателя Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым Вячеслав Зарубин, директор Научно-исследовательского центра крымоведения и охраны культурного наследия Республики Крым Александр Хливнюк, старший научный со-

трудник НИЦ крымоведения и охраны культурного наследия РК Ольга Сергеева, председатель Совета КРО ВООПИиК Наталья Кармазина и др. Знак «За активное участие в работе Общества» вручён заместителю директора Научно-исследовательского центра крымоведения и охраны культурного наследия Республики Крым Наталии Ачкинази, старшему научному сотруднику этого учреждения Татевик Саргсян и младшему научному сотруднику Виктору Боброву. Звание «Почётный член ВООПИиК» присвоено старшему научному сотруднику НИЦ крымоведения и охраны культурного наследия РК Владимиру Гурковичу.

Сегодня в планах Крымского республиканского отделения ВООПИиК — открытие постоянно действующего лектория для обучающихся в общеобразовательных учреждениях и организациях профессионального образования, в котором будут презентовать многообразное наследие народов Крыма, рассматривать возможные пути его сохранения. Цель заключается не только в том, чтобы передать молодому поколению традиции, но и помочь людям найти своё призвание. Успешной практикой в Крыму должно стать и привлечение волонтеров из числа обучающихся к реализации проектов, связанных с сохранением и восстановлением объектов исторического и культурного наследия, к созданию молодёжных движений в деле сохранения культурного наследия.

На сегодняшний день Крымским республиканским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры разрабатывается концепция социально значимого культурно-просветительского проекта популяризации объектов культурного наследия крымских городов. Реализация проекта основывается на конституционном праве граждан РФ на доступ к культурным ценностям. Комплекс запланированных мероприятий предполагает проведение бесплатных экскурсий для граждан по историческим местам Крыма с посещением недоступных в обычное время объектов культурного наследия. Кроме того, в рамках программы пройдут интересные мероприятия, мастер-классы и т. д.

Подводя итоги, ещё раз подчеркнём, что деятельность общественности по сохранению культурного наследия направлена на мониторинг состояния памятников истории и культуры, выработку конкретных мер по сохранению объектов культурного наследия, развитие профессионального образования, воспитание обучающихся образовательных учреждений на основе культурного наследия.

Список сокращений

АДСВ	Античная древность и Средние века
АЛОИА	Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР
АН	Архитектурное наследие
АРГО	Архив Русского географического общества
Внешторг РСФСР	Народный комиссариат внешней торговли РСФСР
ВСНХ	Высший совет народного хозяйства
ГАГС	Государственный архив города Севастополя
ГАРК	Государственный архив Республики Крым
ГИМ ОПИ	Государственный исторический музей, отдел письменных источников
Главнаука	Главное управление научными и научно-художественными учреждениями Наркомпроса РСФСР
ГОСНИИР	Государственный научно-исследовательский институт реставрации
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ИНК	Историческое наследие Крыма
ИРНБУВ	Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского
ИРЛИ	Институт русской литературы
ИТОИАЭ	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК	Известия Таврической учёной архивной комиссии
КИПУ	Крымский инженерно-педагогический университет
Крымнаркомфин	Народный Комиссариат Финансов Крымской АССР
КрымСНК	Совет Народных Комиссаров Крымской ССР, АССР
КрымЦИК	Центральный Исполнительный Комитет Крымской ССР, АССР
КФУ	Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
ИТОИАЭ	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
МАИАСК	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
МГИАИ	Московский государственный историко-архивный институт
МСб	Морской сборник
НАН України	Національна академія наук України
Наркомпрос РСФСР	Народный комиссариат просвещения РСФСР
Наробраз	Наркомат народного образования
НКВМФ СССР	Народный комиссариат Военно-морского флота СССР
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ПСЗРИ	Полное собрание законов Российской империи
ПФАРАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
РГАВМФ	Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГБ ОР	Российская государственная библиотека, отдел рукописей
РНБ ОР	Российская национальная библиотека, отдел рукописей
РОССПЭН	Российская политическая энциклопедия (издательство)
СГАИМК	Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
ТЕВ	Таврические епархиальные ведомости
ТУАК	Таврическая учёная архивная комиссия
УТОПСК	Українське товариство охорони пам'яток історії та культури
ЧК	Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией
ХЕВ	Херсонские епархиальные ведомости
AFP	Archivum Fratrum Praedicatorum
AGAD	Archiwum Główne Akt Dawnych
AKW	Archiwum Koronne Warszawskie
AOASH	Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae

Научно-популярное издание

Историческое наследие Крыма

Сборник статей

Редактор *Г. Н. Гржибовская*
Технический и художественный редактор
Е. В. Мажарова
Корректор *Т. Н. Юкало*
Вёрстка *Т. Н. Юкало, А. В. Климашенок*

Адрес редакции:
295011, г. Симферополь, ул. Гоголя, 14,
тел./факс: (0652) 24-76-62
Сайт: www.commonuments.crimea-portal.gov.ua
e-mail: monuments@ark.gov.ua

Подписано в печать 06.12.2016
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 28,9. Тираж 500 экз.

Издательство ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

Типография ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908